СИБИРСКИЕ ОГНИ

3

МАЙ-ИЮНЬ

1928

39149

CHICAGO

К статье тов. Итина пропущено примечание, сообщающее, что статья печатаеся в дискуссионном порядке. Одновременно редакция должна отметить, что в жунале „На Ленинском Пути" та же статья названа автором „Критика критики" и примечание к ней („Сиб. Огни" стр. 231) редакцией журнала „На Ленинском Пути" не напечатано.

75 1934

330=2-50

ГОД ИЗДАНИЯ СЕДЬМОЙ

Основной фонд

С-341

СИБИРСКИЕ ОГНИ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

КНИГА ТРЕТЬЯ

МАЙ—ИЮНЬ

СИБИРСКАЯ КРАЕВАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

Зап.-Сибирская Краевая Научная Библиотека Инв. № 39149

851.

НОВОСИБИРСК
1928

Сибкрайлит № 1074 от 23 апреля 1928 г. Гор. Новосибирск, типография СКС, Советская, № 6. Наряд № 998. Тираж 2000 экз.

ВЯЧЕСЛАВ ШИШКОВ.

Истоки

(Из романа «Угрюм-река»).

Уж ты, матушка Угрюм-река,
Государыня, мать, свирепая.
(Старинная песня).

I.

ИБРАГИМ-ОГЛЫ. ПЕРОЧИННЫЙ НОЖИЧЕК.

На спольи, где город упирался в перелесок, стоял покосившийся одноэтажный дом. На крыше вывеска: *«Стой. Црулна. Стрыжом, брэим первы зорт»*.

Горец Ибрагим-Оглы из переселенцев, хозяин этой цырульни, целыми днями лежал на боку или где-нибудь шлялся, и только лишь вечером в его мастерскую заглядывал разный люд.

Ибрагим-Оглы, кроме искусства ловко стричь и брить, был известен пьющему люду городских окраин, как человек, у которого в любое время найдешь запас водки. Вечером у Ибрагима клуб: пропившиеся двадцатники—так звали здесь чиновников—мастеровщина-матушка, какое-нибудь забулдыжное лицо духовного звания, старьевщики, карманники, цыгане, да мало ли какого народа находило отраду под гостеприимным кровом Ибрагим-Оглы. А за последнее время стали захаживать к нему кой-кто из учащихся. Отнюдь не дешевизна водки прельщала их, а любопытный облик хозяина, этого разбойника, каторжника. Пушкин, Лермонтов, Толстой—впечатления свежи, ярки, сказочные горцы бегут со страниц и манят юные мечты куда-то вдаль, в ущелья, под чинары. Ну, как тут не зайти к Ибрагиму-Оглы? Ведь это ж сам таинственный дьявол с Кавказских гор. В плечах широк, в талии тонок, и алый бешмет, как пламя. А глаза, а хохлатые черные брови: взглянет построже—убьет. Вот, чорт!

Но посмотрите на его улыбку, какой он добрый, этот Ибрагим. Улыбнется, тряхнет плечами, ударит ладонь в ладонь: алля-алля-гей!—да как бросится под музыку лезгинку танцовать. Вот вы тогда полюбуйтесь Ибрагимом...

Заглядывал сюда с товарищами и Прохор Громов.

Музыка давно кончила последний марш, трубы остыли, и турецкий барабан пьет теперь в трактире сиводрал. Сад быстро стал пустеть. Дремучий, вековой, огромный: нередко в его трущобах даже среди бела дня бывали грабежи. Скорее по домам: мрачнел осенний, поздний вечер.

Прохор Громов, ученик гимназии, сдвинул на затылок фуражку и, насвистывая кек-уок, тоже направился к выходу.

Вдали послышался стчаянный многоголосый крик, словно граял на отлете табун грачей. Прохор Громов остановился:

«Драка»,—и он припустился на голоса прямиком, через клумбы цветов и мочежины.

— Бей!

Он треснул по голове бежавшего ему навстречу мальца. Опытным глазом забияки он быстро окинул поле битвы: на площадке, где обычно играла музыка, шел горячий бой между «семинарами» и «гимназерами». К той и другой стороне приставали мещане, хулиганы, всякий сброд.

— Ура! ура!..

— Гони кутью в болото!

— Ребята!.. наших бьют!..

Прохор Громов выхватил перочинный нож и помчался за бегущими. В нем все играло диким озорством, захватывало дух. Рядом с ним неслись кулачники, где-то пересвистывались полицейские свистки, трещали трещетки караульных, лаяли псы.

— Полиция!—и все врассыпную.—Лезь по деревьям!..

Но буйный нож Прохора, наметив жертву, уже не мог остановиться. Прохор набежал на парня, с звериной сладостной злобой полоснул его ножом. И сразу отрезвел.

— Полиция!..—с гамом мелькали возле него пролетающие тени.—Айда на-утек!

Прохор Громов вскочил на решетку и, разодрав об железо шинель, перепрыгнул.

— Ага! Есть! О, ножом, дьяволенок!—сгреб его в охапку полицейский, но он, как налим, выскользнул из ярых рук и—стемглав вдоль улиц.

— Жулик! Имай! Держи!—но Прохор юркнул в темный проулок, затаился.

Успокоившись, он закурил. На правой руке кровь. Пот со лба струился ручейками к носу. Прохор отер платком лицо.

— А где ж картуз?—и сердце его сжалось. Новая его фуражка с четкой надписью на козырьке «Прохор Громов», очевидно, попала в руки полицейских. Прохор перестал дышать. Он уже слышит грозный окрик директора гимназии, видит раненого парня, полицию, тюрьму, каторгу. Боже мой! Что ж делать?..

— К Ибрагиму.

Да, к Ибрагиму-Оглы. Он посоветует, он спасет, выручит. Ибрагим все может. И Прохор, вздохнув, повеселел.

Он отворил дверь и задержался у порога. В комнате человек пять его товарищей, гимназистов. Ибрагим правил бритву и спорил с восьмиклассником Кольчугиным.

— Ну, Ибрагим, обрей, пожалуйста.

— Нэт!

— Ну, хоть первым номером...

— Никаким!..

— Я тебе хорошо заплачу.

— Ишак... нэ панымаешь?.. Зачем красоту снымать?—он стал ласково ерошить его густые волнистые волосы,—видышь мой голова, совсэм плохой—арбуз...—и он провел ладонью по своему голому черепу, большому и угловатому, как сундук.—Иди другой црулна... Айда-айда! А-а!.. Прошка?!

Прохор поманил Ибрагима, они вошли в соседнюю комнату и притворили дверь. Чуть не плача, Прохор стал рассказывать. Он ходил взад-вперед, губы его прыгали, руки скручивали и раскручивали кончик ремня. У Ибрагима черные глаза загорались.

— Я за ним... Он от меня... Я выхватил нож...

— Маладэц!.. Далшэ!..

— Я его, вгоречах, ножом...—упавшим голосом сказал Прохор.

— Цх! Зарэзал?..—радостно вскричал черкес.

— Нет, ранил...

— Дурак!

— Я его тихонько... перачинным ножичком, маленьким,—оправдывался Прохор.

— Дурак! Кынжал надо... Вот, на!..—горец сорвал со стены в богатой оправе кинжал и подал Прохору.—Подарка!

— Да что ты, Ибрагим...—сквозь слезы проговорил Прохор.—Меня исключат... Ты посоветуй... Как быть?..—Прохор опустился на табурет и сгорбился...—Главное, фуражка... По фуражке узнают...

— Плевать! Товарища-кунака защищал, себя защищал. Рэзать нада! Трусить нэ нада... Джигит будэшь!..

На громкий его голос один за другим входили гимназисты.

— Ружье тьфу! Кынжал—самый друг, самый кунак!..—крутил горец сверкающим кинжалом.—Ночью Капказ едем свой сакля. Лес, луна, горы... вижу—бэлый чалвэк на дороге. Крычу—стоит, еще крычу—стоит, третий раз—стоит. Снымаим винтовка, стрэляим—стоит... Схватыл кынжал в зубы, палзем... подползаим... Размахнулся—раз! Глядим—бабья рубахам на веревке. Цх!

Все захохотали, а Прохор печальчо улыбнулся и вздохнул. Ибрагим сел на пол, сложил ноги калачиком, потом вдруг вскочил:

— Ну, не хнычь... Все справим... Идем! Кажи, гдэ?

Прохор пошел за Ибрагимом.

— Стой!—остановился тот.—Дэнги нада, платить нада. Полиций бэгать. Гимназий бэгать... Дырехтур стрычь-брыть дарам... не бойся... Ибрагишка все может.

Он рылся в карманах, лазил в стол, в сундук, вытаскивал оттуда деньги и засовывал их за голенища своих чувяков.

— Айда!

II.

ГНЕЗДО. «СО ВСЕГО КОРЕНЮ ВЗЫЩЕТСЯ». ПРОКЛЯТЫЙ КЛАД.

Лето дряхлело, умирало. После жаров вдруг дыхнуло холодом. Завыл густой, осенний ветер. С севера тащились сизые, в седых лохмах, тучи. Печаль охватила зеленый мир. Тучи ползут и ползут, льют холодным дождем, грозят снегом. Потом упрутся в край неба, остановятся над тайгой и с тоски, что не увидать им полдневных стран, плачут, без конца, пока не изойдут слезами.

Заимка Громовых, что крепость: вся обнесена сплошным бревенчатым частоколом. Верхушки бревен заострены и окованы, как копья: лихому человеку не перемахнуть. Ворота грузные, в железных лапах. Вход в них порос травой, они, должно быть, редко отмыкались. Рядом с воротами—высокая калитка, чтобы можно было проехать всаднику. В стене прорублены дозорины. Два сторожа смену держат, все кругом видят. А что за высокой стеной—с воли не видать. Вот если залезть на вершину сосны, что стоит на краю поляны, да раздвинуть ветки, увидишь: в середке бревенчатого

четырехугольника красуется просторный, приземистый, новый, под железом, дом. Он в прошлом году срублен. А раньше жили вот в том, посеревшем от времени, флигеле, что прячется за домом. А еще раньше, когда дедушка Данило Громов на это место сел, он жил с женой в маленькой хибарке. Ее тоже берегут, не ломают: пусть внуки-правнуки ведают, посматривая на покосившуюся, об одном конце, черную избенку с кустом бузины на крыше, с чего начал дед и до каких хором своими руками достукался.

Откуда пришел сюда Данило Прохорыч почти семьдесят пять лет тому назад—никто не знал.

— Какое кому дело?.. Пришел, да и весь сказ... Из берлоги вылез,— говорил старик.

И верно. Сначала один, как медведь, корежил тайгу, потом сына Петра поднял. Мельницу-мутовку на речке сделали, пасеку завели, пушнину у звероловов скупали, копейку берегли.

И чрез тягостный черный труд, чрез плутни, живодерство, скупость постепенно перекочевывали из хибарки во флигель, из флигеля в просторный новый дом.

А теперь, весь сухой, в позеленевшей бороде, лысый, но с прежним орлиным взглядом, древний Данило лежал на кровати, под ситцевым голубым пологом.

Ночь была.

— Петька!—позвал он сына.—Петька! да встань ты, встань...—и закашлялся, и зашептал молитву.

В соседней комнате скрипнула кровать.

— Бегу, батюшка!—и в одном белье, босиком шагнул к Даниле чернобородый, лохматый Петр.

— Зажги лампадку.

Петр, что-то бормоча, тревожно зажег лампадку: час был неурочный.

— Подь сюда... Умираю...

У Петра сердце ударило в грудь, сладко замерло и часто забилось: наконец-то родитель в одночасье сделает сына богачом.

— Петя,—взял он его за руку.—Вот и конец... вот и...

Петр вздохнул и пристально поглядел в орлиные глаза старика.

— Ничего, батюшка. Может еще...

— Нет, сынок... Крышка...—Старик тяжело задышал:—Ох, дакось воды... Помочи голову.—Он взглянул на колыхавшийся огонек лампадки и перекрестился:—Прости, заступница... Вот, Петька, ты теперь один останешься. Ну, прости меня, душегуба... Разбойник я... Деньги... там... Сосну с развилиной знаешь у Зуева болота?.. Ну, отмерь на закат двадцать два шага, камнище найдешь... От камнища три печатных сажени влево: тут...

Петр затаил дыхание, глаза его жадно заблестели, золотой звяк взыграл в ушах.

— На добрые дела... На упокой души... А то—погибель мне будет: там не простится, с вас взыщется, с тебя, с Прошки, со всего кореню нашего.. Церковь сделай... Бедным... богаделенку построй какую..: Слышишь?

— Слышу, батюшка... Сполню...

— Перекрестись... Встань на колени... Клянись...

Петр дал клятву. Потом спросил:

— А сколько, батюшка... всего-то?

— Много, Петька... Ох, большой у меня камень на душе... Убил я... убил, брат, Петька...: Душу загубил...

— Кого же ты?

— Ну, зачем... Ну... вот опосля скажу. Отходить когда буду... в тот свет... теперича еще, може, оклемаюсь. Буди Марью... Зови Прошку. Да-а... ведь он в науке... Зря!.. Не надо бы. Зови попа... Пусть Гараська верхом смахает в Медведево... Стой, стой!.. подожди-ка... Ну, ладно... Покличь Марью

Петр плохо понимал, что говорит отец. Пред его глазами стояла сосна, серел покрытый мохом вросший в землю камнище, блестели и сладко позванивали червонцы, а дальше... разливным морем гудела новая вольная жизнь—радость.

Петр наскоро чмокнул отца в холодный потный лоб, брезгливо отер губы и тряхнул головой:

— Батюшка, благослови.

— Бог тебя благословит. Иди, покличь.

Петр расставил локти, благодарно взглянул на лучистый огонек у образов и радостно зашлепал босыми ногами по крашеному полу.

— Марья, батюшка зовет! Вставай!..—потрепал по плечу жену.—Ну, шевелись...

— Чего такое?—поднялась та, щурясь на зажженную свечу.—А ты куда это?

— А куда надо... за попом,—бросил Петр, вытаскивая из-под кровати болотные сапоги и суетливо обуваясь:

— Черти... Смазать не могли. Как дерево, твердые, не лезут... Дьяволы.

Петр стучал грузными сапогами, отыскивал пиджак и, закусив губы, вышел вон. Скорей... Проверить... Он отлично помнит этот камень, много раз отдыхал на нем во время охоты.

— Господи! А вдруг да кто-нибудь нашел.

Терзаясь неизвестностью: богач он или так себе, ни в тех ни в сех, он спустился с крыльца во двор и покликал Шарика. Тот подкатился к нему серым комом, заюлил возле ног, и, обнюхав болотные сапоги, вопросительно взглянул на пустые руки: а где ружье?

— Лука, отопри-ка,—сказал Петр караульному,—с батюшкой чегой-то худо...

— А сам-то куда?

— Да тут, недалече,—смутился Петр и нахлобучил шляпу.—Слушайка, Лука. Ты шагай-ка, парень, на кухню. Может, от хозяйки наказ какой выйдет. За попом али что. Ежели за попом—Гараську пошли, пусть Каурку заседлает, а под попа—Сивку.

— Плох, говоришь, старик-от?

— Плох.

Белобрысый, маленький горбун Лука, жалеючи, почмокал губами, покрутил головой и, сдернув мокрую шапку, перекрестился.

Петр быстро шагал знакомой тропой, Шарик бежал впереди. Мелкий дождь настойчиво поливал тайгу. Утоптанная тропинка была скользка. Фонарь светил тускло, и Петр раза два натыкался лицом на сучья.

Он спустился в глухую балку и перешел вброд шумливый поток. Путь сделался труднее, без тропы. Пробираясь сквозь чащу, царапая себе лицо и руки, Петр чутьем, как волк, отыскивал направление. Он шел через тьму напролом, потрескивая сухим хворостом. Мысль его усиленно работала, весь он был в зыбком угаре. Он то становился выше ростом, шире в плечах: тогда перед ним вставала новая, богатая, еще неизведанная жизнь на виду у всех, чтоб про него гул по земле катился, чтоб трубы трубили, колокола бухали. То вдруг мечты проваливались в яму: вновь делался он маленьким-маленьким,

его жизнь замыкалась навеки в бревенчатом частоколе, что опоясал колдовской чертой их таежную заимку.

Петр приподнял фонарь и водил им кругом, соображая, куда итти.

— Ага! Зуево болото.—Он огладил Шарика и пошел прямиком.—Вот и сосна.

Он отыскал обомшелый, тот самый, камень и отсчитал три сажени влево. Висевший на суку фонарь бросал мутный свет под его ноги. Он разгреб пласт хвой с перегноем и стал копать.

Шарик посовал носом в пахучую раненую землю, посмотрел на хозяина и тоже принялся скрести передними лапами, откидывая назад большие комья. Петр взял лом и прощупал яму во всех углах. Лом глубоко уходил в грунт. Пусто. Стал копать в другом месте. Пусто. Петра брало нетерпение. Выбившись из сил, он подошел к камню, сел и закурил трубку. Сердце его ныло, фонарь остался там на суку, а здесь, у камня, тьма. Петр посмотрел туда, и ему показалось, что фонарь покачивается, а ветра нет.

— Шарик!—крикнул он и посвистал.

Кто-то слегка ткнул его повыше пятки. Петр вскочил:

— Ты?

Шарик ластился к нему. Фонарь теперь висел недвижно, но железная лопата там, в яме, цокает о землю и скрипит. Петра затрясло:

— Черти роют...

В яме копошилось серое, седое.

«Заклятый клад»...

— Шарик! Узы! Узы!..

И Петр, как сумасшедший, алчно бросился к яме. «Надо говорить, надо кричать... А то—жуть».

Шершавым голосом твердил вслух, роя землю:

— Ай да дедушка Данило... Вот так это отец. Ничего, ладно... Душегуб... А? Хорошая наша порода. Шарик, как ты полагаешь? А? Дедушка-то, Данило-то? Знаешь, который костей-то тебе после обеда выносил?.. Чудно... А посмотреть—святитель—станови в иконостас... Копай! Чего лежишь. Шарик!

Но пес, вытянув лапы, смирно лежал и чужими бесовскими глазами смотрел хозяину в лицо.

— Ну! Ты,—озлился на собаку Петр.—Смотри веселей!

Кругом тьма, жуть. Петр все чаще озирается по сторонам. Кто-то окликает его, ухает, посвистывает, кто-то в дерево ударил. Но Петр не допускает в душу страх. Поливал дождь и холодными струйками стекал со шляпы за ворот. Петр терял терпение. Лопата на что-то натыкалась, глухо звуча. Петр подносил фонарь и со злобой видел толстые, перевившиеся, как змеи, корни со свежими на них белыми ранами.

— Не здесь,—он бросил лопату...—Старый чорт... наврал.

Он вновь тщательно отмерял три сажени и стал рыть чуть поправее.

В тайных глазах собаки сверкнул огонь. «Батюшки, да ведь это не Шарик... Ведь это сатана»... По спине мороз.

— Аминь, аминь! Рассыпься!!—и с левого плеча наотмашь. Шарик отскочил. «Нет настоящий».

— Шарик, Шарик!.. Ты?

Но тот, поставив уши торчком, шагнул вперед и заворчал на тьму... Послышался чуть внятный крик:

— «А-а-ааа...».

Собака ощетинилась, подняла нос и, втягивая сырой воздух, осторожно пошла верхним чутьем на смолкший голос

— Господи Христе...—встревожился Петр и окликнул Шарика, но тот, шурша хвоями, скрылся.

— «А-а-ааа»—вновь почудилось из тьмы, и где-то тявкнул Шарик.

Петр насторожился, переступил ногами: в сапогах жмыхала вода.

— Запугать хочет...—Он вытащил из-под рубахи наружу крест.—Нука... С нами Бог!—поплевал на руки, расставил ноги и со всего маху, крякнув, долбонул ломом землю. Звякнул металл. Он, припрыгнув, ударил немного правее.

— С нами Бог!—Лом вновь стукнулся о металл и скользнул.

Забыв про холод, сбросив пиджак, в одной рубахе, напрягая сильные мускулы, Петр швырял землю, как мягкий пух.

— А ну! А ну!

Мрак серел. Занималось пасмурное утро.

Петр спустился в яму и, разгребая руками черную грязь, выворотил из земли большой котел.

— Ху-хуууу!.. —взвыл он пьяной кровью и вытащил из котла кожаную суму. Он тряхнул, сума звякнула.

— Золото...

Его руки плясали, лицо улыбалось. На него, виляя хвостом, смотрел Шарик.

— Шарик!.. Шаринька!.. Эва! Видал?!

Он схватил его в охапку и стал крутиться с ним возле ямы. Стиснутый пес кряхтел, молол хвостом. А Петр притопывал, ухал, подсвистывал и хохотал.

— Папаша!..

Петр врос в землю и выпустил Шарика. Пред ним стоял всадник. Поодаль, в сереющей тьме, всхрапывала другая лошадь.

— Папашенька... Это я...—сказал Прохор. Он соскочил с седла и несмело стал подходить к тяжело пыхтевшему, чуть попятившемуся от него отцу.

Вдруг отец резко нагнулся и выхватил из-за голенища нож.

— Убью!!—Как медведь на дыбах, он встал возле сумы, сверкал ножом, и тяжело, с присвистом, дышал.—Проходи, проходи!.. Не отдам... Эва!.. Крест... Рассыпь! Фу!!.

— Да что ты, папаша!..—испугавшись, плаксиво крикнул сын.

— Прошка? Ты?!

— Я... Ночевали тут вот... Заблудились... Ты чего в грязи?.. Мокрый?..

— Так, Прошка... Ничего. Ну, айда домой... Дедушка Данило хворает... Плох. А ты пошто приехал?

— Исключили меня... уволили.

Дома они узнали, что их отец и дед, древний Данило, преставился в ночи.

III.

ПРИКАЗ ОТЦА. ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ.

Торговое село Медведево стояло при реке.

Петр Громов перебрался с семьей сюда. Он живо выстроил двухэтажный дом со светелкой и открыл лавку.

Прохору очень нравилась кипучая работа. Он разбивал рулеткой план дома, ездил с мужиками в лес, вел табеля рабочим и, несмотря на свои семнадцать лет, был правой рукой отца.

— Ну, Прошка, далеко пойдешь,—говорил он сыну.

— А как же, папаша, насчет школы-то...

— Ну, чего там... Дома выучишься... У меня другое в голове...

Он любовно осматривал Прохора, его тонкую, высокую фигуру, орлиный, из-под густых бровей, взгляд и думал: «весь в дедушку Данилу».

Прохор всегда в деле. Улица, катанье с гор, масленичные, веселые дни, посиденки с девками не тянули его. В лавке, в тайге с ружьем, во дворе при доме. Прохор всегда у дела.

Он все старался воду в баню провести при посредстве архимедова винта, как в книжке вычитал, да не сумел. Тогда стал от дровяного склада железную дорогу строить, чтоб можно было в дом дрова возить.

Он много читал, брал книги у священника, у писаря, и прочитанное крепко западало в его голову.

Однажды, перед весной, отец сказал ему за чаем:

— Прохор, вот что, брат... Возьми-ка ты человека да собирайся на Угрюм-реку... Слыхал?

— Надо, папаша, карту...

— Какую еще карту?.. Дай-ка сюда лист бумаги, я тебе срисую... Хоть сам сроду не бывал там, а от бывалых людей слыхивал.

Марья Кирилловна переводила от сына к мужу испуганный взгляд свой и вздыхала.

— Пофыркай!..—притрозил ей Петр.—Раз решено, значит, баста— Он послюнил карандаш и неловко провел по бумаге черту:—Вот это, скажем, дорога от нас в Дылдино, двести сорок верст... Отсюда свернешь на Фролку— верст триста с гаком. Тут река Большой Поток предвидится. Отсюда перемахнешь через волок на Угрюм-реку, в самую вершину.

Купец поставил крест, сказал:

— Это деревня подволочная на Угрюм-реке. Там построишь плот либо купишь большую лодку,—шитик называется,—сухарей насушишь... Да там тебе укажут мужики, что надо. А весной, по большой воде поплывешь вниз.

— Зачем, папаша?—спросил Прохор и взглянул на мать. Из ее глаз текли слезы.—Зачем же мне туда ехать?

— Ну, это не твое дело. Слушай.

И целый час об'яснял Прохору, что он должен делать.

— Река большая... слышал я—три тыщи верст. Она впала в самую огромную речищу, а та—прямо в окиян. Тунгусы, якуты по ней. Там большие капиталы приобрести можно... Будут встречаться торговцы в деревнях, всех расспрашивай и все списывай в книжку. А язык за зубами, кто ты таков, по какому случаю... А просто проезжающий. Ну, вот, милячок, опасности тебе много будет... А может и погибнешь, не дай Боже... Это к тому, что остерегайся, ухо востро держи.

— Не пущу... не пущу!..—заверезжала мать и притянула к себе сына:— Прошенька ты мой, ангел ты мой!..

Петр резко постучал торцом карандаша в столешницу.

— Будя-а-а!..

Мать выпустила Прохора и, горько заплакав, ушла:

Прохор дрожал. Ему хотелось кинуться, утешить мать, но отец взял его за рукав и усадил возле.

— Ух!—выдохнул отец...—Не слушай баб, не обращай вниманья... Иди напролом, никого не бойся, человеком будешь.

— Папаша, а можно мне с собой одного знакомого захватить... Мы с ним вдвоем...

— Кто такой?..

Прохор, волнуясь, рассказал ему о горце. Мать у Ибрагима черкешенка, отец турок, а сам Ибрагим-Оглы называет себя черкесом.

— Верный, говоришь? Так, правильно. Этот народ—либо первый живорез, либо друг, лучше собаки... Валяй!

Прохор повеселел и тут же написал Ибрагиму письмо: «Будешь служить у нас... Папаша положит хорошее жалованье».

Начались сборы. Мать чинила белье, сушила пшеничные сухари, готовила впрок пельмени. Скрепя сердце, она примирилась с от'ездом сына. Петр старался внушить ей, что в коммерческом деле без риску нельзя.

— Вспомни-ка дедушку Данилу, родителя моего... Двадцать раз у смерти в зубах был, а, слава Богу, почитай, до ста лет дожил...

Марья Кирилловна успокоилась.

— ——

Еще дорога не рухнула, стояли последние морозы, приближался март. Вдруг среди ночи громко залились собаки.

«Ибрагим»,—подумал Прохор и сквозь двойные рамы услыхал:

— Отворай!.. Нэ пустишь, через стена перемахнем, всэх собак зарэжим, тебя зарэжим!..

— Ибрагим!—радостно крикнул Прохор, сунул ноги в валенки и выскочил на двор в накинутом бешмете.

— Ну, Прошка, вот и мы...—обнял его горец.—Спасибо, Прошка. Моя все бросил, тайгам любим, слабодный жизнь любим... Ничего, Прошка, едэм... Живой будэшь...

Отцу и матери Ибрагим-Оглы очень понравился. Его разбойничий облик не испугал их: много в тайге всякого народу приходилось встречать.

Прошла неделя.

— Вот, Ибрагим,—сказал ему Петр,—доверяю тебе сына... Я про тебя в городе слыхал... можешь ли быть в роде как телохранителем?

— Умру!—захлебнувшись чувством преданности, взвизгнул горец.—Ежели довераешь, здохнэм, а нэ выдам... Крайность придет всэх зарэжим, его спасем... Их! Давай руку, давай, хазяйн, руку. Ну! Будем кунаки...

Чай пили в кухне, попросту, как при дедушке Даниле,—хозяева и работники вместе. Кухня просторная, светлая, стол широкий, придвинутый в передний угол, к лавкам, идущим вдоль стены. Тут же обычно чаевали и покупатели, и гости, что попроще.

Ярко топилась печь. Кухарка, краснощекая Варварушка, едва успевала подавать пышные оладьи. Масло лилось рекой. Вкусно любили поесть хозяева, да и приказчики с рабочими не отставали.

А хозяйка, Марья Кирилловна, поощрительно покрикивала:

— Ребята, мачите в мед-то!.. С медом-то оладьи лучше.. Ибрагимушка, кушай. Варварушка, садись...

Ибрагим пил чай до шестого пота. Он всегда угрюм и молчалив. Но сегодня его язык развязало полное доверие к нему хозяина.

Ибрагим, обтирая рукавом синего бешмета свой потный череп, говорил:

— Савсэм зря... каторгу гнали...

— За что?—враз спросила вся застолица.

Ибрагим провел по усам рукой, икнул и начал:

— Савсэм зря... Сидим свой сакля, пьем чай. Прибежал один джигит: «Ибрагым, вставай, твоя брат зарэзан!» Сидым, пьем. Еще джигит прибежал: «Вставай, другой брат рэзан!» Сыдим, пьем. Третий прибежал: «Бросай скорей чай, твоя сестра зарэзан!» Тогда моя вскочил,—он сорвался с места и кинулся на средину кухни,—кынжал в зубы, из сакля вон, сам всэх кончал,

семерым башкам рубил! Вот так!—черкес выхватил кинжал и сек им воздух, скрипя зубами.—Вот! Цх!

Все, разинув рот, уставились в дико исказившееся лицо горца.

— Цх-цх!.. Ы-х, проклятый!..—Ибрагим цокнул кинжалом в ножны и выбежал на улицу. Прохор бросился к окну.

— Снегом морду трет... К башке снег прикладывает... В рот взял...—пояснял Прохор. Налегая на него и тяжело дыша, все прилипли к окну, потом врассыпную по местам.

— Уф!..—вошел весь от снега мокрый Ибрагим...—Сэрдце загорелся... Нэ надо вспоминать: Пфе!...—он брезгливо сморщился, сел и придвинул к побелевшей хозяйке свой стакан.

Вскоре Прохор с телохранителем отправились в безвестный дальний путь.

IV.

ДЕНЬ МАРИИ ЕГИПЕТСКОЙ. ТРОЙКА.

Петр Громов после смерти родителя сразу зажил широко.

— Все время на цепи сидел, как шавка... Раскачаться надо, мошной тряхнуть...

И в день Марии Египетской именины своей жены справил на славу. Поздравил ее после обедни и не упустил сказать:

— Ты все-таки не подумай, что тебя ради будет пир горой... А просто так, из амбиции...

Гости толклись весь день. Не успев как следует проспаться, вечером вновь явились—полон дом.

Марья Кирилловна хлопотала на кухне, гостей чествовал хозяин.

Зала—довольно просторная комната в пестрых обоях, потолок расписан петухами и цветочками, а в средине—рожа вельзевула, в разинутый рот ввинчен крюк, поддерживавший лампу со стеклянными висюльками. В простенке—большие круглые часы с густым боем, на столе—бронзовые часы под стеклянным колпаком, выменянные у архиерейского ключаря за две лучших лисьих шкурки. Премия к «Ниве»—«Король жених», два зеркала в золотом багете.

Посреди залы—огромный круглый стол, к нему придвинут поменьше—четырехугольный, специально для «винной батареи», как выражался господин пристав, почетнейший гость, из штрафных офицеров, грудь колесом, навачена, усы большие.

— Ну, вот, гуляйте-ка к столу, гуляйте!—посмеиваясь и подталкивая гостей, распоряжался хозяин в синей, толстого сукна поддевке.—Отец Ипат, лафитцу! Кисленького. Получайте...

— Мне попроще,—басит священник и, елозя рукавом рясы по маринованным рыжикам, тянется к графину.

— А ты сначала виноградного, а потом и всероссийского проствейна,—шутит хозяин,—а то ерша хвати, водки да лафитцу.

— Поди ты к монаху в пазуху,—басит священник.—Чего ради? А впрочем...—он смешал в чайном стакане водку с коньяком:—Ну, дай бог!—и, не моргнув глазом, выпил:—Зело борзо!

Старшина с брюшком, борода темно-рыжая, лопатой, хихикнул и сказал:

— До чего вы крепки, отец Ипат, бог вас храни... Даже удивительно.

— А что?

— Я бы, простите бога ради, не мог. Я бы тут и окочурился.

— Привычка... А потом—натура. У меня папаша от запоя помре. Чуешь?

— Аяя... Царство им небесное,—перекрестился старшина, взглянув на лампадку пред кивотом, и хлопнул рюмку перцовки:

— С именинницей, Петр Данилыч!

— Кушайте во славу... Господин пристав! Чур, не отставать...

— Что вы!.. Я уж третью...

— Какой там, к шуту, счет... Иван Кондратьич, а ты чего?.. А еще писарем считаешься.

— Пожалуйста, не сомневайтесь... Мы свое дело туго знаем,—ответил писарь, высокий, чахоточный, с маленькой бородкой, шея у него—в аршин.

Учительница, угреватая девушка из города, сидела у стены и рассматривала «Ниву».

— Надежда Яковлевна! Ради бога. Гуляйте, гуляйте к столу! Будьте попроще с нами, мужиками... Сладенького рюмочку... Ну, хоть пригубьте..: Закусите... Сижка... Ах, какой сижок... Пожалте!..

Было несколько зажиточных крестьян с женами. Все жены с большими животами, «в тягостях». Крестьяне сначала конфузились станового, щелкали кедровые орехи и семечки, потом, когда пристав пропустил десятую и, чуть обалдев, превратился в веселого теленка, крестьяне стали поразвязней, «дергали» рюмку за рюмкой, от них не отставали и беременные жены.

Самая замечательная из всех гостей, конечно, Анфиса Петровна Козырева, молодая вдова, красавица, когда-то служившая у покойного старца Даниилы в горничных девчонках, а впоследствии вышедшая за ротного вахмистра лейб-гусарского его величества полка Антипа Козырева, внезапно умершего от неизвестной причины на вторую неделю брака.

Бравый пристав, не взирая на свое семейное положение, довольно откровенно пялил сладкие глаза на ее высокую грудь, чуть-чуть открытую.

Она же,—нечего греха таить,—слегка заигрывала с самим хозяином. Угощал хозяин всякими закусками: край богатый, сытный, и денег у купца невпроворот. Нельмовые пупы жирнущие, вяленое, отжатое в сливках мясо, оленьи языки, сохатиные разварные губы, а потом всякие кандибоберы заморские и русские, всякие вина—английских, американских, японских погребов.

Гости осмелели, прожорливо накинулись на яства, говорить тут некогда, громко, вкусно чавкали, наскоро глотали, вновь тыкали вилками в самые жирные куски, и некоторых от об'едения уже бросило в необоримый сон.

Но это только присказка. И лишь пробили стенные десять, а под колпаком—тринадцать, вплыла в комнату сама именинница, кротко улыбаясь бесхитростным лицом и всей своей простой, тихой, в коричневом платье, фигурой.

— Ну, дорогие гостеньки, пожалуйте поужинать...—радушно сказала она.

Все вдруг смолкло: остановились вилки, перестали чавкать рты.

— Поужи-и-нать?!.—хлопнул себя по крутым бедрам отец Ипат, засвистал, присел, потешно схватившись за бороду.—Да ты, мать, в уме ли?—и захохотал.

Пристав закатился мягким, благопристойным смехом и, щелкнув шпорами, поцеловал руку именинницы.

— Пощадите!.. Что вы-с... Еле дышим...

— Без пирожка нельзя... Как это можно,—говорила именинница,—Анфисушка, отец Ипат, пожалуйте, пожалуйте в ту комнату. Гуляйте...

Всех охватило игривое, но и подавленное настроение: животы набиты туго, до отказу,—отродясь такого не было, чтоб обед, а после обеда—этакая сытная закуска, а после закуски—ужин...

Крестьяне стояли, выпучив глаза, и одергивали рубахи, их жены икали и посмеивались, прикрывая рот рукой.

Однако, повинуясь необычному гостеприимству, толпой повалили в столовую. Отец Ипат доротой корил хозяина:

— А почему бы не предупредить... Я переложил дюже... Эх, Петр Данилыч... А впрочем... Могий вместити да вместит... С чем пирог-то? С осетром, небось? Фю-фю... Лю-ю-блю пирог!

За столом шумно, весело. Поначалу как-будто гости призадумались, налимью уху кушали с осторожностью, пытая натуру: слава богу, в животах полное благополучие, для именинного пирога места хватит. А вот некоторые в расчетах зело ошиблись и после пятого блюда, а именно—гуся с кашей, отец Ипат, за ним староста и с превеликим смущением сам господин пристав куда-то поспешно скрылись, якобы за платком в шинели иль за папиросами, но вскоре пожаловали вновь, красные, утирая заплаканные глаза и приводя в порядок бороды.

— Анфиса Петровна! Желаю выпить... только с тобой. Чуешь?—звонко, возбужденно говорил хозяин и тянулся чокнуться с сидевшей напротив него красавицей-вдовой.

— Ах, чтой-то, право,—жеманилась Анфиса, надменно, со злой усмешкой посматривая на именинницу.

— Ну, не ломайся, не ломайся... Эх, ты, малина!.. Ведь я тебя еще девчонкой вот этакой, голопятенькой знавал...

— А где-то теперича Прошенька наш?..—вздохнула Марья Кирилловна, усмотрев, как моргает нахальная вдова купцу, а тот...

— Прохор теперь большо-о-й,—сказал отец Ипат, аппетитно, с новым усердием обгладывая утиную ножку.—Надо бога благодарить, мать... Вот чего...

— Да ведь край-то какой... А он—мальчишка, почитай.

— Смелым бог владеет, мать... Поминай в молитвах, да и все...

— Вы помяните у престола, батюшка...

— Помяну, мать, помяну... Ну-ка, клади, чего там у тебя? Поросенок что ль? Смерть люблю поросятину... Зело борзо!..

— А ну, под поросенка!—налил пристав коньяку.—Хе-хе-хе!.. Ваше здоровье, дражайшая!—крикнул он, и так искусно вильнул глазами, что на его приветствие откликнулись сразу две женщины:

— Кушайте, кушайте!—Анфиса и Марья Кирилловна.

— А поросенок этот, простите бога ради, доморощенный?—поинтересовался старшина, которого начало изрядно пучить,—отличный поросенок... Видать, что свой... Вот у меня, в третьем годе...

— Анфиса!.. Анфиса Петровна!.. настоящая ты пава...

— Кто? Кто такой?

— Прошенька-то, ведь, у меня единственный...

— Ах, хорош, хорош паренек, простите великодушно.

— Петрован!.. Слышь-ка... Данилыч... Эй! Хозяин!

— Погодь! Дай ему с кралей-то,—развязали языки крестьяне.

— Эх, на тройках бы... Анфиса! А?

— На тройках?.. Зело борзо!..—вскрикнул веселый отец Ипат...—Мать, чего там у тебя еще?..

Притащили гору котлет из рябчиков.

— Мимо... не желам!..—закричал белобородый румяный старик.—Ух, до чего!.. Аж мутит.

— Нет, мать... Ты этак нас окормишь.

— Кушайте, дорогие гости, кушайте.

— Ешь, братцы, гуляй!.. Царство небесное родителю моему... Капиталишко оставил подходящий...

— А ты на церковь жертвуй! Духовным отцам своим.

— На-ка, выкуси! Хxха-ха... Мы еще сами поживем... Анфиса, верно?

— Наше дело сторона,—передернула та наливными, круглыми плечами.

— А вот киселька отведайте!.. С молочком, с ватрушечками. Получайте.

— А подь ты с киселем-то... Ну, кто едет?... Эй, Гараська! Крикни кучеру... Тройку!..

— Постыдись!—кротко сказала жена, сдерживая раздражение.

— К чорту кисели, к чорту!..

— Нет, Петр Данилыч... Погоди, постой... До киселька я охоч...—и священник, икая, наложил полную тарелку

— Господа, тост!..—звякнул пристав шпорами и, браво крутя ус, покосился на ясное загоревшееся лицо Анфисы.—Уж если вы, Петр Данилыч, решили широко жить, давайте по-благородному. Тост!

— К чорту тост! К чорту по-благородному!—махал руками, тряс кудлатой бородой хозяин:—тройку... Анфисушка, уважь!..

— Постыдись, ты, Петруша... Людей-то постыдись...

— Людей?.. Ха-ха...—и, вынув пухлый бумажник, хлопнул им в ладонь.—Во!.. Тут те весь закон...

После ужина затеяли плясы. Но у плясунов пьяные ноги плели бог знает что, и от обжорства всех мутило. Отец Ипат, выставив живот, тяжело пыхтел в углу, вдавившись меж ручек кресла.

— Окормила ты нас, мать, зело борзо. Ведь этакой прорвой пять тысяч народу насытить можно...

— Едем!—появился Петр Данилыч в оленьей дохе и пыжиковой с длинными наушниками шапке.—Анфиса! Батя!..

И в тесной прихожей, где столпившиеся гости тыкались пьяными головами в чужие животы, в зады, Петр Данилыч громко, чтоб все слышали, говорил оправлявшей пуховую шаль вдове:

— Хоть я, может, и не люблю тебя, Анфиса... при всех заявляю и при тебе равным манером, отец Ипат... Что мне ты, Анфиска? Тьфу!.. Из-под дедушки Данилы горшки носила. Ну, допустим, рожа у тебя... это верно, что и все такое, скажем, в аккурате... Одначе, сдем кататься вместях. На зло бабе своей... Реви, фефела, реви!.. Едем, Анфиска!!!

Под звездным ядреным небом все почувствовали себя бодрее. Отец Ипат прикладывал к вискам снег и отдувался.

Тройка вороных смирно ждала.

— Марковай, слезовай!—шутливо проблеял батя кучеру Марку, копной сидевшему на козлах в вывороченной вверх мехом яге и собачьих мохнатках.

— Слезовай, Марковай!

— А ты сам, батя, что ли?.. Мотри, кувырнешь хозяина-то,—покарабкалась с козел, бухнула вниз, в сугроб копна.

— Ну, скоро вы?—горел нетерпением купец.

— Живчиком!.. Марковай, ну-ка засупонь меня... Не туго!.. пошто туго-т[illegible]?!—хрипел отец Ипат.—Аж глаза на лоб... Уф!.. Ну, и нажрался...—Пе-

ретянутый кушаком по большому животу, он взгромоздился на козлы, забрал в горсть возжи и, взмахнув кнутом, залихватски свистнул:

— Ну-у вы!.. Богова мошкара... фють!!.

Гладкие кони закусили удила, помчались. На первой же версте, на повороте, сани хватились о пень, седоки врезались торчмя в глубокий сугроб, а тройка, переехав священника санями, скрылась.

— Править бы тебе, кутья прокислая, дохлой собакой, а не лошадьми!—выпрастывая из снега хохотавшую Анфису, сердился Петр Данилыч.

— Но, но... Ты полегче...—подбирая меховую скуфью с рукавицами, огрызался отец Ипат.—И не на таких тройках езживали.

Вся сельская знать, бывшая на именинах, мучилась животами суток трое. Отец Ипат благополучно отпился огуречным рассолом, пристав перепробовал все средства из походной аптечки Келлера, староста выгонял излишки банным паром, редькой.

А сам хозяин неделю ходил с завязанной шеей и не мог поворотить головы.

— Ямщичок,—чортов угодничек,—брюзжал он на попа.

V.

РАБ БОЖИЙ ПАВЕЛ. КРЫЛАТАЯ ЯРМАРКА.

На реку Большой Поток наши путники прибыли ранней весной. Могучая река даже в межень достигала здесь трехверстной ширины, а теперь разлилась на необозримые пространства. Острова были покрыты водой, и только щетки затопленного леса обозначали их границы.

Кое-где еще плыли одинокие льдины, иной раз такие огромные, что, казалось, на каждой из них смело могли бы разместиться деревни три-четыре с пашнями и лугами. На матерых берегах лежали высокие торосы выброшенного льда, отливавшего на солнце цветами радуги.

Картина была привольна, дика, величественна. Скользящая масса воды замыкалась, с одной стороны, скалистым, поросшим густолесьем, берегом, с другой—сливалась с синей далью горизонта. Вечерами ходили вдали туманы, а утренней зарей тянулись седые низкие облака. Когда вставало солнце, всегда зачинался легкий ветерок, и рябь реки загоралась. Ни деревень, ни сел. Впрочем, вдали виднелась церковь. Это село Почуйское, откуда поедут в неведомый край Прохор с Ибрагимом-Оглы.

Прохор сделал визит почуйскому священнику. Тот сидел в кухне, пил водку и закусывал солеными груздями.

— А ты не осуждай... Мало ли чего...—встретил он гостя.—Мы здесь все пьем понемножку. Скука, брат. Да и для пищеваренья хорошо. И пищу мы принимаем с утра до ночи: сторона наша северная, сам видишь. А ты кто?

Прохор назвал себя.

— А-а... Так-так... То-есть, тунгусов грабить надумали с отцом? Дело. Пьешь? Нет? А будешь? По роже вижу, что будешь... Примечательная рожа у тебя, молодец... Орленок!.. И нос, как у орла, и глаза...—батюшка выпил, пожевал грибок.—Прок из тебя большой будет... Ты не Прохор, а Прок... Так я тебя и поминать у престола буду, ежели ты полкотенки пожертвуешь...

— Эх, господи,—кто-то вздохнул в темном углу.—Прок, что бараний рог, оборот сделает, да барану в глаз.

Прохор оглянулся. У печки—конопатый мужик лет сорока пяти, плечистый, лысый, вяжет чулки.

— Это Павел,—пояснил батюшка,—слепорожденный. Прорицает иногда. А что, раб божий Павел, разве чуешь?

— Чует сердце. Начало хорошее, середка кипучая, а кончик—ееей!..—слепец перекрестился и вздохнул.

— А ты выдыш конца, слепой дурак?!—крикнул Ибрагим.—Шарлатан, борода волочить надо за такой слова. Чего ребенка мутишь?

— Эх, господи... Татарин что ли это?—поднял незрячие глаза раб божий.

Батюшка усмехнулся, шепнул Прохору:

— Прохиндей, не верь... Дурачка ломает,—и громко:—А вот скоро пожалуют сюда с плювучей ярмаркой купцы.

— С плювучей?—переспросил Прохор.—Интересно.

Через два дня, на закате солнца, Прохор встречал эту ярмарку. Вдали забелели оснащенные парусами баржи. Течение и попутный ветер быстро несли их к селу. Белыми лебедями, выставив выпуклые груди парусов, они плыли друг за другом.

— Сорок штук... Ибрагим, красиво?—залюбовался Прохор.

Вскоре ярмарка открылась: выкинули флаги, распахнули двери плювучих магазинов. Зачалося торжище.

Все село высыпало на берег, выезжали из тайги с огромными караванами оленей якуты и тунгусы, по вольному простору реки со всех сторон скользили лодки: надо торопиться окрестным селам и улусам: через три дня ярмарка двинется дальше, за сотни верст.

С ранней весны до поздней осени плывет она на дальний север, заезжает в каждое богатое село и, наконец, останавливается в Якутске. Там все распродается, баржи бросаются на произвол судьбы, и обогатившиеся торговцы, вместе с отлетающими в теплый край птицами, возвращаются домой.

Вечером Прохор Громов обошел всю плювучую ярмарку и остановился у самого нарядного магазина. От берега, борт к борту, счалены три баржи. На каждой—дощатые, в виде дачных домов, надстройки. Разноцветные по карнизу фонари и вывеска: «*Торговый дом Груздев с сыновьями*».

Прохор вошел в первую баржу-магазин: все полки завалены мануфактурой, сияли четыре лампы-молнии, покупатели жмурились от ослепительного света, желтый шелк и ситец полыхали от ловких взмахов молодцов-приказчиков. Тунгусы стояли как бы в оцепенении, не зная, что купить, только причмокивали безусыми губами. Пахло потом, керосиновой копотью и терпким каленым запахом от кубовых, кумачных тканей.

Хозяин, глава дома, Иннокентий Филатыч Груздев—седой, круглобородый, круглолицый старик—очки на лоб, бархатный картуз на затылок—едва успевал получать деньги: звонким ручейком струилось золото, серебряной рекой текли круглые рубли, осенним листопадом шумели бумажки. Шум, говор, крик.

— Уважь, чего ты!.. Сбрось хоть копейку.

— Дешевле дешевого... Резать, нет?

— Гвоздья бы мне... Есть, гвоздье?

— Проходи в крайний...

— А крендели, где у вас тут?

Зап.-Сибирский краевой
Инв. № 20140
Научный отдел

Прохор стоял у стены и улыбался. Ему нравится весь этот шумливый торг: вот бы встать за прилавок да поиграть аршинчиком.

— Раздайсь! Эй, ты, деревня!—вдруг гаркнул вошедший оборванец с подбитым глазом.—Прочь, орда! Приискатель прет! Здорово, купцы!!—он хлопнул тряпичной шапкой о прилавок, изрядно испугав дородную, покупавшую бархат, попадью.

— Почем?—выхватил приискатель из рук матушки кусок бархату.

— Семь с полтиной... Проходи, не безобразь,—сухо сказал приказчик.

— Дрянь! Дай высчий сорт... Рублев на двадцать,—прохрипел оборванец.—Да поскореича! Знаешь, кто я таков? Я—Иван Пятаков,—куплю и выкуплю. У меня вот здесь,—он хлопнул по карману,—два фунта золотой крупы, а тут вот самородок поболе твоей нюхалки. Чуешь?

«Сам» мигнул другому молодцу. Тот весело брякнул на прилавок непочатый кусок бархату:

— Пожалте! Выше нет. Специально для графьев.

— Угу, хорош,—зажав ноздрю, сморкнулся приискатель.—А лучше нет? Ворс слаб... ну, ладно. Сколько, ежели на пару онуч?

— На пару онуч?—захлопал глазами приказчик.—Тошь, портянок?..

— Аршина по два!..—крикнул «сам» и благодушно засопел.

— Это уж ты по два носи! Дай по четыре, либо, для ровного счета, по пяти.

Когда все было сделано, он швырнул броском две сотенных бумажки, сел на пол:

— Уйди, орда!—и стал наматывать бархат на свои грязнейшие прелые лапы, напялил чирки-бахилы, притопнул:

— Прочь, деревня! Иван Пятаков жалает в кабак патишествовать... Кто вина жрать хочет, все за мной!... Гуляй, наша...

И, задрав вверх козью бороду, пошел на берег. Длинные полосы бархату, вылезая из бахил, ползли вслед мягкими волнами.

Удивленные примолкшие покупатели враз все заговорили, засмеялись.

— Ну, и кобылка востропятая!

— Вот какие народы из тайги выползают. Прямо тысячники...—сказал «сам» мягким масляным баском.—А к утру до креста все спустит... Смее-ешной народ...

До самой ночи гудела ярмарка. Но купец Груздев затворил магазин рано:

— Почин, слава те Христу, добер. Надобно и отдохнуть. Ну-ка, чайку нам да закусочки... с гостеньком-то,—скомандовал он и взял Прохора за руку.—Пойдем, молодчик дорогой, ко мне в берлогу... Знакомы будем... Так, стало-быть, по коммерческой части? Резонт. Полный резонт, говорю. Потому, купцу везде лафа. И кушает купец всегда пироги с начинкой да со сдобной корочкой. Ну, и богу тоже от него полный почет и уваженье.

Из мануфактурного отдела они через коломянковые расшитые кумачом занавески прошли во вторую баржу: «бакалею и галантерею».

Купец отобрал на закуску несколько коробок консервов:

— Я сам-то не люблю в жестянках, для тебя это. А я больше уважаю живность. Купишь осетра этак пудика на 2, на 3 да вспорешь, ан там икры фунтиков поболе десятка, подсолишь да с лучком... Да ежели под коньячок, ну-у, чорт тя дери!—захлебнулся купец и сплюнул. Сладко сглотнули и приказчики.

— Эх, Прохор Петрович... Хорошо, мол, жить, на белом свете. Вот я—старик, а тыщу лет бы прожил. Вот те Христос. Нравится мне все это: работа, труд, а когда можно—гулянье. Ух, ты-ню!

— Мы еще с вами встретимся... Вместе еще поработаем.

— О-о-о... А кой тебе годик, молодец хороший?

— Восьмнадцатый.

— О-о-о!.. Я думал—года двадцать два. Видный парень, ничего. А капиталы у тятьки есть?

— Тятька не при чем. Я сам буду миллионщиком!—и глаза Прохора заиграли задором.

Купец засмеялся ласково, живые черные глазки его потонули в седых бровях и розовых щеках, он хлопнул Прохора по плечу, сказал:

— Пойдем, парень, хлебнем чайку. Поди, девчонки-то заглядываются на тебя? Ничего, ничего... Хе-хе...

До полночи вразумлял его Иннокентий Филатыч, как надо плыть неведомой рекой, что надо высматривать, с кем сводить знакомство. Прохор слушал внимательно и кое-что заносил для крепости в книжку. Сидели они в небольшой комнате об одно оконце. Тут была и походная кровать с заячьим одеялом, и три, с лампадкой, образа, возле которых висела гитара.

Старик курил папиросы 3 сорт «Трезвон», прикладывался к коньячку, крестился на иконы, лез целоваться к Прохору и, под конец, всплакнул:

— Ну, и молодчага ж ты, сукин сын, Прошка... Вот тебе Христос. Женю... Девка есть у меня на примете. Сватом буду. Запиши: город Крайск. Яков Петрович Куприянов, именитый купец, медаль имеет. Ну, медаль—миндаль, нам тьфу! А есть у него дочка, Ниночка... Понял? Так и пиши, едрит твою в кочерыжки...

Весело возвращался Прохор домой. Вдоль берега костры горели. У костров копошились, варили оленину, лежали, пели песни охмелевшие тунгусы в ярких цветных своих, шитых бисером, костюмах, меховых чикульманах, черные, волосатые, с заплетенными косичками. Пылало пламя, огнились красные повязки на черных головах, звучал гортанный говор.

Небо было синее, звездное. Месяц заключился в круг. Большой Поток шумел, искрились под лунным светом проплывавшие остатки льдов.

Через три дня ярмарка двинулась на понизово. Первыми снялись и всплеснули на утреннем солнце потесями-веслами баржи Груздева.

— Только бы на стрежь выбиться!—весело покрикивал старик,—а там подхватит.

Дул сильный встречный ветер, он мешал сплаву: баржи, преодолевая силу ветра, едва двигались на понизово. Но человеческий опыт знал секрет борьбы. С каждой стороны в носовой части баржи принялись спускать в волны водяные паруса.

Прохор, не утерпевший проводить ярмарку до первого изгибня реки, с жаром, засучив рукава, работал. Ему в диковинку были и эти водяные паруса, и уносившиеся в вольную даль расписные пловучие строенья.

— Нажми, нажми, молодчики! Приударь! Гоп-ля!

Рабочие, колесом выпятив грудь и откинув зады, пружинно били по воде длинными гребями.

— Держи нос на стрежень! Сваливай, свали-ва-й!—звонко неслось над широкой водной гладью.

— Ха-ха! Смешно,—посмеивался Прохор, помогая рабочим.—В воде, а паруса... Как же они действуют?

На палубе лежала двухсаженная из дерева рама, затянутая брезентом. Ее спустили в воду, поставили стоймя, одно ребро укрепили в притык к борту, другое расчалили веревками к носу и корме. С другого борта, как-раз против

этой рамы, поставили вторую. Баржа стала походить на сказочную рыбу с торчащими под прямым углом к туловищу плавниками.

— Очень даже просто...— Та-аперича пойдет,—пояснил бородач-рабочий и засопел.

Прохор догадался сам: встречный ветер норовил остановить баржу, а попутное течение с силой било в водяные паруса и, противодействуя ветру, перло баржу по волнам. Барже любо-весело: звенит-хохочет бубенцами, что подвешаны к высоким мачтовым флюгеркам, увенчанным изображением св. Николая. Поскрипывают греби, гудят канаты воздушных парусов, друг за другом несутся баржи в холодный край.

Бодрей плывите, крылатые гости! И ты, Никола, строгий старик Христов, блюди путь легкий, вели солнцу пуще согревать обмороженную землю: много ль радостных минут у человека, жизнь его не длинней, чем всплеск волны...

Разгульный ветер встречу, встречу, а струи в паруса—несутся гости.

— Хорошо, чорт, забирай!—встряхнул плечами Прохор, его взгляд окидывал с любовью даль.

— У-у-у... благодать!.. Гляди, зыбь-то от солнышка каким серебром пошла. Ну, братцы, подходи, подходи... С отвалом!—кричал хозяин и тряс соблазнительно блестевшей четвертью вина.

Пили, крякали, утирали бороды, закусывали собственными языками, вновь подставляли стакашек:

— Ну, Иннокентий Филатыч, мне пора уж,—сказал Прохор.

Старик поцеловал его в губы.

— Плыви со Христом. А про Нинючку попомни. Эй, лодку!

И когда Прохор встал на твердый берег, с баржи Груздева загрохотали выстрелы.

— До свиданья-а-а!.. Счастливо-о-о!!—надсаживался Прохор и сам стал палить из револьвера в воздух.

На барже продолжали бухать, прощальные гулы катились по реке.

Прохор быстро пришел в село. У догоревших костров валялись пьяные обобранные купцами инородцы, собаки жрали из котлов хозяйский остывший корм, какая-то тунгуска, почти голая, в разодранной сверху донизу одежде, обхватив руками сроду нечесанную голову, выла в голос.

А в стороне, у камня, раскинув ноги и крепко зажав в руке бутылку водки, валялся вверх бородой раб божий Павел и храпел. На его груди спал жирнущий поповский кот, уткнув морду в недовязанный чулок.

Прохор постоял над пьяным прорицателем, посмеялся, но в юном сердце шевельнулся страх: а ну, как он колдун? Прохор сделался серьезен, щелкнул в лоб кота и положил на храпевшую грудь слепого гривенник:

— На, раб божий, Павел, прими.

VI.

ПУТЬ НАЧАТ. ГРОМ И МОЛНИЯ.

— Я простоквашу, Танечка, люблю. Принеси нам с Ибрагимом крынку,—сказал поутру Прохор хозяйской востроглазой дочери.

— Чисас, чисас,—прощебетала девушка, провела под носом указательным пальцем и медлила уходить—загляделась на Прохора.

— Адин нога здэсь, другой там... Марш!!—крикнул Ибрагим в шутку, но девица опрометью в дверь.

— Цх! Трусим?.. Ничего. Ну, вставай, Прошка, пора. Сухарь дорогу делать будем, шитик конопатить будем. Через неделю плыть: вода уйдет.

Прохору лень подыматься: укрытый буркой, он лежал на чистом крашеном полу и рассматривал комнату зажиточного мужика-таежника. Дверь, расписанная немудрой кистью прохожего бродяги, вся в зайчиках утреннего солнца. Семь ружей на стене: малопулька, турка, медвежиное, централка, три кремневых самодельных, в углу рогатина-пальма, вдоль стен—кованые железом сундуки, покрытые тунгусскими ковриками из оленьих шкур—кумалáнами. На подоконниках груда утиных носов—игрушки ребятишек. Образа, четки, курильница для ладона. В щели торчит большой, с оческами волос, медный гребень, под ним—отрывной календарь; в нем остались только числа, а нижние края листков со святцами пошли на «козьи ножки», на цыгарки.

Открылась дверь, сверкнула остроглазая улыбка.

— Давай, дэвчонка... Нэ, пугайся. Я мирный,—сказал Ибрагим.

— Чего мне тебя, плешастого, пугаться-то?—огрызнулась Таня,—я с тятенькой на ведмедя хаживала.—Потом улыбчиво сказала:—Вставай, молодец... чего дрыхнешь! А на гулянку к нам придешь?

— Приду,—Прохор сбросил с себя бурку и стал одеваться.

Девушка услужливо подавала ему шаровары, сапоги, полотняную блузу и все дивилась на его белье:

— Богач какой ты, а? Ишь ты, буковки... Кто вышивал-то? Поди, краля? И чего она, дуреха... на подштанниках вышила, а рубаху не расшила. Поди, она богачка?.. Поди, один сахар ест да пряники... А часто с ней целуешься?..—юлила Таня, стрекотала, и Прохор никак не мог от волнения застегнуть пуговку на вороте. А Таня так и надвигалась полной грудью, виляла лукавыми, дразнящими глазами.

— Цх! Ишь—язва!—прищелкнул пальцами Ибрагим.—Дэржи ее!..

Девушка с звонким смехом опять бросилась вон.

Ибрагим взглянул на Прохора. Тот закинул руки, привстал на цыпочки, сладко потянулся и зарычал, как молодой зверь, поднявшийся из логова. Глаза его горели. Ибрагим покачал головой, сказал:

— Нэ надо, Прошка.

Но Прохор ничего не понял. Простокваша была холодная, освежающая. Прохор крепко сдабривал ее сахаром, Таня удивлялась:

— До чего вы, богатые, сладко живете. Взял бы меня к себе, в стряпки хошь.

В глазах Тани была молодая страсть и настойчивая уверенность: «А я тебя поцелую... А ты мой...»,—говорили ее черные, жадные глаза.

Что-то непонятное, новое шевельнулось в Прохоре. Он сказал:

— Душно как...—и вышел на улицу.

Утро было солнечное. На лугу пылали желтые лютики. Прохор осмотрелся. Деревенька, куда прибыли они вчера с Ибрагимом, маленькая. Избенки ветхие, покосившиеся. Лишь дом Тани выглядел богато: четыре окна на улицу, занавески, герань, гладко струганная крыша, дверь с блоком в мелочную лавчонку, над воротами расписанный в синий цвет скворешник.

Прохор спустился к берегу. Узенькая, тихая река дремала.

«Вот она какая Угрюм-река»,—разочарованно подумал юноша. —«И на реку-то не похожа».

Он сбросил с правого плеча бешмет и швырнул через реку камнем. Урча и воя, словно большой шмель, камень пулей пересек пространство и ударился в румяно-желтый под солнцем ствол сосны. Прохор опустился к урезу воды, где мужики конопатили шитик.

— Что же река-то ваша какая маленькая? Камнем перебросишь.

Отец Тани, черный как грек, оторвался от работы и сказал:

— Силы не набрала... Она еще взыграет. Вот ужо к петровкам, когда все болота оттают в тайге. Поди, умучился дорогой-то?

Да, он устал вчера изрядно. Тридцать верст, отделяющие Почуйское от этой деревеньки, показались ему сотней. Грязь, крутые перевалы, валежник, тучи комаров.

— Вот погодите,—сказал хвастливо Прохор.—Через десять лет пророю от вашей Угрюм-реки к Большому Потоку канал. Тогда в Почуйское будете на лодках плавать. А то и пароходы заведу.

— Нет, брат паря,—насмешливо возразил второй мужик,—еще у тебя кишка тонка, чтобы хребты прокапывать.

— Чего ты понимаешь, медведь! А я знаю.

— Знаешь ты дуду на льду.

— Осел!—заносчиво крикнул Прохор.

Мужик раскрыл рот, чтобы покрепче обложить мальчишку, но встретившись с его жесткими, гневными глазами, нагнулся к шитику и с сердцем затюкал кианкой по конопатке.

Тропинкой спускалась к воде Таня. Проходя мимо Прохора, она закинула обе руки на коромысло, лежавшее у нее на крыльцах, от этого грудь ее упруго выпучилась и дразняще колыхалась под голубой свободной кофтой.

— Пусти... Ишь ты, загородил дорогу-то,—толкнула она крутым бедром зазевавшегося Прохора и усмехнулась белыми, как фарфор, зубами.

У Прохора заалели щеки. А девушка, подобрав юбку, вошла в воду. Было мелко. Она взглянула на Прохора, подняла юбку выше и зачерпнула серебряной воды в ведро. Прохор, не отрываясь, смотрел на ее белые крепкие ноги и вдруг всю раздел ее глазами и обнял. Но тотчас же в смущении отвернулся и пошел к лодке: «выкупаться надо»,—подумал он.

Сел в корму и с силой взмахнул легким, как соломинка, веслом. Течение стало быстрее, мелькали кусты, тонули в водоворотах широкие листья кувшинок с распускавшимися бутонами. А вот и приплесок с мелким сыпучим песком. Прохор причалил и, быстро раздевшись, бухнулся в воду.

Июньская вода все-таки была прохладна. Дул крепкий ветерок, обрызгивал воду серебристой рябью, гнал облака пищавших комаров в тайгу. Прохор фыркал, отдувался, гоготал, сплавал на ту сторону, нарвал фиалок и царских кудрей, расцветил букет огнями желтых лилий и поплыл обратно.

— Что за чорт? А где же белье?!

Лодка была пуста. Очевидно, смахнуло ветром. Он вскочил в лодку и проворно схватился за весло.

— Ау!—вдруг прозвучало из кустов.

— Эй, отдай! Это ты взяла? Татьяна, ты?!

— Иди, миленок, ко мне... Иди!..

Прохор, скорчившись и стыдливо прикрывшись рукой, сидел в лодке. Что ж ему делать?

— Иди... Ну, скорей... Красавчик мой.

Прохор еще не знал женщин, но чувство созревающего мужества частенько беспокоило его. И вот теперь...

Сквозь шелестевшую листву голубело платье Тани, словно невидимая рука сыпала сверху незабудки.

— Отдашь или нет?! Я озяб.

В ответ—задорный смех. В Прохоре закипало раздраженье. Он бросил колючее слово.

— Ушла. Ну, тебя! Подурачиться нельзя...—обидчиво крикнула Таня, и кусты зашуршали, как от удалявшейся лодки камыши.

Прохор, все так же прикрываясь и вздрагивая от свежего ветра, побежал к одежде. Его стройное тело, еще не обсохшее от воды, белело на солнце, как весенний снег. Ветер мешал надеть рубаху, трепал рукава, озорничал. Прохор запутался головой в одежде и вдруг... его ноги кто-то обхватил и жарко прижался к ним.

— Нахалка! Ну, и нахалка!—весь сжавшись от стыда, с гневом оттолкнул он Таню и, не владая собой, ударил ее.

Девушка вздрогнула, но еще крепче прижалась к его ногам, запрокинула голову и умоляюще глядела в его лицо, безмолвная.

Прохор тяжело рванулся прочь, бросился на землю и стал, ругаясь, одеваться. Голос его осекся, сделался слабым:

— Ну, и девки у вас... А! Первый раз видишь и лезешь.

А та привалилась к нему, вся дрожала:

— Все одно не уйдешь... Во сне тебя видела... Ишь, сердце-то как тукочет... Пощупай-ка, нет, ты пощупай,—шептала Таня. Она тряслась и порывисто влекла к своей груди руку юноши.

Возвращались они в лодке по густым розовым волнам. Страшная влекущая к себе глубь внизу, русалки хохотали в глубинных омутах и кругом пахло разомлевшими под зноем цветами. Глаза Тани были закрыты, она улыбалась, обнажив свои белые ровные зубы.

Прошла неделя. Шитик был налажен. Заготовленные в путь сухари высушены великолепно: звенели, как стекло. Можно бы отправляться в путь, но Прохор медлил.

— Вода еще не пришла,—говорил он.

— Знаем мы эта вода. Нэ надо, Прошка... Рано дэвкам любишь, больно молодой,—журил его Ибрагим, сидя под окном и натачивал об оселок кинжал.

Вот на Кавказе у них, другое дело: там солнце, как адов глаз, горячее, там в январе миндаль цветет, и люди созревают быстро. Нет, нехорошо Прошка поступает. Не за тем посылали его мать, отец в неведомую сторону. Кто в ответе будет, ежели с ребенком грех случится?—Он, Ибрагим. Кто клятву дал, что ребенок будет цел? Кто?..

— Я не ребенок!—крикнул Прохор.—Запомни это.—Он крупным шагом, стараясь громко стучать в пол подкованными сапогами, подошел к стене, сорвал с гвоздя бешмет и вышел на улицу.

Ибрагим, как был, согнувшись над кинжалом, так и остался, только прищелкнул языком и посмотрел вслед Прохору, словно старый орел на соколенка, впервые выпорхнувшего из гнезда.

Вечер был тихий. Солнце упало в тучи, вода в реке стала сизой, задумчивой, и кровь обнаженного обрыва потемнела. Вдали погромыхивало: наверное, к ночи гроза придет.

Чтоб прогнать во-свояси докучливых комаров и мошек, молодежь замкнула себя в огненном кольце: кругом пылают—пышут в небо веселые костры, а в середке—лихая песня, пляс.

Шире, раздайтесь, братцы! Прохор в круг вошел. Громче, дружней пойте песни, сегодня Прохор правит отвальную, а завтра... Эх, что там про завтра толковать: пой, кружись, рой землю каблуками!

Грянула звериным ревом песня:

— Я любила Феденьку
За походку реденьку.

Я любила Васеньку
За бумажку красненьку!

Прохор в шелковой, похрустывавшей рубахе, перехваченной по тонкой талии серебряным кавказским поясом—подарок Ибрагима—сложив на груди руки, отплясывал возле веселой Тани.

А плясовая разухабисто гремела, крепко прихлопывали в такт мозолистые ладони.

— Я любила Ванечку
За помады баночку.

Здоровые глотки парней и звонкие девьи голоса далеко разносят песню во все стороны, плывет песня над рекой, толкается в берега, в тайгу и, будоража пламенные гривы костров, улетает в высь к сизой, придвинувшейся вплотную туче.

— Я любила Мишеньку
За зелену вышивку.
Я любила Петеньку
За шелкову петельку.

Высоко подпрыгивает Прохор, ударяя каблук о каблук, крутится-крутится, не спуская с милого лица влюбленных жадных глаз. А Таня вся ослабла от какого-то сладкого томленья, тихо улыбается Прохору, лениво вымахивает в воздухе каемчатым платком.

— Целуй, Прохор, целуй!—раздалося от костра.

Прохор притянул к себе Таню, обнял, та жеманно подставила губы, не отталкивая его и не воспламеняясь:—игра, ведь, не взаправду... Но тут, словно бревном по голове, ударил Прохора злой, сиплый, как у пьяницы, голос, скандально заоравший:

— Целовала Прохора,
После три дня охала.
Купец в лодочке уплыл.
Таньку навек загубил.

— Ха-ха-ха!!—заржал, всколыхнулся воздух.

— Молчи, Оська!—с хохотом закричали парни.—Он тебя вздует... Он за черкесцем сходит.

Украдкой прыскали язвительным смехом девушки.

У Прохора на голове зашевелилась шляпа. Он шагнул к кострам, где сидели парни:

— Это кто?—его голос был упруг и мужествен.—Ты?!

Перед ним, задрав вверх ноги и вытянув руки, словно обороняясь от неминучей трепки, лежал на спине верзила-парень и тонким, щенячьим голосом притворно выкрикивал:

— Я... я это. Ей богу я... Таперя зашибет меня купец. Вот те Христос... Братцы! Заступись...

Огонь костров освещал его толстогубый, насмешливо кривившийся рот и прищуренные пьяные глаза. Медные глотки сотрясались смехом.

— Чорт!—ругнулся Прохор,—ты издеваться?!.—Он ловкой хваткой сорвал с ноги верзилы заляпанный глиной сапожище и, размахнувшись, запустил им в верзилу. Тот хрюкнул, вскочил и грудью полез на Прохора:

— А, купчишка! Ты так-то?..

— Уйди!

— Ты наших девок забижать?! Братцы, катай его!

Тут врезались между ними парни, а девки подняли неимоверный визг.

— Прошенька, голубчик,—всхлипывала Таня, увлекая за собою Прохора.

— Мотька! Ты сдурел?..—крепко держали верзилу парни и шипели, будто гуси:—Вот подвыпьем ужо... Тогды... Без девок чтобы, без огласки...— И к Прохору:—Приятель, где ты? Прохор Петров! Он же ненароком, он так... Ну, давайте мировую.

— Я же ненароком...—пошатываясь, прогудел верзила.—Я это так...

В бане огонек, но скудный свет его не проникал на волю: единственное оконце заткнуто старыми хозяйскими штанами.

Парней загнал в баню дождь с грозой. Сидели на полу, плечо в плечо, возле четвертной бутыли, тянули водку из банного ковша. Тесные стены и низкий потолок покрыты сажей, пахло гарью, мылом, потом, и все это сдабривалось какой-то кислой вонью, словно от пареной капусты. Пили молча, торопливо, громко чавкали крутопосоленный с луком хлеб.

Но молчание прервал верзила, он налил в ковш вина.

— С предбудущим отвалом тебя, Прохор Петров...—И не успел выплеснуть вино в широкий рот, как грянул неимоверной силы громовой удар: все подпрыгнули, хватаясь друг за друга, всем показалось, что баня провалилась в тартар.

— Вот так вдарило...—кто-то сказал.

Беседа не клеилась: не о чем было говорить, всех связала одна мысль, и эта мысль черна, как стены бани. Впрочем, водка брала свое: молчанка сменилась шопотом, а там и загрозили:

Но в эту минуту Прохор плохо слышал. Прохор был в своей мечте, сладостной, влекущей. Все бурливей становится река, шитик мчится быстро, Прохор в веслах. Таня на корме. Солнце, легкий ветер, паруса. А по берегам цветы, цветы. И не цветы, червонцы, золото. «Таня, золото!».

— «Да, Прошенька, золото».—«Таня, мы будем жить с тобой в хрустальном дворце».—«Да, Прошенька, да». А вот и вечер, ночь. Тихо малиновка поет, тихо волна голубая плещет, шепчутся на рябине листья. И течет горячая по жилам кровь, и в одно сливаются влажные губы:—«Таня, милая моя».—«Ой, Прошенька!».

Ой, Прошка!—Это там, в избе.

Сквозь зыбучий мрак непогожей ночи, сквозь вспышки молний, хлюпая по грязи, падая, мчался вдоль деревни Ибрагим. Торопливая дробь дождя и глухие раскаты грома не могли заглушить ни лая собак, ни отчаянных криков и ругани там, у речки, возле бани. Вот хрустнула с крепким треском выломленная из частокола жердь и загремел высокий знакомый голос.

«Прошка это воюет»,—с удовлетворением подумал Ибрагим, ускоряя бег. Он натыкался во тьме на изгородь, на избы, на стоявшие среди дороги сосны, вот утрафил в нужный переулок и, шурша обсыпавшимися камнями, стал карабкаться по откосу вниз.

Он чутко слышал, как свистала в воздухе дубина, как пьяно орали и крякали парни, вот дубина щелкнула, словно по горшку, кто-то крикнул—«Ой, ты!» и крепко заругался.

«Прошка».

Тьма озарилась медлительным отблеском молнии. Перед Ибрагимом всплыла из мрака живая куча тел. Вниз лицом валялся Прохор, кулаки парней смачно молотили его по чем попало.

Ибрагим остановился, улыбка скользнула по его лицу.

— Ничего... Пускай... Пырвычка будет...—Но вдруг его ноздри с шумом выбросили воздух:—Геть, геть!!—и звонкая сталь у бедра звякнула по-строгому:—Кынжал нэ видыш?! Смерти хочешь? Цх!! Режь!!

Как овцы от кнута, парни молча прочь, пьяные ноги не знали, куда бежать, и взмокшие спины в страхе чувствовали по рукоять вонзавшийся меж ребер черкесский нож. Парни падали, хрипели, ползли умирать в кусты, сталкиваясь друг с другом лбами. Один бросился в реку, но и там мстящий клинок настиг его: парень завизжал, как поросенок, и забулькал в воде.

А черкес меж тем стоял на месте, добродушно удивляясь трусости гуляк. Потом шагнул к растерявшемуся Прохору, ощупью сгреб его за шиворот, высоко приподнял, как ягненка, и встряхнул:

— Будэшь дэвкам бегать?! Будэшь водку жрать?!

Прохор шипел, плевался.

— Геть!—крикнул Ибрагим и швырнул его на землю.—Марш домой!!.

Прохор внезапно протрезвел и в миг проникся к Ибрагиму уважительным страхом, себя же почувствовал маленьким, несчастным. Он всхлипнул, словно наказанный ребенок и, виновато с'ежившись, поплелся домой.

За ним угрюмо, важно шагал черкес. Ему хотелось приласкать Прохора, заглянуть в его глаза, сказать теплое, ободряющее слово:

— Другой раз ребра ломать будэм! Щенка худой!..—визгливо крикнул он.

Прохор, пошатываясь, надбавил шаг.

Парни всю ночь до зари буйным табуном ходили по деревне, останавливались возле дома Татьяны, вызывали черкеса на честный кулачный бой.

Поутру Татьяна плакала горько, щеки ее горели от двух звонких пощечин, что влепил отец. Мать, пофыркивая, возилась у печки и растерянно сморкалась в фартук.

А черкес, засучив рукава, усердно скреб кинжалом вымазанные дегтем ворота, смывая с них девичий позор. Татьяна уткнулась лицом в подушку, плечи вздрагивали, катились слезы.

И еще нужно Татьяне плакать много, много. Прохор Петрович! Прощай.

VII.

КОЛДОВСКОЙ ШАМАНИЙ СКАЗ. ВДРУГ, ВНЕЗАПНО ВСКРИКНУВ, ОНИ КИНУЛИСЬ ПРОЧЬ. ПЕРВЫЕ ПОРОГИ.

Погода стояла мрачная, накрапывал дождь, и на душе у Прохора мрачно.

Деревня Подволочная, где жила Татьяна, далеко осталась позади. Шитик беззвучно скользил вперед, обгоняя дремотные речные струи. Поросшие лесом берега томили своим однообразием, и все кругом, под туманной сетью мелкого дождя, было серо и скучно.

На обгорелой лесине, изгибая шею, надсадисто каркала ворона, точно костью подавилась:—кх-кар, кх-кар. Две сороки стрекотали у самой реки, на окатном камне, блестевшем от дождя.

Угрюм-река наводила на Прохора тоску. Шитик тянуло вперед, а мысли юноши возвращались все к ней, к Татьяне, и никак он не мог направить их в деловое русло.

— Будет, побаловался... надо и за работу,—говорил он сам себе, как искусившийся в жизни человек, деловито вынимал книжечку, зарисовывал повороты реки, всякий раз точно отмечая время.

— Эй, Фарков! А как называется этот ручеек?

Константин Фарков, чернобородый мужик лет пятидесяти, длиннорукий, жилистый, скуластый сидел в лопашных веслах. Он нанялся поводырем—

в роде лоцмана—он поведет шитик до Ербохомохли, до последнего жилого места на Угрюм-реке.

Фарков утер рукавом серого азяма вспотевший лоб.

— Это не ручеек, а старица, протока. Вот ужо она версты через три широко выйдет.

Прохор отметил в книжке. А на полях написал: «*Таня, Таня... Я тебя люблю*», потом перевернул страницу и стал рисовать по воспоминанию милое лицо, за лицом явилась шея, нагая грудь. Прохор сладко вздохнул, покосился на сидевшего в корме Ибрагима и густо зачеркнул рисунок.

— А вот тут Антипово плесо зачинается,—раздался крепкий лесной голос Константина. Он стал рассказывать плавно, мерно, он много знает забавных случаев, любопытных историй в этой дикой таежной стороне.—А с Антиповым плесом дело было так. Значит, стояло зимовье—вот ужо мимо плывем—в зимнее время туда ямщики завертывают греться да чайку попить. И жил там старик Антип, а невдалеке от зимовья была похоронена тунгуска, раскрасавица девка, шаманством занималась, волховством. Вот она вставала по ночам из своей могилы и пошаливала по тайге, очень всех пугала...

Прохор весь душой и телом тут, на шитике, но вот внезапно очутился там, у Тани и вновь пережил недавнюю, гнетущую разлуку с ней. Надолго ли? Может, навсегда.

— А морозище плящий был: плюнешь—слюна камнем падает. А он,—привечный ему спокой,—в одних портках да рубахе. Так навовсе и замерз.

— Кто это?—очнулся Прохор, губы его дрожали, щекотало в горле.

— Как кто?... Антип... Нешто не слышал сказ-то мой?

Глаза Прохора все еще далекие, затуманенные, но все-таки он овладел собой:

— Расскажи. Мне интересно.

— Вот я и говорю,—начал Фарков недовольным голосом.—Она эта самая колдовка-то, шаманка-то, раз середь ночи к Антипу и об'явись возьми. Да как крикнет: «Ей, вставай, Антип!.. Я мертвая к тебе пришла, гулять пришла, плясать пришла!..». А сама ударила ладонь в ладонь, подбоченилась—в красном во всем, в бисере—да как пошла трепака откалывать, только вихорь засвистал по зимовью. Тут наш Антип заорал с перепугу благим матом: «Сгинь, нечистая сила, сгинь!» да в одном бельишке, босый по морозу-то—дуй не стой! Дак, веришь ли, пятнадцать верст без передыху отмахал, а тут торнулся, значит, в сугроб носом и застыл... Белый весь лежит, белей снегу белого, и глаза белые, остеклели, как у судака... Вот, брат.

— Удивительная вещь,—Прохор с любопытством поглядел на Фаркова и стал записывать.

— Врешь складно,—крикнул Ибрагим.—По башке веслом тебя! Нэ ври!

В середине шитика сделана крыша из брезента, натянутого на дугообразные упруги. Поэтому, чтоб лучше разглядеть сидевшего в корме Ибрагима, Фарков вытянул шею, бросил весло, сказал:

— Как это вру?

И Прохор тоже:

— Ничего не врет.—Ему хотелось досадить Ибрагиму за вчерашнее, и в Фаркове он почувствовал своего союзника.

Углы рта Ибрагима с подрубленными черными усами, с окладистой черной бородой подтянулись к ушам. Ибрагим ядовито ухмыльнулся:

— А ты видал, кто к Антыпу приходил?.. Может, баран приходил! И какой слово говорил, ты слыхал? Может, мертвый старик тебе толковал?

Прохор было ощетинился, но вдруг захохотал:

— А и верно, ведь.

Фарков в недоуменьи помигал, засопел и лениво взялся за весла.

— Такой слых в народе... Я почем знаю...—растерянно сказал он, и уставился в булькающую под веслами воду.

Небо прояснялось. Луч заходящего солнца прорезал облака. Все кругом сделалось приветливо и нежно, словно улыбка девушки, только что переставшей плакать. На душе у Прохора тоже стало хорошо. Его подзуживало дружелюбно пошутить над провравшимся Фарковым, но тот был мрачен, все так же смотрел в воду и сердито бухал веслами. Весь вечер плыли в молчаньи, и, когда река под сгустившимся сумраком сделалась обманчива, Фарков скомандовал:

— Вороти к берегу! Круче, круче!

Упругим поворотом шитик стал резать воду, и дно его зашуршало по прибрежному песку.

Разложили костер, сварили чай и двух застреленных в дороге уток. Фарков все еще мрачен, молчалив. Нет, он не врун, он все-таки оправдается, докажет,—так говорили его чуть раскосые черные глаза.

Стемнело. Река, тайга и небо слились в одно. Но вот взошел месяц, и картина сразу изменилась: на противоположном берегу обозначились—темная щетина леса, песчаный откос и торчавшие в реке коряги, возле которых тихо плескалась вода, играя голубоватым серебром под лучами месяца.

— Сорок верст здесь будет,—проговорил Фарков.—Эвот и зимовье Антипово,—и указал рукой за реку.—Видишь, месяц в стекла бьет. И шаманка там схоронена.

Прохора взяла легкая оторопь, но он с молодым задором сказал:

— Айда туда!.. Посмотрим...

— Айда.

И быстро переплыли реку.

Когда подошли к зимовью, у Прохора заколотилось сердце. Фарков отбросил кол, припиравший снаружи дверь, и оба они набожно перекрестившись, шагнули в избу. Кромешная тьма была, должно быть, месяц скрылся в облаках.

— Что это?—прошептал Прохор.

— Где?

Ему показалось: светятся во тьме два горящих угля, как пара волчьих глаз. Вот всколыхнулся воздух, что-то мягко прошумело, угли погасли, но через мгновенье вновь загорелись в другом месте. Прохор поймался за руку мужика.

— Ничего... Это я знаю кто... Это филин,—сказал Фарков спокойно, зажег огарок и направился в угол, где светились глаза. Но там ничего не оказалось, кроме черной закоптевшей иконы.

— Оказия,—протянул он, осматривая все углы, это она, стало быть...

— Кто?

— Ну, кто, кто... Не понимаешь, что ли?

Прохор не заметил, что голос Фаркова борется со страхом, и весело сказал:

— Интересно...

Фарков с удивлением посмотрел на него и, пристыдившись, успокоился.

— Вот плешастый-то твой не верит, а между прочим, после Антипа здесь жил солдат из деревни Оськиной. Поплывем мимо, можешь справиться. Ему тоже видимость была, вот в это самое оконце колдовка-то к нему лазила,—Фарков поднял над головой огарок.—Видишь?

В верхнем венце под самым потолком—дыра.

— Вот шаманка и летала кажину божью ночь к солдату, а тот выпить не дурак, да в пьяном положении с тунгуской-то и снюхался. Да как и не слюбиться. Уж очень собой-то пригожа была, не девка—сахар. Сильно солдат одобрял ее. Ведь солдат-то думал, что она живая, а на поверку-то вышло—мертвая, самая настоящая покойница. Вот как. В последнюю-то ночь к себе сманивала солдата-то: «ляжем, говорит, рядком в моем гробу, а то, говорит, мне зимой холодно. А черви, говорит, не едят меня, я не в земле лежу». Дак, солдатишко-то тою ж ночью домой на кобыле прискакал. И хмель весь выскочил. А виски поседели. Вот до чего нарахался.

— А где же она похоронена?

— Вот пойдем, коль не боишься.

Прохор с тревогой осмотрелся. Живая тьма сгущалась, напирала, хотела притушить огарок, как морской маяк волна. Чужие тени мягко шмыгали во тьме, падали, вставали, тянулись к Прохору. Вот словно бы ударили ладонь в ладонь и с тихим смехом кто-то пустился в пляс—ближе, ближе—кто-то голубой, трепещущий, холодный.

— Пойдем, Фарков!—в страхе метнулся Прохор к двери.

— Ты чего? Это ж месяц.

В окно, как призрак, тянулся свет луны, тени приникли к полу, присмирели, и тьма стала неподвижной, выжидающей.

Шли густыми зарослями. Месяц освещал им путь. Пихтач, сосны и боярка цеплялись за Прохора, предостерегающе шумели, не пускали, с размаху хлестали по лицу.

— Ну, вот смотри,—сказал Фарков, кивнув вверх и закуривая трубку.

На двух врытых высоких столбах лежала колода. Она сверху прикрыта широкими кусками бересты. Береста голубела и, казалось, вздрагивала, словно лежавший под ней мертвец тяжко вздыхал.

— Это ветром...—одинаково подумали оба, но голубой, тихий воздух не колебался. Месяц привстал на цыпочки и никак не мог подняться над тайгой, только ревниво поводил серыми бровями: «Эй, вы! Полуношники!».

В щель колоды свисал плетью черный жгут.

— Это ее коса... Шаманки-то...

— Черная какая.

Голоса их казались чужими, словно звучали из-под корней тайги. Взглянули друг на друга: лица бледнозелены, как у мертвых. Прохор ощутил в груди щемящий цепкий холодок.

Вдруг, внезапно вскрикнув, они кинулись прочь. Жуткий страх мчал их через тьму и непролазную трущобу, как белым днем по широкой степи.

Шитик бестолково резал воду, белые весла судорожно взмахивали, хлопали, словно окоченевшие руки утопающего. А вслед неслся из тайги свирепый свист. Но Прохор, опамятовавшись, понял, наконец, что это из его собственной груди вылетает со свистом воздух. Он бросил весла и отер со лба холодный пот. Обоим было до смерти стыдно. Избегали смотреть друг другу в глаза и, не перемолвившись словом, оба повалились спать.

Сон Прохора неспокойный, горячий, огненный. Красное, красное—кровь. Земля красная, небо красное, красная тунгуска в кумачах, шаманка: «Бойе, друг, обними меня!.. Ну, крепче, крепче!». Кипучая, бесстыдная сорвала с себя все и кинулась ему на грудь. Истомно, жарко Прохору, сладостно. И слышит он голос укорчивый: «Прошенька»... Белое, белое—холодное. Белый снег, белое солнце, вся в белом Таня. «Прошенька, зачем ты?». И не Таня это,—мать. И не мать—отец. Крепко, настойчиво: «Вставай, Прошка... Время».

Прохор проснулся. Ибрагим трясет его за плечо и смотрит строгими глазами ласково...

Утро было погожее, ясное. Шитик шел медленно. Река текла с ленивой негой, словно еще не пробудилась от зеленых грез.

Стали попадаться взгорки. Вдали маячила обнаженная грудь скалы. Голосила ранняя кукушка, влюбленно крякали утки в камышах.

— Ты чего вчера испугался?—тихо спросил Прохор.

— А ты?

— Я, на тебя глядя, побежал.

— А я, паря, на тебя.

Оба улыбнулись и замолкли. Река круто повернула вправо, навстречу солнцу. Вода заблестела, как расплавленное серебро. Прохор зажмурился.

— Мне послышалось, будто колодина затрещала. С шаманкой-то... Как хрустнет!—сказал Фарков.

Прохор, щурясь, взглянул на него удивленно:

— А я слышал голос тунгуски: «Бойе, друг, обними меня!..». Ясно так, ясно.

— Врешь!—и лицо Фаркова вытянулось, глаза стали серьезными.— Точь-в-точь, как тому солдатишке... Точь-в-точь.—Он крадучись, перекрестился.

— Ты что? Может, лешатика видышь?! Мордам крестишь?!—крикнул Ибрагим.

— Нет,—ответил Фарков.—Сегодня година моей бабушке...

Прохор задумался. Сон и волшебная явь встревожили его. Где-то вдали всхлипывала, грустила иволга. Прохор вздохнул.

— Нэ надо голова вешать! Надо прамо!—бодро проговорил Ибрагим.

— А вот скоро работа будет... Не заскучаешь,—сказал Фарков...— Чу, как шумит... Это называется Ереминский порог.

Действительно, лишь повернули прочь от солнца, послышался шум, как отдаленный мощный шелест леса. Течение становилось все слабее и слабее, а шум порога возрастал и, после нескольких изгибней реки, быстрая волна вдруг подхватила шитик.

— Правей!—кричал Фарков, его голос сливался с шумом.—Нешто не видишь?!

Ибрагим со всех сил навалился на весло и стиснул зубы, а шитик, застряв на камне носом, стал поперек реки и накренился. Фарков соскочил в воду. Вода не доходила до колен. Фарков взял наметку и, борясь с течением, пошагал от берега к берегу, измеряя глубину. Он что-то прокричал, махнул рукой, опять прокричал, но говор воды дробил и путал звуки.

— Нет ходу,—сказал он, приблизившись.—Скидывай, Ибрагим, штаны... Давай глубь искать.

Пошли оба щупать воду, а Прохор стал зачерчивать в книжку положение порога. Но лишь он отвлекался от работы, как в его воображении вставал печальный образ Тани, а в душе вновь оживало чувство тоски и одиночества. Почему Ибрагим таким зверем заорал на него, когда Прохор хотел взять с собою Таню? Осел. Как он смеет!

Но вот, словно одуванчик под порывом вихря, развеялся образ Тани и, вместо грустного, в слезах лица, задорная улыбка, бисер, колдовские кумачи: «Бойе, друг!..». Прохор раздражительно отмахивается и долго, с любопыт-

ством смотрит в воду: струи быстро мчат под ним, извиваясь меж камней. У него рябит в глазах. Он переводит взгляд на берег, и все, что видит перед собою, все движется, плывет, плывет: кусты боярки и калины, зеленый луг, тихая тайга—все подхвачено обманчивым потоком и—что за чорт!—опять тунгуска в красных кумачах извивно крутится в удалом танце, манит Прохора к себе и исчезает в зарослях вновь остановившегося леса. Прохор хмуро улыбается:—«Чертовка. Ну, погоди, я тебя поймаю, да не мертвую, а живую сграбастую! Тогда»...—взбаламученная кровь бьет в мозг, солнце насыщает тело трепетным волнением, хочется любить, хочется перецеловать всех девок.

— Эге-е-й! Прошка! Сюда...

Прохор, вмиг переключив мысли, проворно сбрасывает с себя одежду, обувается в сапоги, чтобы удобней было итти по каменистому дну, и сходит в воду. Стрежень валит его с ног, он падает на четвереньки,—ух!—подымается, вновь падает, хохочет. Камни круглы, скользки, как голова тюленя, вода бурлит. Прохор неуклюже взмахивает руками и, словно неопытный канатоходец, ловит моменты равновесия. Фарков то и дело выскакивал на берег, ломал ветки ивняка и втыкал их меж камней порога, обозначая будущий путь шитика. Саженях в ста от Прохора лежали две воды: шумно бурлящая, рябая и дальше—тихая, застеклелая, вся в солнечном пожаре. Грань этих вод—предел порога. Ибрагим ворочал в воде камни. Прохору показалось издали, что все коренастое тело черкеса, в особенности руки и спина, испещрено темными полосами. «Татуировка».. —подумал он, но, когда подошел к черкесу вплотную, удивился:

— Вот так тело у тебя, Ибрагим... Как у борца... Должно быть, силенка есть.

— Мало-мало есть,—Ибрагим нагнулся и поднял над головой круглый, в несколько пудов камнище; выпуклые, резко очерченные мускулы под смуглой кожей заиграли, напряглись и, словно вылепленные из глины, вдруг застыли, настороженно карауля волю господина.

— Цх!..—и камень, опоясав воздух черной дугой, далеко бухнул в воду, вздымая ввысь искрометный раскидистый фонтан.

— Урра..—закричал от восторга Прохор.

— Чего орешь, работай!.

Прохор принялся за дело. С юношеским жаром ворочал камни, прокладывая путь.

— Карягу видишь? Вали на нее... Прямо! Саженев через десять будет глыбь.

Работа кипела. Фарков был уже на шитике и выводил его на стрежень. Обратно Прохор шагал рядом с Ибрагимом

— Заколел, Прошка, замерз? Надо спирт проглотить...

Уловив в голосе Ибрагима ласку, Прохор сказал:

— Ты на меня не злись. Я тебя люблю.

— Мы тоже любим... Ничего, ничего, молодца, Прошка... Джигит!..

— С тобой, Ибрагим, не страшно... Ты сильный.

— Кынжал сильный... Ибрагишка верный, верней собаки... Знай!..

Сели, усталые, продрогшие. Шитик летел по порогу уверенно, ошибая носом расставленные вехи.

— Слава тебе господи,—облегченно сказал Фарков,—одно дерьмо прошли.

— А дальше?

— Горя хватим много. Ух, много, братцы! Угрюм-река, она свирепая

VIII.

ИЛЬЯ СОХАТЫХ СТАВИТ СЕБЕ ЖИЗНЕННУЮ ЦЕЛЬ. ЗЛОДЕЙКА ЗАПАДНЯ.

Петр Данилыч Громов развернулся во-всю. Катил сквозь жизнь на тройке вскачь. Тройка—на лешевых подковах и куда мчалась она—Петра Данилыча не интересовало. По кочкам, по сугробам, в пропасть—все равно, лишь бы свистал в ушах веселый ветер, лишь бы хохотало и звенело в голове. В пристяжках—гулливые козлоногие бесенята из тайги, в кореннике—Анфиса.

Впрочем, занимался Петр Данилыч и делами по хозяйству. Расширил торговлю, красного товару привез на десяти возах и посадил в лавку доверенным своего приказчика Илью Сохатых. Открыл в тайге смолокуренный завод и еще бросился в кой-какие предприятия. Но за всем этим досматривал он плохо, дело култыхалось через пень-колоду.

Марья Кирилловна завела большое молочное хозяйства и так захлопоталась, что некогда было и замечать ей шашни своего мужа.

Тот политику свою сначала вел довольно тонко: уедет на охоту, а сам к Анфисе; соберется за артелью дровосеков досмотреть, а сам к Анфисе. Птицы, звери благодаренье небу шлют, дровосеки лодыря гоняют, доверенный, Илья Сохатый, шелковые полушалки, серебряные денежки нечаянно в карман сует. А хозяин из бутылки буль-буль-буль, да к своей Анфисе.

Илья Сохатый, рыжий, кудреватый, лицо белое, в густых веснушках, отчего малый издали кажется румяным, на самом же деле он тощ и хвор, но до женского полу падок. По селу он первый франт: всегда в воротничках, в манжетах, в ярких галстуках, набалдашник тросточки тоже не из скромных, портсигар снаружи совсем приличный, а откроешь крышку—там чорт знает что, даже отец Ипат, увидавши, сплюнул. Имел еще Илья Сохатых дюжины две зазорных карточек: парни на вечерках хватались за животики, а девушки поднимали благопристойный визг:—Ах, охальник! Тьфу, ты...—но глаза их горели шаловливо и льнули украдкой к запрещенному плоду.

Илья Сохатых любил крепко надушиться дешевыми духами и от него за три версты несло укропом с чеснюком. Перстни, запонки, булавки играли фальшивым стеклянным цветом, часы и цепь накладного золота сияли. Вся эта «цивилизация»—он любил ушибить головы парней и девушек мудреным словом—была им усвоена в уездном городе, откуда добыл его Петр Данилыч Громов, прельстив порядочным окладом и вольготной жизнью.

Девки только им и бредили, а самые пригожие были на ножах друг с другом: каждой он клялся и божился, что любит лишь ее одну. Иным разом так далеко заходила девья пря, что саперницы, зарвавшись, при всем народе провирались про свои любовные услады:—со мной там-то, а со мной вот там-то,—а потом, придя в рассудок, горько плакали, кололи болтливые языки булавками, да уж не воротишь.

Мужние жены—молодицы—также не уступали девкам и считали превеликой честью провести с ним ворованную ночь где-нибудь у гремучего ручья под духмяным кустом расцветающей черемухи.

Илья Сохатых принимал все ласки, как нечто должное и хотя отощал, словно мартоский гуляка-кот, но амурные успехи он относил исключительно к своей неотразимой, по его мнению, наружности. И в конце-концов так возгордился, что дерзнул облагодетельствовать своей пленительной любовью и Анфису.

Он приступил к этому с сердечным трепетом и нервной дрожью, как боевой, видавший виды конь. Анфиса казалась ему неприступной, гордой. Да

и хозяин... О, хозяин сразу оторвет ему башку! Но Илья Сохатых весь проникнулся мужеством. Завладеть Анфисиным сердцем во что бы то ни стало— вот цель его жизни. Итак, смело в бой, к победе!

Подкрутив колечком усики, взбив кок в кудрях, Илья Сохатых направился тайным сумеречным вечером к двору Анфисы.

— Никто не видал?—спросила та, открывая дверь.—Ты стучи в калитку—раз-раз!—тогда буду знать, что ты... Понял? А хозяин где? Уехал?

Домишко у Анфисы маленький, плохой, но рядом рубился иждивением Петра Данилыча новый дом—скоро новоселье.

Анфиса накрывала стол, ставила самовар. Илья вытащил из кармана бутылку рябиновой и сверток саратовской сарпинки:

— Дозвольте прикинуть. Кажись, к лицу...

Анфиса стояла высокая, поджав алые губы, глаза ее полны холодной насмешки. Илья петушком плясал возле нее, и все норовил, примеряя отрез сарпинки, крепче прижаться к соблазнительной Анфисиной груди.

— Кажись, к лицу-с...

Та щелкнула его по блудливой руке, отстранила подарок:

— Не надо. Не нуждаюсь.

— Ах, Анфиса Петровна!.. Это даже огорчительно... Вас, наверное, по всем швам хозяин задарил.

— А тебе какое дело? Да и тебя мне не надо. Ну, на что ты мне?.. А, Илюша?

— Ну, как это можно. Женщина, можно сказать, во цвете лет... В поэтичном одиночестве. И все такое...

За чаем Илья врал, рассказывал анекдоты про монахов, Анфиса хохотала, отмахивалась, затыкала уши.

— Дурак ты какой... И за что тебя девки любят? А, Илюша? Рябой, курносый, чахоточный, чисто овечья смерть.

— А вот вы когда меня полюбите?—спросил он, нервно кусая губы.

— Никогда.

— Не правда ваша... Могу сейчас доказать-с...

Он подкрутил усы колечком, утер потное лицо надушенным шелковым платком, и глаза его из масляных стали умоляющими.

— Анфиса Петровна, ангел! Ну, один только поцелуйчик... в щечку. Анфиса Петровна!

Но та хохотала злобно.

— Это мучительство. Как вы не понимаете? Я усиленно страдаю...

— Дурак ты, вот и страдаешь,—лицо Анфисы вдруг стало холодным, ледяным, она слюно студеной водой плеснула на распалившееся мужское сердце, и Илья, окутанный внезапным паром страсти, бросился к Анфисе и жадно схватил ее за талию.

— Голубочка! Пшеничка!.. Пощадите мой нервоз...

Вдруг в завешенное окошко кто-то постучал.

— Сам,—в один голос прошептали оба. Со страху у приказчика даже веснушки побелели. Он заметался.

— Полезай в подполье, да проворней. Убьет... Ну!..

Она прихлопнула за ним тяжелую западню в полу и поперхнулась шаловливым смехом. Стучали в калитку. Анфиса отперла.

В белой фуражке, высоких сапогах, поддевке вошел Петр Данилыч. Он оправил густые усы и бороду и взасос поцеловал Анфису.

— Больно! Ишь ты, медведь... куснул как...

— Страсть сладка, чертовка...

— А что это накурено? Гости были? А?

— Я сама.

— Сама? Давно ли куришь? На-ка, на, покури...

Она курнула и закашлялась:

— Крепкая очень.

— Крепкая?—Петр Данилыч засмеялся, снял фуражку.—А я сам-то нешто не крепкий? Эвота какой!.. Грудь-то, кулаки-то...

— Богатырь,—улыбнулась Анфиса. Густые, льняного цвета волосы ее закручены сзади тугим узлом, малиновые губы полуоткрыты.

Он поймал ее белые руки, притянул к себе. Она села к нему на колени. Под полом послышалась возня. Петр Данилыч насторожился.

— Это кот,—сказала Анфиса, засмеялась, словно серебро рассыпала.

Илья Сохатых замер. Будь проклято это низенькое подполье. Он сидел скорчившись на какой-то деревянной штуке между двух огромных кадок и вдруг почувствовал, что его новые брюки из серого трико в полоску начали сзади промокать. Он вскочил и резко ударился—чорт его возьми!—теменем в потолок. Славу богу, кажется, не слышали, сошло. Тогда он освидетельствовал дрожащей рукой то, на чем сидел.

— Извольте радоваться... Грибы, рыжики!..—Он возмущенно засопел и сплюнул.

Он теперь стоял, согнувшись в три погибели, упираясь напомаженным затылком в покрытый плесенью половой настил и раздумывал, как-бы ему поудобней примоститься. Его ухо ловило глухой, сочившийся в щель говор. Раздался смех и поцелуй взасос, длительно и смачно. Илья отер губы, прошипел:

— Дьяволы... А?! Конфликт какой...

— Знаешь, кто у меня в подполе-то? Любовник...—сказала Анфиса и фальшиво рассмеялась.

— Любовник?!—сердито переспросил хозяин, и половицы заскрипели.

У Ильи Сохатых обессилели ноги, и он снова сел в грибы.

— Стой, куда!—крикнула Анфиса.—А ты и поверил? Эх, ты.

Илья Сохатых облегченно вздохнул, осенил себя крестом. Но в сердце его копилась такая буря, что даже холодный грибной рассол не мог умерить злобных его чувств.

— А ведь я тебя не люблю, Петр.

— А кого ж ты любишь?

— Да никого. А впрочем:.. Сокола люблю. Молоденького такого, молоденького. Орленка. Ха-ха-ха... Что, испугался?

Петр Данилыч что-то невнятно пробурчал. Потом замолчали надолго. Золотая щель в полу померкла, видно, загасили свет.

«От ревности меня может паралич разбить»,—злобно подумал Илья, сердце колотилось в нем до боли. «Тоже называется купец... От собственного приказчика красотку отбивает... Эксплоататор, чорт...». Он пощупал карманы. Эх, спички остались там. А надо-бы переменить место, но он боялся пошевельнуться и терпеливо ждал. Накатывалась густая сизая дрема.

Вдруг Илья клюнул носом и очнулся. Тихо. Страшно захотелось есть. Он ощупал кадку. Капуста. Он ощупал другую:—очень просто, огурцы...—Вытащил ядреный огурец и с аппетитом с'ел.

— Свежепросольный,—тихонько сказал он вслух.

Повыше подобрал манжет и вновь запустил руку в кадушку. Огурец попался великолепный. С'ел. Потом икнул.

— Эй, ты мученик! Да ты никак уснул?

— Ничего подобного!—перекосив рот и щурясь от света, крикнул Илья Сохатых и быстро покинул свою тюрьму.

— Да ты не ори, молодчик!—голос Анфисы серьезен, но грудь тряслась от сдерживаемого смеха.—Будешь фордыбачить, вышвырну.

С чувством большой досады и ревнивой горечи Илья проговорил:

— Вы мне большой убыток причинили. Новый жакетный костюм... На что он теперь похож? А?

Анфиса молчала.

— И вот, на основании вашего легкого поведения, я битых три часа в грибах сидел.

Анфиса ударила себя по бедрам, раскатилась неудержимым хохотом. На глазах Ильи мгновенно выступили слезы, он бросился к ней с сжатыми кулаками, но она сгребла его в охапку и, все еще продолжая хохотать, звонко поцеловала в потный лоб.

Илья забыл про все на свете.

— Анфисочка!.. Цветочек!..

— Стой, стой, стой!—она усадила его к столу.—Давай кутить.

Петр Данилыч жил по-русски, попросту: стол у него незатейливый, крестьянский: любил простоквашу, баранину, жирные с наваром щи. Одевался без форсу, просто; в запойное время пил до потери сознания исключительно водку. Человек без широкого размаха, он решительно не знал, куда ему тратить в этой глуши деньги. Пожертвовал в церковь, выстроил дом Анфисе, завел себе и ей обстановку, ковры, часы, узорчатые самовары. А дальше что? Эх, закатиться бы в Москву! Но крылья у него куриные, да и лета не те.

Все-таки за три-четыре месяца он успел проспиртоваться основательно: нос стал красный, лицо опухло, во сне пальцы на руках плясали, всего подергивало. А когда увидал двух мелких чертенят, сидевших, как два зайца, на шкафу, твердо решил в уме:

— Надо сделать перерыв.

Два дня отпивался квасом, ел капусту и на третий уехал верст за пятьдесят в тайгу. Даже с Анфисой не простился.

IX.

ПАРАДОКСЫ ЖИЗНИ. ТРУД И КАПИТАЛ. ЗВОНКАЯ ПОЩЕЧИНА И КРЕПКИЙ СОН.

Средина лета. Путники загорели, как арабы. У Прохора три раза слезала с носу кожа.

Плыть весело, и погода стояла на диво. Вставали с зарей. Пока Прохор купался, Ибрагим жарил шашлык. Фарков возился с ведерным чайником. Подкрепившись, бодрые, пускались в дорогу и уж в пути их встречал солнечный восход.

Вторую неделю весь воздух был насыщен дымом: где-то горела тайга. Солнце стояло большое, кровавое, как до-красна накаленный медный шар. Резкие тона и очертания в ландшафте сгладились, расстояние стало обманчивым, неверным: близкое сделалось далеким, далекое приблизилось вплотную. Воздух был неподвижен. Сквозь молочно-голубую дымку мутно голубело все кругом: лес, скалы, острова,—все тускло, призрачно.

— Ибрагим, как все-таки хорошо... А?

— Вздыху нет. Глаза ест... Худо, Прошка!

Ибрагим сидел теперь в гребях, Фарков на руле: река все еще мелка, а ходовая бороздка извилиста, лукава. Вот глубокое плесо. Фарков говорит:

— Прохор Петрович, у вас есть нажива? Надо к обеду рыбы наловить.

Прохор подает ему коробочку, наполненную слепнями, и прихлопывает у себя на колене еще двух слепней.

— Чорт, сколько их.

У Фаркова пара удочек. Один за другим беспрерывно шлепаются в лодку серебряные караси.—Жирнующие,—радуется Фарков и чрез пять минут заявляет:—Ну, теперича довольно.

Прохор привык к щедрым дарам Угрюм-реки и не удивляется. Он глядит на часы—время обедать. Присматривает удобное место и командует:

— Фарков, к берегу!

— Подале бы, Прохор Петрович,—слабо возражает тот,—деревня скоро.

Прохор чувствует, что дал маху: конечно, в деревне остановиться на отдых лучше: яйца, молоко, ватрушки, но раз сказал—сказал.

— Ты слышал?

Фарков ослушаться не смеет.

Уха очень жирная, каша крутая, с маслом, сухарей изобилие и чай пьют до седьмого пота. Ибрагим среди обеда расстегивает на штанах все пуговки, сбрасывает подтяжки и самодовольно рыгает.

— Что, Ибрагим, наелся?

— Нэт.

Глаза его горят, как у волка, потом затуманиваются, круглая ложка проворно шмыгает из котла да в рот, наконец, он еще громче рыгает и, опьянев от еды, ползет на карачках куда-нибудь в тень всхрапнуть.

Прохору и Фаркову спать не хочется. Фарков лежит на спине и рассказывает о Даниловской сопке, что миновали вчерашний день. В ней есть пещера, где в недавние времена жил огненный змей. Днем его нету, но лишь наступает вечерний час, словно полымем осияет небо—мчится змей. Много крещеных он украл, все больше молодых баб да девок. Жил с ними, до смерти замучивал. О одна, сказывают, родила от него девку-шаманку, ту самую, что Антипа уморила.

— Неужто?

— Да уж я не стану врать. А вот на этом самом месте, где мы лежим с тобой, мужик бабе нос оттрыз. Сначала за косы трепал, а тут оттрыз и выплюнул... Не нарушай венца...

Вдруг вода заплескалась где-то близко и—гортанный крик:

— Тяни, тяни-и-и!

Хлюпают весла по воде, шуршит под ногами галька. Прохор пристально посмотрел в ту сторону: молочно-голубая сказочная мгла скрывала все. Но вот еще немного, и высунулось из дымного тумана почти рядом с Прохором какое-то мглистое чудовище, оно, как неясный призрак, медленно скользило по воде.

— Ну, черти! Тяни, тяни!

Большой шитик. Его тянут на лямках против течения пятеро, шестой маячит у руля, седьмой на носу с багром, он отталкивает судно от встречных камней и карч.

— Ну, черти, ну!.. Так твою в тартынку! Ну!

Пятеро заходят выше пояса в воду и, напрягая остатки сил, буровят грузный шитик.

— Давай, давай, давай!—залпом несется гнусавый окрик и крепкая оскорбительная брань.

— Это купчишка тутошний, торгаш, из армян. Уголовный он,—сказал Фарков.—Уж я его покличу. По шее бы ему накласть. Самый мазурик.

На шитике навалены горой лосиные, скупленные у тунгусов шкуры, на шкурах—три пуховые подушки, на подушках, как Будда в облаках,—важно восседал бородообразный, весь заплывший салом человек. Над ним, бросая тень, колыхался балдахином большой белый зонт:

— Чего встали? Эй, ты, рыжий! Тяни, тяни!..

Веревки вот-вот лопнут, они глубоко впились в согнутые спины батраков. Изнывая от жары и напряжения, люди надсадно дышат, словно запаленные, больные кони.

— Аганес Агабабыч!—крикнул Фарков, приподымаясь.—Вот имечко-то чортово, язык сломаешь,—сказал он Прохору.—Политики его тянут, царские преступники. Аганес Агабабыч, слышь!..

— Кто такие?—отозвалась копна.

— Жители. Тут человек с тобой желает перемолвиться, купецкий сын.

— А-а-а,—протянул торговый и загнусил:—Эй, вы! К берегу... Выбирай постромки, подтягивай бурундучную... К берегу, так вашу в тартынку!..

К Прохору подкатился на коротких ногах-бутылках шарообразный в два обхвата человек, он пыхтел, сопел, обливался потом, мокрая его рубаха расстегнута, рукава засучены, грудь и руки в густой, как у медведя, шерсти.

— Здрасте вам,—он протянул Прохору пухлую ладонь-подушку. Откудова?—говор его не русский, гортанный.

Прохор назвал себя, с интересом рассматривая рыхлую копну на ножках, нескладно обмотанную сукном и ситцем. Торгаш сел по-турецки на землю, спросил:

— Что тебе здэсь надыть? Зачем едешь? Может, торговлю желаишь заводить?—Торгаш засопел, запыхтел, продул ноздри и, покачивая круглой бритой головой, гнусаво стал кричать:

— На-а-прасно! Здэсь пропадешь... Народ—сволочь, все норовят в долг без отдачи. Порадка нэт, управы нэт, чисто разор! Тунгусишки—зверье, орда, того гляди зарэжут... Ой, не советую. Ой-ой!..

— Чего зря врешь, Аганес Агабабыч,—не стерпел стоявший у костра Фарков,—у нас народ хороший. А ты ведь, как клещ, впился—ишь брюшину какую насосал...

— Что-что-что?—копна заработала пятками и грузно повернулась вокруг своей оси к Фаркову.—Что? Клещ?

— А приплывем ли мы до заморозков в Крайск?—спросил Прохор с волнением.

Вновь заработали пятки и копна с великим сопеньем повернулась лицом к нему:

— Хо-хо! Нэт!.. Ты что? Поворачивай-ка назад скорей... Ты знаешь, сколько верстов? Три тыщи верстов отсюда. А река, о-го! Прямо смерть.

Прохор кивнул на сидевших в стороне рабочих и спросил:

— А это кто такие?

— Полытики... Смутьяни... Ссылка... Дрянь. Я их—во!..

— Почему дрянь?—вопросительно взглянул Прохор в его заплывшие, свинячьи глазки.

— А как! Против царя, против порадку, против капиталу? Пускай-ка они, сукины дети, на себе теперича меня повозят, пускай лямку потрут... Ха-ха-ха... Я их—во!..—он вскинул мохнатый кулак и покачал им в воздухе.

— Да ты и весь народ рад—во!—сказал Фарков, горевший нетерпением сцепиться с ним.

— Что-что-что?—повернулась, крикнула копна.—Эй, рыжий! Подайка сюда книжку! Вот посмотрим... Я знаю тебя, голубчика... Ты, Фарков? Знаю... Ты мне больше сотни должен

— Не шиша я тебе не должен... Ты в десять раз дороже накладываешь против настоящего... Ты нас процентой задавил... Ты...

— Что-что-что?!.

Прохор направился к политическим. Как-то в городе он ходил со знакомым студентом на сходку молодежи. Там были и политики. С жаром, справедливо говорили, пели, ругали начальство, порядки. Да как хлестко, как правильно. Прохору очень тогда все понравилось, он о многом расспрашивал студента, который дал ему кой-какие книжечки, правда, очень непонятные и скучные. Прохор кое-как перечитал их и возвратил, ничего почти не запомнив.

— Здравствуйте!

Все посмотрели на его высокую красивую фигуру, на гордо поднятую голову с зоркими глазами. Прохор протянул им портсигар. Закурили.

— И охота вам этого чорта на себе тащить,—начал Прохор,—пристукнули бы его где-нибудь.

Все ласково улыбнулись, а тот, что в шляпе, сказал, вздохнув:

— Если начнешь пухнуть с голоду, на все согласишься. Чалдоны на работу не берут, да мы и не можем: тайгу корчевать, да новину распахивать где ж нам.

Прохор посмотрел на его бледное, в черной бороде лицо, на белые вспухшие от комариных укусов руки, к которым плохо приставал загар.

— Я, например, бухгалтер, а товарищ мой—фармацевт,—сказал другой, тщедушный, маленький,—а вот этот человек—юрист, известное дело, мы к мужичьему труду не приспособлены. А вам сколько лет, товарищ?

— Двадцать,—соврал Прохор, и все поверили ему.—Я тоже купец,—сказал он.—Может быть, сюда приеду работать... Но я дело иначе поведу.

Тот, что в шляпе, безнадежно махнул рукой, но все-таки полюбопытствовал:

— А как же?

— Прежде всего этого бегемота и всех мерзавцев, что грабят мужиков, в омуте утоплю... А потом...

В это время у костра страшно заорали:

— Жулик!!

— Нет, ты жулик!.. Вот кто!

Фарков стоял прямой, как столб, длинные его руки покачивались. Возле него подпрыгивал запыхавшийся толстяк и тыкал в его лицо раскрытой книжкой:

— Вот запись! На-на! В тюрьма!.. На поселенье!..

— Тьфу, твоя запись!—свирепо плюнул Фарков на книжку.

Толстяк, припрыгнув, ударил Фаркова в подбородок, тот с размаху ткнул кулаком в тугое брюхо. Толстяк отпрыгнул, пригнул голову и, быстро крутя кулаками, двинулся, как вепрь, к противнику. Тот грохнул кулаком по жирной спинище, как по тесту, но тотчас же от хлесткого удара слетел с ног.

— Аг-а! Так твою в тартынку!!

Все слилось в ревущую неразбериху: вот меж ногами Фаркова хрипит и закатывает глаза налившаяся кровью голова армянина, вот сам Фарков, царапая скрюченными руками землю, юлит, как большой ящер, выползая из-под рухнувшей на него горы. Облаком взметнул песок, с хрустом шебаршит щебень,головни и горячие сучья, словно жар-птицы летят из костра куда попало.

— Довольно!!—во всю мочь вскричал Прохор и бросился их разнимать.

— Баста,—грузно поднялся толстяк, как свекла красный и стал вправлять в штаны выбившуюся разодранную рубаху.—Будешь?!

Фарков молча схватил весло и опоясал толстяка по широкому седалищу. Звонкий, хлесткий, как пощечина, удар враз покрылся дружным ядреным хохотом. Армянин схватился за вспыхнувший от удара зад, плюнул в Фаркова и скомандовал:

— Эй вы, к шитику!—И прокричал с подушек, потрясая распущенным зонтом:—В острог, сукин сын, в острог!!. Есть свидетели!

— Каторжанин!—грозил веслом Фарков,—сколько человек зарезал-то?!

Забурлила вода, захлюпали натруженные ноги дальше, призрачней, и все потонуло в мутной синеве. Только слышалось:—Тяни-тяни!—и терпкая, как турецкий перец, ругань.

Прохор долго, грустно смотрел туда, где скрылся чертов призрак, потом подошел к потухшему костру. Фарков теплым чаем тщательно промывал подбитый в свалке глаз.

Вдруг в соседнем кусту зашевелилось—приподнялся Ибрагим и посмотрел на солнце.

— *Никак проспали?*

— Кто проспал-то?—засмеялся Прохор.—Тут целая война была... Неужто не слыхал?

— Чего врешь,—мрачно отозвался черкес.—Какой война?

— *Вот так дрых!*—крикнул Фарков.—Вишь, даже глаз мне подбить могли... Война и есть. Ведь, тебя истоптали было. Кувыркались через тебя.

— *Чего врешь!*—Ибрагим насупил брови и сердито ворочал белками.—Мертвый я что ли?—Большая лысина его сияла.

Прохор с Фарковым закатились хохотом.

Ибрагим икнул и хмуро потянулся к чайнику.

(Продолжение следует)

СЕРГЕЙ МАРКОВ.

Голубая ящерица

Рассказ.

I. ЯЩЕРИЦА.

Откуда под кустом саксаула появилась ящерица—Чигирисов не знал. Он заметил ее внезапно, взглянув на узловатые бронзовые подножья мертвых кустов.

Камни от жары посинели и стали похожи на разбросанные в беспорядке куски мыла, которыми цыгане моют лошадей. Даже шумная тень сексаула, истрепанная горячим ветром, была синей и неуловимой, как полы халата скачущего барантача. Но ящерица была голубой, и только вдоль спины ее шла темно-синяя полоса, какая бывает на спине рыбы, если на нее смотреть сверху.

Вдруг Чигирисов вскочил на ноги и, потирая лоб, стал смотреть на куст саксаула, на грозные ветки куста, похожие на повисшие руки скелета, закрывшие серыми выветрившимися пальцами норку ящерицы.

Чигирисов, вспомнив что-то, нагнулся над разостланной на песке кошмой, поднял тяжелое седло и вынул из-под него распухшую походную сумку. Она, кроме двух обойм патронов и походной аптечки, хранила самую ценную для Чигирисова вещь Это была тетрадь в потрескавшемся, как черный солончак, клеенчатом переплете. Чигирисов записывал в нее все то, что он считал примечательным. И теперь, вытащив обгрызанный карандаш, владелец черной тетради начал покрывать бумагу неровными скачущими строчками.

Лицо пишущего, гладкое, сухое, с изогнутыми углами губ, было озабочено. Фуражка с'ехала на то место, где когда-то жило правое ухо, отрубленное под Аще-Бутаком шашкой башкирского егеря. Снеся ухо, сталь проехалась по щеке и громадный шрам—страшная дорога клинка—прошел к углу рта. Сам Чигирисов, поэтому, шутя звал свою щеку двухэтажной. Да и вся его фигура казалась двухэтажной; Чигирисов сгибал на ходу туловище и шел неуклюжей походкой истого кавалериста. Вот и теперь он сидел, слегка пригнувшись, как в седле, когда лошадь идет шагом.

Чигирисов исписал несколько страниц и, играя изумрудно-золотым огрызком карандаша, стал читать написанное:

«Сегодня жара особенно сильна. До города осталось три перехода. Проводник ушел искать воду напоить лошадей.

Я лежу на песке. Под головой седло (это потому, что тарантул боится конского пота). Полковник Рой больше всего боялся тарантулов. Он был суеверен и в тарантуле видел не только мохнатого рыжего паука. Сегодня я не

видел ни одного тарантула. Зато сейчас под куст ушла великолепная ящерица. Она, голубая от жары, была похожа на белокрылого дракона лилипута.

При виде ее я вспомнил случай, который был записан в утраченную навеки тетрадь.

...Ровно восемь лет назад я мерял здесь, в Сары-Арка, эти горячие степные версты. Мы шли против Роя. Он был храбр, этот бандит-романтик. Я слышал, что полковник носил английский шлем, снимая его в секунды расстрела пленных. Попав в степь, Рой снял шлем и надел киргизскую шапку с орлиным пером и шелковый монгольский халат.

В своих воззваниях полковник писал слова английского поэта:

— Запад есть Запад, Восток есть Восток.

Он верил, что Восток погасит багровые фитили революции. Рой верил, что его Восток—не одни толстощекие, угрястые потомки древних султанов и присяжный поверенный Куралиев, прапраправнук Тамерлана и организатор азиатской армии.

...Я хорошо помню тот вечер, когда я с пятью красноармейцами догонял свой отряд. Когда мы поили лошадей на желтом берегу Туз-Булака, в воздухе лопнуло несколько выстрелов, и самый отчаянный наш запевала, Макус, упал пробитой головой прямо на луку моего седла. Вслед за этим кто-то мгновенно вбил в мое правое плечо невидимый гвоздь...

...Очнулся я, когда услышал разговор. Он, наверное, был очень громким, потому что говорящие широко раскрывали крепкозубые рты, но я едва улавливал слова.

— Солить что ли твоего комиссара?—орал один из бородатых оборванцев в мятых погонах и громадных степных сапогах.—Одежда на нем подходящая. Какой к монаху ему штаб еще, сказано просто—военная добыча. Ты мне шарабана не пой.

Другой солдат с лицом метиса, но в высоких сапогах с гусарскими кистями, возражал:

— Замри, Бардадым, в два счета. Приказано пленных брать в юрту. Ну! Я отвечаю.

Мохнатый Бардадым отошел, ворча, к костру, где солдаты, похабничая, таскали из котелка бараний жир, похожий на стеарин.

— Ну, ты, волчья пища, лежи,—мимоходом пнул меня Бардадым.—Сейчас повезем комиссара,—крикнул Бардадым солдатам.

...Из шести нас осталось в живых трое. Двое простились с дарованной на полдня жизнью на пороге штабной юрты. Их зарубил Бардадым по знаку, поданному из юрты кем-то, невидимым мне. Меня Бардадым ударил в спину эфесом дымной багровой шашки. Я, защищаясь, поднял ослабевшие руки и, шатаясь, переступил порог.

Навстречу мне бросилась шумная золотоплечая фигура. Пестрые цветы шелкового монгольского халата цвели на груди, мешаясь с рыжим золотом усов, свесившимися по-китайски вниз. Слегка вздернутый нос рыжеусого человека, трепетал тонкими ноздрями; так трепещет теплая пленка на желтых зрачках ястреба.

Человек схватил меня за руки:

— Татуировка. Бардадым, оставь его. Где вы сделали эту татуировку?

Офицер держал меня тонкими сухими руками за запястья. Теперь я почувствовал, что он ниже меня ростом; Рой, держа мои поднятые руки, вставал на носки и на груди его, на уровне моих глаз раскачивался золотой Георгий.

— Опустите руки.

Офицер уронил желтые глаза вниз и произнес более спокойно:

— Где вы сделали татуировку? Хороши змеи, они лучше банальных драконов... Та-ак... Я доволен. Я умею ценить искусство. Ну, отвечайте.

Я молчал. Рой пошел в глубь юрты, снял халат и остался в белой рубахе, перекрещенной радужными подтяжками. Ворот рубашки был растегнут, и я увидел на сухой груди большую голубую ящерицу. Хвост голубой ящерицы был изображен неверно—он окружил крутым завитком коричневый левый сосок. Полковник, наклонив голову, свесил усы на грудь, рассматривая татуировку.

Потом он спросил отрывисто и капризно:

— Как вам это нравится?

— Маниак—подумал я и быстро сказал:—Меня удивляет, что...

— Что?—грустно произнес Рой и взглянул на меня.—Вы хотите сказать, что это вам нравится? Очень плохая работа.

Офицер задумался, теребя усы. Потом он провел меня на середину юрты и усадил на кошму. Только сейчас он заметил, что я ранен. Брезгливо разглядывая мою слипшуюся от крови рубаху, он тихо сказал:

— Вас перевяжут...

— Знаете, что,—сказал я спотыкающимся голосом,—нечего ломать комедии. Делайте со мной то, что хотели сделать.

Рой взглянул на меня и улыбнулся.

— Бросьте. Я сам боюсь смерти, но я твердо заучил слова, которые каждый хочет сказать при расстреле. И папиросу я буду курить.—Он снова улыбнулся.—Все это нужно для других. В душе у вас, сознайтесь, сейчас кошки. Вот вы даже чести мне не отдали, а я бы обязательно отдал. Для истории-с,—хрипло рассмеялся Рой.

— Издевается,—подумал я и украдкой взглянул на его лицо. Но оно было задумчиво и спокойно, дым облаками висел на рыжих усах.

— И вы, наверное, как говорится, не дрогнете. Но нужно запомнить—он загнул тонкий белый палец,—во-первых, мы—враги. Во-вторых,—поднялся другой палец, украшенный перстнем,—мы не привыкли миндальничать друг с другом. В третьих, четвертых и пятых,—офицер поднял всю согнутую пятерню,—вы мне просто нужны и только поэтому я вас оставляю в живых. Наконец,—это опять-таки для истории—я могу пощадить вас из каприза, восхищен храбростью и прочее, кстати мне доносили, что вы хорошо отбивались.

— Сумасшедший,—опять подумал я.

Рой встал и крикнул солдата-киргиза, торчавшего у дверей:

— Тулюбек, взять его в отдельную юрту. Вы, я вижу, не расположены к разговорам. Да смотри, не подпускать к нему Бардадыма.

Полковник криво улыбнулся и прошептал:

— Бардадым меня самого когда-нибудь убьет.—Лицо Роя исказилось.—Но мне старик в Сары-Чие предсказал смерть от тарантула... Глупо? Да, я суеверен.

...Я провел в штабе Роя трое суток. Полковник являлся ко мне вечерами и заводил долгие разговоры.

— Я всех своих головорезов татуировать буду. Видел я ваш дневничок, прочел. Художник Чигирисов, вы не зря учились вы нарисуете великолепную ящерицу, она будет знаком моего отряда.

Он сидел у меня подолгу, поджав по-киргизски ноги в гусарских сапогах. Орлиное перо на шапке колыхалось, как пучок ковыля, свирепые усы на бледном лице временами походили на перья огня. Рой был искренне огорчен, что я не разговариваю с ним.

...На четвертые сутки я бежал, выбравшись ночью через тюндюк юрты, когда часовой отошел от двери, по нужде, в кусты.

Я прятался в камышах зеленых озер и ел солодковые корни, пока не наткнулся на красную разведку.

...Ящерица сейчас ушла в нору. Жаль. Она мне многое напомнила.

Когда ящерицу ловишь—она оставляет хвост. Это я давно где-то слышал».

Чигирисов захлопнул тетрадь. Шурша расползающимся песком, подходил проводник. Лошади шли у него в поводу, тихо и понуро.

— Су джок, воды нет,—кричал проводник издалека.—Проклятый колодец пересох. Надо искать аул.

2. МАЛЯРИЙНЫЙ ПРИБОЙ.

— Кым аулы?—орал проводник испуганной киргизке, доившей кобылицу у крайней юрты дымного кочевья.

Проводник был опьянен ролью провожатого высокого, по его мнению, лица и на этом основании заламывал потный малахай больше обыкновенного.

— Сатбай аул,—ответила киргизка и крепче надавила замшевые сосцы кобылицы.

— Начальник,—промолвил проводник,—ты остановишься у Сатбая.

— Давай, где хочешь,—махнул рукой Чигирисов и вспомнил о горячей баранине и кумысе.

Сатбай встретил гостя низким поклоном.

— Бай—решил Чигирисов, взглянув на распухшее, как турсук, лицо хозяина юрты, но сказал:—Здравствуй,—и прибавил по киргизски:—Аман!

Сатбай радостно закивал бородой:

— У меня стоял начальник с одним красным столбиком на вороте, а у тебя их целых три. Начальник, у тебя их скоро будет пять, я это знаю—Сатбай зажмурился от восторга.—И на груди маленькое красное блюдце!

— Дурак!—улыбнулся Чигирисов.—Пяти столбиков нет!—и вдруг почувствовал на спине бег легкого озноба. Он поднял плечи и прошептал:—Малярия.

Горячий душный чай и окутанная соленым паром баранина тянули ко сну. Чигирисов лег на кошму и на минуту унес в сон тяжелый разлив заката, тучную фигуру Сатбая и звон кобыльего молока, падавшего в ведра вечерних доильщиц.

Беспокойство качало Чигирисова в своем неосязаемом тумане. Голубая, как разбавленная ртуть, ящерица скользила по пескам, пески двигались и шумели, расступаясь перед всадником в багровом шелковом халате. Всадник бил ящерицу нагайкой, ящерица исчезала и вновь появлялась, как саламандра, из голубого огня. Удары нагайки падали часто, как выстрелы, и ящерица кричала человеческим голосом...

Чигирисов повернулся на бок и проснулся. Человеческий крик рос в ушах. Теперь проснувшийся понял, что за порогом юрты кого-то бьют. Он вытащил из-под подушки наган и пошел к выходу, шатаясь в качающемся ночном дыме.

Чигирисов столкнулся с хозяином, еще размахивающим длинной палкой. Сатбай от волнения путался в халате. На земле вниз лицом лежал человек. Он глухо стонал.

— Что тут такое у тебя?—строго крикнул хозяину Чигирисов.

Сатбай, заикаясь от восторга, сообщил:

— Работника бил. Сейчас волк барана утащил, а он проспал. Работника учить надо,—прибавил Сатбай и грустно вздохнул, увидев наган в руках Чигирисова.

— Учить надо!—возмутился Чигирисов.—Ты, смотри у меня, я тебя научу. Не тронь его, а то я с тобой по-другому говорить буду.

Сатбай упрямо оскалил зубы:

— Начальник, этот проходимец—бездельник, нечего за него заступаться.

Человек продолжал лежать на земле. Он бессвязно говорил по-киргизски, но вдруг слух Чигирисова прокололо русское знакомое слово.

— Нет, мне послышалось—подумал Чигирисов.—Как мог сказать этот киргиз, откуда он знает слово: Восток. Но какой знакомый голос, где я мог его слышать?

Сатбай все еще стоял с палкой, карауля свою жертву.

— Пошел в юрту, т-ты!—закричал на него Чигирисов.

Сатбай, глухо ворча, закрыл вход широкой ватной спиной.

Чигирисов сделал шаг к лежащему, но тот внезапно завыл и пополз на четвереньках от юрты, ломая ослабевшим телом сухой бурьян.

— Дикая история!—Чигирисов провел горячей ладонью по вспотевшему лбу.—Однако, у меня малярия. Надо узнать завтра об этом работнике.

3. РЫЖИЙ КИРГИЗ.

Утром больной глотал хину. Юрта была пуста. В углу вздыхал кумыс, томящийся в плену кожаного мешка. Крупные мухи, как будто только что выкупавшиеся в густых фиолетовых чернилах, блестели жирными спинками, садясь на измятое горло мешка.

Вдруг скрипнула дверь и в ней появился человек в изорванном халате. Он шел осторожно, ступая черными босыми ногами. Голова человека была похожа на дыню, обсыпанную на остром ее конце толченым кирпичом—рыжая щетина усов и бороды резко выделялась на бледном лице. Худые руки висели вдоль тела, кисти их были пергаментно желтыми, как руки хирурга, обтянутые перчатками.

Человек озирался по сторонам. Увидев в углу брошенную баранью кость с остатками перламутрового жира, он жадно схватил ее и спрятал в недра отвисшей пазухи.

— Это вчерашний работник—догадался Чигирисов и с изумлением стал вглядываться в лицо худого человека.—Эй, послушай!—крикнул Чигирисов.

Человек вздрогнул и только на пороге поспешно обернулся и спросил по-киргизски:

— Не герек? Урус бельмеим...

Лицо работника надвигалось на Чигирисова, плыло в глазах, оно сейчас было особенно знакомо.

— Сейчас, сейчас... Сейчас я вспомнил... Надо только закрыть глаза и сразу (Частицы мыслей неслись в мозгу пылью, поднятой степным ветром).

Когда Чигирисов открыл упрямые глаза, в юрте никого не было.

— Рыжих киргиз не бывает!

Чигирисов повторил эту фразу несколько раз, до тех пор, пока она совершенно не потеряла первозданного смысла. Тогда встревоженный человек стал бояться того, что он забудет эту фразу.

На помощь пришел карандаш, оставивший в заветной тетради длинную тучную строчку.

Чигирисов подумал:—Вероятно боязнь забыть слово и породила поэзию.

В ушах гудел малярийный прибой.

4. *КИРГИЗЫ НЕ БЫВАЮТ РЫЖИМИ!*

На следующее утро Чигирисов понял, что сейчас должно случиться что-то важное и неизбежное. Нужно пойти и самому протянуть неизбежному руку.

Он стучал зубами, подтягивая упрямую портупею.

Полдневная степь убегала от жгучего ветра к далеким Гнедым Горам. Лошади били песок копытом и гремели грудью, они были до самых грив зелеными от липкой полыни. Верблюды—нары несли золотые горбы, как тюки с дорогой шерстью.

Небо качалось и гудело, и края его загибались, как листы выкрашенной жести. По земле мгновенно проносились тени беркутов, падавших на землю черными подбитыми аэропланами.

Чигирисов шел, широко расставляя ноги, обходя обросшие, как мхом, пеплом ямы походных очагов. Вдруг он дернул разделенной надвое щекой у обглоданных коновязей сидел Рыжий...

Он обгладывал желтую бычью кость, большая черная собака слизывала крошки, прилипшие к легкой ладони оборванца.

Он не замечал Чигирисова.

— Маугли, Маугли,—сумасшедше бормотал Рыжий собаке.

Чигирисов дернул двухэтажной щекой и стал заходить сзади Рыжего.

В глазах закачались худые плечи, сгорбленная спина сидящего. Но они были так далеко, как казались бы они, если на них смотреть в перевернутый бинокль. Поэтому Чигирисов, протягивая руку, на минуту подумал, что рука не дотянется до худого плеча работника. Но рука упала, сжалась во властной судороге и Чигирисов почувствовал под пальцами твердую, как корень, ключицу.

Один из людей злобно рассмеялся, когда Рыжий закричал от испуга и запрокинул хрипящее лицо.

Держа работника за плечо, Чигирисов тяжело опустился на землю и задохнулся словами:

- Киргизы не бывают рыжими... Ящерица не оставит хвоста... Понятно? Хорошо поговорить по-русски.

Рыжий метнулся в сторону, но качнулся и снова сел, не успев поджать под себя ног. Он скалил оранжевые зубы и молчал, дергая губой.

Минуту молчали оба. Потом Рыжий поднял голову в отчаянья храбреца:

— Я вас узнаю... Я скажу то, что когда-то вы говорили мне в юрте: нечего ломать комедии!

Чигирисов слабо улыбнулся изуродованной щекой и провел свободной рукой по лбу.

— Будет сказка про белого бычка что ли? Мне придется в ответ приводить вашу теорию о храбрости, да?

Рой опустил глаза в рыжих стрелах ресниц, как бы стараясь скрыть под ними прыгающие губы. Потом он закричал, теряя слова:

— Будь проклято все, все... Они бросили меня в степи... больного... беспомощного... Бежали, как стада тушканчиков от наводнения... в Чугучак, к китайцам... под защиту... У меня в ноге сидела пуля, я был в тифу. Они сбрасывали с подвод раненых... спасались сами. Бардадым зарублен в бою... Я лежал здесь один в песках...

Рой захлебнулся словами и схватился, кашляя, за грудь. Зеленый, как лист тополя, плевок, распластался на песке.

— Меня подобрал Сатбай... Я-я,—голос Роя рухнул,—я топтал кизяк, доил кобыл, рыл колодцы. Восемь лет... Он меня бьет палкой каждый день... Он меня экс... экспло-атирует.

Рой закрыл на минуту лицо ладонями, но снова вскинул их, закричав:

— Я перестрелял бы их... Всех, всех!

Лицо полковника было стянуто пятерней судороги. Чигирисов медленно снял руку с плеча Роя и раздельно проговорил:

— Экспло-а-тирует... Однако, вы выучились только сейчас таким словам.

Чигирисов встал, широко расставив ноги, и с удивлением взглянул на Роя. Полковник плакал, страшно и убеждающе, как плачут взрослые люди.

— Вы никуда не убежите от меня, Рой. Вам некуда бежать, поняли? А теперь пойдемте уже в *мою* юрту.

Оказалось, что полковник хром Рой шел приседая так, что полы халата мели землю. Это Чигирисов заметил только сейчас.

5. КОНЕЦ ЯЩЕРИЦЫ.

Малярийный припадок прошел. Чигирисов лежал в расстегнутой рубашке у подножья пирамиды сундуков Сатбая, вознесшейся у западной стены юрты, и пил чай.

Полковник сидел, поджав ноги, у костра, гудевшего, как примус, жадно курил и слушал.

— Мы не мстим... Вы получите только то, что заслужили... Принимая во внимание...—говорил Чигирисов.

— Вы не подумайте, что я просто струсил,—обидчиво возражал Рой.— И я не просто сдаю оружие, я его снова беру в руки, но только для того, чтобы служить вам. Но это—после суда. А пока... судите меня,—он рассмеялся, по-прежнему хрипло...—Я, как апостол, отрубил ухо воину, ибо думал, что это так и нужно.

— Чигирисов поморщился:

— Однако, у вас сравнения.

Полковник пустил дым папиросы на огонь, дым на секунду зарозовел и унесся вверх вместе с гудящим кустом костра.

— Ничего не поделаешь, сразу вы меня не перевоспитаете... Помните, как он меня бил, а-а?—Рой застонал злобно и мучительно. -Я стал на многое смотреть по-другому... А он меня бил восемь лет.

— Да-а,—протянул собеседник Роя.—Я думаю, что вы действуете честно. Завтра мы поедем с вами, Рой.

Полковник молча мешал палкой в костре.

Сатбай из дальнего угла юрты со страхом смотрел на двух людей, греющихся у одного костра.

— Вы очень потели, Чигирисов,—сказал после молчания Рой,—за прошлую ночь я сменил вам две рубашки.

— Малярия,—вместо ответа сказал Чигирисов, и стал укладываться спать.

На рассвете Чигирисов проснулся от мутного и вязкого беспричинного беспокойства. Роя не было в юрте. Чигирисов вышел к коновязям и осмотрелся кругом. У соседних юрт лениво лаяли собаки и в тумане спины их казались особенно темными.

— Вы рано встали,—упала сзади хриплая фраза.

Чигирисов обернулся и увидел полковника. Лицо его было влажно, рыжая щетина потемнела от воды.

— А я, знаете ли, прощался со своими коллегами... пастухами, да вот, видите, мылся на колодце.

Голос Роя звучал странно, хмурые глаза были опущены вниз.

— Надо за ним приглядывать,—решил Чигирисов и громко сказал:— Пойдемте в юрту.

В юрте Рой еще больше помрачнел. Он сидел на кошме, пренебрежительно разглядывая ее цветные узоры.

— О чем вы думаете?—резко спросил Чигирисов и взглянул на часы (было рано и еще хотелось спать).

— Я думаю о том, что все это странно. Чем меня встретят там, поверят ли?

Чигирисову вдруг непредставимо захотелось спать и он зевнул, но, спохватившись, обернулся к Рою:

— Бросьте. Мы с вами уже говорили об этом.

Рой благодарно улыбнулся, и Чигирисов успокоенно подумал, что за полковника не надо бояться.

Засыпая, он услышал, как Рой пробормотал отрывистую фразу, из которой было понятно только одно слово: тарантул.

— Что вы, какие здесь в юрте тарантулы?—возразил тускло Чигирисов и тотчас же уснул.

Если бы не наган, давивший бедро, давал меньше знать о себе, Чигирисов проспал бы очень долго.

Он открыл глаза и осмотрелся—Роя опять не было, как не было в юрте и Сатбая. Чигирисов стал было подниматься, но снова быстро лег, услышав легкий шум снаружи.

Вдоль круглой стены к дверям кто-то крался... Чигирисов положил вынутый револьвер в рукав и закрыл глаза.

Наконец, дверь тихо скрипнула и кто-то тихо вошел в юрту. Этот «кто-то» стоял на ее середине, не решаясь идти дальше или готовясь к прыжку.

— Руки вверх!—закричал Чигирисов, открывая глаза.

Перед ним стоял Рой...

В углах губ полковника колыхалась белая пена, лицо было разрублено морщинами гигантского страха. Рой кричал, блестя глазами, подняв над головой сексауловый сук:

— Тарантул!!!

Любопытство опасного охватило Чигирисова, и он с жестким спокойствием посмотрел на Роя.

Полковник завыл, когда кинулся на Чигирисова, широко размахнувшись саксаулиной.

— Не подходите!—закричал Чигирисов, но вдруг сразу понял, что надо стрелять.

Когда Рой упал, Чигирисов с ужасом увидел, что у полковника закрылся один глаз, а веко другого дергалось и поднималось, мелькая рыжими длинными ресницами, казавшимися сейчас необычайно большими...

Чигирисов вскрикнул от внезапной догадки. Он, стуча зубами, отошел в угол и, еще держа револьвер на весу, расстегнул ворот рубахи.

По груди распластывался синий многолапый тарантул, окруженный замысловатым узором.

— Совпадение,—сказал тихо Чигирисов.—Хорошо, что Рой не увидел этого восемь лет назад.

НИКОЛАЙ АНОВ

Ядовитое Жало

Рассказ.

I.

Фельетонист Маринич, по заданию редакции, принимал участие в ночном обходе с агентами уголовного розыска. Под свежим впечатлением он написал большой очерк о беспризорниках. Очерк был помещен в газете, а спустя неделю пришел в редакцию необыкновенный посетитель: подросток лет пятнадцати, в длиннополом пальто, галошах на босую ногу и в дамской розовой фетровой шляпе. Собственно говоря—пальто не было. Была лишь одна ватная подкладка без верха, и мальчуган походил в ней на большую диковинную птицу.

Он внимательно оглядел в редакции всех сотрудников и подошел к столу Маринича.

— Я к вам, товарищ. Сочинение принес.

Маринич взял измятый лист бумаги, крупно исписанный карандашом, и принялся читать.

«Тов. редактор!

Вы, может быть, спотыкнетесь с непривычки на запятой, подумаете какой дурак это пишет. Это пишет беспризорный. По правде сказать и не беспризорный, а короче и яснее—человек, который умеет переживать всякое несчастье и отдален от других людей. И он просит товарища редактора не отказать отпечатать эту статейку под заглавием:

ПРОСВЕЩЕНИЕ ТЕМНЫХ И ЗАБОТЫ О БЕСПРИЗОРНЫХ.

Редким людям приходится переносить то, что переносят люди, которые всю зиму живут в кирпичном заводе. Хотя и писали о нас в газете кое-что, но это, можно сказать по правде, половина голимая ложь, а половина правда.

Случаи с нами часто приходятся такие: например, к нам заходят в ночное время работники уголрозыска. И так как у нас помещение такое, что зеркальный буфет поставить невозможно, то и продукты приходится класть на пол. И вот зашли товарищи Ильин, Сметанин и Кайгородцев, а товарищ Сметанин наступил своими грязными сапогами на хлеб. Заметя это, Антошка Бурин предложил ему, чтобы он больше не наступал. Но тот, услыша резкий ответ мальчика, со всего размаха ударил его пинком по животу, так что мальчик, как жевал во рту кусок хлеба, от этого удара он даже его выплюнул и едва отдышался. И это только описан один случай. Но, если товарищ редактор не откажет эту статейку, то можно будет написать и кой что получше из таких же интересных и полезных случаев.

Если какого слова нехватает, прошу добавить и дать ответ в конце статьи. За неправильность я отвечаю. С почтением Иван Орлов. По газете Ядовитое Жало. Адрес: Кирпичики, третья печь, вход с парадного».

Маринич улыбнулся:

— Это ты и есть Ядовитое Жало?

— Я самый, товарищ.

— Ну, что же, напечатаем, пиши еще, деньги заплатим.

— Да мне денег не надо... Я, товарищ, для справедливости стараюсь...— Ядовитое Жало переминался с ноги на ногу:—А когда напечатаете-то?.. Я газету купил бы...

— Послезавтра.

— Ну, спасибо...

— Заходи еще,—крикнул Маринич вдогонку.

Ядовитое Жало кивнул головой, а Маринич стал соображать: как использовать письмо беспризорника. Ему очень хотелось напечатать первый литературный опыт Ядовитого Жала.

II.

На другой день после того, как заметка Ядовитого Жала была помещена в газете, беспризорник пришел в редакцию.

— Спасибо,—поблагодарил он Маринича,—поддержали братву.

— Садись...

Ядовитое Жало сел.

— Ты чем живешь?—поинтересовался Маринич, откидываясь на спинку кресла.

— Всем понемногу...

— Воруешь, люди?

— Есть малость...

— Нехорошо это,—покачал укоризненно головой Маринич.

— Чего уж тут хорошего,—охотно сознался беспризорник и пояснил:—От нужды, конечно, товарищ, а не с радости...

— Ну, ладно. Я тебе записку напишу, ты пройдешь в контору и получишь восемьдесят копеек. Еще пиши, приноси... Может быть, мы тебя на работу устроим.

С этого дня Ядовитое Жало сделался частым посетителем редакции. Он приносил заметки, Маринич относился к нему снисходительно и все, что можно было, помещал в газете.

Попал как-то Ядовитое Жало и на рабкоровское собрание. Он забился в угол накуренной редакции и просидел так, не двигаясь, до самого окончания.

Маринич делал доклад, говорил о ленинизме и как надо писать покороче заметки в газету. Потом выступали рабкоры. Один из них, рыжий и кривоглазый, размахивая крупными жилистыми кулаками, кричал:

— Нам говорят про хорошее пишите, а ежели хорошего днем с огнем не сыщешь?.. Я вон пока искал хорошее, с пяти местов вылетел. А почему? Гады кругом засели, окопались...

Маленькая женщина в веснушках, словно боясь, что ее прервут, быстро заговорила с места, поправляя косынку:

— У нас в учреждении машинисткой работала товарищ Козловская, замечательно обходительная, пожилая женщина, а товарищ Музыкантский свою барышню захотели пристроить. Ну, ясно: Козловскую уволили, а барышню взяли... А уж барышня тоже! Краски да пудра и больше ничего нет! Ей-богу! На что польстился человек только! Не понимаю. Я, конечно, как стенкорка, в стенгазету. Товарищ Музыкантский тогда вызывает меня и говорит: «Если вы будете гнусную склоку разводить, я с вами, как повар с картошкой, разделаюсь». Я, конечно, ему отвечаю: «Я не картошка, а стенкор, и вы не повар,

а член партии... Можете за гонение стенной печати ответить». Он струсил, но картина, товарищи, прежняя. Козловскую не приняли, а меня при первом сокращении уволят...

Рабкоровское собрание затянулось до двенадцати часов, а когда кончилось, Ядовитое Жало, выскочил первым. Он шел по пустынным улицам и насвистывал:

Полюбил Катю, поверил
И квартерку Кате снял...

А в голове у него роились новые, смутные мысли. Ядовитое Жало чувствовал, что он вошел в соприкосновение с хорошими людьми, которые также пишут, как и он, в поисках справедливости. Если разобраться,—жить на свете еще можно!

Резкий, продолжительный свисток милиционера заставил его насторожиться:—кого-то ловят. На всякий случай Ядовитое Жало повернул назад. Справедливость—справедливостью, а в милицию попадать не хотелось. Второй свисток раздался совсем близко. Он подогнул длинные полы пальто и побежал, ускоряя шаги. Две тени оторвались от соседнего дома и пустились ему наперерез. Ядовитое Жало мерял глазами расстояние улицы до угла и соображал: кто первый добежит—он или преследователи? Если он—спасен, если они—пропал. Бежать было тяжело, сердце хотело выскочить из груди, но Ядовитое Жало понимал, что на карту сейчас ставится все.

— Держи!—захрипел кто-то сзади.

Спасительный угол был недалеко. Там сквер, кусты, а в кустах—поди, разыщи его! Неожиданно навстречу ему вынырнула фигура.

— Если мильтон—плохо, а простого сшибу,—мелькнула горячая мысль в голове Ядовитого Жала.

Он бежал прямо на темный силуэт стоявшего перед ним человека и наклонил голову для удара в живот. Человек ловко отскочил и подставил ногу. Ядовитое Жало перекувыркнулся и упал на мостовую. Он сильно расшибся и со злости схватился за подвернувшийся осколок кирпича.

— Ах, ты...

Кирпич мелькнул в воздухе, а человек, подставивший ногу, неожиданно закрыл лицо руками. Ядовитое Жало хотел побежать дальше, но подскочивший милиционер ударил его тяжелым сапогом в живот.

— Стекло в магазине вырезали,—услышал Ядовитое Жало,—сейчас одного поймали.

— Да это мальчишка...

— Во-во, он самый и вырезал...

Ядовитое Жало потащили в уголовку. Он шел молча, засунув руки в карманы, с непокрытой головой. Шапка где-то потерялась, скорей всего, когда он бежал от милиционеров.

III.

Недели три спустя после злополучного для Ядовитого Жала рабкоровского собрания, Маринич получил письмо. Адрес на об'емистом конверте был написан знакомым почерком. Маринич разорвал конверт и прочел письмо Ядовитого Жала.

«Товарищ Маринич!

Шлю вам рабкоровский привет из дома малолетних преступников. Страдаю за чужого дядю, который сплетовал, а я влип безвинно. Но быть рабкором я желаю попрежнему Поэтому посылаю вам статейку, которую вы просили, под заглавием «Как Ядовитое Жало сделался ширмачем».

(Тут Маринич недоумевающе поднял брови, а после улыбнулся. Он вспомнил, что, действительно, несколько раз просил Ядовитое Жало написать на эту тему воспоминания).

Маринич отложил рабкоровские заметки в сторону, закурил трубку и с интересом прочел автобиографию Ядовитого Жала.

КАК ЯДОВИТОЕ ЖАЛО СТАЛ ШИРМАЧЕМ.

(Написано по поручению товарища Маринича).

Сам я уфимский, а отец мой крестьянин, и жили мы в Шаровке. Конечно, в деревне нет никаких каменных домов, как в городе, и люди живут сытнее: у нас было три коровы, четыре лошади и мужики обзывали моего отца кулаком Действительно, жаднеющий был человек, но, когда в девятнадцатом году об'явились иностранные войска—чехи, отец первый звонил в колокола с радости и даже бесплатно отпустил солдатам двести пудов пшеницы. За эту пшеницу ему после накрутили, как следует, холку, и когда к власти пришел пролетариат, отец мой покормил вшей вполне даже достаточно. Конечно, продотрядники отобрали двух коров, а лошадей забрали в Красную армию воевать с буржуями, и тогда мы стали жить одинаково со всем народом, и отца даже выбрали в совет, и он бегал по деревне и наряжал подводы для командировочных, которых было тогда, как собак нерезаных. Об этом всегда говорил мой отец и всегда страшно матерился.

Когда стукнул голод, мне было 12 лет. Конечно, есть хотелось до невозможности, и народ ел всякую дрянь, в том числе и самих себя, то-есть занимались людоедством. Мы в нашем доме с'ели нашу сестренку Нюрку, которая померла с голоду, а хоронить ее было жалко. Все одно—люди бы с'ели другие, так уж лучше родственники, сказала мать и помолилась на иконы, когда стала из Нюрки делать варево. Но только вот отца моего арестовали за Нюрку и посадили в тюрьму. Я тогда же подумал: вот так по-родственному вышло, а мамка заревела, и все у нас пошло вверх дном.

После этого мне люди и говорят: крой, Ванька, в Ташкент, там целые горы хлеба наворочены, и от голода, без сомнения, спасешься. Приехали мы в Ташкент с одним шкетиком. Насчет хлебных гор, конечно, получился полный обман, но я не сробел и вошел в коммуну к ребятам, а коммуна была такая: где плохо лежит, не зевать и всем поровну. Жить стало вполне основательно. И тут я понял, что человек может пропасть только в одиночку, а когда вместе—то никоим образом!

Опишу первый случай, как я стал ширмачем. Вот я вижу, как из парадного крыльца вышла красивая женщина с сумочкой в руках, а на голове у ней шляпа. Но в этот момент трамвай налетел на арбакеша, и, конечно, собралась агромадная толпа. Все кричат: ох, ах, кого-то задавили! Женщина полезла в сумочку и достала оттуда платочек, а сумку не закрыла и глаза вытирает, хотя слез нет. Что делать? Я сказал: сама дура виновата, не разбрасывайся, и вытащил из раскрытой сумки французский портмонет и зеркало. В портмонете было шестьдесят тысяч с лишним, а зеркало я подарил Наташке, которая была у нас в коммуне и спала с Мишкой Огурцом. Мишка зеркало разбил и разбил также мне вдребезги нос, а Наташку грозил зарезать или продать сартам. Вообще получился такой переплет, что совершенно напрасно я спер зеркало.

Теперь расскажу, как я попал в первый раз в милицию. Мишка Огурец толкнул меня в бок и крикнул: крой, Ванька, лягаши идут! Я бежать, но вижу—ребят почти всех переловили и многие плачут, которые поменьше. Мишка

Огурец остался, и я тоже. Повели нас в милицию, шум, крик, обыск. Конечно, все волнуются, но тут пошла такая игра, что кто кого обыскивал—в суматохе было понять трудно и даже, я скажу, невозможно, потому что Мишка Огурец, конечно, вытащил у милиционера кисет с табаком. У меня были деньги—четыреста тысяч, по сто тысяч каждая бумажка. И вот мильтон подает деньги дежурному и говорит: «Товарищ дежурный, у этого сто тысяч, запишите». И, верно, тянет тому одну бумажку, а три словно растаяли и нет их. Меня тут взяло сомнение и я сказал: «Товарищ мильтон, зачем вы мои деньги в рукав спустили—потеряете, лучше в карман суньте, там триста тысяч». За эти грубые слова, конечно, он мне дернул волосы на висках, и я взревел от боли, потому что волосы у него остались на пальцах. Продержали нас двое суток, а после отправили в детский приют, но оттудова я в скорости ушел, потому что волынка одна там и вообще плохой переплет.

Расскажу теперь, как я стал артистом. Мишка Огурец потащил меня в цирк. Это прямо замечательная вещь, и я после пошел к хозяину и сказал «возьмите меня к себе, хочу я быть артистом». Все тут стали смеяться, а один налил мне самогону полстакана и говорит: «пей за мое здоровье, потому что я дворянин и пропащий алкоголик». Я не испугался и говорю: «Вы что же самогону для первого знакомства жалеете, я могу и полней». Мне налили полный стакан, я выпил и закусил колбасой. Тогда жена хозяина, которая без порток плясала, говорит: «Да он нас обокрадет всех, гоните его прочь». И вот все стали обсуждать—обкраду я их или нет, и когда проголосовали, получились, что нет, и меня большинством двух голосов оставили. Так я с цирком ездил в Самарканд, Бухару, Чарджуй, Мерв, Асхабад и в другую сторону—на Пишпек, до самого города Верного, где, конечно, яблоки громадные. Конечно, у меня был свой номер на афише, и я тоже выступал, как людоед. Это кажется невероятным, но на самом деле так. Хозяин выходил на представлениях и говорил: «А вот сейчас уфимский богатырь Иван Тараканов с'ест живого человека». После я выходил с приклееной бородой, в красной рубахе, а гармонист играл что-нибудь весе. ое. Хозяин кричал: «Кто хочет, чтобы его с'ели—выходи сюда!» Конечно, желающих было мало, но дураки находились. Тогда хозяин об'яснял: «Заворачивай рукав, он с руки тебя жрать начнет». Конечно, запустишь ему зубы, как следует, он закричит, да назад. Публика смеется и вообще матерится. Только в городе Верном скандал вышел из-за моего номера. Председатель какой-то захотел, чтобы я его с'ел—правда, не русский, а киргиз. А как я его зачал кусать,—он милицию, и на меня составили протокол, что я покусал партейного человека. Хозяина под арест, и цирк наш, конечно, прекратили за надувательство трудящихся масс, а у меня отобрали членский билет профсоюза Рабис, и пришлось мне ехать до Пишпека на одиннадцатом номере, то-есть пехтурой.

После этого я терпел разные невзгоды и дошел до кирпичиков, где увидел впервые тов. Маринича. Когда он описал в газете наши кирпичики, я сам сказал себе: «Нет, врешь, это не так, многое не описано!». И я написал первое сочинение, которое принес в редакцию. С этого дня я решил сделаться рабкором и бороться за справедливость.

Составил рабкор *«Ядовитое Жало»*.

IV.

На редакционный коллектив прислали одно место в дом отдыха на Кавказе. Местком вывесил об'явление с просьбой к желающим воспользоваться им записаться у секретаря тов. Заднепровской. За место надо было уплатить только половинную сумму—55 рублей. Об'явление провисело неделю и

желающих не нашлось: редактор уже имел место в Севастополе, секретарь—в Кисловодске, Маринич—в Саки, один сотрудник собирался на Волгу, другой—на Памир. Служащие конторы тоже не интересовались Кавказом: кто хотел поехать в деревню, кто экономил деньги. Тогда местком, обсудив положение и выяснив, что из коллектива могут поехать только машинистка и сторож, вывесил новое об'явление: место в доме отдыха предоставлялось бесплатно и желающий должен был позаботиться только о деньгах на проезд. Второе об'явление тоже провисело неделю и тоже безрезультатно. Тогда местком ассигновал на дорогу сорок рублей, но и это не помогло: машинистка собиралась ехать к сестре, а сторож хотел использовать время отпуска на постройку дома.

— Место пропадет!.. Что за безобразие!.. Надо же кому-нибудь ехать,—волновалась секретарь месткома Заднепровская.

— Отдать печатникам!

— Позвольте, зачем я тогда писала в Москву?

И тут Маринича неожиданно осенила мысль:

— Товарищи, давайте пошлем на курорт Ядовитое Жало!

Предложение на первый взгляд показалось нелепым.

— Но, ведь, он же в тюрьме сидит?

— Во-первых, не в тюрьме, а в доме малолетних преступников...

— Что в лоб, что по лбу!..

— Это для того, чтобы он там обворовал весь дом отдыха. Благодарю покорно,—запротестовала Заднепровская.

— А почему вы думаете, что он обязательно обворует?

— Не думаю, а уверена!

Маринич был упрямый человек. Он умел добиваться своего. На другой день его предложение уже не встречало таких возражений, как было вначале. Среди сотрудников нашлись сочувствующие.

— Но мы не имеем права,—защищалась Заднепровская,—поймите, он не член нашего коллектива!

А Маринич агитировал:

— Он—рабкор. И притом такой исключительный случай... Человек выйдет из тюрьмы и попадет прямо во дворец. Вы понимаете, какой сдвиг это может произвести во всей психологии Ядовитого Жала!

— Хорошо, поставим вопрос на бюро.

И вот судьбу Ядовитого Жала стали решать три человека: Заднепровская, Маринич и конторщик редакции.

— Я даю четыре червонца на дорогу, а также на брюки,—сказал Маринич,—и берусь выхлопотать ему досрочное освобождение.

Конторщик тоже высказался за посылку.

— Ну, пусть едет,—сказала Заднепровская,—хотя я против.

На другой день с утра Маринич принялся хлопотать о досрочном освобождении Ядовитого Жала. Он отправился в детскую комиссию, потом к инспектору мест заключения, потом к прокурору. С газетой в городе считались, и к двум часам, когда он вернулся в редакцию, у него в портфеле была копия телеграммы о досрочном освобождении и доставке Ядовитого Жала в деткомиссию.

Через два дня Ядовитое Жало пришел в редакцию, и Маринич, уведя его в пустой кабинет редактора, строго сказал:

— Слушай внимательно, что я буду говорить... Тебе шестнадцать лет, ты уже взрослый человек и пора тебе бросить всю эту волынку...

— Какую?

— Воровать, в тюрьме вшей кормить...

— Да разве я их по своей охоте кормлю? Помилуйте,—перебил Ядовитое Жало.

— Ну, ладно! Так вот: редакция выхлопотала тебе досрочное освобождение. Ты хотя не член нашего коллектива, но, как рабкора, мы тебя отправим в дом отдыха на Кавказ...

— Да я и так уже отдохнул,—насторожился Ядовитое Жало и лицо его стало скучным.

— Ты не думай, что опять за решетку. На курорт, на дачу... Я тебе завтра куплю билет до Сочи и вечером посажу в поезд. Брюки и рубаху дам свои, а сандалии купишь подешевле на барахолке...

Ядовитое Жало не понимал: к чему? зачем?

— Месяц ты там проживешь. Будешь мне письма писать. Я, верно, отсюда в другой город переберусь. Тогда приедешь ко мне.

— Вот это с удовольствием, товарищ Маринич!

— Эх, учиться тебе надо,—вздохнул Маринич,—в комсомольцы что ли пойти...

— Ну их к чертям, без них проживу...

— Вот тебе три рубля на сандалии. А часов в пять придешь ко мне на квартиру. Слышишь?..

— Приду.

Вечером в квартире Маринича Ядовитое Жало собирали в дорогу. А после Маринич повел его на вокзал, купил билет и усадил в вагон.

— Пиши с дороги!

V.

С Ядовитым Жалом вначале получилось недоразумение. Его не хотели принимать в дом отдыха: то ли бумаги не все были в порядке, то ли печати нехватало, то ли просто подозрительным он показался начхозу. В редакцию послали срочную телеграмму и, когда получили ответ, сухопарая надзирательница, брезгливо поджимая губы, распорядилась:

— Няня, отведите больного в восьмую палату и получите для него белье.

— Слушаю. Идемте, больной!

Ядовитое Жало даже не понял, что это говорят о нем. Какой же он в самом деле больной? Вот Васька Безногий, что остался в кирпичиках, тот, действительно, больной, но до него никому нет дела. Эх, надо было бы сказать Мариничу о Ваське!

Няня подтолкнула Ядовитое Жало.

— Ну, пойдем! Чего встал!

Ядовитое Жало медленно пошел за ней к кастелянше. Здесь у него отобрали одежду, а взамен выдали проштемпелеванное белье и халат. После няня привела его в восьмую палату и сказала:

— Вот вам еще одного лодыря... Принимайте!

Люди в халатах весело захохотали. Ядовитое Жало тоже засмеялся, а няня стала стелить кровать. Ядовитое Жало понял, что это для него, ему стало неловко, и он запротестовал:

— Что я, в самом деле, больной что ли?.. Сам могу!

Но няня огрызнулась:

— Отстань, чего под руки лезешь... Выискался тоже!

Ядовитое Жало сконфузился и отошел в сторону. Бритоголовый больной в очках внимательно посмотрел на Ядовитое Жало и сказал спокойно:

— А вам зачем беспокоиться? Вы, товарищ, сюда отдыхать приехали, это первое, а второе—за вас сто десять рублей платят, это тоже не фунт изюму...

Няня взбила подушки и ушла. А Ядовитое Жало сел на кровать и ощутил в душе сосущую тоску.

— Больница, как есть больница... Еще лечить начнут.

— Вы откуда, товарищ?—спросил бритоголовый.

Ядовитое Жало назвал город.

— На заводе работаете или служащий?

Ядовитое Жало густо покраснел. Ему стало стыдно, в первый раз за свою шестнадцатилетнюю жизнь, что он не работает. Но он нашелся и ловко соврал:

— Я—газетчик. В редакции работаю, газеты продаю на улице...

— Ага, вещь хорошая,—одобрил бритоголовый и снова уткнул нос в книгу.

В двери заглянула сестра с белокурыми локончиками:

— Где тут новый больной Орлов Иван? К врачу пусть сейчас же идет!

Ядовитое Жало встрепенулся: так и знал, лечить начнут.

— Пойдем, я тебя к врачу доведу,—предложил один из больных,—сам не найдешь, заблудишься.

Ядовитое Жало, путаясь с непривычки в халате, пошел следом за ним. У врача была очередь, и пришлось ждать. Провожавший его больной ушел, а Ядовитое Жало, от нечего делать принялся отковыривать замазку у оконного стекла.

— Орлов Иван!—произнес кто-то за дверью.

Ядовитое Жало, чувствуя, как бьется его сердце под халатом, вошел в кабинет.

— Садитесь пожалуйста,—сказал седой, полный врач в золотых очках.

Ядовитое Жало осторожно сел на краешке белой табуретки. Врач взял анкету:

— Орлов, Иван Сергеевич! Шестнадцать лет! Где родились?

— В Уфимской губернии... Белебеевского уезда, деревня Шаровка,— бледнея отвечал Ядовитое Жало, привыкший бесстрашно держаться на милицейских допросах.

— Год рождения?

— Шестнадцать лет мне.

— Служащий, рабочий?

— Газетчик я.

Дальше пошло хуже. Врач спрашивал, какими болезнями в детстве болел Ядовитое Жало, какая у него утомляемость, хорош ли аппетит, от чего умерли родители и не болели ли они туберкулезом. Ядовитое Жало врал, путался и готов был выскочить в открытое окно.

— Ну, ладно, разденьтесь,—сказал врач и принялся выстукивать и выслушивать худую грудь Ядовитого Жала. После он смотрел ему в рот, заставлял закрывать глаза и, протянув руки, растопыривать пальцы; чертил чем-то острым по груди и спине и внимательно смотрел на белые линии...

— Где это вы здоровье растрепали, молодой человек? Здоровье—ни к чорту: острое малокровие, катарр легких и уже неврастения... Курите?

— Курю,—сознался Ядовитое Жало.

— Надо перестать. И водку, поди, пьете?

— Пил, но давно бросил.

— Ого!..

Врач сел за стол и заскрипел пером.

— Можете одеваться. Я вам усиленное питание пропишу. А так—общий режим. Книжку покажете сестре. Солнечные ванны, купанье...

Он протянул ему курортную книжку, и Ядовитое Жало выскочил из кабинета. Длиннополый халат путался у него в ногах, а еще хуже путались в голове необыкновенные мысли.

VI.

Ядовитое Жало полюбил по утрам пить какао, а после обеда есть на третье мороженое или крем. Нравилось ему также купаться в теплом море, особенно, когда бегут на берег высокие волны: тогда хорошо бывает нырнуть под самую пену и почувствовать, как швырнет тебя кипящая вода на старое место. Недурно также прокатиться на лодке с веселой компанией, а то залезть на отвесную скалу, сесть на самый край пропасти и спустить ноги. Такой номер во всем доме отдыха, на удивленье больных-курортников, мог выкинуть только один Ядовитое Жало. Впрочем, слава бесстрашного человека утвердилась за ним после замечательного случая со змеей. Громадная змея ползла по аллее сада, а за ней на почтительном расстоянии шла толпа больных и на все голоса распевала:

— Змея, змея, змея...

Женщины визжали и разбегались в разные стороны. Ядовитое Жало шел навстречу толпе. Он мельком взглянул на змею, неожиданно прыгнул и ловким движением схватил ее за хвост.

— Ужалит!—истерически закричала больная, прозванная за необычайно высокий рост Цыпленком.

Толпа бросилась врассыпную, а Ядовитое Жало повертел в руках змею и с силой кинул ее через забор в соседний сад, принадлежащий санатории. Москвичи и ленинградцы, конечно, не знали, что это был безопасный уж. Ядовитое Жало не стал пускаться в раз'яснения, и за ним твердо установилась репутация отчаянного человека.

А Цыпленок подошла к нему и кокетливо сказала:

— Ну, никак я не могла думать, что вы такой храбрый человек.

Ядовитое Жало мысленно окрестил ее дурой, но вежливо ответил:

— Я знаю одно змеиное слово и поэтому змеи для меня не опасны.

В доме отдыха много было молодых галюшниц от «Треугольника», они франтили в коротких юбках и шелковых чулках апельсинового цвета; за одной из них Ядовитое Жало и принялся ухаживать. Галюшницу звали Стасей, была она смуглая, как цыганка, и веселая, как малиновка. К Ядовитому Жалу она относилась благожелательно и когда по вечерам больные гуляли парочками в темных аллеях, он подхватывал Стасю под руку и вышагивал с нею рядом, как заправский курортник. Один раз Ядовитое Жало даже поцеловал Стасю, но со стыда немедленно же убежал в палату. Был он в душе целомудрен, хотя в кирпичиках в пьяном виде раза три уже спал с проституткой Олимпиадой. Но это было в кирпичиках, и Олимпиада была распутная баба, а у галошницы Стаси были удивительно ясные глаза и вся она казалась Ядовитому Жалу такой необыкновенной, что он даже боялся прижать покрепче к себе ее загорелый маленький локоть.

За Стасей также ухаживал молодой фармацевт Брискин, с угреватым лицом и большими курчавыми волосами. Во рту у него блестели золотые зубы, ходил он в коротеньких клетчатых брючках и в модных сапогах—утюгом, а на носу носил пенсне без оправы—одни стеклышки. Ядовитое Жало не взлюбил курчавого фармацевта, и когда тот преследовал по пятам Стасю, он сердито хмурил брови.

— И чего, холера, вяжется к девке... Однако, придется ему мурло намыть...

Но Брискин считал себя неотразимым, а молодая галошница ему нравилась. Как-то в компании больных он даже похвастал:

— Ну, что же, через денька три начнем лунные ванны со Стаськой принимать...

— А что, клюет?

— А почему бы ей и не клевать,—поправил Брискин пенсне на носу.

Ядовитое Жало слышал этот разговор и ему безумно хотелось сейчас же расшибить проклятые стеклышки на носу соперника. Впрочем, он сразу же понял, что это ни к чему бы не привело Ядовитое Жало отошел, но с этого дня начал следить за Стасей и Брискиным

Очевидно, Брискин не врал. Галошница стала теперь избегать Ядовитое Жало и проводить время с франтоватым фармацевтом. По вечерам они гуляли вместе, и Ядовитое Жало проследил, что встречи обычно происходят на скамейке под дубом.

— Намою я ему мурло. Как пить дать, намою!

Ядовитое Жало умел лазить по деревьям с ловкостью кошки или обезьяны. Конечно, ему ничего не стоило забраться на дуб и притаиться в густых ветвях. Он примостился поудобнее на суку и стал выжидать, когда усядутся на скамейке Брискин и Стася. Вот они прошли по аллее раз. Вот Брискин воровато оглядывается кругом и притягивает к себе Стасю. Стася бесстыдно откидывает голову и Брискин целует ее крепким, долгим поцелуем.

— Набью мурло, обязательно набью,—стискивает кулаки Ядовитое Жало.

Вот они проходят второй раз по аллее, и Брискин пренебрежительно говорит:

— Садись, Стаська.

Галошница садится, Брискин пристраивается рядом, и Ядовитое Жало, хотя не видит, но догадывается, что фармацевт щупает Стасины груди.

— Голова у меня кружится, Стаська... Не могу... Совсем ты меня с ума сводишь...

— Сволочь!—шепчет про себя Ядовитое Жало,—голова кружится!.. Уж я тебе накружу!..

Брискин долго уговаривает Стасю, начинает душить ее поцелуями и валит на скамейку.

— Увидят,—громко шепчет Стася и вскакивает.

Ей бы надо, дуре, бежать, но она стоит, и Ядовитое Жало видит, как Брискин увлекает ее в кусты, за скамейку. Галошница идет безвольно, словно одурманенная. Обезьяной прыгает с сука на сук Ядовитое Жало, перебираясь на другую сторону дуба. Он видит на темной траве измятое Стасино платье и клетчатые брюки Брискина.

— Сука,—шепчет Ядовитое Жало и,—странно,—ему хочется заплакать...

— Ты иди вперед, я после приду,—сказал Брискин.

Стася поправила малиновый шарфик, подтянула юбку и, опустив голову, пошла по аллее. Брискин развалился на скамейке и закурил папиросу. Ядовитое Жало пополз по суку. У него в голове сложился очень недурной план.

Брискин выкурил папиросу, встал и потянулся. Ядовитое Жало приноровился и, ломая мелкие ветки, прыгнул вниз, стараясь упасть на Брискина. Прыжок был удачный. Брискин полетел с ног и заорал испуганным голосом:

— А-а-а!..

— Чего, дурак, орешь!—кинулся к нему Ядовитое Жало и словно нечаянно наступил ногой на самое чувствительное у Брискина место. Лицо Брискина исказилось от боли. Но, узнав Ядовитое Жало, он пришел в себя:

— Что за чорт, а я думал зверь на меня упал сверху.

— Вставай, чего валяешься,—сказал Ядовитое Жало и стал поднимать Брискина за волосы.

— Ой, я сам встану, только где мое пенсне...

— Поищем,—ответил Ядовитое Жало, наступая на хрупкие стеклышки ногой.—Разбились как будто бы...

Брискин поднялся и принялся растирать ушибленные места:

— Что за дурацкая фантазия лазить по деревьям и прыгать вниз... Так можно убить живого человека...

Брискин трусил. Он понял, что Ядовитое Жало неспроста очутился на дереве и свалился вниз. Он вспомнил, что Ядовитое Жало ухаживал за Стасей

— Ну, надо итти спать,—произнес Брискин и даже зевнул, чтобы показать свое полнейшее спокойствие.

Ядовитое Жало мигом харкнул ему в открытый рот и ответил:

— Да, пора!..

Брискин стал отплевываться и возмущенно крикнул:

— Товарищ!.. Я буду жаловаться директору дома отдыха!

— А этого директора видел?—поднес к его лицу кулак Ядовитое Жало

— Ну, хорошо, пустите меня, я иду в палату...

— Иди...

Брискин шагнул, но сразу же растянулся, зацепившись за подставленную ногу. Ядовитое Жало принялся бить его так, как бьют кое-где блатников, не оставляя на теле избиваемого никаких следов. После он его поставил на ноги, одел сшибленную кепку и подтолкнул в спину:

— Иди, сволочь кучерявая!..

VII.

Самолюбивый Брискин никому не сказал о случившемся ни слова. Он перестал ухаживать за Стасей и избегал встреч с Ядовитым Жалом. А Стася однажды задержала Ядовитое Жало и спросила его кокетливо;

— Вы что же от меня бегаете, молодой человек?

Ядовитое Жало покраснел, но ответил с полным достоинством:

— Никакого интересу нет с разными лахудрами связываться... Обратитесь к товарищу Брискину...

Стася вспыхнула и с тех пор перестала разговаривать с Ядовитым Жалом.

А Брискин был не только труслив, но и злопамятен. Оставить так побои он не хотел, но и не хотел открыто связываться. Ядовитое Жало сильнее его, а Брискин никогда в своей жизни ни с кем не дрался. Он выбрал другой путь мести. Через сухопарую надзирательницу Брискин достоверно выведал, что Ядовитое Жало вовсе не газетчик, а карманный вор. Не даром его сразу не приняли в дом отдыха, а начхоз поручил нянькам доглядывать, как бы Ядовитое Жало не украл казенное имущество. Получив такие сведения, Брискин долго ерошил курчавые волосы и, наконец, повеселел...

Он попрежнему избегал встреч с Ядовитым Жалом и попрежнему не ухаживал за Стасей. Срок его пребывания на курорте кончался, он собирался ехать домой—в Ленинград—и в последний день ходил по всем палатам прощаться.

В восьмую палату, где жил Ядовитое Жало, он зашел после мертвого часа, когда больные отправились купаться. В палате никого не было и Брискин сразу же вышел из нее. В седьмой палате он увидел Стасю и на прощанье протянул ей руку. Стася руки не подала и отвернулась. Брискин усмехнулся и ничего не сказал.

Через час он с группой от'езжающих больных уселся на автомобиль и покатил на вокзал. Ядовитое Жало плюнул ему в догонку: он от всей души ненавидел курчавого фармацевта.

На другой день после от'езда Брискина произошло замечательное событие, которое навсегда останется в памяти Ядовитого Жала. Рано утром в палату прибежал начхоз, сухопарая надзирательница, две няньки и больной из тринадцатой палаты—грузный человек с жирным затылком и плешью на голове.

— Это безобразие, это чорт знает что,—возмущался больной.

Начхоз бесцеремонно дернул Ядовитое Жало за плечо и грубо сказал:

— Ну-ка, вставай, молодой человек!

Ядовитое Жало мигом вскочил.

— Придется обыскать...

— Да, да, обыскать... Часы стоят восемьдесят рублей!—закричал плешивый больной.—Я не оставлю так!

Ядовитое Жало понял: вот оно что—у плешивого кто-то срубил рыжие бимбары, и он думает на него. Он не обиделся и сказал:

— Ваших часов я не брал. . Можете обыскать... Больно они мне нужны...

Сухопарая надзирательница рылась в столике, нянька стащила одеяло и простыню, а Ядовитое Жало сам поднял матрац.

— Смотрите!

— Они!—вдруг радостно заорал плешивый больной.—Они самые.

Несмотря на грузность, он легко прыгнул и схватил с сетки золотые часы. Ядовитое Жало застыл от изумления. Это было чудо, самое необычайное в его жизни. Но Ядовитое Жало был материалист и мистику не признавал Без посторонней помощи часы, очевидно, не могли забраться к нему под матрац. Ясное дело—кто-то подсунул. Но кто? В доме отдыха у него был только один враг—Брискин, который как раз лежал в тринадцатой палате. Не иначе...

— Брискин подбросил!—закричал Ядовитое Жало.—Ах, он, сволочь кучерявая...

Но начхоз усмехнулся и ехидно сказал:

— Идемте, молодой человек. Как видно, вас контора сегодня выпишет...

И он повел его за собой.

VIII.

Беспризорники в кирпичниках устраивались на ночлег. Было холодно, в степи гулял ветер, а маленький костер почти не согревал.

— Дует,—жалобно сказал Антошка Бурин,—ноги зябнут.

Неожиданный порыв ветра ворвался с улицы.

— Должно, лягаши идут,—произнес кто-то равнодушно.

— И чего ходют... Спать не дают...

Но вместо лягашей пламя костра отразило на тени фигуру нового беспризорника.

— Кто еще?

— Я...

И радостным голосом Антошка Бурин закричал:

— Ванюха Орлов!..

Ядовитое Жало присел к костру и стал согревать озябшие руки. Ребята окружили его со всех сторон.

— Шамать будешь?

— Давай, пожру...

— А мы тебя хоронили здесь... Пропал, думаем...

— Дурачье, куда ж я денусь?—вразумительно ответил Ядовитое Жало.

— Ты когда приехал-то и откуда?

— На ночном, с Кавказу. На курорте, в Сочах отдыхал... Известно, лечился...

Ядовитое Жало кусал копченую колбасу и оглядывал незнакомые лица.

— А Олимпиада где?

— К бондарше ушла... Выгодней.

— А Васька Безногий здесь?

— Здесь... Завтра тебе таскать придется его...

— Ладно...

Ядовитое Жало наелся и лег рядом с Антошкой Буриным. Он долго не мог заснуть. Ребятам он наврал, что приехал с ночным поездом. Он приехал утром и утром же сходил в редакцию. Но Маринича не нашел. В редакции работали новые, незнакомые люди. Старый редактор уехал, приехал новый и привез с собой новых сотрудников.

Ядовитое Жало потоптался в редакции, его никто не заметил, и он ушел. Весь день он болтался по городу и не хотел итти в кирпичики. Но ночью ударил мороз, страшно захотелось спать, и он отправился на ночлег к старым товарищам.

Ядовитое Жало долго не мог заснуть... А когда уснул—ему приснился почему-то город Верный, где он ел живого председателя в цирке, и ташкентский мильтон, прикарманивший три стотысячных бумажки, у которого веселый беспризорник Мишка Огурец вытащил кисет с табаком...

И словно не было никогда ни теплого моря, ни кипарисов, ни франтоватой галошницы Стаси с синими глазами и смуглым цыганским лицом.

Г. ДОРОНИН

Земля подшефная

За городом теснятся рощи—
Веселый, говорливый молодняк.
За городом, в кудрявых зеленях,
Кудрявой радостью полощет.
И день румяный много краше,
Где золотистым вытканным ковром
На клочьях выхоленных пашен
Шумит, колосья наливая, рожь.
Петрович, я да мерин лысый
Тряслись в полях, зевали на денек.
Трусил заводский тощий меринок
Ленивой медленною рысью.
Нам ввстречу ветер недовольный
Обрывки кинул чьих-то чуждых слов.
Вдали зеленой колокольней
Маячило подшефное село.

* * *

У избы
Наличники с балясами,
На воротах
Флюгер петушком.
У ворот
Хозяин подпоясанный
Самодельным, сыромятным ремешком.
— В гости вот
Мы к вам из города.—
На квартирку бы
Переночевать.
— Переночевать...—
Хозяин гладит бороду.
— Гм... переночевать.—
Больно смелый ты.
Может, едешь не спроста.
А по какому, собственно, вы делу-то,
Инструхтеры
Али просто так?
Посмотрел Петрович на меня.
Я Петровичу
Ни слова.
А хозяин в бороду
Ронял
Не слова—
Овсяную пелеву.
— Ежли в гости—
Милости прошу.
Заезжайте,
Будто бы на праздник.—
И скрипучие ворота
Начал открывать.
А на шум,
В окно
В косынке красной
Высунулась голова.
— Не пяль, не пяль
Барашки зря ты.
Видишь, гости.
Наливай
Самовар горячий.
— Дочка.—
Показал старик.
— В касамолы свищет.
Ночь иную
До рассвет зари
Дома не отыщешь.—
Сели чай пить.
На селе огни
Возвестили о приходе ночи.
За столом
Петрович пояснил:
— Мы из города,
К вам в гости, от рабочих.—
Дружбу
Нам водить пора.
Жизнь свою
Налаживать умело.
Город, знашь,
Деревне брат,
Ну, и всякое
Такое дело.
— Так, так, так...—
Хозяин протянул.
— Слово доброе
Для нас дороже.
Лизка,
Вынь-ка нам из погреба одну,
Выпьем за людей хороших,
Я, брат, за рабочих—во!—
И поставил для меня стакан.
Петрович
Двинул в бок:
— Не бойся. Лопай. Ничево.
Не обидь напрасно старика.
— Говоришь,
Сегодня бы собранье?
Зря не мучь людей.
Люди, знашь, на праздник
В бане.
Ну, и кое-где.
Отдыхать народу

Не мешай.
За ночь
Гости понаедут,
Ну, а днем
Соорудим беседу.
Потолкуем
Завтра по душам.

* * *

Дни бывают
Яркие такие,
Облюбованные
Дни.
Солнце снопом
Ласку кинет,
Ветер тихий
В перелеске зазвенит.
День такой вот,
Пестрядинный
Начинался день.
С колокольни
В поле за овины
Кто-то кинул:
— Динь, день-день-делень.
Колокольне старой
Не впервой
Ильи пророка
Праздник годовой
Встречать.
Оттого и зыком медным
Однобокий
Колокол, разбуженный, кричал.
Торопился
Раннюю отбухать
И опять
Повиснуть на покой.
К церкви бабы
Собирались, старухи.
По пути
Трепали языком.
— У Михея-то,
У Наклина Михея,
Вавилоны
На воротах, у крыльца.
Дочку-то
Старик лелеял.
Подкузьмила
Доченька отца.
— Девки нынче,
Хоть наплюй в глаза им.
— А стыдобушка
Какая старику...—
Проходили,
Языком чесали,
Паутину ткали пауку.
Вышла Лиза
Утром за ворота,
Глянула. И выбилась из сил.
— Так и знала.
Не нароком
На вечорке Петька
Подсмеять грозил.—
На воротах,
В тес сосновый,
Деготь в'елся,
В'елся глубоко.
Выхаркнутым чернословьем
Хулиганским
Отпечатался плевком.
Лиза села,
А потом зачем-то
Горсть земли
Растоптанной взяла.
И смоталась
От ворот, в ячейку
К комсомольцам,
На другой конец села.
Встал Михеич,
Заспанный, с полатей
Вслед за Лизой
Встал.
— Лизка?—Тихо.
— Шельма, экая
Куда-то
Вишь, успела ухлестать.
Надевал портки
И под нос
На шальную
Девку непоседницу ворчал.
Бороду расчесанную
Поднял,
Вышел за ворота
Лизу покричать.
Спутал ветер,
Озорной и верткий,
Бороды
Седое серебро.
Не своей,
Звериною походкой
Зашагал Михеич
От ворот.
— Лизка, Лизка!
Мать честная!—
Прибежал,
Расстервился старик.
— Ах ты, кляча,
Запорю тебя я.
Где ты скрылась?
Говори!..—
А в руках трясучих
Задник свитый,
И слюна
Узором на груди.
— Будешь знать,
Как с волчьей свитой
По собраньям
У меня ходить.—
По избе обшарил,
В кухне—
Все напрасно.
Знать, простыл
Давно у Лизы след.
Сел на лавку.
— Вот и праздник...
Дочь родная
Опозорила
На старости-то лет...
На деревне—песни,—
А Михею горе.
От обиды жгучей
Голова горит.

— Лиза... Лиза.
Ты последняя опора...—
И заплакал горькими
Старик.

* * *

Каждый дом—
Не дом—пирог горячий.
В каждом доме—
Пир горой.
Праздник
Крылья раскорячил
Над мужицким
Скопленным добром.
— По единой выпьем,
Больше никаких!
— Рад я празднику такому,—
Угощал гостей
Лука Лукич,
Председатель селькресткома.
— Да еще вот,
Гости дорогие,—
Стал хозяин
Около окна.
— Нынче вот
Дела такие:
За рабочих мы—
Рабочие—за нас.
Вот,—
Хозяин ткнул
Петровича на слове.
За столом поднялся шум.
— От рабочих гостя дорогова
Жаловать прошу.
— Верно!
— Правильно!
— Канешно!
Сват Потап
Нацелился в стакан.
— Выпьем,
Друг сердешный,
За рабочих
И за хрестьян.
Замахал Петрович:
— Што вы, што вы,
Нынче времена не те.—
— Што, аль ради
Праздника такова
Не уважишь
Дорогих гостей?
— Не печаль хозяина
Напрасно,—
Обступили тесно
Старики.
— Раз приехал
К нам на праздник—
Пей,
И больше никаких.
— По единой
Для примера трахнем.
Мы, брат, как в газетах пишут,
Мастера земли.
Нынче в селькрестком не
Трахтур
На свои, на трудовые, завели.
Взял Петрович—
Стариков сердить не хочет.
— Дело! Наливай еще,
Еще. полней!
Мы, брат,
Сами за рабочих.
Правильно, товаришшы.
Аль нет?—

* * *

Нараспашку
Окна в доме.
Хмель зеленым
Свесился дерьмом.
А в окно сквозь прорези черемух
Тырырыкала,
Как пьяная,
Гармонь:
Тира-тара,
Тира-тара,
К чорту нынче
Девок старых.
Мы ребята—лучше нет,
Приходи, в 17 лет.
Нараспашку
Окна в доме,
В окна сырью тянет от реки.
А на бревна
К селькресткому
Собирались бабы,
Собирались мужики.
— Мы ста, братцы,
Мы... да што там каркать...—
Шваркали
Ногами по траве.
И рядилась
Площадь ярко
В пестрединный
Человечий цвет.
Кто-то вывел
Песню звонко.
Кто-то вышел
Праздник подзудить.
А на площадь парни
Собрались, девченки
Высыпали
Хоровод водить.
Голуби металися по крышам,
Ворковали,
Раскрывая рот.
Солнце желтой
Свесилось покрышкой,
Улыбалось,
Глядя на народ.
— Бабоньки,
А мы-та...
Али бабам
Можно погодить?
— Заводи-ка
Горькую разлуку,
Ильинишна, ну-ка,
Заводи.
— «Разлука ты, разлука,
Чужая сторона.
Никто нас не разлучит—
Ни месяц, ни луна».
— Эх, мы—бабы,—
Марфа Ильинишна разошлась:
— Как напьюся—
На пече ухабы.—

Песню хрипло
Снова завела.
— «На горе высокой
Два креста стоят.
Под доской дубовой
Два дружка лежат».
— Вишь ты, вишь ты
Разошлися, вишь, как
Бабы-то...
Здорово, старики!—
За окно
Култышкой
Свесился Лука Лукич.
Замотался тряпкой грязной,
Замоталась
Пьяная изба.
— Это што,
Какой там праздник!
Я вот—
Распотешу баб.—
Бабьим смехом
Улицу полощет.
Пьяным любо
От речей таких.
Через полчаса
На площадь
Выехал на тракторе
Лукич.
Колесил
По площади широкой
И коня стального
Торопил.
А за трактор
Кто-то по дороге
Накрепко
Телегу прицепил.
Упирался трактор,
Стрекотал, несмело.
Керосиновую вонь
Выплевывал в глаза
И сердился,
Что его без дела
Пьяным бабам
Вывезли казать.
— Бабоньки,
Вот дожили до счастья мы какова.
— Падайте,—
Скомандовал Лукич,—
На телегу.
Бабы лезли с ревом
На телегу.
Баб подсаживали мужики.
Петрович
Тоже выкатил из дому.
Нос багровый,
В пене борода.
— Гостю, гостю дорогому
Место надо
На телеге дать.
Подхватили старика.
И—к бабам.
Тетка Марфа кинулась вперед:
— Дуй, Лукич мой,
На пече ухабы.—
Трактор
Тихо снялся от ворот.
— Веселее, тетки,
Гром вас трахни.
Пой, и больше никаких.
«Эх, овсяно зернышко,
Не бери меня за ребрышко»...
— Ну, и свита,—
Догоняя трактор,
Гоготали парни,
Гоготали мужики.
Подвигался
Трактор плохо,
Не спешил потерянное наверстать.
Шатаясь, среди баб
Чертополохом,
Петрович на телеге встал.
— Товарищи!
Я—рабочий,
Товарищи дорогие,—
Трактор дернул
— Не убейся, дурья голова.
— Э... Нынче времена такие:
Вы за нас,
А мы, товарищи, за вас.
— Тетоньки,
Откуда он такой,
С речами?
— Аль не знаешь?
С города приехал,
Шех!—
Петрович
На телеге разводил руками.
— Для баржуев наша жизнь, товарищи,
Не по душе.
— Дорогой Ильич,
Товарищи, когда-то
Нам не зря
О смычке толковал.—
Шли за трактором,
Смеялися ребята,
Мужики чесали в головах.
— Будет сказ мой вам,
Товарищи, таков:
Поддерживать Лигу Наций
Нет из нас желающих.
Долой кулаков,
И никаких шпаций!

* * *

По дороге иль тропой,
С ветром ли случайно,
Подворотнями прополз
Слух необычайный.
— В школе, в школе—чудеса,
Вот те хрест молящий.
Говорят, учитель сам
Чорта запер в ящик.
— Мимо школы не пройти.
От народа тесно.
Чорт сидит назаперти,
Жарит с горя песни.
У Корнея волос сед:
Семьдесят Корнею.
— При советской полосе
Чертн поумнеют...
Сам пимы на босый след,
Стороной, овином,
Заплетаясь по земле,

В школу старый двинул.
За овином, за селом
Солнце в лес садилось,
Клок Корнеевых волос
Ярко золотило.
У ограды все село,
Всех оповестили.
Лезли бабы на заплот,
В окна колотились.
— Пал Степаныч, мужикам...
Эко... право слово...
На минуточку покажь
Чортушка такова.
— Хошь бы рожки показал,
Все бы легче стало.
Век мы прожили—в глаза
С чортом не видались.
— Ну, кто хочет—посмотри,
Только не орите,—
Крючья скинув от двери,
Пригласил учитель.
Бабы кинулись, таким
Сгрудилися стадом.
Баб толкая, мужики,
Перли в двери с матом.
Ветер бросился шальной,
Девкам косы спутал.
Вечер землю пеленой
Черною окутал.

***

— Динь... динь... дон... дон...
Мужики со всех сторон
Смотрят на диковину.
— Граммофон—не граммофон,
Экая штуковина!
Ближе сели старики.
Бородой ворочая,
Заходил Лука Лукич:
— Што вы нас морочите!
Подошел к столу, потряс.
— Тише, чорт, куда еще.
Из мембраны же как-раз:
«Слушайте, товарищи».
С пьяных глаз струхнул старик:
— Мать такая честная!—
Отошел и у двери
Сел за парту тесную.
Девкам любо, бабам смех:
— Подойди-ка раз еще.
— Тише, што б вас, не шуметь!
— Слушайте, товарищи!
— «Слушайте, слушайте, слушайте...
Песню «Над полями» исполнит
Артистка гортеатра Неллина.
— Дон... дон... динь... дан... дан...
— «Над полями, да над чистыми»...
— Вишь ты. Баба,—хошь куда.
Шельма... голосистая...
— Брякнул тоже,—гром в избе,—
— Дурень экий, поротый:
Чай, ей слышно по трубе
Наши разговоры-те.
— Слышно? Вот-те и дела!
Час от часу лучше нам.
Изругай попробуй власть,
А в трубу подслушают.
— Вот, ей боженьки, не вру—
Слышно в глотку ейную.
— Чай, сидят около труб,
Самые партейные.
— Да...
— «Слушайте народную песню
Слушайте, слушайте, товарищи!
— Динь-дан, динь-дан, динь-дан, динь-дан.
Динь-дан, динь-дан, динь-дан, динь-дан.
Барыня, барыня
Сударыня, барыня».
Заходили мужики.
— Ах, едят вас мухи-те!
— Вишь ты, парень. Вот таких
Песен мы послухаем!
Сватья Марья у стола
Машет занавескою:
— Вот, ребятушки, дела,
Истинно советские.
— «Што вы жметись, как тетери?
Ну, народ пошел теперя!
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.
— Поддержись кума за грядки!
А сама в избе в присядку.
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.
Вышел ближе дед Савел:
— «Вот народ какой пошел...»
Барыня, барыня,
Сударыня, барыня.
У порога вьют вьюном,
Девки ходят ходуном.
Барыня, барыня,
Вот такая барыня».
Языком старик Федот,
Кое-как ворочая,
Сел к столу, в трубу орет:
— Эй, вы там, такие прочие!
Послушайте, послушайте.
Меня, старика.
— Ныне пьян я, пьян я, стало-быть
Хошь, и вам подам стакан
Русской спотыкаловки.
— Хошь? молчит, такой-сякой.
Забубнил веселую.
— Аль не хочешь с мужиком,
Стерва, рассусоливать?
В морду надо шельмецу?—
Оттолкнув учителя,
Дернул дедка по кольцу
Громкоговорителя.
Шум поднялся у стола,
Пляски не поладились,
Прохрипев, оборвалась
Передача радио.
— Чорт седой, такая мать,
Не при чем остались мы,—
Расходяся по домам,
Мужики ругались.

***

Ночь. Хотя, какая летом ночь?
Потемки сизой пеленой
Над улицами распластались.

Маячат звезды в небесах,
Упала каплями роса,
Заря с зарею повстречалась.
Дремали избы. У одной
Едва откинулось окно—
Захлопнулося снова торопливо.
Две кошки скрылись в огород,
Стоял теленок у ворот
Косился на меня пугливо.
Как-будто мог он что-то знать,
Навстречу Лиза.—Ты одна?
Не трусишь темной ночи?
Ну, что отец? А дома как?—
— Была. В окно видала старика.
Должно быть, пьян. Сидит, хохочет.—
Пошли по улице вдвоем.
Туман свивался над селом
И улетел, скрываясь где-то.
Туда, где ночи сизой шаль
Заволокла седую даль,
Ушли мы с Лизой на рассвете.
На небе гаснул звездный ряд
И загоралася заря
На золотистой яркой грани.
На поспевающих полях
Встречала ласкою земля,
Встречала нас, пришельцев ранних.
— О чудный день! О, наша жизнь!—
Шептали нам колосья ржи,
Над нами пологом нагнулись,
Как мы на чьей-то полосе,
На чьей-то радости-красе,
В колосьях спелых утонули.
Перевалившись за плетень,
Кудрявый торопился день,
Послушным вышколенным сыном.
Сидели долго мы в полях,
И я зачем-то расправлял
Случайно смятую косынку.
— Ну...—Лиза встала. Зацвела.
— Мой милый...—И ушла.
И скрылася в колосьях разом.
Я, помахав ей вслед платком,
Пошел до города пешком,
Петровича оставив с тарантасом.
Я шел. И радость полевую нес с собой.
И шли, утоптанной тропой
Навстречу мне деревни, села.
Земля! Подшефная земля!
И улыбалися поля
Мне утром радостным веселым.

А. ЮГОВ

Безумные затеи Ферапонта Ивановича

РОМАН.

(Окончание).

Часть третья.

1.

КЛУБОК.

Печальна была жизнь Ксаверии Карловны и Силантия после того, как лишились они Ферапонта Ивановича. Не радовали их нисколько дружные удары весны, паническое бегство сугробов и бурные совещания первых грачей.

Не радовало даже и то, что Ксаверия Карловна могла совершенно не думать о завтрашнем дне, так как губнаробраз дал ей место второй воспитательницы детдома. Временами ей тяжело было смотреть на своих слабоумных воспитанников. Ведь, все-таки, это они, уничтожившие рукопись Ферапонта Ивановича, были бессознательными виновниками его смерти. А она-то сама?!.. Разве в конце-концов не ее нелепая выдумка привела его к проруби?!

Ксаверия Карловна стала бояться и избегать реки. Когда в половодье Силантий стал звать ее посмотреть на разлив, она не пошла. Ей ясно представлялось, как где-нибудь на дне, зацепившись за какую-нибудь корягу, засосанный в песок, раздувшийся, зеленоватый, лежит труп ее мужа. А она будет смотреть!..

Бывало, Силантий уходил с некоторыми из ребятишек ловить раков; он налавливал их по многу; в мокром черном мешке они долго таинственно перешептовались между собою, пока не разжигался в саду костер и не вываливали их в большой котел, поставленный на кирпичи. Она отказывалась их есть. Предрассудки детства проснулись в ней. Она вспоминала слова своей няньки о том, что раки—поганая пища, потому что они едят утопленников.

Силантий сокрушался.

— Для вас, Ксаверия Карловна, старались. Маяты-то сколь мне было с деревяжкой! А вы, вот, не кушаете,—говорил он...

Однажды—дело было уже в начале мая—Силантий вбежал в кухню, где стряпала Ксаверия Карловна. На нем лица не было.

Она взглянула на него и едва нашла в себе силы поставить сковородник в угол. Она села на лавку тут же в кути.

- Матушка, Ксаверия Карловна, нашли, ведь, его!—сказал Силантий.

— Кого—его?—бледная спросила Ксаверия Карловна.

Да Ферапонта Ивановича... Сичас мужик из Сосновки проезжал... На мельнице, говорит, тело к плотине вынесло. Это версты две пониже будет...

Ксаверия Карловна не слушала его. Она вскочила, схватила с гвоздика полушалок и стала просить Силантия сейчас же ехать.

Силантий сначала пошел было запрягать, но потом одумался и стал отговаривать ее. Он начал говорить ей, что неизвестно еще как следует, где теперь находится тело, может быть, его увезли в деревню или что... А лучше будет, если он один сначала с'ездит, разузнает все как следует, а потом и за ней приедет. Насилу-насилу уговорил он ее и уехал один.

Путь ему лежал высоким берегом реки. Другим берегом, хотя и короче была дорога, нельзя было проехать: его затопило саженей на двадцать. Ветлы и мелкий ивняк стояли по-пояс в воде; они были еще голы, но стволы и ветви их казались набухшими, налитыми, и эта голизна была даже приятна глазу. Разный сор—палки, листья, камни, солома, оставшиеся еще от прошлогоднего разлива,—всплыл теперь снова и, располагаясь островками вокруг кустов и деревьев, покрывал поверхность воды, делая ее неподвижной. Солнце, отраженное в неподвижной поверхности, казалось таким же ярким, как в небе. Кое где вода, отмежевавшееся от реки, начинала уже зацветать. Это была пора стихающего половодья.

Силантию весело было ехать. Он радовался солнцу и половодью, посматривал по сторонам и совсем позабыл, зачем и куда он едет. Временами телега в'езжала в длинную, глубокую лыву*). Вода заливалась в самые ступицы и, приятно журча, сбегала обратно. Силантий подбирал тогда на телегу свою здоровую ногу, не заботясь о деревяжке.

Под'езжая к плотине, Силантий издали еще заметил на ней несколько человек. Они стояли недалеко от воды. Двое среди них были в форме милиционеров.

Веселое настроение у Силантия сразу прошло. Он вспомнил вдруг, зачем он сюда приехал. Его подмывало спрыгнуть, побежать скорее, чтобы посмотреть утопленника, но вместо того, чтобы подогнать лошадь, он натянул возжи и поехал шагом.

Вот, наконец, он стал различать мертвое тело, лежавшее на подстилке из свежей соломы, ярко блестевшей на солнце.

В это время один из милиционеров поднялся по откосу плотины на дорогу и пошел навстречу Силантию. Когда он был близко, Силантий остановил лошадь.

Милиционер подошел к телеге.

- Кто такой будешь?—спросил он и, прищурившись, посмотрел на деревяжку Силантия.

А я не здешний...—проговорил Силантий, испуганно улыбаясь.—Я из колонии,—он показал рукой.

— Ага!—сказал милиционер.—А фамилия как?

— Силантий Пшеницин... а по отцу...

Милиционер не дослушал его.

— Фадеев!—крикнул он, поворачиваясь в сторону реки и махая кому-то.

Через минуту на плотину вышел второй милиционер и подошел к телеге.

— А ну?—сказал он, глядя на товарища.

— Что ну?!..—сказал первый.—Тот самый,—он шепнул что-то на ухо Фадееву.

— Ага,—сказал тот.

— Так, вот, ты оставайся, а я с ним поеду.

— Ну, так что,—согласился Фадеев.—Езжайте.

Первый милиционер, ни слова больше не говоря, сел на телегу.

— Заворачивай!—скомандовал он Силантию.

— Куды тебе заворачивать?—огрызнулся было оторопевший Силантий.

*) Лужа.

– А еще будешь растабаривать!—злобно искривив губы, крикнул милиционер и сам дернул за левую вожжу.

— Но-но! -закричал тогда на лошадь Силантий и стал заворачивать.

Он молча доехал до свертка в детскую колонию, но, когда стал свертывать, милиционер опять закричал на него:

— Куда воротишь?!. Направо вороти!..

Силантий от перепугу даже лошадь остановил.

— Как так направо?!. Она вон где, колония-то!—с отчаянием и испугом вскричал он, указывая пальцем.

— А нам в город надо, а не в колонию! -упрямо сказал милиционер.

— Господи милосливой!—взмолился Силантий. Да, ведь, коня-то, поди, хватятся? Ведь казенная лошадь-то!..

— Мы и сами казенные, никуда твой конь не девается,—возразил милиционер.— Вороти в город!

Силантий еще что-то пробовал говорить, но тот закричал на него:

— Раз ты арестованный, какое ты имеешь право разговаривать?!. Сказано—в город, значит, не ломай дурака, а слушай!

Но Силантий уже и без того, как только услыхал слово арестованный, так сейчас же свернул направо и принялся даже нахлестывать лошаденку.

Долго они ехали молча. Наконец, Силантий осмелился спросить, за что его арестовали.

— Вот в угрозыск представлю, там тебе все об'яснят, ответил милиционер и отделывался этими словами каждый раз, когда Силантий приставал к нему с вопросами.

— Зря ты, братец, дурачком прикидываешься! -добавил только однажды его суровый конвоир...

Часам к трем дня Силантия доставили в угрозыск.

Занятия кончались. Допрос Силантия отложили на завтра, а пока что его посадили в камеру.

В камере, кроме Силантия, было еще трое. Эти трое время от времени начинали разговаривать между собой, но так, что Силантий понимал с пятого на десятое.

— Не по-людски разговаривают: должно быть не русские,—решил он.

С ним они почти не говорили. Один только раз курчавый, похожий на цыгана, парень обратился к Силантию с непонятным вопросом:

По-свойски ботаешь?[1])—спросил он его небрежно, словно не к нему обращаясь.

— Чего это? —спросил Силантий, лежавший уже на нарах.

Феню[2]), говорю, знаешь?—переспросил озлобленно парень.

— Федоська, говоришь? -стал припоминать Силантий. -А чьих она будет?

Арестанты расхохотались.

— Бетунный![3])—презрительно и удовлетворенно выругавшись, сказал похожий на цыгана.

После этого они «по-людски» стали расспрашивать Силантия, кто он такой, откуда и за что попал сюда.

Силантий рассказал им.

Выслушав его простой рассказ, арестанты перестали им заниматься и использовали остаток дня на ловлю вшей. И опять Силантия удивило то, что вошь они называли «крестьянином». И, когда кто-нибудь раздавливал с особенным треском насекомое, то остальные хохотали во все горло и называли убившего вошь «мокрушником»[4]).

---

[1]) «По-свойски ботать»—знать жаргон преступников.
[2]) «Феня»—блатной жаргон.
[3]) Честный.
[4]) Убийца, «помочить кого-нибудь»—убить.

Скоро кто-то из коридора зажег над дверью лампу, защищенную со стороны камеры проволочной сеткой и стеклом.

Силантий незаметно для себя уснул. Проснулся он от того, что продрог весь. Камера была сырая и холодная. Было очень душно и накурено. Который-то из арестантов сидел на нарах на своей подстилке рядом с Силантием и, надрываясь и задыхаясь, кашлял. Силантий приподнялся, скрутил цыгарку и закурил.

— А ну, ты, чувырло братское, дай мам понырдать![1])—сказал арестант и протянул к Силантию руку.

Силантий не понимая посмотрел на него.

— А ну, жлоб...—нестерпимо выругался арестант и выхватил у Силантия цыгарку.

Силантий схватился за костыль.

— Я, брат, тебя как тресну по банке, так ты своих не спознаешь! Отдай цыгарку!—крикнул он.

Арестант курил посмеиваясь.

От шума проснулись его товарищи. Две лохматых головы приподнялись над нарами.

— Чего тут?—спросил один.

— Да, вот тут кобель бузу вздумал тереть[2]),—ответил обидчик.

— Взять его в стас[3]),—сплюнув посоветовал один.

— Банки ему поставить[4]),—сказал другой.

Силантию стало не по себе.

— Поршат еще, ну их к чемеру!—подумал он и пожалел, что связался.

Он поворчал еще немного для виду и полез в карман за кисетом. Но в это время арестант, отнявший у него цыгарку, протянул ее ему:

— На, братуха,—миролюбиво сказал он, хлопнув Силантия по плечу. —Чорт с тобой, калеку грех обижать.

Силантий растрогался.

— Ну вот,—сказал он,—давно бы так! А я тебе—с милой душой. Али ты думаешь—махорки мне жаль?!. Да на!—он бросил кисет на колени соседу. Тот стал закуривать.

Покурившии они стали снова укладываться.

— Борода, —сказал Силантию арестант, только что его обидевший.—Тебе, брат, худо так-то лежать—без покрышки, на хоть эту рванину.—С этими словами он бросил Силантию какое-то стеженое тряпье.

Вот спасибо, вот спасибо!—забормотал растроганный Силантий.

— Ведь вот,—думал он с раскаянием и умилением, укладываясь спать,—где только хорошего человека не встретишь, господи милосливой!

Он полежал еще немного, покурил и, бросив окурок, который уже обжигал ему пальцы, перекрестился и повернулся на правый бок.

Арестанты уже давно храпели...

Страшный сон приснился Силантию. Снилось ему будто он мальчишкой идет с товарищами купаться, пришли к речке. Нагретый солнцем песок обжигает пятки. Вот Силантий разделся вперед всех, разбежался и бросился вниз головой в воду. Шел, шел под водой, наконец, голова почувствовала дно, но дно это мягкое, сейчас же расступилось, и Силантий увяз по самые плечи... И стал он задыхаться... нечем дохнуть... кричать хочет,—только грязь в рот набивается... И стал он тогда махать над водой ногами: может быть товарищи увидят—спасут его. Машет ногами и слышит: хохочут товарищи во всю глотку. А тут нестерпимые муки: грудь всю разрывает и кожа на животе от кри-

[1]) Отвратительная рожа, дай покурить.
[2]) Мужик вздумал скандал заводить.
[3]) Избить.
[4]) Особый, довольно мучительный способ расправы с товарищем по камере.

ка разрываться стала. И почувствовал Силантий, что сейчас—смерть, почувствовал и проснулся.

Сначала не соображал ничего, а только дышал. А потом уж проступила нестерпимая боль в животе, рванулся Силантий, приподнялся, крикнул, но в это время опять его повалили, набросили на голову какую-то тяжелую тряпку и вдавили в рот.

Но Силантий уж видел и понял, что с ним делали: один из арестантов закрывал ему голову и затыкал рот, другой прижал ему коленками раскинутые руки, а третий сидел на нем верхом, захватывал на животе кожу, сильно оттягивал ее, перекручивал, а потом со всего размаху ударял по оттянутой коже ребром ладони. Это Силантию за строптивый его характер ставили банки.

От невыносимой боли, которая еще становилась невыносимее оттого, что нельзя было крикнуть, Силантий потерял сознание.

Когда он очнулся, утро уже забрезжилось. Силантий попробовал приподняться, но не мог из-за боли и застонал.

Один из арестантов подошел к нему и сказал:

— Смотри, борода! если чуть-чего—так еще темный киф*) получишь! Это почище банок... Вас кобелей учить надо!—добавил он наставительно.

Силантий понял, что жаловаться нельзя. Поэтому, когда за ним пришли, чтобы повести наверх, к начальству, он, с трудом сдерживая стоны, поднялся и пошел сгорбившись.

Сначала его повели в регистрационное бюро, где заполнили на него карточку и сняли «словесный портрет». А отсюда передали в комнату дактилоскопии и сигналистической фотографии.

Здесь все удивляло Силантия. Сначала он сильно оробел. Но потом, когда увидел, что обращаются с ним хорошо, то насмелился даже спросить, что с ним здесь станут делать. Ему сказали, что оттиснут отпечатки с пальцев и снимут фотографическую карточку.

Последнее дело Силантию очень понравилось. Он снимался когда-то с товарищем, еще когда был холостой, но только в то время карточки выходили какие-то желтые. А нынче хорошо снимают. Он побеспокоился только, бесплатно ли с него сделают «патрет». Ему сказали, что не возьмут с него ни копейки. Этим он остался совершенно доволен и спокойно отдался в руки фотографа.

Силантия усадили на какое-то особенное кресло. Он не припомнил что-то, чтобы у фотографа было такое: здесь вдоль сиденья, как раз посредине проходил невысокий гребешок.

Силантий полюбопытствовал, зачем это так, и фотограф об'яснил, что это для того, чтобы человек не ерзал на стуле, не сбивался на сторону, а сидел прямо. Силантий попробовал сдвинуться на бок и действительно убедился, что сидеть так невозможно, потому что гребень впивался в тело.

— И до чего только не додумаются нонче!—вздохнул он, усаживаясь, как надлежало.

Наконец, все приготовления были закончены. Фотограф подошел к Силантию и хотел повесить к нему на шею какую-то дощечку с крупно написанным номером.

— Ну, нет! Это, брат, шалишь!—возмутился Силантий и отвел руку фотографа—это собачки в городу с номерками бегают, а нам это ни к чему... Эдак я и сыматься не стану,—заявил он.

Но тут его принялись уговаривать, стращать и в конце-концов добились своего.

— Ну, ладно, пускай в роде, как старшина буду—с бляхой!—сказал он, печально усмехнувшись, и позволил надеть на себя номер.

Когда кончили снимать, он направился было к двери. Его остановили.

— Погоди, отпечатки еще с пальцев.

*) Темный киф: делают «нахлобучку» на голову, бьют смертным боем.

Силантий с безразличием повиновался. Он молча смотрел, как дактилоскопист брал каждый его палец, предварительно выпачканный в черной краске, прикладывал к карточке, прижимал и слегка прокатывал.

Когда все было кончено, Силантий встал, посмотрел на свои черные пальцы и сказал, покачав головой:

— Карточки снимать —это каждому приятное дело, а пальцы-то зря мне помарали—ни к чему это...

Несчастный Силантий! Если бы ему известно было то, что известно было этому безусому мальчишке, который «помарал» ему пальцы! Если бы он знал то, что могут быть в свете два близнеца, до того похожие друг на друга, что даже родная мать их не различает, что могут быть среди 1.700 миллионов людей земного шара несколько человек, у которых даже число волос на голове одинаково, но, что нет и не может быть на свете двух пальцев, отпечатки которых совпали бы.

В конце-концов Силантию было сейчас не до этого: его мытарства еще не кончились,— его влекли сейчас на допрос к начальнику секретно-активной части.

Допрашивали его не меньше часу. Он даже вспотел, потому что такое пришлось вспоминать, что ему и во сне-то уж ни разу не снилось. Спрашивал его начальник, как в колчаковскую армию он попал, когда его мобилизовали, в каких частях служил и почему взял его в денщики Яхонтов.

Дальше пошли вопросы насчет знакомства с Анистой. Кто она ему приходилась, где и как познакомился он с ней и долго ли она жила с ним. Наконец, разговор перешел на Яхонтова: каков он был человек, не обращался ли он жестоко с солдатами или с ним—с Силантием. Не оскорбил ли чем-нибудь, не ударил ли когда его или что-нибудь в этом роде.

Силантий ответил на все вопросы так, как считал лучше. Он уже думал, что его отпустят сейчас, потому что начальник позевнул и, прикрыв рот рукой, откинулся в кресле.

— Устал, пожалуй, подумал про себя Силантий и улыбнулся.

Вдруг начальник быстро перебросился всем корпусом через стол и, приблизив лицо свое вплотную к Силантию и глядя ему в глаза, спросил, да таким голосом спросил, что Силантий затрясся:

— А, скажи, она тебе помогала, когда ты задушил Яхонтова?!.

У Силантия зубы стучали и он слова не мог вымолвить.

Начальник с наслаждением посмотрел на него:

— Ну, что же ты, брат?!..—подбадривал он Силантия.—Видишь, все, братец, известно. А ты знай, Пшеницин,—за добровольное сознание—половина вины снимается, слышал?

Силантий молчал.

— Ну, ладно,—сказал почти весело начальник.—Вот ты говорил мне, что вы с Яхонтовым душа в душу жили и что никогда у вас никаких неприятностей не было, а не припомнишь ли ты... встречу одну на мосту? А? Помнишь?—отвечай!..

— Помню,—хрипло сказал Силантий.

— Как же ты говорил, что у тебя с ним никаких столкновений не было и что ты на него никакой обиды не имел, а?!. Соврал значит, ну?!.

— Так точно...

— Ну, вот...—совсем благодушно сказал начальник.—Давно бы так! Ты, Пшеницин, имей в виду, что у нас везде глаза есть. Так что нас не обманешь. Ну, ладно... еще ответь мне на один вопросик: скажи, пожалуйста, когда ты...

Сильный гудок и шум автомобиля под самым окном не дали начальнику договорить. Он подошел к окну и поглядел на улицу. Большой желтый автомобиль остановился у под'езда угрозыска и из него вышел рослый военный в буденновке. Начальник активно-секретной узнал в нем одного из следователей губернской чрезвычайной комиссии.

Тогда он жестом дал понять Силантию, что тот ему не нужен.

— Только смотри,—сказал он ему вслед, завтра рассказывай все без вранья.

— Слушаюсь,—сказал Силантий и вышел.

Оставшись один, начальник активно-секретной сел за стол и принялся разбирать дела. В связи с приездом следователя чека он ждал, что сейчас его позовут в кабинет начальника угрозыска.

Начальник угрозыска сидел у себя в кабинете и хмурясь просматривал сводку. Сводка была неприятная. За короткий промежуток времени три нераскрытых убийства! Чорт знает, что они там делают!.. Он протянул руку к звонку.

В это время кто-то постучал в дверь.

— Войдите.

Чекист вошел. Они поздоровались. Начальник угрозыска предложил посетителю кресло, вышел из-за стола, подошел к двери и закрыл ее на ключ.

Тем временем начальник секретно-активной нервничал в своем кабинете. Он ждал, что его вот-вот позовут, но никто не шел. Прошло минут двадцать. Вдруг за окном заревел гудок автомобиля.

— Неужели уехал уже?— с неудовольствием подумал начальник секретно-активной и подошел к окну. Автомобиль стоял на месте. Двое ребятишек, взобравшись на место шоффера, ссорились из-за того, кому нажимать на мячик гудка. Они отталкивали друг друга; и если которому-нибудь удавалось дотянуться до гудка, он торопливо и сладострастно стискивал его.

Шоффер бежал к автомобилю, прожевывая что-то на ходу...

К начальнику секретно-активной вошел, наконец, один из сотрудников и сказал, что начальник угрозыска требует его к себе.

По лицу начальника угрозыска не трудно было заключить, что разговор его с посетителем, который уже уехал, был далеко не из приятных.

Он не скрывал своего волнения от помощника. Тот сел и ждал, пока заговорит начальник.

— Ты знаешь,—сказал начальник нервничая,—они там считают, что все эти убийства—на политической подкладке.

— Вот как?

— Да. И представь себе, когда я спросил его, почему они так думают, он рассердился даже: как, дескать, у вас за короткий срок убито трое партийных, старых партийных-подпольщиков, а ты еще, говорит, спрашиваешь, почему мы думаем, что это политические убийства.

— Ну, а ты что?—спросил помощник.

— Ну, а я ему сказал, что у нас за истекший квартал 8 убийств по округу и что если трое из убитых оказались партийными, так это может быть и чисто случайным. Во всяком случае, говорю, вот уже месяц, как ни о каких убийствах не слышно. Скорее, говорю, обращает на себя внимание то, что за последнее время страшно усилились преступления против нравственности. Намекнул ему, понимаешь ли, насчет последних изнасилований.

— Ну, а он?

— А он и слышать не хочет. К чорту, говорит, твою нравственность. А скажи мне лучше, что у вас добыто по поводу этих убийств. Я ему сказал, а он, понимаешь, смеется: немногим, говорит, можешь похвастаться. Меня, понимаешь, взорвало: а если, говорю, дело это политическое, так берите его за себя.

— Так,—рассмеялся помощник.—А он что на это?

— Ну, конечно, в пузырь полез— ты, говорит, нам не указывай, что нам делать, мы без тебя свое дело знаем. Может быть, говорит, мы и без того, с вами рядышком работаем... Вот чорт!.. А, ведь, все-таки, что ты там ни говори, а, ведь, дело-то неприятное получается.

— Да,—согласился помощник.—А ты ему насчет отпечатков пальцев говорил? Сказал бы ему, что на железине, которой был убит последний из коммунистов, найдены,

мол, отпечатки пальцев. А раз, мол, копыто приложил —то, значит, и сам скоро попадется...

— Нет, не говорил я ему этого. Зачем я ему буду говорить? Это его в конце-концов, не касается. Ты им убийцу найди да подай, тогда другое дело... Вот что, брат,— добавил он деловым тоном,—все-таки нам насчет этих убийств подхлестнуть надо. Я думаю на это дело Коршунова послать.

— Коршунову сейчас—вот!—возразил помощник, приставляя ребро ладони к горлу.—Он, ведь, на Яхонтовском деле теперь. Редко его и видишь. Впрочем, сейчас он в регбюро сидит.

— Вот что —позови-ка его сюда,—оживился начальник угрозыска.—Мы Яхонтова другому передадим, а он пускай этими убийствами займется.

Помощник хотел еще что-то возразить, но начальник еще раз, уже с оттенком официальности, повторил:

— Позови.

Помощник вышел в коридор.

Через минуту высокий сутулый человек с большими очками в черепаховой оправе на длинном остром носу вошел в кабинет начальника.

2.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ГЕРА.

Человек в форме железнодорожника подошел к вокзальному колоколу и ударил три раза. Заверещал свисток кондуктора. Поезд вот-вот должен был тронуться.

Вдруг в это время из вокзала торопливо вышел маленький светлоусый человек в желтом непромокаемом «макинтоше», одном из тех, что прислала нам когда-то «АРА», и в большой клетчатой кепке. За ним на привязи бежала большая, серая, похожая на волка, собака.

Запоздавший пассажир и его собака едва успели взойти на площадку, как машинист дал свисток, и поезд тронулся.

— Во-время, Гера, во-время!—пробормотал хозяин, наклоняясь к своей собаке и трепля ее по спине.

Он толкнул дверцу вагона, вошел и, миновав отделение проводников, проследовал дальше.

— Ага, да здесь никого нет,—удивленно проговорил он, останавливаясь посредине вагона и кладя маленький чемоданчик, бывший у него в левой руке, на вторую полку.

Действительно, кроме него с собакой да проводника в вагоне не было ни одного пассажира. Солнечные лучи, проходя сквозь захватанные стекла окон, дробились в них, давая радужное сияние, и косвенно освещали крашеные стены и пустые полки вагона, отчетливо делая видимой на них каждую маленькую пылинку. В вагоне было очень чисто и от этого, а также от яркого солнца пустота вагона казалась праздничной.

Единственный пассажир пришел, повидимому, в самое прекрасное настроение.

— Ну, что ж, Гера,—обратился он к своей собаке, отстегивая тоненькую цепочку от ее просторного ошейника.—Стало быть мы здесь полные хозяева. Ну, и прекрасно. Располагайся, стало быть, где хочешь... Так-с... Ну, mademoiselle prenez votre place,—сказал он, указывая на нижнюю полку.

Собака быстро последовала его приглашению и, усевшись, постучала несколько раз по скамейке длинным пушистым хвостом.

Хозяин этим временем снял кепку, повесил ее на вешалку и, высморкавшись, потянул в себя воздух:

— Ого!—сказал он, неодобрительно покачав головой.—Воздух-то здесь вагонный! Вам, м-ль, пожалуй, вредно будет.

Он подошел к окну и опустил его. Когда, по его мнению, вагон был достаточно проветрен, он закрыл окно, достал со второй полки свой чемоданчик, уселся рядом с

собакой и стал доставать всевозможные баночки и кулечки, от которых шел вкусный запах.

Собака заглядывала в чемодан, и хвост и глаза ее выражали нетерпение.

Воспользуемся тем временем, пока человек в макинтоше роется в своем чемодане, и познакомимся поближе с его спутницей, которую он окружал такими заботами.

М-ль Гера скорее должна была бы называться фрейлен Гера, потому что принадлежала к породе немецких овчарок, называемой иначе—«вольфгунд», вследствие огромного сходства с волком. Это была особа выше среднего роста, темно-серого цвета, с короткой шерстью. Среднего размера голова сидела на длинной, крепкой и прямой шее. Линия лба имела прямое продолжение в линии носа. Торчащие остроконечные уши расходились в стороны. Глаза темного цвета стояли несколько косо. Длинное с прямой спиной туловище держалось на крепких мускулистых ногах, которые оканчивались закругленными лапами с короткими когтями. Хвост пушистый, длинный, опущенный вниз, украшен был в верхней своей части черным треугольником, как у волка.

Во всяком случае, встретив ее в каком-нибудь безлюдном месте, вы не мало перепугались бы, не зная, что перед вами столь интеллигентная особа.

Наконец, жестокое испытание Геры кончилось. Хозяин ее, откинув столик, разложил на нем все запасы и принялся готовить для нее завтрак. Он отрезал несколько небольших ломтей хлеба, намазал на каждый ломоть тонкий слой сливочного масла, положил по небольшому пластику вареного мяса и стал класть их один по одному перед своей спутницей, путем жестов убеждая ее в то же время не торопиться с едой.

Последний кусок Гера только понюхала и затем, отворотив нос, жалобно взглянула на хозяина.

— А!—пить захотела, голубушка,—сказал он и, достав из чемодана маленький синий чайник, подул в него, заглянул и отправился в отделение проводников.

Вернувшись оттуда с отварной водой, он налил ее в чисто вытертую оловянную тарелку и поставил перед собакой. Гера с жадностью принялась лакать.

Ее господин тем временем начал закусывать сам. Он вытащил палку московской колбасы, нарезал ее толстыми ломтями и, выщипывая мякиш из хлеба, быстро стал есть, намазывая каждый ломтик горчицей и запивая прямо из рожка чайника.

Гера протянула морду и обнюхала ломтик колбасы. Очевидно, после того, как она удовлетворила жажду, у нее снова появился аппетит.

— Ну, нет, дорогая,—строго сказал хозяин, держа в левой руке ножик с горчицей, а правой отстраняя морду собаки,—это вам вредно.

Гера, застыдившись, опустила морду, и, извиняясь, замахала хвостом.

Позавтракав, человек в макинтоше собрал все в чемодан и, усевшись рядом с собакой, медленно и поучительно стал ей что-то рассказывать, задумчиво почесывая у нее за ошейником.

Так в полном и нерушимом спокойствии они проехали несколько станций. Скоро, однако, счастью их суждено было расстроиться.

На одной из небольших станций к ним вошло сразу трое новых пассажиров.

Вместе с грубыми и грязными мешками и сундучками домашней работы они внесли с собой шум, громкоголосицу и тот нехороший сквозняк, и какое-то беспокойство, которое всегда сопровождает каждого нового пассажира и вызывает такую нестерпимую ненависть к нему у всех, кто сел значительно раньше и успел уже освоиться и полюбить свой вагон. Эта ненависть преследует новичка, по крайней мере, до следующей станции или до тех пор, пока он не возьмет тон разговора и поведения, установившийся в этом вагоне.

Хозяин поморщился, а собака насторожилась, когда вошли трое новых. Один из них был, судя по форме, матросом речной флотилии; на товарищах его была сборная одежда, засаленная и грязная.

Проходя по вагону, они мельком взглянули на человека с собакой и, пройдя в следующее купэ, стали там устраиваться.

Собака вздрагивала каждый раз, когда кто-нибудь из них, затолкав багаж на самую верхнюю полку, тяжело прыгал потом на пол.

Наконец, они мало-по-малу успокоились и сразу, как только тронулся поезд, принялись по обычаю большинства пассажиров, за нескончаемую еду, угощая друг друга.

Человек в желтом макинтоше перестал обращать внимание на своих соседей, закрыл глаза, прислонился к стене и дремал, положив руку на спину собаки. Вдруг светлые закрученные усики его шевельнулись, по лицу пробежала гримаса, и он с удивлением открыл глаза. Ему послышалось бульканье глотаемой жидкости и крепкие покрякивания в соседнем купэ, хотя он великолепно помнил, что никто из новых пассажиров не выходил за водой.

А между тем, разговоры его соседей становились все громче и оживленнее. Они говорили наперебой, не слушая друг друга, хотя слышно было, что матрос забирает верх в разговоре. Он беспрерывно рассказывал что-то, а товарищи его только вставляли замечания и подхохатывали.

- Я, брат, в Иртыше, в Оби все дно насквозь знаю! Мне и лота не надобно. А там хоть туман, хоть что будь, я тебе с закрытыми глазами пароход проведу. Только, конечно, чтобы говорили мне, что сейчас, дескать, такие-то места проходим, а сейчас такие-то.

— А тебе на морях-то не приходилось плавать? —спросил его один из товарищей.

- На морях? Нет. Врать не буду. На морях я, действительно, не бывал. Я с юных лет в сибирской речной флотилии. Больше всего у Плотникова—в пароходстве. Вот эксплоатация была, ой-ой-ой! Теперь почти-что и понятия не имеют! Хотя новых-то матросов теперь и не видать что-то. Да-а... сколько я рейсов сделал, если подсчитать!.. который год плаваю...

— Да,—сказал один из собеседников,—всего, наверно, пришлось насмотреться.

- Ну, как же!—вскричал матрос.—Хотя в 19 годе взять: сам адмирал Колчак с нами прокатился до Тобольска—фронт ездил проверять. И другой адмирал—Старк—тоже с ним сопутствовал.

— Вот, поди, прикрутили вам хвосты-то!—сказал один из слушателей.

- Ну, чего там! Наоборот даже, наши ребята-матросня шпакулили над ними обоими: видно, говорят, много же их, адмиралов-то, расплодилось, что морских кораблей под их нехватает—на речной какой-то пароходишко двое морских адмиралов залезло!..

Слушатели расхохотались. Опять послышалось бульканье.

И-да...—продолжал матрос, прожевывая что-то.—И они тоже, видно, промеж себя стеснялись. По-двое-то не любили на палубу выходить. Только ежели один адмирал вышел на палубу, так другой сейчас обратно—один мимо другого пройдет, честь по-морскому отдадут—и сейчас один, который на палубе был, в салон первого класса удаляется и смотрит из окна, когда другой на свежем воздухе настоится, место ему освободит, тогда опять он выходит.

— Да, поди, зазорно им было на вашем-то пароходишке шлепать, -заметил один из собеседников.

- Ну, еще бы! сказал матрос.—Хотя наш-то пароход из лучших первый считался, спохватился он, обиженный пренебрежительным отзывом.

Снова послышалось бульканье и жевание. Пассажира в желтом макинтоше это бульканье, видимо, сильно раздражало.

— Вот, чорт!—пробормотал он, вскакивая и щелкнув пальцами.—Ведь все, кажется, захватил, а это забыл!..

Он прошелся нервно вдоль купэ, постоял, посмотрел в окно на бегущую мимо степь и затем, подойдя к столику, пренебрежительно нацедил из чайника воды и выпил, страшно поморщившись.

В соседнем купэ тем временем становилось все веселее и веселее. Кто-то из собеседников или, вернее, из собутыльников начинал уже беспорядочно топтаться, проверяя, должно быть, насколько надежны будут ноги его в танце.

— Эх, вы, ребятишки! взвизгнул один из приятелей.—За гармонью что ли слазать?—Гармонь у меня, братцы, тульская, системы «танго», от лучшего мастера Витчинкина!

— Шпарь!—крикнул матрос.

Гармонист полез на верхнюю полку доставать гармошку. Товарищи помогали ему вскарабкаться.

— Ну, что вам сыграть?—спросил гармонист, надевая ремень и пробуя лады.

— Камаринского!

— Вались ты! крикнул матрос.—Не хочу я ваши деревенские танцы. Ты матросский танец «матлет» знаешь?

— Знаю.

— Вот и сыграй.

Гармонист заиграл «матлет». Матрос стал танцовать.

В соседнем купэ было вовсе не так весело, как здесь. Как только раздались первые звуки гармошки, собака начала тоскливо взвизгивать и перебирать лапами.

Хозяин пробовал ее успокаивать:

— Гера, Гера, ух, ты, славная собака! —говорил он, садясь рядом с ней и зажимая ей ладонями уши. Но это помогло не надолго.

В самом сильном колене «матлета» м-ль Гера вырвала голову из рук хозяина и отчаянно завыла. Глаза ее увлажнились слезами. Взгляд ее, устремленный на хозяина, казалось, говорил: «послушай, не сердись, я знаю, что огорчаю тебя, но не могу сдержать своих нервов, прекрати мое страдание».

И господин ее понял, что выражал взгляд его подруги. Он нервно повернулся на каблуках и вошел в соседнее купэ, остановившись в проходе.

Увидев его, гармонист перестал играть, матрос застыл в незаконченном па.

Некоторое время все молчали.

— Милости просим в компанию нашу,—сказал, наконец, гармонист, указывая гостю на лавку.

— Спасибо,—сухо ответил тот, покручивая свой светлый ус.—Вот что, товарищи-граждане,—продолжал он официальным тоном,—я к вам насчет того пришел, чтобы вы прекратили играть.

— Почему?!—воскликнули все в один голос.

Матрос засунул руки в карманы.

— А потому, что не полагается в вагонах железной дороги игра на инструментах,—сказал пассажир в желтом макинтоше.

— А ты что?—Кондуктор? спросил его матрос, нагнув голову и глядя, как бык.

- Не кондуктор, а перестаньте!—крикнул раздражаясь светлоусый. Полные бритые щеки его побагровели.—Если надо, я и кондуктора позову.

— А что вам, гражданин, моя гармошка повредила?—спокойно и презрительно спросил гармонист.

— А то, что у меня в купэ собака, и она не переносит.

— Ха-ха-ха!

Ха-ха-ха!—загрохотали все трое. Гармонист хохотал сильнее всех, хлопая ладонью по гармошке.

— Слушайте,—сказал он, наконец, совершенно серьезным тоном, когда вдосталь нахохотался,—а кто она у вас будет?

— Как—кто?

— Ну мужчина или дама?

— Сука,—сказал недоумевая гражданин в макинтоше.

Новый взрыв хохота оглушил его.

— Ах, дамочка, значит?—подхватил матрос шутку товарища.—Ну, тогда приглашаю ее в тустеп... Ангаже ву!—крикнул он, изгибаясь перед макинтошем.

Тот отступил.

— Петруша—тустеп!—крикнул гармонисту матрос.

Гармонист заиграл. Собака завыла.

Хозяин ее злобно плюнул и побежал в купэ проводников. Через минуту он вернулся с проводником. Долго увещевал проводник расходившихся приятелей. Сначала они не хотели и слушать. Они хохотали, ругались и обзывали проводника «гаврилкой». Наконец, тот пришел в ярость и заявил, что на ближайшей станции он высадит их и передаст в ОРТЧК.

Приятели образумились.

Тяжко вздохнув, гармонист снял с плеча ремень гармошки. Наступила тишина.

— Да-а!—мрачно сказал, наконец, матрос.—Едет какой-нибудь спекулянтишка живодер, а гаврилки перед ним на коленках ползают.—Тоже времечко пришло, не хуже старого режиму!

— Ну, добро бы хоть перед ним лебезил, а то и перед сукой-то его: что прикажете, ваше сиятельство, салфет вашей милости!

А!—сказал третий и безнадежно махнул рукой.

Эх, закурить что ли с тоски,—сказал позевывая матрос.

Все закурили. Дым тоненькими волоконцами стал распространяться в соседнее купэ.

— Перестаньте курить! Здесь вагон для некурящих,—тонким злым голосом закричал хозяин Геры.

— А ну, любопытно взглянуть, какие вы из себя будете,—сказал матрос, входя в соседнее купэ. Из-за его спины выглядывали лица приятелей.

— Что же это за безобразие!—возмущенно вскричал гармонист,—на гармошке нельзя играть, курить нельзя! Опять, поди, для вашей барышни вредно?

— Да, вредно,—серьезно ответил макинтош.—Это портит ей обоняние.

— Фу-ты, ну-ты, ножки гнуты!—расхохотался матрос.—Нет, товарищ, курить-то мы будем, а дама ваша пускай в дамский вагон перейдет.

Хозяин Геры, ни слова не говоря, поднялся и открыл окна с той и другой стороны.

Товарищ, закройте окно—сквозник. Простудиться из-за вашей дамы не лестно!

— Бросьте курить, тогда закрою.

А, так ты вот как?!..—зарычал матрос и шагнул к окну.

Хозяин Геры загородил окно. Матрос яростно схватил его за шиворот макинтоша и рванул:

— Чего с тобой разговаривать, с гнидой буржуазной!

Макинтош ударился носом о железину верхней полки.

Но в этот же миг м-ль Гера со страшным рычанием бросилась на матроса и впилась в его ляжку. Матрос рванул ногу. В прорванном месте брюк забелело белье, скоро окрасившееся кровью.

Собака урча смотрела ему вслед. Шея ее втянулась, шерсть стояла дыбом. Хозяин ее, прижимая к носу платок, подошел к ней и начал успокаивать.

Но в это время гармонист, вскарабкавшись для безопасности на вторую полку, запустил в собаку снятым с ноги сапогом и вдобавок загавкал еще по-собачьи.

Одним прыжком собака была на полке; и плохо кончилось бы это для гармониста, если бы хозяин собаки не закричал на нее и не вцепился бы ей в шерсть.

Еле-еле она его послушалась. Хозяин увел ее.

— А курить мы все-таки будем,—сказал гармонист, оправившись от испуга.

Они все трое сели возле самого прохода и принялись усиленно курить, пуская дым в соседнее купэ.

Светлоусый вынул из кармана газету и закрылся ею.

Скоро поезд остановился. Это была последняя перед Омском станция.

Человек в макинтоше вскочил, надел шапку, взял в левую руку чемоданчик, а в правую цепочку, за которую привязана была собака, и пошел к выходу.

— Вот так, давно бы пора!—сказал ему вдогонку матрос.

Все захохотали.

Однако, веселье это оказалось преждевременным.

Минут через пять в вагон вошел военный в форме сотрудника ОРТЧК. Макинтош с собакой следовал за ним. Военный подошел к приятелям.

— Вам, товарищи, придется забраться в другой вагон, для курящих,—спокойно сказал военный.

Слова его вызвали возмущение.

— Что это еще такое?! Откуда такие порядки?!—закричал матрос.—Спекулянтишка какой-то расселся с сукой своей, так и курить нельзя и на гармонике нельзя. Не нравится ему, так пускай на площадке стоит, а мы не пойдем.

— Ну, ну, поторапливайтесь, товарищи,—сказал военный. А то поезд тронется скоро, тогда на себя пеняйте, если останетесь на станции.

Матрос негромко выругался и принялся собирать свои вещи. Товарищи тоже.

— Ну, на что это похоже?!. —возмущался матрос, застрявший с багажом своим в узком проходе.—Небойсь, когда Сашу Керенского за машинку брать стали, так к нам на крейсер «Аврору» прибежали: «Товарищи, звезданите по Зимнему Дворцу», а теперь вон что получается!

Его возмущение, вероятно, вышло из всяких границ, если только на омском вокзале ему удалось увидеть, что макинтоша и его собаку дожидался автомобиль.

На заднем сиденьи сидел человек в сером пальто и шляпе—высокий, сутулый, в огромных очках на длинном и остром носу.

Он открыл дверцу автомобиля и, протянув руку человеку в макинтоше, помог ему войти в автомобиль. Однако, видно было, что радостная улыбка, растянувшая его худое лицо, относилась к собаке, а не к владельцу ее.

Он прижался в угол, давая ей место в средине.

М-ль Гера с сознанием собственного достоинства села и, подняв морду, скромно облизнулась.

Шоффер дал гудок. Автомобиль тронулся.

3.

«УГРОЗЫСК, ПРОСНИСЬ!».

Разгневанный начальник уголовного розыска сидел за своим письменным столом. Высокий человек в больших очках стоял сбоку, держа в руках шляпу.

На столе лежала раскрытая газета.

— Вот полюбуйтесь, товарищ Коршунов,—сказал начальник, отчеркнув синим карандашом какую-то заметку.

Коршунов стал читать.

В заголовке заметки крупным шрифтом стояло: «Угрозыск, проснись!». Дальше шло следующее:

«Мы уже упоминали несколько раз о том, что в нашем городе появилась гнусная и, повидимому, неуловимая шайка от'явленных хулиганов—насильников над женщинами.

За последнее время, за короткий сравнительно срок, произошло более десяти случаев изнасилований, иногда в самых людных местах города. Преступники до сих пор не выявлены.

Угрозыск, проснись!».

— Ну, что?—спросил начальник, когда Коршунов отложил газету.

— Что ж... ничего... обычная заметка,—невозмутимо сказал Коршунов, снимая очки и вытирая стекла носовым платком. Только зря они напечатали это: все-таки это как бы дискредитирует, а в конце-концов не можем же мы опубликовывать секретную работу, которая иногда годами ведется.

— Совершенно верно,—сказал начальник угрозыска. Об этом у меня еще будет разговор с редактором. Так нельзя. Но, видишь ли, брат, какое дело... Ты, вот сам сейчас признал, что заметка эта вредна для нашей работы, потому что ты хорошо знаешь, что значит в нашем деле авторитет... Так?

— Так,—сказал Коршунов.

— Стало быть, что же теперь приходится делать?— Ясно: поскорее эту заметку обезвредить. А это тогда только получится, когда эта же самая газета напечатает: вот, дескать, вся шайка выловлена.

— Ясно,—подтвердил Коршунов.

Начальник, видимо, был доволен, что Коршунов поддакивает:

— Ну, вот,—улыбнулся он.—Значит, нужно это дело ускорить, чтобы результаты были налицо. А кто у меня сейчас на этом деле?—молодняк! Послать было некого, сам знаешь. Так что выходит, что только тебя на это дело.

Коршунов отпрянул.

— Меня?!—испуганно спросил он.—Да ты что—шутишь?

— Ничего, брат, не шучу, —печально вздохнув, сказал начальник.—Сам же ты признаешь, а кроме тебя мне не на кого положиться.

— Нет, как хочешь, не могу!—сказал Коршунов, вставая и взволнованно жестикулируя.—Это хоть кого угодно убьет. Ты подумай: занялся я убийством командира Яхонтова—сам знаешь, какое это дело—ну, и совсем, кажется, на мази было, и вдруг—извольте: на-те вам другое дело! Сам же ты тогда бузу поднял: скандал, политическое убийство!—займись, Коршунов!.. Ладно. Занялся. Опять как-будто уж все ниточки в руку собрал, и опять срываешь! Третье дело подсовываешь... Нет, это безобразие, так работать нельзя!—закончил он.

— Ты знаешь, -добавил он, видя, что начальник сидит спокойно.—Ведь я специально для этого дела ищейку с проводником выписал. Это чего-нибудь стоило или нет?!..

— Пустяки,— сказал начальник угрозыска,—собака тебе и в этом деле понадобится. А изнасилования надо раскрыть. Брось Яхонтова и политические эти убийства. Да к тому же вряд ли они политические. Ведь вот уже сколько времени прошло, а больше ни одного... Да, должно быть, и там так же думают,—мотнул он головой в сторону окна.—Так что ты уж, Коршунов, с теми делами повремени. Пресса, брат,—ничего не поделаешь!

Коршунов стоял в раздумьи.

— Ну, ладно, -наконец, согласился он мрачно.—Только боюсь, что ты меня на четвертое дело сорвешь. Так, знаешь, не полагается.

— Да я и сам знаю. Да так уж получилось... А насчет четвертого дела не бойся—улыбаясь, сказал начальник.—Ну, так, значит, берешься? Насчет всего этого ты у Миши спроси—у него это дело.

— Ладно,—сказал Коршунов и пошел к двери.

— Погоди,—окликнул его начальник, -а как у тебя относительно того... с деревянной ногой... по Яхонтовскому делу?

— Так что—как? Стоит он себе возле моста, милостыню собирает. Насчет его нечего беспокоиться -с деревяжкой не ускачет! А, кроме того, он у меня в роде как бы под негласным надзором: я каждый день его вижу, как через мост еду.

— Так что, значит, ты и за это дело держишься?—засмеялся начальник.—Ну, а как та у тебя?

— И за той присматриваю малость,—сказал Коршунов и тоже рассмеялся.

— Ну, всего хорошего.

— До скорого...

Коршунов вышел. У под'езда его ждал мотоциклет с прицепной карсткой.

Когда мотоцикл проезжал через мост, Коршунов приказал замедлить. Силантий Пшеницин действительно стоял здесь, но не совсем на прежнем месте, а несколько по-

ниже и влево—в сторону Люблинского проспекта. Место было куда хуже прежнего, потому что здесь в деревянную чашечку Силантия перепадало только от тех, кто проходил по боковой улице. Да и самая фигура Силантия не обращала здесь на себя такого внимания, как там —на мосту, где рука его, словно шлагбаум, преграждала путь всем прохожим. Здесь к тому же Силантий большею частью не стоял, а сидел на маленьком ящике из-под гвоздей, потому что стоять было тяжело: не было перил, на которые можно было бы опереться. Кроме того, отступя шаг, за его спиной был обрыв берега и легко было оступиться.

Словом место было во всех отношениях хуже, чем старое.

Когда Силантия выпустили из угрозыска, обязав подпиской о невыезде, ему ничего не оставалось делать, как взять свою деревянную чашечку, которую он было применял уже для хозяйственных надобностей, и отправиться на прежнее место—на мост—просить милостыню.

Так он и сделал. Но каково же было его изумление, а сначала и негодование, когда он увидел, что его место, единственное место на мосту, где можно было стоять, не мозоля особенно глаза, не подвергаясь опасности быть раздавленным и в то же время не пропуская ни одного прохожего,—было занято другим! Но скоро негодование Силантия прошло, потому что соперник его был воистину жалчайшее существо.

Это был нищий, совершенно слепой и не владеющий ногами, хотя обе они были целы. Вследствие этого последнего обстоятельства он посажен был так, чтобы ноги его приходились вдоль намостного тротуара и не мешали бы прохожим. Немного поодаль, где тротуар загибался в боковую улицу, стояла тележка, на которой привозили и увозили калеку.

Силантий подошел к своему сопернику. Слепой сидел на какой-то тряпке, держа в руках деревянную чашечку, и что-то гнусил про себя.

— Здравствуй, слепец!—сказал Силантий, останавливаясь возле него.

— Здравствуй, —ничего не выражающим голосом сказал слепой и не пошевельнулся даже, как-будто он разговаривал с кем-то внутри себя.

— Ты давно тут сидишь?—спросил Пшеницин.

— С пасхи.

— Так...—сказал Силантий и замолчал, не зная, что ему теперь говорить и делать.

— С пасхи сижу,—повторил слепой, поглаживая чашечку.

— Так, сидишь, значит...—сказал опять Силантий и отшвырнул концом костыля какую-то гальку.—А как тебя звать? —помолчавши немного, спросил он слепого.

— Иван...

— Так... Ну, вот что, Иван,—стряхнув свое раздумье, сказал вдруг Силантий решительным, но немножко со слезой голосом.—Гляжу, братец, я на тебя, да и думаю: я—калека разнесчастный, одной ноги нет, а ты, видно, еще меня несчастнее. Дак бог с тобой, сиди на этом месте!... Мое оно раньше было, дак только теперь сиди уж...

Таким-то вот образом утратил Силантий Пшеницин право на свое место и перешел на новое—несколько левее моста.

Прошло немного времени, и между обоими калеками установились добрососедские отношения.

Вначале Силантий ожидал, что плохо ему будет в смысле подаяний, да так и вышло бы, если бы не одно обстоятельство, которого Силантий совершенно не мог понять.

Был знойный пыльный день. Силантия разморило от жары. Место, где он сидел, было совершенно открытое —на самом солнцепеке. Редко-редко кто проходил по его стороне. Силантий стал дремать. Сквозь дремоту ему показалось, что хрустнул гравий возле него. Он открыл глаза—никого не было. В чашечке его лежала бумажка в десять тысяч рублей*).

*) Деньзнаками 1921 года.

— Что за притча?!.—пробормотал Силантий.

Он стал оглядываться, но и поодаль никого не было. Силантий был очень взволнован: таких денег он бы и в два месяца не высидел. Досидев до заката из чувства приличия перед постовым милиционером, Силантий, наконец, поднялся, подхватил свой ящик и отправился в Нахаловку, расположенную, как известно, не особенно далеко от моста. Он квартировал там в маленькой «саманной» мазанухе у одной бездетной вдовы.

На другой день повторилось то же самое. И опять не уследил Силантий, кто из прохожих опустил в его чашечку десятитысячную бумажку. Так продолжалось и дальше, и, наконец, Силантий привык к этим щедрым подаяниям и перестал беспокоиться, что, понятно, было вполне естественно, так как в чудесном происшествии этом не было ничего неприятного.

Было еще одно замечательное обстоятельство во всем этом необычайном происшествии, которое показывало в неизвестном благодетеле желание не просто швырнуть подачку, а оказать действительную помощь: Силантий заметил скоро, что неизвестный увеличивал сумму пожертвования по мере того, как дешевели деньги.

За здоровье раба божьего- «имя ему, ты же, господи, весь» Силантий поставил свечку.

Можно было бы, кажется, Силантию перестать теперь нищенствовать, потому что денег хватило бы у него надолго, но ему как-то и в голову не приходила подобная мысль. Изменилось в его поведении только то, что он не обижался теперь, когда никто ему ничего не давал, и сидел, как благодушный и спокойный созерцатель суеты человеческой. Он засиживался теперь даже дольше обыкновенного. Он и раньше, когда у него были обе ноги, был всегда домоседом, а теперь уж сидячий образ жизни стал для него самым естественным. К тому же махорку он курил теперь самого высшего сорта и посидеть вечерком в самом людном месте, покуривая и созерцая, было очень приятно.

Однажды Силантий засиделся таким образом до темноты. Зажглись уже мостовые фонари. Наконец, он почувствовал, что его прохватывает сыростью, подобравшейся от реки, и поднялся со своего ящика. Ящик свой, по заведенному раз навсегда порядку, Силантий относил слепому, а утром вместе со слепым привозили и ящик.

Теперь между калеками была неразлучная дружба.

— Ну, что, Иван, спросил Силантий, подходя к своему другу, не приехали еще за тобой?

— Нет еще,—сказал слепой.

— Ну, ладно. Прощай покудова. Вот тебе кресло мое.

Силантий положил возле слепого ящик и заковылял, пересекая мост.

Тут на него чуть не наехали. Силантий не расслышал во-время, потому что пролетка была на резиновых шинах.

Отпрыгнув, Силантий выронил костыль. Он поднял его и, повернувшись к дороге, собирался выругать кучера, но коляска уже проехала мост. Однако, следом за нею, отстав саженей на двадцать, шла другая, за нею третья, четвертая—все на резиновых шинах. В первых трех пролетках сидело не меньше, как человек по пяти, а в четвертой только один—высокий нахохлившийся человек в больших очках с толстой тростью, на которую он слегка опирался.

— Что за чорт, свадьба ли чо ли?!..—подумал сначала Силантий.—Только не должно быть: все мужской пол... Разве что жених с шаферами?

Но сразу же вслед за этим, увидев в четвертой коляске «жениха», Силантий сгутулился и быстро зашагал прочь.

Оставим теперь Силантия, тем более, что он все равно со своей деревяжкой никуда дальше Нахаловки не уйдет, да к тому же он, ведь, дал подписку о невыезде,—и воспользуемся лучше свободным местом рядом с женихом, чтобы поспеть с ним на свадьбу, которая обещает быть очень пышной, судя по тому, что все «шафера» в военной форме и у каждого на поясе портупея чернеет тупорылая кобура нагана.

И далеко, должно быть, поджидает невеста поезд своего жениха! А, может быть, в кладбищенской церкви будут венчаться—за городом...

Вот проехали центр, вот зазыбались пролетки по немощеным бесфонарным улицам окраин, вот, наконец, и последние, похожие на хлевы, домишки кончились, а они все едут и едут.

В полуверсте за городом остановились, посоветовались немного и, с'ехав с дороги, поехали напрямик к черневшей вдали небольшой березовой роще. За рощей начинались уже заброшенные с давних пор кирпичные сараи.

Луна никак не могла пробраться совсем сквозь облака и все время была как бы словно салом подернута. Казалось, и не темно, а разглядеть дорогу было невозможно. Того и гляди треснет на какой-нибудь рытвине ось. Все, кроме кучеров, вылезли и пошли пешком.

Доехавши до березовой рощи, остановились. Двое подошли к четвертой коляске и о чем-то тихо стали советоваться с человеком, сидевшим в ней.

Он об'яснил им что-то вполголоса, показывая тростью. Они отошли. Он выпрыгнул из коляски и подошел к группе. Скоро весь отряд разбился на три: один из них углубился в рощу, два других стали обходить ее с боков.

Минут через двадцать отряд левого фланга, в котором был человек в больших очках, обогнул рощу. Все остановились прислушиваясь. Из глубины рощи доносилось потрескивание веток. В руке начальника мигнул электрический фонарик. С противоположного конца ответили тем же. Отряды пошли навстречу друг другу. Скоро и третий отряд вышел из рощи, и все соединились. Отсюда, рассыпавшись редкой цепью, пошли по направлению к сараям. Итти было трудно: то и дело попадались глубокие, с крутыми краями ямы, из которых брали когда-то глину на кирпичи. Теперь эти сараи были заброшены. Боковые жерди и солома, их покрывавшая, давно были растасканы, так что остался полусгнивший недоглоданный остов, меж черными ребрами которого виднелось звездное небо. Сараи хороши для изнасилования и убийства. Однако, в виду того, что здесь все было видно насквозь, отряд миновал их.

За сараями опять перестроились в три цепи. Шли не разговаривая. Старались не производить шума. Наганы были в руках. На первый взгляд могло показаться, что отряд охватывает с такими предосторожностями совершенно пустое место. Только на самом краю размытого дождями оврага чернеет над обрывом земляной горб. Трудно было представить, что под этим горбом приютилась хаза, относительно которой в угрозыске были сведения, что здесь в эту ночь соберутся опаснейшие преступники города.

Хаза представляла собой низкую мазануху с плоской земляной крышей, с двумя маленькими окнами. Одну из стен ее заменял, или, по крайней мере, поддерживал берег оврага.

Агенты один за другим осторожно спускались в овраг по узким крутым тропинкам, протоптанным возле самых стен с обеих сторон хазы.

В окнах было темно.

Перед дверью хазы стоял человек в мешковатом нижнем белье. Вот он позевнул, взглянул для чего-то на небо и, передернувшись весь от холода, шагнул к двери. Он взялся уже за скобку, как вдруг двое агентов бросились на него сзади. Он упал вместе с ними.

- Ляга-а-а-вка, ляга-а-а-вка! -изо всей силы закричал он, барахтаясь и хрипя.

Ему заткнули рот, скрутили и оттащили на дно оврага. В хазе послышался шум. Несколько агентов ворвалось в сенцы. В это время изнутри звякнул крючек. Кто-то успел закрыть дверь. Агенты принялись стучаться.

Один из оцеплявших хазу агентов подошел к окну и направил в него свет электрического фонаря. Пучек света быстро обежал стены, потолок, пол, русскую печь, большой стол, на котором среди четвертей и бутылок распластано было чье-то тело, и, наконец, остановился на лежавших вповалку на полу мужчинах и женщинах.

Видно было, что в хазе поднялся переполох. Один за другим вскакивали бандиты. Заспанные лица выражали растерянность и испуг. Кто-то побежал к двери, но ему дали под ножку, и он повалился.

Еще минута, и отчаянная шайка грабителей и мокрушников сдалась бы без всякой попытки к сопротивлению. И все это сделал ударивший из тьмы улицы пучок света! Разве может сопротивляться человек, вырванный из мрака и об'ятий проститутки и внезапно увидевший вдруг себя во всей своей нечистоте, в грязном неуклюжем белье, ярко освещенным рукою незримого в темноте врага?!.. Героев в нижнем белье не бывает.

Растерянность была полная.

Вдруг одна из женщин вскочила, взвизгнула и, повернувшись к окну спиной, быстро нагнулась, подняла подол рубашки и подставила свой обнаженный круп пучку света.

Фонарик потух.

Это был распространенный среди известного круга жест, выражающий вызов и презрение к врагу.

Эта дикая выходка произвела на оторопевших бандитов действие, подобное тому, которое оказало появление Жанны-Д'Арк на Карла VII и его войско во время осады Орлеана.

Один из бандитов рванул к себе стол и, опрокинув его, загородил им окно. Окна хазы на минуту осветились изнутри, затем огонь потух, и из хазы стали стрелять. Вслед за этим в сенках послышались удары, ругань, борьба, и агенты, бывшие там, выбежали на улицу. Один из них, зажимая руками живот, пробежал несколько шагов и упал.

Остальные залегли в цепь и открыли частый огонь.

Коршунов отдал распоряжение, не прекращая огня, подползать к противнику, чтобы в подходящий момент атаковать его.

К нему подполз один из агентов:

— Не выйдет, товарищ Коршунов,—сказал он,—они нас всех так могут...

Коршунов помолчал немного и сказал что-то агенту, показывая тростью на крышу.

— Есть, товарищ Коршунов,—сказал агент и пополз на левый фланг.

С левого фланга отделились пять человек и поползли в сторону. Стрельба из хазы прекратилась. Очевидно, там берегли патроны.

Через минуту фигуры агентов обозначились над оврагом на фоне неба. Агенты взошли на крышу и принялись, словно по команде, высоко подпрыгивать, тяжко ударяя в крышу ногами.

Крыша начала глухо трещать. Треск все усиливался.

Вдруг стекло с дребезгом вылетело из рамы. Кто-то крикнул оттуда:

— Что вы, сволочи, задавить нас думаете?!..

— Сдавайтесь!—закричали из цепи.

— Сдаемся!—крикнуло сразу несколько голосов. И вместе с отборными блатными ругательствами из окна полетели один за другим четыре нагана.

— Вот так, давно бы пора!—рассмеялся Коршунов.

Агенты расхохотались. Но хохот быстро умолк, потому что раненый агент застонал. О нем как-то все забыли во время перестрелки.

Начальник подошел к нему, наклонился и, расстегнув на нем шинель, осмотрел рану, освещая ее фонариком. Рана была ножевая длинная и глубокая, как-раз посредине живота. Кишки выпирали из нее.

— Эх, жаль доктора не захватили!—пробормотал Коршунов. Вот что, ребята,—обратился он к агентам,—двое возьмите-ка его, перетяните ему хоть рубахой что ли, да сейчас его на шинели—до пролетки, а потом живо в больницу. Ну-ка, Михайлов, Кошкин!

Двое подошли к раненому, сделали кое-как перевязку и, положив на шинель, понесли.

— Не выживет,—сказал Коршунов.

— В доску![1]) -крикнул кто-то из бандитов, когда раненого проносили мимо хазы.—Я ему весь кучик[2]) в брюхо спустил. Эй, вы с..., кого это я помочил?!—крикнул он, нагло посменваясь.—Фамилию, имя скажите, чтобы знать, кого поминать!

- Молчи, б.....!—ответил кто-то из агентов. По вам вот поминки надо будет справлять, когда вас завтра за кирпичный завод поведут!

– Врешь!– крикнул бандит.—Без венчанья не поведут[3]).

— Надейся, как же!—крикнул агент.

Позагсят без венчания сойдет!—подхватил другой.

Из хазы посыпалась блатная ругань.

Ну, жалко, что апельсинчиков[4]) с нами не было, а то бы помочили котерых!

Да и так бы досталось, если бы сунулись. Только что на крышу залезли!..

А кто это, какая б..... стукнула вам[5]), узнать бы?

Никто нам не стукал. Мы и без стукачей вашу шпану выловим! кричали в ответ агенты.

Коршунов, наконец, вмешался и прекратил перебранку.

Эй, вы! –крикнул он бандитам. -Кто у вас тут бандура[6])?

А вот чью варзуху видали, та и бандура. ответил ему хриплый женский голос.

Бандиты захохотали.

Что, жаба[7]), получил? Вот наша бандура какая! кричали они.

Ну, ладно, –сказал спокойно Коршунов. –Выходите по одному.

По обе стороны двери и напротив нее стали агенты с направленными на выходящих бандитов наганами.

Сам Коршунов стоял прямо против выхода и освещал фонариком лицо каждого выходившего. Бандиты жмурились и ругались. Мужчины и женщины выходили один за другим с поднятыми руками.

Колька Чернота.

— Мишка Лодырь.

- Сашка Курсант.

Фенька Клюква! опознавал инспектор угрозыска бандитов.

- Ого, да вся головка тут!– сказал он с явным удовольствием, когда вышел последний, девятый по счету бандит. Ну, теперь газетам писать будет нечего!.

Всех блатных перевязали и, окружив, стали выводить из оврага...

А на следующее утро разносчики бойко торговали воскресной газетой, крича надорванными голосами:

— Новое изнасилование за городом!..

4.

ВОСКРЕСНАЯ ПРОГУЛКА.

Дворники не подметали еще тротуаров и мостовых. На улицах в такую рань нельзя было встретить ни прохожего, ни проезжего. Поэтому вполне естественно, что постовой милиционер, стоявший на углу возле сада, посмотрел с большим удивлением на двух граждан, восседавших в пролетке вместе с собакой.

---

[1]) Насмерть.
[2]) Ножик.
[3]) Без суда не поведут.
[4]) Бомбы.
[5]) Донести.
[6]) Содержательница притона.
[7]) Сыщик.

— Наверное, охотники, —догадался он, наконец, и, конечно, не ошибся, потому что, действительно, это были охотники—Коршунов и Макинтош.

Они разговаривали о собаке.

— Да, она у меня умница,—говорил хозяин Геры.—Я думаю, что другой такой и в Москве не сыщешь, а в Сибири-то уж наверное. Вы и представить не можете, сколько мы с ней поработали!—он потрепал собаку по спине.

— Да,—сказал Коршунов.—А я, вот, не работал с собаками—не приходилось, да и все-таки это требует больших специальных знаний. А я уж и без того, знаете ли, ходячая энциклопедия,—улыбнулся он.

— Да, работа с собакой требует особых знаний и большой опытности,—сказал Макинтош.—Какой же ты, например, агент-проводник, если ты не сам дрессировал собаку, а работаешь с чужой воспитанницей! А есть и такие агенты!—проговорил он с возмущением.

— Вы, я вижу, увлекаетесь своим делом.—улыбнулся Коршунов.

— Слушайте!—вскричал Макинтош и даже подпрыгнул на своем сиденьи, поворачиваясь к собеседнику.—Да если скажут мне теперь: вот тебе сто тысяч золотом, живи себе припеваючи, только брось свою специальность, так я даже ни минуты не подумаю и откажусь, ей богу, откажусь!..

— Охотно вам верю,—сказал Коршунов.

— Правда? полувопросительно воскликнул Макинтош, обрадовавшись, что Коршунов не усомнился в искренности его слов. —Да и как же иначе?—ведь вы, я думаю, от своего дела не откажетесь.

— Скорее повешусь,—серьезно сказал Коршунов.

— Вот. Я так и думал,—удовлетворенно продолжал собеседник.—А меня, знаете ли, некоторые даже за сумасшедшего считают... некоторые знакомые. Впрочем, знакомых-то у меня, собственно, и нет, т.-е. в общепринятом смысле: вот, чтобы домами были знакомы —я с женой к кому-нибудь в гости, а они бы ко мне...

— Почему?—спросил Коршунов резким и нервным голосом.

— Да так, знаете ли...—ответил собеседник его, смущаясь.— Как бы вам сказать... знакомые-то имеются, только все из своего круга—сотрудники же.

— Т.-е. вы хотите сказать, что с вами стыдятся знакомиться? Так?!.. —сказал Коршунов, глядя в упор на собеседника.

Тот заморгал белыми ресницами, и красное лицо его еще больше покраснело. Он промолчал.

— Ну, что ж,—сказал Коршунов, освобождая спутника от своего неприятного взгляда,—напрасно вы смущаетесь так: мы все разделяем в этом отношении вашу участь.

Сосед его задвигался облегченно.

— Вот я вам один случай расскажу,—продолжал Коршунов. –Недавно к начальнику секретно-активной приходит... господин один—банковский служащий какой-то. Солидный, в фетровой шляпе, словом, ответственный спец, короче говоря. Я был тоже в кабинете. Пришел он, оказывается, возмущаться: дело, видите ли, в том, что в его отсутствие явились к нему на квартиру наши сотрудники. Открыл им его сынишка лет 14 и испугался. Спросили они, кто здесь живет, и выяснилось, что произошла ошибка—зашли не в тот номер квартиры... Ну, извинились и ушли. Так вот он и прибежал возмущаться. Конечно, дело вполне естественное, что и говорить! И начальник его выслушал и тоже извинился, и агент понес взыскание. Подошел я к окну, когда господина этого уже не было, так, знаете ли, по привычке—посмотреть, на чем он приехал. Смотрю—он сразу же, как только вышел из под'езда, так сейчас шляпу на самый нос и воротник пальто поднял, а, ведь, было начало мая! Так, я, знаете ли, так и плюнул с досады!..

Макинтош жадно слушал.

— И так, ведь, все они—эти «бетушные»,—рассмеялся Коршунов.—Пропади у них кошка какая-нибудь паршивая, так и угрозыск, и милицию перевернут. А так, в частной жизни: что вы!—знакомство с сотрудником угрозыска, да это компрометирует, как раньше выражались. Эх, знаете!—воскликнул он.—Хотя и не полагаются нам по службе такие мысли, а мне иногда хочется посмотреть, что будет с нашим обществом, с гражданами этими, с женами их и детками, если мы хоть на неделю прекратили бы свою работу! А?!.. Представьте себе, что весь здешний блат, все эти мокрушники, насилователи, растлители, шнифера и шпармачи,—узнают вдруг, что на целую неделю уголовка сложила руки, и почтенные граждане предоставлены самозащите! Можете вы вообразить себе, что тогда начнется?!..

— О!—восхищенно произнес Макинтош, глядя на собеседника, и в глазах его Коршунов увидел запретные искорки.

— Да...—в раздумьи сказал Коршунов. Возбуждение его угасло.—А ну их, в конце-концов, к чорту! Давайте лучше говорить о собаках. Вы, кажется, говорили насчет воспитания ищеек?

— Да. Что агент-проводник должен их сам воспитывать. А дело это настолько трудное, что никто и не представляет. Ведь, помимо некоторых личных качеств, воспитатель-сыщик должен обладать еще большими познаниями в области собачьей психологии. Впрочем, вы, вероятно, читали по этому вопросу?—спросил Макинтош.

— Ну, конечно, читал кое-что, как криминалист. Но специально этим не занимался. О психологии собак читал, кажется, что-то у Гросса, у Дурова немножко.

— Ну! —улыбнулся хозяин Геры. Гросс устарел, а Дуров специально дрессировкой в наших целях не занимался. Вы Гербаха должны прочесть или Оберлендера... А сейчас мы все равно об этом не успеем поговорить.

Действительно они не заметили в разговорах, как выехали уже за город. Саженях в двухстах в сторону от дороги виднелся маленький кол—место, где произошло в эту ночь изнасилование.

— Ну, вот, мы и приехали,—сказал Коршунов.—Не больше получаса ехали,—добавил он, взглянув на горизонт, на котором огромным, расплывшимся желтком поднималось солнце.

Попавшие в лучи верхушки деревьев сквозили, но ниже была еще тень, и в стволах деревьев таилась тяжесть. В воздухе становилось заметно теплее.

Хозяин Геры был очень рад этому обстоятельству.

Экипаж свернул с дороги, проехал еще несколько сажен, подпрыгивая на маленьких упругих, поросших конотопом, кочках, и остановился. Агенты с собакой вылезли.

Коршунов об'яснил кучеру, что его обязанность—стоять на месте до тех пор, пока ему из рощи не подадут знак, а тогда он должен на некотором расстоянии ехать за ними так, чтобы не терять только их из виду.

Пока они разговаривали с кучером, из города показался и быстро стал приближаться к ним большой грузовой автомобиль. Скорее они даже не увидели, а ощутили его сперва, потому, что он шел с неимоверным грохотом и такими взрывами и фыркашиями, что подошвы их прежде глаз отметили его приближение, подобно тому, как сейсмограф отмечает отдаленные землетрясения.

Макинтош вдруг испуганно рванул собаку и бросился с нею в сторону от дороги.

Коршунов успел заметить, что лицо его выразило тревогу.

— Что с вами?!..—спросил Коршунов, догоняя его и едва удерживаясь от смеха.

— Как что?!.. Да ведь этот дьявол все бы нам испортил! -вскричал хозяин Геры, показывая на автомобиль, который был теперь совсем близко.—Бензин, бензин!—продолжал он, волнуясь и видя, что Коршунов не понял еще.—Да, ведь, он ей нюх перешибет! Это все равно, что со всей силы палкой ее по носу ударить!.. По этому нежному, шевровому носику! запричитал Макинтош с нежностью и, наклонившись к собаке, приподнял ей голову и поцеловал в лоб.

— Видите—в нос даже и не целую!—сказал он, глядя на Коршунова.—О, это тончайший, тончайший инструмент!—вдохновенно и поучительно воскликнул он, подняв палец.

— Постойте-ка!—перебил вдруг испуганно Макинтош свои излияния и, смочив слегка слюной мизинец, выставил его вверх.—Ого!—заметил он с беспокойством.—Есть небольшой ветерок со стороны дороги. Если этот идиот,—кивнул он на грузовик,—напустит бензину—то... И за каким он чортом тащится?!..

— Я думаю,—ответил Коршунов, посмотрев на грузовик, что он везет хлеб в лагеря.

— Этого еще недоставало!—воскликнул с отчаянием хозяин Геры:—Запах бензина и горячего ржаного хлеба—убиться можно! Слушайте,—обратился он жалобно к Коршунову, тронув его за рукав,—отбежимте скорее сажен хоть на пятьдесят в сторону и полежим где-нибудь в имке, пока этот запах не рассеется.

Коршунов не мог отказать ему в этой просьбе.

Они отошли от дороги и расположились в одной небольшой ложбинке. Гера уселась рядом с хозяином и от скуки принялась ловить мошек, громко клацая зубами и конфузясь до слез от каждой неудачи.

Коршунов и Макинтош разговаривали меж тем о собаках-ищейках, их психологии, выучке и породах. Макинтош рассказывал интересные случаи, где отличилась его Гера.

— Скажите,—спросил напоследок Коршунов,—почему все-таки у вас—«вольфгунд», а не «доберман-пинчер»? Судя по тому, что вы мне сообщили, между ними довольно-таки трудно сделать выбор.

— «Доберман-пинчер», нежнее,—ответил Макинтош.—Поэтому в нашем климате «вольфгунд» лучше.

— Так! сказал Коршунов. Ну, что,—можно, вероятно, тронуться? спросил он его.

— Да, теперь можно.

Все трое поднялись и направились к маленькому колку.

Не входя в него, Коршунов остановился, сверился с какой-то бумажкой, вынутой из кармана, и указал пальцем на небольшую, освещенную уже солнцем поляну в глубине колка.

— Я предоставлю начать вам,—сказал он поклонившись.

— А я как-раз собирался просить вас об этом,—ответил довольный Макинтош и приступил к работе.

Коршунов не узнал своего спутника: он сразу преобразился, он священнодействовал. Бережно неся в одних только пальцах цепочку, протянутую к ошейнику собаки, он ни разу не допустил, чтобы цепочка дернулась и опустилась, несмотря на то, что собака шла не прямо и неравномерно, а подавалась то вправо, то влево, и то ускоряла, то замедляла свой бег. Движения их удивительно совпадали, и трудно было решить, кто кого ведет. Казалось, что и человеком, и собакой управляло одно общее сознание.

Коршунов, оставшийся по просьбе Макинтоша у крайних берез, с восхищением следил за ними.

До самой почти поляны, где совершено было изнасилование, Гера шла быстро, не останавливаясь, но, подходя к этому месту, она заметно замедлила свой бег и низко, чуть не к самой земле, опустила морду.

Хозяин ее тоже пригнулся.

Теперь Гера шла толчками. Раза два она взглянула на хозяина, он ей сказал что-то. Наконец, сделал два или три круга с отбегами в сторону, собака решительно пошла в сторону степи и скоро они вышли из колка.

Макинтош подал знак Коршунову. Тот догнал их уже в степи.

Лицо хозяина Геры было серьезно и в то же время было значительно спокойнее, чем до начала слежки.

— Знаете,—сказал он, не переставая следить за поведением собаки,—я вначале несколько беспокоился: боялся, как бы не спутала она следы преступника со следами жертвы. Но, вот, одно уж то обстоятельство меня успокаивает, что она идет в сторону города. А жертва, как нам известно, пришла, ведь, в город.

— Точно так,—сказал Коршунов.

Собака, между тем, все чаще и чаще начала останавливаться и временами теряла след. Тогда проводник осторожно оттягивал ее и, отводя стороной на то место, где она еще ясно чувствовала след, направлял снова.

— Неблагоприятная почва, да и ветер здесь сильнее, чем в роще,—угрюмо сказал он, отвечая на подразумевавшийся вопрос Коршунова.

Там, где мягче была почва, Гера бежала более решительно.

Так шли они с полверсты. Оба сильно устали. Коршунов время от времени оглядывался,—едет ли за ними экипаж.

На одном из пригорков собака остановилась, вытянула шею и принялась нюхать воздух. Проводник, начинавший уже терять терпение, снова хотел отвести ее и направить на след, но она предупредила его и с такой решительностью рванулась назад и влево, что он выпустил цепочку; запыхавшись, он догнал Геру и поднял цепочку.

Странно,—с одышкой проговорил он.

Видно было, что этот поступок собаки сильно смутил его. Коршунов хмуро вышагивал рядом. Шляпа была у него на затылке. На большом напряженном лбу выступил пот

Однако, собака шла быстро и уверенно, низко опустив нос.

— Чорт возьми!—вполголоса пробормотал Макинтош.— Да неужели она нас к тому вон кусточку ведет?!. Ведь там и зайцу-то негде спрятаться! -он указал на тощую низкорослую иву на склоне небольшой ложбинки.

Эту иву они прошли уже, и она осталась у них по левую руку. Теперь собака, не колеблясь, вела их к этой иве. Оба сыщика еле поспевали за ней.

Шагах в пятидесяти Гера остановилась насторожившись. Проводник подал знак, что нужно прислушаться. Однако, ничего не было слышно. Прошли еще шагов двадцать, и на этот раз сам Макинтош остановил собаку.

Теперь оба они ясно слышали тихий звук, как-будто кто-то медленно распиливал сырое и мягкого сорта дерево.

На собаку жалко было смотреть: вся она напряглась, шея ее, казалось, раздулась оттого, что шерсть поднялась дыбом, в горле как-будто клубок прокатывался, и чувствовалось, что она сейчас лает, заливается яростным беззвучным лаем, и этот беззвучный лай душил ее.

Хозяин посмотрел на нее, и она покойно уселась, жалобно поглядывая на него.

Макинтош и Коршунов сделали еще несколько шагов и увидели того, по чьим следам шла собака.

Вот что они увидели.

На самом склоне маленькой ложбины, хорошо укрытой от солнца и посторонних взглядов возвышенными ее краями и свисавшей над ней ивой, лежал, раскинувшись на спине и громко похрапывая, какой-то человек. Лица его нельзя было рассмотреть, так как оно закрыто было, очевидно, от комаров, полотняной шляпой, ослепительно белой. На нем были из того же материала пиджачная пара и желтые ботинки. На кисти левой руки, покоившейся на животе, были надеты часы в кожаном браслете, защищенные металлической решеточкой.

Коршунов и Макинтош остановились за кустом. Гера сидела там, где ее оставил хозяин.

Убедившись окончательно, что незнакомец крепко спит, Коршунов сделал Макинтошу знак оставаться на месте и, осторожно ступая, спустился к спящему. Мягкая трава совершенно заглушала шаги.

Коршунов склонился над спящим и быстро-быстро принялся обшаривать его. Спящий не перестал даже храпеть.

Через минуту Коршунов стоял уже на пригорке и шепнул Макинтошу, чтобы тот шел за ним. Они отошли к месту, где осталась собака, и присели возле нее.

— Слушайте, почему вы шляпу у него с лица не сняли?!..—возмущенно прошипел Макинтош.

— Потому что не хотел его беспокоить,—спокойно возразил инспектор угрозыска, загадочно поглядев на него.

Тот только молча развел руками и всем видом своим показал, что ждет немедленных об'яснений.

— Ну, ясно,—продолжал Коршунов,—если бы я снял с его лица шляпу, то он бы, наверное, сейчас же проснулся. А какое я имею право нарушать мирный сон гражданина, утомленного воскресной прогулкой?!.. Тем более...

— Товарищ Коршунов?!..—вскричал Макинтош и не мог говорить дальше: голос у него перехватило.

— Тише!—предостерегающе подняв ладонь, зашипел на него Коршунов.—Тем более,—продолжал он невозмутимо, с расстановками и таким назидательным и искусственно-холодным тоном, что у бедного Макинтоша не оставалось сомнений, что над ним издеваются...—тем более, что это вовсе не тот, кого мы ищем!

— Товарищ Коршунов!... моя Гера...

— Ваша Гера на сей раз ошиблась,—безжалостно отрезал инспектор.

— Докажите!—прохрипел Макинтош, губы его дрожали.

— Извольте. Это не трудно,—сказал Коршунов.—Вы, вероятно, видите, как одет этот человек.

Несчастный хозяин Геры молча кивнул головой.

— Так. Стало быть, вы должны были заметить, что этот человек одет в хороший майский костюм, совсем свежий, даже со складочками на брюках, которые, как вам известно, делаются вдоль каждой штанины с помощью утюга и требуют частого подновления, потому что скоро мнутся... это вы могли видеть и с пригорка... Теперь скажу о себе. Я, как видели, обшарил все его карманы и сделал это нисколько не хуже, чем какой-нибудь ширмач (с кем, знаете ли, поведешься, от того и наберешься!—пошутил мимоходом Коршунов). И, конечно, в это же самое время я попутно произвел тщательный общий осмотр, и вот что он мне дал: подбородок этого господина чисто и недавно выбрит, что вместе с тонким и свежим бельем, хорошо подобранным галстуком и приличным не измятым костюмом обозначает в этом суб'екте хорошие привычки и ни в коем случае не дает нам никаких оснований,—подчеркивая слова, заключил Коршунов,—подозревать его в такой гнусности.

Хозяин Геры сидел, склонив голову.

— Но, позвольте!—вскричал он, когда Коршунов кончил.—Да разве этого достаточно?!..

— Я предпочитаю руководствоваться выводами логики, чем нюхом собаки,—с ехидством возразил Коршунов.—Ежели вам это не доказательно—будем рассуждать. Вам, может быть, известно, что большинство судебно-медицинских авторитетов сошлось на том, что мужчина средней силы один-на-один не может изнасиловать средней силы женщину, если только не оглушит ее предварительно ударом по голове, сдавлением горла, сильной физической болью или парализующим все движения страхом. Что мы имеем в данном случае? Я мимолетно видел жертву: это—здоровая и сильная с виду и немолодая к тому же женщина. Мать нескольких детей. К сожалению, я не успел ее расспросить, как следует, потому что вы стали торопить меня. Но при всем этом приходится предположить, что эту женщину охватил внезапно такой сильный и прямо-таки неестественный страх, что она подчинилась без всякой даже попытки к сопротивлению. Разве было сопротивление, если перед нами чистенький, с иголочки и неизмятый костюм у того вон человека, который лежит под кустом и мирно храпит?!.. Прибавьте к

этому то, что на его руках я не усмотрел ни малейшей даже царапины. Разве можно представить, что такая крепкая и пожилая женщина отдалась бы человеку такого сложения, как сей бухгалтер?!..

— Бухгалтер?!..—переспросил Макинтош.

— А вот посмотрите-ка,—с этими словами Коршунов вынул из кармана какую-то бумажку и протянул Макинтошу.

Это было вытащенное им из кармана у спящего удостоверение личности, в котором значилось, что пред'явитель сего состоит в должности помощника бухгалтера губфинотдела.

Несчастный хозяин Геры прочел удостоверение, молча вернул его и, медленно поднявшись с земли, повернулся спиной к Коршунову, и отошел на несколько шагов.

Гера, словно чувствуя, что совершается в его душе, нарушила запрет и, забежав перед хозяином, села и стала смотреть ему в глаза.

— Эх, Гера, Гера!—пробормотал тот, покачав укоризненно головой.

Гера подошла к нему и лизнула руку, но он даже не погладил ее, не посмотрел на нее.

Коршунову сделалось жалко и хозяина, и собаку. Он встал и подошел к товарищу.

— Вот что, бросьте!—сказал он, положив ему руку на плечо. На всякую старуху бывает проруха!

Но Макинтош ничего ему не ответил. Коршунов отошел.

Минут через пять хозяин Геры позвал своего торжествующего соперника.

— Товарищ Коршунов!

— Что?

— Я просил бы разрешить мне продолжать исследование... Если вы устали, я могу один... Мне хочется выяснить, по крайней мере, с какого места она пошла по ложному следу.

— Пожалуйста, вскричал Коршунов, обрадованный, что хоть чем-нибудь может облегчить переживания своего сотрудника.—Я охотно с вами пройдусь еще раз.

— А как же с тем? —Разбудить?—кивнул Макинтош в сторону ивового куста.

— А зачем? —сказал Коршунов.—Пускай себе спит. Уйти от нас незаметно он никак не может: кругом ровная степь, а куст этот нам все время с пригорка виден, так что не нужно... Если Гера нас далеко станет отводить, ну, тогда, пожалуй...

Агент-проводник взял в руки цепочку и повел собаку напрямик к тому участку пройденного пути, на котором, по его мнению, она шла еще по верному пути.

На этот раз собака пошла увереннее, чем в прошлый. Проводник едва поспевал за ней.

— Ну-ну, Герушка, выручай, матушка, не осрами!—упрашивал он собаку, пользуясь тем, что уставший Коршунов отстал и не мог ничего слышать.

Все шло гладко до того самого проклятого места. Дойдя до него, собака, не задумываясь даже, круто свернула несколько назад и влево и побежала к кусту.

Хозяин, страшно побледнев, тянул в отчаянии за цепочку. Ничто не помогало. Задыхаясь, Гера тянула к кусту.

Коршунов, видя все это, не счел нужным даже следовать по пути, пройденному собакой, а шагал напрямик.

Он не мог скрыть своей улыбки. Они сошлись возле самой ивы и вместе спустились в ложбинку.

— Как?!..—воскликнул вдруг растерянно Коршунов.

Спутник его выронил из рук цепочку. Гера смотрела на хозяина: под кустом никого не было.

Примятая трава обозначала место, где лежал помощник бухгалтера.

— Чорт возьми! вскричал Коршунов, топнув ногой. —Да что он—сквозь землю провалился?!..

Действительно, другого выхода как-будто и не было: кругом простиралось ровное пустое поле...

Макинтош повалился вдруг на колени и прижался щекой к морде собаки:

— Гера... Герушка! Прости меня, дурака!..—бормотал он, целуя ее в глаза, в лоб и даже в нос.

Он не стыдился теперь своих слез, которые обильно бежали по его запыленному лицу, оставляя грязные следы.

Это были слезы радости, гордости и обиды...

(Конец третьей части).

Часть четвертая.

1.

ОБРАТНЫМ ХОДОМ.

«Что имеем не храним, потерявши —плачем»— только теперь постигла Ксаверия Карловна все значение этой банальной истины. Только теперь поняла она, что всю жизнь глубоко любила Ферапонта Ивановича. А подумала ли она хотя бы раз в жизни об этом? Нет. Если бы кто-нибудь сказал ей об этом раньше, она, пожалуй, обиделась бы. Как —любить этого некрасивого чудаковатого человека, над которым решительно все—и товарищи и барышни— всегда немного подсмеивались!?.. Да разве она не из жалости и каприза вышла за него замуж? Ведь ей представлялись такие прекрасные партии. А этого человека, вечно вожделевшего к женщинам и в то же время робкого с ними, она именно пожалела. В то время, когда он был еще холостым и бывал у них в доме, ей часто становилось стыдно и больно за него, если она видела, что и другие замечают его вожделеющие взгляды, которыми он, казалось, касался каждой здоровой женщины, и его безобразное смущение, когда которая-нибудь из женщин подходила к нему близко и начинала разговаривать.

Про Ферапонта Ивановича был слух в кружке тогдашней молодежи, что робость в обращении с женщинами появилась после того, как, будучи студентом третьего курса, он, забыв о своей невзрачной наружности, сделал предложение одной известной красавице, а она, выслушав его, принялась хохотать и хохотала до истерики.

И этого-то человека на зло всем, на зло самой себе, Ксаверия Карловна предпочла всем остальным искателям ее руки. Она твердо была уверена, что после того, как Ферапонт Иванович станет ее мужем, для него перестанут существовать все остальные женщины. В этом она ошиблась.

Когда коллеги Ферапонта Ивановича или их жены позволяли себе иногда подшутить над ревностью Ксаверии Карловны, она всегда возмущалась. Да разве она ревнует! Очень-то он ей нужен!—нет, ей просто неприятно, когда она видит своего мужа осмеянным по поводу его волокитства.

Так понимала свои взаимоотношения с мужем Ксаверия Карловна в то время, когда он был жив. Теперь, после его смерти, с каждым днем она все больше и больше убеждалась, что она все время по-настоящему любила его и ревновала просто потому, что любила.

И вот, когда сделались нестерпимы боль и тоска от сознания того, что огромное счастье было так долго рядом, и ушло безвозвратно неузнанное и отвергнутое сердце, ради какой-то пустой гордости и ложного стыда,—тогда душа Ксаверии Карловны обрела свое успокоение в том, что стала жить ретроспективной жизнью, и жизнь эта постепенно забирала от реальной жизни все силы и краски.

Здесь Ксаверии Карловне пришел на помощь сон —этот лучший и сладчайший для человека сводник с недосягаемыми предметами любви.

Я знавал людей, которые томились днем в ожидании сна, как морфинист в ожидании очередного укола. Эти люди нашли себе надежного проводника в царство несбыточного и слепо вверили ему свою душу. Такая привычка, становясь сладостной и непреоборимой, как морфинизм, делает в конце-концов человека сомнительным для реальной жизни, подобно этому разрушительному пороку. Каждый, кто перенес смерть горячо любимого существа и не прибегал для утоления тоски своей ни к наркотикам, ни к шумным радостям жизни, знает подобное состояние.

Сны Ксаверии Карловны развертывали перед ней целый свиток дней, прожитых с Ферапонтом Ивановичем. Иногда эти сны достигали такой яркости и вещественности, что когда она открывала глаза, то увиденное во сне долго еще продолжало бороться с потоком реальности, стремясь опрокинуть его.

Один из таких ярких снов приснился ей в конце мая, когда уже прошло около четырех месяцев со дня смерти мужа, и остался ей памятен на всю жизнь.

Ей приснилась первая брачная ночь. Переживания сна были настолько напряженными, что когда до сознания Ксаверии Карловны сквозь блаженное, пронизанное розоватым звоном, забытье дошел чей-то резкий голос, говоривший ей, что приехали шафера, она подумала с досадой и удивлением: зачем теперь шафера? чего им еще надо?!.. Но голос настойчиво повторял то же самое; чья-то рука потрогала ее за плечо, и Ксаверия Карловна из об'ятий супруга вернулась к действительности.

Над ней, нагнувшись, стояла кухарка и будила ее.

— Вставайте. Ксаверия Карловна, там каки-то приехали воспитательницу спрашивают.

- Кто приехал?—спросила Ксаверия Карловна сонным голосом.

А я и не разобрала кто,—гыкнув, сказала кухарка. Шафера ли чо ли каки-то.

Вот дура!—какие могут быть шафера?—удивилась Ксаверия Карловна и принялась одеваться.

На дворе она увидела человек семь приезжих. Это все была молодежь. Одеты были все хотя и плохо, но по-городски. Приехали все на одной телеге. Среди них Ксаверия Карловна заметила одну девушку.

Увидев Ксаверию Карловну, девушка эта—высокая стройная брюнетка в красной косынке подошла к ней, поздоровалась и заговорила.

— Мы—культшефы,—отрекомендовалась она.

Очень приятно,—ответила, слегка поклонившись, Ксаверия Карловна.

Шефствуем мы собственно не над вами, а над вашей деревней. Но, когда мы туда приехали и провели там вечер, то секретарь ячейки сказал, что здесь рядом—детская колония и посоветовал заехать сюда провести и здесь вечер.

– Да как же вы его проведете?—удивилась Ксаверия Карловна.—Ведь у нас здесь идиоты!

- Идиоты? Да неужели все?—спросила девушка.

-- Нет, не все, но и остальные недалеко отстали, так что ничего у вас здесь не выйдет.

Девушка, повидимому, была сильно огорчена.

— Елена! крикнули в это время из толпы: –Чего ты там дипломатию разводишь!?..

— Сейчас!—откликнулась Елена и отошла к своим.

Ребята посовещались. Потом они вместе с Ксаверией Карловной побывали в детдоме, побеседовали с воспитанниками и сами убедились, что из вечера ничего не выйдет.

Ксаверия Карловна посоветовала им остаться ночевать. Культшефы согласились.

Вечер они провели в саду, возле костра. Потом все выкупались и пошли спать.

Комсомольцы легли в зале на полу, а Елена устроилась в соседней маленькой комнатке. Она легла не раздеваясь на скамейку, послав на нее пальто.

Она начинала уже засыпать, как вдруг ей послышалось, что кто-то зовет ее. Она открыла глаза.

— Елена!—услышала она возле самого уха явственный шопот.

Елена привстала и огляделась. В комнате было светло от окна и от неплотно притворенной двери в зал, где комсомольцы оставили на всякий случай одну лампу. Никого не было видно.

— Вот что, ребята, бросьте все ваши фокусы!—спать мешаете,—рассердилась Елена.—А не то я Кускову пожалуюсь.

Кусков был комсомолец, руководитель культшефского отряда.

— Во-первых, это не фокусы,—произнес тот же голос,—а, во-вторых, для чорта ваш Кусков не страшен.

— Вот идиоты-то, проворчала Елена, не зная сама—сердиться ей или смеяться: уж очень ловко спрятался кто-то.

— Если ты чорт,—добавила она смеясь, так отправляйся к чортовой матери, только скажи предварительно, где ты так здорово спрятался.

— Нигде я не спрятался. Вот я —возле вас,—сказал голос, и Елена почувствовала, как кто-то крепко обнял ее плечи.

Она рванулась и сильно ударила локтем в сторону. Удар, должно быть, пришелся в лицо. *«Чорт» отпустил ее.*

Елена опять осмотрелась: решительно никого не было в комнате.

— Ну-ну, однако,—проворчал в это время голос из пустоты.—И локоток же у вас, моя дорогая.

Елена бросилась к двери, чтобы крикнуть своих. Она схватилась уже за скобку, но в это время «чорт» отдернул ее и зашептал над самым ухом:

— Ради бога, не делайте этого, прошу вас. Я друг вашего покойного мужа—друг Яхонтова.

Елена почувствовала страшную слабость во всем теле. Если бы «чорт» не поддержал ее, с ней случился бы обморок.

— Вы успокойтесь, пожалуйста... присядьте... Я вам не причиню никакого вреда... А если хотите, то я сам уйду—незачем звать посторонних,—уговаривал Елену «чорт», подводя к скамейке и усаживая.

Да кто же вы, наконец?—изменившимся от волнения голосом спросила Елена.

— Друг Яхонтова,—ответил голос.

— Да кто же вы такой?!. —истерически крикнула Елена.

— Тише!—прошептал невидимый посетитель, и Елена услышала, что он подошел к двери и плотно закрыл ее. Боитесь?—укоризненно спросил он, присаживаясь рядом с ней. Напрасно... Я такой же человек, как все, совершенно такой же. А вам тем более не следует меня бояться, потому что друг вашего покойного мужа—в то же время и ваш друг.

— Если вы не скажете, кто вы такой, я сейчас же уйду, оборвала его Елена.

— Ну, вот...- недовольно проворчал невидимый.—Ну, что вам, если я скажу вам свое имя и фамилию? Я-то вас знаю хорошо и давно. Даже больше того, мое чувство к вам...

— Всего хорошего!—сказала Елена вставая.—Я не имею желания слушать ваши об'яснения в любви.

— Постойте!—удержал ее невидимый.—Если уж вы так настаиваете, то извольте—я—Ферапонт Иванович Капустин.

2.

ИСПОВЕДЬ ФЕРАПОНТА ИВАНОВИЧА.

Когда прошли первые минуты растерянности, Елена забросала Капустина беспорядочными вопросами. Она прямо-таки не знала, что ей спросить наперед.

— Слушайте, так, значит, это вы приходили в кафэ «Зон» с Яхонтовым?

— Да. Если вы не забыли, то я ходил туда и раньше. И ходил ради вас.

— Вы опять!

— Что ж!—вздохнул Ферапонт Иванович.—Оставлю, если вы не доверяете мне: невидимому верить трудно.

— Слушайте, мне просто кажется, что я с ума сошла. Неужели передо мной настоящий невидимый человек! Я даже боюсь, что это галлюцинация.

— Что ж! Это и правда. В известном смысле я—ваша галлюцинация,—сказал рассмеявшись Ферапонт Иванович.

— То-есть как?—спросила Елена и таким встревоженным голосом, что невидимый расхохотался.

— Ага! –сказал он.—Привыкли уж настолько ко мне, что теперь страшно и подумать, что я—ваша галлюцинация.

Елена промолчала.

— Могу вас успокоить, -продолжал Ферапонт Иванович.—Хотя вы, действительно, имеете дело с явлением так называемой «отрицательной галлюцинации», но все-таки я-то существую вполне реально, как существовал и тогда—в кафэ «Зон».

— Но в то время вы не были еще невидимкой?

— Нет, не был.

— Слушайте, Ферапонт Иванович, разрешите мне потрогать ваше лицо,—сказала Елена.

— Пожалуйста, очень рад, что ваши ручки...

— Опять!—прикрикнула на него Елена.

— Ну-ну, не буду больше. Извините. Физиономия моя к вашим услугам.

Елена пробежала пальцами по его лицу.

— Да вы бреетесь!—воскликнула она с удивлением.

— А вы как думали?—рассмеялся Ферапонт Иванович. Если невидимка, так. по-вашему, запустить должен себя?

— Но как же вы не порежетесь, не видя своего лица?

— Да кто же вам сказал, что я его не вижу? Меня другие не видят, а сам-то себя я вижу, как и прежде.

— Ничего не понимаю, у меня голова кругом идет,—сказала Елена.—Но как же?—я вот помню читала Уэльса, у него невидимка не видел сам себя.

— Ну! —презрительно сказал Ферапонт Иванович.—Уэльсовский невидимка никого-то не видел. Он совершенно слепой был.

— Ну, уж это вы врете! —возмутилась Елена.—Я великолепно помню роман: Гриффит вовсе не был слепым.

— Только в угоду автору и вопреки рассудку,—возразил Капустин.—Но разве это резон?!.. Автор, конечно, может заставить своего героя пятками щи хлебать, и герой это сделает. Только в жизни-то этого не бывает и никогда не будет!

— Так, по-вашему...

— По-моему, господин Уэльс—невежда, а невидимка его—слепой, да и читатели тоже.

— Ну, уж, знаете ли, вы через край хватили,—возмутилась Елена.

— Скажите, вы с устройством глаза знакомы? бросая препирательства, спросил ее Ферапонт Иванович.

— Ну, да, немного...

— Много и не нужно. Значит, вы знаете, как человек видит предметы?

— Как-будто знаю.

— Хорошо. Теперь вспомните, как Гриффит—Уэльсовский невидимка—стал невидимым.

— Он там наелся какого-то вещества. От этого тело его сделалось бесцветным и прозрачным, как воздух,—припомнила Елена.

— Вот-вот!—с затаенным торжеством воскликнул Ферапонт Иванович.—Бесцветным и прозрачным! Все тело! А, стало быть? А, стало быть, и весь глаз. Тьфу, чорт возьми, как вспомню, что сам когда-то читал эту невежественную стряпню, так и захочется, чтобы сейчас этого господина Уэльса сюда представили. Уж я бы ему показал!.. «Великий фантаст»! Да какой ты чорт фантаст, если ты не понял, что ежели весь глаз, и склера, и роговица, и радужка, и хрусталик, и стекловидное тело, и все дно глаза, и все стенки его,—если все это будет прозрачно, как воздух, то никакое зрение здесь невозможно! Ведь это же любой профан поймет... Эх, ты, фантаст!—закончил презрительно Ферапонт Иванович, как-будто господин Уэльс уже стоял перед ним и выслушивал нагоняй.

Елена долго молчала, видимо, обдумывая.

— Да,—наконец, сказала она,—а я вот ни разу об этом не подумала.

— Вот это-то и плохо,—назидательно сказал Ферапонт Иванович, а еще предполагали, что я стал невидимкой по рецепту Уэльса. Хорош бы я был: невидимый да еще слепой! Да меня бы любой извозчик раздавил. По Уэльсу выходит, что невидимка у него был зрячий, да и то сколько неприятностей натерпелся. А на самом деле его должны были на первых же шагах раздавить. Куда к чорту—невидимый да еще слепой! А потом, если бы я по его рецепту действовал, то мне пришлось бы голым разгуливать.

А я что-то не помню, чтобы невидимка голым бегал.

А как же! Ведь только тело его приобретало невидимость, а брюки, пиджак, шуба с организмом ведь не связаны. Нет, это, по-моему, удивительное зверство со стороны господина Уэльса заставить бегать человека голым при тамошнем сыром климате. Да и с едой у него плохо обстояло: скушает Гриффит колбасу, скажем, и до тех пор, пока эта колбаса не пропитается соками тела, торчит, проклятая, в воздухе! Это уж, извините, тоже не по-людски. Нет, я не дурак, чтобы по Уэльсу работать!—самодовольно закончил он.

— А как же вы сделались невидимкой?— спросила Елена.

— Так, вот я уже говорил вам: на основе отрицательной галлюцинации.

— Этого я не знаю,—сказала Елена.—Об'ясните, пожалуйста.

С удовольствием. Для вас, Елена,—сказал невидимка, расшаркавшись, и она почувствовала, что он придвинулся слишком близко. Она молча отодвинулась.

Ферапонт Иванович несколько минут смущенно молчал.

— Ну, так вот,—начал он, наконец, прокашлявшись,—отрицательная галлюцинация... Вам известно, конечно, что внушением в гипнозе можно вызвать у человека какие угодно ложные восприятия. Можно заставить загипнотизированного видеть и слышать что угодно и чего нет на самом деле. Это будет называться положительной галлюцинацией. Но можно и наоборот: заставить его сознание не воспринимать тех предметов или людей, которые стоят у него в поле зрения. Стойте хоть перед самым его носом—загипнотизированный вас не увидит. Вот это будет—отрицательная галлюцинация.

— А как же окружающие предметы? Ведь их-то он видит,—спросила Елена.

— Конечно,—ответил Ферапонт Иванович.—Гипнотик не видит только того, что ему запрещено видеть. То, относительно чего ему внушена отрицательная галлюцинация.

— Ну, а как же? -продолжала допытываться Елена. -У него, стало быть, на месте этого предмета должен быть пробел, пустое место?

— Нет. При отрицательной галлюцинации фантазия гипнотика дополняет выпавшее из его сознания.

— Ах вот как, значит, он может налететь не видя, удариться об этот предмет?

— Да нет, этого обычно не бывает. Я же сказал, что предмет этот выпадает из сознания, а бессознательно гипнотик продолжает его воспринимать.

— Это здорово!—воскликнула Елена.

— Еще бы!—самодовольно отозвался Капустин.—Пользуясь этим, я спокойно перехожу улицы. Извозчик меня не стопчет, он меня об'езжает. Его подсознательное я воспринимает мой образ, а сознание не видит.

— Так, погодите, ведь вы говорили о загипнотизированном?

— Ну, да. Извозчик этот и есть загипнотизированный, т.-е. правильнее будет сказать,—спохватился Ферапонт Иванович,—что ему внушена отрицательная галлюцинация.

— Да кто же внушил ему?

— Я, конечно. Кто же больше?

— Фу! Ничего не понимаю!—сказала недовольно Елена.

— Чего вы не понимаете?—спросил Капустин.

— Да как же—извозчик едет?

— Едет.

— Не спит?

— Не спит.

— С козел не падает?

— Нет.

— Так, откуда же тут внушение?

— У вас наивное представление о нем.

— Может быть. Об'ясните,—обиделась Елена.

— Видите ли, в чем дело. Нельзя связывать гипнотический сон с внушением. Можно внушить суб'екту идею, представление какой угодно силы, вовсе не усыпляя его. Можно внушить и отрицательные галлюцинации без всякого усыпления. Я мог бы вас забросать фактами и научными доказательствами, но думаю, что вы мне и так поверите, тем более, что я сам перед вами в качестве живого доказательства.

— Хорошо, оставим это,—сказала Елена.—Но во всем этом имеются другие обстоятельства, совершенно невероятные.

— Какие?

— Вы говорите, что вас никто не видит, потому что вы внушаете всем отрицательную галлюцинацию. Я допускаю, что вы сейчас внушили ее мне, потому что сидите рядом и давно здесь находитесь, но внушить каждому встречному, да еще на расстоянии, это уж, извините, похоже на вымысел.

— Эх, Елена, Елена, как вы отстали!—огорченно промолвил Ферапонт Иванович.

— Не знаю, может быть и отстала,—сказала она.

— Нет!—воскликнул Ферапонт Иванович.—Вы, Елена, настолько закоснели в вашем вульгарном, именно вульгарном, а не научном материализме, что я прошу вашего разрешения прочитать вам небольшую лекцию. Согласны?

— Ну, конечно. Почему вы еще спрашиваете?

— Вы считаете, что телепатия невозможна?

— Нет. Мне кажется это не научным: передача мысли на расстояние,—что-то мистикой пахнет!—ответила Елена.

— Ага, мистикой... Ну, ладно,—сказал Ферапонт Иванович.—Тогда послушайте. Начну крыть вас самыми учеными авторитетами, которые ничего не видели мистического и невозможного в передаче мысли из одного мозга в другой, а об'ясняли это вполне материалистически. Вот вам Америка: профессор химии Пенсильванского университета Роберт Гер, профессор Национальной Академии—Менс, профессор Гарвардского университета –Джемс. Англия: гениальный физик и химик Крукс, ученик Дарвина—Уоллэс, физик Варлей, анатом и физиолог Мейо, астроном Геггинс, профессор физики Дублинского университета—Баррет, профессор химии Эдинбургского университета—Грегори,

профессор математики Лондонского университета—Деморган, профессор Кембриджского университета—Седжвик, профессор физики Ливерпульского университета—Оливер Лодж. Теперь—Германия,—продолжал Ферапонт Иванович, переводя дух.—Профессор физики и астрономии Лейпцигского университета—Цельнер, затем—Шейбнер и Фехнер, профессор физики Геттингентского университета Вебер, профессора: Фихте, Гофман, Ульрици, Дю-Прель. Италия: знаменитый криминалист и психиатр Ломбразо, не менее знаменитый астроном Скиапарелли. Франция...

— Довольно, хватит!—взмолилась Елена.

— Ну, ладно,—рассмеялся Ферапонт Иванович. -А то бы я вам из русских кое-кого назвал. Ну, хотя бы—Бутлеров, Вагнер, Остроградский и, наконец, последнее время—Бехтерев. Как видите, все это далеко не мистики, а авторитетнейшие ученые. Правда, прием этот с авторитетами немножко нечестный, однако, на подобных вам скептиков это действует в роде тяжелой артиллерии.

— Ладно, подействовало. Но только как же они себе представляют эту передачу мысли?

— О!—вскричал Ферапонт Иванович.—Если бы я вздумал вам, Елена, рассказывать все гипотезы относительно этого, то и до утра бы вам спать не дал. Это совершенно немыслимо! Тут и «магнитический флюид Месмера», и «нервный эфир» Гмелена, Бюрдаха и Поссавана и открафт—«одическая сила» Рейхенбаха... Это только у древних и старых авторов, а если взять новое время, то Карпентер признает существование нервной энергии, на которую он смотрит, как на особый вид физической энергии. Этого же взгляда придерживается Гартман. Ноуэльс—тот об'ясняет передачу мыслей «мозговыми волнами», передаваемыми через эфир. Доктор Моделей признает существование специального «мысленосного эфира». Доктор Баретти уверяет, что из глаз и оконечностей пальцев излучается особая нервная сила, которая может даже отражаться зеркалами и преломляться в линзах. Доктор Охорович, изобретатель гипноскопа, полагает, что мысль передается посредством электрической энергии. Он считает, что нервная энергия может переходить в электрическую. Такие выдающиеся гипнологи, как, например, Альрутц и наш Кантерев, держались чисто физической точки зрения на воздействие при гипнозе и считали, что на гипнотизируемого действует излучение особой энергии из тела гипнотизера. В последнее время некоторые находят об'яснение в процессе ионизации, происходящем в нашей нервной системе... Словом всего, Елена, что придумано, даже не перечислишь. Меня лично удовлетворяет гипотеза Крукса, дополненная взглядами Фехнера. Не знаю, может быть, об'яснения Крукса понравились мне потому, что, следуя путем его рассуждений, я уже совершил одно открытие, которое... Впрочем ладно. Изложу вам, значит, точку зрения Крукса. Дело в том, что в телах твердых, в жидкостях и в газах, а также в эфире, который проникает собою все тела, происходят беспрестанные колебания и вибрации. Эти колебания сообщаются и живым существам. Если возьмем за исходную точку маятник, отбивающий секунды, то, удваивая последовательно число ударов в секунду, мы получим в первой степени два колебания в секунду, во второй—четыре, в третьей —восемь, потом шестнадцать и т. д. Когда мы получим 32 колебания в секунду, то здесь вступим в область, где колебания атмосферы являются нам в форме звука. Но дальше—при 32,768 колебаниях мы получим предел звука. Мы ничего не будем слышать. Наконец, в 35 степени мы получим электрические лучи. Здесь колебания совершаются уже не в грубой среде, а в тончайшем эфире. Далее мы доходим уже до многих миллиардов колебаний в секунду. Эти миллиарды колебаний дадут нам лучи тепловые, световые и химические. Затем между 52 и 61 степенью мы имеем, повидимому, лучи Рентгена. Цифры эти трудно выговорить, они издеваются над человеческой фантазией. Не угодно ли вам записать в назидание хотя бы одну цифру, которая уцелела у меня в памяти?

Елена нашарила в пальто своем, постланном на скамейке, карандаш и блокнот.

— Только здесь не видно будет —темно,—сказала она.

— Ну, хорошо. Я на минуту открою дверь в залу,—сказал Ферапонт Иванович. И Елена увидела, как дверь сама собой приоткрылась.

— Ну, запишите,—сказал невидимый, снова присаживаясь на скамью рядом с Еленой.—Валяйте! Только вдоль листика, да помельче, а то места нехватит,—смеясь предупредил се Ферапонт Иванович и тихим голосом стал диктовать. Елена записывала.

Когда она кончила и взглянула на листок, то чуть не ахнула,—там стояло: 23057630092136939 52.

— Ну, вот, видите цифры! Какая тут мистика?!..—посмеивался невидимый Ферапонт Иванович.

— Однако, давайте дальше,—сказал он, переставая смеяться.—К каким же выводам приходит господин Крукс? А вот к каким. Выше этих рентгеновских лучей, которые, как мы видели, выражаются многими миллиардами, существуют колебания еще более быстрые, о которых мы уже ровно ничего не знаем. По этому поводу Крукс так и заявляет, что мы-де должны признаться, что являемся полными невеждами в «мировом хозяйстве». Лучи, соседние с 62 степенью, не преломляются, не отражаются и не поляризуются,—говорит Крукс. Они проходят через все тела. Поэтому Крукс и говорит дальше следующее: «Мне кажется,—это его слова,—что подобными лучами возможна передача мысли. С некоторыми допущениями мы найдем здесь ключ к многим тайнам психологии». Дальше он продолжает таким образом. Допустим, дескать, что эти лучи могут проникать в мозг и действовать на некоторый нервный центр. Вообразим, что мозг содержит центр, действующий этими лучами, как голосовые связки действуют звуковыми колебаниями (в обоих случаях повелевает рассудок!). Этот центр посылает лучи со скоростью света, и они производят впечатление на воспринимающий центр другого мозга. Таким образом, по Круксу, выходит, что некоторые таинственные явления человеческой психики: передача мыслей, внушение на расстоянии входят теперь в область научных законов, и мы можем ими пользоваться, и никакой тут мистики нет.

Сенситивом, т.-е. чувствительным суб'ектом, будет тот, у которого сильнее будет воспринимающий телепатический узел в мозгу. Это может зависеть, по мнению Крукса, от практики, от психической тренировки... Вот как, товарищ Елена!—закончил Ферапонт Иванович.

Елена долго молчала.

— Слушайте,—у меня даже голова болит от всего этого,— сказала она тихо.

— Да...

Есть много, друг Горацио, на свете,
Чего не снилось нашим мудрецам!—

продекламировал Ферапонт Иванович, и вслед за этим Елена почувствовала его ладонь на своем колене. Она отстранила его руку.

— Перестаньте! Как вам это не идет! Только что говорили о таких высоких материях и вдруг!?.. А еще—невидимка!

— Гм... А это, по-вашему, низкая материя?—несколько смущенно возразил Ферапонт Иванович.—Касательно же того, что я—невидимка...

— Довольно!—решительно сказала Елена.—Эти ваши разговоры для меня совершенно не интересны. Или отвечайте мне на вопросы, которые меня интересуют, или... убирайтесь.

— Что вы так?!..—укоризненно и тихо произнес невидимый.—Давайте, спрашивайте.

— Вы вот сказали, что на любом расстоянии можно передать в чужой мозг свою идею и вызвать даже в нем положительную и отрицательную галлюцинацию. Я еще представляю, что на одного-другого вы можете подействовать своими «мозговыми волнами», но вас, ведь, решительно никто не замечает!.. Как это вы во все стороны внушаете одно и то же?

— Физику, физику забыли, товарищ Елена!—воскликнул Ферапонт Иванович.— Разве не помните, что звуковые и световые волны распространяются во все стороны?

Волны неизвестной природы, которым Крукс приписывает передачу мысли, тоже распространяются от мозга во все стороны. Каждый волевой акт напоминает падение в воду камня, от которого во все стороны идут круги, достигая берегов. В безбрежной вселенной ничто не мешает этим «кругам» распространяться до бесконечности... В этом месте я не согласен с теми, кто считает, что «волны» эти электрической природы. Это ерунда. Колебания этих волн во много раз быстрее, чем даже колебания световых. Так, что, например, если я внушаю что-нибудь человеку, находящемуся в Нью-Йорке, то момент получения его мозгом моего внушения совпадает с моментом отправки.

— А можно регулировать дальность внушения?—спросила Елена.

— Можно. Дальность действия своей мысли человек устанавливает внутри себя. Это определяется степенью того напряжения, которое он вкладывает в это. «Хочу, чтобы меня не воспринимали все люди, которые находятся в окружности, ну, скажем радиусом в три версты. Хочу, чтобы все люди, вошедшие в эту зону, испытывали по отношению ко мне отрицательную галлюцинацию, т.-е., чтобы я для них был не видим!»—эту идею, это хотенье я утверждаю в себе со всей силой, на которую я способен. Я сам начинаю галлюцинировать. Я чувствую и веду себя, как невидимый... И, как видите, неудачи я не имел!—сказал Ферапонт Иванович.

— Как это все-таки не похоже на жизнь!—вздохнула Елена.—Неужели этого еще кто-нибудь достиг?!

Ферапонт Иванович расхохотался.

— Вы слишком льстите мне, Елена,—сказал он,—если предполагаете, что за тысячи лет я первый додумался до этого. Одна из школ индусской философии, так называемые йоги, за тысячи лет до нас развили в себе эту способность и владеют ею посейчас.

— Да как же они достигли этого?—удивилась Елена.—Вы, вот, изучили физику, химию, а они этого ничего не знали.

— Скажите, а вы, когда разговариваете с кем-нибудь по телефону, знаете, как телефон устроен? А когда вы разговариваете, слушаете, смотрите, двигаетесь, переваривайте пищу, вы разве представляете всю умопомрачительную путаницу нервных, физических и химических процессов, которые происходят в вашем организме?! Ведь нет, конечно. А совершаете все это ничуть не задумываясь. Так точно и йоги дошли до этой способности, не зная ни химии, ни физики, ни биологии.

Вот я вам приведу один пример массовой галлюцинации, которую внушает «необразованный» человек. Я вычитал об этом у одного из путешественников. Если даже мы усомнимся в подлинности именно этого факта, это ничуть не меняет дела. Я беру его только, как образец. А вообще говоря, подобных и равных этому фактов засвидетельствованы тысячи. Так вот слушайте. Перед вами площадь индийского города, на которой волнуется разноплеменная толпа. Все они смотрят на фокусы странствующего факира. Показав целый ряд этих фокусов, факир вдруг спрашивает зрителей, что они хотят получить в виде даров неба.—«Персиков!»—кричит какой-то богатый англичанин в пробковом шлеме. Факир как-будто смущен.—«В это время года это очень трудно»,—говорит он, но, конечно, только ломается для виду. Через минуту все, кто находится на площади, видят, что мальчик—помощник факира—быстро начинает карабкаться по канату, брошенному в небо, и, наконец, исчезает из глаз. Факир ему кричит что-то, и вдруг оттуда начинают сыпаться персики, и все зрители начинают поднимать их и едят. Дальше путешественник сообщает, что, когда всю эту сцену сняли кинематографическим аппаратом, то обнаружилось, что факир спокойно сидит на месте, и никакого мальчика с ним нет.

— Эх, нам бы с вами такого факира!—вздохнула Елена.

— Да,—согласился Ферапонт Иванович.—Впрочем, для меня это не очень трудно. Я могу зайцем в любом вагоне первого класса проехать в Ташкент и поесть там персиков, и абрикосов, и ташкентских дынь и чего угодно,—сказал он.

— Да, вам-то что—вы невидимка!—позавидовала Елена.—Вам и без факира можно обойтись... Но, знаете, я до сих пор все-таки никогда не думала, что внушение

может достигать такой силы. Мне даже один врач говорил, что никакой гипнотизер не может преодолеть в человеке его стойкие убеждения и предрассудки, что нравственному человеку почти невозможно внушить, чтобы он совершил что-нибудь безнравственное.

Ферапонт Иванович расхохотался.

— Да-да, я это знаю. Здесь мнения расходятся. Одни, как Бунн или Льежуа, считают, что гипнотик в руках гипнотизера все равно, что палка в руке странника. Другие—Дельбеф, Жанэ, Деспля—уверяют именно в том, что вы сейчас сказали. Но я не понимаю этих господ. Они прут против фактов. Нельзя преодолеть силу нравственных устоев! Подумаешь! Да криминалистика достоверно знает такие случаи. Вот, например, один из них совсем недавний. Дело было в Германии. Некий инженер женился на очень богатой и красивой вдове—матери двух девочек-подростков. Они прожили полгода внешне вполне счастливо. Но вдруг совершенно неожиданно для всех жена инженера покончила самоубийством. Через несколько месяцев старшая из девочек лет четырнадцати застрелила младшую сестру и застрелилась сама. Вскрытие трупов обеих девочек установило факт их растления. По дневнику, который вела старшая, и по данным вскрытия трупов, создалась очень ясная картина преступления. В конце-концов было установлено, что сама мать и ее дочери находились под гипнотическим влиянием инженера. Выход за него замуж и затем смерть этой женщины последовали, как результат внушения. В дальнейшем, пользуясь им, преступник растлил обеих девочек и затем, желая сделаться единственным наследником своей жены, внушил ее старшей дочери мысль—убить младшую сестру и застрелиться самой... Вот. А они еще говорят!.. Да, наконец, больше того: история сектантских движений знает случаи такого безусловного подчинения целого коллектива воле какого-нибудь пророка, и при этом без всякого погружения в гипнотический сон, что не только нравственность, а и инстинкт самосохранения—все это отлетало к чорту! Возьмите хотя бы массовое самосожжение раскольников. Или вот вам факт, о котором рассказывает Столь: в Англии некий чувственный фанатик Генри-Джемс-Прайс до того отуманил своих последователей, что имел возможность в основанном ими «храме любви»—«агапемоне»—при полном собрании верующих лишить невинности некую красивую мисс, при чем он заранее об'явил, что во имя бога сделает женою прекрасную деву и совершит это не в страхе и стыде, не в скрытом месте, а среди дня, при полном собрании верующих обоих полов. Невероятная церемония была исполнена в точности. Или еще такой же случай...

— Вот что,—перебила его Елена,—почему это вам приходят в голову все такие примеры, где под влиянием внушения совершаются преступления против половой нравственности? Разве других не бывает?

— Видите ли, Елена...—произнес Ферапонт Иванович как бы в некотором смущении. Дело в том, что если я и упоминаю только об этом, то это происходит потому, что...

Дверь с треском раскрылась. На пороге, в накинутой на плечи шинели, стоял Кусков. Вид у него был грозный. Он сделал несколько быстрых шагов к скамейке, на которой сидела Елена, и вдруг растянулся на полу, очевидно, споткнувшись обо что-то.

— Что это ты мне в ноги кланяешься?—сдерживая смех, спросила Елена.

— Да чорт его возьми,—споткнулся о какую-то палку,—проворчал подымаясь Кусков.

Эффект его грозного и внезапного появления был испорчен. Однако, он, остановившись перед Еленой, строго спросил ее:

— Ты с кем сейчас разговаривала?!.

— Ни с кем. Что тебе, приснилось, что ли?

— Вот что, товарищ Елена, ты мне ухо-то не крути! Я, конечно, на это дело плюю, но, все-таки, наш культшефский отряд амурами срамить не позволю,—грубо сказал Кусков, оглядывая комнату.

— Ты лучше проспись-ка, Гриша,—вставая со скамьи и напуская на себя презрительный и холодный вид, ответила Елена.—Ты сам культшефство компрометируешь,

если наклюкался где-то, а потом позволяешь себе так нахально врываться, да еще оскорбляешь. Сам, ведь, видишь, что никого здесь нет.

Кусков хорошо видел это. Он стоял ошарашенный.

— Чорт с тобой в таком случае. Извини за беспокойство.

Он повернулся, вышел и зашагал к противоположному концу залы, где на полу, коллективно укрытые мешочным пологом, спали вповалку комсомольцы.

3

ИСПОВЕДЬ. «ДОЛОЙ ЦЕНЗУРУ».

— Перестаньте смеяться! Это страшно неприятно, когда слышишь хохот и не можешь увидеть того, кто хохочет. Да и над чем вы смеетесь?—сказала Елена, обращаясь к Ферапонту Ивановичу.

— Ох, да как же не смеяться?!—воскликнул невидимый.—Ведь, как я здорово вашему приятелю ножку подставил,—так и растянулся плашмя! А вы еще тут—чего ты кланяешся? Ха-ха-ха!..

— Перестаньте!

— Ну, что ж, перестану, если вам неприятно. Вы, ведь, знаете, что я для вас...

— Хорошо, хорошо,—слыхала уже. Вы лучше расскажите мне кое-что другое.

— Что например?

— А вот меня интересует, что вас натолкнуло на мысль добиваться невидимости и каким путем вы пришли к ней.

— Словом—«как дошли вы до жизни такой?».

— Вот именно,—сказала Елена.

— Хорошо. Откровенно говоря, требования ваши чрезмерны. Я ни с кем решительно с тех пор, как сделался невидимкой, не откровенничал. Но... я совершенно серьезно говорю вам, что вы в моих глазах совсем особенная женщина, совсем не похожая на других. Я вверяю вам свои тайны и верю, что не окажусь Самсоном, а вы Далилою.

— Можете быть спокойны.

— Ладно. Только, Елена, предупреждаю вас, что я должен начать издалека и рассказать вам кое-что из своей жизни. Иначе вы ничего не поймете. Вам не будет скучно?

— Ну, не знаю. Смотря по тому, как вы будете рассказывать.

— Увы!—вздохнул Ферапонт Иванович.—Тогда я заранее обречен. Я совсем не умею рассказывать.

— Ну, ладно, ладно.—Рассмеялась Елена.—Давайте рассказывайте, довольно тянуть.

— Ферапонт Иванович прокашлялся и приступил к повествованию.

— Родился я и вырос,—начал он, —в некультурной, хотя и зажиточной семье деревенского лавочника. По-теперешнему, сказали бы, что отец мой был кулак. Воспитание мое, надо полагать, мало чем отличалось от воспитания крестьянских ребятишек вообще. Та же зыбка, тот же рожок с ржаной жвачкой, то же застращивание букой и побои впоследствии. Вообще, как видите, детство мое было довольно темное и безотрадное. Но если бы спросили меня, когда я в первые ощутил всю горечь своего бытия и враждебность жизни, то я определенно сказал бы: это был момент, когда меня оторвали от материнской груди. Нет, не оторвали, а заставили возненавидеть и отвернуться. Это еще хуже.

Вы не можете себе представить, какая гнусность, грубость и жестокость выпадает на долю деревенского ребенка в этот и без того трагический для маленького существа момент. Чего только не проделывают в таких случаях невежественные матери, пользуясь опытом старых баб. Все пускается в ход, чтобы ребенок возненавидел то, что всю прежнюю жизнь его до этого момента было для него единственным блаженством в этом суровом внешнем мире, которое заменяло ему утраченное тепло и уют материнской утробы.

Для того, чтобы скорее отлучить сосуна, деревенские матери смазывают сосок сажей, перцем, горчицей и подставляют в тот момент, когда ребенок хочет приложиться к груди, жесткую и колючую щетку. И вот несчастье: беспомощное создание, вместо теплого и нежного шара и ласкающего губы соска, из которого льется в крохотное тело сама жизнь, теплая, сладкая и питающая, натыкается вдруг своим вздернутым носиком на щетину щетки или обжигает горчицей нежнейшую слизистую оболочку своего рта.

В мою память крепко врезалось одно событие, связанное с отнятием от груди. Скорее всего я вообразил его уже впоследствии, по рассказам других. Однако, я как-будто ясно вижу его перед собой. Я вижу ясно капли молока и крови, медленно ползущие по материнской груди из укушенного мною соска. Не помня себя от боли, мать с силой шлепает меня и бросает в зыбку.

Может быть, все это смешно для вас, но я рассказал вам сейчас самое тяжелое событие моей жизни.

Другое тяжелое событие, когда в первый раз и навсегда легла на мою жизнь тяжелая тень отца, заключалось в том, что родители перестали класть меня с собой спать. Мне было тогда четыре года. Это изгнание в одинокую постель потрясло мою детскую душу. Я ревел, умолял, звал мать, протягивал свои руки в темноту... Я чувствовал, что она здесь, близко, мне было страшно одному, я хотел разжалобить ее.

Наконец, я словно помешался от крика. Я не мог остановить его, и мне уже было не больно кричать. Но я кричал без слез—они иссякли. Я слышал в темноте придушенные всхлипывания матери, слышал сердитый шопот отца. Ей было жалко меня, сердце не выдерживало, но отец не пускал ее ко мне: «Не надо его поважать».

На следующий день я лежал, как пласт, ни с кем не говорил, ничего не мог есть. Со мной сделалась «горячка». Призвали какую-то знахарку, она «спрыскивала с уголька» и говорила, что это все «от дурного глазу».

Второе, слишком памятное для меня, столкновение с моим могущественным врагом произошло, когда мне было десять лет. Отец застал меня за куреньем в бане и выпорол. Он зажал мою голову между ног, словно завинтил ее в тиски, мне было больно, но я не мог даже крикнуть, потому что щеки мои были сжаты, и губы выпячивались, словно у нескаря. Солдатское сукно его штанов раздирало мне кожу. С каждым ударом он увлекался все больше и больше этим занятием. Он осатанел. Через полчаса в баню прокралась моя мать и перенесла меня в дом. Укладывая меня в постель, мать заметила, что на подушку каплет кровь. Она осмотрела мою голову и увидела, что кровь эта из уха. Он надорвал мне мочку левого уха... У меня на всю жизнь остался рубец. Вот посмотрите.

— Вот чудак!—сказала Елена.—Да как же я посмотрю, когда вы невидимка?

— Тьфу ты!—спохватился Ферапонт Иванович. —Я, знаете ли, в разговоре забываю иногда. Ну, тогда пощупайте.

Невидимая рука взяла руку Елены и поднесла ее пальцы к невидимому уху. Елена ощутила рубец.

— После этого,—продолжал Ферапонт Иванович,—завидев отца, я вздрагивал. Этой поркой он бросил меня в когти онанизма. Время от 10 до 11 лет было для меня очень мучительным. Я переживал радость, что девченки и женщины не считают еще меня за большого и ходят со мной купаться, но в то же время страх и стыд заставляли колотиться мое сердце и делать безразличные глаза, когда они начинали раздеваться.

Однажды мое появление из кустов к месту, где они купались, было встречено визгом. Это означало конец моего детства.

В 13 лет началось томление по женщине, то ослабевающее, то становившееся сильнее. У нас была стряпка Аграфена—рыхлая, добродушная, белобрысая баба лет сорока. Она меня очень любила и всегда жалела меня, когда отец меня бил. Поэтому я всегда после экзекуции укрывался у нее на кухне в углу, где на лавке лежала груда какого-то тряпья.

Однажды ночью я поднялся с постели, чтобы выйти на улицу. Родители мои спали. На кухне горела прикрученная лампа: стряпка должна была еще встать, чтобы подме-

сить квашню. Храпенье Аграфены доносилось с печи. Там стояли и сохли мои пимы. Я полез за ними.

Меня охватило печным теплом, запахом горячего кирпича и войлока. Страшно хорошо было стоять босыми ногами на стежоном толстом одеяле, сквозь которое, делаясь постепенно нестерпимым, доходил печной жар. На этом одеяле спала Аграфена. Она лежала на спине, раскинувшись от жары и слегка открыв рот. Грубая холстяная ее рубашка сбилась, оголив белые полные ноги.

Сердце мое заколотилось. Мне сделалось трудно дышать. Я начал дышать ртом. Губы мои пересохли. Я замер в испуге: мне казалось, что от стука моего сердца и от шероховатого дыханья пересохшим ртом Аграфена сейчас проснется. Но она лежала все так же спокойно и спокойно и ровно дышала. Я осторожно опустился на горячее одеяло возле нее. Мое лицо было совсем близко от ее могучего раздавшегося тела. От него тоже шли широкие, ясно ощутимые волны могучей материнской теплоты.

Я различал мелкие-мелкие росинки пота, выступившие в ложбинке между полными ее грудями возле шнурка крестика. Мне не верилось, не верилось, что Аграфена не чувствует, что я смотрю на нее. Было мгновение, когда я каждой клеточкой своего тела знал, что если я лягу возле нее и прижмусь к ней, то она не прогонит меня, и все-таки я ушел. Ушел из-за гнусного ребячьего страха перед отцом. Может быть, это был не только страх перед отцом, а вообще тот темный бессознательный трепет перед запретным, тот страшный груз, который с детских лет отягощает душу каждого из нас.

Мне это дорого стоило. Во мне как-будто сломалось что-то.

В эту ночь я долго не мог уснуть. И, уснувши, увидел сон об Аграфене. Она всходила на крылечко, неся в руках беремя дров. Ей было тяжело. Одно полено упало. Я подбежал и подал его ей. Ее искаженное надсадой лицо оскалилось в мою сторону.

— Мне тяжело. Неси ты!—крикнула она.

Я проснулся...

Ферапонт Иванович оборвал свой рассказ.

— Ну, что же вы?—спросила Елена.

— Я... да так... думаю просто... Может быть, вам надоело меня слушать?—спросил он.

— Нет.

— Тогда хорошо... Потом, значит, была гимназия... Древне-греческий и латинский язык, частый онанизм и редкие и несмелые вначале визиты к проституткам... Университет внес мало изменений,—шире, пожалуй, стал размах. Нечего было говорить, что мне было не до науки. Временами я вдруг ясно осознавал, что иду к гибели, гнию заживо, но сейчас же старался не думать об этом.

Я погиб бы, конечно, если бы не благодетельное потрясение одного утра. Обыкновенно, говоря о подобных внезапных «прозрениях» и «исцелениях», бывшие развратники и забулдыги любят рассказывать о каком-нибудь особенном происшествии: перевернуло, дескать, всю душу и тому подобное. Со мной ничего такого не было. А просто проснулся на следующее после безобразий утро,—голова трещит, во рту скверно, на душе слякоть, слякоть и какое-то ясное ощущение «утечки» жизни. Иначе не могу выразиться. Словом, событий чрезвычайных никаких, а перевернуло крепко!

С этого утра я сказал себе—стоп!

Через полгода этот перелом сказался тем, что коллеги стали смеяться над моим аскетизмом, а некоторые из профессоров заметно начали выделять меня из числа прочих студентов. Я перешел в разряд «подающих большие надежды». Но я не только подавал их, но и оправдывал. Предварительное сообщение, которое я сделал на заседании невропатологов и психиатров касательно своей работы о гипнозе вызвало, как говорится, целую бурю. В это время я окончательно уклонился в область психиатрии.

Мне долго будут памятны ощущения этой «запойной» работы. Я сгорал в ней, как прежде сгорал в разврате. Нервное вещество мое сгорало, как магний, подобно ему выхватывая из мрака самые глубокие и темные подвалы человеческой личности.

О женщинах в ту пору я просто не думал. Тело мне казалось легким и пустым, лишенным вожделений. Постепенно я стал убеждаться, что недоверие ко мне, как к выскочке, уступает место признанию и уважению. Наконец, будучи на четвертом курсе, я женился на дочери профессора и этим окончательно сделался своим в замкнутой ученой касте.

— Ваша жена была красивая?—спросила Елена.

— Нет... Она была чрезмерно худа и от нее всегда немного попахивало нафталином.

— Странно... Тогда неужели это было только по расчету?

— Нет. Здесь имело значение «духовное сродство», то, например, что она интересовалась моими работами. И, наконец, она была дочерью профессора, и это тоже придавало ей в моих глазах некоторое очарование... Впрочем, можете считать, пожалуй, что это был расчет, но затаившийся в бессознательной сфере,—помолчав, добавил Ферапонт Иванович.—Ну, так вот,—продолжал он,—я, стало-быть, женился...

— А где теперь ваша жена?—снова перебила его Елена.

— Она... здесь. Это та воспитательница, с которой вы разговаривали на дворе, когда приехали.

— Да как же это?

— А очень просто. Я, ведь, перед тем, как прийти к своему открытию, был воспитателем в этом самом доме.

— Час от часу не легче,—пробормотала Елена.—Ну, а ваша жена знает, что вы невидимка?

— Нет. Она считает, что я утонул.

— Утонули?.. Ну, знаете, это просто на сказку похоже. Да как же все это произошло.

— Опять-таки не слишком сложно,—ответил Ферапонт Иванович.—Когда я убедился, что способность вызывать в окружающих людях отрицательную галлюцинацию настолько укрепилась во мне, что сделалась как бы автоматической, я симулировал самоубийство. Решив в один из вечеров, что с сего числа я делаюсь невидимкой, я перед утром пошел на реку к проруби, оставил в кабинете записку, что я покончил самоубийством. До проруби следы мои можно было еще различить, а на льду они быстро терялись. В виду моей записки не оставалось ни малейшего сомнения, что я утопился.

— Неужели жена ваша ни разу ни о чем не догадывалась?—спросила Елена.

— Нет, совсем-то она не догадывалась, а кое-что однажды заподозрила. Это было как-раз в то время, когда я производил предварительные опыты с мышами. Я внушал мышам, которых в моем кабинете было достаточно, отрицательную галлюцинацию. Мне это удалось. Я стал для них невидимым, и они безбоязненно поедали мой завтрак, хотя я сидел тут же за столом. В это время как раз вошла моя жена и увидела эту сцену. Это обстоятельство заставило меня еще больше ускорить психическую работу, и вскоре я «утонул»...

— Ну, а зачем же вы оказались снова здесь? Или вы так и не уходили отсюда?—спросила Елена.

— Что вы! Я пространствовал достаточно, ответил Ферапонт Иванович.—Да и глупо было бы добиться невидимости и сидеть здесь. Но я временно должен был скрыться сюда, потому что ваше видимое общество доставляло мне одни неприятности. Меня прямо-таки затравили.

— Позвольте!—изумилась Елена.—Да как же вас могли затравить, когда вы—невидимка?

— А вот нашлось средство,—вздохнул Ферапонт Иванович.—Я забыл, что кроме зрения существует обоняние...

— Не понимаю,—сказала Елена.

— Не понимаете, и не надо,—ответил Ферапонт Иванович.—Я вам и так много разболтал.

— Ах, вот как!—обиделась Елена.—Можете оставить ваш секрет при себе. Меня в конце-концов гораздо больше интересует, ради чего вы сделались невидимкой, а не каким образом. Может быть, это вас не затруднит?..

— Вот странная вы какая,—огорчился Ферапонт Иванович.—Да я ведь сам начал вам об этом рассказывать, а вы перебили меня. Я как-раз дошел до своей женитьбы...

— Уж не из-за жены ли вы сделались невидимкой?—спросила Елена.

— А что же вы смеетесь?—серьезно возразил Ферапонт Иванович.—Конечно, не только из-за нее, но все-таки и она среди прочих тюремщиков моего «я» также имела свое влияние. Подумайте, Елена, мне, который, подобно Фараону, хотел быть «супругом всех жен Египта», закон и общество и привитая с детства мораль предписывали целую жизнь любить эту женщину, пахнувшую нафталином. Ерунда!—рано или поздно должно было притти то время, когда глубочайшие пучины моей подсознательной личности должны были проявить себя. И это время пришло.

В один из моментов глубочайшего самоанализа мне вдруг сделалось ясно, что вся моя научная, «кипучая», плодотворная, всеми восхваляемая деятельность была лишь презренным паразитом на моей неизрасходованной половой энергии... Елена, я знаю, это дико вам слышать. Вы ничего, возможно, не знаете о том, что в каждом человеке под ничтожной пленкой сознания колышется неисследимый и темный океан вожделений.

Не только родные, друзья и знакомые, но и сам-то человек не знает, не смеет знать, что скрывается в нем под этой жалкой волнующейся пленкой, которую принято считать подлинной личностью человека. Его обычное «дневное» сознание страшится заглянуть в преисподнюю. И только ночью во сне чудовище подсознательного психического океана показывает свой страшный, но до неузнаваемости искаженный облик. Человек, часто сам не понимая и не сознавая этого, видит сны, в которых он с бешенством срывает узду всех общественных запретов. Наши сны—это чудовищные мистерии. Во сне мы бываем убийцами, насильниками, грабителями. Но все эти вожделения предстают в нашем сонном сознании в таких искаженных образах, что мы невинно продолжаем жить дальше, считая себя праведниками. Кто же это, какая страшная сила разорвала личность человека и всю ее огромную массу загнала в преисподнюю, в тартар, в ад, в царство Плутона?!.. Какая сила повелела считать ничтожные верхние слои личности человеческой за всю личность? Эта сила называется законами экономического развития. Какими способами и приспособлениями осуществилось это?—с помощью, так называемой, «психической цензуры». Кто живой творец этой цензуры?—родители, церковь, общество, государство!..

Для чего и почему это сделано? А вот для чего и почему. Я буду говорить вам словами величайшего знатока этой психической преисподней, который помог мне окончательно исследовать ее. Общество, говорит он, дало социальный приказ подчинить индивидуальной воле половое стремление. В противном случае это влечение прорвало бы все преграды, сокрушило бы все плотины и смело бы возведенное с таким трудом величественное здание культуры. Основной мотив человеческого общества оказывается в конечном счете чисто экономическим; оно хочет ограничить число своих членов и отклонить их энергию от половых переживаний в сторону труда. Вот что утверждает этот гениальный ученый—это солнце современной психиатрии. Но они все говорят то же самое. Другой мыслитель выразился просто и грубо. Он говорит, что половую энергию можно заставить ходить за плугом и колоть дрова. Когда Ньютона, который всю жизнь оставался девственником, спросили, почему он не женится, то Ньютон ответил, что существует более достойное применение человеческой энергии, чем производство себе подобных... «Запружены реки мои!»—восклицает Уитмэн. «Их должно запрудить!»—сурово отвечает общество.

Представим, Елена, что каждый человек,—это колоссальный океанский пароход, а общество или государство—хозяин всех пароходов. Верхние палубы парохода—это царство неслыханной роскоши. Здесь можно встретить решительно все, что дало творчество человеческого гения. Но, скажите, где подлинная жизнь, где могучее сердце паро-

хода—двигатель его? Оно в трюме, Елена! Там машины, там уголь—этот источник света, тепла и движения для всей этой махины.

И вот представьте, что кочегары вдруг обезумели и начинают бессмысленно сжигать уголь, опустошая трюмы. Верхним палубам грозит тьма и холод. Пароходу грозит гибель. Разве не крикнет хозяин этим кочегарам: безумцы, что вы делаете! Разве не закуют их в цепи и не посадят в тюрьму?!..

И вот я—один из таких кочегаров— понял это хорошо. Поняли это и многие другие кочегары, поняли и один невольно, а другой с энтузиазмом подчинились воле хозяина. И только я—единственный из постигших тайну превращения половой энергии в энергию творческую, полезную для общества,—ожесточился, озлобился и кричу обществу и государству:

— Пошли вы к чортовой матери! Вы говорите, что растормозить половую энергию, я сгорю, как уголь в кислороде,—пускай! Вы грозите, что упадет уровень моего интеллекта, что я растеряю все культурные сокровища, накопленные за счет обузданной половой энергии, и превращусь в безнравственное тупое чудовище, пожалуйста, я не боюсь этого! Пускай это чудовище разрастается и пожирает мое дневное сознательное «я»! Мне теперь известно, что это чудовище есть подлинная моя сущность. Пусть живет оно полной жизнью. Долой «цензуру»! К чорту узду! Да здравствует необузданная жизнь моих подсознательных влечений! Ведь это же я, я настоящий!..

Голос Ферапонта Ивановича перешел в крик.

— Чего вы так кричите?!..—сказала с беспокойством Елена.—Опять кто-нибудь придет...

— К чорту!—запальчиво возразил Ферапонт Иванович, но продолжал разговор более тихим и спокойным голосом.

— Итак, я об'явил войну за свободу своей бессознательной личности, за все ее вожделения против тех, кто лезет ко мне, чтобы накинуть узду. Я возненавидел отца, церковь и государство. Я проклял человеческий коллектив—коллектив взаимных тюремщиков и арестантов. Я стал думать, как мне сорвать все запреты, раздробить все скрижали и все-таки остаться безнаказанным.

И вот народное творчество—подсознательное вожделение всех народов,—претворенное в сказки и мифы, указало мне верный путь...

— Елена, разве вас не поражает, что у каждого народа есть сказки о шапке-невидимке? Вспомните наши сказки про Иванушку, сказки Шехерезады, наконец, Зигфрида! Ведь это же прямо указывает, что коллективное подсознание мучилось запретами, которые легли на его половые влечения, и находило им выход в фантазии. А разве каждый человек хоть раз в жизни не думал: ух, если бы я был невидимкою, и показал бы я тогда всем, где раки зимуют?!.. Уверяю вас, что каждый, решительно каждый мечтал о шапке-невидимке, да только нехватало соображения изобрести ее. Народная фантазия была груба и образна, но все-таки ближе намекнула на то, как можно сделаться невидимым, чем невежественная фантазия Уэльса или Джека Лондона.

Надо уметь расшифровывать!

Мифы и сказки, говоря о **шапке**-невидимке, этим самым как бы намекают, что секрет невидимости надо искать именно **в голове, в мозгу** человека... Слава мне, жалкому и незаметному Ферапонту Ивановичу Капустину! Я осуществил великую мечту всех народов. Первая мечта—ковер-самолет—осуществилась в аэропланах, а я нашел шапку-невидимку! И при этом, Елена, каждый человек, следуя по моему пути, может добиться невидимости. Тренируй свою волю, доводи свои образы до реальности плоти, галлюцинируй сам и заставляй галлюцинировать других, и рано или поздно наступит время, когда в твоем мозгу разовьется под влиянием тренировки мощный телепатический узел, и ты будешь передавать в другие мозги отрицательную галлюцинацию, т.-е. сделаешься невидимым... **Вот мое открытие.**

И представьте себе, до чего изобретательна судьба: ведь этим своим открытием я обязан тем, против кого боролся,—я обязан большевикам. Они меня толкнули на это.

— Да как же это вышло?!..

— А вот как. В то время, когда колчаковская армия погибала, и опасность надвигалась на Омск, я мучительно искал выхода и спасения. Я никогда не сомневался в своей гениальности, и вот мне все чаще и чаще стала приходить в голову одна мысль: почему Архимед мог защищать своими изобретениями родные Сиракузы, а я не могу защитить Омска?!.. Эта мысль преследовала меня до тех пор, пока я не совершил открытия, которое действительно могло изменить судьбу фронта. В то время я работал уже с целью добиться невидимости. И вдруг меня «осенило», т.-е. научно выражаясь, подсознание мое выбросило мне изумительную идею. Те же самые рассуждения, которыми я шел к невидимости, давали мне полную возможность создать дивизии и корпуса «ночных бойцов», т.-е. таких, которые ночью видели бы, как другие видят днем. И не спрятал своего открытия под спуд. Я поделился с ним, с вашим покойным мужем—Георгием Александровичем Яхонтовым—и знаю, да и в то время знал, что мой благородный друг приступил уже к выполнению моего плана, но потом... все провалилось к чорту.

— Что же произошло?—дрогнувшим голосом спросила Елена, не глядя в сторону Ферапонта Ивановича.

— Я и сам не знаю, Елена,—вздохнул он.—Я долго ломал над этим голову, да так и не придумал ничего. Знаю только, что весь мой замысел, с таким трудом осуществленный Яхонтовым, погиб бесследно. Однако, не думайте, что я сдался. Я решил бороться с большевиками в одиночку и удесятерил свою работу в поисках «шапки-невидимки». Я ненавидел коммунистов. Они мешали мне дышать. Ведь вы подумайте, Елена, если то, старое общество, обуздало несчастного индивида, то ведь господа коммунисты закрутили поводья так, что кровь течет из рассеченной губы несчастного индивида. Не смей того, не трогай другого, живи ради коллектива!.. Да уверяю вас, что скоро, когда они вгонят нас в социализм, то обязательно возьмут под свою опеку половую жизнь человека. Вот что, скажут, дорогой товарищ, чтобы до 40 лет ты и думать не смел о женщине! Сублимируй, пожалуйста свою половую энергию в высшие формы. Увеличь за ее счет умственную производительность: твори, созидай, служи коллективу. А вот, когда будет тебе сорок лет и увидим мы, т.-е. общество, что из тебя Ньютона не получится, тогда пожалуйста, расходуй себя на любовь и производи потомство: авось в потомстве своем дашь обществу Ньютона... Вот что, Елена, будет. Вот к чему коммунисты стремятся. Как же я мог не возненавидеть их, не об'явить им беспощадной войны?!..

— Вы и теперь также ненавидите коммунистов?—спросила Елена.

— Я?.. Нет.—Не вдруг ответил Ферапонт Иванович.—Теперь, когда мне не страшна никакая узда, меня не интересует борьба с ними. Зачем мне это? Я увлечен теперь другим: я прислушиваюсь к голосам своего подсознания и выполняю все его требования. Меня теперь очень интересует, что будет, если я разнуздаюсь совсем, если я выпущу на свободу всех обитателей своей психической преисподней?

Разве мне страшен кто-нибудь?!.. Захочу и завтра же заменю советскую власть другой. Я—повелитель мира! Елена, вы слышите?!.. Елена, я счастлив безмерно, я могуч, как Демон, но мне нехватает Тамары. Елена, будьте моей Тамарой! Я, подобно Демону, могу воскликнуть: «И будешь ты царицей мира!..». И выполню свое обещание. Я научу вас, как сделаться невидимой... Елена, я давно полюбил вас, будьте моей!..

И Елена почувствовала, как Ферапонт Иванович опустился перед ней на колени, и его невидимые руки обхватили ее за талию. Она не оттолкнула его.

— Скажите,—проговорила она, кладя свою руку на его лысую голову,—ваши дети тоже будут невидимыми?..

— Да, Елена!—воскликнул он убежденно.—Я твердо уверен в этом. За время моей психической перестройки вся моя нервная субстанция потерпела столь сильные молекулярные пертурбации, что «гены невидимости» должны передаться моему потом-

ству. Утверждают, что приобретенные родителями признаки не передаются детям, но это не подходит к данному случаю.

Относительно физической стороны это совершенно правильно. Искусственные уродства тела, совершенные даже из поколения в поколение, несмотря на это, не передаются потомству. Так, например, фокс-терьерам обрубают хвосты, и все-таки каждый новый фокс-терьер рождается с необрубленным хвостом. Но **психическое** влияние на половую клетку бесспорно и могущественно. Психика способна изменить каким-то таинственным образом «идиоплазму», хроматин семенной нити. Отец, зачавший ребенка в пьяном виде, может наградить его душевной болезнью. Разве это не доказательство? Я бы мог привести вам сотни доказательств... Нет, Елена, я твердо убежден, что мое потомство будет невидимым. Елена, не отталкивайте меня!

Невидимый совершенно напрасно так горячо просил ее об этом: она и без того не думала его отталкивать...

На утро Елена, проснувшись, с удивлением увидела себя лежавшей на полу. Подстилкой служило пальто, но не ее, а чье-то чужое. Елена окончательно пришла в себя. За своей спиной она чувствовала чье-то тело. Она обернулась.

Спиною к ней, скрючившись, лежал возле нее человек в сером костюме и мирно похрапывал. Елена увидела грязноватую лысину на его затылке. Сильное отвращение охватило ее.

Она грубо рванула его за плечо. Он проснулся. Некоторое время, приподняв голову, он бессмысленно глядел на нее и вдруг... он исчез. Рядом с Еленой никого не было.

Она вскочила.

Через минуту из воздуха послышался заспанный голос Ферапонта Ивановича:

— Елена, что с вами случилось?!.. Почему вы так грубо со мной обошлись? Неужели после всего, что произошло между нами... Елена, я так дорожу вашим чувством.

Он обнял ее плечи. Елена вырвалась.

— Не смейте!—крикнула она злобно и брезгливо. Если бы вы дорожили моим чувством, вы всегда бы оставались невидимым и не посмели бы показать мне свою отвратительную лысину.

— Елена!—с отчаянием в голосе воскликнул невидимый.—Не говорите так!.. Ну, что я поделаю?!.. Я сам знаю, что я некрасив, но ведь я уснул... Нечаянно уснул возле вас. А когда я засыпаю, затихает работа моего мозга, психические процессы диссоциируются, и я становлюсь на это время видимым... Этого никак нельзя устранить, никак! —перпетуум мобиле невозможно... Но неужели, Елена, вы отдались мне, не полюбив меня?!.. Неужели...

— Вы дурак!—перебила его Елена.—Неужели вы с вашей тщедушной фигуркой, с вашей отвратительной лысиной могли подумать, что вас может полюбить хоть какая-нибудь женщина?!.. Хотите знать, ради чего я отдалась вам?—Слушайте: я хочу иметь от вас невидимого ребенка! Вы—гнилье, контрреволюционер, ваша душа—грязное «индивидуальное» болото. Вас не перевоспитать. Но, благодаря вам, я буду иметь невидимку-сына. Он не будет похож на своего отца и заниматься всевозможными пакостями. Я воспитаю его, как должно. И когда он вырастет—мой невидимый сын—он один без всяких армий, без единой капли крови совершит всемирную революцию!.. Слышали?!.. А теперь убирайтесь к чорту!—крикнула с пафосом Елена, указывая на дверь.

Ферапонт Иванович долго не отвечал ей. Она ждала приставаний, укоров, возмущения. Ничего этого не последовало.

Дверь распахнулась.

«Неужели он ушел?!..»—подумала Елена, но в это время с порога послышался насмешливый голос:

— Всего хорошего, м-лль, прощайте! Я очень доволен, что каждый из нас получил от этой встречи то, чего добивался.

4.

ЧЕТ-НЕЧЕТ.

Редкая омская дама не знает Акулины Петровны. Это—добрая и почтенная вдова, по профессии акушерка. У нее свой дом недалеко от Казачьего базара. Говорят некоторые, что этот дом построен на абортах. Однако, справедливость требует упомянуть, что и в случаях несостоявшегося аборта, как один врач назвал роды, женщины также охотно к ней обращаются.

Акулина Петровна всегда готова—в ночь и в полночь. Ее рабочий чемоданчик всегда у нее под рукой. Когда она спит, когда отдыхает—прямо-таки неизвестно. Дородная ее фигура с чемоданчиком успела уже примелькаться старожилам.

В один из весенних вечеров нервный двухкратный звонок потревожил Акулину Петровну за чаем. Это было в порядке вещей.

— Открой!—крикнула она горничной и, оставив стакан, вышла из-за стола.

В приемную вошла хорошо одетая полная дама. Она казалась смущенной и не решалась заговорить первая. Это тоже было в порядке вещей.

Акушерка взяла на себя инициативу.

— Садитесь, пожалуйста,—сказала она посетительнице, приветливо улыбаясь. Вам, вероятно...

Но тут же Акулине Петровне пришлось изменить свой вопрос, когда она как следует рассмотрела незнакомку.

— Вы пришли рожать?—спросила она менее приветливо.

— Да.

— Что же у вас—схватки?

— Да, да. Я боюсь что мне скоро придется родить, взволнованным голосом ответила посетительница.

— Вы—первородка?—закуривая папиросу, спросила Акулина Петровна.

— То-есть? Да, да, в первый раз.

— А когда начались у вас боли?

— Сегодня утром.

— Ну, тогда присядьте, пожалуйста, и подождите. Я не только чаю успею напиться, но и выспаться,—смеясь заявила акушерка.—Нет, кроме шуток,—добавила она, увидев, что посетительница обескуражена,—вы можете не беспокоиться: роды еще не скоро. Посидите, пожалуйста.—Она вышла.

Елена от нечего делать занялась просматриванием затасканных журналов, лежавших на круглом столике. Этого занятия ей хватило ненадолго, а читать она не могла. Взгляд ее переходил с предмета на предмет. Она нервно играла коробкой спичек, лежавшей на столе. Вдруг она вздрогнула, взглянула, плотно ли затворена дверь, и словно воришка, с оглядкой по сторонам, захватила горсть спичек и быстро зажала их в кулак.

— Нечет,—прошептала она, бросая спички на страницы открытого журнала и нетерпеливо принимаясь считать.

Спичек оказалось пятнадцать. Лицо Елены озарилось радостью: она угадала — нечет. Значит, родится мальчик...

Вошла акушерка. Она задала своей пациентке должные вопросы и приступила к осмотру.

— Скажите, вы не можете мне предсказать, кто будет—мальчик или девочка?— зардевшись спросила Елена.

— Трудно это довольно... Однако, по всем нашим приметам —мальчик,—ответила Акулина Петровна.

Елена чуть в ладоши не захлопала.

Когда осмотр кончился, Елена неловко положила на стол несколько крупных бумажек.

— Это потом можно,—сказала акушерка, взглянув на «деньзнаки».—Да и куда так много, зачем?

Она собиралась вернуть ей несколько бумажек. Елена удержала ее руку.

— Оставьте, прошу вас.—Сказала она решительно.—Я должна просить вас о такой огромной услуге, что... Оставьте у себя деньги...

Акушерка внимательно на нее посмотрела.

— Я буду просить вас о полной тайне. Так, чтобы никто... ничего... Понимаете? И еще, чтобы вы не удивлялись и не пугались, что бы вы ни увидели. Хорошо?—сказала Елена.

— Ну, матушка моя,—махнула рукой акушерка,—я всего на своем веку насмотрелась—не испугаюсь. А насчет тайны, так будьте спокойны. У меня все дело на этом построено. Вы даже можете у меня провести послеродовой период.

— Ну, вот и хорошо,—обрадовалась Елена,—а то меня это беспокоило.

— Ладно-ладно—устроимся там.—А теперь пойдемте-ка чайку попьем,—сказала акушерка, беря ее под руку.

За чаем они разговорились до поздней ночи и когда разошлись отдыхать, то были уже друзьями.

В два часа пополуночи схватки участились и усилились, и акушерка перевела пациентку в кабинет.

Когда Акулина Петровна хотела взять из рук Елены небольшую сумочку, Елена не позволила.

— Но, ведь, нельзя же с собой ничего брать. Я даже белье на вас другое одену!—рассердилась акушерка.

— Нет, нет! Все, что угодно, а сумочка пусть будет у меня под рукой. Иначе я не согласна.

Акушерка вынуждена была уступить. Затем она приготовила все необходимое.

Описывать роды я не буду. Те из женщин, которые рожали, помнят их по собственному опыту. Для мужчин эти знания будут совершенно бесполезны. А что касается девушек и вообще не рожавших, то я боюсь неумелым описанием испортить им предстоящее удовольствие.

Словом, роды уже кончались. Головка уже прорезывалась и вдруг акушерка, возившаяся около больной, взвизгнула и отпрянула. У нее было явное намерение выбежать из кабинета.

Бледная рука измученной роженицы протянулась к сумочке, лежавшей на столике рядом с кроватью, и, вытащив оттуда маленький «дамский» браунинг, направила его на акушерку.

— Если вы... крикните!.. я... застрелю!—сказала Елена, превозмогая боль. — Принимайтесь за ваше дело сейчас же! Ну?!..

Акушерка повиновалась.

— Господи... господи... да что же это? С ума я что ли схожу? Ведь вот она головка-то, вот она—под руками!.. А не вижу, не вижу!—бормотала она в отчаянии.

— Да перестаньте вы хныкать!—крикнула на нее Елена, откладывая револьвер.—Я же предупреждала вас... Успокойтесь: с ума вы не сошли, а просто—перед вами роды невидимого ребенка!..

— Невидимого?!..—ахнула акушерка и плюхнулась на табуретку.—Господи, да как же я обмывать-то его буду?!.. А как пуповину перерезать?!.. А дальше-то как?!..

— Бросьте причитать! Вы своего дела не исполняете,—кусая губы сказала Елена.

В Акулине Петровне это обвинение, видимо, затронуло профессиональную гордость. Удесятерив внимание, она приступила к своим прямым обязанностям.

— Ну, кто?.. Кто?..—крикнула Елена и даже приподнялась на кровати, когда пустота, охваченная окровавленными руками акушерки, издала свой первый писк.— Мальчик? Девочка?

— Да чорт его знает!—злобным голосом закричала акушерка, хватая трясущимися руками ножницы, чтобы отрезать пуповину.

Послед и пуповина, прилегающая к последу, были ясно видимы. Ребенок и пуповина, прилегающие к его тельцу, ничем не выделялись из окружающего воздуха.

— Ну, как ты его узнаешь?!.. Ничего не видать!—бормотала акушерка, возясь с невидимым младенцем.

— Да вы наощупь!—крикнула Елена.

— А и правда!—спохватилась акушерка.—А меня совсем, видно, из ума вышибло!

Она немедленно последовала совету Елены.

— С дочерью вас!—поклонившись, поздравила она родильницу.

Елена ахнула и без чувств упала на подушку.

Акулина Петровна не знала, к кому броситься,—к матери или к ребенку.

Весь остаток ночи, все утро и весь день до обеда прошли у них, как в жестокой лихорадке. Невозможно даже приблизительно передать все те затруднения, которые пришлось перенести несчастной Акулине Петровне. Эти затруднения были и при обмывании, и при кормлении, и при пеленании невидимой девочки.

Когда и акушерка, и Елена несколько привыкли к дикому факту, они не переставали смеяться.

Акулина Петровна догадалась, наконец, обозначить голову невидимки чепчиком, ножки—кисейными туфельками, а рот, нос и глаза—небольшими пятнышками из губной помады.

Мало-по-малу акушерка в совершенстве усвоила уход за невидимкой. Раздражение ее сменилось крайним расположением. Она гордилась, что она—единственная акушерка в РСФСР, воспринявшая невидимого младенца. Она предлагала даже Елене навовсе остаться у нее.

Елена тоже чувствовала себя не плохо. Она как-будто начинала даже забывать несколько свое разочарование и, повидимому, стала питать робкую надежду, что и девчонка невидимая на что-нибудь пригодится.

Словом, их жизнь можно было назвать почти идиллией.

Но идиллия эта была нарушена самым жестоким и неожиданным образом.

Однажды вечером в квартиру Акулины Петровны явились два агента уголовного розыска и арестовали Елену. На извозчике они доставили ее в уголовный розыск и сразу же, несмотря на позднее время, провели ее наверх, к начальнику.

В дверях кабинета Елена столкнулась с Силантием. Его уводили с допроса.

5.

ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ.

Каким образом и когда несчастный Силантий снова попал в угрозыск?

Это случилось всего часа за два, за четыре до привода туда Елены и произошло вот при каких обстоятельствах.

Силантий в глубокой задумчивости сидел на своем обычном месте возле моста. Думы у него были довольно мрачные. Вот уже несколько дней, как прекратились подачки неизвестного благодетеля. Девался ли он куда, денег ли у него не сделалось, или что,—Силантий не знал.

Тяжело вздохнув, вытащил он из-за голенища кисет и вынул оттуда последнее даяние неизвестного—миллион «деньзнаками».

— «Вот она последняя бумажечка!».

— Силантий,—послышался ему за спиной чей-то шопот, и кто-то дернул его за рубашку.

Силантий выронил «деньзнак» и оглянулся. Высунувшись до половины из-под обрыва, стоял перед ним неимоверной запущенности оборванец и глядел на него мутными глазами. Он был в грязной белой кепке с полуоторванным козырьком. Грязные струйки пота катились по его отечному лицу, исчезая в рыжей всклокоченной бороде. Он держался трясущимися руками за край обрыва.

— Силантий!..—снова отчаянным и укоризненным шопотом произнес оборванец.

— Ферапонт Иванович!..—вскричал Силантий и рванулся со своего ящика.

— Тише! Тише! Сиди так. Не двигайся. Не оглядывайся.—Зашептал Ферапонт Иванович, высовываясь еще больше и приближая голову к Силантию.—Вот так и сиди. Будто и нет меня... Слушай, Силантий, за мной, ведь, гонятся... Убьют меня... Спаси меня, Силантий!..

— Да что делать-то надо, Ферапонт Иванович?—не оборачиваясь, спросил Силантий.

— С собакой за мной гонятся... Надо, чтобы следов моих не было...—прошептал Ферапонт Иванович.

— Вот что, вы спрячьтесь покудова, Ферапонт Иванович, а я сделаю...—подумав немного, сказал Силантий и, захватив костыли, зашагал к мосту.

— Слушай, друг,—сказал он, подходя к слепому, который сидел все на том же месте, уступленном ему Силантием.—Ты мне карету свою дай-ка на часок—с'ездить в одно место.

— Бери,—равнодушно сказал слепой.

Силантий впрягся в оглоблю двухколесной тележки, в которой возили слепого, и потащили ее к месту, где спрятался под берегом Ферапонт Иванович.

— Вот что... Я заеду за киоску, а вы, Ферапонт Иванович, бережком, бережком, да и вылазьте там,—сказал он мимоходом.

Под прикрытием киоска Силантий усадил Ферапонта Ивановича в тележку и закрыл ему ноги мешком.

— А вы кепочку-то сымите да под себя. А глаза-то закройте—будто слепой, — посоветовал он Ферапонту Ивановичу, впрягаясь в оглобли.

Силантий спрятал в тележку свой ящик и поверх ног Ферапонта Ивановича положил свои костыли. Они ему были не нужны, так как его поддерживала поперечная перекладина оглобель, на которую он налегал грудью.

Он беспрепятственно увез Ферапонта Ивановича. Правда, на них кое-кто оглядывался из прохожих, так как пара была довольно необычная: калека вез калеку, но все-таки никаких особенных подозрений они не вызвали.

Приблизительно через полчаса из-под обрыва вылетела собака, а за ней тяжело вылезли два человека.

Это были—Гера, Коршунов и Макинтош.

Гера тяжело «пыхала», вывалив язык. Коршунов и Макинтош остановились, переводя дух.

Макинтош дал волю собаке. Она уверенно привела их к киоску, возле которого Силантий усадил в тележку Ферапонта Ивановича. И как-раз с этого места след исчезал. Гера засуетилась. Макинтош несколько раз направлял свою растерявшуюся собаку. Но каждый раз это кончалось неудачей. Лицо Коршунова передернулось презрительной улыбкой. Макинтош вытирал платком вспотевший лоб. Он сделал с собакой несколько кругов наугад. Растерянность у Геры и у хозяина ее была полная. Все трое собирались уже уходить.

Вдруг собака резко дернула в сторону. Макинтош выпустил цепочку. Гера подбежала к какой-то бумажке, лежавшей на земле, и усиленно и неотступно принялась ее обнюхивать.

Макинтош подошел и поднял бумажку. Это был «деньзнак» неизвестного благодетеля, оброненный Силантием в то время, когда Ферапонт Иванович окликнул его сзади.

Сыщики многозначительно переглянулись.

— Спросим?—кивнул Коршунов в сторону милиционера.

Они подошли к постовому.

— Скажи, пожалуйста,—обратился к нему Коршунов, предварительно назвав себя,—ты сейчас за тем вон киоском ничего не замечал?

— Так как-будто ничего особенного не замечал,—ответил милиционер.—А нищий один все время тут сидит.

— С деревяжкой?—спросил Коршунов.

— Вот-вот.

— А где он теперь?

— А вот только что, должно быть, приятеля своего отвез. Другой тут есть, нищий тоже, слепой, да и безногий вдобавок,—так вот он его и потарабанил куда-то... Только что вот провез на тележке...

Пальцы Макинтоша впились в локоть Коршунова.

— А где этот слепой сидит?—продолжал расспрашивать Коршунов.

— А он обыкновенно... Да что за чорт?!.. Вон он сидит! Никуда, значит, не усжал...—растерянно пробормотал милиционер, опуская палец, которым указывал в сторону слепого.

— Вот что, спроси-ка ты его пойди, куда у него тележка девалась,—распорядился Коршунов.

Милиционер подошел к слепому.

— Слушай,—спросил он его,—тележку-то у тебя украли что ли?

— Нет,—ответил слепой, поворачиваясь в сторону милиционера и уставив на него незрячие глаза.

— А где же она?

— Силантий с ей уехал.

— Куда?

— Не знаю,—не сказывал. Он сичас приедет,—сказал слепой.

— Ну, ладно. А то я думал, что украли,—сказал милиционер и отошел.

Он сообщил Коршунову, что рассказал ему слепой. Коршунов остался весьма доволен.

— Подойди-ка сюда поближе,—сказал он милиционеру.

Коршунов передал ему деньги, оброненные Силантием, и на ухо стал инструктировать. Потом они с Макинтошем завернули за угол. Милиционер остался на посту.

Ждали они часа два.

Наконец, показался Силантий с пустой тележкой. Он поставил тележку возле слепого. И сказал ему что-то.

В это время к нему подошел милиционер.

— Слушай, это не ты деньги обронил, вон тут, возле киоска?—спросил он Силантия.

Силантий узнал свои деньги. Но для уверенности он вытащил кисет и заглянул в него.

— Нету... Мои это, мои это, я обранил. Вот спасибо, вот спасибо! Видать, что на хорошего человека попал,—засуетился он.

Коршунов и Макинтош подошли к нему.

— Так это твои деньги?!?—грозно спросил инспектор угрозыска.

— Мои...

— От кого ты их получил?

— Милостыня...

— Милостыня?!..—переспросил насмешливо Коршунов.—Кто же это тебе по миллиону милостыню дает?!..

— Ей богу, милостыня.

— Врешь!—крикнул Коршунов.—Говори, кто!

— Вот те истинный Христос, милостыня!—клялся Силантий.

— Не ври, мерзавец!—заорал Коршунов, выхватывая браунинг.—Ты это кого на тачке возил?!.. Ну-ка, говори!—он направил на Силантия револьвер.

Силантий заплакал.

— Капустина, Ферапонта Ивановича отвозил... Душа-человек!—проговорил он сквозь слезы.—Он мне и деньги жертвовал.

— А ну, веди!—скомандовал Коршунов, пряча в карман револьвер.

И Силантий повел. Он повел их в Нахаловку, в свою мазануху, где спрятал он Ферапонта Ивановича.

Макинтош и Гера сняли.

Таким-то образом Силантий и Ферапонт Иванович были арестованы и доставлены в угрозыск за несколько часов до ареста Елены.

6.

«КРЫТЬ НЕЧЕМ».

— Скажите, вам известен этот гражданин?—спросил начальник угрозыска Елену, указывая на Ферапонта Ивановича.

— Нет,—спокойно ответила Елена.

Она произнесла это «нет» вполне искренне, потому что не признала сначала Ферапонта Ивановича в этом жалком, запущенном, грязном и бородатом суб'екте. Но в следующую за ответом секунду ей уже мелькнуло что-то странно знакомое в его лице и, наконец, когда он повернулся к ней левой стороной и она увидела рубчик на его левом ухе, который она когда-то ощупывала в темноте, она уже не сомневалась больше, что в кресле напротив нее—отец ее невидимой дочери.

Выражение лица Елены в этот момент не ускользнуло от внимания начальника.

— Итак, значит, не знаете?—иронически переспросил он.

— Нет, не знаю,—со злостью ответила Елена.

— Ах, как жаль, как жаль!—продолжал иронизировать тот.—А знаете, на вашем месте я отдал бы многое, чтобы узнать имя и фамилию этого гражданина.

Елена молчала.

— Да... Очень жаль,—не смущаясь, продолжал начальник угрозыска.—Неужели вам не интересно знать, как зовут обладателя этой руки?—сказал он, внезапно схватив за кисть правой руки Ферапонта Ивановича и поворачивая ее перед Еленой.—Посмотрите-ка,—рука, как видите, небольшая, тонкая, но довольно хваткая, судя по тому, что... эти вот пальцы раздавили гортанные хрящи... вашего покойного мужа...

Елена вздрогнула.

Ферапонт Иванович вырвал свою руку.

— Это ложь!—прохрипел он.

— Крепко сказано!—рассмеялся начальник.—Итак, значит, гражданин Капустин, вы попрежнему отрицаете все остальные грехи, кроме этих изнасилований?

— Да,—угрюмо сказал Ферапонт Иванович.

— Стало быть, Яхонтова убили не вы, и этих коммунистов убили тоже не вы?

— Я не убивал...

— Та-а-ак,—протянул начальник угрозыска, переставив пресс-папье и, видимо, наслаждаясь разговором.—А, скажите, вы, как психиатр, я полагаю, знакомы с дактилоскопией?

— Ну?—грубо и злобно сказал Ферапонт Иванович.

— Итак, стало быть, вы, без сомнения, знаете, что здесь ошибок не бывает и, вероятно, разбираетесь в дактилоскопических формулах. Тогда не угодно ли взглянуть...

Он взял со столика три картонки величиной со страницу книжки in guarto и поставил их рядышком, прислонив к письменному прибору. По лицевой стороне этих

картонок, обращенной к Ферапонту Ивановичу, можно было с первого взгляда посчитать их за снимки с аэроплана запутанных горных хребтов.

Это были сильно увеличенные снимки с отпечатка большого пальца правой руки, наклеенные на картон.

— Ну, что?—сказал, улыбаясь, начальник угрозыска.—Как видите, копытце одно на всех трех. Это, вот,—говорил он, постукивая поочередно по снимкам,—получено нами со спинки яхонтовской кровати, это—с железины, которой убит был один из коммунистов, а это дало нам одно из ваших похождений по части женского пола... Ну, как?—крыть нечем, а?

Ферапонт Иванович молчал.

— Теперь, может быть, вы узнаете этого человека?—неожиданно спросил начальник угрозыска Елену.

— Да. Я знаю этого человека,—тихо, но решительно сказала она.

— Ну, вот, и хорошо. Тогда мы с вами сейчас побеседуем. Это тем более необходимо, что мы скоро должны будем расстаться с гражданином Капустиным. Вас мы передаем в чека,—обратился он к Ферапонту Ивановичу.—Квартирный кризис там гораздо менее острый, чем у нас.

Начальник уголовного розыска сделал знак сотруднику, который привел Ферапонта Ивановича. Его увели.

Начальник угрозыска и Елена остались наедине...

В ту же ночь Ферапонта Ивановича перевели в чека.

На утро он был уже на допросе у следователя.

Здесь Ферапонт Иванович совершенно не пробовал отпираться и сразу признался во всем.

— Какие у вас были мотивы к убийству этих трех?—спросил его следователь.

— Месть. Ненависть.—Отрывисто ответил Капустин и замолчал.

Он вообще ограничивался только ответами на вопросы, явно не желая распространяться. Вид у него был сонный и тупой.

Это раздражало следователя.

— Вы что же, не выспались?—спросил он, наконец, с раздражением.

— Нет... устал я,—ответил Ферапонт Иванович.—Вы бы лучше сделали, товарищ следователь, если бы дали мне продолжительный отдых, тогда бы я рассказал все.

Следователь рассмеялся.

— Да, предложение, во всяком случае не лишенное остроумия,—сказал он.—Только, к сожалению, у нас много спешных дел—не подойдет... Но, может быть, я чем-нибудь другим мог бы поднять ваше настроение?—добавил он. —Может быть этим, например, а?

Он пододвинул Ферапонту Ивановичу раскрытую пачку папирос.

— Традиционно,—криво усмехнулся Капустин.—Однако, спасибо. Я не курю. Да и это мне не поможет.

— Что же вам угодно?

— Мне?.. Понюшку кокаину!—с неестественным смехом сказал Ферапонт Иванович. Глаза его тревожно блеснули.

— Кокаину говорите?—повторил следователь.—Что ж, это можно.

С этими словами он подозвал одного из красноармейцев-конвоиров и, написав что-то карандашом на листочке бумаги, подал записку красноармейцу:

— Товарищу Петрову.

Красноармеец вышел.

Следователь снова обратился к Ферапонту Ивановичу.

— Ну, а пока не об'ясните ли вы мне, почему эта женщина говорит такие нелепости, что вы—бывший невидимка и тому подобное. Что она—сумасшедшая?

— Нет. Она говорит правду. Я, действительно,—«бывший невидимка»,— мрачно усмехнувшись, сказал Ферапонт Иванович и, закрыв глаза, откинулся на спинку кресла.

Следователь рассмеялся.

— Мне нравятся такие люди, как вы,—сказал он.—Ну, а почему же вы превратились в «бывшего невидимку»?—спросил он, тоном своих слов ясно подчеркивая, что он не прочь поддержать шутку.

Ферапонт Иванович долго не отвечал ему. Наконец, левый глаз его медленно приоткрылся и уставился на следователя.

— Не раз-врат-ни-чай-те, молодой человек!—произнес он, тяжело ворочая языком, и левый глаз его опять закрылся.

Следователь не знал, чем ему ответить на эти слова и вообще, как ему отнестись к ним.

В это время вошел красноармеец. В руках у него была маленькая широкогорлая склянка с белым порошком.

Ферапонт Иванович сразу воспрянул.

— Вот, пожалуйста,—сказал ему следователь, ставя возле него кокаин.

Ферапонт Иванович дрожащими пальцами вынул стеклянную притертую пробку и, высыпав в левую ладонь маленькую кучку порошка, поднес ладонь к носу и жадно втянул кокаин в одну и в другую ноздрю. На ладони было чисто. Только кое-где поблескивали отдельные пылинки кокаина.

Несколько минут Ферапонт Иванович сидел молча, уставившись в потолок, и нервно подергивал носом и губами. Это похоже было на затихающее подергивание лица после рыданий.

Чекист, подперев рукой голову, с любопытством смотрел на него.

Ферапонт Иванович снова взял щепотку кокаина.

Минут через двадцать действие кокаина было в полном разгаре. Ферапонт Иванович совершенно преобразился. От сонного и тупого человека с отвислыми губами ничего не осталось. Капустин сидел выпрямившись, лицо его выражало энергию. Он быстро-быстро говорил и жестикулировал. Голос у него сделался звонким. Глаза горели.

Он без всякой просьбы со стороны чекиста разматывал теперь перед ним клубок своих похождений. Он рассказал ему все о своей жизни, о трудах и надеждах, о том, как собирался он спасать Омск, о том, как достиг невидимости и, наконец, о том, как утратил ее. В общем он говорил почти то же самое, о чем рассказывал когда-то Елене, но на этот раз так широко, с таким энтузиазмом и огнем, что следователь время от времени встряхивал головой, повидимому, ловя себя на том, что начинает заслушиваться и даже верить этому суб'екту.

Следователя поразило на сей раз столь небывалое действие кокаина на способность человека к вранью, и он несколько раз пытался вставить вопрос, но Ферапонт Иванович совершенно не давал ему этой возможности. Он говорил и говорил без конца, время от времени вынюхивая новую щепотку кокаина. Вся грудь его рваного пиджака усыпана была порошком.

Наконец, следователь поймал удобный момент и спросил его, не скрывая насмешки:

— Значит, вы утратили вашу невидимость, потому что слишком предавались разврату?

— Да,—совершенно серьезным тоном ответил Капустин.—Я безумно расточил энергию, лежащую в основе всех психических процессов. Я сделался невидимкой, я нарушил все социальные запреты и этим самым подписал себе смертный приговор. Скрученная пружина, если она размотается до конца, перестает быть двигателем, пока снова не скрутят ее.

— Так, не потому ли вы просили у меня длительного отдыха? Признавайтесь!— сказал следователь, многозначительно подмигнув ему.

— Да. Я рассчитывал на это,—словно не замечая иронии, ответил Ферапонт Иванович.—Половая энергия,—продолжал он,—пружина всего организма. Половые импульсы—перводвигатель всей психики человека. Волевой акт в самой сути своей пронизан половой тенденцией. Творческая фантазия любого гениального человека живет исключительно богатствами подсознания, содержание которого определяет половая доминанта. Горе опустошившему свое подсознание!..

Ферапонт Иванович взял еще щепотку кокаина.

Чекист с тревогой посматривал на него. Он давно уже решил, что данные сегодняшнего допроса пропали. Воспользовавшись тем, что Ферапонт Иванович, увлеченный своей речью, забыл обо всем, он незаметно взял у него кокаин и спрятал в нижний ящик стола.

Он нагнулся на одну только минутку, а когда разогнулся и посмотрел в сторону Ферапонта Ивановича, того уже не было.

Перед следователем было пустое кресло.

— К двери!—крикнул следователь красноармейцам и сам, выскочив из-за стола, подбежал к двери, закрыл ее на ключ, а ключ положил в карман.

Потом он вернулся к столу, взял телефонную трубку и вызвал коменданта.

— Восемь человек, сюда, ко мне!—сказал он в трубку.—Что? Ну, конечно!..

Минуты через две тяжелый топот множества ног послышался возле двери.

Следователь приоткрыл дверь и одного по одному стал впускать красноармейцев, загородив руками дверь, так что они подлазили, сильно нагибаясь.

Он быстро захлопнул дверь за последним красноармейцем и снова закрыл ее на ключ.

— Плечом к плечу, от стены до стены! Щупай штыками воздух!—крикнул он красноармейцам.

Те выстроились с ружьями на перевес.

— Начинай!—скомандовал следователь.—Не пропустить ни одного места!

Цепь двинулась, растянувшись через всю комнату. Правый фланг дошел до противоположной стены. Тогда следователь направил красноармейцев так, чтобы они загоняли невидимого в один из углов.

Через минуту оставался «непрощупанным» один только угол. Кто-то из красноармейцев слегка ткнул штыком.

— Брось!—послышался голос невидимого.—Ты мне живот распорешь!

Винтовка тряслась в руках красноармейца.

Следователь бросился в угол, где прижат был Ферапонт Иванович.

Еще через минуту невидимый сидел в кресле, привязанный к нему ремнями красноармейцев. Следователь возобновил допрос.

— Скажите,—было первым его вопросом,—как эта чертовщина случилась?!..

— Благодаря кокаину,—ответил невидимый.—Он парализовал тормозящие корковые центры в моем мозгу и вообще сыграл роль кнута для моего организма и психики. Временно он возвратил мне прежнюю силу, и вы стали жертвой отрицательной галлюцинации.

— Так, значит, вы это сделали нарочно—кокаину-то у меня попросили?

— Да. Я рассчитывал на это. Только я дурак,—мрачно сказал Ферапонт Иванович,—мне нужно было это сделать потом, когда бы меня увели.

— А долго вы будете сидеть невидимым?

— Пока не ослабнет действие кокаина и не наступит реакция,—ответил невидимый.

Его предсказание сбылось довольно рано.

Через полчаса перед следователем сидел опять жалкий, трясущийся человек с непрошедшими еще признаками кокаинного возбуждения.

— Н-да... Вы социально-опасный тип,—сказал следователь.

— Я... я могу быть и социально-полезным,—шопотом сказал Ферапонт Иванович, вытягивая к чекисту шею.—Я мог бы принести пользу советской власти...

По лицу следователя прошла брезгливая гримаса.

— Уберите его!—сказал он красноармейцам.

Конвоиры отвязали Ферапонта Ивановича и подняли его с кресла. Он упирался и оборачивался в сторону чекиста, пытаясь сказать что-то.

Его увели.

В два часа пополуночи Ферапонта Ивановича расстреляли.

КОНЕЦ.

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТ.

(Из поэмы).

Накрепко штык мой привинчен
И туго затянут ремень.
Красная армия нынче
Займет спозаранок Тюмень.

Нашим отрядам крылатым
Лететь ураганом легко.
В буре рожденным орлятам
До Омска—недалеко.

Ветер степной удивите-ль
Безбрежностью снежных пустынь...
— Ставку, «Верховный Правитель»,
К востоку—скорей—перекинь!

Вот исторический берег—
Воспетый народом Иртыш.
Паникой женских истерик
Суровых сердец не смутишь.

В ногу идем, не хромаем,
Любой—в революцию врос.
Ласковым солнечным маем
Нам будет сибирский мороз.

Вышли от гребней Урала
Полки на широкую Обь.
(То-то клыки адмирала
Забили тревожную дробь).

Слышно, в тылу партизаны
Ему причиняют из'ян.
(Книжные, видно, пейзаны
Учтивей природных крестьян)

Слышно, южней магистрали
Поднялся рабочий Кузбасс,—
Как ни пороли, ни драли,
Живет неподатливый класс!

Высится гнев пролетарский,
Волною бурлит огневой,—
И восстает красноярский
Деповский мастеровой.

Сказано: ветер посея,
Пожнешь урагана плоды...
За гулкие льды Енисея
Скатились остатки орды.

Впору продаться японцу,
Чтоб выставил свой караул.
Сплющенным носом к оконцу
Не даром он хищно прильнул...

Горе затравленным гонкой!
Портянки плотней намотай!
Будешь вонючею джонкой
Доставлен в желанный Китай.

Пройдены грозные дали.
Сибирь наш боец отшагал.
Ноги хотя приустали,
Но виден священный Байкал.

Чехи, в решимости хмурой,
Геройский скрывают под'ем:
«Может быть, ценною шкурой
Ценнейшие, наши, спасем?..»

«Карта моя проиграла,—
Закончена жизни игра».
Хищный овал адмирала
На север несет Ангара...

Вадим Ворченко.

КАМЕР-ЮНКЕР ПУШКИН.

На лбу—поцелуй холодный стекла
Один ты... А там—вереницей
Толпа придворных, блистая, текла.
Бесстрастные, как зеркала,
Чужие, враждебные лица!
И золотом шитый тугой воротник,
Как петля, душил...
И взвывали к мести,
России и смерти казали язык:
Рылеев... Каховский... Пестель.

. . . . . .

И этот—за окнами—стриженый сад
(Садовником, словно кантом!?.)—
Как-будто деревья к себе на парад
Согнал солдафон-император.
Но осень не шутит страшной игрой,
И вихри, как флейты, унывно-певучи.
Казалось, кого-то прогнали сквозь строй
Деревьев намокшие сучья!
И ты потрясен, ты друзей зовешь,
Но мертвые не воспрянут.
Им дробь похоронную выбил дождь
И царские барабаны...
Сентябрьские флейты услышав, на миг
Почувствовал ты, холодея,
Что золотом шитый тугой воротник
Петлею душил за шею!..

Лев Черноморцев.

* * *

Евг. Бовиной.

Поступь вечера под высоким окном
Слышим мы сквозь табачный туман—
Мой хозяин—извозчик, согретый вином,
Я—безусый поэт—квартирант.

Ровных десять ударов на город глухой
Опустила, застыв, каланча.
И от снега вечернего весь голубой
Проплывает автобус, рыча.

Уплывает в кварталов широкую пасть,
Завершая рокочущий рейс.
И я вижу, как хочется звездам упасть
Среди улицы лентами рельс.

... А хозяину чужда цветущая глубь.
Взгляд хозяина мутен и груб.
В нем кружит одиноко полученный рубль
За 12 часов на ветру.

Но хозяин—я знаю—опять промолчит,
Пряча знойную трубку в усах.
И уйдет захватить от конюшни ключи,
Чтобы всыпать «Гнедому» овса.

Я останусь упорно и жадно стеречь,
Сумрак теплый качая в глазах,
То, как рельсами звезды, торопятся лечь
Под автобус, плывущий назад.

А когда тротуары стеклом отзвенят,
Я начну молодые стихи
Про хозяина и про гнедого коня,
Взятых в натиске дней на штыки.

Ник. Титов.

АЗИАТ.

Ты смотришь здесь совсем чужим,
Не даром бровь тугую супишь.
Ни за какой большой калым
Ты этой женщины не купишь.
Хоть волос русый у меня,
Но мы с тобой во многом схожи:
Во весь опор пустив коня,
Схватить земли смогу я тоже.
Я рос среди твоих степей
И я, как ты, такой же гибкий.
Но не для нас цветут у ней
В губах подкрашенных улыбки.
Вот погоди,—другой придет,
Он знает разные манеры
И вместе с нею ссмеет
Степных, угрюмых кавалеров.
И этот узел кос тугой
Сегодня ж, может быть, под вечер,
Не ты, не я, а тот, другой,
Распустит бережно на плечи.
Встаешь, глазами засверкав,
Дрожа от близости добычи.
И вижу я, как свой аркан
У пояса напрасно ищешь.
Здесь люди чуть иной закон
И счастье ловят не арканом!
. . . . . .
По гривам ветренных песков
Пройдут на север караваны.
Над пестрою кошмой степей
Заря поднимет бубен алый.
Где ветер плещет гибким талом,
Мы оседлаем лошадей.
Дорога гулко зазвенит,
Горячий воздух в ноздри хлынет,
Спокойно лягут у копыт
Пахучие поля полыни.
И там, в предгории Алтая,
Мы будем гости в самый раз.
Степная девушка простая
В родном ауле встретит нас.
И в час, когда падут туманы
Ширококрылой стаей вниз,
Мы будем пить густой и пьяный
В мешках бушующий кумыс.

Павел Васильев.

ЧЕЛОВЕК ИЗ УЩЕЛЬЯ.

С чугунным лицом, худой, как струна,
Он прям, как лист на заре.
Гремучая медь с железом дружна,
Живет на его бедре.

Все знают: он принес соболей
И—что купец ни болтай—
Бересты горных берез белей
В руках его горностай.

Купец другому шепнет невзначай:
— Наш гость на волка похож.
А гость выбирает железо и чай
И пару готовых кож.

Но, если плох у купца топор,
А *кожи тверды, как жгут*,—
Он скажет:—Ветер подует с гор!—
Купцы, бледнея, поймут.

Он на плечи взвалит ношу свою
И тропы отыщет в глуши.
...И я вот так за любовь отдаю
Добычу темной души.

У меня есть верные глаз и рука,
Степной караванный слух.
Я выберу... Будет любовь крепка,
Как тусклый жадный обух.

Судьба! Ты хитрей косого купца,
Тебе я не верю здесь.
Уж если и дашь полпальца свинца,
Так тоже—смотри—не обвесь.

Сергей Марков.

ЧУМ САМОЕДА.

Солнце—сияющий бубен—
Село за синим холмом.
Тени расселись кругом...
Лес неприветлив и чуден,
Путь неизвестен и труден—
К утру едва ли дойдем...
Выйдет из чащи волчица,
Дико завоет луне.
В серой ночной тишине
Совы неслышно примчатся,
В дупла свои постучатся...
Ты не изменишь ли мне?..
Выйдут болотным туманом
Семь лихорадок-сестер.
Кем-то забытый костер
Будет томить нас обманом.
Шопот ночного урмана
Будет коварно-хитер...
Старший медведь одиноко
Ляжет у старого пня,
Будет рычать, хороня
В битве упавшего друга...
Ты не изменишь, подруга,
Лесу не выдашь меня?..

Старого Лямбурты дочь
С гостем незваным бежала...
Горе звенящее жало
В сердце горело всю ночь...
Ярким не верилось зорям,
Ветер в испуге приник;—
Кинутый бедный старик
В чуме повесился с горя...
Утром белесый туман
Видел, как речкой застылой
Дочка шагала за милым
В убранный снегом урман.

Н. Жигульский.

Тулбо-Нур.[1])

Перевод с монгольского

А. БУРДУКОВА.

В свободные часы от служебных занятий, урывками, писал я Тулбо-Нур. Цель моя—посильно запечатлеть и сохранить память для будущих поколений—

о славной борьбе Монгольского народа за свою независимость с внешними и внутренними врагами,

о возрождении Монгольской народно-революционной республики,

о расцвете ее культурного строительства, наук и знаний, открывающих великие пути к всеобщему воссоединению монгольских племен,

о подвигах наших славных революционеров, не жалевших здоровья и жизней за народное дело.

Особенно сохранить память о Хас-баторе и других товарищах, сложивших свои головы на далекой окраине.

Представляя благосклонному вниманию просвещенных читателей свой слабый труд, заранее прошу Вашего дружеского снисхождения.

Автор.

Написано: в 14 году царствования Многими—Возведенного (1924 год), 4 Луны 26 Светила.

8 апреля 1921 года около 9 часов утра из г. Алтан-Булака, из находящегося в Северо-Западной части города обширного двора выехали около пятидесяти хорошо вооруженных воинов-кавалеристов. Перед ними развевалось революционное красное знамя с надписью:

— Знамя трудового отряда Революционной Монголии.

Начальник части с несколькими спутниками возглавляли стройно следующий отряд. Проехав довольно длинную прямую улицу, идущую к юго-востоку, отряд под'ехал к зданиям, обнесенным тесовой оградой, выкрашенной желтовато-красной краской, с воротами русского типа. Здесь отряд остановился и выстроился по бокам большой дороги, идущей из Кяхты по направлению к Киранскому Карауулу. Революционное знамя реяло по левую сторону дороги.

В скором времени по дороге из Кяхты показались три тройки, которые также остановились здесь у ворот. Из средней тележки вышел русский военачальник в сопровождении женщины и из задней тележки—военачальник со свитой. Все они прошли мимо выстроившегося отряда во внутрь двора. К ним навстречу вышел главком революционных войск Монголии, которого русские военачальники приветствовали поднятием руки к козырьку, потом они обменялись с Монгольским главкомом рукопожатиями.

В отдельном дворике посредине стояла небольшая юрта, в которую все и вошли.

В передней части юрты справа стояла русская железная кровать, на левой стороне были русский стол и стулья.

Главком сел налево на стул впереди, его помощник на кровать вперемежку с прибывающими гостями, остальные разместились слева.

Снаружи на площадке у юрты толпились и заглядывали в юрту церики[2]), многие влезли в юрту--стояли, некоторые сидели, заполняя все проходы. Еще не окончился обмен взаимными приветствиями, как снаружи вошли друг за другом лама и светский. Лама был одет в чесучевый халат, справа у него подмышкой висел пистолет маузера. Лицо его было овальной формы темноватого цвета с реденькими черными усами, лет двадцати семи-восьми на вид. Это был не кто иной, как Хас-батор. Второму спутнику было не более 21-22 лет, на лице у второго были следы натуральной оспы, одет он был в синий далембовый халат, на голове у него была русская фетровая шляпа, на поясе у него висел маленький наган. Имя второго было Абмад.

Войдя в юрту, они обменялись со всеми присутствующими обычными приветствиями и сели на левую сторону вместе. Все занялись часовым чаепитием и легкими мало содержательными разговорами. После чаепития главком от'езжающим

1) Тулбо-Нур—озеро, находящееся в С.-З. Монголии в Кобдосском округе, в 114 английских миллях (около 170 в.) к северо-западу от г. Кобдо по дороге на Кош-Агач—Бийск. Здесь в 1921 г. выдержала героическую осаду горсточка красных во главе с т. Байкаловым. В этом отряде был тогда и автор воспоминаний, в настоящее время занимающий одну из ответственных должностей в Монгольской народной республике.

2) Монгольские солдаты.

русским гостям подносил каждому подарки, что-то в пачке с хадаками[1]), высказывая путевые добропожелания, главное же—быстрого, успешного окончания всех дел и скорого возвращения обратно. Повторно подали всем присутствующим прощальный чай, и все вновь занялись чаепитием.

По окончании чаепития, находящиеся в юрте начали выходить наружу. Близкие и знакомые товарищи Хас-батора и Абмада подносили хадаки и прощались. Хас-батор и Абмад сели на переднюю тройку.

В это время подскакал на коне молодой бурят Адна, одетый в цветной пестрый халат и голубую хантазу (безрукавка); со всеми бегло поздоровавшись, он сел вместе с от'езжающими на тройку.

Русские попрежнему разместились на своих тройках. Когда все было готово к от'езду—главком и его помощник скомандовали стоящим на конях церикам следовать по улице налево.

Отряд двинулся скорым аллюром, поднимая пыль. За городом отряд остановился.

Главком, выехав вперед, пожелал от'езжающим еще раз счастливого пути и успеха.

Хас-батор сказал от имени от'езжающих ответное слово:

— Дорогие многочисленные товарищи! Будем бороться до полной победы как над внешними, так и над внутренними нашими врагами. Мы должны победить разруху и беспорядки. Избавить наш народ от великих мучений, подобных огню и воде. Желаем вам, чтобы все ваши добрые стремления исполнились. Мы также постараемся оправдать ваши надежды и доверие и выполнить возложенные на нас тяжелые поручения, не жалея себя и своих жизней.

После окончания речи, распростившись, двинулись в дальнейший путь.

Провожающие их главком с помощником и отрядом вернулись обратно в город.

II.

Хас-баторовская компания, затратив на путешествие и деловые остановки в пути более месяца, наконец, добралась в Кош-Агач[2]).

Городок этот расположен ближе к северо-западным горам, в углу обширного плато, окаймленного со всех сторон высокими цепями гор; многие из окрестных гор покрыты вечными снегами.

В городе было всего несколько десятков домов, жили русские, дома у них были частью деревянные, частью глинобитные.

В окрестных долинах кочевали русско-подданные шаргалдаевские киргизы, вдали виднелись их стада скота, паслись табуны лошадей.

Проехав маленькую церковку, хас-баторовцы под'ехали к недалеко находящемуся к востоку от церкви дому.

Адна и бурят ушли в дом, откуда довольно долго не возвращались, наконец, появились в сопровождении русского военного командира, который, подойдя к прибывшим, стал обмениваться приветствиями с Хас-батором и др. По окончании приветствий командир пригласил прибывших проследовать в соседний дом, расположенный на окраине, который был предоставлен прибывшим в их распоряжение.

К компании Хас-батора был прикомандирован Коминтерном молодой бурят Нацак, это был бледно-смуглый юноша лет двадцати трех.

Нацак, немного отдохнув с дороги, напившись чаю и пообедав, захватив с собой необходимые бумаги, пошел к местному начальству. Вернувшись вечером, он рассказывал, что виделся с местными властями.

Осведомился у них о местных и монгольских делах и рассказал им цель нашей поездки.

По их рассказам, в Монголии уже нет китайцев (гоминдановцев), есть только в г. Кобдо русский белый отряд есаула Кайгородова, человек в триста.

Говорили им и о том, что мы едем с письмом к Дамби-Джанцан-ламе[3]), о котором они говорят, что нет достоверных сведений. По слухам говорят, что будто он живет где-то около горы Бечин[4]).

---

1) Хадак—шелковый приветственный шарф.

2) Кош-Агач—пограничный торгово-перевалочный пункт, окончание Чуйского тракта—находится в 500 верстах от г. Бийска. Здесь находится Айисполком Кош-Агачского аймака, в окрестностях кочуют казаки и теленгиты. В самом Кош-Агаче живут только русские, теперь Кош-Агачский аймак входит в Ойротскую автономную область.

3) Дамби-Джанцан лама—национальный герой по борьбе с китайцами в 1911-12 г.

4) Гор. Маджин-Сан находится на юге, по ту сторону Монгольской границы в сторону г. Барколь, там Дамби-Джанцан жил независимым царьком.

Выслушав Нацака, Хас-батор сказал:

— Если на самом деле так окажется, то в таком случае, как мы должны поступать? На такой случай мы не имеем соответствующих указаний.

На это возразил Абмад.

— Приехав сюда, не сделав того дела, которое нам поручено, едва ли возможно возвращаться. Тем более, на территории Монголии обосновались белобанды, которые, может быть, насилуют и разоряют монгольское население. Нам необходимо спешно очистить край от белобанд, что будет несомненно полезно для будущего. Кроме того, мы имеем соответствующие полномочия производить мобилизацию. Оружие нам обещали прислать, следовательно, нам остается одно действовать возможно энергичнее и быстрее. Санкцию на наши действия нам надо запросить по телеграфу.

Хас-батор, соглашаясь с предложениями Абмада, говорил:

— Для нас теперь вопрос в том, чтобы половчее пробраться в Монголию, увязаться с властями окрайны, произвести мобилизацию. Если бы нам удалось осуществить все это, то несомненно был бы большой успех.

Нацак поясняет, что он говорил на эту тему с русскими командирами, и в разговоре выяснилось, что не так далеко от Кош-Агача[1]) на границе есть монгольская застава, с некоторыми из чинов они хорошо знакомы, и что последние наезжают в Кош-Агач. Если бы оказалось нужным нам с ними повидаться, то они обещали это устроить.

— Может быть, нам надо послать за ними человека?

Хас-батор поддерживает мысль Нацака.

Абмад спрашивает:

— Под каким предлогом вы их думаете вызвать — по служебным делам, или в порядке частного приглашения? По-моему, поскольку мы все не знаем ни местных условий, ни настроения населения, едва ли мы сможем быстро приступить к делу. Полагаю, что сразу едва ли будет целесообразно им открывать наши планы. Мы заранее не можем сказать, вред или польза получится от этого, надо все это обсудить. Мне казалось, что об'явив себя частными купцами, мы могли бы их пригласить к себе на переговоры по торговым делам. Ведя с ними торговые переговоры, попутно можно бы незаметно выяснить общее положение в Монголии и настроения населения. По другому поступать, пожалуй, будет рискованно.

С мнением Абмада все согласились и решили действовать осмотрительно.

Сочинили письмо и послали его на монгольскую заставу с военным курьером[2]).

III.

На другой день рано утром, к дому, где помещался Хас-батор с спутниками, под'ехали с восточной стороны два дербета[3]). У одного из них на шапке был прозрачный стеклянный шарик[4]), над глазами торчал самодельный козырек из черной мерлушки. На голове у него была шапка[5]), одет он был в поношенную чесучевую шубу. На вид ему было около 60 лет.

У второго спутника на голове был «торцок» с «ольдзеуилга»[6]), сзади у торцока ниспадала на плечи длинная красная кисть; одет он был в засаленный синий халат, лицо его было обрамлено сплошной бородкой, на вид казалось ему более тридцати лет.

Приехавшие, привязав лошадей, вошли в дом.

Хас-баторовцы в это время еще все спали, только вход снаружи посторонних людей разбудил Хас-батора; вставая сам, он будил и других; с вставшими приезжие обменивались приветствиями, подавая табакерки[7]).

---

1) П. Кош-Агач находится в 60 верстах от русско-монгольской границы.

2) С русской стороны на границе стояла военная застава. Между заставами происходили постоянные встречи.

3) Дербетами называется одно из ойротских племен, кочующее в Кобдосском округе, часто их называют уламгомскими дербетами, кочевья их идут от Кош-Агачской границы до Усть-Дзабхына и р. Хангельцин; в их кочевьях находятся озера Киргис-Нур и Усва-Нур.

4) Шарики на шапках носили монгольские и китайские чиновники при маньчжурах, преемственно сохранялись они и при автономии вплоть до 1921 г. Шарики разделялись на 6 степеней: 1—туслахчи—красный, коралловый, 2—дзакиракчи—красный с рисунком, 3—мейрен—голубой прозрачный, 4—дзалан—темносиний не прозрачный, 5—дзанги—прозрачный бесцветный, 6—хундуй—белый фарфоровый.

5) Дербеты имеют особую шапку.

6) Торцоки привозят китайцы: торцоки бывают теплые с ушами и летние без ушей, торцоки распространены по всей Монголии. Украшение «Ольдзе-Уилга»—замысловатая вышивка спереди шелком или мишурой, в переводе значит «счастливый бант», по значению аналогично нашим кокардам-звездам, значкам и т.д

7) Табакерки с табаком монголы употребляют для взаимных приветствий, при встречах взаимно подаются табакерки, из которых каждый нюхает или только делает вид и возвращает подавшему. За отсутствием табакерок обмениваются закуренными трубками.

В скором времени принесли чай, за чаепитием начались взаимные ознакомления и расспросы, справлялись взаимно об именах, званиях, местожительствах, скоте, пастбищах, новостях.

Приезжий с бородкой рассказывал, что они—дербеты. Сам он из Далай-Хановского Хошуна, имя его Дугур, а товарища звали Дамбой, и что они несут пограничную службу в должностях дзангина и дзалана; добавил, что у них на окрайне и в Хошуне все спокойно. Плохо только, что засуха, старых кормов нет, зелень плохая, скот и лошади плохо поправляются.

Окончив свой рассказ, он спросил:

— С какой стороны вы пожаловали, где ваша родина? Куда проезжаете, что нового в западной стороне, все ли спокойно?

Хас-батор им рассказывал, что они деде-монголы[1]), с тех пор, как выехали с родины, прошло больше двух лет.

— Торговали это время в России, теперь думаем поехать торговать к вам, если только у вас в Монголии спокойно.

Дугур спросил:

— Какую торговлю вы думаете вести? Есть ли у вас мануфактурные товары?

Хас-батор ответил:

— Наши караваны с грузом и дорожное снаряжение идут сзади, через несколько дней прибудут сюда. Идет чай, табак, далемба[2]), главным образом, основные массовые товары. Правда, кой-какой подбор будет и из мелких товаров. Главное затруднение у нас в том, что мы не знаем общего положения в Монголии. Мы слышали, что в Монголии много китайцев—гоминдановцев[3]), насколько это верно, мы не знаем?

Дугур начал рассказывать:

— Действительно, в прошлую зиму гоминдановцев было много, но в это время к ним снизошел дух пятого Богдо-Гегена в образе барона Унгерна, который в прошлую зиму вел большую войну с гоминдановцами, изгнал их и занял Ургу. Богда-Хана вновь возвел на монгольский драгоценный престол, тем самым реставрировал автономию Монголии Вот такие рассказы я слышал от надежных людей, да и в Кобдо в настоящее время стоит русско-монгольский отряд человек в пятьсот.

Абмад поинтересовался, откуда пришел этот отряд и что это за солдаты?

Дугур раз'яснил:

— С позапрошлого года еще начали приходить к нам с запада полураздетые, вооруженные и невооруженные люди, часто таща с собой женщин и детей. Всего их перешло через эту границу больше 200 человек; первоначально они разбрелись по старожилам, русским колонистам, жили мирно. Но вот внезапно, прошлой осенью, они потребовали от нашего хошунного управления лошадей, потом начали воевать с китайцами, выгнали китайцев из Кобдо, теперь там живут сами Вскоре после этого им из Урги прислали вооружение и пополнение монгольскими войсками. В Урге теперь назначен правитель округа, произведена мобилизация, мобилизованных обучают в Кобдо. Более подробно ничего не слышал.

На следующие вопросы Абмада—кто правитель в Кобдо, кто начальник русского отряда—Догур рассказал, что правителем округа в Кобдо является дербетский князь Аюрдзан-Бейсе, брат Улангомского Дзорикту-Хана, начальник отряда Кайгородов.

Хас-батор спросил:

— Не слышали ли вы что-нибудь о Кяхтинском монгольском народном правительстве, в каких отношениях оно находится с Ургой?

Дугур и Дамба враз ответили, что они про него ничего не слышали, наоборот, стали их расспрашивать, где они про это слышали. Им ответили, что в одном из городов по дороге они купили воззвание монгольского народного правительства, так вот в нем они и прочитали.

— Сохранилось ли у вас это воззвание и нельзя ли его почитать?—спросил Дугур.

Нацак дал им номер «Монгольской Правды». Дугур увлекся чтением, а Нацак, беседуя с Дамбой, попутно расспрашивал о Дамбе-Джанцане, где он теперь живет

---

1) Деде-монгол—отвлеченное название где-то далеко находящихся ойротских племен, сородичей дербет, не то это наши астраханские калмыки, не то торгуты на Текесе или какие-то остатки монгол в Персии и Афганистане.

2) Далемба—прочная хлопчато-бум. ткань дриль разных цветов, употребляется в большом количестве монголами на халаты и другую одежду и белье.

3) Гоминдановцами монголы называли всех бескосых китайских чиновников и солдат в европейской обмундировке, прибывавших в Монголию после Кяхтинского тройственного соглашения, заключенного 25 мая 1915 г., в отличие от манчжуров и купцов, носивших длинные халаты и косы.

и т. д. Дамба говорил что он хорошо не знает, но слышал, что он живет где-то далеко на юге у гор. Бечи.

Дамба спросил:

— Вы разве знаете его?

Нацак ответил:

— Нет, не знаю, только слышал, что он был хорошим военачальником и просвещенным человеком, и что все дербеты его считали своим учителем-вождем. Потом слышно было, что он пошел по неправильному пути, был арестован русскими войсками, сидел в России в тюрьме, во время революции бежал обратно в Монголию.

Все это он слышал раньше и поинтересовался теперь.

Дамба сказал:

— Раньше из Халхи*) он приехал вдвоем на двух верблюдах. Тогда с ним встречались наши князья и чиновники. Как это случилось—не знают, но наши князья и ламы, настоятели монастрей—все стали считать его своим учителем-вождем, ну, конечно, и мы все следовали за ними. Потом он стал военачальником, задумал ввести новшество, мобилизовать всех монастырских молодых лам в солдаты и обучать военному делу. За это на него ламы взбесились и не стали ему подчиняться, задумали даже его арестовать, но вышло наоборот, не они его, а он их арестовал. После этой истории Дамби-Джанцан освирепел, стал чинить жестокие расправы, не подразделяя князей, лам и светских простолюдинов. В результате мы, дербеты, оказались под невероятным угнетением Дамби-Джанцана. Из учителя для нас он превратился во врага.

— Что, если бы теперь вновь сюда приехал Дамби-Джанцан, то как бы вы поступили?—спросил Абмад.

Оба дербета ответили враз:

— Мы бы его во всяком случае не признали и, насколько смогли, стали бы против него бороться.

— Что же, это общее дербетское мнение?— спросил Абмад.

— Да, это мнение всех дербет,—ответили дербеты.

Эти разговоры о Дамби-Джанцане вызвали у приезжих подозрение, и они спросили:

— Вы, почтенные, почему так подробно интересуетесь Дамби-Джанцаном?

Хас-батор для их успокоения весь разговор переводит в шутку:

— Зря, попусту мы пустились в разговоры о Дамби-Джанцане, смутили вас. Нам, купцам, зачем знать о Дамби-Джанцане, кроме как только из простого любопытства.

Переводя разговор на другое, он спросил:

— Прочитали ли вы воззвание?

Дугур сказал:

— Прочитали, да некоторые места мало понятны.

Непонятное Абмад предложил перечитать вдвоем. Занялись чтением. Абмад ему раз'яснял суть воззвания. Пользуясь моментом, Хас-батор с Нацаком вышли наружу, под предлогом посмотреть лошадей.

IV.

Хас-батор с Нацаком вышли на двор под предлогом посмотреть лошадей, на самом деле—посовещаться.

Хас-батор говорил Нацаку:

— Нам надо им сказать правду, с ними сообщить сведения, послать письма их хошунному управлению.

Нацак соглашался и говорил, что он так же думал. Договорились сказать им и решили наблюдать, какое впечатление на них произведет, что они будут говорить.

Вскоре они вернулись в помещение, где застали Абмада и Адна горячо беседующих с приезжими о перечитываемом вновь воззвании.

Хас-батор с Нацаком подсели к ним рядом и молча слушали их оживленную беседу до конца.

После окончания беседы Хас-батор, смотря в сторону Дугура и Дамба, сказал:

— Знаете, что мы вам рассказывали—басни, будто мы купцы, едущие торговать, на самом деле это неверно. Мы не купцы, а уполномоченные Кяхтинского народного революционного правительства, посланные к вам на окрайну по весьма

*) Халха—4 аймака, составляющих Ургинский и Улясутайский округа. Основное ядро Монгольской народной республики.

важным делам. В подтверждение моих слов предлагаю вам прочитать эти документы.

Дербеты почтительно встают на ноги и принимают документы от Хас-батора. После этого Дугур говорит:

— При первом нашем разговоре я уже почувствовал, что вы—не купцы, а люди, приехавшие по другим делам. Это видно было из ваших расспросов.

То же подтвердил и Дамба.

Прочитав все документы, они их вернули с почтением Хас-батору.—Действительно, *так и оказалось, что вы посланные «свыше», по особо важным делам, боль*шие сановники. О вашем прибытии как нашему владетельному хану, так и хошунному управлению считаем себя обязанными сообщить, поскольку мы являемся служилыми людьми погранич'ной заставы. Пошлем нарочного, запросим указаний.

Хас-батор одобрил их намерение, но прибавил:

— Все это хорошо, да одно плохо, что нам долго здесь засиживаться неудобно. Если вы спросите, почему, то дело в следующем: до нас доходят уж и теперь слухи, что среди местного русского населения и шаргалдаевских киргиз много кривотолков, да и нам, степнякам, в сырых деревянных домах жить плохо, гораздо лучше бы для нас было, если бы вы нашли для нас около вашей кочевки войлочную юрту, мы бы в таком случае переехали отсюда к вам на границу. Там *бы и стали ждать возвращения нарочного от хана.*

— Конечно, переехать можно и юрту найдем,—сказал Дамба.

Для начала все шло удачно, почти все исполнилось так, как думали хасбаторовцы.

*В дальнейшем велась обычная малосодержательная общая беседа на раз*ные темы.

В это время Хас-батор приготовил подарки приезжим. Со словами, в знак радости и начала дружбы, подал он им по хадаку и по пятьдесят серебряных рублей каждому.

Подарки дербеты приняли с большим почтением.

В тот же день они все вместе выехали из Кош-Агача и к вечеру приехали (в Усть-Ташенту) в Красный дом русского пограничного поста. Дальше, невдалеке от дома к юго-востоку, была юрта Дугура. К нему они и заехали на ночлег.

Назавтра Нацак, Адна в сопровождении Токтохо Залана выехали на свидание с Дагдан-Закиракчей, который кочевал на Беко-Морине или Баерыме[1]).

*Хас-батор с Абмадом остались здесь на границе у Дугура. Занялись зна*комством с пограничными чиновниками, ламами и населением. Узнавали настроение, изучали быт, нравы.

В один из следующих дней как-то к ним приехал незнакомый лама, лет пятидесяти, одетый в шубу с черной плисовой отделкой вокруг ворота.

Присутствующие у Хас-батора некоторые местные дербеты, почтительно вставали и говорили «бакши» (учитель), другие с ним шутили, называли его «Хард захата[2]).

Лама обменялся с Хас-батором приветствиями. По разговору ламы сразу можно было определить, что это не был дербет, а халхасец. Для того, чтобы убедиться, Хас-батор его спросил:

— Вы халхасец?

— Да, я—халхасец,—ответил лама,—но из Халхи я давно, много лет прошло с тех пор.

Местные чиновники и большинство окрестного населения были клиентами этого ламы. Он был их ламой (духовником), совершающим разные молебны на все случаи их жизни[3]). В окрестности он был единственным ламой, к которому все относились с большим уважением.

Лама, конечно, имел настоящее имя—Луб[4]), но им его никто не называл, а все называли «Хардзахата». Такую кличку он получил потому, что местные дербетские ламы свои воротники у шуб отделывают красным шелком или парчей, а халхасские ламы—черным плисом.

После чаепития Хардзахата достал из-за пазухи хадак, подал его Хас-батору со словами:

— За последние дни у нас заболел грудной ребенок, у него жар, мы очень беспокоимся. Услыхав в соседних юртах, что вы—просвещенный лама -сюда по*жаловали, приехал к вашей милости за помощью.*

---

1) Долина и р. Беко Морин, от Кош-Агача находится а 120 вер , а горы Баерам дальше Беко-Морина—в 70 верстах.

2) Черным воротником.

3) Монгольские ламы лечат от всех болезней не только лекарствами, но также и всевозможными молебнами. Типичным лекарем-духовником и являлся Хардзахата.

4) Монголы из уважения любят часто произносить только первые буквы имени, что и сделал здесь автор, притом нужно отметить большую любовь и мастерство монгол давать меткие прозвища.

Приняв хадак, Хас-батор стал гадать на кубиках[1]). Предсказал ему, что нужно сделать, какие молебны совершить. По окончании гадания Хардзахата стал просить Хас-батора осчастливить его юрту своим посещением, совершить нужные молебны. Хас-батор охотно согласился, обещав приехать завтра.

На следующий день Хардзахата выпросил в соседних юртах две оседланных лошади, привел их для приглашенных.

Хас-батор поехал вместе с Абмадом. От Дугура пришлось им ехать к северо-западу, перевалить через пологую горку, пересечь глубокий лог, обогнуть мысок, проехать мимо небольшого озерка, к востоку от которого невдалеке виднелись три юрты. К правой из них они и под'ехали.

V[2]).

Навстречу к ним из юрты вышла дербетка, которая их приветствовала, делая низкие поклоны, и при входе почтительно приподняла войлочный занавес над дверями юрты. На голове у дербетки был грязный потрепанный синий шелковый торцок, с длинной красной кистью, шуба на ней была настолько загрязнена, что не было никакой возможности определить ее цвет и материю; рукава шубы были с маленькими буфами, сверху на шубу надета была черная безрукавка «уджи», полы и края уджи кругом были отделаны трехцветной тесьмой. На груди для застежек прикреплены массивные серебряные пуговицы. На ногах одеты красноватые сапоги «бойтак» с войлочной подошвой. Волосы заплетены на две косы. Косы были в черных узких мешочках, ниспадающих по бокам. Эта дербетка была жена Хардзахата.

Впереди в юрте на невысоком красном столике-божнице стояли буддийские иконы «белой и зеленой богинь», книзу от божницы по обеим сторонам подле стен юрты стояли ящики с имуществом, постаревшие и продымившиеся от времени. Ящики ловко обвязаны ремнями, всегда готовые для перекочевок. Пониже ящиков у левой стены лежали шубы и халаты, тут же стояла люлька со спящим ребенком. Ниже одежды, ближе к входу, были размещены на полке и под полкой кухонные принадлежности: чашки, ковш, разные ведерки, чайники, другая посуда и хозяйственные принадлежности. Правая сторона была почти пустая; от входа была натянута только привязь для телят и ягнят.

На печке в чаше бурлил кипевший чай. В юрте от солнечных лучей и печки было нестерпимо жарко.

Хас-батору с Абмадом впереди около ящиков, подальше от печи, постлали двойные почетные тюфячки для сидения. Как только гости разместились на приготовленных местах, Хардзахата вновь начал с Хас-батором обмениваться приветствиями и табакерками. Начались обычное чаепитие и разговоры. Хардзахата хлопотал около божницы, направлял лампадки, наполнял их маслом, месил тесто, ставил курильные свечи, насыпал в чашечки жертвенные зерна ячменя.

Хас-батор также между чаепитием приготовлял нужные священные книги. Абмад же просто сидел и пил чай, стараясь утолить жажду, смотрел на хлопоты двух лам.

Хозяйка приготовленный чай вычерпала из чаши в домбо[3]) и др. посуду, потом снаружи принесла ножку только что заколотого барана. Разрезав ножку по суставам на части, положила их в чашу и, закончив все приготовления, вышла наружу.

Хас-батор приступил к богослужению, а Абмад с Хардзахата начали вести малосодержательные разговоры, которые Абмад постепенно перевел на Далай-хана, спрашивал, какой он человек, как он относится к китайцам. Хардзахата рассказывал, что хан—человек мирный, скромный, хошунными делами не ведает и отношения его к китайцам не знает.

— Так кто же управляет хошуном?

— Хошуном управляет младший брат хана Цебен-Гун, ему помогают чиновники,—сказал Хардзахата.

— Живя здесь и слушая всякие разговоры, у меня получается такое впечатление, будто здешнее население в общем к халхасцам относится холодно или, по-

1) Монгольские ламы на все случаи жизни гадают разными способами, наилюбимейший у них кубики «Шо», по количеству точек они вычитывают соответствующие указания в священной книге-ключе.

2) Эта глава—документ, говорящий о взаимной ассимиляции. Халхасец лама женится на дербетке, встречаются разные обычаи, получается нечто новое—третье. Костюм дербетки—шуба с буфами и уджи—по-халхасски, волосы—по-дербетски, а сапоги—ни халхасские, ни дербетские, урянхайско-теленгитские, при том с войлочной подошвой, это, очевидно, от русских, ибо обычно подошва кожаная. В юрте отсутствует кровать, а просто на ее месте лежат шубы, тут, очевидно, ламская черточка безбрачия сказалась, жена ламы—не жена, а прислуга-кухарка.

3) Домбо—посуда, аналогичная чайнику, делается китайцами из разных металлов и самими монголами из дерева, употребляют под готовый чай.

жалуй, даже недружелюбно. Вы, как проживший здесь долгое время, наверное, знаете лучше. Какого вы мнения?

Хардзахата ответил:

Я слышал здесь разговоры, что в давнишние времена халхасцы и дербеты воевали между собой—это первое, а второе еще то, что во времена автономии сюда, на окраину, был прислан для водворения порядка военачальник Дамби-Джанцан, который сильно угнетал местное население, насиловал женщин, отбирал скот. Это обострило отношение дербетов к халхасцам. Более основательно ничего не знаю.

— В каких отношениях теперь дербеты находятся с алтайскими киргизами?

— В очень плохих. Дербеты по природе народ мирный и трусливый, благодаря этому, киргизы постоянно безобразничают, воруют лошадей и другой скот. Сколько бы ни доносили дербеты в свое хошунное управление—толку мало, так как чиновники сами боятся киргиз. Поэтому дела остаются без последствия, а киргизы еще больше наглеют.

Абмад задал следующий вопрос:

— Говорят, что дербеты ждут все время пришествия «великих монголов», что про это теперь они говорят?

— Действительно, все дербеты, начиная с князей, чиновников и лам и кончая простолюдином, только и говорили, что о пришествии великих монголов, т.-е. потомка Амурсаны, который должен освободить как дербетов, так и халхасцев от ига Китая. Тогда наступит блаженство и расцвет дербетского и халхасского народов,—такие разговоры вели взрослые и дети. Об Амурсане я слышал рассказы, что во время манчжур, в царствование Тенгри-Тетхуксан[1]) ойротские князья вели внутреннюю борьбу за престол Ойротского царства, в результате ослабли и подчинились манчжурам. Манчжуры оставили им ограниченную власть. Амур-Сана был глубоко возмущен этим, собрал войско и начал успешную войну с манчжуро-китайцами, но манчжурский император усмирил его при содействии тогдашнего ургинского Богдо-Гегена. Поскольку Амур-Сана оказался побежденным, он был вынужден бежать в Россию. Манчжурские войска много убили и разграбили мирного населения после бегства Амур-Сана. Киргизы, старые враги ойротов, были переселены манчжурами ближе к дербетам. Вот по этим-то историческим причинам дербеты относятся враждебно к халхасцам, китайцам, киргизам и надеются когда-нибудь им отомстить за все прежние обиды. Потомком того Амур-Сана будто бы назывался...[2]). Такие вот слышал рассказы, насколько они верны—не знаю,—закончил Хардзахата.

Дальнейшую беседу Абмаду пришлось прекратить, так как Хас-батор уже кончал молебен. Благодарный Хардзахата за молебен ему подарил коня.

Хардзахата прибирал предметы богослужения, а жена доставала из чаши сварившуюся баранину.

Баранину она подала гостям в общей тарелке, с которой ели все трое вместе, ведя мелочную беседу.

После обеда Хас-батор с Абмадом вернулись обратно к Дугуру, там и продолжали жить, ожидая возвращения Нацака и Адны.

VI.

Через два дня вечером вернулись Нацак и Адна. После взаимных приветствий с Хас-батором и Абмадом Нацак рассказывал о своей поездке:

— С Дагдан-Закиракчей мы виделись; посланные письма и прочее ему передали, он все принял и послал по станциям хану. Обещался в десятидневный срок прислать сюда делегатов с ответами. Нам он посоветовал вернуться сюда и здесь ожидать ответа, что мы и сделали. Теперь дней через семь-восемь они должны прислать ответ.

Хас-батор попросил присутствующих в юрте посторонних удалиться.

Оставшись вчетвером, Хас-батор сказал:

— Я думаю, что они все-таки пришлют к нам непременно делегатов, даже для одного того, чтобы с нами ближе познакомиться и разузнать. Нам также важно для будущего, чтобы они хорошо узнали суть наших задач и то, что мы имеем за собой большую силу. Нам также необходимо выяснить, где находятся обещанные войска и оружие. Если будет у нас оружие, то мы в нужный момент сможем мобилизовать местное население. Для дела это может иметь важное значение.

Нацак предложил завтра ехать в Кош-Агач запросить по телеграфу соответствующие места, выяснить, где находится подкрепление и оружие.

---

1) Импер. Китая «Цянь-Лунь», царствовавший с 1736 г. по 1795 г. «Рус.-Мон. словарь Голстун», т. III стр. 107.

2) Здесь в подлиннике автор сделал пропуск, нужно подразумевать Дамби-джанцана

Хас-батор, соглашаясь, добавил:

— Хорошо бы поскорее получить оружие и выяснить, где подкрепление. При переговорах с дербетами это был бы большой плюс, да и вообще нам надо быть заранее наготове ко всему.

Окончив совещание, пригласили в юрту вышедших. Дальше велись пустые разговоры, было уже поздно. Вскоре все легли спать. Назавтра утром Нацак и Адна выехали в Кош-Агач.

Окрестные дербеты из Тошанту весной ежегодно перекочевывали на берега р. Юстыд, которая протекает к северу от поста за горой.

На дворе была весна, покочевали на Юстыд. На новой кочевке дербеты хас-баторовцам поставили отдельную общественную юрту. Хас-баторовцы продолжали поджидать делегатов хана, собирать сведения о белых в Кобдо. В один из последующих дней к ним приехал опять Хардзахата. Он рассказывал им по секрету слышанное в разговоре от человека, только что бывшего на перевозе р. Кобдо Ольго*), который сообщил, что кобдосские белые готовятся в поход на Кош-Агач. Хас-батор этому сведению придал большое значение.

По от'езде Хардзахата они устроили общее совещание. Обсудив положение, решили из Кош-Агача вызвать сюда десять красноармейцев с пулеметом, до прихода подкрепления.

Нацаку пришлось ехать вновь в Кош-Агач.

На следующий день, около полудня, с востока показалось семь-восем всадников на лошадях. Абмад первый их заметил и сообщил товарищам, утверждая, что это, наверное, делегаты. Другие смотрели на приближающихся из юрты, сквозь решетку,—войлочные стенки юрты были подняты для прохлады.

Среди всадников виднелся лама в желтой шубе, второй всадник был в бордовой шубе с красным шариком на шапке, их сопровождали пограничные чиновники. Все они заехали к Дугуру. Хас-баторовцы, убедившись в действительности прибытия делегатов, стали подготавливаться к их встрече.

Примерно, в полдень пришли к ним все приехавшие. По окончании взаимных приветствий лама достал из-за пазухи хадак, положив на него письмо, подал его Хас-батору, который передал письмо Абмаду для прочтения. В начале письма были обычные приветствия, дальше говорилось, что, если они действительно единомышленники Дамби-Джанцана, то они ни при каких обстоятельствах увязываться с ними не могут; дальше просили Хас-батора приехать к ним лично все раз'яснить и обсудить. По окончании приветствий и обмена табакерок гости приступили к чаепитию.

В дальнейшей беседе Хас-батор спрашивал у приезжих имена, чины и т. д. Лама ответил, что он не чиновник, а просто монастырский лама. Имя товарища было Дагдан-Закиракчи, на вид ему было около шестидесяти лет; голова его была седая, лицо посиневшее и сморщившееся, но глаза его сверкали в разные стороны наподобие мышиных, ведя всюду разведку.

В разговоре Дагдан все время старался отделываться короткими фразами—слушаюсь, раб, да и т. д. Дагдан был действительно типичным старым путанником, пьяницей, чиновником.

Хас-батор справлялся у них о здоровии хана, чиновников, потом заговорили и о той части письма, где говорилось о приезде Хас-батора к хану.

Дагдан, предупреждая разговор, сказал:

— Я, старый раб, недавно виделся с вашим почтенным чиновником и все беседы передал хану. Я, старый раб, будучи дряхлым, не смог, очевидно, об'яснить суть нашего разговора, поэтому-то, меня, раба, послали с этим ламой к вам, просить вас непременно приехать к хану. Мы за этим только и посланы, чтобы пригласить вас.

Наклонившись вперед, он сделал Хас-батору несколько низких поклонов и повторил приглашение поехать лично к хану:

— Дополнительно я, старый раб, вам больше доложить ничего не имею!

В дальнейшем Дагдан упорно воздерживался от всяких разговоров.

Абмад со стороны видел, что Хас-батор относится очень подозрительно, и насторожился. Заметив это, Абмад спросил у приезжих:

— Можно ли кому-нибудь из нас троих поехать, вместо Хас-батора?

Дагдан ответил:

— Кто из вас пожелает ехать—это ваше внутреннее дело, решайте сами.

Абмад поторопился вызваться на поездку. Все молчали. Абмад спросил мнение Нацака по-русски, Нацак ответил, что действительно ему и надо ехать. В это время Хас-батор сказал:

---

* Перевоз Ольго находится, примерно, на полдороге между гор. Кобдо и Кош-Агачем.

— Мы пошлем Абмада, но теперь одному ездить опасно—не прежняя пора, полагаю, что одному из вас надо поехать с Абмадом, а другому пожить здесь с нами до их возвращения.

Дагдан сказал:

— Я, старый раб, желаю около вас остаться, кой-чему у вас поучиться и понять.

Все согласились.

Назавтра должны были выехать Абмад с ламой.

Переночевав, на другой день утром Абмад рано встал, побрил голову, оделся в ламскую шубу и хантадза[1]) и вскоре выехали в путь теперь два ламы.

Переехав гору Хар-Магнай, они приехали на р. Хату. Здесь стояли юрты, в одну из них они и заехали Абмад, долго не ездивший верхом, сильно устал. дальше ехать чувствовал не в силах. Пришлось переночевать в юртах.

VII.

На следующее утро, встав пораньше, поехали к низу р. Хаты. Вскоре, вдали, перед их взором открылась величественная панорама на обширную Беко-Моринскую долину, кругом окаймленную разнохарактерными грядами гор. На востоке долина замыкалась озером Ачиту-Нур, общая форма долины была продолговатая, с запада к востоку сжатая с двух сторон мощными хребтами гор. От подножья гор к долине с обеих сторон спускались обширные сухие каменистые степи «бейль», близлежащая перед ними сторона была изрезана сухими руслами речек, виднелась кой-где редкая пожелтевшая растительность и кустарники харгана.

Почти по середине долины виднелись тянувшиеся с севера к югу небольшие каменистые горки, красновато-желтого цвета; восточная группа была меньше, юго-западная—больше.

Вид горок был такой что как-будто их кто-то разгневанный нагромоздил и разбросал в беспорядке.

На полверсты, примерно, ближе горок, сверкая серебром своих лазурных вод, под яркими лучами весеннего солнца, вырвавшаяся наружу из густых зарослей тальников, извиваясь, как змея, бурно неслась, подобно испуганному зайцу, обгоняющему дико-несущегося коня, р. Беко-Морин к Ачит-Нуру. С северной стороны в Ачит-Нур упираются обрывы гор, к северо-западу от них вдали виднелись вершины огромных гор Гурбо-Хаер-Хан и Шубуту. Здесь наиболее расширена долина Беко-Морина. Западнее была суровая гора Ямату; огибая ее, ниспадали лентами к Ачит-Нуру две горные речки Уляста.

Немилосердно жгло их яркое солнце, они изнемогали от жары, над долиной все время появлялись и исчезали причудливые миражи.

В долине, между зарослями харгана, виднелись войлочные юрты дербетов да, задрав хвосты, бешено носился одуревший от жары скот; то влетал он стремглав в речку, то несся снова по кустам. Бараны и козы попрятались под кусты, белея наподобие не успевшего растаять снега.

Изнемогающие под прямыми лучами весеннего солнца, желая хоть сколько-нибудь себя облегчить, путешественники стащили рукава, высвободили свои груди и руки. Так они доехали до устья р. Хату. Около каменного обо[2]), они сошли с лошадей. Лама набрал несколько камешков, бросил их на обо, как жертву.

Для утоления жажды, лама отвязал от седла кожаную флягу с молочным вином «арьки». В чашку он налил немного, плеснул на обо и во все страны света, принося благодарственную жертву духам природы. Снова налив уже полную чашку, подал Абмаду. Потом начал пить сам.

Лама, потягивая вино, а Абмад, покуривая табак, беседовали о величественности и красоте раскинувшейся перед ними Беко-Моринской долины. Мучимые нестерпимой жарой, пробыли здесь довольно долго. Лама основательно опьянел. Смотря на Абмада, он сказал:

— Вот в тех скалах, что разбросаны в долине, есть такие, которые походят на львов, слонов. Те горы называются Башенту.

Присматриваясь, Абмад действительно заметил контуры скал, похожие на разных зверей.

Абмад, смотря на чудную долину и эти причудливые скалы, вспомнил другие—мощные виды Алтая. Погрузившись в воспоминания и любуясь дивной красотой природы, просидели незаметно еще с полчаса.

Разговор ламы вернул его к действительности. Тот говорил ему:

— Вон поближе горок, около речки, виднеются три юрты. Поедем туда, сменим там лошадей.

---

1) Безрукавка-кофта—жилет. Ранее носили монгольские чиновники и богатые.
2) Обо—куча камней или хвороста, аналогичное по значению крестам, часовенкам.

Абмад не возражал.

Надо было ехать. Уставшие, они ехали тихо, почти все время шагом, кой-когда только хлынили (ехали маленькой рысцой), наконец, после полудня уже добрались на берег р. Беко-Морин. Здесь они сразу почувствовали приятный прохладный ветерок, свежий воздух они вдыхали полной грудью. Сошли с лошадей, выпили по чашке воды.

Ободренные, повеселевшие, по кустарникам харгана поехали дальше. С разговором незаметно они под'езжали уже к тем юртам, где они решили сменить лошадей.

Из кустарников харгана внезапно выскочили к ним навстречу с бешеным лаем несколько больших черных собак. Едущим пришлось натянуть поводья и замедлить ход лошадей.

Вскоре они под'ехали к юртам. Из средней юрты навстречу им вышла босая довольно полная дербетка отогнать собак и проводить гостей в юрту.

При входе в юрту они увидели сидящего также босого низкорослого старика, перед которым стоял с «арьки» китайский глиняный графин.

На огне в чаше курилась «арьки». В юрте от солнца и винокурения была нестерпимая жара.

Старик был голый, только в штанах. Увидев приезжих, быстро взял с кровати халат, накинул его на плечи и начал слать для гостей тюфячки.

После обмена приветствиями, старик сразу же подал ламе «арьки». Лама, принимая вино, сказал соответствующее добропожелание, а потом с удовольствием выпил. Поданную чашку Абмад не осушил, только попробовал и стал возвращать, но старик категорически отказался принять. Абмаду ничего не оставалось делать, как выпить до дна.

Вошедшая хозяйка спросила приезжих, желают ли они чая или чего-нибудь молочного? Лама сказал, что ему чая не надо, он будет пить вино, а Абмада угощайте молочным. Хозяйка угощала каждого, согласно их желания.

Между беседой лама сказал хозяину, что им нужно сменить лошадей. Выслушав сказанное, старик закричал:

— Дзалу, Дзалу[1]).

На крик старика снаружи вошел молодой лама, которого он и послал искать лошадей.

Абмад беседовал со стариком на разные темы и распрашивал его. Старик же с ламой пили «арьки», пока привели лошадей, они оба изрядно опьянели.

День клонился к вечеру, когда поданы были свежие лошади.

VIII.

Банди[2]), который ловил лошадей, поехал с ними проводником. Переехав реку Беко-Морин, они скакали в сторону видневшихся скал Башенту. Не доезжая скал, к юго-востоку от них, в зарослях харагана Абмад увидел глинобитные постройки. На его вопрос лама ответил: это фактория русского колониста Козловского[3]). Они проскакали мимо. Когда они огибали скалы, им повстречался русский, который гнал несколько лошадей с подрезанными хвостами в сторону скал. За топольником, в скалах, виднелись постройки. Абмад опять спросил ламу—чья это фактория? Вместо ответа, он ударил по лошади и поскакал дальше, сказав, что расскажет потом.

Поскакал за ним и Абмад. Перевалив скалистые горки, они увидели разбросанные в беспорядке, покосившиеся в разные стороны тальниковые дворики с несколькими десятками юрт. Посредине, между двориков, был раскинут большой шатер-храм[4]). Это был малый монастырь Далай-хана.

Путники сразу же завернули в один из находящихся справа двориков. Навстречу к ним из юрты выскочили двое послушников-подростков, которые почтительно у них приняли лошадей.

В юрте никого не было. Спутник лама прошел вперед и пояснил Абмаду, что эта юрта его младшего брата ламы, просил его раздеваться и отдыхать по домашнему. Сам вышел наружу, но вскоре вернулся с одним из послушников, неся чай и яства. Абмад до их прихода рассматривал внутренность юрты. В юрте, справа, в переднем углу, на высокой божнице, в деревянных ящиках-папках лежало

1) Дзалу в переводе—молодой. Так любят дербеты называть своих сыновей, внуков, близких. Вошедший оказался ламой, очевидно, пришел взамен сына, ламе дзалу, как мирское название, говорить нельзя.

2) Банди—послушник, молодой, еще не посвященный лама.

3) Владелец фактории М. А. Козловского был расстрелян белым Кайгородовым за сочувствие большевикам.

4) Для таких кочевых шатров-храмов монголы крыши устраивают на зиму из войлока, а летом из грубых тканей.

несколько священных книг; в передней части юрты, на полу, были разостланы стеганые войлочные подстилки, впереди, у стены, стояла тибетского типа кровать со стенками[1]), ниже кровати стоял старый ящик. С правой стороны на ящиках было сложено несколько разных тюфячков. Больше ничего не было. Подолы юрты были кругом подняты для прохлады.

Абмад сидел справа и теперь пил чай. Снаружи вошел новый лама, на лице которого были видны следы когда-то перенесенной им оспы. Вошедший первона чально обменялся приветствиями со спутником Абмада, а потом уже с Абмадом. Спутник лама ему пояснил, что это и есть его младший брат, который состоит служителем здешнего храма[2]).

Побеседовав немного, спутник лама вышел по делам в соседние юрты.

Второй лама, хозяин юрты, пошел готовить обед.

Абмад остался один, но к нему вскоре вошел один из послушников, кото рого он стал расспрашивать, какие русские живут, что они делают.

Послушник ответил:

— Здесь теперь живут только приехавшие из Кобдо, человек двадцать рус ских солдат, больше никаких русских нет.

Абмад поторопился спросить:

— Давно ли они здесь?

— Более двадцати дней,—ответил послушник.

Эти вести весьма смутили Абмада, он больше не стал спрашивать по слушника. Прилег пообдумать, да так и заснул. Под вечер только вернулся спутник Абмада. Братья, вместе зайдя в юрту, увидав спящего Абмада, не стали его будить, а сели и стали между собой беседовать.

Когда уже повечерело, тогда они разбудили Абмада. Уставший Абмад настолько заспался, что не мог понять, что это –утро или вечер и усиленно тер свои заспанные глаза.

В это время послушники снаружи принесли в синей эмалированной посуде ужин и разливали его в чашки. После этого только понял Абмад, что еще вечер, а не утро.

Освежившись немного на дворе от сна, Абмад стал обедать с большим аппетитом вкусную лапшу. Последние месяцы ему не приходилось иметь обеды с мучным, поэтому, может быть, ему казался обед очень вкусным. С'ел он на этот раз очень много.

В дальнейшем пили послеобеденный чай, вели мелочные разговоры до позднего вечера, а потом легли спать.

Назавтра, утром, основательно напившись чаю, Абмад с ламой двинулись в дальнейший путь. Башенты они обогнули с восточной стороны, дальше они ехали по направлению к виднеющимся горам. Невдалеке, у горок, они увидали несколько юрт. У одной из них они остановились для смены лошадей.

Избегая духоты, они сели около юрты. Вскоре лама сказал, что он с'ездит повидаться с нужным человеком. Лама уехал, а Абмад расспрашивал, кому принадлежит эта юрта. Ему рассказали, что это степная юрта богослова ламы большого Далай-хановского монастыря.

Абмаду долго пришлось ждать своего спутника. Свободное время он заполнял беседой и толкованием, любопытствующим о сути народно-революционного движения. На дворе вечерело. Наконец, только перед заходом солнца вернулся лама. Вскоре они двинулись в дальнейший путь по направлению перевала Дживирту. Путь шел ровный, постепенно повышаясь каменистой «белью». Добравшись до подножья перевала Дживирту, они переночевали на открытом воздухе в поле Утром перевалили большую гору Дживирту, по хребту которой, проехав значительное расстояние вправо, начали спускаться большим логом к низу в восточном направлении.

Проехав значительное расстояние, остановились опять в поле варить чай. Напившись чая, ехали тем же логом книзу. Боковые горы все время увеличивались. Здесь справа северные склоны огромного хребта были покрыты сплошной лиственницей, а слева такие же горы были совершенно голые[3]). Ущелье все время извивалось и становилось суровее. Вскоре они под'ехали еще к более суровому ущелью, подошедшему справа р. Тюргун. Русло и берега речки были завалены сплошь булыжником; большая горная речка бешено неслась меж каменных глыб Перебираться через Тюргун им пришлось с большой осторожностью.

---

1) Тибетская кровать устраивается таким образом, что стенки ее сделаны из крепкого дерева, дабы снаружи враги не могли проколоть спящего.

2) Такие служители называются «такилчи» или «донюр», на их обязанности лежит постоянная служба заправка лампад, наблюдение за чистотой в храме, хранение ключей от храма и т. д.

3 В Монголии горы только с северо-запада покрыты лесом, а с юго-востока голые.

IX.

По ту сторону р. Тюргун невдалеке уже был большой Далай-хановский монастырь, который был расположен вблизи слияния нескольких речек и окружен со всех сторон высокими горами. Впереди от гор шла р. Дельгер-гол, которая, обогнув близлежащие горы, подходила к монастырю справа и уходила к северо-западу в общее русло, проходящее в дикое ущелье чернеющих скал, где значительные воды Тюргуна и других речек скрываются под почву. Направо от ущелья возвышается большая гора Ноян-Ула, сплошь покрытая лесом. До подножья этой горы и доходит правое крыло монастыря, а севернее этой горы выходит большой лог, к западу от которого виднеются горы, через которые они проехали. Потусторонние близлежащие горы близко подходили к Дельгер-голу, как бы ее прижимали к монастырю.

К юго-западу от монастыря, шагах в двухстах, находилась полуразрушенная обширная глинобитная крепость, с шатрообразно возвышающимися с трех сторон воротами; налево от крепости виднелось несколько построек, обнесенных двориками, принадлежащих китайским фирмам. Шагах в пятидесяти от крепости был расположен двор Далай-хана, шагах в двадцати от ханского двора была хошунная часовня[1]), дальше через несколько шагов начинались ламские постройки монастыря.

Посередине монастыря возвышались, господствуя своими шатрообразными крышами, главные храмы «Цокчин» и «Дюнхур»; многочисленные украшения храмов горели золотом под лучами яркого солнца. Вокруг монастыря сверкали своими маковками многочисленные джанцаны[2]); в разных частях монастыря виднелись еще шатрообразные крыши небольших часовен и алтарей.

Абмад с спутником направились в крепость. В'ехав в восточные ворота, внутри крепости они увидели, шагах в тридцати от первых, еще вторые двое ворот, дальше которых, в глубине двора, были по двум сторонам расположены глиномазные[3]) постройки, домики китайского типа.

Привязав лошадей, Абмад с спутником зашли в большую продымленную юрту, стоявшую впереди ближайшего домика, справа. Это была кухня Далай-хана[4]); впереди у стен стояли красные ящики, на них сверху стоял ящик-божница.

По обеим сторонам, книзу стояло еще по нескольку ящиков, покрытых большими коврами. Над одним из ящиков, с левой стороны висело старинное большое кремневое ружье, дуло которого было заткнуто хадаком; рядом с ружьем, в ножнах, отделанных красным сукном, висела старая кривая сабля.

На ящиках справа стояла всевозможная посуда из красной и желтой меди и серебра. Справа, ближе к выходу, был длинный шкаф, на нем стояли разные ведра, ложки, поварежки, ковши и другие принадлежности кухни. Повыше шкафа стояла столешница для стряпни; остальные части стен были пусты. Верхний круг юрты покоился на четырех подставках—«баганах».

При входе в юрту их встретил лама, лет за тридцать, который быстро им разостлал перед ящиками слева почетные тюфячки для сидения, на которые и просил садиться прибывших.

Сразу же им подали чай и яства. После этого он только начал с ними обмениваться приветствиями. Это был ханский повар «Дзам»[5]).

Во время чаепития спутник Абмада сказал, что он пойдет теперь повидаться с ханом, старшими ламами, доложит им о их приезде и выяснит, когда они будут принимать Абмада. Посоветовал Абмаду раздеться, отдыхать и пить чай, а сам ушел.

Абмад поинтересовался у повара—дома ли хан в настоящее время? Повар сказал, что хана, кажется, нет дома.

В это время вошел снаружи чиновник. Обменявшись приветствиями с Абмадом, он сказал:

— Сегодня хан уехал к своему брату ламе, вернется только завтра, о чем меня и послали вам доложить. Просили вас здесь сегодня отдыхать и переночевать.

Абмаду пришлось ждать. Повар приготовил обед и угощал Абмада. В это время пришли двое лам, один из них был Зайсан[6]) местного монастыря.

Обменявшись приветствиями с Абмадом, они сказали:

---

1) Вероятнее—ханский домашний алтарь.

2) Джанцаны—высокие шесты, которые ставятся вокруг монастыря,—это воображаемая ограда территории монастыря. Наверху шестов, как и храмов, прикрепляются разные золоченые украшения—эмблема буддизма.

3) Глиномазными перевожу потому, что это такие постройки деревянные со стенами из тонких жердей, которые обмазываются с обеих сторон толстым слоем глины.

4) Кухни у монгольских князей являлись в то же время и приемными для гостей.

5) Дзам-повар князя—являлся в то же время как бы уполномоченным по приему гостей, исполняет обязанности завхоза, докладчика князю о прибывших гостях, словом, это были верные люди князя.

6) Зайсан—делегат от монастыря

— Посланы от монастыря старшими ламами вас приветствовать с благополучным прибытием, справиться о вашем здоровьи и сообщить вам, что завтра будет общее ламское собрание, на которое будут ожидать и вашего прибытия.

Окончив официальные разговоры, немного побеседовав на мелочные темы, ламы ушли.

После ухода лам Абмад вышел на двор подышать свежим воздухом. Освежившись, вернулся в юрту и вскоре лег спать.

X.

На следующий день перед полднем вернулся спутник Абмада, с которым он и отправился на ламское собрание. Двор, где было собрание, находился в западной части монастыря; при входе во двор слева стояла большая юрта с красной отделкой по краям крыши. Это был двор одного из монастырских казначейств «Джуд». В юрте справа впереди стояла красивая божница с бурханами. Прямо от входа, впереди, стояло три почетных мягких сидения—тюшильге, с мягкими спинками, покрытые красным шелком, затканным золотыми рисунками. На верхнем сидении был полный лама с цветущим лицом, сохранившим мелкие следы когда-то перенесенной оспы, одет он был в короткий бордовый халат из тибетского сукна, с рукавами без обшлагов, на ногах у него были надеты китайские плисовые сапоги. Это был «Молом-Да-лама»[1]). Пониже сидели, скученно перемешавшись, ламы и чиновники. С правой стороны сидело трое пожилых лам—это были монастырские доктора.

Войдя в юрту, Абмад со всеми важными лицами начал обмениваться обычными взаимными приветствиями. Окончив приветствия, он сел справа пониже трех докторов.

Подали чай и яства. Исполнив приличие чаепития, Абмад достал из-за пазухи письма и прочее и передал Да-ламе. Потом начал излагать суть монгольского народно-революционного движения в следующем порядке:

— Как известно, мы, северные внешние монголы, лет десять тому назад[2]), пользуясь моментом китайской революции, во времена свержения манчжурского императора и халхасские—Ханддадорджи, Церенчимид, Хайсон и князья, заручившись поддержкой русско-царского правительства, освободились от манчжуро-китайского ига, провозгласили независимым Монгольское государство, тем самым положили начало монгольскому возрождению. На Кяхтинском тройственном русско-китайско-монгольском совещании было подписано тройственное соглашение о предоставлении ограниченной автономии только Северной внешней Монголии. Таким образом, власть над Монголией получили монгольские князья. Получив власть, князья не занялись делом укрепления государства, возрождением народа, поднятием народного хозяйства, просвещением народа и распространением наук и знаний, а оказались более хищными, чем даже манчжуро-китайцы. При их хозяйничании налоги и всякие повинности неимоверно увеличились. Сами князья, вместо государственного строительства, занимались пьянством и развратом, частыми сменами жен, покупкой дорогих заграничных карет, породистых лошадей, собак, изящных ружей, наделали большие долги, которых не были в состоянии оплатить сами, а потому личные долги разлагали на аймаки и хошуны в порядке податей и тем самым разоряли монгольский народ. Все свои безобразия ложно прикрывали ссылками на указы Богдо-хана. Цепляясь за власть и личные выгоды в течение нескольких лет держали государственные дела в полном хаосе; содержание станций, поставку цериков и их содержание несправедливо наваливали на тот или иной аймак или шаби, вели сплошные интриги и ссоры, плыли по течению без всяких усилий строительства. Государственные доходы, главным образом, расхищали князья для себя под видом жалованья. Сделали внешние займы в несколько миллионов рублей, которые подвели нас к возможности частичной потери нашей территории внешнему капиталу за долги. Эта опасность еще не миновала до сих пор! Никто не думал о поднятии производительности, улучшении скотоводства, создании промышленности и общем укреплении народного хозяйства в целом. О приобретении опыта и знаний по управлению государством никто не думал. Все прикрывались пустым именем монгольского правительства! В результате полного развала, несколько изменников князей вместе с членом правительства Бадма-Дорджи ламой, вступили в соглашение с находящимся в Урге китайским сановником Чен-И Обманным путем, под предлогом охраны монгольских границ от нашествия русских красных большевиков, ввели в Монголию китайские войска. Внутри страны они князей тайно подкупали чинами и наградами. В это время прибыл в Ургу японофил китайский сановник Сюй-Ши-Чан, который вступил в соглашение с япон

1) Настоятель монастыря.
2) В 1911 году.

цем Мадацуем. Он нескольких монгольских сановников, составлявших правительство, подкупил, а выработанное Чен-И положение аннулировал. Ввел в Ургу дополнительно несколько тысяч китайских войск, захватив силой власть над Монголией. Монгольских князей и Богдо-хана принудил добровольно отказаться от автономии и присоединиться безоговорочно к Китаю и распустить монгольское правительство. Сюй-Ши-Чан учредил центральное управление по делам северо-западного края, т.-е. всей внешней Монголии. Бывших членов монгольского правительства за измену своему народу китайское правительство наградило чинами и деньгами больше, чем они имели от монгольского Богдо-хана Джибдун-Дамба. Подкупом монгольских князей он старался обмануть монгольский народ. Всюду вывесил об'явления с прекрасными словами:

О распространении и укреплении желтой веры,

Об увеличении народонаселения Монголии,

Об улучшении торговли,

О поднятии скотоводства и коневодства,

Об улучшении пород скота,

Об общем поднятии благосостояния края,

О создании доходного земледелия.

Для финансового закабаления Сюй-Ши-Чан образовал Краевой Монгольский банк, выпустил бумажные деньги с красным слоном, которыми и расплачивался с чиновниками и солдатами. Для создания основных фондов банка они решили продать внешнему капиталу разработку горных богатств, реального же у них ничего не было. В действительности повезли в Ургу целыми партиями китайских проституток, открыли притоны, куда искусно завлекали монголов и где развращали их, тем самым способствуя вырождению и ассимиляции монгольского народа. Всемонгольского учителя Богдо они арестовали и держали у себя в управлении. Воспретили совершать великие хуралы (молебствия) в Гандане[1]), сжигать Сор и Догджуры[2]), тем самым нанесли великие оскорбления желтой вере. Для просвещения монгольских чиновников и служилых людей открыли школу, в которой преподавали китайскую историю, язык и грамотность. Всех успевающих по китайской грамотности награждали всякими поощрениями. Все меры принимали к тому, чтобы вытеснить нашу национальную культуру и грамотность. О поднятии благосостояния страны и улучшении скотоводства вели бесконечные разговоры и собирали сведения, реального же абсолютно ничего не делалось. Открыли китайский театр с притонами и пьянством, который способствовал разврату князей. Всем им вскружили головы фальшивым блеском, развратом и деньгами.

XI.

- Сюй-Ши-Чан, будучи японофилом, являлся членом партии Ан-фу. Как только их партия оказалась оттесненной от власти, Сюй-Ши-Чан был вынужден бросить свое войско и чиновников, а сам бежать. Сообщники Сюй-Ши-Чана, монгольские сановники, остались с пустыми руками. Попробовали обратиться за помощью к японцам, рассчитывали получить выгоду, чины и поддержку, но из этого у них ничего не вышло. Некоторые из них пробовали вести переговоры с новым правительством в Пекине, на основе выработанного положения Чен-И. Но Пекин не обращал на них внимания, основываясь на том, что монголы сами добровольно отказались от автономии и присоединились к Китаю. Потеряв голову, поняв свои ошибки, князья не знали, что делать. В это время из глубин угнетенного народа вышли новые герои, настоящие борцы за национальное самосохранение монгольского народа, начали невиданную до тех пор для Монголии великую борьбу. Основали они ядро народно-революционной партии, это были: Сю... Бо... Да... Че... Ло...[3]) и др. несколько человек, которые на тайном совещании решили обратиться к общемонгольскому учителю Богдо-Гегену. Они изложили ему свои планы, которые он одобрил. Не боясь арестов, потерь, голода и холода и прочих лишений, эти герои тайно отправились в Советскую Россию. Там они просили о помощи от имени монгольского трудового народа, рассказывали о его многовековом угнетении чужеземцами и безвыходном положении. Тогда, выслушав их просьбы, им ответили:

---

1) Главная часть монастыря в Урге.

2) Сор, Догджур—называются разные фигуры, приготовляемые ламами для богуслужений из жареной муки для вовлечения в них разных злых духов, болезней, несчастий и т. д., которые по окончании молебствий торжественно сжигаются на кострах.

3) 1—Сюху-Батор, 2—Бодо, 3—Данзан, 4—Чейбалсан, 5—Лосоя.

«Советское государство—друг и защитник всех угнетенных малых народов! Поможет оно и монгольскому народу отстоять его независимость и образовать желанное просвещенное правительство».

На основе этих положений, получив поддержку, представители народа и народно-революционной партии, чрезвычайно воодушевленные, возвратились обратно. Но в это время появился другой японофил. Белобандит барон Унгерн с шайкой головорезов перешел монгольскую границу. К нему присоединились легкомысленные люди, вроде Цевен-Тергуна, Токтхо-Тайджи и др. После двукратных наступлений Унгерн занял Ургу, изгнал китайцев, возвел вновь Богдо-Гегена на престол и восстановил автономию. После занятия Урги издал суровые приказы по аймакам и шаби, угрожая всем неподчиняющимся, независимо от возраста и пола, смертной казнью. Об'явил всеобщую мобилизацию для военного похода в Советскую Россию. Таким образом беззащитный монгольский народ оказался между двух стихий—между огнем с запада и водой с востока. В этом безвыходном положении к нему на помощь пришли его славные защитники: Сю...., Бо..... и др. Этой весной они, образовав революционный отряд, силой оружия очистили от китайцев пограничный город Кяхтинский Маймачен[1])—ключ к Монголии. Провели мобилизацию и начали решительную борьбу с кровожадным бароном Унгерном и др. иностранными и внутренними насильниками, оказавшимися на территории Монголии. В силу такого решения послали и нас, несколько человек, в ваш край к вам, дербетам, изложить цели, организовать борьбу общими с вами силами, с учетом местного положения.

По окончании исчерпывающего изложения Молом-Да-лама сказал:

— Нас, дербетов, хотя и мало, и богатства наши скудны, но, по мере сил наших, полагаю, мы должны принять горячее участие в этом общемонгольском деле, насколько наших сил хватит. Тем не менее, прежде чем что-нибудь решать, нужно доложить хану, ознакомить весь народ и иметь общенародное решение. Все это ясно, но нам важно получить следующие раз'яснения. Народно-революционное правительство и партия ставят своей целью: освобождение народа от угнетателей и насильников, изгнание внешних и внутренних врагов, возрождение страны. Все это—понятные нам общемонгольские дела. Но одно нам непонятно—это посылка письма Дамби-Джанцану с поручением ему водворить порядок на нашей окраине, произвести мобилизацию. Как известно, Дамба-Джанцан был угнетателем и мучителем дербетских князей, лам и народа?

Абмад ответил:

— Так случилось потому, что правительство его считало революционером, который себя показывал всегда другом и защитником угнетенного монгольского народа. О тех деяниях, о которых вы говорите, не было известно, поэтому только и получилось такое недоразумение. По приезде сюда мы услышали многое и собрали сведения о деяниях Дамби-Джанцана, послали доклады правительству и партии. Безусловно должны быть соответствующие изменения, о чем мы и ожидаем указаний.

Выслушав раз'яснения Абмада, Да-лама сказал, что он пойдет к хану доложить ему о слышанном, а Абмаду он предложил вернуться туда, где он остановился, и ожидать там, что Абмад и сделал.

В тот же день, около полудня, Абмада пригласили к хану. Отправился он вместе с присланным от хана человеком.

Во дворе хана стояла небольшая глиномазная постройка, от входа слева, в передней части двора, при входе в домик, он увидел налево от входа за столиком с обеих сторон сидящих хана и его жену. Хану на вид было лет пятьдесят и был он полный. Одет он был в синий чесучевой халат. Навалившись на стол, он курил табак из трубки с мундштуком зеленого нефрита.

Рядом с ним сидела старшая жена, справа стоял длинный красный столик с присланными за ним тюфячками.

Около дверей стоял Кхя[2]), который на те или иные слова или замечания хана или жены попусту суетился и отвечал коротко «джя»—слушаюсь, беспрестанно поднимал правую руку к лбу в знак глубокого почтения и все время приседал на колени, делая поклоны. Такой обычай сохранился только в непросвещенной Северо-Западной Монголии.

Рядом с домиком хана работало много плотников, которые строили новое зданьице.

По окончании взаимного обмена приветствиями хан Абмада пригласил садиться направо на приготовленные тюфячки за красным столом. Сразу же подали чай и яства.

1) Смежная с Кяхтой монгольская сторона.
2) Кхя—ад'ютант князя, который исполняет всякие мелкие поручения, дежурит при князе.

Жена хана вскоре вышла наружу. Хан начал расспрашивать Абмада о дорожных впечатлениях и новостях. После довольно длинных отвлеченных разговоров хан сказал, что он не касается служебных дел, потому что ему подробно доложил Молом-Да-лама.

Абмад сказал:

— Если вам все доложили, и вы считаете ненужной повторную беседу, то для меня весьма важно получить ответы на затронутые вопросы и услышать мнение хана.

Хан ответил, что дать исчерпывающие ответы весьма затрудняется, дело это весьма ответственное, кроме того, хотя он и владетельный хан, но важные хошунные дела один он решать не может.

— По этим причинам, почтенный чиновник, е ли бы вы пробыли здесь пять шесть дней, то я бы послал за правителем хошуна Цевен-Гуном и старшими чиновниками, и, совместно с ними обсудив, мы могли бы дать вам ответ. Что бы вы сказали?

Абмад ответил:

— Поскольку я приехал к вам, то буду ждать ответа несколько дней.

Дав согласие ожидать, он спросил хана:

— Скажите, хан, откровенно ваше личное мнение о нашем деле.

Хан ответил, что думает—это дело чрезвычайно важное и полезное для всего народа и государства.

— Этому великому делу я лично чрезвычайно сочувствую и верю в него, по мере сил и своего слабого ума, всячески буду содействовать великому начинанию,—сказал он.

Абмад еще спросил хана:

— Почтенный, хан, вы говорили о вызове Цевен-Гуна, я слышал, что он ваш брат, правда ли это?

— Мы, хотя и дети одного отца, но матери у нас разные. Я один, а их несколько братьев.

О дальнейшем казалось, что ему рассказывать не хотелось. Заметив это, Абмад больше не спрашивал. Хан спросил:

— Почтенный человек, вы только что приехали из России, рассказывайте про тамошние новости.

Абмад рассказывал о великой русской революции, о программе народно революционной партии. Так пробеседовали до вечера, потом Абмад ушел к себе.

После беседы, на шестой день, около трех часов, Абмада пригласили к хану. Во дворе хана стояла маленькая юрта, в которую и зашел Абмад.

В передней части юрты был настлан высокий пол, наподобие нар, который был застлан войлоками и тюфячками, посередине стоял стол, по левую сторону столика сидел Далай-хан, рядом с ним сидел Цевен-Гун, которому на вид было немного больше тридцати лет. Он был высокого роста, полнолицый с цветущим лицом, красивый мужчина, одет был в шелковую шубу, на голове был торцок. По правую сторону стола сидели Молом-Да-лама и Дзайсан-лама. Пониже нар слева на полу сидели хошунные чиновники Закиракчи и Дзалан.

Абмад, обменявшись со всеми взаимными приветствиями, сел рядом с Зайсаном в конце стола.

Подали чай и яства, вели малосодержательную беседу; потом Да-лама обратился к Абмаду с просьбой повторить кратко то, что он тогда говорил на собрании.

Абмад вновь изложил всю суть дела и прибавил свою просьбу, чтобы ему дали ответ. Он уверен, что дербеты, безусловно, поддержат это важное общенародное дело.

Окончив изложение, он наблюдал, ожидая ответа.

XII.

— В ваших бумагах говорится о всеобщей мобилизации как светских простолюдинов, так и лам, без всяких пояснений. Надеемся, что вы нам раз'ясните? сказал Молом-Да-лама.

— В мобилизационных правилах, если и говорится о всеобщей мобилизации лам и простолюдинов, то здесь не подразумеваются те ламы, которые постоянно живут в монастырях, несут служебные и религиозные обязанности, состоят в списках штатных лам. Вопрос касается только тех лам, которые носят пустое звание лам, а живут в степи с семьями обычной кочевой жизнью.

Соглашаясь с раз'яснением Абмада, Цевен-Гун задает следующий вопрос:

— Кто должен снабжать мобилизованные войска оружием, продовольствием, лошадьми и вообще средствами передвижения?

Абмад ответил:

— Оружие у нас имеется, но оно еще не получено, должны получить его на-днях. Продовольствие и лошадей придется пока взять у населения в порядке

налогов, а потом уже можно будет говорить о принятии на общегосударственный счет.

Цевен-Гун говорит:

— Дербетов немного, богатства и скота у них мало, при том раскладку податей может делать только председатель аймачного сейма. Мы, будучи только правителями хошуна, не имеем права производить самочинных налогов.

— Почтенный Гун!—сказал Абмад,—вы, очевидно, относитесь не с полным доверием к тем официальным документам, которые мною вам представлены? Вы правы, что всякие налоги должны распределяться в соответствующем порядке, но, поскольку, в настоящий исключительный момент, защита страны и освобождение народа от иностранных насильников требует решительных мер, в таких случаях следует действовать решительно и самостоятельно, согласовывать и договариваться можно позднее. Одно прошу почтенного Гуна—дать поскорее ясный и решительный ответ, чтобы мне, незначительному человеку, можно было бы спешно вернуться обратно.

Цевен-Гун возразил Абмаду:

— Таким, как мы, людям в малых чинах, не доверять официальным бумагам правительства и им присланным сановникам и не подчиняться—нельзя. Мы желаем только уяснить и избегнуть ответственности и недоразумения в будущем. Других мыслей у нас нет.

— Какое количество цериков вы полагаете нужно собрать с Дзюнь-аймака?[1]).

Абмад ответил:

— Я не могу знать. Вы, почтенные, сами знаете, сколько у вас в хошуне народу. Какое количество вы считали бы возможным мобилизовать?

Цевен-Гун говорит, что у них в Дзюнь-аймаке мужчин мало, высказывает свое мнение, что человек триста собрать можно. Спрашивает мнение Абмада. Тот говорит:

— Такое дело я один решать не могу, а потому не могу сказать, достаточно ли будет трехсот человек. Вернувшись к товарищам, обсудив совместно, мы могли бы вам сообщить, если вы на это будете согласны.

Все между собой начали совещаться. Абмад предлагает послать с ним их представителей, которые были бы полезны для решения всех спешных дел на месте.

— Присутствие при нас представителей местного аймака вообще было бы очень полезно. Каково будет на это ваше мнение?—закончил Абмад.

Цевен-Гун говорит, что у них в хошуне толковых грамотеев мало, все они народ темный—степняки, едва ли смогут принимать участие в больших делах.

— Но все-таки из присутствующих мы согласны послать делегатами Дзакиракчи и Дзалана, если вы не будете возражать против них.

Абмад ответил:

— Кого вы будете посылать—это ваше дело. Он со своей стороны ничего не может сказать.

В дальнейшем Абмад договорился о выдаче грамоты на установление постоянной беспрепятственной связи с ними внутри хошуна и необходимых проездов, потом довольно долго еще беседовали на разные темы и разошлись на ночлег довольно поздно.

Назавтра утром Абмад с Дзакиракчей и Дзаланом вместе поехали той же дорогой обратно, которой приехал Абмад. В сумерках только они приехали в долину Беко-Морина. В юртах местных кочевников-дербет они и переночевали

Вечером в беседе местные дербеты толковали между собой о том, что белый отряд из Кобдо, человек в пятьсот, сегодня-завтра должен притти сюда, на Беко-Морин.

Услышав эти разговоры, Абмад начал расспрашивать подробнее у своих спутников Дзакиракчи и Дзалана, которые отвечали, что также ничего толком не знают, но высказали мнение, что заранее нужно быть настороже, и предложили ему завтра утром раньше выехать спешно к товарищам с одним проводником для сообщения этих сведений и принятия соответствующих мер. Они же останутся здесь выяснять дальнейшее. Абмаду ничего не оставалось, как согласиться.

Переночевав, на утро с проводником вдвоем они поскакали прямо по наикратчайшему направлению. После полдня они уже были в тех юртах, около г. Ямата*), где Абмад ночевал во время переднего пути. Сменив лошадей, они поскакали дальше, к вечеру они были уже у красного дома Тошантинской заставы.

---

1) В Кобдосском округе было два аймака дербетов, которые назывались: 1—Барон-аймак Дзорикту хана и 2—Дзюнь-аймак Далай-хана; в Дзюнь-аймак входили хошун Далай-хана, 10 байтских хошунов и один маленький хошун Дзасака, совместно кочующий с далай-хановцами, всего в аймаке было 12 хошунов.

2) На . Хату—около перевала Хая Магнай.

Здесь они увидали оживление и играющих русских солдат. Абмад спросил у своего спутника:

— Что это?

Он ему пояснил, что это солдаты Хас-батора, прибывшие несколько дней тому назад из Кош-Агача.

Узнав это, Абмад преисполнился несказанной радостью, лихо понесся к лагерю, подскакал к юрте Хас-батора. Увидев несущегося товарища, Хас-батор вышел к нему навстречу.

XIII.

Хас-батор с Абмадом, войдя в юрту, обменивались радостными приветствиями. В это время снаружи вошли Нацак, Адна и с ними двое русских чиновников. Абмад со всеми ими обменивался взаимными приветствиями, спрашивал их, почему так долго задерживались они в дороге. Церенов говорил, что, наоборот, они очень быстро приехали.

Все расположились в юрте на сидения. Лицо Церенова было какое-то квадратное, с высоким носом, окаймленное светло-русой окладистой бородкой, глаза были светлые, круглые, с густыми бровями. Вся фигура его среднего роста производила благоприятное успокаивающее впечатление уравновешенного человека. Одет он был плохо.

Второй был сухой, с узким морщинистым лицом, с высоким, острым орлиным носом. Борода и щеки у него были выбриты, оставлены только усы. Серые глаза его смотрели куда-то вдаль, заметен был его щепетильный характер. Все время он старался быть подальше от монгол, очевидно, боялся от них запачкаться. На вид ему было более сорока лет. Это был Байкалов—военный инструктор отряда. Церенов при нем был заведывающим канцелярией.

Абмад, окончив свой рассказ о поездке, стал расспрашивать у них, когда прибывает оружие и т. д. Нацак сказал, что, если судить по последней телеграмме, только что полученной из Кош-Агача, то оружие в дороге находится месяц, а где именно находится в дороге—все справки остаются безрезультатными. К тому же, будто бы, на Алтае, на Белом Боме, появились банды белых, и если это правда, то получить оружие будет весьма трудно.

— Если так случится, то чем же мы будем вооружать дербетских цериков?

Нацак говорит, что, по его мнению, можно позаимствовать из имеющегося в Кош-Агаче излишнего оружия, которое можно будет возместить из полученного потом оружия.

Байкалов говорит:

— Это сделать можно, но вот смущает другое—это появление в тылу белых. В Кош-Агаче у нас имеется военное обмундирование, оружие, мука, сухари и другое продовольствие, оставить все это в Кош-Агаче и самим уходить в глубь Монголии будет опасно. Полагаю, что нам надо здесь задержаться на несколько дней, выяснить действительное положение о белых. Уйдя, не выяснив, в Монголию, мы будем слишком оторваны отовсюду. Для нас могут быть разные положения. Необходимо информировать о ходе дел и согласовывать наши действия. О настоящем положении надо донести и запросить указаний, если подтвердят наше продвижение в Монголию, то мы спокойно пойдем.

Хас-батор, соглашаясь с Байкаловым, сказал:

— Абмад нам говорил, что распространены слухи о белых, идущих из Кобдо. Если это окажется правдой, то мы с полусотней сможем ли сражаться с ними. А добровольцев мы не можем снабдить ни одним ружьем. Мы дербетам обещали дать сколько угодно оружия, а на самом деле до сих пор не можем вооружить и двадцати добровольцев. Что же о нас будут говорить дербеты? Могут на этой почве возникнуть недоразумения.

Абмад справился, откуда у них добровольцы. Хас-батор раз'яснил:

— Я ездил к окрестному населению, раз'яснял им наши задачи и цели. Пограничные чиновники и население устроили местное собрание и постановили образовать добровольную дружину для совместной с нами борьбы. Наши знакомцы—Дугур и Токтохо—теперь начальники этой дружины. Если мы исполним свои обещания, дадим ом оружие, то можем набрать еще добровольцев человек сто. Если же мы не сможем дать им оружия, то они будут думать, что мы им не доверяем. Нам необходимо учесть это положение, обещанное оружие дать как можно скорее. Если, действительно, в Кош-Агаче из лишнего оружия можно позаимствовать, то надо это сделать спешно.

Обсудив положение, решили, что завтра утром Нацак, Адна и Церенов поедут в Кош-Агач за оружием.

Привезенным оружием постановили снабдить дербетских добровольцев. Выбрать из них несколько человек, хорошо знающих дороги, прикомандировать их к двадцати отборным красноармейцам и выслать разведку на Беко-Морин.

По окончании совещания подали им ужин. После ужина они вели текущие незначительные беседы на разные темы до поздней ночи, а потом разошлись на покой.

XIV.

На шестой день после принятого решения виднелись у красного дома выстроившиеся человек тридцать русско-монгольских всадников, к которым Хас-батор с Абмадом вышли из юрты вместе с Хардзахата. Проводив Хардзахата, они подошли к всадникам, которым наказывали в дороге быть осторожными. Не доезжая Беко-Морин, их встретит Хардзахата. Приезда его им необходимо дождаться, он им должен доставить все подробные сведения о положении дела и, в зависимости от его сообщений, надо решить на месте, как поступать дальше. Выслушав приказания, командиры дали сигнал к походу.

Вскоре после отправки раз'езда в догонку за ними выехали Церенов и Адна. В течение дня к сумеркам они дошли к южному подножью перевала Дербет-Дава Там они и расположились ждать Хардзахата. Назавтра пришлось им дневать, ожидая Хардзахата. Наконец, Хардзахата приехал и сообщил, что на Беко-Морине, в скалах Башенту, на фактории Бурдукова есть только тридцать человек белых солдат, вооруженных пулеметом, с достаточным количеством патронов Больше нигде поблизости белых нет.

Получив эти сведения, Церенов и Адна распустили ложный слух среди местного населения о том, что они будут возвращаться обратно в красный дом.

На самом же деле ночью, в час зайца[1]), они тайно выехали на Беко-Морин. Под'ехав к подножью скал Башенту, они разделили свой отряд на три части; одной частью командовал Церенов; он расположился у западной стороны скал. Адна с своей частью занял подножие юго-восточных скал. Северо-восточную сторону заняла третья часть, возглавляемая старшиной. Подойдя со всех сторон к фактории на расстоянии двухсот шагов, все они начали ложно громко командовать, отдавая приказы строиться разным частям, занимать выходы, идти в атаку. В то же время открыли пулеметный огонь из Шош, и они кинулись с криками «ура» на факторию в атаку.

У белых не было часовых, они все спали. Захваченные врасплох, поскакав с постелей, они не знали, что делать, бегали в беспорядке полураздетые, с оружием и без оружия. Наконец, кинулись бежать вправо к юго-востоку, но Адна с своей частью из-за скал их встретил залпами; растерявшиеся белые отступили обратно. Вскоре они начали разбегаться врассыпную. Увидав бегство белых, Церенов и Адна, соединив все части, вместе пошли на факторию, сомкнутым кольцом. В помещении раздавались какие-то крики, которые вскоре стихли. Вышло четыре человека—в это время уже стало светло.

Во дворе фактории, в доме, складах и окрестных скалах—все было осмотрено, но нигде не было найдено ни одного белого.

Церенов и Адна были удивлены, куда могли деться так быстро белые. Старшина рассказывал, что он, гоняясь за белыми, ездил всюду по харганам, был и на берегу р. Беко-Морин, никого не нашел, но увидел в реке какую-то кучу. Когда под'ехали и посмотрели, то это оказались утонувшие белые, всего в реке обнаружили семь человек. Церенов решил, что это утонувшие из разбежавшихся белых.

После этого они вошли в факторию, где встретили нескольких женщин с ребятами[2]).

Брошенные белыми оружие, имущество, лошадей они собрали и сдали солдатам. Сами с отрядом поехали на факторию Козловского; оцепив двор, они послали во внутрь одного из задержанных. Там также оказалось несколько русских женщин с детьми, которые и вышли к ним навстречу.

Осмотрев тщательно факторию и не найдя белых, они здесь сделали привал и стали готовить обед, выстроив по сторонам дозор.

Церенов и Адна занялись расспросами женщин, которые рассказали, что белые прислали сюда пулемет и патроны месяц тому назад. Все белые, по их словам, находятся до сих пор в г. Кобдо. Больше они ничего рассказать не могут. Тогда Церенов их спросил:

— Что здесь делают женщины с ребятами?

Старая из них сказала:

— Все мы—местные колонистки с ребятами, только одна-две из нас—жены белых офицеров.

---

1) Час зайца—от 5 до 7 часов утра.

2) Здесь же была захваченная белыми и жена с детьми т. Никитина.

После этого, дали распоряжение двух женщин—жен офицеров—взять под стражу и допросить. Но в это время снаружи раздался выстрел. Все повскакали, схватились за оружие, приготовились к защите. Пришел один из часовых и доложил, что около соседнего часового из кустов каргана показался внезапно русский солдат, в которого, не распознав, часовой выстрелил. Подойдя к убитому, он узнал своего товарища Шадарал. Все пошли посмотреть, не жив ли он, но товарищ был уже мертв.

Этот несчастный случай сильно омрачил радость успеха. Выкопали спешно товарищу могилу, совершили революционные похороны, сказали надгробные речи.

Вернулись на двор, собрав оставленное белыми имущество. Вскоре двинулись в обратный путь к красному дому в Тошенту.

XV.

На третий день после Беко-Моринского боя с военным курьером из Кош-Агача они получили неприятную телеграмму, в которой сообщалось о появлении белых на Алтае, около Белого Бома. По Чуйскому тракту белые разрушили телеграфную линию, прервали связь.

На общем собрании, при обсуждении создавшегося положения, мнения разделились на-двое: Хас-батор, Нацак, Абмад, Церенов настаивали уйти со всеми имеющимися красноармейцами в Далай-хановский хошун, там произвести дополнительную мобилизацию дербет и осуществлять намеченные задачи.

Байкалов и комендант Кош-Агача Цопин говорили, что Кош-Агач оставить беззащитным нельзя, так как имеются запасы продовольствия, обмундирования и оружия. Захват Кош-Агача белыми принес бы большой ущерб. Разойдясь в мнениях, решили среднее: Хас-батор с монгольскими цериками и двадцатью отборными красноармейцами пойдут в Далай-хановский хошун. Байкалов с остальными красноармейцами останется в красном доме выжидать дальнейших событий.

Только теперь приехали далай-хановские чиновники, оставшиеся от Абмада на Беко-Морине собрать сведения.

После обмена приветствиями и чаепития, Абмад стал спрашивать прибывших, почему они так долго ехали? Они рассказывали, что, проводив Абмада, переехали к своему же хошунцу Тахай-Дзалану, оттуда послали человека разведать о белых. Посланный ездил несколько дней, когда он вернулся, и они собрались ехать, то услыхали, что от красного дома идет на Беко-Морин отряд; тогда они решили ждать отряд на Беко-Морин, но вот третьего дня отряд пришел, разбил белых и ушел обратно. Вот они и поехали сюда.

Слушая их рассказы, Хас-батор и другие, хотя и были возмущены их поведением, но, учитывая, что все уже прошло, и они приехали по другому делу (мобилизации), им ничего не сказали, а стали с ними договариваться о мобилизации трехсот цериков со снаряжением с Дзюнь-аймака дербетов.

В беседе Хас-батор прибывшим сказал, что он собирается поехать к Далай-хану для личного знакомства. Окончив переговоры о мобилизации, приехавшие вместе с Дагдан-Дзакиракче выехали в тот же день обратно.

Через два дня после их от'езда Хас-батор, Адна, Нацак, Церенов, в сопровождении двадцати отборных красноармейцев и монгольских цериков, выехали в сторону Далай-хановского монастыря.

Весь путь проехали спокойно. По ту сторону Беко-Морина, на северных склонах Гурбо-Хаерхан в логу у подножья западной горы, на берегу р. Ямату, находился малый монастырь Далай-хана, перекочевавший сюда с Беко-Морина, от Башентинских скал. Сюда отряд дошел на третий день к вечеру.

Этот монастырь ежегодно кочует на лето в горы, потому что в Беко-Моринской долине летом бывает невероятное количество комаров, мошек и оводов; все живое убирается на лето в соседние горы и возвращается осенью.

Из большого Далай-хановского монастыря сюда были присланы встречные делегаты. Повидавшись с Хас-батором, передав ему приветствия и хадаки, справившись о том, когда они предполагают быть в большом монастыре, и услыхав от Хас-батора, что они думают доехать на следующий день, посланцы спешно ускакали обратно с извещениями.

На следующее утро Хас-батор, Церенов, Нацак и Адна с двумя десятками красноармейцев и цериков выехали к Далай-хану.

Адна и Намсарай остались с остальными красноармейцами и цериками здесь в малом монастыре.

Действительное имя Намсарая было Никитин, его привез Байкалов из Кош-Агача в качестве переводчика. Потом назначили его командиром монгольских цериков, как человека, хорошо знающего местный язык и нравы.

Хас-батор ехал той же дорогой, которой ехал и Абмад. Около р. Тюргун-Гол, не особенно далеко от монастыря, им была устроена торжественная встреча.

Выехали навстречу сами Далай-хан, Цевен-Гун, Молом-Да-лама со свитой чиновников и лам. Все были одеты в официальные одежды и шапки.

Взаимно обменявшись торжественными почестями и приветствиями манчжуро-монгольского церемониала, все двинулись совместно в монастырь, по дороге вели ознакомительные, малосодержательные разговоры.

Проехали к Далай-хану во внутренний двор; им предоставили новый домик.

В честь их приезда и первого знакомства был приготовлен специальный стол для пиршества, за который их и пригласили.

Начался обильный обед и выпивка; беспрестанно пили за радостную встречу и знакомство, в результате все изрядно захмелели. Во время пиршества Хас-батор не забывал про свои дела, которые в разговорах неустанно раз'яснял.

Пир затянулся до поздней ночи, и только в час зайца закончился он.

XVI.

На следующий день утром на собрании по обсуждению разных дел Цевен-Гун высказал следующее пожелание:

— Рядом с нами находится второй аймак дербетов Унюнь-Дзорикту-хана, хорошо бы было, если бы из вас кто-нибудь туда с'ездил и раз'яснил им подробно всю суть дела, выяснил их настроения и намерения. Нам крайне важно установить единство действий. Если из вас кто-нибудь пожелает ехать, то и мы послали бы с вами своего надежного человека с соответствующим дружеским письмом.

Первым из всех вызвался Адна. Хас-батор, обсудив совместно с присутствующими, решил послать Адну.

В тот же день Адна в сопровождении ламы поскакал к Дзорикту-хану, а Хас-батор с товарищами поехали обратно. Цевен-Гун, Молом-Да-лама с небольшой свитой поехали проводить гостей до Малого монастыря—туда, где остались Абмад с Намсараем.

Абмад с Намсараем для встречи гостей выстроили почетный караул с развернутыми знаменами. Цевен-Гун с спутниками почтительно привесили к знаменам хадаки, отдавая соответствующие почести.

Потом прошли в юрту Абмада и Намсарая. Обменявшись с ними взаимными приветствиями, Цевен-Гун поднес им в знак дружбы подарки—хадаки и по шкурке лисицы.

Приехавших угощали мясом и чаем. Потом все отправились к Хас-батору, который жил у лам в монастыре.

Все гости переночевали и только на следующий день вернулись домой.

Через несколько дней под вечер прискакал и Адна. Обменявшись с товарищами приветствиями, он сразу же начал рассказывать о поездке. Говорил, что вначале к ним Дзорикту-хан отнесся с недоверием, потом, когда в беседе убедился в их цели приезда, сказал, что его брат харлак[1]) Айурдзан-Бейсе находится правителем округа в г. Кобдо, который через несколько дней надеется получить отпуск по болезни и вернуться сюда в свои кочевья. По его приезде, обсудив вопрос совместно, они и дадут решительный ответ.

Вместе с Адна приехал и чиновник от Дзорикту-хана передать приветственные хадаки Хас-батору с товарищам.

Вскоре приехали монголы, привезшие двух русских. На обратном пути Адна на дороге встретил двух русских, которых и задержал. При встрече они сказали Адна, что они торговцы и живут в Улангоме. Больше он их не расспрашивал.

Подробными допросами задержанных русских занялись Церенов и Нацак. Задержанные рассказали, что их этой весной мобилизовал атаман Казанцев. Теперь они ездили домой к семьям в Улангом в отпуск и возвращались обратно. По дороге они встретились с Адна, который и задержал их.

Дальше они рассказывали, что в Улясутае находится русский отряд атамана Казанцева и монгольский отряд в несколько сот человек под командой Хатан-Батор-Вана.

В г. Кобдо стоит Кайгородов с 300-ми человек и приготовляется итти на Кош-Агач. Казанцев с отрядом предполагал итти на Урянхай. Какие теперь решения принимаются—они не знают.

Об отряде Кайгородова они говорили, что вооружение у них—одна пушка, два пулемета Максима и один пулемет Шош. Начальник штаба Кайгородова Сокольницкий ездил в Ургу за снарядами для пушки, но привезенные 300 снарядов оказались негодными, так что пушка не опасна. Все показания они давали охотно. Записав их показания, послали со сведениями курьера к Байкалову, а задержанных пока сдали под охрану.

В один из следующих дней приехал к ним с донесениями и письмом проживающий около оз. Ачит-Нур Дзорокту-Хановский Цаган-Нохой-Дзанги, кото

1) Так называют бывших лам «расстриг», вернувшихся в мирскую жизнь.

рый сообщил, что с северной стороны озера Ачит-Нур в м. Усун-Хола[1]) из Кобдо пришла 3 сотня белых, в которой действительно есть около ста человек. Отсюда сотня должна разделиться надвое.

Приехавший был одет в официальную курму и шапку[2]). Соблюдая старые церемонии, с низкими поклонами, он подал письмо, положенное сверх хадака, Абмаду. Письмо было от правителя округа из г. Кобдо, который писал, что получил на-днях секретное письмо от улясутайского сановника Хатон-Батор-Вана, который Аюрдзану предлагал скорее уехать из Кобдо в кочевья. Аюрдзан получил временный отпуск по болезни от белых и выехал в отпуск, но теперь белые, очевидно, заподозрев, будто бы послали за ним погоню, и теперь он просит защиты.

Выслав из юрты посторонних, пригласили Хас-батора и ознакомили его с письмом. Абмад говорил:

— С каждым днем события развертываются в их пользу и, очевидно, в Урге есть успехи. Поскольку Хатан-Батор прислал секретное письмо о выезде Аюрдзана из Кобдо, следовательно, у него уже есть общая связь, согласованы действия с нашими, значит, и нам необходимо во что бы то ни стало увязаться с ними и приступить энергично к действиям.

Нацак с ним вполне соглашался. В это время Хас-батор сказал:

— Тут особенно торопиться не надо, а вот в первую очередь надо спешно ликвидировать пришедшую в Усун-Хола белую сотню, а как действовать—давайте решать.

Договорились выступить в тот же вечер. Начались спешные приготовления.

XVII.

На отборных лошадях, хорошо вооруженный, в сопровождении местных проводников, в сумерках, вышел отряд во главе с Цереновым, Абмадом, Адна и Намсараем. Нацак поехал со сведениями к Байкалову; Хас-батор с резервом остался в монастыре.

Около озера Ачит-Нур захватил их дождь. Была страшная темень, отряд впотьмах рассыпался, искали друг друга перекличкой, сзывали выстрелами. Пришлось остановиться и сделать перекличку—оказались все в сборе. В дальнейшем ехали тихо вместе. Под ногами лошадей было много грязи, а сверху продолжал лить дождь. Люди и лошади переутомились, пришлось остановиться на ночлег около близлежащей горки.

На утро они осмотрели окрестности и вскоре увидели внизу невдалеке несколько юрт. Вперед выслали двух монгол, а вскоре за ними двинулся и весь отряд к юртам, где и остановились для приготовления обеда и чаепития.

В юртах они расспрашивали о белых, где они стоят. Оказалось, что до них верст восемь, не больше.

Посовещавшись между собой, Церенов, Намсарай, Абмад решили в два часа ночи выйти отсюда в наступление. Не показывая вида о своем решении местным жителям, они отдали своим секретное распоряжение приготовиться. Нужен был хороший отдых. Выставив дозоры, они все легли спать; только вечером начали вставать, пить чай и готовить ужин. Из юрты взяли местных проводников, в два часа выехали в восточном направлении. Проехали несколько песчаных увальчиков, перевалили каменистые горки. Проездив так ночь, сделав, вместо 8 верст, не менее 20-30, при рассвете обнаружили, что еще было далеко. На дальних горах появились первые лучи солнца. В это время они поднялись на следующий перевальчик, откуда и увидали обширную котловину м. Усун-Хола.

Сколько бы они ни напрягали своего зрения, чтобы обнаружить белых, но все их старания были безуспешны.

Удивленные, они обозревали горизонт, в это время в долине к западу в левом углу впереди, поперек пересекающей дороги появились струйки дыма, по которому они и определили, что это—лагерь белых.

Обнаружив белых, все сошли с лошадей. Приготовляясь к атаке, отряд разделили надвое. Построившись рассыпным строем, на расстоянии более десяти шагов друг от друга, все двинулись по направлению к дыму. Передняя часть шла северной стороной долины; подойдя к пересекающей долину дороге, она залегла в густых зарослях «дересуна» и др. растительности. Вторая часть заняла правую сторону, закрывая путь к отступлению,—здесь выставили пулеметы. Приготовившись к атаке, они выслали несколько человек вперед к невдалеке пасущимся лошадям белых, чтобы их угнать. Заметив их, белые кинулись к лошадям, некоторые начали по ним стрелять. В это время Намсараевская часть открыла по белым пулеметный огонь—у белых сразу получилась паника. В это же время 2 часть, лежав-

1) Исток из Ачит-Нур в р. Кобдо.

2) На шапке должен быть соответствующего цвета шарик курма, широкая кофта, преимущественно синяя, одевается сверх халата или шубы.

шая у дороги, открыла по ним сильный огонь с другой стороны. Под этим натиском пешие и конные белые кинулись к востоку. Организованная за ними погоня оказалась безрезультатной, убили только одного, а поймать никого не удалось. В лагере белых осталось четыре палатки, с припасами муки, крупы, оружия и одежды; валялись разбросанные узды, седла и т. д.

За исключением палаток и продовольствия, все оставшееся Намсарай распределил между красноармейцами и цериками. Письменных документов захватить не удалось.

Собрав все трофеи в кучу и завьючив, они собирались возвращаться. В это время к ним под'ехал местный монгол, который сообщил, что у него в юрте пьянствуют заехавшие пять белых, которые собираются ехать сюда в лагерь. Адна спросил:

— Знают ли они что-нибудь о случившемся?

Приехавший сказал, что, судя по их поведению, они ничего не подозревают.

Выслушав сведения, выбрали из отряда пять лучших стрелков, выслали их на дорогу в засаду; остальные рассыпались широким кольцом на случай их бегства. Ждать долго не пришлось, вскоре появились по дороге пять всадников, в белых папахах. Как только они поровнялись с засадой, раздался залп;—три всадника свалились с лошадей, а двое повернули в сторону восточных гор. Тут их встретила цепь. Один из них сошел с коня, бросил оружие и поднял руки кверху, второй же понесся в горы насколько мог бежать конь. За ним вдогонку кинулось несколько красноармейцев.

XVIII.

Из взятых четырех белых только один был с двумя ранами, а трое здоровы; их отдали под стражу.

Все было готово к от'езду, ждали только ускакавшую погоню за пятым. Вскоре привели и пятого; он оказался военачальником, потому он так и удирал. Вскоре отряд с трофейным караваном и пленниками двинулся в обратный путь. Время уже было позднее, солнце склонялось к вечеру.

Весь отряд был в приподнятом настроении, следовал кучей, велись шумные разговоры, всюду слышался смех.

Немного впереди ехали: Церенов, Намсарай, Адна, Абмад, в середине их ехал пойманный офицер, которого они и допрашивали в пути. Офицер рассказывал, что они третья Кайгородовская сотня из г. Кобдо, сюда пришли дней десять тому назад.

— Наше назначение было, обогнув озеро Агиту-Нур, перейти р. Беко-Морин кверху, перевалить горы северным перевалом на р. Юстыд, спуститься логом севернее красного дома и занять Кош-Агач. По причине недостатка оружия пришлось здесь остановиться на несколько дней и поехать за оружием в Кобдо, откуда мы и возвращались к отряду и теперь попали к вам.

Дальше он рассказывал, что вторая сотня в тот день, когда они выехали из Кобдо, вышла прямо по телеграфной линии трактом через Тошенту на Кош-Агач.

— Первая сотня будет сзади, будет служить резервом и прикрывать тыл и задерживать ваши части; тем самым она обеспечит свободное наступление двух сотен на Кош-Агач.

Церенов добавочно спросил:

— Что означает название сотен—первая, вторая, третья?

Офицер ответил:

— Кайгородов свой отряд разделил на три сотни, которые и совпадают с количеством людей. Первая сотня образована исключительно из алтайских калмыков, это самая надежная сотня Кайгородова. В этой сотне имеются пушка и пулеметы, а также и разведывательная часть. Вся первая сотня вооружена винтовками с достаточным количеством патрон. Вторая сотня образована из бывших колчаковцев—белых офицеров, солдат и просто беженцев. Кайгородов второй сотне доверяет меньше. Вооружение—половина винтовки, остальное -сборные ружья с малым количеством патрон. Кроме двух пулеметов Шош, у них ничего нет. Третья сотня, главным образом, состоит из местных старожилов, русских колонистов—торговцев с их служащими и рабочими, которых мобилизовал Кайгородов; к ним добавлены всякие разночинцы. Кайгородов эту сотню считает ненадежной, поэтому в сотне нет ни пулеметов, ни винтовок. На двух человек дано по одной берданке с десятью патронами да несколько сабель и пик.. Вот и все их вооружение.

Церенов задал следующий вопрос:

— Что же, действительно в каждой сотне по сотне люде?

Офицер ответил:

- Есть по-разному. Например, в первой сотне около 150 человек, во второй побольше сотни, а в третьей человек шестьдесят.

— Чем отличается одна сотня от другой?—спросил Церенов.

— Обмундированием и шапками,—сказал офицер,—первая сотня носит кубовый (темно-синий) цвет одежды и папахи из красного барашка; вторая—в русских серых шинелях и черных барашковых папахах; третья—в смешанной русско-монгольской одежде и белых барашковых папахах.

Затем Намсарай сказал:

— До сих пор высокий военачальник не изволил сказать нам, простолюдинам, свою фамилию и чин, а это нам весьма желательно услышать.

Лицо офицера покрылось краской, он сказал, что фамилия его Семенов, во время германской войны он получил чин поручика.

Услышав это, все бойцы начали над ним шутить и смеяться, беря под козырек (руки, сложенные фигой), отдавая честь высокому начальству. Церенов быстро прекратил эти шутки.

Надвигалась ночь, в глубинах голубых небес кое-где замерцали звезды наподобие далеких светильников. В свете луны звезд виднелось немного. Наступила чудная лунная ночь, вечер был довольно прохладный, всем пришлось закутаться и надеть головные уборы. Чудная ночь на людей подействовала мечтательно, разговоры стихли. При свете луны лица всадников казались какими-то неестественно бледно-белыми, задумчивыми.

Казалось, что все погрузилось в глубокие размышления о родине, семье, родителях, детях, родных и знакомых. Все ушедшие в воспоминания, далекие от действительности, думали, удастся ли им увидеть вновь родину, встретиться с родными, друзьями. Кое у кого на лицах появились улыбки, искрились глаза. Очевидно, вспоминались веселые моменты прошлого.

Некоторые, чтобы разогнать гнетущую тишину, пробовали громко петь, рассчитывая на сочувствие, но никто не присоединялся к пению. Одинокий голос, как бы пристыженный, виновато смолкал, взор устремлялся куда-то в сторону, да еще иногда отдельные всадники чиркали спички, пугая спокойно идущих лошадей.

Некоторые из всадников, утомившиеся за день, дремали в седлах.

Да, действительно, воины, идущие на защиту всех, оставив семью, родных, друзей, испытывая трудности и лишения, не жалея своих жизней, заслуживают великого восторга и уважения. А вот другие, сеющие во всем мире смуту, думающие о своем только личном благополучии, в жертву ему приносящие счастье всего человечества, заслуживают действительно великой мести и презрения.

(Окончание следует).

ВАС. ТОМСКИЙ и В. ВАСИЛЬЕВ

За океаном у станков*)

НА ПОРОГЕ С.-А. С. Ш.

Ширь, беспредельность, и рябь, и тысячи маленьких зеркал, щедро разбросанных солнцем в волнах, и далекая линия горизонта с прозрачной, чуть видимой дымкой тумана.

Трансатлантический пароход «Париж» пенит форштевнем соленые воды, держит курс на запад, от берегов Франции в страну автомобилей, патентованных брюкодержателей, биржевых дельцов, небоскребов, пронумерованных и прошнурованных жуликов разнообразной квалификации, в страну, хозяин которой -король доллар, в страну с миллионным пролетариатом, где совершенно нет рабочего законодательства и государственной охраны труда, в страну маргариновой «свободы» и липового «демократизма».

СУХАЯ АМЕРИКА.

Пароход подходит к американским берегам. Пароходный бар полон пьющими и «выпивающими». На столах и буфетных прилавках выстроились высокие рюмки, наполненные рубиново-красными и золотисто-желтыми винами. Батарея бутылок всяческих форм и размеров. За прилавком служащий бара с засученными рукавами, разливает знаменитую «виски-сода».

Нью-Йорк близится.

К пароходу подходит катер с американскими пограничниками.

Власти поднимаются на борт и приступают к торжественному акту наложения печатей на все алкогольное.

Пароходная прислуга быстро убирает бутылки. Разливавший «виски-сода» бармэн спускает рукава своей рубахи. Европейцы поднимают брови. Американцы строят кислые физиономии. На столах исчезает все спиртное. Взамен -стакан воды с льда, ароматное бобовое кофе, ледяное молоко, фруктовые коктэйли, насыщенные сочностью и благоуханием роскошных калифорнийских плодов.

Пароход вступил в сферу, где действует «prohibition bill»—«запретительный закон»... Это означает, что Америка решила быть трезвой и «осушила» страну, об'явив поход против алкоголя.

Продажа спиртного воспрещена... Но это—официально. А если заглянуть в частные дома, то найдешь «святую святых»—шкафчик с вином и проч. Ввозится контрабандой. А вечерком в веселых ресторанах посетители вынимают из карманов плоские бутылки и плюют на «запретительный закон».

Можно попросить в кофейной чашке совсем другое содержимое. С известными предосторожностями и за соответствующую плату будет немедленно подано. Занимаются во-всю самогонокурением по последнему слову американской техники. Пьют, образно выражаясь, «под одеялом». Продают из-под полы. Покупают с оглядкой.

---

*) 40 советских трактористов по приглашению Форда были в прошлом году отправлены на его заводы для изучения ремонта и эксплоатации трактора «Фордзон».

Трактористы пробыли в Америке около трех месяцев.

Материалы, данные одним из трактористов—В. Васильевым, и отчасти компиляция по литературным источникам послужили основой для печатаемых очерков Вас. Томского.

Но исчезли десятки тысяч баров, где завсегдатаи часами сидели, вытянув ноги на стол или стулья, вливали в бездонные желудки потоки пива и чадили табаком до сизого тумана. Исчезло бесконечное множество трактиров, где обязательно вспрыскивали каждую сделку.

Как же это случилось?

Немножко истории. Не с Адама, но, по крайней мере, с открытия Америки. Жили-были индейцы. И были трезвыми. Явились европейцы. Привезли «для души» крест, «для тела» меч, а для того и другого—алкоголь. Индейцев спаивали «огненной водой». Индейцы вымирали.

Европейцы тоже пили. И чем дальше, тем больше. Но не вымирали, а «только» создавали естественные предпосылки к вырождению. Несколько раз за дело протрезвления заблудших чад принималась церковь. Толку получилось мало. Вступила в борьбу с зеленым змием и общественность, главным образом—женщины.

Америка становилась все пьянее. Америка разделилась на два лагеря: пьющих и одобряющих и непьющих и противящихся.

Вопрос о пьянстве обострялся. В результате создалось общественное мнение и при его поддержке началась усиленная борьба за «билль трезвости».

Сделали опыт. Сначала осушили несколько штатов. И, наконец, 3-го декабря 1917 года сенат и палата депутатов приняли, в качестве «поправки к конституции», такое постановление:

1. В годичный срок в пределах всей страны воспрещаются изготовление, продажа и транспорт крепких напитков.

2. Конгресс и штаты уполномачиваются ввести в действие предыдущий параграф.

3. Пункт первый недействителен, если он не будет законодательным путем включен в конституции всех отдельных штатов в течение 7 лет.

Но к 25 февраля 1919 года последний, 45-й, штат—Пенсильвания—узаконил трезвость. «Prohibition bill» вступил в силу.

Алкоголь «из'яли».

Трезвые лиги возрадовались. И зря. Алкоголь только ушел в подполье, да и то не всегда.

Не мало людей потянулось и за новыми дурманами. Жизнь в «свободной» Америке треплет, жизнь бьет, эксплоатация порой сгибает в бараний рог. И менее устойчивые элементы тянутся к какому-то громоотводу, к водке, чтобы в маргариновом веселье, в суррогате радости несколько забыться.

Те, у кого в кармане шуршат банковые билеты, имеют те же «прелести», что имели в «пьяное время». А те, у которых не доллары, а центы,—ищут подешевле. Суррогаты.

Широко распространяется ядовитый древесный спирт. Он уносит не мало жертв. Увеличивается употребление черного кофе, что ведет к повышению числа сердечных заболеваний. Уже к 20-му году ежегодное расходование кофе повысилось до огромной цифры: каждый, в среднем, выпивает 12,9 ф. кофе.

Превосходит всякие границы, принявшая фантастический размах, страсть к танцам. Многие исследователи это относят за счет «трезвого билля». В 20 году расцвел махровым цветом фокс-трот с самыми дикими, до голой неприкрытой порнографии доходящими, формами. Потом пришлось издать постановление об определенном количестве дюймов, которые должны разделять танцующую пару. Даже американская «нравственность» не выдержала.

Алкоголь ушел. На смену ему пришли другие способы одурманивания, включительно до кокаина и пр.

И «сухой Америке», «непьющей Америке» приходится поговаривать о некоторых компромиссах. Появилось течение в пользу разрешения ввоза и производства легких вин, тем более, что колоссальный, вполне американский, размах самогонокурения сводит на-нет «prohibition bill».

«BUSSINESS».

Итак, пароход подходил к американским берегам. Это значило, что наши путешественники освобождались от мелких, но очень надоедливых неприятностей, связанных с присутствием на пароходе целой группы пассажиров, надоедавших своим поведением.

Особенно вредный тип такого пошиба был чистокровный янки, промышляющий лошадиным барышничеством (скупает лошадей во Франции и отвозит для перепродажи в Америку). Должно быть, занятие выгодное—барышник все время сидел в буфете, уничтожая вина и пиво в неограниченном количестве. Его окружали прихлебатели и проделывали то же самое, с той лишь разницей, что платили не они, а «патрон». «Патрон» беспрерывно жевал сигары и зверски ревел в разговорах с подручными. Этот рыкающий хам считается здесь цветом общества и «задает тон», ибо он человек с

долларами в неумеренном количестве, он «bussiman» —делец и ему поэтому все позволено.

«Bussiness»—«бизнес»—дело. Это—двигатель всей страны, нечто обобщающее всю жизнь Америки. В вагонах подземки, в трамвае, кино в толпе прохожих станешь ловить обрывки случайных фраз, обязательно услышишь:

— Monney... Bussiness... ...He is worth thausand Dollars («деньги», «дело» или «он стоит 20 тысяч долларов»).

«Bussiness»—дело—подчиняет себе темп жизни, диктует быстроту, спешку.

В торговых районах над ресторанами, на каждом шагу—вывески, рассчитанные на дорожащих каждой секундой дельцов:

«Bussimans guick Lunch»
«Скорый завтрак для делового человека».

Такие вывески пестрят сотнями.

Беговая лошадь - мелкий торговец или агент, без передышки обегающий улицы с образцами и предложениями, знает, что после четырех клиента накрыть трудно, и он уделяет только несколько минут, чтобы мимобегом перекусить парой сандвичей или фруктами.

Шляпа на затылке, потный лоб, лихорадочные движения, быстрая речь, торопливо орудующая вилка, обсуждение наспех с соседом делового предложения, а мозг уже взвешивает шансы коммерческого оборота. Решительность, максимальное использование рабочего времени, человеческих сил и способностей—это обуславливается не только темпом труда, но еще в большей степени концентрацией внимания, умственной сосредоточенностью, с какой американец подходит к делу. Ему и на ум не приходит, что между восьмью и пятью часами может существовать что-нибудь, кроме его дела. Если дело дает удовлетворительный доход, он охотно мирится с тем, что физическое и умственное истощение оставляет ему, в лучшем случае, запас силы на одну послеобеденную партию в гольф.

Он односторонен, он способен с головой уйти в практическую жизнь, целыми днями бегать по улицам или сидеть в учреждении, строчить, щелкать на машинке, трещать арифмометром и не бросать тоскующих взглядов в окно, не проявлять никакого интереса к постороннему, не деловому миру. Работа распределена, размерена, взвешена точно, по часам.

8 часов утра. Во всей Америке деловой человек появляется в своем « ofifec » (конторе, бюро).

Огромная масса служащих везде на своих местах. До 12 дня непрерывная, строго урегулированная работа, полная нервного напряжения. От 12 до 2 перерыв на lunch (завтрак). Чередующимися группами работники отправляются на 15-30 минут в один из многочисленных ресторанов. Со сказочной быстротой им, в течение минуты или полминуты, приносят заказанное блюдо. Механизм ресторанов пригнан прекрасно. За 2 часа сотни тысяч служащих и предпринимателей, без потери времени, успевают позавтракать, чтобы тотчас же вернуться на работу.

С двух снова работа. До пяти.

Установка на время проведена везде. В каждом большом конторском доме десятки под'емных машин, разделенных на «локальные» и «экспрессы». Локальные идут до 10 этажа, останавливаясь в любом. Экспрессы экономят время—деловому человеку дорога каждая секунда,—он быстро вскакивает в «экспресс», защелкивается дверца, и лифт мчится до 10 этажа, и только выше, по мере надобности, останавливается, чтобы выкинуть торопливого человека. Лифты в больших домах, где до 30 этажей, делятся на группы: группа «а» идет до 10 этажа, группа «в»—до 18 и т. д.

Внутри конторы адский шум. Представитель предприятия, сбросивший пиджак, ведет переговоры с наседающими и убеждающими красными возбужденными джентльменами. 15 служащих, в одних жилетках, кричат в телефонные трубки. С полдюжины подрумяненных, стриженных машинисток стучат на своих машинках. В углу жужжит телефонный аппарат-автомат. Все это происходит в одном и том же помещении, пестрой разногласицей сливается, сбивает свежего человека с толку, и только привычные служащие не обращают никакого внимания на этот шум, треск, гам.

Вот молодой человек дико орет в телефон:

— Алло! Алло!—и ведет серьезные переговоры, не теряя сложной нити в неумолкаемом гомоне.

Вот человек за конторкой, играючи, передал в Чикаго несколько дюжин непрерывно поступающих срочных телеграмм. Кончил последнюю, схватил карандаш и с той же молниеносной расторопностью уже записывает телефонные ответы на запросы, данные 2 минуты тому назад.

« Bussiness »—дело—двигатель, пульс жизни, компас американца, ось, вокруг которой вертится Америка.

« Bussiness »—дело—возбуждение, быстрота, спешка, лихорадочная торопливость, натиск, атака.

« Bussiness »—дело—использует все средства. «Бизнес» без рекламы немыслим.

И американская реклама носит оживленный, боевой характер. Она не ограничивается заверением, что такой-то товар доброкачественный и гарантированной прочности. Она ловит прохожего, доказывает ему, что он не может существовать без такого-то предмета, обращается и к супружеству и к отцовскому чувству.

— Как можешь ты на себя взять ответственность перед детьми, что все еще не купил им питательного препарата Брауна?—спрашивает она ошарашенного отца.

— Обеспечил ли ты свои деньги?—запугивает реклама оружейной фабрики массивным револьвером и физиономией грабителя в кепке.

— «Ундервуд»—твоя машина. Все. Больше—ни слова!—так хватает за горло депо пишущих машин.

— Как занять более высокое место с более выгодным окладом?—заинтересовывает реклама какого-то «руководства» мелкого служащего.

Тысячеголосый рекламный хор идет по всем путям. Прежде всего—газеты и журналы. Потом бесчисленные каталоги и прейс-куранты, письма, приглашающие «посетить» торговый дом, предлагающие посредничество по всяким делам.

Дальше—со всех домов бьют в глаза плакаты. Вывески настолько велики, что на средних домах они порой удваивают высоту здания.

По вечерам загорается фантастическая, яркая, пестрая, световая реклама, неподвижная, движущаяся, перебегающая, она вспыхивает то тем, то другим светом, выкидывает пламенные вихри, подавляет, сливается в сплошную оргию огней.

Реклама, как все, служит «бизнесу»—делу.

Дело все себе подчиняет и заражает человека на протяжении девятичасового рабочего дня беспримерной интенсивности. Все окружающее приспособлено к деловому человеку и его потребностям.

Bussiness возбуждает, подбадривает, повышает интенсивность, усиливает лихорадочную спешку, вносит в работу точность, четкость. Но зато и быстро расходует человека, треплет его нервы, делает односторонним, узким, практически ограниченным, ибо к какой еще умственной работе способен «bussiman» — «деловой человек»— после девяти часов напряженнейшей, строго определенной, нервной, утомляющей, вымотывающей и физические и умственные силы работы на пользу хозяина Америки—королю доллару.

«Bussiman »—это американский деловой человек со шляпой на затылке, потным лбом, одной рукой подписывающий чек, второй наскоро хватающий сандвич и заключающий в одну минуту пять сделок, одновременно обдумывая еще три.

ПОСЛЕ ПАРОХОДНЫХ СХОДЕН.

От Америки уже отделяют лишь пароходные сходни. Очередной и последний медицинский осмотр. Пассажиры должны гуськом пройти через столовую первого класса мимо врача. Он никого не останавливает, ни о чем не спрашивает, а только смотрит в глаза и некоторым на руки. Все оказываются годными... для «высокой чести» топтать своими ногами американскую землю.

Начинается проверка паспортов. Пассажиры с американскими паспортами выпускаются с парохода без малейшего промедления. Все остальные также быстро сходят с парохода после пред'явления американских виз. Они уже в Америке.

Каждый приезжий должен, прежде всего отыскать отель. Нью-Йорк—город, вставший на краю океана, головокружительный, сверкающий над побережьем множеством узких белых башен, устремляющихся к небу домов-великанов, окаменевших в холодной уверенности. Этот город—подлинно «город гостиниц». Здесь все их категории. Приехавшие в первых классах найдут блестящие отели, которые бьют в нос пышной роскошью сусальной позолоты. А почти нищий эмигрант в пальто на рыбьем меху и с тощим узелком поплетется куда-нибудь в притон.

Заглянем в величайшую гостиницу Нью-Йорка «Пенсильвания». Многоэтажный могучий фундамент. На нем высятся 3 башни в 20 этажей каждая. Внизу—всевозможные магазины. Колоннада главного входа ведет в «Мейн-Рум»—просторную приемную, где день и ночь кипит, переливается шумным гомоном жизнь. В гостинице 2.200 номеров (многие по 2-3 комнаты).

Тысячи обитателей гостиницы. Они толпятся в большом проходном зале. Он—сборный пункт, место деловых встреч. Из конца в конец неумолчный гул, гуд, шум, рокот голосов. Вновь прибывшие пробираются к перегородкам, за которыми трещат дюжины пишущих машинок. Клерк за окошечком. Диктует машинистке фамилию, место жительства посетителя и номер его новой комнаты. Вручается ключ. из гурьбы «боев» приехавшим и его багажом овладевает тот, у которого на рукаве вышит флажок, соответствующий национальности гостя,—это значит, что «бой» владеет его языком. Гость поднимается на одном из лифтов в свое новое жилище.

А внизу беспрестанный человеческий круговорот. Теснятся группы. Одни вокруг окошечка справок. Другие около телеграфных агентств—летят во все концы света телеграммы. Выбывающие получают в кассе счета,—ждать не приходится,—все цифры занесены всегда ранее. Под тенью пальм, в бесчисленных креслах, около столиков, на диванах, беседуют и ждут кого надо.

Здесь же экскурсионное бюро. Вам вмиг составят маршрут любого, вплоть до кругосветного, путешествия.

Внизу пристроились железнодорожные агентства. Там для вас тотчас же приобретут билеты, отправят багаж и т. д.

Рядом с «Мейн-Рум»—бар прохладительных напитков. Слева кафе. На заднем плане, за залом для заседаний, блистающая мрамором столовая.

Спускаетесь по лестнице в подвальный этаж. Здесь прежде всего «grill Room». После обеда и ужина здесь элегантная публика пьет чай или закусывает. Крутятся танцующие пары.

Дальше—парикмахерская. На 40 сиденьях, горизонтально запрокинутых, 40 джентльменов поставили подбородки. У ног джентльменов—чистильщики сапог. Над рукой джентльменов склонилась особа—наводит локс на ногти.

Дальше Lunch Romm — в пестрой темноте там «питаются и пьют».

В гостинице есть и биржевая контора, и врачебный кабинет с хирургическим и клиническим отделениями. Для буржуазной требовательной, сытой публики нет, кажется, птичьего молока. Остальное—тони монету и получай.

Иметь дело с прислугой,—этого публика не любит. И служащие гостиницы незаметны. Вам нужно отдать в стирку белье, вы бросаете его во всегда приготовленный бумажный мешок и запираете в стенной шкаф, который опорожняется снаружи, из коридора. Туда вы можете положить то, что нуждается в починке. В назначенное в вашей записке время вы находите ваши вещи в шкафу. Об удобствах позаботились здорово.

В довершение всего, обязательно в каждой комнате, рядом с телефоном, лежит... (о трогательная заботливость!) библия.

НЬЮ-ИОРК.

Город-гигант наполнен всегда спешащими, всегда бегущими. Непрерывно движется, переливается человеческая масса по транспортным артериям города, по подземной железной дороге, по надземной дороге, в трамваях, в автобусах и в легковых автомобилях. Под городом, в скале, просторные шахты, четырехколейный путь, обширные вокзалы. День и ночь носятся под землей поезда, обыкновенные, экспрессы. Потоки людские бесконечными волнами перебрасываются из конца в конец. Время экономится по секундам.

Расходы тоже—штат сжат, платежная система упрощена до точки. На подземке билетов не берут, вход на платформы загорожен вращающимися барьерами. Опустив в автомат монету, вы беспрепятственно проходите. Барьер за вами механически запирается. Служащий только один, сидит в будке, меняет деньги. Надземная дорога растянулась над улицами. К ней поднимаешься по лестницам или на лифтах. Акционерная компания бесцеремонна. Ей важно раскинуть сеть и выгнать побольше монет. Остальное пустяки. Опоры надземных мостов водружены даже на старых узеньких улицах. В некоторых кварталах можно прямо из окна перелезть на рельсы. Дома прокопчены дымом. Если открыть окно, в комнату хлопьями полетит копоть. Это—оборотная сторона удобств надземной дороги. Стремление к быстроте, экономия времени «делового человека» оседает язвами на легкие тех, кто живет в узких старых кварталах.

Автомобили. Их число грандиозно, целыми стаями они несутся с быстротой ветра. Резкий свисток полисмена. Внезапно все они останавливаются, сбиваются в кучу на углу. Второй свисток. Авто несутся дальше. С ними соперничают числом красные, желтые, зеленые вагоны трамвая. Дребезжат звонки. Крякают гудки авто. Вверху—хрип, лязг и громыхание надземной.

В четвертом, пятом часу кончаются работы. Если смотреть в эти часы на уличную жизнь с крыши автобусов, развертывается картина поразительной интенсивно-

сти. Улица, насколько хватает глаз, запружена фантастической массой автомобилей. Частные, наемные, грузовые, легковые. Цепью—автобусы. Толчея ужасающая. На перекрестках вереницы авто из боковых улиц и перебегающие под охраной свистка полисмена толпы.

Вихри звуков, шумов, криков, пестрядь раскрашенных металлов, лязг, звон—это нью-йоркская улица.

НА ВОКЗАЛЕ.

Американский темп сказывается на вокзале во всей полноте. Нет, так привычных нам, пассажиров, навьюченных, как верблюды, тюками всякого барахла из домашнего обихода, от подушек до примусов и детских горшков включительно. Здесь у каждого маленький саквояжик или чемоданчик, и только. Деловито, без шума и выпучеглазой суетни снуют люди по вокзальным залам. Багаж по платформам перевозится на аккумуляторных тележках, а внутрь помещения вокзала подается по конвейеру.

Носильщики сплошь негры. Американцы и здесь, как и на всей своей территории, особенно охотно предоставляют всю тяжелую и грязную работу именно неграм. Негр для американца если не совсем животное, то и не совсем человек,—так говорит гнуснейший «тезис по национальному вопросу» американского буржуа.

По всему вокзалу расставлены автоматы. Одни торгуют шоколадом, другие—косметикой, третьи—почтовыми марками, словом—ассортимент обширный.

Даже в уборной автоматы находят себе применение. Хочешь напиться воды, суешь в автомат один цент и механический торгаш выбрасывает пергаментную кружку. Нужно полотенце после умывания—пять центов в аппарат, и в твое распоряжение поступает коротенькая беленькая тряпочка, вполне достаточная для того, чтобы утереться, но не стоющая пяти центов.

Билет Нью-Йорк—Детройт стоит 33 доллара (приблизительно 65 рублей). У нас за такую кругленькую сумму можно отмахать около 4.000 верст. А тут извольте заплатить за 15 часов езды. Радужные перспективы фордовых пяти долларов зарплаты в день весьма потускнели...

ЧЕРЕЗ КАНАДУ В ДЕТРОЙТ.

В Буффало пересели в другой поезд. Едва тронулись со станции, как в вагон вошли пограничные офицеры в какой-то новой форме. Оказалось—поезд пересекал канадскую территорию. Часа четыре ехали через Канаду.

Агент железнодорожной компании, провожавший трактористов до Детройта, беспрерывно тараторил, об'ясняя на английском языке попадавшие по пути достопримечательности. Советские граждане ни бельмеса не понимали, но это его нисколько не смущало. И лишь единственный момент был, когда они поняли его пространную и прочувственную речь. На канадской земле агент щелкнул пальцем сбоку по горлу (международный жест) и с масляной физиономией долго что-то рассказывал. В переводе его информация говорила, что вот здесь, в Канаде, можно пить все, что угодно, и сколько угодно. «Сухой билль» на Канаду не распространяется, и Канада—одна из контрабандных баз по снабжению САСШ спиртным.

Канадская территория оканчивается перед самым Детройтом. За несколько километров до конечного пункта паровоз был заменен электровозом,—поезд должен был итти под рекой, через туннель. Прошмыгнули туннель минут в пять и, вынырнув из подземной тьмы, были уже в Детройте. На вокзале ждал переводчик. С ним вместе и отправились трактористы к месту своей будущей работы, в город Фордзон, пригород Детройта.

АВТОМОБИЛЬНАЯ СТОЛИЦА.

Детройт больше Москвы. Он занимает площадь в 140 квадр. миль. В нем полтора миллиона жителей. Детройт—центр автомобильной индустрии—вырос до таких солидных размеров в каких-нибудь 25 лет. В 1900 году город занимал всего 25 кв. миль, а населения в нем было 265.704 человека. В 1923 году на территории Детройта с его пригородами было 94 автомобильных завода, что составляет 65-70 проц. всей американской автомобильной индустрии.

Второе место по продукции занимает металло-обрабатывающая индустрия—488 заводов.

Всего же фабрик и заводов всех видов промышленности в Детройте—3.500.

За 1925 год в промышленные предприятия города было вложено 60 миллионов долларов капитала и выработано продукции на 2.250.000.000 долларов.

Поразительная цифровая картина роста города за 25 лет. В 1900 году было возведено построек на 4 миллиона долларов. В 1925 году—уже на 180.000.000 долларов.

Налоговой бюджет города в 1900 году составлял 3.660.000 долларов, а в 1925 году—56.000.000 долларов.

Банковские обороты в 1900 году — 425.000.000 долларов, в 1925 году—8.436.000.000 долларов. Вклады в банки в 1900 году—75.000.000 долларов, а в 1925 году—690.000.000 долл.

Городской бюджет к 1926 году достиг 125.000.000 долларов. Уже эти цифры достаточно определяют удельный вес города.

Внешне Детройт—один из лучших городов Америки. Мощеных улиц 950 миль. Но самый термин «мощение» приложим в американских городах лишь в переносном смысле слова. Все улицы и загородные шоссейные дороги бетонированы. Для заливки улиц применяется специальная смесь из цемента, щебня и песка. Заливка производится с удивительной быстротой, в истинно американском темпе. Новые улицы застраиваются лишь после того, как оборудованы мостовые.

На улицах всяческие обиходные удобства от автоматов с продажей популярнейшей американской «жвачки» до кранов с холодной водой для питья. (Конструкция этих кранов гарантирует полнейшую гигиену и исключает возможность заражения).

Ширина улиц во много раз превышает ширину наших, российских. И все-таки колоссальное и все время увеличивающееся число автомобилей (их в городе к 1926 году было зарегистрировано до 500.000) заставляет еще больше увеличивать ширину улиц. Целые кварталы домов отодвигаются на несколько сажен.

Благодаря хорошо налаженному движению в улицах почти не слышно автомобильных гудков. Ими пользуются только полицейские машины, пожарные и кареты скорой помощи. Под беспрерывный вой пронзительных сирен эти машины мчатся по улицам, не соблюдая правил о предельной скорости движения. Обыкновенно же стоит любому авто превысить скорость в 28 миль в час, моментально ближайший постовой полисмен вскакивает на мотоцикл, догоняет нарушившего право и штрафует его.

Кстати, полисмены большие артисты по езде на мотоциклах. Они проходят по этой части специальные курсы и выделывать такие трюки, как они, сможет далеко не всякий гонщик-мотоциклист. Кроме этой нужной в американских условиях вещи, полисменов обучают и... танцам.

Подбираются блюстители порядка не ниже определенного роста и не меньше определенного веса. Измеренные и взвешенные американские фараоны вооружены револьверами и... наручниками. Откормлены и ретивы, как наши пожарные лошади.

«ФОРД-МОТОР-КОМПАНИИ».

Автомобильный и тракторный заводы Форда расположены на противоположных концах города. Всего в Детройте три завода, принадлежащих Форд-Мотор-К°: завод «Ривер-Руж» в г. Фордзоне, завод «Хайланд-Парк» и завод «Линкольн» (купленный Фордом в 1920 году).

Форд-Мотор-К° организовалась в 1903 году.

По данным официального фордовского издания «Фордовская Индустрия» выпуск продукции неуклонно растет до самого последнего времени. Так, например, в 1903 г. было выпущено 125 автомобилей, в 1908-909 г.—10.660, в 1913-14 году—264.972, в 1917-18 г.—708.355, в 1922 г.—1.351.333, в 1923 г.—2.090.959, в 1925 г.—1.990.995. Тракторов выпущено в 1917 г.—254, в 1920 г.—70.955, в 1923 г.—101.898, в 1925 г.—104.168. Особенный рост фордовской индустрии приходится на годы войны, на 1914-1915 годы.

Эти годы были годами бешеного развития всех видов американской промышленности.

ФОРД ДАЕТ КОНЦЕРТЫ.

Европа занималась расстреливанием в воздухе своих, и так-то скромных, богатств, а американские промышленники в это время были охвачены «лихорадкой делания», погоней за рабочими руками. Рабочих нехватало.

Форд к этому времени повысил заработную плату для своих рабочих с двух долларов до пяти в день. Сам-то он, правда, на всех перекрестках кричал о том, что, дескать, добровольно повышает зарплату на основе «особых соображений», но ясно было, что это повышение неизбежно, если Форд не хотел остаться без рабочих рук в такой момент, когда спрос на рабочую силу рос и рос, и соответственно росту спроса повышалась и цена рабочих мышц.

Форд перещеголял очень многих промышленников по части методов привлечения рабочих. Он в качестве приманки использовал даже... оркестр– в обеденные перерывы на территории завода играли духовые оркестры. Конечно, не эти концерты, а резкое увеличение зарплаты привлекло нужное количество рабочих рук

ФОРД УГОЩАЕТ ХОЛОДНЫМ ДУШЕМ.

Предложение даже превысило спрос—у ворот завода плотными массами стояли толпы безработных, жаждущих продать Форду так Форду –все равно кому—свой труд, чтобы избавиться от страшного призрака голода.

Фордовская администрация расправилась с ними очень просто. Когда ей надоело лицезреть хвосты тщетно ожидавших найма, были пущены в ход пожарные машины. Потоки холодной воды обрушились на безработных. Была зима и «порядок» у заводских ворот восстановился быстро.

Так Форд «сообщил» безработным, что наем окончен.

СОЛЬКО У ФОРДА ПРЕДПРИЯТИЙ.

Включая Канадскую Форд-Мотор-К°, в фордовском предприятии насчитывается не меньше 88 заводов, из которых 60 находится в САСШ, а 28 в других странах. Из 60 заводов в САСШ 24 фабрикуют только отдельные части. Из остальных 36 один занимается только сборкой частей, а другие и фабрикацией и сборкой

Форд занимается следующими предприятиями, которые все связаны с изготовлением моторов: авиаций, добычей угля, производством кокса, обработкой побочных продуктов, добычей свинца, железа, чугуна, литейными и сталелитейными заводами, фабрикацией станков и машин, грузовиков и тракторов, стеклоделательными заводами, фабрикацией искусственной кожи, медной проволоки, фордита, текстильным производством, изготовлением аккумуляторов и генераторов, бумаги, цемента, шасси, калибров Иогансена, динамо-машин, фильтрованием воды, мельницами, кино, больницами, сельским хозяйством и животноводством, радио, типографией, фотографией, кузницами, льноводством и т. д. Не достаточно ли этого перечня?

В канадскую группу входит 10 заводов в штате Мичиган и 13 заводов вне этого штата.

Кроме основных заводов, автомобильного и тракторного, компания располагает заводами по изготовлению стекла, цемента, бензола, сульфата, картона и других материалов, имеет свои угольные копи, лесные разработки, железные дороги, флот речной и океанский и т. д.

Размах—дальше некуда.

Компания не страхует ни один из своих заводов, она придерживается того мнения, что средства вместо страховки целесообразнее расходовать на устройство противопожарных приспособлений.

В производстве Форда на всех заводах в САСШ занято 183 тыс. человек рабочих, принадлежащих к 53 национальностям.

ТРАКТОРИСТЫ НАЧИНАЮТ РАБОТАТЬ.

Работа наших трактористов началась с тракторного завода в городе Форд зоне. Этот завод занимает площадь в 442 десятины. Рабочих 60.000 человек. А служащих всего-на-всего 250, это значит– 4 процента.

Прежде, чем приступить к работе, нужно пройти процедуру приема на завод. Сначала заполнить небольшую анкету, потом медицинский осмотр. Было произведено измерение роста, взвешивание, испытание давления крови, испытание зрения и осмотр—нет ли болезней, не допускающих работать у Форда: грыжи, сифилиса и т. д.

После этого вручили временные рабочие номера, без которых доступ на завод невозможен. Через три дня они были заменены постоянными металлическими номерами. Стоит такой номер никак не больше двухгривенного, но за утерю номера администрация взыскивает 5 долларов. В заключение церемонии приема на завод новых рабочих подвели к вращающейся витрине с массой картинок, изображающих то задавленного рабочего, то рабочего без ноги, то попавшего под ремень и т. д. Смысл этого показа заключается в том, чтобы продемонстрировать «заботливость» администрации завода о благополучии работающих и предостеречь новых рабочих от неосторожностей.

РАБОЧИЙ ДЕНЬ НАЧИНАЕТСЯ.

Заводы Форда работают 5 дней в неделю. В субботу и в воскресенье работы нет. Рабочий день—8 интенсивнейших часов. Работа начинается по звонку. К этому моменту каждый рабочий должен стоять на своем месте, и едва ударит звонок, без секунды промедления, приступить к работе.

Чтобы попасть на территорию завода, нужно проходить через контрольный мост. У каждой спусковой лестницы моста стоят специальные служащие—проверяют, есть ли рабочие номера у проходящих.

Каждый рабочий обязан отбить время прихода на своей карточке. Многие отбивают свои карточки у самого моста, откуда до некоторых департаментов (так называются у Форда цехи) ходьбы минут 15-20, так что нужно являться на завод, примерно, на полчаса раньше начала работ.

В ЛИТЕЙНОМ ЦЕХЕ.

Работа началась в литейном цехе с производства шишек для чугунного литья. Формовка шишек мало чем отличается от нашей: та же ручная. Единственная разница лишь в транспортировании готовых шишек по цеху и заводу. Оконченные шишки кладутся на конвейер, а тот везет их в печь. Через печь шишки также проходят по конвейеру. После этого они отправляются на поверку и, если нужно, на ремонт, окрашиваются, завертываются в бумагу, укладываются в ящики и развозятся по местам производства отливок.

Каждый рабочий обязан выполнить норму. Нормы установлены настолько высокие, что рабочему нужно быть безотлучно в работе. Особенно тяжела работа на, так называемой, «карусельной формовке». Такой способ применяется при формовке блоков цилиндра Пятеро рабочих работают на пяти подвижных формовочных плитах, установленных на вращающемся подвижном кругу. Скорость вращения круга рассчитана на максимум энергии работающих. За полный оборот круга выходит пять готовых для заливки форм. Вся формовка расчленена на пять операций. Работа при такой формовке настолько напряженная, что рабочему нет ни одной секунды, чтобы произвести какое-либо постороннее движение. С такой работой мирятся лишь негры. Их вообще на заводах Форда используют на самую изнурительную работу.

КВАЛИФИКАЦИЯ НАВЫВОРОТ.

Песок для формовочного состава подается из вагонов на верх помещения цеха, откуда элеватором направляется в машину для просеивания. После этого изготовляется смесь, в состав которой входит масло специального Фордовского состава (марка 5,10), льняное масло, кукурузная и картофельная мука в разных пропорциях, в зависимости от той детали, которая будет формоваться.

В первые же дни за время работы в литейном (по-фордовски «литейный департамент») пришлось столкнуться с особенностями организации фордовского производства. Ни один работающий не знает ничего, кроме исполняемой им работы. Даже начальники цехов не знают ничего касающегося содержания производственных процессов. Например, начальник литейного цеха не знает химический состав элементов формовочной смеси, литейной шихты, масел, употребляемых в его цехе. Он знает лишь, что вот из такого-то хранилища нужно положить того, что там лежит, столько-то, из другого столько-то, а что это за специя, которую кладут, его не касается. Об этом знает лишь инженерная лаборатория в Дирборне (верст 15 от Детройта), куда обыкновенным смертным доступ воспрещен.

Обычное заурядное начальство—формана (по-нашему мастера)—сплошь и рядом не знают, куда идет изготовляемая под их начальством деталь. Их обязанность сводится к тому, чтобы быть подгонялой над «вверенными» ему рабочими. Эту обязанность формана исполняют с большим усердием. Если, паче чаяния, у рабочего найдутся 10—20 секунд свободного времени и он вздумает прислониться к чему-либо, форман немедленно свистит или окрикивает, предупреждая этим, что он может записать такому рабочему 1-2 часа прогула.

ОБРАБОТКА ЛИТЬЯ.

Все готовые для заливки формы движутся по конвейеру. В конце конвейеров стоят рабочие, занимающиеся выбивкой формовочного состава из опок. Готовые отливки конвейером поднимаются на второй этаж, откуда поступают в специальный департамент для механической обработки на станках.

Департамент механической обработки литья оборудован токарными, фрезерными, сверлильными и шлифовальными станками. В отличие от наших русских заводов здесь совершенно нет трансмиссий. Каждый станок снабжен самостоятельным мотором. Все части, могущие угрожать безопасности окружающих (шкивы ремни, маховики и т. п.), закрыты кожухами.

Большинство станков автоматические. Работа на этих станках не требует никаких специальных знаний. Единственное требование к работающим на автоматических станках—физическая сила. Работа заключается в нескольких движениях: укрепить обрабатываемую деталь на патрон, нажать рычаг-рукоятку и снять обработанную деталь. В силу простоты подобного сорта работ, каждый рабочий имеет по 2-3 станка.

Из наиболее интересных станков департамента необходимо отметить: многошпиндельные сверлильные станки и фрезерные станки фирмы Дэвис.

На обработке цилиндровых блоков работает 48-ми шпиндельный сверлильный станок, высверливающий отверстия одновременно с четырех сторон: сверху, снизу и с обоих боков блока. Вся операция сверления блока на таком станке занимает полторы-две минуты. Имеется в этом же цехе 63-х шпиндельный сверлильный станок.

Станки Дэвиса применяются на отточке верхней и нижней поверхности цилиндровых блоков. Закладывается одновременно 8-10 штук блоков на большой вращающийся цилиндрический барабан. Спереди и сзади барабана и с обоих боков расположены по 2 шарошки с резцами, которые и снимают стружку при соприкосновении блоков с резцами. Замена обработанных деталей новыми производится на ходу, без остановки станка. Такие станки распространены по заводу Форда и в других департаментах.

Для транспортирования блоков департамент оборудован роликовыми дорожками. После обработки блока на каком-либо станке, рабочий ставит его на одну из этих дорожек и толкает в сторону рабочего, производящего следующую операцию. Так как ролики установлены в своих опорных точках на шариках, блок катится от толчка до следующего станка.

Каждый станок, дающий в работе стружку, снабжен внизу желобом, куда падает стружка. По мере накопления стружка перекладывается рабочими в железные ящики или бочки. Наполненные доверха ящики и бочки увозятся (по большей части неграми) на переливку. Ни одна стружка при таких условиях не пропадает бесполезно для производства.

При производстве поршней и поршневых колец их передвижение происходит по воздушному конвейеру. Только в зале обработки уже нарезанных колец транспортирование производится простой переноской на руках от одного станка к другому. Для удобства переноски кольца надеваются по несколько десятков штук на специально приспособленные конические формы из железных прутиков.

НАРЕЗКА КОЛЕЦ.

Большой интерес представляет нарезка колец. Производится она на специальных автоматических токарных станках. Обрабатываемая болванка пневматически зажимается в патрон станка и подвергается обработке 15 резцами. Один резец, укрепленный на суппорте станка, обтачивает болванку снаружи. Второй резец, укрепленный на шпинделе задней бабки станка, обтачивает внутреннюю поверхность болванки.

Тринадцать резцов, поставленных под углом по отношению к центровой линии станка на откидывающемся назад суппорте, с противоположной от первого суппорта стороны, по мере обточки обеих поверхностей болванки, отрезают кольца. Первым в соприкосновение с болванкой приходит резец, наиболее удаленный от патрона станка. Всего за одну операцию станок нарезает 13 штук колец.

После нарезки всех колец оба суппорта и задняя бабка станка отходят автоматически в свое первоначальное положение, и станок автоматически останавливается. Рабочему остается лишь снять нарезные кольца.

Чрезвычайная простота управления такими станками явилась причиной того, что на каждого рабочего приходится по 5-6 станков. Всего таких станков в департаменте 120 штук.

ОКОНЧАТЕЛЬНАЯ ОБРАБОТКА КОЛЬЦА.

При окончательной обработке кольца одеваются на специальный стержень по 12 штук. Каждое кольцо отделяется от соседнего шайбой несколько меньшего диаметра и большей толщины, чем кольца.

Окончательная чистовая обработка производится в три приема. На первом станке снимается стружка в 0,020 английского дюйма, на втором—0,015 дюйма и на третьем—0,010 дюйма.

От одного станка к другому стержни с кольцами катятся по наклонным желобам, при чем возле каждого станка при желобе установлены счетчики для учета

выработки каждого рабочего в отдельности. Стержни, прежде, чем попасть к другому станку, идя на желобы, в силу своей тяжести, отталкивают стоящий на пути конец рычажка счетчика.

Инспекция (проверка) обработанных колец производится с большой тщательностью. Имеются специальные точные приборы, применяемые только для поршневых колец. Для окончательной инспекции перед промасливанием и упаковкой у колец проверяются: конус, правильность прилегания кольца к стенкам цилиндра, упругость и эластичность.

ДЕПАРТАМЕНТ, КАК ОН ЕСТЬ.

Департамент по изготовлению колец работает в три смены (круглые сутки) и вырабатывает за это время 200.000 автомобильных колец.

Большинство стальных изделий штампуется на заводе «Хайланд-Парк», откуда по железной дороге детали передаются на завод в город Фордзон для механической обработки.

В отличие от чугунных деталей, все остальные части подвергаются термической обработке в печах. Печи в большинстве своем электрические. Температура в печах регулируется специальными электрическими приборами. Эти же приборы производят графические записи температуры кривой линией на графленой в клеточку бумаге. Детали поступают в печи и проходят через них по конвейеру. Благодаря этому весь обслуживающий персонал состоит всего из 2-х человек: один - при входе детали в печь, другой—при выпуске из печи. У большинства печей работают негры, мирящиеся со всякой работой. А у печей приходится работать в сильной жаре.

После термической обработки каждая деталь испытывается прессом Бриннеля на твердость. Материалы, выходящие за пределы норм твердости, бракуются и поступают в переливку.

Станки по обработке штампованных изделий также автоматические, не требуют от рабочих квалификации, а потому на одного рабочего приходится 2-3 станка. Многошпиндельные сверлильные станки почти не употребляются. Из имеющихся 2-3 шпиндельных станков многие по информации работников завода, были куплены Фордом у других фирм на слом. В наших условиях такие станки тоже выбрасываются из производства и заменяются новыми. Форд с первого же дня прибытия станков на завод поставил их в департамент, где они и работали. Когда смотришь на такие станки, жалко их, бедненьких, становится: сверло при холостом ходе треплется из стороны в сторону (по выражению фордовских рабочих, как «овечий хвост»).

Уничтожение посторонних движений сверла достигается тем, что каждая деталь укрепляется на специальном кондукторе—приспособлении, в котором имеются отверстия того же диаметра, что и у сверл. Последние, входя в соприкосновение с деталью, могут производить лишь вращательное движение в пределах отверстия кондуктора и потому дают требуемую точность обработки. Если какой-либо станок дает неточность в работе, установку производят специальные монтеры. Работающий на станке выполнять такую работу не обязан, что лишний раз подчеркивает ненужность особой квалификации в работе.

По откровенным заявлениям наших русских фордовских рабочих, уехавших из России 12-15 лет тому назад, квалификация, требуемая для работы на станках, настолько низка, что «любая корова, если бы имела руки, справилась бы с этой работой». Исключение из этого правила—работа на станках по обработке коленчатого вала. Здесь требуется большой навык в работе, так как точность обработки коленчатого вала колеблется в пределах нескольких десятитысячных дюйма.

Во всех отделениях по механической обработке поддерживается чистота. Полы метутся более, чем часто, и более, чем нужно. Рабочий метет иногда совершенно чистый пол. Об'ясняется это тем, что метельщик-рабочий должен мести 8 часов, независимо от того, есть ли что выметать или нет, иначе ему не будет выплачена заработная плата.

СБОРОЧНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ.

Обработанные детали вешают на воздушный питательный конвейер, который тянет их в сборочный департамент. Часть их идет в одиночку, большинство же предварительно подвергается сборке по несколько деталей. Непосредственно в производственных цехах производится сборка рычага коробки скоростей, воздухочистителя, стойки рулевого управления, муфты сцепления и передних осей.

Сборка остальных деталей, кроме перечисленных, производится в сборочном цехе возле сборочного конвейера.

Основных сборочных конвейеров три: по сборке мотора, по сборке задней части трактора и окончательная сборка. Подсобные сборки для них—сборка коробки скоростей, дифференциала и радиаторов. Вся работа по передвижению отдельных частей трактора выполняется конвейером. Нужные для сборки детали снимаются с питательного конвейера в тех местах, где они должны быть поставлены на будущий трактор.

СБОРКА МОТОРА.

Сборки цилиндров из механического цеха поступают на конвейер и в сборочный цех. Сборочный конвейер не движется беспрерывно, как питательный, а передвигается через каждые полторы минуты на длину расстояния между двумя соседними моторами на конвейере. За эти полторы минуты рабочий должен выполнить положенную ему операцию. По мере передвижения мотора вперед, на него укрепляются соответствующие части, и к концу конвейра мотор выходит в окончательно собранном виде. За время прохождения мотора по конвейру он три раза испытывается (прогоняется при помощи динамо). Поршни и шатуны, нужные для собираемых моторов, из департамента механической обработки перевозятся на место сборки мотора тележками вручную в ящиках. Здесь они обтираются тряпкой с керосином и поступают на стол для взвешивания и распределения по группам. В мотор ставятся все четыре поршня и шатуны одинакового веса. Такой подбор производится для того, чтобы не было толчков в работе матора. Вес поршней колеблется от 3 $^{12}/_{16}$ англ. фунта до 4 $^{2}/_{16}$ фунта. Вес шатунов колеблется от 3 $^{3}/_{16}$ до 3 $^{14}/_{16}$ англ. фунта.

Магнитные дуги для магнето привозятся на тележках к сборочному конвейеру, где производится их намагничивание. Производится оно путем соприкосновения болванок с электромагнитами. При установке их на маховик они укладываются одноименными полюсами друг к другу. Завинчивание всех 16 винтов, скрепляющих магниты с маховиком, производится одновременно станком на манер сверлильного. Высота закруглений дуг над маховиком должна быть одинаковой и проверяется особым прибором, называемым индикатором.

КОРОБКА СКОРОСТЕЙ И ДИФФЕРЕНЦИАЛ.

Параллельно со сборкой мотора в том же помещении собираются коробка скоростей и дифференциал. По окончании их сборки они укладываются в идущий по самостоятельному конвейеру кожух задней части трактора, куда затем укрепляются рычаг коробки скоростей, муфта сцепления и стойка рулевого управления.

Законченные сборкой мотор и задняя часть трактора передаются со своих конвейеров на конвейер окончательной сборки. Это—последний конвейер перед выпуском готового трактора. Здесь ставятся воздухоочиститель, радиатор, вентелятор, свечи, коммутатор и бак для горючего. В трактор наливают воду, масло и газолин.

После этого трактор проходит через отгороженную комнату, где два негра с обеих сторон опрыскивают его из пульверизатора краской. Негры работают в масках (работа с краской связана с вдыханием ядовитых газов). Из малярной комнаты трактор выходит почти сухим. Одеваются передние и задние колеса, привинчивается руль.

Передние и задние колеса у Форда не производятся, а покупаются у других фирм. Поступают они в сборный департамент прямо из вагонов по самостоятельному питательному воздушному конвейеру.

На этом сборка трактора окончена. В конце конвейера железные балки, по которым двигается трактор, поставлены под уклон, благодаря чему трактор, опускаясь с конвейера по инерции, становится на свои колеса. Пододвигается стартер, которым трактор заводится, после чего трактор уходит в вагоны на железную дорогу.

ПОСЛЕДНИЕ ИСПЫТАНИЯ.

Если при заводе и в течение первых секунд работы трактора обнаруживаются какие-либо дефекты, на трактор вешается ярлык с диагнозом болезни, и больной поступает в дефективный отдел, расположенный тут же у выходной двери.

Болезни случаются самые разнообразные: стук в моторе, протекание воды из радиатора, недовинченные гайки, лопнувшие шестерни, неисправность баббин, раковины в литье блока и др.

Особый кадр тракторных «лекарей» дефект исправляет или ремонтом какой-либо детали или заменой сломанной части новой. Работа требует знания устройства трактора и процессов его работы. В силу этого здесь работают рабочие, достаточно сведущие в конструкции тракторов.

По выходе из помещения сборочного департамента, тракторы уже на улице подвергаются два раза инспекторскому осмотру. В случае дефектов, недосмотренных при заводке, тракторы направляются обратно в дефектный отдел для исправления.

Незабракованные машины идут на железнодорожную платформу, где их грузят в вагоны. Тракторы, предназначенные к продаже в Соединенных Штатах, грузятся без упаковки. Экспортные упаковываются в ящики (в один ящик один трактор). По мере заполнения вагонов, груженые железнодорожные составы уходят, и на их место приходят новые порожние вагоны. Погрузка экспортных упакованных тракторов производится при помощи крана.

СКЛАД ЗАПАСНЫХ ЧАСТЕЙ.

Склад, как центральная база всех деталей, из которой производится распространение их по всем странам,—в таком виде склад мог бы дать ценные сведения о способах хранения запасных частей, об образцовой складской отчетности.

Вместо такого склада оказалось небольшое помещеньице с несколькими деревянными шкафами, на полках которых хранятся запасные части. В шкафах лежат лишь мелкие части: болты, шайбы, гайки, прокладки и т. п. Крупные детали при исполнении заказов привозятся на тачках либо со сборочного конвейера, либо из механического цеха.

При таких условиях работа в складе свелась к подтаскиванию или подвозке деталей.

Терпеливые по натуре русские студенты, на третий день «изучения» складского дела не выдержали и заявили, что в смысле обучения искусству грузчика у нас, в России, есть свои возможности, хотя бы, например, на Волге, и что для такой «науки» не обязательно ездить на заводы Форда.

Эти доводы, в силу своей бесспорности, подействовали, и вьючная часть обучения была отменена.

Вообще низшая администрация Форда (формана) проявляла слишком большое рвение в попытках использовать советских студентов, как живых двигателей. Еще в сборочном цехе один из них получил «ответственнейшее» задание—взять тачку и везти ее за форманом. Не зная подоплеки поручения, он покорно последовал за мастером. В том месте, где лежат забракованные моторы, форман взвалил на тачку мотор и жестом указал направление. Случайно мимо проходил учитель из школы Форда, обслуживающий русских студентов. Тракторист поинтересовался разузнать, входит ли в программу обучения перевозка тяжестей.

— Не входит,—ответил он.

Студент с американской быстротой скинул мотор с тележки и отправился заниматься более рациональной работой. Форман позеленел от злости. В его практике это был первый случай неповиновения подчиненного.

Рабочие у конвейра, наблюдавшие всю любопытную сцену, довольно улыбнулись при виде такого умаления престижа одного из всесильных форманов.

Учитель, мистер Шоу, прочитал форману наставление. Как потом выяснилось, он вполне резонно заявил рвачу, что студенты не для того проехали треть земного шара, чтобы возить тачки.

ТРАКТОРНЫЙ ГАРАЖ В РИВЕР-РУЖ.

Дальнейшая работа проходила в тракторном гараже завода в г. Фордзоне. Работать пришлось в вечернюю смену, с 3 часов 40 минут вечера до 12 часов ночи.

Вся неделя была использована на ремонт тракторов промышленного типа на резиновом ходу, исполняющих на заводе транспортную работу.

Оборудование гаража ничем не отличается от самого захудалого гаража для автомобилей в наших условиях. Если не считать передвижных под'емных кранов, так гараж выполняет лишь роль крытого помещения. Никаких станков для ремонта. Даже тисков под руками нет. Есть тиски только в уголке помещения. Укромность месторасположения и состояние тисков ясно показывали, что ими не пользуются. Весь ремонт сводится к простой замене одной части другой.

На этом работа на фордзоновском заводе закончилась, и студенты переехали для работ на второй завод Форда в Детройте—«Хайланд-Парк». Он расположен на противоположном конце города. Заводская территория равна 106 десятинам. Рабочих в производстве 55.000 человек. В эту цифру входит 800 служащих. Основные

работы на заводе—окончательная сборка автомобилей и штамповка автомобильных и тракторных деталей. Помимо этого, на территории завода изготовляются радиаторы, изделия из «фордита», роликовые подшипники, электропровода, баббины. Имеются также текстильная фабрика и стекольный завод.

При заводе же находится школа для студентов и школа для подростков, подготовляющихся к работе на заводе. В помещении школы расположен фотографический департамент.

СТЕКЛОЗАВОД.

Он производит чрезвычайно большое впечатление и интересен новыми методами фабрикации, впервые примененными Фордом. Обычные приемы производства стекла, в конечном счете, ничем не отличаются от весьма стародавних. Они идут по привычным традиционным путям.

Главный из них—употребление глиняного горшка, в котором плавится смесь. Этот горшок должен быть сделан от руки. Правда, нынче эти горшки вставляются в печь и вынимаются из печи с помощью механических приспособлений, а ручную шлифовку и полировку заменила механическая, но, в общем, операция не подверглась большим изменениям.

Форд поставил вопрос о механизации и непрерывности процесса, о применении конвейра. Все эксперты мира заявили единогласно:

— Это невозможно...

— Тем больше оснований попытаться,—возразил Форд.

Будущее показало, что «попытаться» действительно стоило.

Новый стеклоделательный завод Форда работает по новым принципам. Состав плавится в огромных печах, вместимостью каждая в 408 тонн жидкого стекла. В них поддерживается температура плавления 1.371°Ц., затем температура отжига—1.260. Каждые четверть часа в печи поступают песок, углекислая сода и другие химические ингредиенты. Стекло льется непрерывно в железный, медленно вращающийся, барабан и проходит под валом, который прокатывает его в лист нужной толщины. Из барабана полоса поступает в калильную печь. В ней подогрев производится газовыми грелками (этим разрешается задача постепенного уменьшения температуры). По выходе из калильной печи текло разрезается и передается на роликовых ходах в шлифовальные и полировочные машины. Шлифуются обе стороны листов.

ОТБРОСЫ—В ДЕЛО.

Утилизационный отдел поставлен широко Едва ли есть на заводах Форда такие отбросы, которые не использовались бы. Например, картон, нужный для автомобилей, приготовляется из бумажных и тряпичных отбросов, собираемых по цехам специальным штатом. Старые стальные рельсы, которые считались ломом, годным для переплавки, прокатывают так, что головка, ножка и подошва отделяются друг от друга и дают превосходные полосы стали, которые можно применить для различных целей. Тысячи сломанных инструментов и поврежденных машин поступают за сутки в ремонтное отделение. Стоимость ремней, присылаемых ежедневно для сшивки, превышает тысячу долларов. Все это чинится, приводится в порядок, а обрезки идут на изготовление фартуков для промывальщиков стекла или в обувную мастерскую для подметок.

Сломанные инструменты ремонтируются, испорченные переделываются. Если износились метчик, клупп, сверла, их переделывают на меньший размер. Всевозможные ручки также утилизируются. Из ручки лопаты можно сделать несколько ручек для отверток или ручку для ножниц.

В день утилизируется 500 галлонов (2.270 литров) старой краски—она идет для грубых работ. Извлечение масла из стальных опилок дает 2.100 галлонов в день. Грязные замасленные тряпки для обтирки машин отжимаются, отжатое масло используется, а выжатая тряпка идет в стирку и снова годна в дело.

В фотографическом отделении извлекаются серебряные соли из растворов проявителя. Это дает 10.000 долларов в год.

И так далее, на каждом участке производства берегут, экономят и используют все, включительно до металлической пыли.

И НЕВИННОСТЬ СОБЛЮСТИ, И КАПИТАЛ ПРИОБРЕСТИ.

Вдоль Ривер-Руж (реки Красной) на территории завода стоят судовые двигатели с военных судов. Эти суда Форд купил у американского правительства, как устаревшие, на-слом. Корпуса судов были использованы на переливку для тракторного производства. Двигатели предполагалось использовать для работы в производственных департаментах.

На этой сделке с правительством Форд приобрел изрядный капиталец. Но ему мало долларов, ему нужна некоторая доля капитальца и политического. И он воспользовался случаем. Его администрация сыграла роль живой рекламы. Основываясь на том, что военные суда переделываются на тракторы, она начала прославление Форда, как великого пацифиста:

Генри Форд—первый человек, осуществивший лозунг «перековать мечи на плуги!».

Вывод из коммерческой сделки совершенно неожиданный. Можно возразить на него, что, мол, дескать, никакого здесь миротворчества не имеется и, вместо переплитых на тракторы (и уже устарелых) судов, будут построены новые, более усовершенствованные.

Но тогда Фордовы рекламисты, ничто же сумняшеся, отказавшись от раскраски Форда в миротворческие цвета, изобразят этого миллиардера, как великого скорбника о рабочих нуждах:

— Покупкой судов достоуважаемый мистер Форд дал возможность тысячам рабочих не лишиться заработка, т. к. заводы получат новые заказы от правительства...

И вот этакие же веские доводы своего «попечительства» о рабочих господин Форд не постеснялся выставить и сам в изданной им книжке «Сегодня и завтра».

ФАБРИКА РАБОЧИХ РУК.

Форд имеет в своем заводском аппарате школу для подростков. В своих книгах («Моя жизнь и мои достижения», «Сегодня и завтра») Форд раскрашивает эту школу в самые приятные и привлекающие взор цвета. По его мнению, школа всесторонне развивает, обеспечивает ребят, «учит жизни» и т. д.

Это—величайшее лицемерие. Больший практицизм в постановке школьного дела, больший утилитаризм, чем в школе Форда, трудно себе представить. Его основные стремления отчетливо и совершенно понятно лезут изо всех школьных щелей: он прежде всего и почти исключительно озабочен тем, чтобы создать для себя кадр квалифицированных инструментальщиков, воспитать их с малых лет так, чтобы они из фордовых сетей даже не думали выбраться.

Когда школа была открыта, в нее принимали сначала только круглых сирот, сирот, лишившихся отца, тех, кого мы называем беспризорными, вообще тех, кому деваться некуда, тех, на которых можно надеть крепкую фордовскую узду навсегда, закабалить. Когда Форд убедился в надежности применяемых им методов обработки детских голов, он расширил круг учащихся.

Основные занятия в школе -работа на станках в производстве (одна неделя—в школе, две—в мастерской). Зарплата подростков очень низкая—в среднем два доллара в день.

— О социальном и моральном здоровьи мальчиков неуклонно заботятся, говорит сам Форд в одной из своих книг.

Расшифруем эту фразу. Как это Форд заботится о мальчиках? Основное во всей системе образования американской школы нивеллирующее, уравнивающее начало, «стрижка под гребенку» разных степеней одаренности. Это приводит к систематическому, нередко резкому подавлению национальных и рассовых особенностей в молодых поколениях эмигрантов.

— «Америка для американцев».—Уравнивай всех, стриги под американскую патриотическую гребенку...

Происходит процесс умственного, духовного обезличения, уравнивания всех под один шаблон, насильственного слияния разнородного и разноценного.

В общем котле изготовляется одно общее блюдо из самых разнообразных элементов. Приправляется соусом практицизма. Потом это кушанье подносится всему миру, как идеал культуры.

Эта кухня построена для американских требований хорошо.

Она прекрасно выпекает подрумяненных «средних людей».

Типичный американец—именно средний человек. Достаточно обстриженный. Достаточно уравненный. Уравновешенный. Узкий. Деловой человек,—bussiman...

Американскому «королю доллару» вовсе невыгодно воспитывать таких людей, у которых может быть «брожение умов». Он постарается сделать такого человека, который с величайшей неохотой изберет собственный путь или восстанет (хотя бы против какого-нибудь предрассудка), который ни за что не отважится высказать крайнее мнение.

Такова и фордовская школа. С той только разницей, что в ней дух практицизма еще сильнее. Она готовит квалифицированного рабочего, преданного хозяину, и узко-ограниченного и послушного

КАЛИБРЫ ИОГАНСЕНА И ДОЛЛАРЫ ФОРДА.

Для выработки абсолютно одинаковых авточастей необходима и абсолютная точность. Форд требует точности, способной в некоторых случаях доходить до одной десятитысячной дюйма (0.0001), а для многих работ не менее одной тысячной. Чтобы достигнуть точности, Форду пришлось обратиться, как он говорит, «к единственному человеку во всем мире, сделавшему точность исключительным об'ектом своей деятельности»—к Карлу Е. Иогансену.

Калибры Иогансена повсеместно считаются наиболее точными инструментами из всех существующих. Это прямоугольные части из инструментальной стали, закаленной, выверенной и отшлифованной. Их поверхности абсолютно плоски и параллельны. Эти поверхности обладают необычайными свойствами: если их потереть об ладонь и приложить одну к другой, они слипаются с силой, равной 33 атмосферам. До 1923 года такие приборы строились их изобретателем К. Иогансеном.

Форд купил Иогансена со всеми его потрохами и теперь на всех вырабатываемых калибрах стоит марка: Форд-Иогансен. Человек с долларами ставит себя на первое место, человек с хорошими мозгами отходит на второй план. Иогансен — акционер фордовской компании, но занимает в ней ничтожный удельный вес.

ЗАВОД «ЛИНКОЛЬН».

Завод «Линкольн» до 1922 года существовал самостоятельно. К этому времени Форд решил выпускать, кроме дешевеньких машин, и дорогие, более высокого качества.

По своим качествам автомобиль Линкольн считался и считается лучшим. Форд избрал жертвой именно этот завод и купил его. Территория завода занимает 29 десятин. Годовой выпуск продукции– около 9.000 штук. Стоимость автомобилей от 4.500 до 7.500 долларов.

На изготовление идут лучшие материалы, испытанные точнейшими инструментами. Каждая деталь проходит целую серию инспекций. Рессоры, например, испытываются под постоянно возрастающей нагрузкой, при чем предел нагрузки берется гораздо больший, чем требуется в условиях дорог; затем они испытываются под внезапной нагрузкой и также в более трудных, чем необходимо, условиях передвижения автомобиля.

СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ФЕРМА.

Сельско-хоз. опытная ферма расположена за городом, в местечке Дирборне, там же, где находится инженерная лаборатория.

Земельные участки для работы с трактором по своей ничтожной величине ни в коем случае не удовлетворяют своему назначению.

Вместо демонстрации всех видов прицепных машин и орудий для тракторов, администрация Форда почему-то ограничилась тракторной вспашкой и боронованием.

Наши инструктора, работавшие по 3-4 дня, смогли поработать лишь на этих двух операциях сельско-хозяйственных работ.

Никаких новых сельско-хозяйственных машин на ферме не имеется. Существующие старые машины хранятся под открытым небом и стоят по колена в воде. Таким же образом хранятся и тракторы. При таких условиях показа способов эксплоатации тракторов ферма теряет всякий смысл.

ЛОМОВЫЕ СТУДЕНТЫ.

На заводах Форда работает много студентов всяческих национальностей. Кого только тут нет: китайцы, японцы, индусы, мексиканцы, чехи, поляки, немцы и др.—полный интернационал.

Работа этих студентов протекает в самых невыгодных условиях. Каждый форман норовит использовать студента для перевозки и переноски тяжестей. Правда, их через 1-2 месяца работы переводят из одного цеха в другой, но всюду одна и та же неблагодерная работа. Специализация в таких условиях получается довольно неопределенного типа. Трудовой режим к студентам применяется на все сто процентов, такой же, какой существует и для всех рабочих.

ЧЕЛОВЕК У ФОРДА.

Человеческая жизнь в фордовских условиях представляет из себя нулевую ценность. Уважение и помощь износившемуся на работе рабочему заменены здесь автоматическим безоговорочным выбрасыванием износившегося человека из производства. Как негодный выжатый лимон, вышвыривается рабочий, отработавший свое.

Изнашиваемость организма рабочего в условиях фордовских заводов проходит быстро.

Для «злостных», набравшихся нахальства проработать у Форда беспрерывно 10 лет, существуют медицинские комиссии. Если они установят, что данный живой двигатель частично амортизован и не даст всех 100 процентов эффекта в работе вполне здорового, «провинившийся» увольняется. О какой-либо компенсации при уходе говорить не приходится. На заводах Форда платится лишь за те часы, которые отбиты по карточке и подтверждены табелем соответствующего формана. Если рабочий заболел, заработок также автоматически «заболевает». В тех случаях, когда рабочему необходимо коечное, больничное лечение, в его распоряжение предоставляется койка в фордовской больнице. Стоит такое «удовольствие» всего 9 долларов в день.

Как во всяком производстве, у Форда бывают несчастные случаи с людьми. Получивший увечье в начале или в середине рабочего дня рабочий, конечно, не дожидается звонка, возвещающего конец занятия, а его или увозят или он сам кое-как уходит из цеха. С аккуратностью, свойственной американцам, соответствующий форман записывает время ухода с работы и с этого момента до выхода на работу заработная плата не выплачивается.

Сплошь и рядом можно видеть рабочих на костылях. Это пришли выстаивать свои 6 долл. в день пострадавшие во имя Генри Форда и еще не совсем подлечившиеся. Потерявшие зрение во время работы на заводах фордовской компании вынуждены выполнять все те же 8 часов легкую работу, не требующую нормального зрения,—иначе никто платить не будет.

ЗАРПЛАТА.

На всех фордовских заводах установлена пятидневная рабочая неделя с рабочим днем в 8 часов.

Любопытна история возникновения пресловутой пятидневкой рабочей недели. До ее введения существовала шестидневная рабочая неделя. В один прекрасный момент формана об'явили по всем цехам, что Форд собирается платить за 6 дней при фактических 5 днях работы, при том условии, что рабочие за эти 5 дней произведут ту же продукцию, что и за 6 дней. Каждому рабочему было лестно иметь 2 дня отдыха в неделю. Рабочие «поднатужились» и стали вырабатывать ту же самую продукцию в 5 дней, что и за 6 дней. Тогда Форд заявил, что, по его мнению, ни один американец не позволит себе получать заработную плату за фактически неработанный день. Не производя никакого референдума—опроса, считают ли рабочие «не этичным» получать за шестой день, Форд просто-напросто не стал платить за 6 дней. Он декларировал незыблемость пятидневной рабочей недели с туманным добавлением, что честные рабочие будут получать за 6 дней. Какое понятие им вкладывалось в термин «честные рабочие»—неизвестно.

Заработная плата на заводах Форда начинается с 5 долларов в день. Эту минимальную плату получают вновь поступающие в течение первых двух месяцев. Начиная с третьего месяца работы минимальный заработок выражается в 6 долларов в день. Обычная заработная плата на работах, не требующих квалификации—6 долларов 40 центов—6 долларов 80 центов в день. Инструментальщики получают до 10 долларов в день. В этих же пределах колеблется и заработная плата форманов. Прибавки жалованья производятся за выслугу. За год-полтора работы рабочий получает прибавку в 20-30 центов в день.

Такие цифры заработной платы нам кажутся баснословно высокими. В действительности, при низкой покупательной способности доллара и при высоких ценах на предметы первой необходимости, такая зарплата отнюдь не высока. Прожиточный минимум наших студентов был 2-2½ доллара в день на обед, завтрак и ужин и 1 доллар за гостиницу.

Рабочая неделя у Форда пятидневная, а жить надо 7 дней в неделю. Выходит, что фордовский заработок давал 3 доллара 50 центов в день. Таким образом, весь заработок уходил на удовлетворение необходимейших потребностей в пище и жилище.

В своих книгах Форд, захлебываясь от удовольствия, расписывает о том, что он по своей воле поднял зарплату с 5 долларов основной ставки до 6 долларов. Когда российский рабочий прочтет: «Зарплата—6 долларов в день -12 целковых», он почешет затылок и подумает: «Вот бы мне»...

Но нужно знать на каком уровне вообще стоит зарплата в САСШ и каков вообще реальный уровень такой симпатичной зарплаты. Во-первых, зарплата в Аме

рике в сравнении с довоенным уровнем выросла вдвое. Попробовал бы Форд при таких условиях не повысить! Во-вторых, не только зарплата повышалась, но росли и цены на предметы первой необходимости. Вот вам вычисления Базиля Манли бывшего председателя военного комитета труда, о реальной зарплате в то время когда Форд платил 5 долларов (Джей Ловстон—«Труд и капитал в Америке»):

«В сравнении с 1900 г. каждый доллар, заработанный рабочим, означал только 49 центов в 1917 г. и 33 цента—в 1920 году. Таким образом, рабочему, который зарабатывал в 1900 году 2 доллара в день, надо было в 1920 году зарабатывать по 6 долларов, чтобы только удержаться на прежнем уровне»...

Вот вам обратная сторона красиво выбитой Фордом медали «высокой» заработной платы.

ВНУТРЕННИЙ РАСПОРЯДОК.

Правила внутреннего распорядка на заводах Форда запрещают работающим во время работы на заводе: курить, сидеть, прислоняться к чему-либо и разговаривать. Нарушение любого из этих правил достаточно, в лучшем случае, для вычета из зарплаты части заработка, в худшем—для увольнения. Курение на заводе неминуемо влечет за собой последнюю меру наказания.

Слежка за выполнением этих правил входит в общий круг обязанностей специальных сыщиков завода, которых изрядное количество. Попытаться покурить при такой ситуации желающих нет. Чтобы как-нибудь отвлечься от желания курить, рабочие жуют или жвательный табак, приправленный чем-то сладеньким, или резину, пропитанную сладким составом.

Табак жуют большинство рабочих, форманов и чинов более высшей администрации. Сок, получающийся в результате пережевывания, глотать нельзя, поэтому все жующие плюются, как верблюды. Многие в этом занятии дошли до виртуозности: попадают плевками в любую цель.

ФОРДОВ ЗАВТРАК.

После 4½ часов работы в каждом цехе бывает перерыв на завтрак. В зависимости от цехов, время перерыва колеблется от 15- 30 минут.

Цех по изготовлению поршневых колец, например, работающий в 3 смены, пользуется 15 минутным перерывом, так как перерыв засчитывается в рабочее время, и администрации невыгодно увеличивать за свой счет свободное время. Цехи, работающие в одну смену, обедают 30 минут, и это время не засчитывается в рабочий день.

К моменту перерыва в цехи приезжают или грузовики или тракторы с прицепными тележками, на которых наложено с'едобное. Основное из с'едобного на тележках это коробки, в которых обретается 3 бутерброда, кусок сладкого пирога, кусок торта и яблоко или апельсин. Стоит такая коробка 15 центов (30 копеек).

Ассортимент обеда-завтрака наших студентов был—указанная коробка, одна бутылка молока (7 центов—14 коп.), бутылка или кружка супа (5 центов или 10 коп.) и пакетик с солеными орешками (фасолью) (5 центов—10 коп.). Такой завтрак отнимал из бюджета 32 цента (64 коп.). Для того, чтобы заполучить завтрак, надо 3-4 минуты простоять в очереди.

Умываться, конечно, времени нет. Выходить на улицу завтракать в большинстве цехов не разрешается, а потому приходилось не стесняться и усаживаться на полу с таким расчетом, чтобы до звонка успеть расправиться с завтраком.

Гигиенические указания, советы, приобретенные еще в СССР, приходилось забывать. Белые бутерброды в руках становились черными, а апельсин, чем больше его очищали от кожуры, тем больше становился неприглядным и грязным.

ЧОРТОВ СВЕТ И НАШ ПРОФЕССОР.

Сейчас у нас, в СССР, в связи с рационализацией производства, занялись и рационализацией освещения.

У Форда оно совершенно особенное.

Когда в первый раз попадаешь на фордовский завод, глаз никак не может приспособиться к существующему в цехах освещению. Во всех цехах электрические лампочки заменены ртутными лампами (друммондов свет). От такого света лица работающих выглядят по-мертвецки, все жилки, вены принимают багрово-синий оттенок. Когда наши студенты выходили на улицу по окончании рабочего дня, приходилось порядочное время приспосабливаться к дневному свету.

Вот этот самый свет один из наших «сладеньких профессоров»—«знатоков» фордизма (Лавров), сходивший с ума от Форда, назвал в своей книжке «Форд и фордизм» божественным светом. Из каких-то высоких побуждений маститому профессору нужно было уклоняться от истины, расписывая фордовские условия труда. И такой винигрет ложных сведений о работе на фордовских заводах в тысячах экземпляров распространяется по СССР, создавая извращенное представление о благополучии трудового режима на заводах автомобильного короля.

РАБОЧЕЕ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСТВО.

Нередки случаи изобретательства среди рабочих Форда За то или иное изобретение, усовершенствование, позволяющее Форду с'экономить десятки тысяч долларов в год, рабочий получает прибавку в 40-50 центов в день.

Патент на изобретение закрепляется за Фордом. Многие рабочие-изобретатели из бывших русских не соблазняются на такую прибавку, не передают Форду своих изобретений, а выражают желание или переслать их в СССР, или применить их при своем возвращении на родину.

«ОХРАНА» ТРУДА.

Во всех цехах имеются комнаты скорой медицинской помощи. Сюда обращаются в случае порезов, ожогов, ушибов и др. несчастных случаев.

Быстрота работы и здесь американская. Порезанную руку, не смывая грязи, масла, в два счета перевязывают. Помощь поистине скорая.

Никаких отпусков рабочим не полагается, независимо от числа проработанных лет. Отпусками пользуются лишь верхушки инженерной лаборатории в Дирборне.

Прозодежда приобретается работающими за свой собственный счет.

Увольнения производятся по представлению форманов или, в случаях сокращения производства, по распоряжению администрации. Бывают случаи увольнения в один день до 15.000 рабочих.

Любопытное явление представляет собой регулярное сокращение производства всеми промышленниками, примерно, за год до президентских выборов. Рабочая неделя сокращается до 3 дней в неделю. Например, перед выборами Куллиджа фордовские рабочие работали 3 дня в неделю. Одновременно с сокращением рабочей недели увольняется масса рабочих. Периодически, раз в семь лет, каждый рабочий со страхом и трепетом ждет, что его вот-вот сократят. Многие за время президентских выборов проживают все свои сбережения «про черный день». Об'ясняют фордовские рабочие такое явление тем, что каждый заводчик при выборах не знает, какая партия победит и какой темп экономической жизни страны будет дан победившей партией через нового президента.

ЧЕЛОВЕК ПРЕВРАЩАЕТСЯ В ТРЯПКУ.

Общественно-воспитательная работа среди рабочих в регламент фордовского производства не включена. Форд принял все меры к тому, чтобы не было ни малейшего намека на подобный сорт работы среди его рабочих. Он гордится тем, что среди его рабочих нет членов профсоюза. Факт этот проверен и в данном случае Форд говорит правду. Есть одиночки-профсоюзники, но это капля в море. В массе своей фордовские рабочие вне каких-либо общественных организаций.

Все же имеется нелегальная коммунистическая ячейка, правда, очень немногочисленная (человек 40), но ведущая большую работу. Ею издается нелегальный, вернее полулегальный, печатный орган «Форд Уоркер»—«Фордовский рабочий», в котором рабочему «благодетелю» Форду достается «на орехи» по заслугам.

Большинство рабочих политически совершенно безграмотны. Чистокровные американские рабочие в большинстве политикой не интересуются. Они с удовольствием пойдут смотреть на бокс, футбол, играть на биллиарде, выпить самогон. А политика их не касается. Работа в течение ряда лет на одной и той же операции сделала их вообще отупевшими. Кстати, такое уродливое положение фордовского рабочего все тот же «специалист» по истолкованию фордизма, профессор Лавров, считает большим достижением, уверяя на все лады, что фордовский рабочий работает в условиях «гармонии ритма в производстве». Хороша гармония, когда проработавший 2-3 года у Форда превращается физически и морально в тряпку.

Наши русские и украинские эмигранты дореволюционных годов представляют исключение из общей массы рабочих. У этих есть и кружки, и культурно-просветительные учреждения, школы русского языка и др. учреждения. Такие знают и про нашу революцию и про ее вождей. Многие читают сочинения Ленина.

НАШИ ЭМИГРАНТЫ И ИХ БЫТ.

Большинство русских, а их в городе Детройте около 30 тысяч, да поляков с литовцами 115.000 человек, несмотря на зрелый, а подчас и преклонный возраст—холостые. Жена для них—актуальный вопрос. Об'ясняется это тем, что женщин в Детройте меньше, чем мужчин. Наши русские, приехавшие в Америку еще мальчишками, вынуждены теперь искать жен среди американок. А американки за иностранцев не идут. А если и идут, то только для того, чтобы прибрать к рукам хозяйство своего неудачника-мужа и развестись с ним. Семейные из русских слывут счастливчиками. Счастливчиками стали они лишь потому, что или приехали с женами из России или успели вступить в брачные узы с женской частью эмиграции, крайне ничтожной по своей численности.

Семейные живут по большей части в так называемых своих домиках имеют свои автомобили. Домики—типа наших дачных поселков в 3-4 комнаты. Обставлены внутри с большим вкусом и комфортом. В каждом домике есть газовая плита, ванна с постоянной горячей водой, электрическое освещение. Редкий домик такого пошиба не имеет граммофона. Не знаю, как в остальной Америке, а в Детройте и других городах штата Мичиган граммофоны распространенный вид музыки.

Домики свои—«постольку-поскольку». Покупаются домики в рассрочку, т. к. по цене они недоступны для единовременной расплаты (7.000-10.000 долларов). Пока «собственник» исправно платит проценты по рассрочкам платежа, никто не нарушает иллюзии его собственного дома. Неуплата процентов влечет за собой выкуривание «собственника» из его дома. Так что за такую своеобразную собственность рабочий всю свою жизнь должен платить проценты и дети его будут поставлены перед той же перспективой. Между прочим, основная стоимость дома почти всегда остается невыплаченной.

Америка страна индивидуалистического мещанского быта. Недохватки в бюджете, жилищный кризис и теснота помещений не побуждают среднюю по достатку американскую семью искать выхода из затруднений в организации общих домовых столовых при прачечных. В пределах своей семьи американская женщина стремится наладить свое хозяйство так, чтобы работа ее по приготовлению пищи, по обшиванию и обстирыванию семьи отнимала минимум времени и энергии.

Надо признаться, что в этом, с помощью техники и собственной изобретательности, женщины добились многого.

ЭМИГРАНТСКАЯ СЕМЬЯ.

Дети русских эмигрантов, родившиеся уже в Америке, растут и вырастают настоящими американцами. На родном русском языке не говорят ни звука. Создается подчас своеобразная трагедия. Отцы-крестьяне не усвоили, как следует, английский язык, а дети не научились говорить по-русски, так как с детства вращались среди американских детишек и учились в американских школах. И для об'яснения в семейной жизни хоть переводчика нанимай.

Нередки случаи уродливых форм семейственности. Молодой рабочий (30-35 лет) женится на 50-ти летнем подобии женщины с капитальцем, так как захотелось хоть какого-нибудь семейного очага. «Жена» прекрасно понимая, что хоть она и фурия, но хозяин положения,—держит свою половину в черном теле, ограничивая сферу деятельности мужа исключительно своим соседством.

Таким мужьям еще хуже, чем холостым.

АМЕРИКАНСКАЯ МОРАЛЬ.

По американским законам женщинам даны большие права в отношении мужчин. Достаточно женщине заявить полисмену, что вот такой-то мужчина оскорбил ее, его арестовывают. Суд безоговорочно направляет оскорбителя на 3-4 месяца в тюрьму. Такие случаи бывают сплошь и рядом. Бывают они и в семейной жизни, когда, по заявлению жены, мужа арестовывают.

Назначение таких жестких законов—оберегать американскую нацию от «разложения нравственности». Из тех же побуждений живущие фактическим браком сажаются в тюрьму за «незаконное сожительство». Появление на пляже в первородном костюме, во имя того же попечительства о нравственности, влечет за собой все ту же тюрьму

Во время пребывания трактористов в Детройте газеты сообщали об одном из штрихов выполнения «закона о нравственности». В Чикаго молодая девушка, проходя по улице, была вынуждена поправить подвязку чулка. И без того коротенькая юбочка в процессе застегивания подвязки была поднята еще выше, собралась моментально группа любопытных. Вмешался в «историю» полисмен. Девица была препровождена к судье и в тот же день по судейскому приговору получила 3 месяца тюрьмы.

В Америке, больше, чем где бы то ни было, законы пишутся и издаются для того, чтобы они не выполнялись. Наряду с законами, гарантирующими «чистоту» американской нации, широки разгул, распущенность и разврат.

Проституция существует совершенно легально и ютится не где-нибудь на окраинах, а привита в самом центре города. Целые районы пестрят своеобразными вывесочками на окнах домов: «сдается комната». Тут же возле вывесочек «хозяйки» комнат, зазывающие на все лады искателей комнат с приключениями. Открыто функционируют дома терпимости. Все это под бдительной охраной представителей власти, полисменов.

Такова оборотная сторона медали американской нравственности.

«СУХОЙ ДЕКРЕТ».

Как и всегда бывает, самые злачные места, где на обе лопатки кладутся последние проблески нравственного законодательства, возрастают на пьяной почве. Гнуснейшие заведения с голыми женщинами и всевозможными безобразиями называются скромно «салон».

В каждом таком «салоне»-кабаке на видных местах—портреты губернатора штата и шерифа (начальника полиции). Продажный товарный ассортимент таких кабаков—канадская виски (водка), канадское пиво и самогонка всех сортов и оттенков (хлебная, сахарная, кукурузная). Против главного полицейского управления («Сити-Холл») в Детройте обретается лучший главный кабак.

Одна из окраин города Детройта, самостоятельный городок Гемтрамик (где живут исключительно поляки, и где городской голова поляк), отличается своим самогонным производством. Почти в каждом доме выкуривается опьяняющее зелье. В разговорной речи самогонка называется «муншайн»—лунный свет, так как гонят ее при лунном свете по ночам.

В один из наездов федеральной полиции из Вашингтона был обнаружен оборудованный по последнему слову американской техники самогонный завод у... городского головы. Его временно отстранили от исполнения своих обязанностей. Вскоре состоялись новые выборы мэра. Отстраненный самогонщик-мэр, избранный до того двадцатью тысячами голосов, получил в эти выборы 30.000 голосов и снова был избран мэром.

Самая элементарная логика указывает на наличие в Гемтрамике около 30 тысяч самогонщиков.

В это же самое время номинально существует в силе, так называемый, «сухой закон».

Один из рассадников распространения спиртных напитков—американские аптеки. Прежде всего это—отличные от наших аптек заведения. В американской аптеке можешь купить карандаши, записные книжки, фотографические принадлежности, папиросы, сигары, можешь покушать мороженого и плюс ко всему разнообразию—выпить спирта. Предложение исходит со стороны аптекаря.

Один из джентльменов-аптекарей любезно вскрыл всю тайну откровенного игнорирования сухого декрета. По штатным законам для того, чтобы произвести обыск в аптеке, полиция должна получить ордер от судьи. Обстоятельства могут вынудить судью подписать ордер, но так как судья—лучший друг нашему любезному рассказчику, то он перед тем, как выдать ордер, позвонит ему и предупредит:

— Вынужден подписать ордер на обыск. Сделай соответствующие приготовления.

Устои совершенства американской нации при таком ханжестве американского правительства, закрывающего, когда ему нужно, глаза и заявляющего, что я, мол, ничего не вижу, конечно, останутся фикцией. И от всей американской нравственности остаются уравнения со многими неизвестными.

ТАК СКАЗАТЬ, «ДУХОВНАЯ ЖИЗНЬ».

— Что дала Америка искусству?—спрашиваю приятеля, исколесившего весь земной шарик, в том числе и Америку.

— Ничего не дала. Вот разве только ботинки с узкими носами. Остальное все чужое—и в музеях, и в театрах, везде. Фокс-трот и то гавайского происхождения. Америка—сплошная посредственность, «золотая середина». Ничего самобытного.

— Ну, а в быту?

— Быт—окостеневший, сухой, узко-практический, односторонний, несложный

— Но в чем-то проявляется духовная жизнь?

– Проявляется.. (кривая усмешка)... Стоит только заглянуть в сектантскую церковь, театр, музей, школы... Американская «духовная жизнь», как на ладони будет.

— Посмотрим...

И вот церковь. Глубокий синий купол вечера проткнула высокая великолепная церковь. Она в лучшей части Нью-Йорка, в центральном парке запада. В притворе вытянулись ряды очереди. Служители в диковатых, причудливых сюртуках сохраняя торжественное молчание, указывают жестом места входящим.

Толпа пестрая. На три четверти—женщины. Элегантные дамы в дорогих мехах. Мелкобуржуазные, средне-обеспеченные женщины поскромнее. Группа торговок разного калибра. Молодые девицы в кокетливой обуви, тонких чулках и с лицами, обильно украшенными белой и розовой живописью (румяна и пудра необходимая принадлежность американского женского туалета, конечно, у кого туалет имеется). Ждут конца проповеди.

Кончилось. Весь табун выпускают. В зрительном зале (назовем так) на переднем плане мужчина за фисгармонией. С другой стороны солистка-певица. Между ними священник в обыкновенном платье. Брит.

Все встают. Поют религиозную песнь. Пение кончается. Сели. Молчат. Священник в полголоса предлагает присутствующим засвидетельствовать фактами пользу от «исповедания веры», изобретенной сектой, представителем которой он является.

Тишина тяжелая, давящая. Молчание набухает. Внезапно слабый, тонкий голос прерывает застывшее болотное безмолвие. Поднимается пожилая женщина. Начинает рассказывать о своем исцелении от желудочной болезни. Лекарством оказывается служили вера и молитва. Заканчивает благодарственной хвалой секте. Не успевает она умолкнуть, встает хорошо одетый суб'ект и сообщает, что он в компании с другим лицом имеет конфекционную фабрику. Дело шло плохо, пока компаньон не «уверовал», и с того дня, как он посвятил себя церкви, фабрика дает блестящую прибыль, т. к. на ней, изволите ли видеть, почиет «божие благословление».

После этого чудака один за другим 12 человек поведали о всевозможных избавлениях: один от ревматизма, другой от глазной болезни, женщина сообщает, что силой молитвы спасла сына от смерти на войне, где погиб весь отряд (об остальных погибших, у которых тоже остались матери, она забыла). Следующая всерьез и патетически об'явила, что, благодаря ее вере, канарейка избежала смерти, не была с'едена кошкой, несмотря на то, что клетка упала и дверца раскрылась. На закуску все пропели гимн и стали расходиться.

Это, простите за выражение, «духовная жизнь» Америки.

Театр. Американец целый день кипит в котле деловой жизни, погони за долларом, бегает бешеным кобелем (язык на левом плече). Вечером ему не до размышлений и философствований, которые ничем не могут способствовать процветанию его конфекционного или железного дела. Конечно, именно буржуй диктует свои вкусы театру. Конечно, театр дает именно то, чего от него требует буржуа.

А буржуй, явившийся в театр, ищет приятного легкого зрелища. Его левое копыто желает, чтобы его развеселили или растрогали. Он чинно сидит и хочет увидеть за свои деньги нечто занятное и такое, что не потребует особых напряжений суженного, одностороннего мозга. Идейную пьесу он счел бы подвохом, демонстрацией. И поэтому на сцене полная легковесность, безыдейность, в роде американских лент-кино, в которых подано вкусно, а есть нечего.

Опера. В Нью-Йорке она располагает первыми в мире голосами. Оркестр тоже первоклассный. По понедельникам (традиция) весь «высший свет» стекается гниловатым потоком в первые ряды партера. В нижнем ярусе—денежные аристократы—обладатели лож. Там роскошь несметных ювелирных богатств, изысканные горностаевые мантии, сверхестественные туалеты. «Полдюжины таких дам могли бы покрыть германские военные долги»—пишет немецкий журналист Гослар в своих впечатлениях об Америке. Ходячие банки, а не дамы.

Что же делать, как не увлекаться тем, другим, в частности музыкой? И здесь мы сталкиваемся с тем же, характерным для Америки, явлением. Своей музыки нет... Квартет прекрасного виолончелиста К. Джонера, например, в своей программе имеет Бетховена, Шуберта, Брамса и т. д.

Америка и в музыке не дала никого, на ком стоило бы остановиться, как на величине.

Музеи. Может быть, здесь мы найдем американское, самобытное, свое? К примеру— в картинных галлереях! Увы! Ничего подобного. Америке можно позавидовать только в одном отношении: много прекрасных (но чужих) оригиналов Рембрандта, Дюрера, Гольбейна, купленных американскими (эти-то свои) миллионерами в Европе.

Собственных художников немного, да и у тех больше размаха, чем искусства, чем внутренней выразительности. Американские художники могут соперничать с Европой только в отношении графики. Они не в картинных галлереях, а в журналах. Вот органы печати прекрасно иллюстрированы, даже в об'явлениях встречаются великолепные рисунки. На это американских художников хватает. Не больше.

Преобладающий тип театров—кино. Правда, кино занимают помещения, побивающие своим оборудованием, своей внешностью наши лучшие театры, но зритель в них получает лишь бессодержательные кино-фильмы с миллионами трюков и авантюристических приключений. После сеансов ему преподносятся два-три номера кабарэ: две-три пары отобьют американскую чечетку, станцуют чарльстон. Вся программа кино проходит под аккомпанимент органа. При исполнении номеров кабарэ сцена декорируется красивыми декорациями и освещается вычурными световыми эффектами. Все рассчитано на внешность. Содержание постановок и картин меньше всего исходит из соображений насаждения высокой нравственности. А на внешность производятся большие затраты. В театре «Ривьера», выстроенном уже в последнее время, потолок имеет вид неба. Над зрителем мерцают звезды, плывут облака. В театре«Мичиган» орган стоит около 100.000 долларов.

Большой шум произвела, так называемая, революционная кино-фильма «Волга-ботман» («Волжский бурлак»). Кино были битком набиты публикой. У касс стояли хвосты, чего обыкновенно нет возле американских кино. Реклама, характеризовавшая картину, как революционную, привлекла многих. Вся революционность сводилась к тому, что на экране фигурировали надписи: «комполка», «ревтрибунал», появились красные флаги. Под красными флагами шли какие-то банды разбойников. При посещении графского замка после Октябрьской революции громилы устраивают пьяные оргии, грабят ценности, кушанья берут не вилками, а руками. Словом, автор фильмы приложил все старания к тому, чтобы изобразить русские революционные массы в самом непривлекательном виде. Красная армия, выбившая белогвардейцев из города, обрисована в таком же виде.

Несмотря на белиберду, преподносившую в фильме одни названия «революционный трибунал», «комиссар полка», красные флаги—вызывали сочувственное настроение у публики. В том месте картины, где большевики расстреливали офицеров, весь зал разражался громом аплодисментов.

СПОРТ.

Любимый спорт у американцев футбол и бокс. На футбольные состязания сходятся тысячи народа, а когда происходит ежегодная встреча лучших команд Америки для борьбы за первенство, из всех штатов Америки стекается до 100.000 человек.

Американский футбол очень разнится от нашего. Коренная разница в том, что в американском футболе можно драться, толкаться, хватать мяч, чем угодно. Игроки без мяча сшибают друг друга. Там же, где мяч,- происходит форменная свалка и побоище. В играх за первенство Америки каждый дюйм поля берется с боя.

В 1926 году в Америке произошло крупное спортивное событие. В октябре состоялась встреча чемпиона мира по боксу -Джемпси и бывшего матроса Тоннея, протендента на это звание. За несколько недель до начала матча билеты на стадион всемирной выставки з Филадельфии были распроданы. Дня за 3-4 до начала матча билет можно было получить лишь долларов за пятьдесят. На матч собралось больше 100.000 народа, в том числе заместитель президента, 5 министров, несколько штатных губернаторов. Это—там, непосредственно на месте драки.

В других городах, в частности в Детройте, в день матча наэлектризованная публика торчала на улицах у радиоприемников, жадно ловя сообщение о результатах схваток. После сообщения об окончательном результате борьбы толпа буквально стонала от криков злорадства по адресу Джемпси. Матч был выигран Тоннеем. Американцы чтят своих кумиров, пока они коронованные и с издевательским злорадством встречают их развенчанными.

Переуступка звания стоила Джемпси потери его и кусственного парафинового носа, почти выбитого глаза и свернутой челюсти. Джемпси получил за матч 700.000 долларов. Тонней—300.000 долларов.

Вся американская публика, следившая за матчем во всех городах Америки, представляла из себя два лагеря: «джемпситов» и «тоннитов». Соотношение первых и вторых было, примерно, как 5:1. В таких же пропорциях ставились пари. Тот, кто ставил за Джемпси, назначал своему противнику впятеро большую сумму, чем последний ставил за Тоннея. В связи с поражением Джемпси, многие американцы крупно проигрались.

К любой разновидности спорта американец неравнодушен. Лодочные гонки, автомобильные гонки, борьба и пр.—все это приводит в экстаз любого американца. На происходившей в Детройте сельско-хоз. выставке штата Мичиган состоялись автомобильные гонки, борьба и пр. все это приводит в экстаз любого американца. моменты гонок, когда один претендент на первый приз обгонял другого, вся публика вскакивала со своих мест, и стадион оглашался каким-то бессвязным рычанием. Победителю-гонщику была оказана буйно-трескучая встреча.

Вторым спортивным событием в этом же году явилась победа первой женщины американки Гертруды Эдерлен над Ламаншем. Дочь немецкого мясника переплыла канал и сразу стала мировой величиной. Все газеты пели ей дифирамбы. День ее возвращения в Нью-Йорк из Франции превратился в национальный праздник. Учреждения не работали. Весь город высыпал на улицы. Только войска оказались в состоянии поддержать порядок, когда победительница направилась в свою квартиру. В первый же день она заключила договор с одним из театров, по которому она согласилась демонстрировать на сцене приемы плавания. Договор обеспечивал за ней заработок в 1.000.000 долларов в год.

ЦЕРКОВЬ И ГОСУДАРСТВО.

Формально в Америке церковь отделена от государства. В школах «закон божий» не преподается. Повседневная же жизнь демонстрирует протекционистическое отношение правительства к религии. Происходившие при нас церковные шествия, по-нашему «крестные ходы», возглавлялись полицией. Во время судебной тяжбы между «безбожниками» и попами в одном из русских приходов в Детройте суд целиком встал на сторону попов.

И здесь, в области религии, американское правительство проводит ту-же двурушническую политику законов писанных и неписанных.

Существует в Америке, так называемая, «армия спасения». Эта армия ничего общего с военным ведомством не имеет, и представляет собой чисто религиозную организацию. У гостиницы наших трактористов каждый вечер один из отрядов этой армии имел стоянку для исполнения религиозной процедуры. Одеты «армейцы» в военную форму. Каждый молящийся снабжен или трубой, или барабаном, или гитарой. Минут пять говорит оратор. После этого - музыкальные духовные песнопения под аккомпанимент своеобразного оркестра из перечисленных выше инструментов. Оркестранты нарочно играют «кто в лес, кто по дрова», чтобы привлечь больше любопытных.

Несмотря на такие мероприятия, ни одна молитва шайки не имела успеха. Их слушали лишь 2-3 мальчика с пальцами в носу, мальчишек привлекал сюда барабан (в детском возрасте каждый переживает период барабанного увлечения). В СССР такую банду «спасения» ближайший милиционер отвел бы в отделение милиции за нарушение общественной тишины и спокойствия.

АМЕРИКАНЦЫ И НЕГРЫ.

*Негры считаются людьми низшей нации. Уравненные законом в элементар*ных правах с другими национальностями, негры фактически игнорируются, презираются обществом. Стоит негру поселиться в районе, где живут белые, те начинают переселяться, чтобы не жить вместе «с нечистью». Бывали случаи, когда соседи-американцы заставляли угрозами своего соседа-негра выселиться. Не любящие скандалов, негры в большинстве своем считаются с ненавистью к ним янки и живут все в одном районе,—район черных.

Положение более или менее уравненного в правах негра существует лишь в центральных штатах Северной Америки. В южных штатах, ближе к Мексике, негры не имеют права ехать в одном трамвае с белыми, не имеют права вести знакомства с белыми. Для них на железных дорогах заведены специальные вагоны «для черных». В случае обнаружения связи негра с белой, высоконравственные американцы уничтожают негров. Брезгливое отношение к неграм нисколько не мешает тому, что в случае болезней белые прибегают к помощи знаменитых негритянских врачей.

ФИНАНСОВАЯ ПРИСЯГА.

Перед отъездом из Детройта пришлось нашим трактористам отбыть повинность присяги у фининспектора городского самоуправления по поводу заработанной у Форда суммы.

Из заводоуправления была дана справка, что мистер такой-то заработал за три месяца столько-то. Подняв правую руку, надо было клясться, что сумма эта соответствует действительности. В свидетели приглашался сам «мистер бог».

ЛАНСИНГ.

Работа у Форда была закончена. Оставалось выполнить разные мелкие формальности и сказать «последнее прости» Америке.

Наши трактористы сделали после Детройта первую остановку в Лансинге, чтобы познакомиться там со старейшим в Америке сельско-хозяйственным колледжем. Этот колледж готовит специалистов-агрономов, инженеров-агрономов, инженеров по дорожному строительству.

Имеется факультет... готовящий образованных жен. В течение трех лет обучают искусству выбора платьев, выбора кушаний, обращению с молодыми людьми, обхождению с гостями, танцам, технологии шелковых, шерстяных и прочих тканей, поведению с женихом и тому подобным «научным дисциплинам». Вряд ли где еще сохранились теперь подобные факультеты.

Но лаборатории и другое оборудование в многом уступают нашей Тимирязевской Сельско-Хозяйственной Академии. При американских богатствах старейшие высшие учебные заведения в Америке можно было бы оборудовать и получше.

В лаборатории по испытанию строительных материалов господствует секретность испытаний. Сколько ни старались узнать наши студенты, какими механическими свойствами обладает и должен обладать бетон, какие цифры получались при испытании в лаборатории, им заявляли, что цемент, испытываемый в лаборатории, вырабатывается определенной фирмой. Она обязала колледж не оглашать результатов испытаний. Секреты производства преследовали и здесь.

НАЗАД, ДОМОЙ.

И вот Америка сзади. Океан неприветливо встретил на этот раз. Он шумливо и угрожающе раскачивался два дня, а на третий день забурлил пенным лихим штормом. Пароход кренился, переваливался с боку на бок, нырял форштевнем в седые валы, держал курс на восток, домой, в СССР.

Проф. Н. И. КОНРАД

По японской литературе

Однажды я прочитал в одной японской газете, чрезвычайно понравившуюся мне своим своеобразием заметку из «великосветской хроники». Некий молодой человек возвратился только что из сельско-хозяйственного ВУЗ'а в Германии: на родине его сразу же женили; было устроено пышное свадебное пиршество, и так как все это происходило в «большом свете», газеты не преминули оповестить об этом своих читателей, поместили портреты героев и даже послали к агроному-молодожену интервьюера, задавшего ему вопрос: «что вы теперь думаете делать, после приобретения диплома германского ВУЗ'а и очаровательной Окусан (жены)?». На это сей ученый агроном ответил: «Я привез с собою из Германии маленький автомобиль, специально приспособленный для раз'ездов по полям, и буду со своей молодой женой раз'езжать по своему поместью, наблюдая работу крестьян».

В этой заметке мне бросилось в глаза не столько самый характер ответа, сколько та жизненная обстановка, которая из-за этого ответа проглядывает и которая типична для современной Японии. Представьте себе рядом друг с другом: европеизированный германской выучки японец и тут же крестьянин, живущий чуть ли не так же, как жили его предки в эпоху родового строя. Замысловатый автомобиль около полей и примитивная мотыга на полях. Женщина на этих полях, у которой зубы еще по-старинному вычернены, и молоденькая, нарядная дамочка, на автомобиле около полей, говорящая, конечно, немного и по-английски. Два мира, несомненно. Правда, исторически и всячески связанные друг с другом, но в последнее время разобщившиеся чрезвычайно.

Такова новая Япония. Япония последних десятилетий, вся наполненная контрастами, и прежде всего в области культуры. Впрочем, нужно сказать только одно, но оно существенно: эти контрасты идут не столько по линии одновременного существования нескольких исторически-различных типов хозяйственного и культурного уклада, сколько по линии европеизации всей японской жизни. Европеизация идет интенсивнейшим образом, но один конец Японии идет по этому пути со скоростью экспресса, другой — товарного поезда. Отсюда и отставание одних элементов жизни и забегание вперед других. Отсюда и такое взаимное расхождение многих сторон японской действительности.

Наряду с этим, очень типичным для современной Японии признаком является и другое: общее расхождение между двумя сторонами культурного развития: культура техническая идет вперед быстрейшими шагами, культура же духовная (в широком смысле этого слова) в общем, как правило, плетется позади. Если великолепно оборудованная фабрика типична для новой японской индустрии, то также типичен спец, работающий на этой фабрике и совершенно удовлетворяющийся сантиментальными романами или примитивной историко-анекдотической повестью. Рядом друг с другом: «Форд» и «Бедная Лиза», Небоскреб и Загоскин.

Наряду с этим еще одно любопытное и крайне характерное явление. Если многие японские инженеры внимательно приглядываются к Европе и Америке, не появилось ли там новой модели какой-нибудь машины, то, с другой стороны, некоторые деятели литературы и искусства неустанно следят, нет ли там чего-либо нового и в их области. И что же? Услышали, что во Франции появился дадаизм,—об'является и в Японии школа дадаистов; в Советской России зарождается пролетарская литература,—вдруг об'является и в Японии целая плеяда пролетарских писателей. Рядом с традиционной, идущей чуть ли не «с века богов» танка[1])—новая поэтическая форма дадаистического стиха: рядом с семейным романом мариитовского облика производственный роман. Другими словами, некоторые слои японского общества и в своем идеологическом развитии не только идут в уровень со своей технической культурой, но нередко забегают даже вперед, ставя нас втупик своими достижениями и в этой сфере.

Все это странно, конечно, только на первый взгляд. Для знающего историю этой удивительной страны все это очень понятно. Япония в пять-шесть десятилетий проделала как в своем хозяйстве, так и идеологическом развитии ряд таких этапов, которые в других странах потребовали бы целого столетия. И это опять-таки не в силу каких-то особенных свойств японского «национального гения», но в силу об'ективной исторической обстановки. До своего открытия в 1868 году Япония внутренне совершенно созрела для перехода от феодальных форм к капиталистическим. Только внешние обстоятельства (искусственная изолированность страны от внешнего мира, крутой полицейский режим) препятствовали быстрому развитию этих приглушенных буржуазно-капиталистических сил; и стоило только этим препятствиям исчезнуть (толчок извне: американский ультиматум об открытии портов; вспыхнувшая в связи с этим революция, закончившаяся в 1868 году), как сейчас же начался стремительный рост современного капиталистического хозяйства и сопряженного с ним общего режима. Образцы были налицо, Европа и Америка давали их в изобилии; изобретать вновь ничего не приходилось; нужно было только итти по хорошо проторенным дорогам да еще заранее знать из европейской истории, какие опасности на этих путях могут повстречаться. Заранее знать—значит уметь с гораздо большей легкостью с ними справляться. И вот Япония идет по новому пути так стремительно и так плодотворно, что удивляет весь мир.

Но этой именно стремительностью и обусловлена пестрота и дисгармоничность современной японской культуры в целом. Целый ряд этапов пройден, но пройден не до конца. В современной японской действительности много «хвостов», много еще не окончательно ликвидированного из предыдущей стадии развития. Страна перешла на такую-то ступень, но не целиком, а частично, и хвост прежнего тянется, и тянется иногда еще довольно долго. Поэтому сейчас можно наблюдать одновременное существование многих этапов развития, правда, не равнозначущих, но тем не менее ощутительных.

Если сюда добавить чувствующиеся еще во многих областях пережитки прежнего феодализма, рудименты прежних культурных эпох, то сложность современной японской обстановки как в области экономической, социальной и политической, так и идеологической станет очень хорошо понятной.

Все это сказывается и на литературе. Наряду с давно для нас пройденными этапами мы обнаруживаем иногда то, чего и у нас нет: наряду с примитивностью приема и материала неожиданно новое формальное мастерство или четкий классовый подход к проблеме сюжета. К тому же именно в литературе явственнее, чем во многих других областях, чувствуются традиции старинного литературного искусства, действие факторов, идущих от прежней, столь великой по своей ценности и богатству, литературы.

Разобраться в запутанной картине современной японской литературы дело очень не легкое. Поэтому в дальнейшем я попытаюсь проделать только небольшой обзор того, что заметно на самой поверхности, сделать по новой японской литературе нечто в роде небольшой прогулки, подходя к ней с той стороны, с которой неподготовленный читатель чаще всего подходит: со стороны сюжета.

*) Древнейшая форма стиха.

* * *

Если взять с полки книжного магазина десяток японских романов или пьес, то чуть ли не половина их при этом обязательно окажется историческими. Исторический сюжет—один из самых любимых, самых распространенных в японской литературе. Это верно и по отношению к повествовательной прозе, это особенно справедливо и по отношению к драматическим произведениям. Не будет преувеличением сказать, что весь тот цикл пьес, которые пишутся для традиционного театра Кабуки,—главного театрального жанра в Японии.—почти целиком построен на исторических сюжетах.

Сюжеты для таких исторических романов и драм берутся из разных источников. Прежде всего неистощимый материал для них представляет историческое предание, т.-е. неофициальная, неканоническая, но популярнейшая в народной массе история, окружающая отдельные эпохи и отдельные персонажи этих эпох особым очень выразительным с какой-нибудь точки зрения ореолом. «Сильно-драматических» эпох в японской истории не занимать стать: начиная с героической борьбы двух могучих домов Минамото и Тайра (XII в.), наполнившей своими отзвуками чуть ли не всю последующую японскую жизнь, весь период феодализма (XIII середина XIX века) с его бесконечными столкновениями честолюбий, долга, хитрости, предательства, с его героями и злодеями, с его самураями и горожанами, изобилует такими красочными (чисто по-театральному) моментами, что они как-будто сами напрашиваются либо на сцену, либо на страницу романа. И японские писатели этим материалом широко пользуются.

Вторым источником служат уже более подлинные исторические документы. Сейчас в японской науке идет самый серьезный и интенсивный пересмотр всего прежнего представления о японской истории. Взамен исторической хроники лиц и событий, современные исследователи хотят дать историю развития, показать процессы, характерные для страны и ее жизни в целом, а не для отдельных лиц. Разработанного и опубликованного материала при этом не всегда бывает достаточно, поэтому идет усиленное разыскивание нового: роются в старых документах, в фамильных архивах бывших феодальных домов. И если оттуда часто извлекаются свидетельства первостепенной важности для истории, то нередко там же обнаруживаются и любопытнейшие историко-бытовые документы. И именно за них ухватываются писатели, именно за них берутся, чтобы в литературно обработанном виде преподнести широкому читателю. Иногда даже не ученые, но они сами, эти писатели, рыщут по таким уголкам и извлекают оттуда любопытные материалы.

Примеров такой работы очень много, при чем нередко авторы в предисловиях прямо оговаривают этот момент: факт заимствования сюжета из исторического документа; некоторые даже делают больше: публикуют в качестве приложения к своему произведению и сам документ. Так поступает, например, крупный писатель для театра Кабуки — Окамото Кидо[1]), приводя в послесловии к своей пьесе «Оноэ и Идахати» полностью судебный документ, найденный в архивах феодального судилища за 1746 год, документ, представляющий собою следственный материал и приговор по делу о некоем самурае Харада Идахати, нарушившем свою дворянскую честь распутным поведением и кутежами в чайных домиках в Иосивара, вступившем там в связь с куртизанкой Оноэ и за все эти проступки приговоренном вместе со своей соучастницей к выставлению у позорного столба с последующим изгнанием из своего сословия и низведением в разряд «нечистых» парий.

Третья категория авторов поступает иначе: материалы для своего произведения они черпают не из старинной эпопеи или хроники, не из подлинных документов, но из уже готовых литературных произведений какой-нибудь прежней эпохи. Они берут его с тем, чтобы показать его в обновленном виде.

Такое обновление может итти по различному пути и преследовать различные цели. Одна из них—показать это произведение старой литературы в новой языковой оболочке.

*) Японские имена везде в дальнейшем даны в японском порядке: сначала—фамилия, затем имя или прозвище.

Это значит, что все произведение, так сказать, переводится со старого языка на современный. Все устаревшие термины, которыми раньше обозначалось какое-нибудь понятие или давался образ, заменяются новыми, дающими то же понятие и по возможности тот же образ. Устаревшие грамматические обороты заменяются современными, имеющими исторически то же применение*). Словом, создается не столько буквальный, сколько эквивалентный по своему действию на читателя перевод.

Этот вид обработки пользуется большой популярностью. Нет почти ни одного сколько-нибудь значительного памятника древней японской литературы, который бы не был так «обновлен». При этом некоторые такие переводчики или обновители принадлежат к крупным писателям новой Японии, и их работа пользуется признанием и высоко ценится, как чисто художественная. Таковы, например, переводы старых классических романов: «Повесть о Гэндзи» (X век), «Сказание о Тайра» (XIII век), «Повесть о Славе» (XII век), известной современной поэтессы Есано Акико, давшей действительно замечательную обработку этих знаменитых произведений и провозглашенной за это «современной Мурасаки», т.-е. как бы воплотившей в себе все прославленное искусство придворной дамы японского галантного века, автора «Повести о жизни и любовных приключениях блистательного Гэндзи».

Другая форма использования подобных произведений старой художественной литературы несколько иная. Если в описанном случае само произведение в своей основе, т.-е. фабула, сюжетное ее оформление, тематическая обработка—остаются без всякого изменения, то в других случаях берущееся произведение подвергается коренной переработке. Зачастую меняется и тема, и сюжетная обработка. Более или менее постоянной оказывается только фабула. Такие явления чаще всего встречаются в драматической литературе, где прием новой обработки старой пьесы представляется не только очень распространенным, но почти само-собою разумеющимся'. Возобновление какой-нибудь пьесы на сцене театра Кабуки обычно сопровождается в большей или меньшей степени ее переработкой. Делается это отчасти в целях приспособления к условиям данного театра, отчасти же для того, чтобы показать избранную пьесу в наиболее «доходчивом» для нового зрителя виде. Для этого пьеса и перестраивается так, как диктует современное понимание данного исторического персонажа или события, с упором именно на те ситуации, которые могут современного зрителя затронуть.

И, наконец, третий прием использования старой литературы идет по линии фабулистической. У произведения берется голая фабула полностью или частично и ей придается новое сюжетное оформление, соответственно новым запросам читателя и новым тенденциям в области литературного искусства. Иначе говоря, одно произведение дает жизнь одному или нескольким новым. Можно бы писать целое исследование по эволюции литературных сюжетов Японии; это было бы не только важной главой в истории японской литературы, но и любопытным материалом для изучения литературного творчества вообще, настолько эта область и важна, и значительна.

Таким образом, историческое предание, старый документ, старинное литературное произведение—дают материал для этой «исторической» линии современного японского литературного творчества. Под каким же углом зрения все это берется, для чего, с какой целью? Каков подход автора к материалу?—таков второй вопрос, ставящийся в этой области.

Целый ряд авторов, строго говоря, почти не задаются никакими особыми целями. Для них достаточно просто показать найденный ими любопытный сам по себе и заслуживающий литературной обработки исторический материал. Если угодно, их цель—воспроизвести по возможности честно, без всяких «обработок», родную историю, где бы центр тяжести в ней ни лежал: в персонаже ли, в событиях или просто в историко-бытовой обстановке. Этот сорт авторов с историей никак «не мудрит». Их задача—простая

*) Непонятные подробности обстановки и ситуаций раз'ясняются вводимыми в фразу об'яснительными словами.

художественная реконструкция прошлого. Таково, например, огромное большинство пьес вышеназванного драматурга Окамото Кидо. Он довольствуется тем, что рассказывает на драматическом языке какое-нибудь историческое происшествие, иногда просто анекдот, стараясь как можно лучше передать само событие и «подлинный» «дух эпохи». Такова его упомянутая пьеса «Оноэ и Идахати», в которой он старается добросовестно проследить дальнейшую судьбу низведенных в разряд нечистых парий двух преступных любовников—бывшего самурая Идахати и бывшей же куртизанки Оноэ. Они разлучены: он отдан в одну общину парий, она—в другую. Он, благодаря своему решительному нраву и привычке властвовать, быстро приобретает влияние на этих отверженных и занимает наиболее почетное для них положение, получает место главного палача. Неукротимый по природе вообще, а теперь вдобавок еще ожесточенный жизненной неудачей, самурай с наслаждением пригвождает ко кресту приговоренных, пригвождает тем способом, который был тогда принят в японской практике: привязанного ко кресту преступника пронзали со всех сторон дротиками и таким образом пригвождали к дереву. В положении отверженного развиваются окончательно и прочие его преступные инстинкты; он идет на новое преступление: похищает городскую девушку, убивает все еще любящую его, но мешавшую ему в новых похождениях Оноэ, обкрадывает свой родной дом, пока, наконец, не попадает в руки полиции. Вся пьеса точно передает не только то, что содержится в том судебном деле 1746 года, но и другие сохранившиеся свидетельства об этом персонаже, ставшем потом, как это ни неожиданно, известным музыкантом-флейтистом. В сущности пьеса есть сценически рассказанная биография Идахати без введений какой бы то ни было социальной темы, осуждающего или оправдывающего вмешательства автора и т. п. Рассказ—по возможности самый добросовестный—о происшествии, ради самого происшествия.

В таком же роде, например, пьеса и другого известного современного писателя—новеллиста и драматурга -Кикути Кан -«Любовь Тодзюро». Тодзюро -знаменитый актер XVIII века, персонаж, о котором слагались еще при жизни легенды. Тодзюро предстоит сыграть новую пьесу, написанную великим драматургом, его современником Тикамацу. В пьесе этой ему нужно исполнить роль обольстителя горожанки, чужой жены, при чем пьеса показывает именно этот длительный и сложный процесс постепенного преодолевания недоверия, робости, стыдливости, долга. Тодзюро мрачен: он долго уже работает над ролью, но у него ничего не выходит; он не может найти нужного тона для всей гаммы этих переходов. И он решается на героическое средство: начинает обольщать одну попавшуюся под руку горожанку; искусно создает ситуации, близкие по характеру к выведенным в пьесе, ищет нужные приемы, вырабатывает рисунок всей роли и, когда все готово, приказывает об'явить премьеру. Весь город Осака сбегается смотреть великого Тодзюро в новой роли, да еще в пьесе самого Тикамацу. Идет и счастливая от любви Тодзюро его новая возлюбленная. И вдруг она видит на сцене то, что только что было с ней... Видит и сразу понимает все. Когда Тодзюро, упоенный оглушительным успехом, проходит после спектакля к себе в уборную, он в ужасе останавливается на пороге: с потолка свешивается труп проникшей туда незаметно для всех обманутой им женщины.

Конечно, при всем своем стремлении к простой реконструкции, авторы таких исторических пьес или романов не всегда останутся на высоте простого об'ективного рассказа. Нередко все их повествование, может быть, даже незаметно для них самих соединяется с той или иной дозой националистического любования родной стариной, своего рода эстетического переживания «стильной» древности. Такая националистическая или эстетическая тенденция сопрягается иногда с художественной стилизацией исторического материала. Эти тенденции иногда проступают настолько отчетливо, что образуют из литературного произведения настоящий национально-патриотический продукт, долженствующий пробуждать в читателе или зрителе «любовь к отечеству» и чувство «народной гордости». Это особенно сказывается по мере приближения таких авторов к более близкому прошлому, особенно к тем временам, которые еще у многих на памяти. События близкого прошлого, послужившего материалом

для историко-художественного творчества, очень часто именно в таком аспекте и подаются. Такова, например, нашумевшая недавно пьеса известного драматурга Мацуй, прославляющего знаменитого героя русско-японской войны, победителя Порт-Артура, прославившегося своим ритуальным самоубийством (харакири) генерала Ноги.

Если одни авторы гонятся, главным образом, за простой реконструкцией, другие ищут в историческом материале несколько другого: возможности создать занимательный рассказ. Другими словами, под руками этих авторов историческое событие превращается в самый настоящий авантюрный роман или героико-мелодраматическую пьесу. Таковы, например, очень многие романы и рассказы так называемой «массовой литературы».

Течение, получившее название «массовой литературы» (тайсю-бунгаку), получило в последние годы совершенно исключительное развитие. Сейчас издаются одно за другим *не только отдельные произведения этого жанра, но и целые многотомные серии; оно* имеет и свои особые журналы.

Название это получилось оттого, что авторы такого рода произведений открыто и принципиально стремятся итти навстречу массовому читателю всеми способами: особым легко понятным шрифтом, удобным форматом, дешевой ценой (том около 1.000 страниц в коленкоровом переплете с золотым тиснением—один иен*), занимательным содержанием. Принципиальность их позиции выражается в том, что эти писатели совершенно сознательно не пытаются воздействовать на читателя, т. ск., «поднимать» его до «своего уровня», навязывать ему свои приемы, вкусы, манеру письма; наоборот, они гибко следуют за внимательно наблюдаемыми вкусами и запросами читательской массы, той самой массы, которая больше одного иена платить за книжку не может, да при этом хочет, чтобы чтения в этой рублевой книжке было как можно больше и поинтереснее. Для таких писателей историческое предание—прямо клад: рыцарский эпос японского средневековья, народные повествования об отважных разбойниках, ловких плутах, о предприимчивых купцах, романтических куртизанках неисчерпаемый источник для самых безудержных приключенческих романов или потрясающих драм. Писатели «большого стиля» пытались сначала бороться, но затем стихия победила: многие сами принялись за подобные авантюрные или детективные романы.

Очень близко к этой группе писателей подходят те авторы, которые стремятся использовать исторический материал для создания не столько авантюрных, сколько фантастических произведений, опять-таки как повествовательных, так и драматических. Фантастический сюжет очень любим широким читателем, пьесы с привидениями не сходят со сцены японских театров; романами с «духами», «призраками» и т. п. зачитываются. И опять-таки историческое предание, народная легенда—представляют собой, во-первых, богатейший материал для такого рода сюжетов, во-вторых, чрезвычайно удобны в том отношении, что обусловливают гораздо большую свободу оперирования с сюжетом, чем при пользовании материалом современным. «В добрые старые времена» все могло быть, да и сам фон был как-будто гораздо более «романтичным» и подходящим для всяких диковинных историй, чем нынешний «прозаический» век тяжелой индустрии и социалистических движений.

Главными поставщиками таких фантастических сюжетов являются так называемые «кайдан», т.-е. рассказы о привидениях, которыми так изобиловала эпоха позднего феодализма (1600-1868 г.). От этой эпохи до нас дошел целый ряд сборников таких рассказов со знаменитым зачинателем этого жанра сборником Отоги-Боко (1666) во главе. Сюжеты этих сборников подвергались и подвергаются все новым и новым обработкам, при чем эти последние вливались в самые различные формы: то в форму рассказа для эстрады, то в форму повести или целого романа, то песни-баллады, то пьесы. Популярный сюжет фигурирует в оболочке самых различных жанров, т. ск., на все вкусы и на любой случай.

Чтобы дать представление о таких «кайдан», передам содержание одного из них, небольшого популярного и существующего во всех этих формах. Это так называемый

*) Около одного рубля по золотому паритету.

«Шиновый фонарь»—Ботан-доро (Шелковый фонарь в виде пиона). Фабула его сводится к следующему:

В феодальную эпоху проживал однажды некий молодой самурай, рано оставшийся сиротой и воспитанный своим старым учителем конфуцианцем. Он жил без всяких развлечений, почти никуда не выходя из своего родного дома, в обществе этого старика-воспитателя, молодого слуги, и часто навещавшего его доктора, друга его покойного отца. Как-то раз с наступлением весны он заболел какой-то странной изнурительной болезнью. Кое-как поправился, но продолжал оставаться очень слабым. Старик-учитель его—и слуга всячески старались его развлечь, вызвать на свежий воздух, на прогулку и соблазнили его однажды поехать с ними на лодке поудить рыбу. Они поехали далеко за город. Проезжая по реке, юноша вдруг стал прислушиваться: на вопрос, к чему он прислушивается, он ответил: «разве его спутники не слышат идущие откуда-то звуки цитры?» (кото). Те с удивлением заметили, что вокруг совершенно тихо, и никаких звуков цитры ниоткуда не слышно. Юноша продолжал настаивать и обратил при этом внимание на какой-то заброшенный дом, стоявший недалеко от реки. Вскоре от слабости он заснул и увидел во сне, как он вместе с другом своего отца доктором в каких-то странных, не теперешнего покроя, одеждах подходят к этому дому у реки и видят там на галлерее прекрасную девушку, играющую на цитре. Доктор знакомит их: оказывается это дочь хозяина дома, старого богатого самурая, сошедшего с ума из-за измены и покушения на его жизнь его наложницы в заговоре с любовником. Доктор проходит во внутренние покои к больному, молодые же люди остаются вдвоем, и в их сердцах вспыхивает любовь. В самый момент их взаимного признания в помещение врывается хозяин с окровавленным мечом в руке: в припадке безумия ему показалось, будто здесь его преступная наложница со своим любовником; он бросается сюда, но дороге убивает старающуюся его задержать служанку молодой барышни и, увидев дочь с молодым человеком, принимает их за ненавистную ему пару и убивает обоих.

Этот сон не оставляет с тех пор юношу в покое: он думает о нем и днем, и ночью, пока, наконец, в одну прекрасную ночь не слышит за оградой своего дома легкие шаги; встает, выходит на галлерею, присматривается: видит две женских фигуры, из которых одна освещает дорогу шелковым фонарем. Это она -девушка из сновидений, в сопровождении своей служанки. Она проникает к нему, и их любовь, начатая во сне, возобновляется с новой силой. С тех пор мерцающий огонек шелкового фонаря каждую ночь появляется около сада молодого самурая.

Скоро окружающие замечают, что юноша начинает худеть и бледнеть. В то же время по округе начинают ходить толки, что к молодому господину по ночам ходит какое-то привидение с шиновым фонарем—подойдет к дому и сразу исчезнет. Старик-учитель со слугою решаются подстеречь и действительно замечают эту таинственную посетительницу. Не зная, что предпринять, они бегут за советом к мудрому буддийскому монаху, настоятелю одного храма, хорошо знавшему еще отца юноши. Тот открывает им, что Синдзабуро (так зовут юношу) пал жертвой судьбы: все, что он видел во сне, действительно было в предшествующем его существовании, и вот неудовлетворенная тогда любовь преследует его и в новом существовании. Он об этом уже давно догадывался, видя, как со старой могилы убитой тогда девушки, похороненной в давние времена на кладбище при его храме, еженощно исчезает повешенный там несколько веков назад кем-то странный фонарь в форме пиона. Настоятель добавляет, что Синдзабуро на краю гибели: эта любовь его может увлечь в тот мир, и что нужно принять меры: поразклеить на всех входах в их дом заклинательные таблички, препятствующие проникновению в дом привидений, и убедить Синдзабуро в течение семи последующих ночей до утра громко читать заклинания.

Старик-учитель возвращается домой и ему удается сделать так, как сказал настоятель.

Наступает седьмая ночь. Учитель проверяет, на местах ли все таблички, и уходит. Синдзабуро читает заклинания. И вдруг слышится за оградой нежный голос, горько

упрекающий его в забвении. Синдзабуро сначала не хочет слушать, но слова девушки врываются ему в самое сердце. Он встает, подходит к ограде и собственной рукой снимает заклинательные таблички. Раздается радостное восклицание девушки, и все они скрываются во внутренних покоях.

Учитель со слугой тем временем не спят, беспокоясь о том, как пройдет эта последняя ночь. Наконец, они не выдерживают и решают выйти наружу последить. Обходя вокруг дома, подходят к ограде и видят: заклинательных табличек нет. В ужасе подбегают к дому и останавливаются, как вкопанные: прозрачная бумага окна освещена изнутри светом шелкового фонарика, и на ней—два слившихся силуэта: один—Синдзабуро, другой, прильнувший к нему,—скелет. Вбегают внутрь, а там все кончено: юноша—мертв.

В последние годы этот сюжет, один из самых любимых среди ему подобных, был инсценирован известным писателем Нагата Хидэо для театра. Пьеса «Пионовый фонарь» обошла все сцены Японии и повсюду заставляла зрителя трепетать и волноваться за судьбу несчастного Синдзабуро.

Если авторы описательно-исторических, авантюрных и фантастических романов и пьес пользуются историческими материалами без претензий на какую-нибудь особую целевую установку, стремятся, главным образом, создать занимательное для читателя по сюжету произведение, то ряд других писателей поступает иначе: они берут эту историю либо в целях выявления «вечного, общечеловеческого», заключающегося в каком-либо эпизоде прошлого, либо в целях его иронической переоценки, либо в целях, т. ск., поучения, с тем, чтобы, показав какой-нибудь кусочек прошлого, как бы сказать: «имеющий уши слышать, да слышит».

Предо мною два произведения, оба принадлежащие двум очень известным сейчас писателям: «Вишенка—пьеса Курато Момодзо и «Птица милосердия» роман Кикути Кан. Оба они могут служить лучшим примером именно того, как исторический сюжет берется современным писателем с тем, чтобы показать заключающееся в нем актуальное и для современности, более того—«вечное» зерно.

В древней японской поэтической «Антологии Ман'есю» (VIII век) в качестве об'яснительного предисловия к двум стихотворениям приводится простенький и наивный рассказ, настолько коротенький, что я его привожу целиком:

«В древние времена жила одна молодая девушка. Прозывали ее Вишенкой. В это же время жили двое юношей, и оба они сватали эту девушку. Готовы были жизнью своею пожертвовать—так добивались они ее друг перед другом; готовы были на смерть пойти—так спорили они друг с другом. И девушка из-за этого очень горевала: «Не слыхивали еще ни разу со старых времен, чтобы одна девушка шла замуж за двоих. Сердца же юношей умиротворить трудно. Ничего не остается, как умереть, и тогда их спор навсегда прекратится!». Сказав так, она пошла в лес, повесилась на дереве и умерла. Оба юноши печалились нестерпимо. И каждый из них, раскрывая все свое сердце, сложил по песне:

Первый: „Придет весна, украшу
Я волосы себе цветком вишневым!"
Думал я, и вот
Цветок осыпался, нет более
Вишни здесь со мной...

Второй: „Лишь только расцветает
Вишни цвет, что имя дал
Моей подруге милой,—
Будет вечная весна,"
Вечная любовь у нас,—я думал...

Таков этот простенький сюжет.

Он был любимым еще в старой Японии: уже в X веке мы находим целый рассказ, основанный на этом материале, впрочем уже несколько более развитый, так сказать, с концом: юноши, сложив стихотворения, кончают собой, следуя за нею в тот мир.

Современный автор Курата строит на его основе целую двухактную пьесу, где все действие отвлекается от времени и места, дается в неопределенной исторической и бытовой обстановке, так что получается произведение чисто символическое, проникнутое очень тонким и своеобразным мистицизмом. Из всего предания выделено именно самое зерно—любовь двух к одной, при равной склонности ее к обоим, и именно оно взято в плане «вечного, общечеловеческого», подано в символической оболочке.
именно самое зерно—любовь двух к одной, при ровной склонности ее к обеим, и именно оно взято в плане «вечного, общечеловеческого», подано в символической оболочке.

Очевидно, такая концепция достаточно актуальна для современной Японии, если за это же предание берется крупнейший прозаик наших дней Кикути Кан. Он поступает иначе: он вводит такую концепцию в конкретную обстановку японской современности, делает «Вишенку» барышней из богатой буржуазной семьи, двух юношей—одного судебным следователем, другого—промышленным деятелем. Осложняет сюжет введением дополнительного мотива—случайной склонности ее к одному из героев, приводящего к их браку, и строит все дальнейшее изложение на последующем конфликте между любовью восторжествовавшей и любовью отвергнутой.

Любопытно отметить, что Кикути следует второй версии этого сюжета, т.-е. с трагическим для обоих мужчин концом, только в соответствии с менее романтическими нравами и условиями современности, делает этот конец по иному обоснованию. Интересно также своеобразие композиционного приема автора: первая глава романа переносит читателя в древние времена, рисует обстановку и пересказывает современным языком и с широко развитым сюжетом, мотивированной психологической характеристикой всю эту старую легенду о Вишенке. И когда вся эта печальная повесть рассказана, Кикути говорит: «Все это случилось когда-то; все это случалось и после; случается и теперь. И я хочу показать, как это случается теперь».

Нужно попутно сказать, что этот роман Кикути настолько понравился японскому читателю, что был немедленно обработан для кино. Фильм «Птица милосердная» не сходил с японских экранов в течение всей минувшей осени. Я его видел и должен сказать, что достаточно сентиментальный и примитивный роман Кикути с экрана прозвучал такой убедительной мелодрамой, что восторги массового японского зрителя были совершенно понятны.

Такой показ старины в аспекте «вечного, общечеловеческого» большей частью в явно идеалистическом плане, у некоторых авторов заменяется показом определенно пародическим, иногда достигающим степени самой ядовитой иронии.

Пример такой иронической пародии, да еще в самой безудержной, граничащей с озорством форме, дает тот же Кикути в одном из своих исторических рассказов. Здесь такому пародированию подвергается наиболее блестящая по культуре, окруженная долгим историческим преклонением полоса жизни японского народа, так называемый Хэйанский период (IX-XII в.), век аристократической цивилизации, т. ск., японский галантный век; век утонченных кавалеров и изящных дам. Кикути воспроизводит обстановку одного из произведений той эпохи—«Исэ-моногатари», где некий кавалер невероятно влюблен в одну из таких дам. К его прискорбию, в силу различных обстоятельств, его любовь не может завершиться успешным концом, и кавалеру ничего не остается делать, как постараться всеми силами эту любовь из своего сердца вырвать. Он действует и так, и этак, но ничего не получается, любовь попрежнему пылает в его душе. Тогда он решается на героическое и уже, несомненно, действительное средство: он решается пробраться тайком в дом к своей даме рано утром, чтобы застать ее в спальне еще непричесанной, неумытой, ненаряженной, словом, увидеть ее в таком виде, который для тогдашних утонченных сердец был совершенно непереносим и мог разом убить какую угодно пылкую любовь. Кикути доводит своего героя до самых дверей в спальню его дамы. И тут заставляет его столкнуться с выходящей оттуда служанкой, выносящей... сосуд, нужный в спальне по ночам. Кавалер в восторге: он напал на такое свидетельство о его даме, которое должно сразу же начисто изгнать ее облик из его

сердца. Вне себя он вырывает из рук ошеломленной служанки роковой сосуд, закрытый, как полагается, крышкой, и бегом бросается домой. Едва придя к себе, он, чтобы окончательно и бесповоротно убить в себе всякую мысль о даме, решается даже... этот сосуд открыть. Открывает крышку и видит, что полагается видеть: желтоватую жидкость с плавающим среди нее коричневым предметом... Он хочет добить свою любовь до самого конца и решается на самое героическое: хочет ощутить запах... Нагибается, и вдруг чувствует: из сосуда подымается какое-то тонкое благоухание: там в ароматическом масле плавал кусок душистой индийской смолы. И вышло, что, вместо изничтожения, любовь вспыхнула снова с неудержимой силой. Бедный кавалер!

Такое пародическое интерпретирование старой, окруженной всеобщим эстетическим восхищением литературной и, конечно, для той эпохи бытовой ситуации, такой удар по историческому гурманству может быть направлен одновременно как на сам материал, так и на форму, что, с литературно-исторической точки зрения, пожалуй, представляется еще более интересным. При чем очень характерно, что здесь такому ироническому пародированию подвергается иногда самый священный для японского эстета-искусствоведа, признанный всеми самым «прекрасным и высоким»—известный японский театр Но.

Этот театральный жанр, возникший в XIV веке, расцветший в XV веке и с тех пор бережно культивируемый гипертрофированными, в культурном смысле, слоями японского общества, сначала в феодальную эпоху—высшим кругом феодального дворянства, теперь в эпоху буржуазии и капитализма—сохранившими прежние традиции потолками прежних знатных самураев, а за ними буржуазными рантье, эстетами из интеллигенции, гурманами словесного, пластического и музыкального искусства, словом, самыми утонченными для Японии знатоками и ценителями искусства «для избранных».

Театр Но об'единяет собой сложный комплекс различных элементов: художественное слово, движение и музыку. Все произнесение текста декламационное или в виде пения—сопровождается определенными движениями, переходящими временами в танец.

Жанр этот возник в ту эпоху, когда буддизм пользовался особым значением в тогдашней культуре. Буддийские догматы широко распространялись, а их проповедники монахи проникали в самые высокие слои феодального общества, занимали здесь почетные места и в качестве чрезвычайно образованных для своего времени людей играли большую роль в культурной жизни. Немудрено, что и Но оказался под сильнейшим их влиянием.

Это влияние сказалось прежде всего на тематике пьес. Пьесы проникнуты буддийским настроением, буддийские положения фигурируют чуть ли не в каждой строчке. Буддийский монах—один из самых обычных персонажей. Одна из самых распространенных для этих пьес схема содержания такова: на место какого-нибудь древнего сражения приходит странствующий монах. Он начинает вспоминать героя, особо прославившегося тогда и павшего на этом поле. Такие его мысли обусловливают появление из того мира духа этого героя, который рассказывает ему о своих подвигах и героической смерти, о своем нерадостном существовании за гробом и просит монаха помолиться за его душу, сделать то, что до сих пор не сделано: отслужить на месте его гибели панихиду. Тот с охотой исполняет его просьбу, и искупленный молитвой, грешный герой с благодарностью и надеждой скрывается из глаз.

Что делает из такой схемы современный писатель? Прежде всего, он дает пьесу, композиционно абсолютно единообразную с традиционной схемой. Однако, этим дело не ограничивается: вместо монаха, на сцене появляется простолюдин, старик-ремесленник, желающий проведать своего ученика, живущего здесь. Ему навстречу попадается жена этого последнего, сметливая женщина, сразу же соображающая, что появление старика-мастера в этих местах грозит серьезной конкуренцией его ученику—ее мужу. И она, желая спровадить старика обратно, заявляет, что ее муж умер, случайно появившегося мужа заставляет об'явить себя духом с того света. Старик поражен и хочет почтить память своего ученика. Но чем? Молитвою? Но, по мнению старика, молитвы—«для всяких там

монахов». А дух умершего надо ублажить тем, что доставляло тому при жизни особенное удовольствие. А что любил Хэйроку (так зовут ученика)? Пение и пляску. И вот старик заставляет оторопевшую жену мнимого покойника играть на барабане, а сам начинает весело плясать. Ока Китаро, автор этой пьесы, написанной по всем правилам и законам классических пьес театра Но, так и озаглавливает ее: «Танцовальная панихида».

Любопытно отметить, что в результате получается не простое шуточное пародирование старого материала, но именно создание особого иронического жанра. Гурмана-зрителя, привыкшего к торжественным и возвышенным пьесам Но, прежде всего ударяет такая дерзкая демократизация персонажей: шокирует издевательство над религиозным обрядом, оскорбляет высменивание композиционной схемы Но. Но других зрителей это несказанно забавляет.

Таким сложным, иногда, путем некоторые писатели «расправляются» с прошлым, особенно с тем, что окружено ореолом эстетического поклонения. При этом такой прием иронической пародии как сюжета, так и формы, может, как в описанном случае, привести даже к самостоятельным художественным результатам, к обновлению этой формы, к призыву ее к новой жизни. Застывшая схема Но с этим новым содержанием своеобразно оживает.

Наконец, идет последний ряд авторов, работающих с историческим материалом. Эти авторы подходят к нему уже с другими целями. С первой категорией описанных писателей, с писателями-реконструктивистами, их роднит стремление подать читателю по возможности подлинный исторический материал. Для этой цели они также роются в архивах, просматривают старые документы, перелистывают старые хроники, но все это делается не с целью простого воспроизведения в литературной оболочке. Цель этих писателей, так сказать, дидактическая; они хотят призвать читателя или зрителя не к любованию милой стариной, но к извлечению отсюда уроков и примеров. Поэтому из истории берется лишь тот материал, который может звучать и для современников, который может быть связан с проблемами сегодняшнего дня. И естественно, что в наш век—хотят ли этого или не хотят—одной из таких проблем не может не быть революция. И естественно, с другой стороны, что такие авторы нередко присваивают себе наименование и слывут в обществе, как «пролетарские писатели».

У меня на столе сейчас два томика, изданные такими пролетарскими писателями современной Японии. Один из них—Фудзимори Сэйкити—крупнейший из них, чуть ли не глава всей школы, другой—Наканиси Иноскэ—очень заметный представитель этого течения, зарекомендовавший себя уже рядом романов и рассказов. Первый—как автор пьесы—«Распятый Модзаэмон», второй как автор тоже пьесы—«Бунт Будзаэмона». Любопытно отметить попутно, что на обложке первой книжки изображены сотни мозолистых рук, тянущихся к солнцу, а на второй—разорванная цепь и сияющая вдали красная пятиконечная звезда. Ориентация авторов как-будто не оставляет никаких сомнений.

Чрезвычайно характерно, что оба писателя останавливают мое внимание на одной и той же эпохе, так называемом периоде Токугава (1600 г.—1868 г.), т.-е. на тех столетиях, которые представляют собой заключительную стадию в развитии японского феодализма, когда этот последний подрывался внутри сильнейшим ростом торгового капитала, распадом феодально-земельного хозяйства, вырождением господствующего воинского класса. На этом фоне в течение почти всех двух с половиной столетий разыгрываются очень знаменательные для судьбы всего режима явления: повышенная активность торговой буржуазии, выступления крестьянства. С точки зрения последующей истории, закончившейся в 1868 г. т. наз. переворотом Мэйдзи, т.-е. буржуазной революцией, большое значение имеет проявление мощи торгового капитала, того внутреннего фактора, развитие которого привело к революции. Но с точки зрения будущей истории, может быть, больший интерес представляют не эти проявления буржуазной революционности, но именно второе: проявление активности крестьянства. Тем более, что если обратиться к Японии сегодняшнего дня, трудно найти в ней более значительное, с точки зрения социально-политической, явление, чем эти крестьянские бунты. Достаточно припомнить хотя бы

так называемые «Рисовые беспорядки» 1918 года, так сильно встряхнувшие Японию. Естественно, что на фоне этих почти непрекращающихся все последние годы аграрных волнений получают особое значение крестьянские восстания в феодальную эпоху и как аналогии, и как урок, и как пример.

Крестьянские восстания эпохи Токугава вызвали к жизни один очень яркий образ: образ крестьянского героя—вождя и представителя своего класса. Это так называемый «Гимин»—буквально—«Справедливый». Такие «Справедливые» обычно или являются предводителями крестьян во время вооруженных восстаний, либо же выступают, как ходоки за них перед верховной властью. Обычно крестьяне прибегают к открытому возмущению лишь тогда, когда чаша их терпения действительно переполнилась. Очень же часто они делали сначала попытки мирно апеллировать: в Эдо (Токио), в правительственный центр, посылался такой ходок, который должен был довести до сведения высшей власти страны о тех беззакониях и насилиях, которые чинит тот феодал, во владениях которого они живут. Токугавское правительство поступало в таких случаях обычно очень мудро—чисто по-восточному: чтобы предупредить волнения в дальнейшем, так или иначе потрясавшие страну, феодала обычно наказывали: отнимали у него его владения, либо же переводили его в другое место; но, с другой стороны, дабы не поощрять в крестьянстве охоты к таким жалобам на будущее время, такого ходока обыкновенно казнили: распинали на кресте.

Драма Фудзимори так и называется—«Распятый Модзаэмон»,—великолепная аллегория, кстати сказать, положения японского крестьянства в ту эпоху. Вся пьеса Фудзимори построена на фактических происшествиях, случившихся в промежуток времени между 1680-1686 годами, в клане Цумада, где из-за невероятных притеснений и жестокостей князя гото вспыл вспыхнуть крестьянский бунт, предотвращенный только геройским самопожертвованием Модзаэмона, взявшегося от лица всех 77 деревень, входивших в состав этого владения, довести до сведения правительство о положении крестьян. Пьеса распадается на пять актов, при чем верность истории соблюдается настолько, что для большей части актов автором дана даже точнейшая дата—год, месяц и число самого события. Автор внимательно изучил архив клана и добросовестно следует его данным. Первый акт рисует картину принудительных работ крестьян, согнанных со всех деревень для постройки моста через реку. Из разговоров их выясняются все их несчастия: регулярное забирание за несколько лет вперед податей, постоянное введение новых налогов, при чем изобретательность князя не знает пределов. Обложению подлежит каждый колодец, каждый проделанный в избе выход, каждое окно, свадьбы, похороны, рождения и т. п. Кончается акт тем, что появившийся проездом князь убивает посмевшую в общей суматохе, вызванной его появлением, перебежать ему дорогу маленькую крестьянскую девочку.

Второй акт—крестьянский сход ночью в горах. Идет совещание о том, что делать. Предлагаются различные средства: выждать, пока бесчинства князя сами обратят на себя внимание правительства, и его накажут; пти к князю и просить его, и, наконец, —восстать и разгромить. Побеждает мнение Модзаэмона, советующего прибегнуть к методу апелляции и берущегося доставить петицию самому верховному правителю. Третий акт в своей первой картине рисует неудачную попытку Модзаэмона, уже достигшего столицы, подать петицию: он подстерегает на улице поезд первого министра, но телохранители его, естественно, не допускают и близко к носилкам сановника. Вторая картина об'ясняет, как петиция все же дошла до своего назначения: сложным маневром Модзаэмон сумел устроить так, что она попадает в руки родственника правителя—буддийского архиепископа, который решает дать делу ход.

Действие четвертое рисует картину заседания совета при правителе—суд над вызванным на допрос князем. Приговор гласит: владения у него конфисковать, но Модзаэмона найти и казнить. И, наконец, пятый акт дает самую картину казни. На холме, у того самого места, где все дело началось, воздвигнуты два креста—один для Модзаэмона, другой для его жены: родственники такого преступника, по обычаю, казнились вместе с

самим преступником. Крестьяне, толпящиеся вокруг, не знают, что им делать. Они послали новых ходоков в Эдо просить помилования своего вождя, но ответа все нет, а срок казни уже наступает. Приводят Модзаэмона с женой. Их прикрепляют ко кресту,— на фоне волнующихся и готовых каждую минуту ринуться на стражу крестьян; первой умирает жена; вонзают первый дротик в тело Модзаэмона. Как вдруг гонец из Эдо с помилованием. Поздно. Толпу охватывает взрыв неописуемой ярости; она в мгновение ока разносит всю ограду, вооружается и бросается на стражу. Разразился бы бунт, если бы не один авторитетный вожак крестьян, которому удается остановить толпу доводами: «одним нам ничего сделать не удастся. Нужно всем крестьянам всей Японии об'единиться, и тогда уже ничто не будет страшно». Пьеса кончается общей клятвою всех крестьян перед висящим на дереве Модзаэмоном, что «он не останется не отомщенным».

Модзаэмон пока еще не отомщен, по крайней мере, так, как это звучит между строк всей этой чрезвычайно протокольно написанной, но в своей протокольности столь потрясающей пьесы. Но путь к этому отомщению намечен, и второй наш автор, Накаписи, дающий в своей пьесе историю другого такого случая, уже приведшего к открытому жестокому бунту, разразившемуся в 1793 году в клане Есида, прямо посвящает свою пьесу «всем пионерам крестьянского движения... всем односельчанам Будзаэмона» (героя восстания) и ставит тут же сейчас выразительную дату: «в день первого мая 1927 года».

* * *

Выше было сказано, что половина книг по беллетристике, взятая с полки книжного магазина, окажется посвященной историческим сюжетам: вторая половина, конечно, есть и должна быть основана на сюжете современном. Японская современность,— окружающая жизнь и действительность, вот второй и громадный резервуар, откуда авторы заимствуют фабулу для своих произведений.

Эта современная действительность, как было уже указано выше, в силу особых условий развития современной японской культуры, отличается чрезвычайной сложностью, гораздо большей, чем то мы наблюдаем в других странах. Современное общество настолько многолико по своей структуре, и его жизнь сопровождается возникновением стольких различных проблем, что писатели не могут не принимать участия в их постановке, освещении и разрешении. Сложность японской общественной жизни выражается прежде всего в том разнообразии и обилии различных общественных слоев, из которых современное японское общество слагается. Эти слои по-различному связаны со своей исконной культурой, по-различному к ней относятся; равным образом различно их отношение и к культуре европейской. Гамма переходов от живущего и думающего еще по-токугавски японца к японцу, ничем—ни образом жизни, ни способом мыслить—не отличающемуся от любого американца или немца, -эта гамма дает столько различных тонов, что одно исследование именно их составило бы одну из интереснейших проблем в изучении современной Японии.

Как известно, после буржуазной революции 1868 года, взамен прежнего феодального общественного устройства, в Японии были установлены три новых сословия: аристократия, дворянство и «простолюдины». Исторически в первую категорию попали представители прежних феодальных княжеских фамилий, а также заслуженные деятели переворота, бывшие нередко из очень незнатных самураев; во вторую перешла вся масса рядового феодального самурайства, бывшие вассалы этих князей; и, наконец, третью категорию составило все прочее население страны, раньше, в феодальную эпоху, строго подразделявшееся на три сословия: крестьянство, ремесленники и торговцы. Это сословное устройство, существующее и в настоящее время, естественно не совпадает полностью с тем классовым строем, который характерен для современной буржуазно-капиталистической Японии. Это является естественным уже потому, что революция Мэйдзи в конечном своем счете производилась не для того, чтобы перенести прежние социальные отношения под новым названием в новую экономическую и политическую обстановку. Поэтому классовая конфигурация отдельных элементов японского общества, конечно, другая.

Очень характерным в этом процессе социальной перегруппировки после 1868 года

нужно признать то обстоятельство, что верхнее сословие—титулованная аристократия — уже с давних пор стало пополняться представителями того общественного слоя, который по своему прежнему происхождению никак бы не мог претендовать на это: представителями третьего сословия—«простолюдинами». В виду того, что эти «простолюдины» искони были представителями капитала, то, получив с переворотом Мэйдзи большую экономическую и политическую свободу, они не могли не занять нередко самые высокие командующие позиции в современном капиталистическом укладе, и отсюда, как неизбежное следствие, не могли не войти в состав и высшей сословной группы. Императорское пожалование—вот путь для проникновения таких парвеню в верхушки японской знати.

Следует отметить, что в эту высшую касту попадают не только такие потомственные представители капитала в Японии. Туда проникают и современные «новые люди», т.-е. люди без роду, без племени, но сумевшие в новой обстановке после падения феодальных пут быстро найтись и, благодаря своей предприимчивости и энергии, занять почетное положение в капиталистическом мире. Лучшее представление о таких людях дает личность известнейшего Сибусава, теперь виконта, а когда-то простого приказчика в торговом доме, сумевшего быстро понять значение банкового дела в новой экономической обстановке и своею деятельностью в этой области завоевавшего себе высокое положение. Таких Сибусава в новой Японии не мало, и японской родовой знати, действующей в условиях капитализма, неизбежно приходится раздвигать свои ряды, пропуская туда таких «выскочек».

Разумеется, этот слой крупной капиталистической буржуазии, играющей такую роль в современной Японии вообще, не мог не привлечь внимания писателей, и сюжеты, заимствованные из их жизни, пользуются большим распространением. Нужно, однако, отметить, что в своей большей части литература, оперирующая с такими сюжетами, не блещет особенно крупными художественными достоинствами. Большинство таких произведений относятся в лучшем случае к литературе «салонной», или к reise-романам; очень же часто она прямо скатывается к обыкновенному бульварному роману «из великосветской жизни». Таковы, например, все эти многочисленные романы, где действие происходит «на даче в Камакура», в этом фешенебельном sumer-resort всего японского бо-монд'а, или на аристократических курортах —горячих источниках или климатических станциях, где японская буржуазия не столько лечится, сколько развлекается.

Далее ряд авторов уделяет большое внимание не этим верхам капиталистического общества, и не плотно примыкающему к нему слою средней буржуазии, но быту японской мелкой буржуазии—всем этим мелким лавочникам, мастерам-ремесленникам, мелкому чиновничеству, младшим служащим частных предприятий, отчасти приказчикам и т. п. Сюда относится и тот специфический люд, который или обслуживает их досуги, удовлетворяет их культурные потребности, как рассказчики, эстрадные музыканты и певцы, декламаторы, или же те, кто с ними кровно связан происхождением, в роде, например, гейш, большая часть которых извлекается именно из этих «мещанских» кругов японского общества. Сюда же присоединяются частично и некоторые слои рабочего населения городов, особенно более хорошо оплачиваемые группы. Вся эта очень многочисленная, и разношерстная масса живет своей своеобразной жизнью, очень отличной от всего прочего в Японии, меньше всего,—средь городского населения,—затронутая европеизацией, и представляет собою чрезвычайно занимательную среду. И из этой среды извлекаются нередко очень любопытные сюжеты. Такие сюжеты иногда носят наименование сюжетов «Ситамати»—Нижнего города. «Нижний город» — название некоторых кварталов в Токио, где сосредоточено именно такое население столицы отчасти мещанство, отчасти рабочие.

Существует ряд авторов, посвятивших себя быту этого «Нижнего города». Есть ряд интереснейших произведений в этой области, в роде сборника Кубота Мантаро—«Рассказы из Нижнего города», чрезвычайно характерные для всего этого течения. Герои этих рассказов—типичные персонажи Ситамати. Когда-то популярный рассказчик, теперь доживающий свои дни всеми забытый; гейша, легко и просто меняющая свои

привязанности; старушка, разыскивающая свою пропавшую где-то в домиках гейш дочь; маленькая семья, вспоминающая двух рано умерших дочерей. Целый калейдоскоп образов этих людей и картинок из их жизни—непритязательный, но очень яркий в своей простоте: не сложна и жизнь их вообще.

От этих очень специфических кругов японского общества писатели переходят к другим, совершенно от них отличным: к японской интеллигенции, к тому слою, который неминуемо должен был создаться в условиях буржуазной общественности и который играет ту же роль, что и везде. Множество авторов специально посвящают себя работе над сюжетами из этой области и создают иногда очень значительные по своему и общественному, и литературному значению произведения. В центре таких произведений часто ставится тип интеллигента-ученого, нередко—интеллигента-писателя, большею же частью героем является интеллигент «вообще», представитель свободных профессий, в своем роде «свободный мыслитель», задающийся мировыми вопросами, страдающий специфическим проблематизмом, часто психологическим раздвоением. Словом, очень хорошо знакомые нам по прежней интеллигентской полосе русской литературы типы. Нужно сказать, что это сюжетное течение играет в новой Японии серьезнейшую роль, действуя, главным образом, на молодежь, в первую очередь, конечно, студенческую. Такими произведениями зачитываются, о них спорят, выводимым в них героям подражают, прокламированные в них идеи пропагандируют словом и делом. Иначе говоря, в умственной жизни японца эти авторы занимают большое и ответственное место; под знаком их влияния проходят целые поколения новых японцев. Пожалуй, не будет большой ошибкой сказать, что большая часть наиболее крупных и серьезных писателей современности примыкают именно к этому течению. Они, так сказать, соль «современной японской духовной культуры. Они наиболее репрезентативны для Японии нынешнего дня вообще; с другой стороны, они наиболее близки европейцам, в частности нам, русским, тем более, что очень многие из них воспитались на нашей классической литературе. Наши—Тургенев, Толстой, Достоевский, Горький, а за ними и многие другие—имеют среди них очень много учеников и последователей. Именно через них—лучший ход к познанию новой Японии, ход, совершенно гарантирующий от всякого экзотизма, столь характерного для подхода к этой стране у большинства европейских писателей о Японии и столь унизительного для японцев, имеющих полнейшее право претендовать на обращение к себе, не как к любопытному раритету, стране вееров и гейш, но, как к великому народу, живущему той же сложной жизнью, как и весь прочий цивилизованный мир.

В произведениях этой группы писателей можно наметить одну, очень отчетливую сюжетную линию, стоящую несколько особняком: не мало внимания уделяется жизни и быту японской богемы, всем этим писателям, журналистам, газетным репортерам, художникам всяких видов искусства, работникам новых театров и т. п. Это не тот актерский люд, представители малых жанров искусства, которые обслуживают вышеназванные кадры японской городской «обывательской» массы, но именно интеллигентская богема, в высокой степени европеизированная, следящая за всеми «новинками» Европы и Америки. Именно среди них и появляются японские дадаисты, японские Матиссы, японские Станиславские и т. д. Многие из них —особенно художники—прошли через художественные студии Парижа, Мюнхена, соприкоснувшись и в значительной мере сродинившись с европейской богемой, и характеризуются во многом теми же чертами, что и эта последняя. Очень часто именно здесь мы сталкиваемся с различными революционными течениями в искусстве и общественной мысли, означающими, строго говоря, лишь проявления левого либерализма и радикализма. Персонажи из этого мирка—частые герои японских романов и пьес для новых театров; однако, отношение к ним массового зрителя и читателя приблизительно то же, что и у нас: чрезвычайный интерес, но не без примеси экзотики.

Далее идет ряд писателей, ищущих сюжетов в последнем общественном слое, который заполняет японские города, в пролетариате. Нечего и говорить, что этот класс в связи с эволюцией капиталистического хозяйства растет и численно, и политически,

Даже в условиях современной буржуазной государственности он смог уже проявить себя достаточно явственно: существуют т. наз. пролетарские партии, стремящиеся,—правда в рамках буржуазной легальности и японского конституционализма,—добиться права известного участия в руководстве судьбами страны. Блок этих партий пытался в последних (февральских) выборах в парламент, происходивших, как известно, на основе чрезвычайно расширенного избирательного права, именуемого в Японии «всеобщим», пытался даже воевать с буржуазными партиями за места в нижней палате. Правда, это не привело к очень заметным результатам, но, как проявление возможности активно конкурировать с буржуазией, это очень характерно.

При всем различном отношении к сущности и программам этих партий, называющих себя,—не всегда, впрочем, с нашей точки зрения, по праву,—пролетарскими, уже одно их существование, равно как и существование очень большого числа профсоюзов, свидетельствует о наличии кадров организованного пролетариата, не говоря уже о широких пролетарских массах. Существование этих масс в последние годы дает себя чувствовать все больше и больше, при чем иногда достаточно ощутительным образом.

По своему составу этот пролетариат слагается из трех довольно резко различающихся друг от друга слоев. Основной слой—это широкие рабочие массы, слабо организованные в профсоюзы. Этот слой находится еще в сильнейшем плену идеологии японского мещанства и теснейшим образом связан с ним в бытовом отношении. Вторую ступень составляют рабочие, организованные в профсоюзы. Этот слой отличается уже гораздо большей классовой сознательностью, проявляет себя активно и по профессиональной линии, и по линии политической. И, наконец, третий слой -наиболее передовые слои рабочего класса, вожди рабочего движения, активные организаторы масс.

Ко всем этим трем основным слоям пролетариата, в частности к его верхушке, примыкает значительный кадр «выходцев» из другого класса: из буржуазной интеллигенции, экономически достаточно пролетаризованной, но пришедший к пролетариату так или иначе извне. Любопытно отметить, что именно эти группы левой интеллигенции и играют роль первых вождей пролетариата; именно они возглавили на первых порах рабочее движение и способствовали оформлению его классового характера.

На всем этом фоне вырастает японская пролетарская литература. Течение это не только уже определившееся, но уже играющее заметную роль в японской литературной общественности. Поскольку же оно зародилось в политических условиях, не так уже благоприятствующих такого рода явлениям, оно может считаться чрезвычайно жизненным и по праву претендовать на большое внимание. Наиболее отчетливое свое бытие эта пролетарская литература получила в последние годы, главным образом, после великого японского землетрясения 1923 года. С тех пор она идет вперед, развивается очень быстрыми шагами и числит в своем составе ряд очень крупных писателей. Однако, само понятие «пролетарская литература», все же не совсем выдержано и отличается некоторой расплывчатостью в своем содержании. Под понятие «пролетарская литература» одинаково подводится и любое произведение с сюжетом из жизни и быта пролетариата, и произведение, написанное автором-пролетарием. Нечего и говорить, что первая группа произведений—наиболее многочисленна и наиболее художественно значительна, но, с другой стороны, в высшей степени характерно то, что наиболее подлинное пролетарское литературное произведение создали писатели из рабочего класса, не порвавшие, ради писательства, с производством. Таков, например, известный рабочий-текстильщик Хосой, создатель любопытнейшей литературной формы: производственного романа. Его первое произведение, сразу обратившее на него всеобщее внимание—«Печальная история работницы» не только может считаться новым явлением в японской литературе по своему содержанию (оно посвящено описанию условий жизни и работы японских текстильщиц), но и по форме. Хосой дает в сущности не более, как подробный отчет о жизни на фабрике с приведением правил, инструкций, описаний устройства, оборудования производства, с сообщением статистических сводок в виде таблиц, диаграмм и т. д. И этот, как-будто бы сухой, отчет, благодаря неключительной значительности многих данных, благо-

даря искусному построению его на базе живых человеческих жизней, составляющих подоплеку всех этих цифр и выкладок, приобретает характер потрясающего художественного произведения.

За пролетарскими писателями идут те авторы, которые свое творчество посвящают следующему слою японского общества, наиболее многочисленному—крестьянству. Крестьянские писатели—следующая очень заметная группа в японском литературном мире.

Нужно сказать, что в Японии принято и этих писателей относить к пролетарским, подобно тому, как под понятие пролетарских партий подводится и японская крестьянская партия.

Все это, конечно, понятно и обусловлено современной конфигурацией социальных сил: об'единенному блоку различных группировок буржуазии, естественно, противопоставляется об'единенный же блок пролетариата, передового крестьянства и радикальной интеллигенции. К тому же многие создатели как чисто пролетарских, так и крестьянских произведений—тоже интеллигенты. Поэтому все эти элементы пока и рассматриваются под одним углом зрения. Впрочем, иногда попадается особый термин, обозначающий именно эту струю в литературе, термин «литература земли». Чуть ли не первым представителем этого жанра, давшим и этому наименование, был роман «Земля» Нагацука, сделавший тогда молодого автора сразу известным. С тех пор романы и повести из крестьянской жизни не переводятся. Предо мною даже целая «Антология крестьянских рассказов», собравшая лучшее, что есть в этой области, и об'единившая не более, не менее, как около двух десятков авторов. Правда, сюда попали и авторы, несомненно, буржуазно-интеллигентского типа—в роде Кикути Кан, но это только доказывает распространенность и привлекательность для японских писателей крестьянских сюжетов и тем.

Разумеется, эти крестьянские сюжеты очень многоразличны, как многолика, в сущности, и японская деревня: тут и крестьянин-собственник, тут и крестьянин арендатор—крупный или мелкий, тут и батрак. Взаимоотношения в японской деревне очень сложны и своеобразны, конфликты, рождающиеся там, многообразны и часты; с другой стороны, все, что раздается в деревне, находит очень ощутительные отзвуки в городе. Все это как нельзя лучше подогревает интерес к «литературе земли» и обеспечивает ее дальнейшее развитие.

Как же подходят все эти авторы к своим сюжетам? Что они хотят от них? И что они стремятся пред'явить своим читателям? Иными словами, какова целевая установка авторов, с точки зрения, социологической?

Подобно тому, как это наблюдается и по «исторической линии» японской художественной литературы, и здесь ряд авторов особенными целями не задаются; они довольствуются лишь рассказом о том, как «оно было», лишь добросовестным описанием. Это течение порождает, главным образом, реалистический роман или пьесу, конечно, разной художественной ценности. При этом одни гонятся за занимательностью сюжета, другие довольствуются занимательностью самого привлеченного материала: третьи вообще о занимательности не думают, считая художественное выявление всякого материала ценным и важным. Иначе говоря, здесь мы встречаем и отзвуки авантюрного романа, и сентиментальные новеллы и лирическую повесть; тут же рядом и натуралистическую беллетристику.

В плане именно такого бесхитростного показа быта японского «Нижнего города» работает вышеупомянутый Кубота. Вот схема его рассказа «Перед праздником Бон» из указанного сборника.

«Бон» или «Урабон»—праздник в Японии происхождения, может быть, синтоистического*), но с течением времени получивший определенно буддийскую окраску. Приходится он на лето, средину июля, занимает три дня и представляет собою одно из самых популярных, оживленных народных празднеств в Японии. Он совпадает или, вернее, сопровождается отпуском, получаемым от своих хозяев всем людом наемного труда: ремесленниками, приказчиками всяких рангов, мастеровыми и т. п. Это—дни,

*) Синтоизм (синто)—японская национальная религия.

когда широкие народные массы в Японии, от крестьян до мелкой буржуазии, знают только одно: отдых и празднества. Один лишь новый год может в этом смысле сравниться с праздником Бон.

Праздник Бон, собственно говоря, «праздник мертвых». Но это отнюдь не «поминовение усопших», сопряженное с горестными воспоминаниями о них, печальное и скорбное, наоборот: радостное переживание общения с ними. В эти дни усопшие «оттуда» на время возвращаются к своим оставшимся здесь друзьям.

Праздник предваряет «канун». Это—день ярмарки, оживленнейшего базара, где всякий может и должен купить все то, что требуется специальным ритуалом. Улицы и площади заставляются ларьками, лавочками, заполняются бродячими торговцами и вечером—при свете тысяч фонариков и электрических лампочек—все это гудит, шумит, в разные стороны движется и оживленно торгуется.

За «каноном» идет день «встречи». Дома украшаются фонариками, на набережной морей, рек, речек, ручейков устанавливаются факелы, плошки, фонари. Это приветственные огни, долженствующие встретить возвращающихся на землю отошедших друзей и показать им, что здесь их попрежнему любят и ждут.

За «днем встречи» наступает «радостное общение». Толпы народа переполняют храмы, кладбища. Возжигаются благовония, дымят курительные свечи, блистают цветы—все это в честь тех же возвратившихся теней, как символ радости свидания с ними.

И, наконец, «день проводов». На этих же побережьях, вплоть у воды тысячи игрушечных лодочек и корабликов, сделанных из соломы или бамбука, которые спускаются на волны и постепенно уплывают вдаль. На каждом из этих суденышек горит огонек—плошка, фонарик, свеча и с этими огоньками скрываются вдали и тени прошедшего, тени потусторонних гостей до следующего года.

В такую обстановку автор помещает свой рассказ, свою повесть об одной женской судьбе, печальной судьбе, выпавшей на долю молодой девушки О тисэ. И наряду с ней в том же повествовании выступает для большего оттенения и вторая подобная же судьба—другой девушки О—сэн. Так что в результате получается рассказ о двух отвергнутых девушках.

Все их несчастье состоит только в том, что они отвергнуты женихами, что у обеих расстроилась помолвка: у одной давнишняя, у другой—неожиданная; от одной ушел тот, в ком она с давних пор привыкла видеть своего будущего мужа, от другой тот, кто ей недавно полюбился, или, вернее, кому недавно полюбилась она, ибо так ставится в Японии вопрос и по сию пору.

Нужно знать, чем живут еще эти круги японского общества, чтобы понять всю катастрофу, разразившуюся над ними. «Отвергнутая невеста» -это клеймо, эта печать вечным позором ложится на девушку. Она отвергнута,—рассуждают кругом, значит, есть на то причины; начинаются разговоры, сплетни, пересуды об этих причинах, и вокруг девушки воздвигается такая груда всего, что она не в силах дальше выносить этого ужасного бремени. Волны или полотно железной дороги приобщают к своей печальной хронике еще один эпизод.

И во всей подобной истории почти всегда мужчина занимает самую выгодную позицию. Он выбирает, он отвергает; он дарит свою благосклонность и в любой же момент он ее отнимает. Девушка только принимает и счастлива, если эта благосклонность покоится на ней долго и нерушимо. И если она даже покинута, в ней все же теплится надежда на то, что вдруг, может быть, что-то произойдет, и ушедшая любовь к ней вновь возвратится. А вместе с тем и грезы о счастьи, о жизни.

Покинутая О-тисэ—перед праздником Бон—возвращения теней прошлого, и вся обстановка вызывает в ней воспоминание об этом ушедшем счастьи. Она слышит печальный рассказ соседки о такой же грустной участи, постигшей знакомую девушку, такую, казалось, хорошую и достойную. Она узнает о причинах разрыва помолвки там, сравнивает все пропешедшее с тем, что было с нею самой. Погружается в печальное воспоминание. Но подобно тому, как праздничный фонарик в ее доме, по традиции

зажженный для встречи отошедших теней, знаменуют собою, что все может вернуться, даже отошедшие в тот мир, так и в ее душе все еще теплится надежда, и неожиданный приход дяди, о котором она знает, что тот всячески способствует их браку, зажигает в ее сердце яркий факел ожидания—возвращения жизни и счастья. Но смутна эта надежда, не надежна она, и тускло мерцают для О-тиэ яркие огни Бона. И совсем почти гаснут они для нее, когда она уже после того, как надежда оказалась напрасной, после того, как около нее пронеслось дыхание смерти (кончина родственника), окончательно все сковавшее,—вновь вступает в вынужденную жизнь на людскую ярмарку.

Таков этот бесхитростный рассказ, переданный не без легкого сентиментального уклона: рассказ, собственно, лишенный особой фабулы, построенный на одной коллизии, но тем не менее необычайно метко обрисовывающий кусочек жизни этих кругов японского общества. Любопытно отметить, что такое бытовое и нравоописательное течение часто скатывается совершенно к статическому сюжету. Таков, например, маленький рассказ большого писателя, признанного эстета, Нагай Кафу -«За деньгами», просто, но детально описывающий день одной служанки в «доме свиданий». Описывается, как она встала, начала уборку, как потом хозяйка послала ее со счетом на-дом к гостю, который был в этом домике и оставил счет неоплаченным; описывается, как она вышла на шумную улицу, замоталась в трамваях, наконец, доехала до нужной остановки, с трудом отыскала нужный ей дом и наткнулась на отсутствие некоего лица в данную минуту дома. Кончается рассказ словами: «когда она возвращалась обратно, на улицах уже зажигались фонари». В сущности ничего, кроме путешествия этой недалекой девицы, в этом рассказе нет, и автор этим довольствуется, как довольствуются, повидимому, и читатели, для которых это все написано.

Такой уклон в бессюжетность становится особенно заметным с постепенным усилением в японской беллетристике натуралистических тенденций. Здесь часто мы сталкиваемся с такими произведениями, которые прямо поражают этой своей стороной. Таково, например, одно произведение Нацумэ, знаменитого романиста, одно время кумира японской молодежи, произведение, которое трудно даже отнести к привычному для нас жанру. Оно называется «Через стеклянную дверь» и описывает чрезвычайно несложную ситуацию: герой сидит у себя в комнате и смотрит через стеклянную дверь. Дальше идет описание отдельных предметов и изложение его мыслей по их поводу или без особого повода. И все. Между прочим, тот же Нацумэ может быть назван отчасти представителем того своеобразного течения в литературе, которое приходится охарактеризовать, как «психоаналитическое», т.-е. целиком построенное на выявлении своих мыслей и переживаний, на копательстве в своих собственных и чужих душах. Иными словами, полное погружение в душевный мир одиночки-интеллигента и старательное выставление всего, что там есть замечательного и незамечательного. Есть ряд произведений такого типа, которые обладают огромной силой, достигают сильнейшей выразительности; есть произведения, овеянные дыханием некоторых страниц Толстого и Достоевского. Но рядом с ними нарочитое копательство, доведенный до самоцели анализ.

Таково это «реконструктивное» в разных смыслах и в разной степени течение современной беллетристики, превращающееся через «психо-аналитический» уклон в бессюжетную новеллу. Рядом с ним идет течение, стремящееся как бы подслушать современность, отозваться на возникающие в ней процессы, ответить на вопросы или же пойти дальше: подхватить намечающееся и поставить, как проблему.

Если бегло просмотреть книги этих писателей, мы с легкостью подметим наиболее часто встречающиеся, доминирующие темы; иначе говоря, можем судить о том, какие проблемы существовали и существуют в последние годы жизни японского общества.

Наличность большого количества романов и драм, посвященных семейным конфликтам, свидетельствует о том, что проблема семьи, вопросы семейного уклада очень сильно занимают современное общественное мнение. Не так давно появилась пьеса Нагата Хидэо- «В снежную ночь». Она вызвала большие толки не столько остротой своего содержания или сложностью и выразительностью материала, сколько тем, что она очень

просто, без всяких претензий рассказывает об одном из очень частых событий, разражавшихся одно время в японской семье. Пьеса эта, поэтому, на наш взгляд, необычайно элементарна. Схема ее такова: Существует честная, добрая буржуазная семья. Муж—адвокат, жена—женщина из самой «порядочной» семьи. Но, как на грех, в эту семью вторгается третье лицо—помощник мужа, молодой присяжный поверенный. Матико (так зовут героиню) поддается чувству охватившей ее любви и изменяет мужу. Но, с точки зрения современной японской буржуазной морали, это—преступление, и обоим любовникам ничего не остается делать, как разрубить завязавшийся узел самоубийством. Они едут тайком в один уединенный курорт и там кончают с собой. Когда уже все кончено, в гостиницу, где произошло это все, приезжает открывший их следы муж и оплакивает бедную падшую, но прощенную им Матико. Любопытно отметить, что оба героя, сидя в комнате гостиницы и предаваясь горестным излияниям, решаются на самоубийство под влиянием, помимо прочего, следующего соображения: «подумай,—говорит он,—о нас напишут в газетах». «Какой ужас!—вторит она,—и все прочтут. Какой позор!».—Штрих, достаточно характерный для обрисовки одной из сторон современного быта.

Наряду с проблемою семьи такая литература большое внимание уделяет и проблеме ценности человеческой жизни. И так как наиболее выгодная и легкая форма для привлечения общественного мнения к таким вопросам—это сцена, то и эта проблема дается в ряде пьес. Одна из пьес подобного сорта, принадлежащая Таяма, носит название—«У больной реки». Содержание ее сводится к следующему. В провинции на севере Японии проживает семья одного врача, местного старожила. С ним вместе живут младший брат его жены—студент медик и младшая сестра—ученица старших классов средней школы, учащаяся в другом городе. Все идет по-хорошему, как вдруг ничего не подозревавшие супруги получают от только что уехавшей после каникул молодой девушки письмо, начинающееся словами: «когда вы будете читать это письмо, меня уже не будет на этом свете...». И дальше—мотивировка задуманного самоубийства: «хочу в тот светлый мир, хочу быть всегда чистой, как небесные ангелы...». Оказывается, что у нее уже давно существовал такой сговор с любимой подругой—расстаться с этим миром. Опекунам этих молодых девушек удается проследить их путь, и в маленький городок, куда они скрылись, летит телеграмма, призывающая полицию разыскать и взять их под надзор до прибытия родственников. Телеграмма достигает своей цели: девушек задерживают и препровождают в полицейский участок. Наступает ночь. Сторожащий их дежурный надзиратель не выдерживает и засыпает. И вот обе девушки, воспользовавшись этим, потихоньку ускользают и добиваются своего: бросаются в реку. Последующая картина рисует прибытие родственников, директора гимназии; затем поиски и нахождение тел; перевоз этих тел утопленниц в родной город и реакцию на это событие различных кругов населения. Пьеса эта также чрезвычайно примитивна и по технике развертывания сюжета напоминает скорее рассказ, чем драматическое произведение. Тем не менее, она достаточно симптоматична, так как дает отклик на очень распространенную одно время и очень беспокоющую японскую общественность эпидемию школьных самоубийств на почве недовольства жизнью и по подобным причинам идейного порядка.

Много места в такой беллетристике занимает проблема совести, при чем произведения, посвященные ей, в значительной своей части относятся к разряду той психо-аналитической литературы, которая была обрисована выше. Любопытнейший образчик такого рода творчества дает роман того же Нацумэ—«Сердце».

Уже одно само название очень характерно для всей этой полосы вообще и для самого данного романа в частности. Автор, строго говоря, ни о чем другом в этом романе не говорит, как только об одном человеческом сердце, и еще точнее: об одном чувстве, которое это сердце переполняет, об одной только мысли, сверлящей мозг. Мысль эта—сомнение в своей моральной правоте, в своей честности перед собою и другим человеком.

Нацумэ с присущим ему великолепным натуралистическим искусством пишет перед читателем такого интеллигента, имеющего возможность, благодаря маленькой ренте, нигде не служить и поэтому могущего свободно думать и размышлять. Он живет

вдвоем с любимой и любящей его женой, живет внешне совершенно спокойно, без каких бы то ни было происшествий, неудач, внешних волнений. И тем не менее он, очевидно, несчастен. Проходят годы, и вдруг его друг узнает, что он неожиданно покончил с собой. В чем дело? Причину открывает письмо-исповедь, посланное этому другу перед самой смертью. Оказывается следующее. Когда-то, в студенческие еще годы, этот человек был очень дружен с одним своим школьным товарищем. Они решили даже поселиться вместе и сняли совместно помещение у одной вдовы. У той была дочь, молодая девушка. Друг этого человека полюбил ее и сейчас же открыто посвятил в свою любовь своего приятеля. Однако, не желая компрометировать девушку, он ей самой ничего пока не говорил, довольствуясь ежедневными встречами с ней и разговорами. Тем временем и сам герой произведения почувствовал любовь к этой девушке и, заметив, что и она к нему неравнодушна, признался ей, узнал, что и она его давно уже любит; сделал предложение и получил согласие. Наступил день об'явления, и друг все узнал. Он ничего не сказал, только ночью наш герой, почувствовав что-то недоброе, вошел в его комнату и застал его мертвым. Вот и все. И это как-будто бы немногое легло тяжелым бременем на всю последующую жизнь этого человека. Он, конечно, женился, стал жить со своей женой очень дружно и мирно, но благополучие было только по видимости. Сердце его надрывалось сознанием своего преступления перед другом, доверчиво открывшемся ему, и в конце-концов не выдержало: он последовал вслед за ним. Таков этот очень сильно написанный роман, ставящий очень ярко проблему совести. Некоторые страницы письма-исповеди производят могущественное впечатление своею искренностью и внутренней напряженностью. Конечно, это все обусловлено тем, что Нацумэ — один из самых крупных писателей новой Японии (он умер в 1917 году) и создателей целой литературной школы.

Занимает японских писателей этой категории и проблема социальной несправедливости, главным образом, в моральном плане. Многие авторы берутся за перо со специальной целью с какой-нибудь стороны эту несправедливость выявить, какой-нибудь уголок ее обрисовать. Подобных произведений много, и представление о них может дать один маленький этюд с натуры «У моста», знаменитого Токутоми Кэндзиро, этого Льва Толстого новой Японии по общим тенденциям своего творчества и по образу своей жизни. Этот интереснейший — особенно для нас — представитель японской общественной мысли и крупнейший писатель (умер в 1927 году) развился под сильнейшим влиянием Льва Николаевича, ездил к нему в Ясную Поляну и, возвратившись на родину, бежал из города, удалился в деревню, стал крестьянствовать и начал проповедь—печатно, своими произведениями, и устно—беседами с приходящими к нему со всех сторон жаждущими совета и участия. Однажды он проходил мимо одного моста в Токио. Видит: стоит кучка людей. В центре ее какая-то бедно одетая женщина с ребенком на руках и двумя другими, цепляющимися за ее платье. Около нее полицейский, о чем-то ее допрашивающий. Токутоми подошел и прислушался. Оказалось: у ней умер муж, она осталась без всяких средств, ничего не могла найти, дети же были голодны. Она и захотела разом покончить все—в спасительной реке, но была замечена полицейским. Токутоми молча выслушал и, когда городовой увел женщину с собой, поднял голову и увидел: тут же за мостом возвышалось громадное здание банка. И у него мелькнула одна неотвязная мысль: «но ведь там, в банке-то, денег же много, очень много...».

Тот же Токутоми выступает иногда и по иной, особой линии японской литературы, в области литературы, которая по своему значению может быть названа, пожалуй, лучше всего обличительной. Им написан, например, коротенький рассказ—«200 иен», передающий тоже реальный «человеческий документ», исповедь некоего человека, неожиданно явившегося в домик автора в деревне и вопросившего его: что ему делать, чтобы внести мир в свою душу? и при этом рассказавшего свою незамысловатую историю. Он—бедняк, но у него есть жена, которую он любит. В поисках службы они забрели однажды в Манчжурию, в Дайрен. Здесь оба поступили на службу к одному директору крупного предприятия. Он—каким-то служащим, она — горничной. И случилось, что он застал своего директора вместе со своей женой. Директор вынул тогда двести иен, протянул их

ему и сказал: «убирайся на все четыре стороны!». И он взял эти двести иен и ничего не сказал из того, что хотел. С тех пор они как-будто мирно живут с женой, открыв на эти деньги маленькую лавочку. Но нет мира на душе этого человека, и в поисках ответа на вопрос,—что же ему делать?—он и пришел к Токутоми. Обличение может здесь в отчетливой форме и не дается, но оно скрывается за каждым словом этого коротенького повествования.

Нужно сказать что обличительные тенденции, в большинстве случаев, преподаются авторами именно в такой скрытой форме. Причина ли этому цензурные условия, или здесь играет роль художественный вкус самих писателей, избегающих откровенных агиток и зазвонистых фраз,—сказать трудно, только в огромном большинстве подобных произведений наблюдается чрезвычайно корректный, чисто литературный тон. Даже такое обличительное по своему содержанию произведение, как роман вышеупомянутого Хосой - «Фабрика», и тот не нарушает общего правила. Автор довольствуется только тем, что умело подает подобранный им материал, при чем этот материал и его подбор настолько сами по себе выразительны, что не требуют никаких агитационных отсебятин. Этот простой рабочий-текстильщик, писатель-самоучка, пламенный печальник о судьбе своего класса, ненавидящий капиталистический режим так, как только может ненавидеть подлинный пролетарий, остается, тем не менее, удивительно корректным и об'ективным.

Роман «Фабрика»*), как и описанное выше первое произведение Хосой -«Печальная история работницы»,—также посвящается жизни японских текстильных рабочих. Об'ясняется это, главным образом, тем, что эта область ближе всего знакома самому автору, но отчасти и тем, что условия труда на текстильных предприятиях, действительно, как нельзя лучше рисуют картину капиталистической эксплоатации. Работницы получают за свой труд гроши; они принуждены жить в общежитиях при фабриках, т.-е. отдавать большую часть заработка тому же капиталисту, в качестве платы за содержание; их жизнь в этих общежитиях обставлена самыми строжайшими правилами внутреннего распорядка, регулирующими всякий их шаг: работницы с трудом отпускаются от станка даже в случаях сильного недомогания, а попадая в фабричную больницу, не получают ни надлежащего ухода, ни лечения; и если они умрут, с их телом обращаются, как с трупом животного. С другой стороны, вне фабрики работницы всячески улавливаются специальными вербовщиками, получающими от предприятия плату с головы и поэтому ожесточенно конкурирующими друг с другом и в погоне за работницами не брезгующими никакими средствами: обманом, угрозой, обольщением, прямым насилием. На случай возможных волнений среди рабочих, предприниматели держат специальных молодцов, большей частью выходцев из той же рабочей среды, которые то выступают в качестве штрейкбрехеров, то в роли непосредственных усмирителей, нещадно избивающих строптивых. Все это—горькая действительность, настолько выразительная, что одно ее протокольное изложение говорит лучше всяких громогласных фраз.

Точно такой, пожалуй, еще более сдержанный характер носит один интереснейший, вышедший совсем недавно роман, посвященный быту японского крестьянства—«Смерть Кихэя» Наканаси**). Это произведение, несомненно относящееся к отделу «литературы земли», рисует картину постепенного распада одного крестьянского хозяйства, исчезновение одной бедной крестьянской семьи.

Старик Кихэй весь свой век трудится над своим клочком рисового поля. Его один сын в солдатах, другой еще подросток. Жена и взрослая дочь также работают без отдыха. Ко всему этому присоединяется то, что он эту землю арендует, а условия труда и арендная плата таковы, что он вечно остается перед хозяином в долгу. Чтобы выпутаться из положения, ему приходится прибегнуть к частому в Японии средству—продать дочь в публичный дом. Но и это не помогает: комиссионер по продаже дочери его нещадно надувает, и полученная сумма так мала, что бесследно растворяется в общей сумме

*) Русский пер. Н. Фельдман. издание „Прибой". Вакидзо Хосой—„Кодзи". 1927 г.
**) Русский пер. Н. И. Фельдман, изд. „Прибой". Иносукэ Наканаси - „Смерть Кихэя". 1927 г.

долга. За первым несчастьем идет второе: у него отнимают и участок земли. Тем временем происходит русско-японская война, и его старший сын погибает в сражении. В конце-концов, старый Кихэй, все время крепившийся и боровшийся со своей судьбою, бросается в пруд; его младший сын бежит из деревни в город на фабрику; что становится с его старухой-женой, предлагается читателю самому догадаться по аналогии с выведенными образцами деревенских нищих. Дружной крестьянской семьи нет, хозяйство разрушено; кулак торжествует.

Такова эта простая история, одна из многих среди японского крестьянства, рассказанная самыми простыми словами. Автор выдерживает до конца свой чисто эпический тон, тон об'ективного повествователя и тем сильнее действует на читателя той внутренней искренностью и правдивостью, которая чувствуется в каждой приведенной им ситуации.

Крестьянская литература в Японии иногда звучит не только вскрытием картины тяжелого положения японского крестьянства. Она не всегда рисует только такие типы—типы покорно подчиняющихся своей судьбе —как неминуемой—крестьян. Есть и другие мотивы в этой литературе. Чтобы дать о них понятие, закончу этот очерк одной только цитатой одним абзацем из поэмы не раз уже упомянутого Токутоми –«Земледелец».

«Нет существа более робкого, чем земледелец. Нет существа более несопротивляющегося, чем земледелец. Перед силою он не поднимает головы. Но его преклонение перед силой и властью есть в действительности отдаление ее от себя. Свою подать... он стонет, но платит; при наборе в армию... он плачет, но выставляет. Коль скоро то приказ власти, обычно он льет слезы, но молча его принимает. Однако, если он так поступает, это не значит, что он в действительности подчиняется этой власти. Он следует веленияm правительства так же, как отдает деньги грабителю.

Земледелец покорен. Но он покорен так же, как покорна земля. Земля кажется лишенной каких бы то ни было ощущений. Когда видят весь облик земледельца такой же равнодушный, как и земля, полагают, что его можно беспредельно топтать ногами. Но не следует забывать, что на этой, кажущейся такой бесчувственной, земле бывают страшные обвалы, ужасные землетрясения; в глубинах ее сердца пылает огонь, кипит вода, струится прохладный источник жизни, сверкают мощные при горении черные бриллианты каменный уголь, сокрыты драгоценные камни. Копье из бамбука и знамя из рогожки с давних времен являются последним средством земледельца... Гнев земледельца терпит до самого конца. Но однажды вспыхнув, вырвавшись наружу, он сотрясает все основы. Что может устоять на широкой земле, когда она сотрясается?».

ВАЛЕРИАН ПРАВДУХИН

Литературная шивера *)

«Шивера—перекат, мелкое место во всю ширину реки по твердому дну, плитняку, и быстрый скат, течение».

Вл. Даль. Словарь живого великорусского языка.

«Так. вы думаете, что к народу можно и нужно обращаться с такими детскими сказками? Народ—это ведь самая большая сила в историческом движении, народ—это великая вещь, и обращаться к нему с убаюкивающими сказками есть прямое и ничем не оправдываемое преступление. Итти в народ это значит уметь говорить серьезно и, соответственно этому, облекать свою речь в простую, ясную и истинно красивую форму, а вы вот вообразили, что народ из мальчишек и что ему можно рассказывать поэтому вульгарные сказки». *Г. Плеханов.*

Из статьи Л. Аксельрод: „Об отношении Г. В. Плеханова к искусству—по личным воспоминаниям".

Если бы в наше время критик вздумал написать статью, ну, хотя бы на такую тему: «Рост новой семьи» или «Быт молодежи по художественной литературе», он почувствовал бы большие затруднения. Ощущение беспомощности преследовало бы его на каждом шагу, когда он попытался бы зарисовками из современной литературы осветить любой из житейских вопросов.

Современная критика и не ставит себе подобных задач. А, между тем, раньше эти темы были обычными для нее. В наши дни спорят о чем угодно, но только не о смычке литературы и жизни.

Литература оставила жизнь, и жизнь отвернулась от литературы.

Ведь это же в самом деле поразительно: *за десять лет революции в нашей печати не всплыло ни одного большого жизненного вопроса, вызванного художественным произведением.*

Уже давно не было ни одной статьи, в которой автор привлек бы на помощь хотя бы иллюстративно молодую художественную литературу при решении какого-либо общественного вопроса. Правового, морального, бытового, политического—безразлично.

Конечно, шумиха по поводу таких произведений, как «Собачий переулок»—Л. Гумилевского или «Луна с правой стороны»—С. Малашкина ни в какой мере не являются «весенним шумом» общественно-литературного порядка. Подобные произведения, иногда интересные по теме, должны быть со всею решительностью отнесены к разряду бульварных романов или, в лучшем случае, беллетристических поделок.

*) В дискуссионном порядке.

Когда охватываешь под этим углом зрения произведения наших беллетристов, каким неуклюжим недорослем кажется молодая литература в сравнении с жизнью, так буйно и широко раскинувшей свои индивидуальные и общественные сени.

Откуда такое резкое нарушение обычного для нашей культуры взаимоотношения литературы с жизнью?

Может быть, в самом деле, нам уже нечего решать, может быть, все вопросы жизни уже получили ответ?

Но, конечно же, это не так.

Исторически мы крайне молоды, культурно мы еще совершенно юны. Фауст и Дориан Грей не могут быть нашими общественными выразителями, и мы, к счастью, не нуждаемся еще ни в медицинском, ни в мефистофельском омоложении.

Мы, как степные, невыезженные кони, рвемся вперед, одержимые жаждой изведать жизнь и придать ей новые, *наши культурные формы*. Линии нашего исторического пути целиком впереди. Культурно мы еще в стадии предощущений, взволнованной дрожи перед грандиозностью исторических путей, открывшихся перед Россией.

Но наш взор никогда не приникает к страницам художественной литературы, когда он ищет тропы во взвихрившихся перед нами просторах. Эти тропы мы начинаем протаптывать через собственный житейский опыт революции или через водоворот клубной жизни, но только не с помощью произведений наших современников-беллетристов.

Положение для нашей художественной литературы небывалое и невиданно обидное. Даже М. Арцыбашев, А. Каменский, Вербицкая, не говоря уже о классике, никогда не бывали в подобном, беспомощном состоянии. Даже они, эти охвостья литературного вырождения, вызывали в жизни не малые круги волнения своими книгами, и о них спорил далеко не один обыватель. Ни один марксистский журнал в свое время не остался молчаливым по отношению к Санину и выдвинутой Арцыбашевым половой морали. Нужно ли упоминать о том влиянии на жизнь, какое имели пушкинская Татьяна, гончаровская Вера и Марк Волохов? Даже «Бедная Лиза» Карамзина вызывала слезы у своих соотечественников.

Многие из теоретиков искусства пытаются прежнюю исключительную мощь литературного влияния на жизнь об'яснить тем, что раньше, дескать, в России не было иных средств для выражения общественных стремлений. В каждом писателе и поэте историки пытаются непременно обнаружить погибшего трибуна.

Это об'яснение и близоруко, и неправдоподобно. Выходит так, что для нас в новых условиях литература, как вид искусства, почти бесполезна. Она может действовать только в рамках жестокого общественного угнетения. Нет худа без добра, но при дневном свете добро тускнеет, как свеча. Монархизм, повидимому, признается сторонниками подобного взгляда на развитие русского искусства наиболее живительной почвой для расцвета литературы. Но знаем же мы, что у киргиз, карагасов, современных китайцев и турок также не было условий для проявления гражданской личности, однако, у них мы не находим подобного расцвета искусства слова. Буржуазный миропорядок Европы не меньше нашего самодержавия, а порой даже изощренней и жесточе пригнетает воинствующую личность, и все-таки, ни в одной из западных стран мы не откроем схожего с нашим своеобразия литературы. Даже нашу незрелую литературу мы не променяем на словесное искусство Запада, хотя там не мало отдельных книг исключительной силы. Наше искусство есть наша неот'емлемая принадлежность. Его основные черты родились и могли родить-

ся только у нас. В них и через них Россия исторически впервые обнаружила себя сквозь туман чужеродного, варяжского царизма, как намечающееся культурное единство, как национальный организм. В. Ленин в статье «Л. Н. Толстой» говорит, что «художественные произведения этого писателя всегда будут ценимы и читаемы массами» и тогда, «когда они создадут себе человеческие условия жизни, свергнув иго помещиков и капиталистов». Там же он утверждает, что творчество Л. Толстого, осветившее подготовку в России революции, есть «шаг вперед в художественном развитии всего человечества».

И это понятно. Именно здесь-то и заключена исторически-культурная ценность нашей литературы. *Являясь первичным обнаружением национальной культуры, русская литература, подобно эпике Гомера, скульптуре греков, живописи эпохи Возрождения, обречена на славную участь тысячелетнего интернационального влияния.*

В чем жизненная сила нашей классической литературы?

Прежде всего в том, что именно в русской литературе нашли впервые свое выражение величайший реализм, здоровый натурализм искусства. Наша литература показала не только то, что крестьянин такой же человек, как и помещик (Тургенев «Записки охотника»), но она же наметила внутренние пути грядущей тогда революции, осветила, как говорит В. Ленин о Толстом, подготовку революции в России.

Это положение нашло свое выражение, с одной стороны, в раскрытии богатства человеческого бытия *в низших классах*, в их корневой, нерасторжимой позитивной связи с жизнью, в обнаружении возможностей сопротивления человеку «товарному фетишизму», мертвой власти вещей над человеком—будь то ничтожный пушкинский чиновник Евгений, не смиряющийся перед «Каменным всадником», будь то казак Ерошка («Казаки»—Толстого), до восьмидесяти лет хранивший юношеский задор и языческую жажду жизни, или будь то «Бывшие люди»—М. Горького. С другой стороны, это же положение нашло свое выражение в изображении предельной искаженности человеческой особи среди правящих *высших классов* (Гоголь, Грибоедов). Здесь сказалось то же приятие и утверждение солнца, земли и близкого им человека, тот же неустанный художественный розыск «эстетических» норм человека.

Дальнейшее развитие нашей литературы связано с условиями социального движения страны, и литература будет и должна быть всегда в нашем национальном улье медом, наполняющим ее соты. Литература—наш внутренний смысл, наша культурная стихия, способная одухотворить все наше бытие: семью, быт, труд, школу, суд, мораль, науку—все наличие нашей индивидуальной и общественной жизни. И если на вызов Петра I Россия через столетие ответила, по слову А. Герцена, блестящим явлением Пушкина, то на призыв революции она откликнется еще более ярким и полным обнаружением здоровых черт своего лица. И хоть нельзя определить точных дат и неуклонных сроков нашего литературного возрождения, но ясно, что наша эпоха не потерпит и не простит себе безмятежной прогулки в XX веке на петровской колымаге, поэтому мы хотим торопить жизнь и никак не согласны ждать так долго и питаться целое столетие исключительно плодами творчества Херасковых, Кукольниковых и Карамзиных. Это положение нам кажется бесспорным. Революция сняла с наших плеч тысячепудовый камень нашей истории. Она вытолкнула нас, как Илью Муромца, на вольный воздух, стащила нас с домостроевской печи, угарно чадившей в нашей отечественной избе. Революция раздвинула перед нами частокол наших старосветских интересов. Теперь мы пытаем свою жизненную крепость через соприкосновение со всем миром. Судьбы далекой Индии и близкой Турции нам не безразличны.

Но почему же, однако, такой беззвучной и жизненно беспомощной вдруг стала наша литература? Почему это футуристы, формалисты и одиночки-критики (М. Левидов, В. Шкловский, Н. Чужак и друг.), ощутив пустоту современных литературных опытов, так дружно заговорили о конце литературы, о снижении ее высокой линии. Литература—лишь прикладное искусство практики, инкрустация при стройке вещей (Третьяков, Чужак). Литература—реклама Моссельпрома и агитка (Маяковский, Асеев). Современный писатель ощущает себя «пророком» лишь в дни выпуска папирос с новой этикеткой или же в дни общественных юбилеев и парадов. Наконец, литературе разрешается и существование, если она будет служить развлечением в час отдыха читателя (М. Левидов и В. Шкловский).

В подобных утверждениях много различных подпочвенных тенденций, часто нездоровых социально, но одно верно: *современная литература, действительно, с глубин классики попала на отмели малосодержательной словесности и трескучей литературщины,* не безнадежно стоячей отмели, этого у нас нет, а на мелководье суровой и стремительной шиверы.

С этим, правда, не все согласны. Г. Лелевич, например, крепко убежден, что «Комсомолия»—Безыменского и повести Либединского—великие произведения, яркие вехи нашей эпохи (см. его статью «Наши литературные разногласия» и др.). Да один ли Лелевич так самозабвенно кричит на литературном базаре, восхваляя достоинство товаров своего кружкового лотка? Проф. Фатов, например, «доказал», что П. Романов выше Л. Толстого, Гончарова, Достоевского и Чехова. Его утверждение, конечно, осталось бы литературным анекдотом, домашним и малоупотребительным, если бы его статья не была напечатана в альманахе «Прибой»*), ответственность за литературную линию которого скрепили пять редакторских имен: Л. Авербах, Г. Горбачев, Ю. Либединский, Ф. Раскольников и А. Серафимович**).

Но в данном случае приличнее согласиться даже с самим В. Шкловским, что рано еще наклеивать бороду Л. Толстого писательнице Л. Сейфуллиной, как это пытался сделать не в меру усердный П. Коган, нежели позавидовать славе проф. Фатова и одураченных им редакторов. Не слишком ли в самом деле дешев стал советский гуммиарабик, которым мы приклеиваем литературные этикетки? Так, из № 5 (11) журнала «Звезда» за 1925 год мы опять узнаем от одного из фатовских редакторов, Г. Горбачева, что и Б. Лавренев, автор повести «Марина», пишет «почти по-толстовски целомудренно». Зачем это стыдливое «почти»? Оно ведь все равно не сохраняет литературного целомудрия смелого агронавта-критика.

П. Коган, пожалуй, превзошел всех в этом отношении, напечатав свою статью о Либединском. *Разрыв передаточного пункта между писателем и читателем в наши дни выступает с особой яркостью.*

Раньше—до революции и в начале революции—читателя живо интересовала библиография, волновала его и критика, почему теперь он так равнодушно и скептически перебрасывает ее страницы?

В наших журналах нет критики. Их страницы, правда, заполняются печатным текстом, но можно заранее и безошибочно угадать, какого рода отзыв будет дан о любом писателе в том или ином журнале. Можете ли вы представить себе, чтобы о произведениях писателей кружка ВАПП был хоть раз напечатан не восторженный отзыв в журналах «На посту» или «Октябрь»? Ставьте ваш червонец против ста за то, что В. Лавренев, пока он сотрудничает в «Звезде», не дождется подлинно критического разбора своих произве

*) Изд-во «Прибой». Ленинград. 1926.

**) Серафимович позднее заявил в газете «Известия ВЦИК», что он не участвовал в редактировании данного альманаха.

дений со страниц этого журнала—и ваше пролетарское или непролетарское состояние будет обеспечено крепче, нежели в трудкассе или банке самого Форда. Даже в журнале «Красная Новь» в период его расцвета положительные рецензии писались, в большинстве случаев, о родственных ему изданиях («Круг», «Наши дни», «Перевал»). Эта линия была выдержана журналом, по крайней мере, на 50 проц. Это, конечно, свидетельствовало об определенном направлении журнала, и это хорошо, но направление часто переходило в привычное захваливание «своих» писателей, и это лишало журнал остроты и делало его страницы порой пресными.

«Плохо, да наше». И хорошо только то, что у нас. Знаменитый лозунг Д. Бедного о трех сопливеньких, плохих, но своих, лозунг, вызвавший законный и суровый отпор со страниц газеты «Правда», остается, к сожалению, типичнейшим для наших дней.

Вредное снисхождение к своим, послабление писательской воле, часто, вместо критики, рекомендация своих изданий, продвижка во что бы то ни стало своих кружковых товарищей вне зависимости от художественной оценки их писаний, небрежность и случайность рецензий, невиданное пренебрежение к провинциальному писателю, и в результате—резкое снижение творческих устремлений даже у талантливых писателей.

Когда А. Луначарский пишет свою неумеренно хвалебную статью в «Прожекторе» об искренних, но незрелых, словесно порой уродливых, стихах И. Уткина (целую статью без единого критического замечания!), неужели он не сознает, какой вред наносит он нашей пишущей молодежи?

Единой русской литературы у нас нет сейчас: есть московская, ленинградская, харьковская, новосибирская, а, может быть, и устюжанская литература. Ленинградцы не знают московских писателей, московские не хотят знать ленинградских беллетристов. Газеты перестали печатать фельетоны о литературе. В самом деле, кому интересно хозяйство того узкого «феодального» дворика, которым владеет наш писатель, характеристикой которого всегда вынуждена заниматься даже серьезная критика наших дней?

А если писатель посмеет выйти за свой «бытовой» словесный дворик, если он дерзнет взглянуть серьезнее и глубже на окружающую жизнь, он со стороны нашей критики встретит такое «улюлюканье», что ему и в самом деле не поздоровится. Достаточно Г. Лелевичу сказать, что «у нас не было еще такого позорного и отвратительного, слюнявого пасквиля на революцию, на коммунистическую партию» (о повести В. Зазубрина «Общежитие») и «что цензура сделала большое упущение, не задержав возмутительного рассказа Зазубрина», как все журналы, конечно, уже не рискнут высказаться об этом серьезном произведении.

Писателю надо умереть, чтобы на свет появилась беспристрастная и небоязливая оценка его творчества. Разве Л. Рейснер могла при жизни мечтать о признании за ней такого таланта, какой открыли в ней все рецензенты через два часа после ее смерти? Достаточно взять три последних номера журнала «Печать и Революция», вышедших перед ее смертью, и посмотреть, что писалось в них об ее книгах раньше. Положительные же рецензии о ней при ее жизни не печатались.

И это случилось единственно потому, что Л. Рейснер была независима, единственно потому, что она не захотела примкнуть к какому-либо литкружку, а хотела быть просто писательницей новой революционной России.

Читатель и писатель законно перестают интересоваться и верить нашей критике. На поверхность начинает победно просачиваться писатель-слуга, писатель обывательского толка, писатель, заранее обрекший себя на золотую обывательскую середину.

Горечь и досада увеличиваются от сознания, что эта литературная немощь, шивера, заедают нас не от отсутствия у нас жизненных тем, не от наличия в нашей стране социального тупика, как это наблюдается сейчас в литературе Запада и на писаниях наших «соотечественников»—И. Бунина, А. Куприна,—нет это не так: тем у нас бездна, желаний, порывов и самых здоровых—у нас тьма, об этом красочно и ярко говорит жизнь, об этом говорят иногда даже наши редкие литературные опыты и отдельные страницы молодых беллетристов, и все же наша молодая литература в целом попала на отмель, она бьется среди разбойно скачущей и каменистой шиверы, выхода из которых все ищут и пока не могут найти.

Соты различных писательских построений остаются пустыми. Культурно писатель становится паразитом, трутнем.

Мы говорим не о внешней литературной беспомощности. Здесь все обстоит благополучно. Может быть, даже слишком благополучно. Литературщина нас заедает. У нас никогда еще не было столько людей, живущих за счет литературных субсидий. Особенно поэтов. Кто теперь не пишет стихов? Любая советская девушка пишет «хорошие» стихи с таким же мастерством, как когда-то в старину в тереме она рукодельничала, вышивая бисером по бархату. В. Брюсов научил чуть не поголовно всю нашу столичную молодежь, как надо «делать» поэзию. В. Шкловский и другие формалисты пытаются обучить ее, как «делать» великие произведения в прозе. Прочтите книгу Шкловского «Теория прозы»*), и вы поймете, что это занятие легче труда бухгалтера. Сюжет, который носится в воздухе, как некое неизменное отвердение с момента уничтожения богом первичного хаоса, посредством нескольких внешних приемов («Остраннение», «Повтор», «Ступенчатое построение» и т. д.), с хлестаковской легкостью обрастает современной фабулой. Помилуйте,—говорит Шкловский,—так поступали коллеги—Л. Толстой и Конан-Дойль, так писали товарищи по ремеслу—Сервантес и «великий» В. Розанов. Во всем этом нас, несомненно, убедил своей литературно-аморальной книгой В. Шкловский. Так что—с этой стороны мы можем быть совершенно покойны.

И действительно, теперь можно наблюдать, как вся Россия, начиная с Чичерина и Ларина и кончая пионером, пишет стихи. Классическую формулу Некрасова—«поэтом можешь ты не быть, но гражданином быть обязан»—у нас поняли таким образом, что каждый гражданин СССР обязан быть поэтом. Вся страна пишет рассказы, повести, романы и драмы, начиная с А. Луначарского и кончая любым заведывающим УОНО. Эти повести печатаются в журналах, выходят отдельными книгами, драмы идут в столичных или уездных театрах, в зависимости от общественного веса их авторов.

Страна учится, страна идет к культуре. Страна мстит своему прошлому невежеству, начинает грозить своим историческим костлявым призраком, превращаясь в один оживленный и деятельный ликбезграм.

Это явление радостно и чревато в будущем и настоящем самыми здоровыми последствиями. Навсегда миновали исторически-мрачные и для нашего сознания уже юмористические времена, когда инспектор народных училищ запрещал ученикам начальной школы писать «самостоятельные» сочинения.

Но для всех ясно, что страна в целом еще не овладела даже пониманием той культуры, которая создавалась в ее прошлом. Страна не овладела и тем запасом технических приемов цивилизации, пусть родившихся в буржуазном обществе, но которые неизбежно необходимы и нам для перестройки этого общества и его культуры.

Но понимание культуры, и особенно наметка обновленной культуры, конечно, не даются человеку ни посредством лихих кавалерийских набегов, ни

*) Издательство «Круг». Москва. 1925.

посредством революционных порывов. Тем более этими средствами не создается новое искусство.

Революция расчищает пути для искусства, она обеспечивает возможности его дальнейшего развития, но для полного осуществления его нужна и новая крепкая устойчивая организация общества, целый комплекс органических процессов внутри его, наличие общественного бытия (нового права, морали, быта) и в результате всего этого—ощущение самостоятельной, взрослой, национальной культуры, ощущение, из которого вытекали бы определенные требования не только к языку, к литературной форме, но и к вопросам общественной и индивидуальной морали.

Нельзя же в самом деле судьбы литературы подчинять вкусам Авербаха, Либединского, Безыменского, Зонина. Страна хочет не только учиться, т.-е. производить опыты и попытки к настоящей жизни, она хочет наряду с этим и по-настоящему жить. После тысячелетнего существования она хочет остаться страной, и особенно после революции, стоившей ей не мало, она в праве ощутить себя еще более взрослой, культурно более самостоятельной—подлинным и полновесным союзом свободных наций.

Страна не может жить исключительно интересами школы первой ступени тогда, когда она фактом революции сделала вызов миру всей старой культуры, предложив Западу померяться силами, попытать с ней жизненную крепость двух систем: буржуазной и пролетарской. Задача в самом деле не шуточная—полное уничтожение капиталистического общества.

Имея такую задачу перед собой, можно ли обходиться так долго без серьезного и взрослого подхода к искусству?

Да и школа мыслима и возможна лишь в оформившемся государственном организме, там, где есть верховное руководство вызревающей культуры.

В школе можно поставить гигиеническое питание лишь при наличии настоящих выжимок той или иной культуры. Страна, ее основной читатель, сознательно или бессознательно требует от литературы выкристаллизовавшихся культурных уплотнений, устоявшихся типических символов своей жизни. Нельзя наряду с произведениями М. Горького, который действительно хранит бережное отношение к русскому слову, печатать ученические упражнения без особых на то примечаний. Каждый пионер может с полным правом потенциально ощущать себя Пушкиным, но это не значит, что их произведения должны быть печатаемы в хрестоматиях на одной и той же странице.

Невероятно радостно жить в такое будоражливое время, когда редактору не приходится хватать себя за нос, подобно гоголевскому герою, при виде того, что пионер пишет у нас такие же толстые романы, какие писал Л. Толстой, но из этого радостного ощущения не вытекает, что должна быть уничтожена *качественная* оценка их писаний за счет количественной.

Педагогика вещь общественно-необходимая, но жизнь—не школа. Между ними должен быть установлен водораздел. Он не разъединяет их совершенно, напротив, устанавливает между ними правильную систему общения. Притоки остаются притоками, а главный водоем—общественная жизнь страны—питается непосредственно лишь через основное, культурное русло страны.

У нас все перемешалось. Когда М. Левидов—чуткий барометр уличных требований—выбросил лозунг «Организованное упрощение культуры», он не нашел широкого сочувствия своему лозунгу. Но разве теперь кто станет оспаривать то положение, что это опрощение, снижение культуры в искусстве у нас проводится явочным порядком. В литературе оно уже совершено. У нас уже не существует литературных требований. Не даром Госиздат вынужден посылать торгагентов за этими требованиями через голову редакторов в избы-читальни. У редакторов не осталось даже права на литературный вкус.

Г. Лелевич утверждает (и его утверждение звучит в наши дни победно, несмотря на личную неудачу Лелевича), что художественность в литературном произведении —вещь второстепенная, необязательная. В своей статье «О принципах марксистской критики» он называет пишущего эти строки «идеологическим молодчиком» лишь за то, что этот «молодчик» осмелился сказать, что нет литературного явления без художественных достоинств и что *первой* задачей критика, поэтому, является вопрос: художественно ли то или иное произведение? Если оно не художественно, его для искусства не существует, литкритику нечего с ним делать.

Положение, казалось бы, достаточно ясное. Лелевич, никогда, повидимому, самостоятельно не думавший над искусством, находит принципиальное противоречие данной формулы с утверждением Плеханова, который говорит, что первой задачей критики по отношению *к художественному* произведению является перевод его «с языка *искусства* на язык социологии». Лелевич мог бы просто своей зрительной способностью видеть, что эту первую задачу Плеханов устанавливает лишь к *художественному* произведению, т.-е. произведя уже его эстетическую оценку. Лишь язык *искусства* он считает достойным для перевода на язык социологии. Если бы грозный Лелевич просмотрел более внимательно статьи самого Плеханова о Некрасове, о народниках, он бы заметил, что и сам социолог-критик всюду начинает свой разбор писателей с оценки художественных достинств их произведений. Других путей для критики нет.

Подобный бесшабашный догматизм по отношению к искусству создает положение, когда, действительно, у редакторов, критиков и вообще из нашего литературного обихода исчезает самое ощущение художественности, у писателя испаряется стимул к его исканиям.

Наши эстетические требования удовлетворяются фразами, в роде следующих (я взял их из рассказов, авторы которых справедливо обижались, что их почему-то не печатают, когда печатаются другие, похожие на них):

«У него на лице было веселое, рабоче- крестьянское выражение».

«Комсомолистый Гришка страстно обнял учительницу Надю, но инстинктом почувствовав классовую разницу, вдруг гневно отпрянул в сторону».

«Даша робко надела на себя новое батистовое платье. Подошла к зеркалу и наложила на себя резолюцию: «совсем недурно».

Нельзя, конечно, поручиться, что это уже не напечатано в одном из наших журналов, потому что не составит большого труда подобрать схожие с этим фразы и из напечатанного. Возьмите всю нашу современную литературу—разве не по этому принципу написана большая половина наших рассказов? Разве есть в современной нашей литературе подлинная, глубочайшая музыка русского человеческого искусства? Разве во всей этой массе рассказов, повестей и романов, которые у нас печатаются, вы найдете настоящую сатиру, драму, трагедию живого современного человека? Что это? Или наша страна неожиданно утеряла свой лик? Неужели умерли, навсегда ушли из жизни ее городничие, Хлестаковы, Каратаевы, Обломовы, Ионычи, люди в футлярах, Тургеневские героини, Душечки, Карамазовы и даже Передоновы? Пусть даже они умерли, переродились. Пусть все это со сказочным волшебством исчезло, осталось там, в стране прошлого, как хлам буржуазно-дворянского мира. Но разве теперь-то люди ходят по лицу своей обновленной родины без плоти и крови?

Назовите мне одного героя из молодой по-революционной литературы, у которого бы я мог ощупать тело, увидеть его живым, действительно поверить, что он живет вот тут же, рядом со мной. Я произношу «Епиходов»—и я вижу его, слышу, ощущаю всего с головы до пят. «Емельян Пиляй—то же самое

Но возьмите Антона из романа «Барсуки» Л. Леонова, талантливейшего современного писателя, и сколько не тщитесь, вы ничего не вспомните, кроме схемы призрака, в лучшем случае, может быть, его хромоту. У большинства же современных героев нет даже этого спасительного физического недостатка—так хорошо построены они в безличной шеренге. Второстепенный, но хороший писатель Эртель со своим романом «Гарденины» был бы в наше время гением среди нашей писательской среды. Самый культурный наш писатель, И. Бабель, которому удалось написать несколько действительно опаляющих читателя страниц, не идет в своих зарисовках людей дальше красочного портрета, оживающего у читателя, чаще всего благодаря собственным неостывшим переживаниям из гражданской войны. Похоже на то, что все наши писатели забыли, что человек живет, любит, ненавидит, потрежнему оставаясь человеком, т.-е. биологическим, национальным, индивидуальным типом, имеющим свою собственную историю и характер. Забыли, что каждому из людей присуще все человеческое—животное, живое, бытовое, национальное, комнатное, половое. Остается в погоне за вульгарно понятным «социальным», «классовым»—одно поверхностно-видимое, газетно-трафаретное, репортерски-словесное. Запах подлинной человечности улетучился совершенно из зарисовок наших писателей. И нет ничего странного в том, что пошлейший Тарзан волнует больше нашего читателя: он хоть имеет животно-человеческое лицо, он имеет *свою* судьбу и какие бы то ни было собственные приключения Так, в свое время «Бова Королевич» и «Еруслан Лазаревич» интересовали читателя больше, чем сентиментальная ложноклассика Херасковых и даже сентиментализм Карамзина. А что может дать читателю современная беллетристика? Чем она может похвалиться перед ним?

Какие бы вкусы ни были у того или иного читателя, с какой стати он будет наказывать себя тяжелой и неудобоваримой современной беллетристикой?

Если я любитель легкого чтения, если я предпочитаю серьезной авантюрную литературу, неужели можно меня заставить читать романы Иркутова, Веревкина и Никулина, когда есть занимательный Конан-Дойль, Тарзан? Неужели я стану читать Лавреневское «Крушение республики Итль», когда я могу взять в руки подлинных фантастов Уэльса и Жулавского?

Наконец, если я хочу искусства, литературы, неужели я буду читать Пильняка, Огнева? За какие грехи я обязан осиливать их словесную изломанность и дальтонизм их писательского зрения? Нужно ли говорить о мертвецах, вконец изуродованных прошлым, подобию Анд. Белому и другим, похожим на него, не выписавшимся еще из больниц декаданса начала XX века Трудно стало читать в последние годы лучшего нашего писателя Вс. Иванова Начиная с повести «Голубые пески», он, за редкими исключениями (рассказ «Дите»), совершенно забыл о человеке и постоянно губит его в узорчатых частностях обстановки и кокетливо-литературной фразы. Это настолько бесспорно, что, конечно, его повесть «Хабу» или его рассказ «Пустыня Тууб-Коя», кроме редактора и спецов от литературы, никто и не прочитает. Беру из рассказа несколько фраз наудачу:

„И не потому ли в горах скалы обсыпавшиеся, обкусанные, словно зубы коней, что бессильно крошатся об травы Тууб-Коя".

„Крупным песком заносится конец здешней жизни".

„Черный поток тоже не брал пленных. Вода мутнеет от крови только в песках, а пасмы туманов в горах были такие же, как в прошлый день".

„Виски тучнели и тьма ночи была непереносно тягучей."

Конечно, такие манерно безвкусные фразы (ими убит весь потенциально прекрасный рассказ) по-серьезному могли бы пройти лишь в журнале гимназистов, и то сомнительно.

Прославляемый за мастерство Б. Пастернак в № 5 альманаха «Круг» не стыдится на первой странице отрывка в стихах преподнести такую фразу: «Как едется в такую рань приезжей».

Но в конечном счете главная беда и не в этих уродливых фразах, а в том, что даже лучшие из наших писателей не слышат основных звуков жизни, не улавливают ее больших линий. Жизнь машет перед ними огромными своими крыльями, выдвигая «миллион миллионов» по-настоящему больших вопросов: разрушена семья, религия, перестраиваются заново «ноты любви», отцы и дети вступают в невиданный «последний и решительный бой», раскрепощенная женщина истекает кровью в схватке с феодалом-мужем—повсюду до жуткой обнаженности обострились людские отношения, а наш писатель—о чем он пишет? Он, как сонный евнух, сидит в преддверьи и безмятежно перебирает четки человечески-безразличных узоров.

Прозрачных линий классики, изумительного рисунка Чехова, чудесных красок и приемов Мопассана и вообще неисчерпаемого художнического заряда XIX века не сыскать уже в нашей современной литературе ни у кого, кроме Горького и отдельных страниц немногих писателей.

А. П. Романов? Он же хранит классические традиции. Если бы я мог процитировать страницы три из его романа «Русь»!

Просто удивительно то ослепление критического зрения, которое позволяет некоторым критикам считать его за «значительного» писателя. У него есть занимательные рассказы, но его талант, конечно, не выше таланта Амфитеатрова, Тэффи, Аверченко, Потапенко и Боборыкина. Его традиции—традиции серого, бесхарактерного художнически эпигона, эпигона среднего писателя XIX века—не больше. Нужно ли цитировать? Нет, пусть сомневающийся прочтет его «Русь».

Вот его рассказ «Черные лепешки». Поклонники таланта торжествующе указывали на этот рассказ. И странное дело, как всегда, при чтении его рассказа я вспомнил «классику». Да, «Черные лепешки» сделан по Шкловскому, не признающему «новых» сюжетов, а лишь их обрамление и изменение. Кому не знаком рассказ Мопассана «Возвращение», сюжет которого не слишком ли схож с сюжетом рассказа «Черные лепешки»? А рассказ «Огоньки»? Неужели может еще кто-нибудь наивный по-настоящему «обмануться» этой искусственной, фельетонно-головной стройкой бессюжетного очерка? Разве не ясно, что это тот же самый рассказ о «Гришке, который обнял учительницу, но, почувствовав классовую разницу, отпрянул»... «Он (артист Волохов) просунул свою руку между спинкой саней и спиной высокой Кати, обнял ее за талию и потянул к себе». «Волохова это охладило: во-первых, она ничего не поняла, во-вторых—эта фраза «Мы привыкли»... Точно ямщик говорит про себя во множественном числе».

И разве нам неведомы эти звезды, на которые смотрит герой? Не так же ли на них, не из такого ли положения (помнится—из саней) и так же дважды смотрел Пьер Безухов у Л. Толстого? И это: «Теперь, вместо этой великой связи, образовалась другая, маленькая связь: он—близкий знакомый и друг Петра Ивановича, старый приятель Анны Петровны, член клуба и т. д. и т. д.». Разве мы это же самое не читали десятки раз раньше Романова у Л. Толстого и в таких же точно словах?

«Ему (Оленину) ясно стало, что он нисколько не русский дворянин, член Московского о-ва, друг и родня такого-то и такого-то» и т. д. и т. д. («Казаки»).

Так с каждой страницы Романова явно выпирают эти простые хрестоматийные числа русской литературной таблицы.

Мы говорим, конечно, не о подобных традициях. Мы хотим, чтобы писатель оставался самостоятельным. Без этого не может быть творчества. Со-

хранение традиций есть мужество зарисовки подлинно живого человека, а не сусально-литературной схемы. Сохранение традиций должно сказаться в том, чтобы писатель увидел человека как можно глубже, ярче, шире, а не только в схеме его должностных переживаний («Комиссары»—повесть Либединского). Человека в искусстве необходимо запечатлевать так, чтобы читатель с жутью и радостью чувствовал себя в любом герое. Возьмите Обломова, «Человека в футляре», Пьера Безухова—в них русский человек с неизбежностью всегда ощутит самого себя (вспомните социологический анализ обломовщины Добролюбова). И если мерзавца ты рисуешь, то выпечатай его так, чтобы я, будь я лучший из лучших, неотразимо почувствовал, что мерзавец мне сродни, что он вот тут ходит и топчет подошвами дороги моей родины. Если героя ты рисуешь, запечатлей его так, чтобы я, мерзавец из мерзавцев, в тоске и страхе мог ощутить радостно, что и во мне капля этой человечьей гордости, которой ты его наполняешь.

Черты любимого литературного типа должны быть неотторжимыми от меня и обязательными для всех. Иных путей для искусства нет. Кто скажет, что в нем нет ничего от лермонтовских Печорина или Максима Максимыча, хотя это написано и не гением и не в наше время.

А кто скажет, что Семен, Надя (Леонов—«Барсуки») действительно носят в себе основные черты всех нас? В них нет ничего от глубин живого человека, хотя внешне он разрисован на редкость красочно. Как хочется навсегда запомнить одну страницу из романа, где живая жизнь мелькнула на мгновенье—мелькнула по-настоящему и бесспорно, это когда Сема ловит весной кота на крыше и видит впервые Настю. Но ведь это же «зады», все это уже исчерпано русской литературой и до Леонова. А в остальном—талантливо расписанная, многословная схематика. Талант спасает Леонова: в его писаниях нет коробящей читателя неправды, но и правда его рисунка по существу случайна и необязательна. В большинстве случаев, наши писатели подмечают лишь внешне-характерное, присущее данному дню и человеку в данных особых обстоятельствах, а основу его такого, каким он вышел из семьи, каким он унаследовал себя от предка, этих черт они не ощущают. Пытаются заинтересовать читателя не судьбой человека, не извращением или красотой людской жизни, а «текущим моментом» ее, разрешением и освещением случайно или не случайно, но на один момент возникших вопросов и случаев. Нет установки на основное человеческое, которое лишь меняется и преобразуется, но никогда не теряет своего изначального остова. Вл. Короленко в своем «Дневнике» пишет: «Есть одна местность, покрытая страшными топями. Неверный шаг, и вы погружаетесь в трясину. Жители этой местности, отправляясь в путь, берут в руки длинные шесты. Правда, шесты эти затрудняют несколько быстроту движения, зато, провалившись в трясину, путник находит в шесте спасение. Одним концом шест падает назад, на то место, откуда путник только что сошел и где он стоял твердо; другим—шест достигает непременно твердой земли, лежащей впереди. Искусство представляет такой же шест на пути человечества». Это глубокое и верное сравнение. В самом деле, что волнует читателя до сих пор в судьбах Одиссея, Уленшпителя, Дон-Кихота и Отелло? И почему равнодушно минуют его бесчисленные герои современности. Становится даже обидно, почему эта смерть какого-то сановника Ивана Ильича, описанная Л. Толстым, даже для современного читателя реальнее бесчисленных героических смертей, которыми полны современные рассказы.

Разница впечатлений здесь должна быть об'яснена не только высотой таланта того или иного писателя, но и самым подходом к сюжету. Зарисовка *одного* мелькающего, бытового, случайного, безличного вместо желанной силы,

всегда дает лишь статику, ничем не одухотворенную. Нельзя рисовать движения человека и даже толпы без элементарного знания *«анатомии» всего* человеческого организма.

Литературная анестезия не исчезнет, ее не исцелить и рекомендацией фабул и сюжетов, как это пытались делать напостовцы устами Либединского (завод, рабочий и т. д.) или как это более обоснованно делает Воронский, смешивая в своем рецепте:

1. Героическое 0,2
2. Большевистское подлюлье 0,1 и т. д.

Ясно, что здесь, прежде всего, нужна «лошадиная доза» третьего—художественности. А если, вместо этого третьего, остается та же неизменная репортерская, публистическая agua distilata—бесвкусная беспримесная вода, тогда ничто не сможет сделать удачным литературный опыт. Авторы подобных рецептов, в большинстве случаев, обнаруживают удивительное добродушие гоголевского Земляники, когда полагают, что, не имея полновесной художнической хватки, писатель может исцелиться «и так»—с помощью фабулы: простого описания того или иного случая жизни. А Воронский, к счастью, не заражен этим добродушием, он более склонен (говоря словами Г. Лелевича) к «идеалистическому молодечеству». Замечая в конце своей статьи «О том, чего у нас нет»*), что «понятие прекрасного является решающим в искусстве».

Кто же сомневается, что фабулы романов Чернышевского—«Что делать» и Степняка-Кравчинского—«Андрей Кожухов» социально значительнее сюжетов Чехова, Лескова, Мопассана, Флобера, однако, все мы продолжаем читать произведения писателей «буржуазной» плеяды, а не романы наших славных революционеров.

Хорошо, что к 20-ти летнему юбилею 1905 года появилось не менее десятка больших произведений, но появилось ли одно, в котором художник сумел бы страницы истории оживить звуками подлинной человечности, конкретной и неотразимой—это большой вопрос.

Чего же лучше, что наши современники-беллетристы берут в первую очередь нового человека материалом для зарисовки рабочего и крестьянина. После Л. Толстого, после революции ясно для всех, что именно в них биологически и социально скрыт «эмбрион» нормы будущего человека. Но как они изображают этого нового человека? В большинстве случаев, совершенно механически, поверхностно. На 90 проц. бескостно, бескровно. И даже в том случае, когда у писателя есть литературные способности—то, что называют талантом—и в этом случае у него совершенно отсутствует необходимый художнику индивидуальный упор по отношению к материалу, нет достаточной доли сопротивления ему. Герой так герой во-всю, как Еруслан Лазаревич, злодей, так злодей во-всю, как Змей Горыныч. Редко кто из читателей перешагнет здесь через частокол упрощенных приемов таких старозаветных исторических писателей, как гр. Салиас и Загоскин.

«К чему? Я сросся с бодрой маской.
И прав, кто скажет мне в упор,
Что я сплошною красной краской
Пишу и небо, и забор».

(Д. Бедный).

Возьмем для образца наиболее интересный роман последнего времени «Цемент» Ф. Гладкова. Роман принадлежит перу достаточно искушенного и опытного беллетриста: еще 5 ноября 1912 года Вл. Короленко в письме к

*) «Красная Новь», № 10, 1925.

Горнфельду сообщает, что Гладков прислал ему повесть в 267 страниц. Но наряду с этими несомненными достоинствами сколько провалов в нем.

Роман, действительно, во многих отношениях любопытный. В рамках литературной современности—выдающееся явление, большая победа писателя, значительная продвижка его вперед. Герой романа с первой страницы знает, чего он хочет и к чему идет. Он, действительно, боролся за свои цели. Есть в романе попытка по-новому взглянуть на семью, женщину, брак. Видно, что писатель каждое действующее лицо пытался замыслом «оживить» и сделать типичным и своеобразным. В романе есть по-настоящему не плохие главы. В этом смысле роман—«высокий образец» для многих из совпишущих. Но сколько провалов, типичнейших для наших дней!

Судите сами, ну, разве можно так писать, если даже не считать, что за нашими плечами стоит русская и мировая литература XIX века:

1. «Глеб сжал челюсти и раздавил грудью звериное рычанье» (191 стр.).
2. «И он, Глеб,—маленький, только сердце большое, больше его самого» (224 стр.).
3. «Глеб задохнулся и сунул кулаки в карманы. Никак не мог справиться с сердцем: оно заполняло всю грудь, надувалось и лопалось, замирало и обжигалось кровью, и от неудержимой дрожи коченели и руки, и ноги» (стр. 303-304).
4. «Остылыми глазами глядела Даша на пытку товарищей (их порют казаки шомполами. В. П.) и немая, тронутая умом, не могла оторвать от них взгляд. Смотрела и не видела ничего, кроме крови, которая кипела, клокотала, как взбаломученное море. И в воздухе была кровь, и кровь была в мозгу и за пыльными дырами окон» (стр. 171).

Еще один пример—рассказ рабочего о боевой стычке с зелеными:

«Засели крысы в норе, мы их жарим.... А по нас—шрапнелью. Ничего—угарно... Ставим ядреные крысоловки сукиного сына... Шкворчат и повизгивают, как порося... Зацарапали с полсотни офицерья и пошлепали вдрызг... Только глаза прыгали, как лягушки... Две сестренки сегодня всю братву распотешили... Кишки порвали... Поставили их над утесом под пушку... Взвизгнула одна:—Хамы, поганые обезьяны... и кувырк! вверх тормашками... Другая:—Хамы, босяцкая сволочь!.. и кувырк- вверх тормашками... Такое, ядри твою мать, представленье было—кишки полопались!!!.. (стр. 199).

В первом и во втором случае—лубок. Лубок романтизма, ходульности и лубок опрощенства, элементарно-антихудожественного подхода к человеческой душе. И не только отдельные страницы описаний даны в таком тоне, но и многие сцены, как сцена встречи Глеба с Дашей, поездка Бадьина с ней же даны в поражающих безвкусием ложно-классических тонах. Люди и события приподняты на ходули истерически-грубой романтики. Словно автор задается целью найти антитезу исторической сентиментальности Карамзина и пишет нам не «Бедную Лизу», а «Красную Дашу», прошедшую «сквозь смрад панической смерти», у которой «глаза изнутри—янтарем», а кругом «необ'ятный гром», «потрясающий гром», «чугунная ненависть» и т. д.

Из цитат о Глебе вы видите, какими красками автор зарисовал своего главного героя. Так, неожиданно для истории, писатель наших дней, Ф. Гладков, сквозь столетие перекликается (с точки зрения искусства) братски с Карамзиным. В этом смысле, повторяю, роман Н. Эртеля «Гарденины» по своей мудрой художественной ясности—недосягаемый образец для наших дней, не говоря уже о подлинной классике.

Каждому овощу свое время. Но все-таки невероятно, чтобы писатель-интеллигент, каким является, например, Лавренев, уже, наверно чувствующий основы искусства, вне сомнения знающий хорошо классику, сам не сознавал, что герой его лучшей повести «Ветер»—матрос Гулявин—есть просто-напросто дань требованиям советского обывателя и что здесь по существу нет ни на каплю художественного постижения человека.

«Утром допрос, а с допроса к садовой стенке. Дело простое. Сегодня мы вас, завтра—вы нас, а церемонии разводить нечего и для пленных—конвоев и обозов не полагается» («Ветер»).

Никто же не поверит Лавреневу (если даже он пишет факты), что жизнь, подлинная жизнь стала так вдруг механически проста, так же проста, как ее рисовал (и живо!) Конан-Дойль: замена «благородного» Шерлок-Холмса менее благородным, но столь же газетно-воспринятым матросом-революционером, не спасает положения.

Нам очень бы не хотелось, чтобы эти замечания были похожи на хулу писателю. Лавренев—писатель наших дней. И уж, конечно, советский обыватель стоит неизмеримо выше своего дореволюционного собрата. Последний требовал от Каменских, Арцыбашевых, Вербицких эротических приключений, слегка завуалированных интеллигентски-комнатными «проблемами». Советский обыватель не может этого требовать. Революция его исцелила. Общей с прежним обывателем осталась лишь у него черта Марфиньки Гончарова—требование внутренней безмятежности, отрицание подлинных проблем. Этой чертой он сродни М. Левидову и В. Шклювскому, отрицающим за литературой право постановки серьезных вопросов. Другая черта обывателя это—требование изображения контрреволюционера в стиле механического a-la мерзавец.

От этого, конечно, особенного вреда не может быть. Но эстетически (художественно эмоционально) результат один: развлекаясь, успокаивается обывательское мышление, обволакиваясь пеленой привычной, неглубокой безмятежности и поверхностного оптимизма (Всегда мысль: какие они мерзавцы, а мы—какие хорошие).

В. Зазубрин написал повесть «Общежитие». Тема повести—бытие нескольких людей, коммунистов и беспартийных, которые и после революции не умеют революционизировать своего быта и гибнут под его тяжестью. Гибнут от уродств семейной жизни, от отсутствия новых устойчивых форм ее. Некоторые из них при попытках нарушить тиски старой, уродливой семьи—делаются жертвой «случая»—страшной болезни.

Повесть производит на читателя тяжелое, настораживающее впечатление. Не касаясь сейчас ее художественных достоинств (а они в ней есть!), можно с уверенностью сказать, что это одно из редких в наши дни произведений, подлинно серьезно затрагивающих трагический вопрос нашего (а не тарзановского!) бытия.

Законодатель литературных вкусов Г. Лелевич написал по поводу этой повести только коротенькую «оглушающую» заметку. Мы ее (заметку) цитировали выше.

После подобного оглушения писателя нужно ли особенно удивляться, что наши писатели не с особым рвением ищут глубоких и серьезных тем, а читатель перестает совершенно интересоваться литературой. Вс. Иванов «делает» под присмотром В. Шклювского свой авантюрный роман, пишет «бунинские» беззвучные рассказики, Вл. Зазубрин молчит, Б. Пильняк «летает» И. Бабель после кавалерийской атаки на его конармию ищет успокоения в кино. Русский писатель начинает бояться себя, своего имени и надевает на себя маску Джимми Доллара. Ал. Толстой покупает себе спокойствие безмятежным «Заговором императрицы». Большинство же писателей просто «халтурят», ища в ней забвения от бесцельности своего дела.

П. Романов становится «великим писателем земли русской».

Наши журналы заполняются чиновничьими, добродетельными, но неискренними и художественно малокровными произведениями. В 1924 году журналом «Красная Нива» был об'явлен конкурс на художественные рассказы.

И замечательно то, что из 1069 присланных на конкурс произведений не нашли ни одного с твердой классической установкой, доходящей до нутра читателя. Но до 200 рассказов можно было бы вполне напечатать, если подойти к ним с обычными требованиями наших редакций: внешняя грамотность (грамотность этимологии!), кусочек современности, головное приятие революции, благополучный конец, приспособленность к обновленным вкусам советской Марфиньки.

Не вся ли современная беллетристика пишется для советской Марфиньки по заказу, об'явленному «Красной Нивой»?

А новый читатель ждет и все еще надеется. Он ждет художественной зарисовки живого человека, в котором хочет увидеть себя с неотвратимой и убедительной правдой. Читатель хочет увидеть *куда же и как* движется внутренне этот человек среди нашей противоречивейшей современности, как он в своем быту, семье, любви, детях, в самом себе осуществляет невероятно дерзкие и прекрасные порывы революции. Он хочет не только газетных рассуждений о том, куда движется Россия—к хаосу капитализма или к миру социализма—он жаждет, как Фома неверующий, по-настоящему *ощутить* все это, вложив пальцы свои в сочащие кровью раны человека. И хочет, чтобы это было выражено «просто, ясно, в истинно красивой форме» без пастернаковских строк—«как едется в такую рань приезжей», без ивановских—«виски тучнели»—прекрасным русским языком, простым, естественным и сильным, каким был и остался язык Пушкина, Гоголя, Некрасова и Толстого.

Читатель ждет, когда наш писатель вернет себе права мужественного и мудрого *созерцателя* жизни. Созерцателя-творца. Мужественного в том смысле, чтобы он умел рисовать жизнь с полноправной ясностью и глубиной.

Человека в искусстве и уничтожить можно, лишь воскресив его полняком к жизни.

Классовая борьба в искусстве осуществляется не ненавистью и неприязнью к человеку, а художническим, своеобразно-симпатическим постижением его.

Без этого мы не имели бы ни гоголевского Хлестакова, ни толстовских Каренина и Наполеона.

Л. Толстой не был монархистом, описывая с поразительным эмоциональным под'емом патриотические переживания Пети Ростова при встрече Александра I в Москве. Гоголь не был скупщиком, описывая торг Чичикова и Собакевича. Шекспир не был Шейлоком, Мольер—Гарпагоном при изображениях их нечеловеческой жадности. Грибоедов не был ни Загорецким, ни Репетиловым, ни Фамусовым. Только мужественным изображением всех своих героев Толстому и Грибоедову удалось воссоздать картину жизни тогдашней России.

Современный писатель заражен иждивенческой психологией: он постоянно живет надеждой, что одно название «рабочий» и «белогвардеец» на фигуре из папье-маше может дать желанный эмоциональный результат. Величайший реализм искусства, предельный натурализм его, истинное позитивное самосознание, исключительно земное, человеческое—нашло впервые свое выражение в истории человечества, именно в русской литературе. Нигде, ни у одного народа так крепко не обнаружена центростремительная сила человеческой личности, нигде так полно и всесторонне не приоткрыто богатство человеческой особи, как в нашей литературе.

Это основная линия нашей культуры—«субстанциональность» каждого человека, «эстетическое» равноправие всех людей имеет несомненно тесную связь с социализмом, практически родившимся именно в нашей стране. «Интерес (не по-холопски понятой) национальной гордости великороссов совпадает

с социалистическими интересами великороссов и всех иных пролетариев»,— писал Ленин в одной из своих статей.

Ощущение единства человеческой живой жизни, круговая порука всего человечества, своеобразная «религиозно»-культурная связь людей, данная нашей литературой, также совпадает с интересом пролетариев всего мира. Об этой связи с такой силой в свое время прорыдал миру Достоевский, установив ответственность каждого человека за единую слезинку ребенка, пролитую на земле. Что было уродливым и истерическим выкриком ощущений великого писателя в условиях непереносимой «рассейской» действительности, должно теперь в новой литературе, в новых условиях найти здоровое и сильное выражение. Революция поставила и закрепила перед нашим писателем эту цель.

Только удержавшись на высоте этой цели, а не опускаясь и не завязая окончательно на отмели современной литературщины, наше искусство слова сможет вновь обрести потерянную силу влияния на жизнь. Литература сумеет быть действительным и «полезным» попутчиком нашей эпохи в том случае, если мы признаем за ней *право* на подобную роль, если мы—писатель, читатель и критик—пред'явим ей подобные требования, но в то же время—и это главное!—сумеем высвободить ее из лицемерно-догматических об'ятий бюрократа-чиновника и избавить ее от слащавых поцелуев советской Марфиньки.

Г. КРУССЕР

О революции, литературе и национализме в статье В. Правдухина

И полно, что за сказки,
Мне хочется увидеть лицо твое без маски.

Из Гейне.

Странная статья. Какое-то кривое зеркало современной литературы, взятое в gunsi социологическую оправу. Плоская насмешка, отрицание существующих достижений, шельмование того, что имеет наше художественное творчество, и великодержавная тоска по великой неделимой русской литературе—вот грубый стержень статьи Правдухина. Правдухин работает в журналах, пишет критические статьи и, очевидно, то, что высказывает он, разделяется некоторыми участниками нашей литературной жизни. Только эта возможность или, вернее, предположение дает право на помещение инженечатаемых взглядов. Для Правдухина ничего не изменилось, несмотря на, якобы, восторженные местами его отзывы о нашей эпохе. Его рассуждения идут к канонизированию прошлого, нахождением общественно-значимой мощи у пошлейшего (Арцыбашев, Каменский) и полным отрицанием ростков сегодняшнего дня. Пускай так...

Прежде всего, по мнению автора, современная литература совершенно не отражает нашего быта. Вопросы семьи, молодежи —все это скользит куда-то мимо ее. Верно ли это? А о чем говорят: «Наталья Тарпова»—Семенова, «Вор»—Леонова, «Отступник»—Лидина, «Преступление Мартына»—Бахметьева и целый ряд других произведений, которых нет необходимости перечислять. Все они отражают «нынешнее», большие и малые пути и перепутьи новой бытовой стройки. Можно говорить о подходе того или другого писателя к нашим задачам и вопросам, но говорить о том, что литература оставила жизнь—это значит, сказав громкую фразу, ничего не сказать. Буйная новь жизни, творчество, создает целый ряд проблем, которые литература не успевает охватить. Жизнь учит литературу, а не наоборот, как это хочется Правдухину. Жизнь убегает быстрее, чем это хочется догоняющему ее художнику. И это хорошо. В таком бешеном темпе роста—могучий залог сил и действенности пролетарской революции.

С этой точки зрения литература действительно является «недорослем», но не Правдухинским, а постоянно растущим, идущим вперед, не повторяющим зады по рецептам умеренных и аккуратных Митрофанов. Поэтому, нет ничего странного в некотором разрыве взаимоотношений литературы с жизнью. Та классическая литература, о которой говорит Правдухин, относится к отстоявшейся социально-экономической эпохе. Этого нельзя забывать. Как может вдумчивый критик и, по крайней мере, претендующий на это, сравнивать условия развития классической литературы (дворянской) и современной в процессе борьбы пролетариата? Процесс борьбы за власть, за культуру, за новое строительство вносит совершенно иные формы в развитие нашей литературы. Беда нашего критика в том, что у него на одиннадцатом году революции литература превращается в наш внутренний смысл. Революция отбрасывается, пролетариат зачеркивается,

и литература, как что-то самодовлеющее, сверкает каким-то неугасимым светом неизвестно для кого. Автор забывает, что вне социальной жизни книга, картина имеют только физические свойства и подвергаются физическим законам. Забывается также и то, что ценность в разных социальных средах той или другой вещи, того или другого произведения—различны. «Литература—наш внутренний смысл»—это ничем неприкрытый, неуемный идеализм, это та мистика и полумистика, о которой кричали Бердяевы и Гершензоны, это та идеалистическая ветошь, которую не позволят болтать мало-мальски уважающие себя приват-доценты императорских университетов.

Подобное утверждение в развернутом виде неизбежно ведет к своеобразному мессианству со всеми аксессуарами идеалистического парада. Исходя из этого положения, Правдухин с неизбывной глубочайшей тоской констатирует отсутствие в современной литературе «глубочайшей музыки русского человеческого искусства».

Правдухин не анализирует, а догматизирует, не говорит, а изрекает. Эта позиция критика excatedra, совершенное отсутствие анализа действительности и неспособность понять современность во всех ее противоречиях и особенностях—привели к тому, что критик остался глух и слеп к битвам жизни.

Года за годами...
Бароны воюют,
Бароны пируют.
Барон фон-Гринвальус,
Сей доблестный рыцарь,
Все в той же позиции
На камне сидит.

От критика требуется не созерцание и воспоминание, а понимание, анализ, чего как-раз нет в статье Правдухина.

Литературы нет—есть «трескучая литературщина», писатель отсутствует—его замещает «сонный евнух». Итак, ничего нет. Какая-то проклятая, гибкая трясина, и где-то в стороне блюститель престола классической словесности В. Правдухин.

Нехорошо, что все пишут стихи, рассказы, драмы. Пишет Чичерин, Луначарский и многие другие. Над чем здесь можно криво улыбаться? Да, пишут и будут писать, ибо каждый дает, что может, в общее дело коллектива. Жажда знания, жажда творчества, борьба за возможность знать и творить—это та энергия, которая будет увеличиваться все время как количественно, так и качественно. Напрасно критик, стараясь замаскировать свои настоящие мысли, говорит, что «навсегда миновали мрачные времена, когда инспектор народных училищ запрещал ученикам писать самостоятельные сочинения». Читаем дальше: «Но для всех ясно, что страна в целом еще не овладела даже пониманием той культуры, которая создалась в ее прошлом» и т. д. Обругав бедного народного инспектора, критик превратился в него же, только покрупнее размером и уже замахнулся на целый класс.

Напрасно автор грозит, что революционным порывом не создается обновленная культура и новое искусство. Пролетариат—это класс, долженствующий овладеть культурой, класс, который должен бороться за нее, за ее овладение, за ее пересоздание. Воля к власти—это в то же время воля к новой культуре, к новому обществу.

Революционный порыв пролетариата—это не нечто скоропроходящее, а длительная, упорная работа, полная энтузиазма и решительности. Несколько десятков лет, говорил К. Маркс, нужно пролетариату для того, чтобы преодолеть себя. Винтовка и карандаш—вот в чем революционный порыв, и без него нет достижений, нет побед. Для рафинированного интеллигента, оторванного от процессов борьбы все кажется не таким как это еще бы хотелось. Ему подавай: Роденов, Толстых, Репиных, Пушкиных, а раз сразу этого делать не можете, значит, грош вам цена. Сначала создайте «крепкую устойчивую организацию общества», ощутите «взрослую, самостоятельную, национальную культуру» и тогда уже думайте об искусстве. Здесь все, что угодно: и указание на отсутствие «устойчивого» (в каком смысле?) общества, а тем самым и государства, и

призыв к узкому национализму, и т. д. и т. д. Все это мы слышали очень давно, особенно в начале первых Октябрьских лет. Старые, но далеко не милые песни. Когда-то была единая, неделимая русская литература, а теперь, говорит Правдухин, нет ее. Есть московская, харьковская, сибирская и т. д. Совсем не ново. На это когда-то указывал еще Воронский 5 лет тому назад). Может быть, за 5 лет Воронский что-нибудь и понял, а вот Правдухин, который вместе с ним выступал в одном сборнике, ровно ничему не научился.

Мы имеем сейчас ряд самостоятельных национальных культур, получивших возможность развивать свои творческие силы. Зачем и кому нужна эта великодержавная гегемония русской литературы, долженствующая стереть местные национальные особенности? Не в этом задачи культуры пролетариата, а во взаимодействии всех тех национальных культур, которые находятся на территории нашего Союза.

Поскольку нет единой русской литературы, постольку наш писатель превратился в писателя-слугу, писателя-обывателя, какого-то паразита. Почему же это так? А потому, отвечает Правдухин, что он все творчество посвящает «социальному», «классовому», этим он угождает обывателю (какому?) и дает исключительно нехудожественные вещи.

Чем это все доказывает автор? Доказательств нет—он только констатирует и ссылается на классиков, договариваясь до того, что Эртель превращается в гения по сравнению с нашими современниками. Замах большой! Целый ряд художественных произведений: «Вор»—Леонова, «Преступление Мартына»—Бахметьева, «Наталия Тарпова»—«Семенова и т. д.—говорят о том, что наш писатель растет и все более цепко схватывает явления жизни.

Правдухин совершенно отрицает героические черты в изображении революционера. И Глеб из «Цемента», и матрос Гуляев—Лавренева—все это дань советской обывательщине. Почему это так? Потому, что автор не видел настоящей борьбы со всеми удивительными героическими фигурами, не видел людей, умиравших просто и спокойно в самых ужасных условиях, не видел энтузиазма, не слышал слов, какие носятся в это время, время борьбы и опасности—в массах. Вот откуда идет это безоглядное шельмование современной литературы и создается безобразное сводничество Гладкова с Карамзиным. Сделано это безграмотно, беспринципно, но все же сделано. Я говорил уже, что жизнь обгоняет писателя, и он не успевает за ней, не успевает впитать ее в себя. Отсюда и недостатки в форме, в анализе. Наша новая литература только что развивается, и естественно, что в ней «не содержание отстает от формы, наоборот—форма от содержания» (Плеханов). Но содержание этого не нужно забывать—может быть, в некоторые эпохи куда заманчивее самой совершенной формы со всем утонченным анализом. В 1868 году в письме к Я. Полонскому Тургенев, рассуждая о писателях-народниках, заметил: «способность нельзя отрицать во всех этих Слепцовых, Решетниковых, Успенских и т. д., но где же вымысел, сила воображения—выдумка где?». Либеральный барин на первый план выдвигал выдумку, не понимая, что иногда «правда» сильнее жжет и захватывает, чем вымысел. Правдухин не сумел разобраться в столкновениях писателя с современной жизнью. Говоря о Лавреневе, критик полагает совершенно невероятным, чтобы «писатель-интеллигент», «чувствующий основы искусства», «знающий классику», писал так же, как все. Свой, как говорится, брат Савка, а подвел Правдухина.

Почему? Да потому, что диапазон нашей жизни, ее внутренние и внешние проявления совершенно иные, ими трудно овладеть, даже имея язык интеллигентности, чувствуя искусство и честно зная классику. Не понимает всего этого Правдухин и никогда не поймет. Это не беда. Зато понял ценность нашей молодой литературы Максим Горький. Сколько прекрасных отзывов дал о ней этот большой художник, какой интерес он всегда проявляет к ней.

Не об осколении современной литературы говорит он, а о новых ростках, новом быте, новом человеке, отраженном в ней. Не любят новой литературы некоторые наши критики, «воспитанные» на классиках и устанавливающие свою авторскую родословную

не с Добролюбовым и Чернышевским, а серым критиком Скабичевским, предрекавшим представителю новой литературной формы—А. Чехову—смерть под забором.

Блюстители культурных высот капиталистического мира пренебрежительно смотрят на первые кирпичи наших строителей. Чрезвычайно симптоматично, что на юбилее Серафимовича, автора «Железного Потока», старые писатели и прочие маститые отсутствовали. Уходит куда-то далеко «музыка русского человека», а ее место занимает рационалистический человек, перед которым открывается великий простор.

И никакие шевеления праха Карамзина на предмет установления медиумической связи между ним и современными беллетристами здесь ничего не остановят, а заставят только острее почувствовать необходимость четкого шага по начатому пути.

Критика, подобная правдухинской, это интеллигентская истеричность, лучший образец межеумочности и полной растерянности всех своих, таких, казалось, незыблемых канонов.

«Нашу незрелую литературу не променяю на словесное искусство Запада»—это слова Правдухина. Поистине, умом здесь во всей этой абракадабре ничего не понять, а можно, если кто к этому имеет сомнительное желание, верить. Статья Правдухина для верующих, а не для желающих знать и понимать. Для того, чтобы исчерпывающе возразить Правдухину, нужно детально расшифровать его афоризмы, показать, что за ними нет советского содержания, нет намека на марксистский анализ.

Остановлюсь еще на одной весьма потрепанной, но преподносимой критиком, как откровение, мысли. Правдухин убежден, что русский народ—это избранный мессия всечеловеческого духа. «Величайший реализм искусства, предельный натурализм его, истинное позитивное самосознание исключительно земное, человеческое нашло впервые свое выражение в истории человечества именно в русской литературе. Нигде, ни у одного народа так крепко не обнаружена центростремительная сила человеческой личности, нигде так полно и всесторонне не прикрыто богатство человеческой особи, как в нашей литературе». И следующий абзац: «Единство человеческой живой жизни, круговая порука всего человечества, своеобразная «религиозно»-культурная связь людей, данная нашей литературой, также совпадает с интересом пролетариев всего мира. Об этой связи с такой силой в свое время проповедал миру Достоевский, установив ответственность каждого человека за единую слезинку ребенка, пролитую на земле. Что было уродливым и истерическим выкриком ощущений великого писателя в условиях непереносимой «рассейской» действительности, должно теперь в новой литературе, в новых условиях найти здоровое и сильное выражение. Революция поставила и закрепила перед нашим писателем эту цель». Мессианизм, религиозно-культурная связь людей, Достоевский со слезой ребенка все это старенькая аппаратура сугубого национализма. Последний раз вся эта ветошь маскарада мелькнула у нас в 1914 г.: меч и крест, Дарданеллы, Москва —Константинополь, немец и русский всечеловек. Теперь этот же багаж, но только перетрясенный и пересыпанный идейками о пролетариате, о полезности и необходимости их при социалистическом строительстве—пытаются протащить через советскую таможню. Печальной памяти «богостроительство» снова шоскальзывает, подталкиваемое репентарнусами с мировой тоской по всечеловечности. В этих рассуждениях пролетариат, как класс, имеющий свою идеологию, свои задачи, безнадежно исчезает. Он деликатно пристегивается ко всему этому хвосту и дается совет крепко держаться за рекомендуемые идеологические огрызки. Ничего здесь, кроме плохо переделанной устряловщины, нет. Литература, создаваемая по микстуре Правдухина, будет буржуазной литературой, антипролетарской, антидейственной. Это будет литература рефлексов, литература подсознательного, литература, которая ничего общего не будет иметь с социализмом, диктатурой пролетариата и настоящими и будущими битвами этого класса со своими врагами.

Мы говорим и должны говорить не о всечеловечестве, а о мировой солидарности, пролетариев всего мира. О всечеловечестве же будут говорить тогда, когда коммунизм будет культурной доминантой всего земного шара.

Г. ВЯТКИН

Ромэн Роллан.

Крупнейший французский писатель Роман Роллан—человек прошлого поколения. Ему уже идет седьмой десяток лет.

Сын нотариуса, уроженец маленького бургунского городка, Роллан в праве гордиться своими предками: в эпоху первой французской революции они дрались на баррикадах за конвент. Их закваска передалась и ему, Ромэну Роллану.

На литературную арену он выступил в 90-х годах прошлого столетия и при этом несколько для себя неожиданно: он готовил себя для карьеры музыканта-композитора. Получив прекрасное общее образование, он с молодых лет серьезно занялся музыкой, теоретически и практически, и был затем преподавателем истории музыки в Сорбонне.

Музыка—отправная точка и литературного ролландовского творчества. Величайшие мастера звука—Моцарт, Бетховен, Себастьян Бах—с ранней юности окрасили мироощущение и миросозерцание писателя в могучие и торжественные тона, и он стал воспринимать свои и чужие дни и дела, как звенья единой симфонии жизни, в которой мажорные и минорные аккорды лишь оттеняют друг друга, и в мрачную мелодию траурного марша врывается детский смех. «Радость и печаль—по словам Роллана—родные сестры, и кто любит одну—не может не любить другую».

Из всех мыслителей мира Роллан особенно увлекается Спинозой, Толстым и Шекспиром. Под знаком этих трех гигантов проходит вся его литературная деятельность. От Спинозы он взял идеалистический рационализм этого аскета-бедняка, обожествлявшего разум. У Толстого Роллан научился той великой искренности и совестливости, которые яснополянский учитель пронес до гроба. Шекспир раскрыл перед Ролланом свою богатейшую сокровищницу человеческих чувств и страстей, показал пир жизни, радугу ее красок, игру ее золотого света и черных теней.

Литературную деятельность Роллан начал с театра. Он сразу повел резкую и непримиримую борьбу с тем буржуазным театром, который процветал во Франции. Он мечтал создать народный театр и стал писать для него пьесы. Девизом для своей драматургии он выбрал слова из своей декларации: «Долой усложненную психологию, темный символизм, искусство салона и алькова! Пора осветить те великие политические и социальные интересы, за которые в продолжении столетий борется человечество». Характерна сама тематика Ролландовских пьес: «14 июля» («Взятие Бастилии»), «Дантон», «Торжество разума». Одна из пьес («Волки») является откликом на знаменитое дело Дрейфуса, и, наконец, последняя пьеса—«Наступит время»,—как бы подводит итог борьбы за свободу и независимость, мотивом пьесы служит восклицание одного из ее героев: «Моя родина везде, где свобода в опасности!».

Затем Роллан переходит к серии художественных биографий героев мысли, творчества и борьбы. В предисловии к первому выпуску этой серии он пишет: «Воздух вокруг нас душен. Старая Европа задыхается в душной и нечистой атмосфере. Откроем

окна, впустим чистый воздух, будем вдыхать душу героев». Лучшие выпуски данной серии посвящены Бетховену и Микель-Анджело. Бетховена Ромэн Роллан воспринимает, как титаническую фигуру больного и несчастного человека, которому жизнь отказывает в радости, но который сам создает себе радость, чтобы нести ее миру; он преодолевает удары судьбы, своими звуками выковывает мужество себе и другим. То же мужественное противостояние несчастиям и необычайную напряженность в борьбе за свои творческие идеалы видит Ромэн Роллан в личности Микель-Анджело, которую рисует также с большим пафосом.

Следующим этапом творчества французского писателя является наиболее капитальное из всех его произведений — десятитомный роман «Жан Кристоф». Над этим романом автор работал пятнадцать лет. На протяжении трех тысяч страниц он живописует «Европу в продольном разрезе», за полувековой период, и на этом фоне дает историю жизни музыканта-композитора Жана Кристофа, музыканта-революционера, идущего в поход против шаблона и традиций рынка. Кристоф делает блестящую музыкальную карьеру, его произведения играют в концертах, он становится модным любимцем передовой музыкальной молодежи, но он не почивает на лаврах, ибо видит вокруг себя сплошную парижскую ярмарку, сплошной «базар житейской суеты». Его не удовлетворяет мир буржуазного искусства, ему претит литература и театр, все сводящие к вопросу о женщине и флирте, ему ненавистна легковесная салонная дружба, лицемерие буржуазного общества, лживая и продажная политика командующих классов. Кристоф говорит своему другу-созерцателю Оливье: «Вы даете кучке подлецов властвовать над вами и попирать вас ногами. Да встаньте же, соединитесь и выметите весь сор из своего дома начисто!».

Вслед за «Жаном Кристофом» Роллан пишет вещь совершенно другой тональности и другого содержания — «Кола Бриньон», яркое свидетельство широты и разнообразия его творческого диапазона. Он называет новый роман «книгой без притязаний преобразовать или об'яснить мир, без политики, без метафизики», это — книга, которая «смеется над жизнью, потому что находит ее хорошей».

«Я почувствовал непобедимую потребность — пишет Роллан — в свободном галльском веселье — вплоть до непристойности». Но, конечно, никакой непристойности в «Кола Бриньон» нет, как нет ее вообще у Роллана: есть просто безудержное жизнелюбие добродушного мелкого буржуа. Кола Бриньон — кустарь (резчик по дереву) настолько влюбленный в свое искусство, что даже ночное небо кажется ему «подобным большому ореховому дереву, круглому и темному». Это человек необычайно жизнерадостный. Чем дальше к старости, тем он находит жизнь «еще сочнее, чем раньше, нежнее, мягче, золотистее, хрустящей на зубах и тающей на языке». Самый воздух он уподобляет золотистому мускату, звезды кажутся ему яблоками, груши «поют тоненьким голоском», а дыни «в восторге улыбаются». На Бриньона обрушиваются несчастья — сгорает его дом со всеми его изделиями, умирает жена, сам он болеет и бедствует, и при этом все же заявляет: «Ну, что ж, страдание никогда не мешает мне смеяться, борьба тяжела, но она — удовольствие».

Приступив после европейской войны к новому многотомному роману — «Очарованная душа», Роллан дает ему любопытное предисловие, чрезвычайно типичное для характеристики всего его художественного творчества. Он заявляет: «Сделав своими избранниками Жана Кристофа или Кола Бриньон или Аннет Ривьер (героиня «Очарованной души»), я становлюсь лишь секретарем их душ. Я слушаю их, я наблюдаю их поступки, я смотрю их глазами. Не ищите здесь идей и теорий, а смотрите на это лишь, как на внутреннюю историю жизни, искренней, долгой, плодовитой радостью и горем, не лишенной противоречий, обильной ошибками и всегда стремящейся достичь если не недосягаемой истины, то гармонии духа».

Характерны для Роллана жизнелюбие, мужественный оптимизм, спокойная ясность широко открытых глаз. «Нет печальной поры — есть лишь печальные люди». «Жизнь

хороша, единственный ее недостаток в том, что она коротка». Отсюда и широта его литературных симфоний, и богатство его художнической палитры, и его высокий лирический пафос, и ненасытная жажда все нового и нового познания жизни во всех ее глубинах. В рамках семьи Роллану тесно. Он не без иронии говорит о том, что «женатый мужчина составляет всего лишь полчеловека». Четырем стенам домов он предпочитает четыре стороны света,—его герои любят путешествовать и достаточно равнодушны к своему собственному отечеству. В своих встречах с людьми разных стран и народов они научаются ощущать судьбу чужих наций, как свою собственную, они по своей психологии уже интернационалисты.

Ромэн Роллан—не революционер, не марксист, он идеалист чистой воды, в лучшем значении этого понятия. На линию протестанта, близкого к революционерам, он определенно встал лишь в момент европейской войны. В своей книге «Клерамбо», которую он называет «исповедью свободной души о том, что она пережила во время бури», он выражает страстный протест против шовинизма и милитаризма. Он пишет, обращаясь к своей родине: «К чему эти сражения? Для нашей свободы? Ты делаешь из нас рабов. Для нашей совести? Ты оскорбляешь ее. Для нашего счастья? Ты его уничтожаешь. Для нашего благополучия? Страна наша в развалинах. И к чему нам новые завоевания? Может быть, для удовлетворения жадности некоторых пожирателей? Неужели миссия отечества—наполнить эти брюха общественным несчастьем? Отечество, проданное богатым, отечество, проданное покупателям душ и тел народов, ты—их сообщник и товарищ, покрывающий героическим жестом все их мерзости—берегись! Пришел час, когда народы стряхивают с себя заедающих их паразитов—богов и господ, которые обманывали их». И в другом месте той же книги читаем другое обращение, брошенное прямо в лицо командующему классу: «Вы, господа настоящей минуты, господа от науки, господа от политики, господа золота, железа, нашей крови, наших мыслей! Вы, держащие в своих руках государства, передвигающие армиями, формирующие своими газетами, школами и церквами целые поколения, вы, превращающие свободные души в стада! Воспитание ваше —поистине институт порабощения—будь оно светское или духовное, с какой-то нездоровою радостью превозносит фантом военной славы и небесного блаженства; и на удочке церкви или государства виднеется одна и та же приманка—смерть. Поставщики смерти, вы работаете только на нее! Ваши отечества существуют только для того, чтобы закрепощать будущее прошлому и привязывать живых к смердящим мертвецам. Вы обрекаете новых людей на то, чтобы трепетно передавать из рук в руки бессмысленную обрядность могил. Воскреснем! Заблаговестим пасху живых!».

После этих цитат становится понятным и тяготение Ромэн Роллана к революционному пролетариату СССР, и та корректная, но твердая и четкая отповедь, которую он дал русским литераторам-эмигрантам—Бунину и Бальмонту,—пытавшимся спровоцировать великого французского писателя на выпады против Октябрьской революции.

В. И.

Приветствие Ромэна Роллана с'езду сибирских писателей

С'езд сибирских писателей перенесен на осень текущего года. С'езд—второй по счету, но впервые в нем должны были принять участие писатели коренных национальностей Сибири. Это братское участие побудило Максима Горького и Ромэна Роллана прислать с'езду приветствия. Товарищ Горький напечатал свое письмо с'езду в центральных газетах, письмо Ромэна Роллана приводится здесь, в переводе с французского.

«Дорогие сибирские друзья!

Максим Горький сообщил мне, что в Новосибирске впервые собирается с'езд сибирских писателей всех национальностей, что побудило меня написать вам.

С радостью приветствую ваш с'езд. В то время, как старая земля справляет весну, я слышу восходящий могущественный концерт новых голосов, хор народов, которые безмолствовали в продолжении угрюмой зимы веков. Сколько сокровищ души, сколько сокровенности сердца накопилось в этом молчании, и все это теперь свободно прозвучит под ясным небом.

Европеец Запада, француз из провинции кельтического центра, в далекие времена моего одинокого детства, когда я испытывал себя на моей маленькой нивернезской флейте, я уже тогда напрягал свой слух и грезил об огромной симфонии земли, где бы все народы, все расы соединили свои радости, горести, надежду и веру в мощные аккорды, многообразные, как море

День наступает, день уже наступил!

Ваш с'езд является живым свидетелем этого. Он начинает плести великолепную корзину мыслей и Европы, и Азии.

Я вплетаю в нее свои пальцы трудящегося, солому своих песен Франции и гибкие лозы нивернезских рек.

Помните ли вы, мои друзья, о красивом мифе христианском? После того, как Сын Человеческий умер и воскрес, примерно, в то время года, когда пробудившаяся Природа в цвету—ветер подул на сонм людей народа, простых последователей человека, которого мытари, фарисеи и священники распяли на кресте и который вышел из гроба. Огненные языки спустились с неба и распростерлись над их головами, и они были наполнены Духом новым. И они принялись опьяненные петь на всех языцах песню радости и жизни.

Мои друзья, Пасха крови русского народа прошла. Народ русский воскрес. И вы празднуете сегодня его Троицын день, гимн многомиллионных языков огня свободы.

Я пою с Вами и обнимаю вас в той же любви к Человечеству!».

Вильнев (Ванд—Швейцария)
2 апреля 1928». РОМЭН РОЛЛАН.

Несмотря на христианскую символику, которая будет для с'езда чуждой, сибиряки радостно принимают горячую мысль Ромэна Роллана. Конечная цель Союза Советских Социалистических Республик—братство народов. Сибирские писатели никогда не забудут дружеского рукопожатия Ромэна Роллана и Максима Горького.

ВИВИАН ИТИН

Критика пронзительной критики*).

1. КРИТИЧЕСКАЯ КАЧКА.

„Товарищи, это опасно, опасно, опасно!"

А. Серафимович (из речи на конференции МАПП'а).

В шестнадцатом параграфе резолюции ЦК ВКП (б) «О политике партии в области художественной литературы» говорится:

«Партия должна указать всем работникам художественной литературы на необходимость правильного разграничения функций между критиками и писателями-художниками. Для последних необходимо перенести центр тяжести своей работы в литературную продукцию в собственном смысле этого слова, используя при этом гигантский материал современности».

Эта партийная директива не соблюдается. Писатели и поэты, в особенности коммунисты, т.-е. художники, которые могли бы быть наиболее для нас ценными, все более втягиваются в критическую болтологию.

Резолюция ЦК заставляет меня быть кратким. Приведу несколько фактов.

Писатели втягиваются не столько в критику, сколько в борьбу с заушательскими тенденциями современной критики. Этого нельзя не учесть. Известно выступление Л. Сейфуллиной, выступление А. Серафимовича против Родова:

— Знаете,—говорил т. Серафимович,—когда они выступали, особенно Родов, вдруг понесло дохлятиной, понимаете—трупным запахом»... («На Лит. Посту», № 8).

— ...На литературном фронте гремят витии, и под ударами пронзительно-выдержанной критики льется писательская «кровь». Кому, скажите, нужны эти обескровленные золотушные гимны «во славу революции»?!. (В. Бахметьев.—«Чит. и Писатель», № 17).

Очень интересны в этом отношении материалы к неоконченному роману Д. Фурманова—«Писатели». «Уже эти материалы к роману,—читаем в № 8 ж. «На Литературном Посту»,—ясно говорят, что если бы замысел осуществился, мы получили бы сильную и яркую картину того человеческого окружения, в котором создается пролетарская литература. Фурманов показал бы и такие человеческие типы, с которыми приходится бороться молодой пролетарской литературе, которые втираются в пролетписательские организации

*) Печатается одновременно в № 10 журнала «На Ленинском Пути».

для того, чтобы делать карьеру на, по существу, чуждом им деле. Таков, например, тип политикана, сключника, «понимающего критику, как «шахер-махер». К сожалению, мы до сих пор встречаем еще людей этого типа, создающих «платформы», высасывающих «разногласия» из пальца, организующих «группы» и т. п.».

Фурманов, в своих посмертных записках, набрасывая характеристики «типов», многое зарисовывал с натуры, называя фамилии натурщиков. Редакция журнала заменила фамилии начальными буквами. Вот что пишет Фурманов о неком Р., в котором, впрочем, без труда узнаешь оригинал. В романе он выступает под псевдонимом Гордея Бутылкина.

... «благодаря внешней непримиримости печатается кое-где.

— Обо мне только бы говорили, а что именно—это неважно! —вот его примерная философия и потому—«шахер-махер».

Его пригласили на кружок. Хлопец читал там свое. Хлопцы критикуют: пустяковое, но искренно; выступает Р. и начинает выковыривать пустячки из заднего прохода, которые раздражают, была критика вздорная, хоть все он и старается «обосновать теоретически». Кончилось заседание. Разошлись все, остались трое, они делятся впечатлениями от Р.

— Тонкий человек...

— Жидкий... словно вода, между пальцев уйдет.

— Так про что же я говорю: хитрость свою имеет человек: понятиев-то больших нету, он, вишь, словами и закрывает. Так навсегда: чем в ем мозгу-то меньше, в человеке, тем говору больше.

— И вострый мужичонко...

— Да уж востер: колючий весь... об такого-то можно всему исцарапаться. У его, на мой взгляд,—куда ни коснись—везде иголочка спрятана...

— Наговорил вот—наговорил, а запомни—что он говорил? И не запомню ничего. Да, надо быть, и не говорил он ничего—так, все больше сердился. Незнамо за что, незнамо за кого («На Лит. Посту» № 8, ст. 21, курсив мой. *В. И.*).

— В Сорренто,—пишет Н. Асеев («Звезда», № 3, статья о Горьком)—только что получилась юбилейная книжка «Печати и Революции», где критик Лежнев в «юбилейном» обзоре литературы сравнивает мои стихи с газированной водой.

Горький смотрит на меня внимательно, сочувственно морщит нос, говоря: «Ну, это что! Стоит ли на это внимание обращать! Разве у нас была когда-нибудь добропорядочная критика!? Вон Скабический Чехову пророчил под забором издохнуть. А что про меня писали! Ведь критик неизвестно, когда он хуже: то ли когда ругает, то ли когда хвалит: ругает—горько, а хвалит—тошно. Только ко всему этому нужно относиться без внимания. Критика всегда была невежественна, и всегда нужно было на читателе проверять свое право и свою работу. А критиковать писателя имеет право только товарищ его по работе, такой же писатель».

Слова Горького совершенно противоречат цитированным словам резолюции ЦК. Горький, я думаю, и не подтвердит их серьезно, но здесь важна эмоциональная зарядка Горьковских слов. В чем же дело?

Литературная критика должна помогать правильно разбираться и правильно оценивать художественные произведения. Если в наших газетах и журналах будут печататься совершенно противоположные отзывы об одних и тех же книгах, руководящая роль критики будет сведена к нулю. Разумеется, в области искусства, еще в большей степени, чем в науке, можно спорить, доказывать, опровергать. Но в основных вопросах, по крайней мере для на-

шей коммунистической критики, разногласий не должно быть. Если, например, в одном журнале, издаваемом Госиздатом, книга будет рекомендоваться—художественной, интересной, нужной, идеологически выдержанной, а в другом журнале, издаваемом Госиздатом же,—неинтересной, нехудожественной, ненужной, то читатель не только будет сбит с толку в данном конкретном случае, но и вообще усвоить отрицательное отношение к критике.

Вот несколько кратких выдержек из рецензий о моей книге «Высокий Путь» (ГИЗ. М.-Л.), вышедшей несколько месяцев тому назад.

«Книга несомненно очень интересна... «Высокий путь»—одна из тех книг, которых ждет наше время, она, не говоря о фабульной увлекательности, дает настолько новые краски, что невольно изумляешься возможностям, открывающимся в литературе, тем возможностям, что несет нам техника...». («Чит. и Писатель», от 24 декабря 1927 г.).

«В книге живет здоровая вера в человеческую силу и человеческую волю, легенда обрастает бытом—живым и сочным. Картины жизни сибирской провинции, полет планериста Мити даны убедительно и ярко. «Многоплановый» сюжет повести развернут умело,—Итин, вообще, хорошо владеет писательской техникой» («Красная Новь», № 2, 1928).

«О повести «Каан-Кэрэдэ» писалось мало, несмотря на то, что она является самым лучшим произведением сибирской литературы последнего пятилетия и одним из лучших произведений литературы всесоюзной» (Газ. «Рабочий Путь»).

Несколько других рецензий, менее определенных, были также—положительны; но в третьей книге за 1928 г. журн. «Печать и Революция» читаем:

...«Вообще все описание агитполета дано в виде разорванных, случайных и в высшей степени незанимательных зарисовок, указывающих на отсутствие у автора наблюдательности и художественного чутья. Столь же плохо обстоит дело и с характеристиками действующих лиц». Рецензия заканчивается нравоучением Госиздату: «Как можно затрачивать деньги на издание этой никому ненужной книги?».

Меня мало интересует личный вопрос. Подобные случаи не единичны (об этом писала еще Ларисса Рейснер, по поводу отношения к Л. Сейфуллиной). Я беру свой пример только потому, что знаю его лучше других. Факт тот, что юрак с Явая в соседстве с культурнейшими из наших оценщиков не явили бы примера большей разности вкусов. Нельзя оправдываться «своим личным вкусом»: есть «вкус» классовый. Задача коммунистической критики—твердо вести линию на этот свой «вкус». Крен же в 180 градусов, подобный изложенному, означает крушение... Я убежден, впрочем, что главная роль принадлежит здесь вовсе не идеологическим противоречиям. Известно, что рецензии пишутся зачастую отнюдь не критиками и не писателями, а редакторы не читают рецензируемых книг. Здесь просто нестерпимый дилетантизм. Многим ведь мила еще аттавистическая сладость «разнести», «распечь», встать в позу классной дамы, пожить иллюзией превосходства над автором. Рядовой читатель смущается напускной стопроцентной «выдержанностью» критики, но печатному слову верит; встретив же в другом журнале не менее стопроцентное восхваление, чувствует себя одураченным и верить перестает.

Если мы находим идеологический разброд даже в «пронзительно выдержанной» критике центра, то нечего удивляться худшему разброду—в Новосибирске. В центре воюют разные журналы, все же ведущие свою линию. У нас одни и те же критические кораблики дают такой крен, от которого у самых крепких пассажиров начинается морская болезнь. У «Сибирских Огней» никогда не было твердых литературных взглядов; но справедливость требует

отдать «пальму первенства» «Советской Сибири». Роман В. Зазубрина «Два Мира» печатался в «Советской Сибири» целиком. Теперь роман оказался «Кровяной Колбасой» (фельетон А. Курса) и признан редакцией настолько злювредным, что она отказалась поместить простое «коммерческое» платное об'явление о 4 издании этой книги. В предисловии к роману приведены различные отзывы, в том числе Б. Пильняка из все той же «Печати и Революции» («Скотобойня») и... Владимира Ильича Ленина: «Хорошая книга, нужная книга»... Но можно возразить, что «Два Мира» печатались в «Советской Сибири» при другой редакции Вспомним несколько случаев того же порядка—при тов. Шацком. Повесть «Каан-Кэрэдэ» была расхвалена в «Советской Сибири» после ее появления. В газете была напечатана глава из нее (с портретом автора, с биографией—реклама!). Затем Родов в «Неделе» «Сов. Сибири» ухитрился обозвать повесть «сменовеховской». В дни разрыва с Англией «Сов. Сибирь» напечатала (в качестве агитационного материала) отрывок из рассказа «Люди» («Высокий Путь»), озаглавленный «Большевистская подготовка». Гонорар пошел на самолет «Советская Сибирь». По Родову же основной идеей рассказа является «сладенький пацифизм». Тот же Родов*) написал статью о рассказе «Бунтовщики» П. Семынина, прежде чем рассказ был напечатан в «Сибирских Огнях». Родов на этот раз защищал рассказ, доказывая его социальную ценность и т. д. После появления в «Сиб. Огнях», Семынин, вместе со всей прочей компанией, попал в известную пронзительную статью тов. Шацкого «Морда класса». Потребовалось всего лишь 4-5 месяцев, чтобы рассказ Семынина, в оценке «Сов. Сибири», превратился из общественно-полезного в общественно-вредный (кстати, не кажется ли вам, тов. Шацкий, что оказаться «левее» Родова—плохая рекомендация для критика-коммуниста?). О «Глухомани» Н. Анова в «Сов. Сибири» был напечатан «подвал» И. Семенова. Основные выводы критика таковы: «Глухомань», изображенная Ановым, несомненно существует («Я лично верю»—подчеркивает И. Семенов), но беда в том, что автор не дает «выхода». Через несколько дней на сибирской конференции ВАПП'а тов. Шацкий бросил реплику: «В такую «Глухомань» никто не поверит!». И затем, в статье «Морда класса» совершенно правильно указал, что «вовсе не обязательно... чтобы писатель указывал точно какой-нибудь выход или дал бы положительный конец. Выход сразу найти не всегда легко... Дело коллективное».

Я привел только всем известные факты последних дней. Я отнюдь не занимался исследованием вопроса о современной «критической качке». Такое исследование выявило бы, очевидно, еще больший разброд. «Факты—упрямая вещь». Их нельзя «переделывать»; как рекомендует нам журнал «Настоящее». Переделывать факты, значит—лгать. Констатируем: выдающиеся писатели пролетариата (Горький, Серафимович, Бахметьев, Фурманов и др.) с ненавистью отзываются о «пронзительной» критике; это происходит потому, что такая критика, несмотря на «внешнюю непримиримость», по существу не выдержанна и противоречива.

Выводы—ясны.

2. ОБОЮДООСТРАЯ ОДНОСТОРОННОСТЬ.

«Односторонность ведет ко кривосуду».

Даль (Толковый словарь).

Длительная и бурная качка приводит к тому, что неправильно нагруженный корабль валится на бок и остается в этом угрожающем положении

Итак: А. Курс или «Нежности в номерах». Стихи.

*) Все указанные статьи Родова печатались в приложении «Сов. Сибири»—«Неделя Советской Сибири»—осенью 1927 г.

Спорить не буду. Я займусь арифметикой: это наука бесспорная. Возьмем последние три номера «Сиб Огней», т. к., для сравнения, придется сказать несколько слов о трех вышедших номерах ж. «Настоящее» (т. Курс, для подтверждения своих «нежностей» заглядывает и в более далекие «номера»).

Прежде всего, необходимо отметить, что критикуемые А. Курсом стихи составляют всего одну пятую часть напечатанных в рассматриваемых номерах «Сибирских Огней». Об остальных четырех пятых в «Советской Сибири» не было сказано ни одного слова, очевидно, потому, что о них нельзя было сказать ничего плохого. Увы, мои прошлогодние радужные надежды о «дружеской помощи печати», о «настоящей критике», рассеялись, как хмель после юбилейного банкета!

Каково же настоящее лицо поэзии «Сибирских Огней»?

I. П. Петров. «Партизаны». Поэма.

Об эпосе уместно говорить эпическим языком. Вот ВЫДЕРЖКА ИЗ ПРОТОКОЛА:

«собрания красных партизан Манского района, Красноярского округа. Сибирского края, состоявшегося 26 февраля 1928 года.

На с'езде присутствовало 53 человека, из коих 5 женщин-партизанок.

3. РАЗНОЕ.

а) Выступил партизан Криволуцкий, который обрисовал напечатанную в № 6 журнала («Сиб. Огни») поэму «Партизаны» П. Петрова, которая является памятником борьбы манских и минусинских партизан.

Постановили: 1) С'езд б/партизан Манского фронта, заслушав напечатанную в № 6 журнала («Сиб. Огни») поэму «Партизаны» П. Петрова, находит, что эта вещь является художественно правдивым произведением и памятником борьбы манских и минусинских партизан, поэма написана просто, вполне доступна для понимания широких масс крестьянства, по своему содержанию поэма не оставляет желать лучшего и вполне удовлетворяет со стороны художественной образности и формы... С'езд партизан.... постановляет: возбудить ходатайство перед Сибкрайисполкомом и Сибкрайиздатом о выпуске этой вещи отдельным изданием в количестве 3-5 тысяч экземпляров для широкого распределения среди енисейских партизан. С'езд считает, что издание этой вещи будет хорошим и общим подарком для партизан Сибири к десятилетию красных бойцов.

2) В виду того, что автор поэмы является одним из организаторов партизанского движения в Перовском районе и занимал пост председателя Исполкома Баджейской Республики, а также состоял членом Армейского совета и членом Редколлегии газеты «Соха и Молот» в Минусинске, с'езд ходатайствует перед вышеупомянутыми организациями о выпуске поэмы «Партизаны» с авторским портретом, что будет лучшей наградой бойцу и поэту.

3) Со своей стороны с'езд желает успехов автору в освещении знаменитой истории манских партизан.

Председатель—*К. Анцыферов.*

Секретарь—*В. Криволуцкий.*

II. А. Оленич-Гнененко. Два стихотворения: «Будоражь» и «Короста». А. Оленич-Гнененко, заведывающий отделом печати Сибкрайкома ВКП (б)

III. Павел Васильев. «Октябрь». Ниже—несколько выдержек.

Новым звоном, слышите, слышите,
Прокатилась наша весна!
Полотнищами алыми вышиты
Этот город и вся страна.
И толпой могуче охвачен
Этим утром на грани лет,
Край наш вольный станков и пашен,
Край, которому равного нет!

Эти толпы считают силы,
Эти песни поют о том,
Как последние цепи разбили
Десятилетним своим Октябрем!

Его же «Сибирь».

Сибирь, настанет ли такое,
Придет ли день и год, когда
Вдруг зашумят, уставши от покоя,
В бетон наряженные города?
. . . . . .
Теперь иные подвиги и вкусы.
Моя страна, спеши сменить скорей
Ты бусы
из клыков зверей—
На электрические бусы!..

IV. Г. Акимов. «Песни Молодости». Бодрые стихи ВАПП'овца.
V. Илья Мухачев. «В горах».

За ярусами яруса—
Дерев пихтовых у елани,
Теперь мы рубим здесь леса
Для наших новых, мирных зданий.
Каменья
кос береговых
Берем
для наших мостовых.
Здесь, после бурь, над каждым рвом
Наш пылкий ум не в меру трезв...
Хребты взрывая, мы берем
Их жировидный слой—железо.
И в замыслах не хмурим взор,
Горим заливами рассветов—
Хозяева полей и гор,
Хозяева страны Советов.

Так же хороши его «Стихи о весне» и «У костра».
VI. Ларисса Крымская. «Поэма о деревне».

Поэма напечатана в той же книге, где и «Глухомань» Анова. Это лучший ответ на обвинения журнала в одностороннем освещении деревни. Ларисса Крымская пишет о вторжении нового в сибирскую «Глухомань».

Картина грустная.... Однако,
Теперь и там уже не то,
Пожалуй, та ж еще собака
И тот же у нее куток.
Но баня новая у хлева,
Ворота желтые. Забор.
И флюгер повернул налево,
Туда, куда уходит бор.
А у киота (верить, нет ли),
Прибита полочка для книг.

Далее следуют имена Вихлянцева, Грудницкого, Титова, Черноморцева.

Если на самом деле какая-то «морда» заслонила лицо сибирской поэзии, то, по законам физики, «морда» эта должна быть очень близко от наблюдателя.

В газете «Молодой Рабочий» (Новосибирск) рецензию о поэзии «Сибирских Огней» поручили явно недоразвитому юноше,—лишь бы покрепче ругался.

«Спрут хищный океанских вод»—цитирует от И. Ерошина*) (т.-е. Англия)—приполз на наши рубежи, посеять скорбь и мятежи».

«Вот как!»—удивляется «критик».—«Кажется мы, а не Англия организовывали мятежи».

Дальше итти некуда, как говорится: «*мы*» организовывали *мятежи* на наших *окраинах* (Кронштадт, Мурманск, Архангельск и т. д.)!?

— «Года отреяли, как трауры невест, - каков образ!» —блещет остроумием критик.

А сам наворачивает:

— «В «Сиб. Огнях» свивает теплое гнездышко разлагающийся труп чуждой идеологии»...

Труп, вьющий теплое гнездышко—вот это действительно «образ».

Хуже всего то, что такой «подход» совершенно обесценивает здоровое зерно, которое мы обязаны искать во всякой критике: каждый перегиб, каждый уклон всегда приводит к обратным результатам.

Сказанное не может быть понято, как оправдание ошибок «Сибирских Огней». Стихи Ивнева нельзя было печатать в таком мутором изобилии. «Безумные затеи» Югова напечатаны так поспешно, что вторая часть романа начинается со следующего стилистического шедевра:

— Ах, как хорошо все-таки, что сегодня воскресенье и оба мы не на службе!—говорила Елена, повисая на руке мужа и заставляя его тащить ее по тротуару, чтобы замедлить его шаги (кого ее? кого его?).

---

*) Ерошин, Иван Евдокимович поэт-самоучка, крестьянин Первые стихотворения Ерошина: «Поэту» и «Рабочий» напечатаны в 1913 году в «Правде». В 1918 г. Ерошин вступил в Московский Пролеткульт. В Сибирь Ерошин пришел с политотделом 5 Р.-К. К. А.

В статье «Против ново-буржуазной вылазки в литературе» («На Ленинском Пути», № 9) т. Курс уделяет исключительное внимание отношению «Сибирских Огней» к И. Ерошину. В статье «Поэты и критики» («Сиб. Огни» № 2, 1927 г.) я указал, что «Ерошин вносил в «Сиб. Огни» много противоречащего задачам журнала». «Миросозерцание Ерошина, в сущности, становится религиозным», писал я.—«Оказывается, есть коммунисты»,- восклицает т. Курс,- «которые по отношению к религиозной литературе считают правильным вести другую политику, чем по отношению к церкви». Прежде всего очевидная передержка: наличие религиозного миросозерцания у Ерошина вовсе не означает, что «Сиб. Огни» печатали «религиозную литературу». Это миросозерцание можно заметить у Ерошина лишь **в немногих отдельных строфах и образах.** Затем, кто эти коммунисты? Речь идет о 1922 годе, когда основное ядро редакции «Сиб. Огней» составляли ответственнейшие партийцы (Ем. Ярославский, Д. Тумаркин, Ф. Березовский). Кажущееся противоречие я об'яснял единственно-возможным способом: «Туманная лирика» Ерошина, «конечно, никого ни в чем не убедила»,- писал я.—«Она воспринималась, как музыка». Действительно, Ерошина редакция всегда считала талантливым поэтом, старалась его поддержать и выправить его путь.

— Чудовищная чушь!—негодует т. Курс.

А после всех громов небесных в «Сов. Сибири» опять печатается И. Ерошин, с «рясным приюгом», «трепетной арфой» и прочими атрибутами, которые мне лично претят не менее, чем т. Курсу. Что это за путаница, товарищи? Надоело! Надо учиться логике!

Надо критиковать и «нежности» молодых поэтов («не такое нынче время»), но не издеваться над ними. Надо воспитывать. Партия должна требовать такой критики, которая бы убеждала, а не вызывала ненависть и, следовательно, манию противоречия своей односторонностью. Я говорю о ненависти самых близких нам писателей и поэтов. Врагов такая критика только радует: опять, мол, коммунисты передрались!

Статья т. Шацкого*) безусловно лучше других. В ней нет сознательной односторонности, т.-е замалчивания бесспорных вещей. Тов. Шацкий подчеркивает, что он критикует только художественную прозу последних двух номеров. В его статье есть, по крайней мере, определенные литературные взгляды. Все мы, в сущности, хотим от писателя одного и того же. «На одиннадцатом году новой эры возможно ли не мечтать об истинном друге рабочего класса—о мужественном, твердоголосом, умеющем по-настоящему любить и ненавидеть—писателе?». Правильно указание и на чрезмерное нагромождение всяческих «страстей» в журнале. Но в оценке отдельных произведений с т. Шацким нельзя согласиться. Откуда видно, что Семынин «поднимает описание одного скверного детского дома до степени чуть ли не всероссийского обобщения»? В этом случае я согласен, как это ни странно, с Родовым: никакого обобщения нет. Очень хорошо, что дети взбунтовались: читатель за «милиционером» видит народный суд и твердо знает, что нарыв теперь ликвидирован. То же самое следует сказать о «Глухомани» Н. Анова**) Повесть также кончается судом. Известно, что «Глухомань» Анова—почти очерк: она написана с натуры. Правдивое изображение действительности не может противоречить интересам пролетариата. Протокол следователя о коммуне Коллонтай, фельетоны Курса и «Глухомань» Анова проникнуты одной и той же тенденцией, выражающейся в двух словах: обратите внимание! Мне кажется, что известное смещение в оценках т. Шацкого произошлю именно вследствие указанного нагромождения. Отдельные авторы в этом неповинны. Утверждение, что их нельзя печатать, означает паническую переоценку отрицательных качеств.

«Страх за «пагубное» влияние на рабочий класс недозрелых или слишком перезрелых писателей по меньшей мере говорит о недооценке рабочего читателя, давно уже не нуждающегося в суетливой опеке.

Класс-организатор, хозяин страны, достаточно силен, чтобы мы перестали, наконец, столь усердно отраждать его от «опиума» искусства: теперь уже каждая захудалая библиотека может рассказать нам, как беспощадно расправляется рабочий-читатель со всем тем, что ему «не по нутру», и как великолепно этот самый *читатель умеет просеять писательское творчество*, отделяя здоровое зерно от мякины» («Ч. и П.», № 17, курсив мой).

Критика «Сибирских Огней» в «Советской Сибири», на мой взгляд, особенно проигрывает при сравнении с критикой журнала «Настоящее». В сущ-

*) П. Шацкий—«Морда класса», «Сов. Сибирь», № № 98, 99, 100.
**) Оба писателя: П. Семынин и Н. Анов—члены ВОАПП'а.

ности это не критика, а реклама. Так распространяется мнение, что «в литературных боях» главную роль играет борьба за тираж, за «место под солнцем» обоих журналов. Этот вздор надо рассеять.

Журнал «Настоящее», конечно, не лишен недостатков. Установки его противоречивы. Ставя курс на фельетон, на «настоящее», журнал, вместо фотографии, вводит графику. Опыт показал, что журнал, иллюстрированный таким образом, не может рассчитывать на высокий тираж. Поэтому хорошие злободневные фельетоны в журнале просто пропадают, обескровливая, таким образом, газету. Что касается содержания, то, с точки зрения тов. Шацкого, журнал должен бы фигурировать в «Морде класса». Та же глухомань: Анов—«Капкара», фельетоны Курса, Панкрушин—«Путь жизни Арнольда Гана». Последнюю вещь не следовало печатать. В ней, кроме «глухомани», есть и явная клевета.

«У него (у «героя», *В. И.*)—повествует Панкрушин,—«две совершенно отдельных, четко разграниченных жизни. Два костюма: один—для работы, другой (светлосерый, в клетку)—для общения с поэтами.

Два комплекта друзей: один—райкомовцы, совпартшкольцы, «братва», другой—местные литераторы.

Даже время вне службы он проводит двояко: один вечер «коблит с братвой», а другой—свершает, как он говорит, «ночные встречи», т.-е., попросту говоря, шляется вместе с этими самыми поэтами по всем пивным города, из одной в другую».

Все «местные литераторы», все поэты—противопоставляются, в качестве заразного элемента, райкомовцам, совпартшкольцам, «братве», как будто в СССР большинство «местных литераторов» не принадлежит к той же братве. Не удивительно после того, что сибирские писатели «взяли журнал в штыки», по выражению тов. Гиндина. Никаких «штыков» не было, но очевидно, что неприязнь к «Настоящему» коренится не «в мелкобуржуазном уклоне писателей», как хочет видеть «Советская Сибирь», а в самом журнале.

«Нежностям в номерах» в «Настоящем» соответствуют «нежности на колосниках»...

«С аппетитом влюбленного он пожирал уголь,
Который я бросал ему,—мгновенно и до тла!
Огнем был зацелован каждый угол,
Каждый винт был заласкан у котла».

Далее стихи можно читать с конца, с средины, как угодно: получается одно и то же.

Почему же «Советская Сибирь» молчит о недостатках «своего» журнала?

Со всем этим надо покончить

Партия может допустить известную «широту взглядов» в области художественной литературы. Мы переиздаем классиков, переводим иностранных писателей; самым читаемым автором у нас до сих пор остается Джек Лондон. Искусство организовывает не только социальные взгляды человека. Мы ценим выработку характера, моральную устойчивость, волю к труду и победе. Читатель легко справляется с чуждым ему классовым фоном в таких вещах, переводя их на свои «классовые рельсы». Но партия не может допускать разнобоя в критике, потому что она обязана помогать выработке того классового вкуса, о котором все время идет речь.

Помогая «Сибирским Огням» и сибирской литературе освободиться от своих недостатков, партия должна помочь и краевой газете ликвидировать свою «обоюдоострую односторонность», ведущую «ко кривосуду», так как недостатки художественной литературы тесно связаны с недостатками критического руководства.

Н. АУЭРБАХ

Археологические исследования в Сибири в 1927 году

История научных исследований Сибири говорит нам о том, что археологическое изучение края велось до революции тремя основными группами работников 1) местными исследователями—краеведами, к концу XIX в. уже об'единенными в своей главной массе различными сибирскими научными организациями пяти крупных городских центров: Омска, Томска, Красноярска, Минусинска и Иркутска; 2) работниками научных учреждений Центра (главным образом б. императорской археологической комиссии) и иностранными учеными и в первую очередь финскими, снаряжавшими в Сибирь как археологические экспедиции, так и поездки отдельных ученых. Внимание исследователей привлекали памятники металлических культур наиболее богатых древностями южных районов Сибири—Алтай и Минусинский край. Несмотря на то, что систематическое обследование остальной и при том большей части территории Сибири не было организованно, все же к началу войны в музеях Сибири, Москвы и Ленинграда скопились огромнейшие материалы со всех концов Сибири, уже достаточные для первоначальной сводки археологических данных, если не по всему краю, то по некоторым его районам. Пользуясь этими материалами, И. Т. Савенков как раз перед войной закончил вчерне в Минусинске совместно с Н. И. Тропиным археологическую карту юга б. Енисейской губ. и нанес на эту карту не только памятники металлических культур Минусинска значительно полнее, чем Радлов в аналогичной карте, приложенной к сибирским древностям, но и памятники каменного периода.

Со смертью в 1914 году Савенкова местная работа по археологии в Минусинске остановилась надолго; научное наследство исследователя поступило в Мартьяновский музей, представляющий в данное время в потенции крупнейшую научную базу для археологической работы, в виде огромных археологических коллекций, крупной хорошо содержимой библиотеки, пополненной книгами Савенкова и Кузнецова—Красноярского, и бережно сохраняемого архива Савенкова с его устаревшей археолотической картой, ожидающей дополнений на основе новых исследований послевоенного времени.

Еще до войны замерла та скромная археологическая работа, которая велась в Омске, и к началу революции пульс археологической жизни чуть-чуть бился в трех городах: Томске, Красноярске и Иркутске.

В годы 1918-20 мы наблюдали оживление в Томске, где институт исследования Сибири приступает к сбору материалов для археологической карты Сибири. С от'ездом из Томска проф. проф. В. Ф. Смолина, С. И. Руденко, С. А. Теплоухова, с уходом из жизни энергичнейшего сибирского археолога—А. В. Адрианова, так и не успевшего обработать свои обширнейшие материалы,—темп археологической работы Томска задерживается. Но в то же время оживает работа в Красноярске в связи с пребыванием в Сибири австрийского ученого доктора Мергарта и появлением молодых местных работников, об'единивших вокруг Географического Общества и музея учащуюся молодежь в активно работавший в 1923-25 г.г. археологический имени И. Т. Савенкова кружок. Крепнет работа и в Иркутске, куда прибыли в связи с организцией университета новые научные силы и стали возникать новые кадры молодых археологов. При ВСОРГО организуется палеоэтнологическая секция, которая с каждым годом расширяет свою работу.

Характерной особенностью послереволюционной работы является то, что у местных исследователей заметно преобладает интерес к изучению каменного периода, т.-е. явление обратное тому, что мы отмечали для дореволюционного времени. Местные исследователи после революции обратили основное внимание на изучение ближайших окрестностей своих городов (Иркутска, Красноярска, Томска), и эти окрестности дали сибирской археологии ряд интересных и разнообразнейших находок. В общем надо признать, что археологическая работа на местах после революции не только не остановилась, но, наоборот, усилилась, в связи с чем значительно пополнился археологический фонд Сибири: по предварительным данным археологической подсекции общества изучения Сибири и ее производительных сил, общая численность археологических отделов, музеев Сибкрая и кабинетов Сибирских ВУЗ'ов достигла к 1 января 1927 г. цифры в 86.000 предметов, увеличившись сравнительно с 1920 годом не менее, чем на 60 проц. Это тем более удивительно, что к 1921 году Сибирь потеряла все старое поколение археологов (А. В. Адрианова, И. П. Кузнецова-Красноярского, А. П. Ермолаева, М. П. Овчинникова), и археологические исследования после 1920 года велись в общем новыми для Сибири людьми без полной персональной преемственности в работе со старыми археологами.

После революции крупные исследования были поставлены в Сибири научными учреждениями Центра, из которых надо выделить: Русский музей и Академию Наук. Исследования этих учреждений дали для нашей археологии очень ценные результаты и, в особенности, по металлическим культурам: Минусинского края—С. А. Теплоухова и Алтая—М. П. Грязнова. Оба исследователя в прошлом году выпустили из печати первые отчеты о своих исследованиях в Сибири.

Что же касается иностранных исследователей, то ими полевая работа в Сибири уже в послереволюционное время не велась. Нам известно только, что доктор Мергарт издал за границей несколько археологических работ, посвященных Сибири и основанных на тех материалах, которые им были собраны в 1918-20 г.г.

В 1923 году полевые работы производились в Сибири, главным образом, местными работниками на средства местных научных организаций. От научных учреждений Центра работал только М. П. Грязнов, производивший для Русского музея археологические раскопки на Алтае, и Г. П. Сосновский, работавший на Енисее по поручению общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока и музея Приенисейского края. Кроме того, сотрудник Московского научно-исследовательского института археологии и искусствознания С. В. Киселев совершил поездку по сибирским музеям и осмотрел коллекции Красноярска, Минусинска, Томска, Барнаула и др. городов в целях ознакомления с металлическими культурами Сибири. Проф. Куфтин от музея народоведения работал в Прибайкалье и на Дальнем Востоке. Кроме того, под Омском работали совместно с местными работниками сотрудники Московского исторического музея Е. П. Липеровская и П. А. Дмитриев.

Таким образом, в 1927 году местные исследования являются основными в крае, на них мы и остановились, сделав попытку краткого обзора работ по тем материалам, которые имеются в распоряжении археологической подсекции общества изучения Сибири и ее производительных сил.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

В Западной Сибири археологическая работа велась в 1927 г. омичами и новосибирцами. Особенно важно возобновление местной работы в Омске, чему мы обязаны Западно-Сибирскому Краевому музею, привлекшему в число своих сотрудников молодого археолога—ученицу В. А. Городцова—В. П. Левашеву. В. П. Левашева привела в порядок археологические коллекции музея и с 1926 г. начала полевые исследования. В 1927 году ею были произведены:

а) Разведки оз. Чаны, Барабинского округа, с составлением археологической карты центральной линии островов, северного и южного побережья. Зарегистрировано четыре городища на островах, из них одно относится к культуре Вознесенского городища на Оми (раскопанного Западно-Сибирским музеем в 1926 году), другое—к позднетатарскому времени, третье разрушенное—неопределенной эпохи и четвертое—поздний городок, возможно, военный казачий пункт. На островах и на побережье оз. Чаны зарегистрировано свыше ста курганов, одиночных и группами.

б) Раскопки двух городищ, одного в Омском округе близ сел Надеждино и Б. Кулачи на правом берегу р. Иртыша (продолжение раскопок 1926 г.), другого в Барабинском округе близ села Абрамовка на р. Оми (по предварительной разведке Е. И. Бессер-Засецкого в 1926 г.). В различных пунктах Омского округа по р. Иртышу было раскопано, кроме того, шесть курганов и один в Барабинском округе близ Абрамовского городища. Производились также расследования на местах хищнических раскопок в трех пунктах Омского округа, что дало возможность использовать добытый этими раскопками материал для научной работы.

Раскопки городищ и курганов дали богатый керамический материал, поделки из кости, железа, бронзы, при чем однотипность некоторых орудий и сходство, а

иногда и полная аналогия, орнаментация сосудов дают возможность увязать городища с курганами. В одном из курганов, раскопанных самовольно крестьянами, была найдена бронзовая монета, определение которой должно уточнить датировку курганной культуры.

В работе Западно-Сибирского музея принимали участие московские археологи Е. Н. Липеровская и П. А. Дмитриев, при чем Е. Н. Липеровской были произведены раскопки стоянки на левом берегу р. Иртыша против г. Омска. Стоянка дала богато орнаментированную керамику, каменные орудия и поделки из железа и бронзы. По предварительному определению Е. Н. Липеровской памятник этот относится к ранней поре железной эпохи (время около 1000 лет до нашей эры), присутствие же здесь каменных орудий характеризует отсталость культуры*).

В Новосибирске археологическая подсекция общества изучения Сибири, организовавшаяся после 1-го Сибрского Краевого научно-исследовательского с'езда, поставила себе задачу об'единить всех работников сибирской археологии. Во исполнение этой задачи подсекция вступила в переписку как с работниками Омска, Ачинска, Красноярска и Иркутска, так и с местными исследователями Д. Востока, имея в виду организовать небольшое издание археологического сборника «Археологические исследования в Сибири (понимая географическую Сибирь) за время 1917-1927 г.». Подсекция обратила внимание на выяснение археологических коллекций сибирских научных учреждений и произвела анкетное обследование сибирских музеев и некоторых кабинетов сибирских ВУЗ'ов. В данное время результаты анкетного обследования обрабатываются и приступлено к дополнительной рассылке анкет музеям Урала, Казакстана, Якутии, Бурят-Монголии и Дальнего Востока, а также некоторым музеям Европейской части Союза для выяснения сибирских коллекций, хранящихся в этих учреждениях.

Все полевые исследования подсекции носили характер небольших разведок. По указанию З. С. Гайсина, член подсекции С. М. Сергеев произвел описание и небольшие разведки городища полукруглой формы, расположенного близ деревни Курбес, Новосибирского округа. Городище, называемое местными жителями Паш-Тура, что значит «Главный город», находится в 2 километрах к юго-западу от деревни, на древней, высотою до 30 метров, террасе господствующей над поемной долиной речки Уень. Площадь городища опоясана двойными валом и рвом, в некоторых местах заметны следы третьего вала. Внутри городища замечено 17 небольших углублений, повидимому, остатков жилищ. В районе той же деревни установлено наличие второго городища, называемого крестьянами «крепость», и могильника, большинство курганов которого имеют внешние следы расхищения. Были произведены раскопки одного кургана; вследствие того, что курган был потревожен ранее—части костяка оказались в разрозненном состоянии, некоторые кости расколоты, других нехватало вовсе. Находки незначительны: обломок железной пластинки с кольцом и шейное украшение из медной пластинки. Близ могилы найден полный скелет небольшой собаки, судя по разбитому черепу, убитой ударом по голове.

Б. С. Митропольский сделал описание археологических памятников в окрестностях города Бийска. Им обнаружена дюнная стоянка по дороге в с. Енисейское, городище—против городской скотобойни на левом берегу Бии, 2 стоянки на западной опушке заречного Бийского бора и три стоянки около монастыря. С поверхности стоянок собран под'емный материал, состоящий из большого числа керамики, костей животных, разбитого черепа человека и нескольких каменных орудий и осколков Сборы Митропольского поступили в Новосибирский музей.

В сибирских газетах появились известия о находке византийских монет под Бийском. О-во изучения Сибири проверило это сообщение.

Действительно в Бийский музей еще в 1924 г. поступили 10 древних монет, но точное местонахождение их еще не установлено. Указания, что они найдены в береге р. Чарыша, близ с. Усть-Чарышского, и в береге Катуни у с. Сростки сомнительны и нуждаются в проверке. Оттиски монет посланы музеем для определения в Академию мат. культуры. Монеты, действительно, византийского происхождения и относятся к эпохе Р. Х.

Палеоэтнологической экспедицией Русского Музея произведены раскопки богатого погребения на Алтае. Работы велись М. П. Грязновым в сотрудничестве с М. Н. Комаровой. Вскрыта могила с большой каменной насыпью в урочище Шибе на р. Урсуле. Погребение устроено в двойной камере, срубленной из бревен, с двумя потолками и досчатым полом. Покойники лежали в большой выдолбленной колоде. В северной части могильной ямы обнаружены скелеты 14 лошадей. Лошади и сруб с погребением человека были заложены бревнами, а поверх завалены хворостом.

*) Из отчета о деятельности Зап.-Сиб. Музея за 1927 год.

К сожалению погребение оказалось разграбленным. Грабители прорубили в толще наваленных бревен колодец к самому центру погребальной камеры, разграбили погребальный инвентарь, но не могли проникнуть в ту часть могильной ямы, где были погребены лошади.

В камере в совершенном беспорядке было найдено большое количество тонких золотых нашивных пуговок и бляшек, различные фигурки, вырезанные из листов золота, иногда раскрашенные красной и черной краской, обломки железных предметов с золотой инкрустацией, набор раскрашенных украшений из рога лося, куски китайского лака и др. предметы.

Особенно интересные находки были сделаны в конском погребении: различные бляшки, бусы, пряжки и проч., покрытые тонким золотом, кожаные бляхи с золотой апликацией, вырезанные из дерева морды дикой кошки и т. д.

Могила оказалась промерзшей с глубины 50 см. от дневной поверхности до самого дна, и вечная мерзлота предохранила погребенные предметы от гниения. Оба найденные трупа (мужчина и ребенок) оказались мумифизированными. Внутренности и мускулатура удалены и заменены какой-то растительной массой. Головной мозг извлечен из черепной коробки через специально вырезанное отверстие. Глаза и все разрезы на теле зашиты толстыми нитками.

М. П. Грязнов датирует погребение началом нашей эры*).

СРЕДНЯЯ СИБИРЬ.

Н. К. Ауэрбах и В. И. Громов, по поручению Средне-Сибирского Отдела Географического Общества и музея Приенисейского края, заканчивали раскопки Бирюсинской стоянки, расположенной на берегу р. Бирюсы при ее впадении в Енисей в 50 км. от Красноярска. Двухлетними раскопками обнажена площадь стоянки в 140 кв. метров, при чем обнаружены остатки различных культур. Общее число культурных слоев установлено—5, из которых первый залегает непосредственно под дерном и содержит черепки глиняной посуды, большое число различных каменных орудий и незначительное количество железных предметов, вместе с остатками современной лесной фауны, второй культурный слой, залегающий в суглинке, не имеет ни железа, ни керамики и отличается от верхнего слоя характером своей каменной и костяной индустрии, а также фауной; среди лесной фауны этой культуры встречены многочисленные представители степных форм; 3 последних слоя, из которых четко выражен был только самый нижний, залегали в песке на глубине до 2 метров и отличались от верхних своеобразной каменной индустрией и заметным преобладанием в фауне северного оленя. Нижний слой по своему общему комплексу близок к наиболее молодым из верхних палеолитических стоянок окрестностей Красноярска Общее число предметов, добытых при раскопках стоянок, достигает 2 тысяч, преимущественно каменных орудий.

Кроме стоянки, произведена небольшая разведка одной из нетронутых раскопками Еленева Бирюсинских пещер, где также обнаружены остатки различных культур. Продолжение исследований пещер отложено на 1928 год.

Кроме Бирюсы, В. И. Громов вел разведку палеолитической стоянки «Военный Городок» в окрестностях Красноярска, а Г. П. Сосновский от музея Приенисейского края и общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока—раскопки стоянки «Переселенческий Пункт», на правом берегу Енисея, напротив города. Здесь дополнительно к исследованиям прошлых лет обнажена площадь стоянки в 20 квадратных метров и обнаружены кострища, каменные орудия и каменные осколки и расколотые кости различных животных: горного барана, северного оленя, быка и зайца.

В окрестностях Красноярска на Часовенной горе были случайно обнаружены три погребения поздне-железной эпохи, с очень богатым погребальным инвентарем. Первое погребение было расхищено, из второго в музей Приенисейского края поступили череп, обрывки ремней с пуговичными нашивками, железные наконечники стрел, костяные пластинки с разными украшениями и серебряная потирообразная чаша, а также развалившееся седло, все выложенное серебряными орнаментированными пластинами. Сотрудники музея и С. А. Теплоухов поставили раскопки на месте находок и обнаружили, что ранее найденное седло находилось в ногах третьего женского погребения—в сохранившемся лиственном гробу лежал скелет женщины, обернутый в парчу и шелк; в гробу найдены золотые серьги, ряд серебряных и железных вещей, посеребренные стремена, а в головах—серебряная вызолоченная ваза с орнаментом.

Кемчугской экспедицией молодых ачинских краеведных организаций: общества краеведения и музея были констатированы новые археологические памятники—12 городищ по правому берегу Чулыма, как вверх, так и вниз по течению реки от устья Б. Кемчуга. Городища 2 типов: удлиненно-подковообразной формы и четырехугольной ограниченные с 2 сторон обрывами берегов, а с двух других—рвами**).

*) По сообщению М. П. Грязнова.
**) Из отчета Ачинской экспедиции.

В северной части Хакасского округа, близ улуса Орак, Г. П. Сосновский вскрыл 15 погребений бронзового периода, относящихся к андроновской, карасукской и курганной культурам.

Кроме того, необходимо отметить находки ископаемой фауны, различных каменных орудий, погребений и отдельных предметов металлических культур, обнаруженных партией Сибземуправления при мелиоративных работах в Бейской степи. Все находки поступили в Бейское Общество Краеведения и хранятся в музее при агропункте в селе Бейском*).

Кроме перечисленных исследований, заслуживают внимания те материалы, которые были собраны членом археологического, имени И. Т. Савенкова, кружка—Б. Ф. Петровым, участвовавшим в составе экспедиции Сибирской Ихтиологической станции, вышедшей из Енисея Обь-Енисейским каналом на р. Обь. Обнаружена открытая стоянка на высоком песчаном яру между двумя шлюзами канала, собраны черепки. Близ с. Максимояровского на Кети встречены могилы и земляники четырехугольной формы и близ д. Суховатки (4 версты от Каса)—писаница, высеченная на большом гранитном валуне.

ВОСТОЧНАЯ СИБИРЬ.

В Восточной Сибири интенсивная исследовательская работа была организована палеоэтнологической секцией ВСОРГО. Б. Э. Петри продолжал исследования неолитических стоянок на Верхоленской горе, где снова обнаружил разнообразнейшие каменные орудия и остеологический материал. М. Н. Ходукин вел раскопки стоянки каменного периода—«Ушканка» в 5 км. от г. Иркутска, где собрал каменные орудия палеолитического облика и кости животных. На северо-восточном склоне той же пади «Ушканка» открыто погребение неолитической эпохи.

В. И. Подгорбунский продолжал раскопки погребений и доисторических стоянок под Иркутском и под его руководством Г. М. Константинов вел исследования пяти погребений неолитической эпохи на правом берегу Ангары, в нескольких верстах от города Л. Г. Иваньев и Н. В. Арембовский вели разведки в окрестностях города по Ангаре. А. В. Попов производил разведки стоянок на левом берегу Ангары, в 7-10 км. от города. М. М. Герасимов—вел раскопки палеолитической стоянки у переселенческого пункта, бедной каменной индустрией, но богатой палеонтологическими материалами. Тем же молодым исследователем вскрыты 5 неолитических погребений. А. П. Окладников в окрестностях города открыл 11 неолитических стоянок, а также 8 стоянок на западном берегу оз. Байкал. На территории Бурят-Монгольской республики А. П. Окладниковым открыты стоянки неолитической и железной эпох. Кроме того, тем же исследователем велись разведки в долине р. Лены, где на протяжении 60 верст между с. Качугом и д. Б.-Тарельской обнаружены несколько неолитических стоянок и одна стоянка, повидимому, палеолитическая. Около д. Байроки открыт поздний неолитический могильник, два погребения которого раскопаны.

П. П. Хороших, совместно с Гуревичем, вел раскопки в Баргузинском заливе и в долине р. Баргузина, где обнаружено около 30 стоянок. В окрестностях с. Мургун раскопано 2 древних тунгусских погребения. Кроме того, обнаружено 10 стоянок в окрестностях с. Суховского, Иркутского района, и раскопаны совместно с Б. А. Куфтиным новые неолитические стоянки на левом берегу Ангары на пространстве Иркутск—Байкал.

На территории Бурятии археологические разведки велись А. Балдунниковым и Богдановым. Ими раскопан могильник, повидимому, железного периода недалеко от улуса Аги Боханского аймака и описаны различные археологические памятники**).

В Бурят-Монголии большие разведочные работы были поставлены троицко-савским музеем. В районе Гусиного озера в 10-20 км. от Селенгинска П. С. Михно и С. А. Успенским зарегистрировано свыше 200 могил и керексур. У дер. Зарубиной на берегу реки Селенги обнаружена палеолетическая стоянка: найдены каменные орудия палеолитического облика и кости животных, по определению В. И. Громова, принадлежавших мамонту Rinoceros sp, Bos (primigenius an Bison) и др. Под Троицкосавском на берегу р. Кяхты открыта стоянка повидимому раннего неолита. Кроме того, обследован ряд дюнных стоянок***).

Д. ВОСТОК.

Научным сотрудником Научно-Исследовательского Института по изучению Д. В. А. И. Разиным продолжались исследования района залива Петра Великого, где работы ведутся четвертый год. В бухтах «Находка» и «Козьмина» открыты и

*) Устное сообщение инж. Н. К. Михайлова.
**) Из отчета о деятельности ВСОРГО за 26-27 г.
***) Из письма П. С. Михно.

описаны кухонные остатки: собраны черепки с орнаментом, несколько обломков шлифованных каменных орудий, костяные орудия и их обломки, раковины, кости животных и рыб. На побережье залива Ольги в одном км. от поселка Ольги обнаружена неолитическая стоянка: на глубине 25 см. от дневной поверхности встречен мощный культурный слой, в котором найдены черепки, наконечники стрел из камня. Кроме того, 3 неолитических стоянки обнаружены в заливе «Стрелок». По мнению А. И. Разина, неолитические стоянки залива Петра Великого не одновременны кухонным остаткам, а гораздо их древнее*).

Членом палеоэтнологической секции ВСОРГО М. М. Герасимовым открыты две стоянки в окрестностях Хабаровска, богатые керамикой, каменными и костяными орудиями, а также остеологическим материалом, главным образом, костями рыб и раковинами. В версте по Амуру от ж.-д. моста обнаружена стоянка с каменной индустрией палеолитического облика**).

МАНЧЖУРИЯ.

При О-ве изучения Манчжурского края в Харбине образовалась под председательством археолога Толмачева археологическая секция, об'единившая свыше 80 человек и организовавшая в 1927 году ряд разнообразнейших работ. Как видно из отчета о деятельности секции за первый год ее существования (1927), секция заслушала 74 доклада и сообщения, из которых 2 сообщения были сделаны на китайском языке. Летом члены секции провели 5 общих экскурсий и 15 отдельных поездок, имевших, главным образом, целью рекогносцировочные обследования древних архитектурных памятников Манчжурии.

Из сделанного обзора видно, что полевые исследования в нашем крае велись по археологии в прошлом году с достаточной интенсивностью и дали в целом ряде мест интереснейшие находки. Если последующие работы подтвердят правильность предварительных определений тех памятников, которые были исследованы иркутянами, то их находки представляют особый интерес: в одно лето обнаружено свыше десятка неолитических погребений, большое число новых стоянок каменного периода и в том числе палеолитических, установлено распространение древних культур по Лене,—что значительно расширяет наши знания по доистории севера Восточной Сибири.

Обращает внимание факт тесной связи сибирских археологов с научными работниками центра: с сибиряками ведутся полевые исследования совместно с работниками Москвы и Ленинграда не только под Омском и Красноярском, но и под Иркутском.

Полевые исследования сибиряков в своей основной массе не являются случайными: исследования 1927 года связаны с предыдущими работами, являются их продолжением. Таким образом, наблюдается известная систематичность в работе. Но, к сожалению, мы не достигли еще необходимой плановости. В частности, вне поля зрения сибирских археологов остается систематическое обследование с составлением районного каталога памятников. При огромности нашей территории, бедности краеведческими силами будет преждевременным начинать эту работу для всего края в целом, но для некоторых его районов эту работу начать надо и в первую очередь в окрестностях наших краеведческих центров, с охватом с каждым годом все большей территории. Сплошное обследование может дать самые неожиданные результаты, как это уже частично показал опыт местной работы под Красноярском и Иркутском.

Далее на очереди стоит вопрос об организации практических мер к охране памятников. В этой области у нас еще ничего не сделано. Вполне очевидно, что при скудости тех средств, которые могут быть отпущены на организацию охраны государством, мы можем достигнуть серьезных результатов только при условии привлечения к делу охраны самой широкой общественности и школы, введения, быть может, института шефства над археологическими памятниками изб-читален, школ кооперации и т. д. К сожалению, наши краеведческие общества не обращают достаточного внимания на работу по охране этого богатейшего фонда наших культурных ценностей. Задача отдельных краеведов, интересующихся доисторией,—стимулировать краеведческие организации и приступить к работе весной этого года. Если в текущем году работа по обследованию и по охране будет начата только под Омском, Бийском, Новосибирском, Ачинском, Канском, Красноярском, селом Бейском Минусинского округа, и под Иркутском, если бы к этому списку мы могли присоединить еще Томск и Минусинск, то для первого года это будет достаточным. В следующие годы можно было бы углубить и расширить работу и поставить на проработку вопрос о составлении археологической карты Сибирского края.

---

*) Из письменного сообщения А. И. Разина.
**) Из отчета ВСОРГО.

С. РОЗЕНБЕРГ

Письмо в редакцию.

Об одной „рецензии"

В «Сибирских Огнях» № 1, 1928 г., помещена рецензия Круссера на мою статью на тему «Меркантилизм и социально-философские основы физиократической системы», напечатанную в «Сборнике трудов Ирк. Государств. Университета», т. XIII, 1927 г.

Добросовестность является первой предпосылкой об'ективной критики. Серьезное знакомство с трактуемой проблемой—вторая предпосылка. Аргументация выдвигаемых положений, а не голословное декларирование их—третья предпосылка. Круссер свободен от этих трех предпосылок.

Что представляет из себя Круссеровская рецензия?

Она представляет собою: а) критику опечаток; б) критику слова «итак»; в) критику приема вставок в цитаты; г) обыкновенную ругань; д) чтение на первой странице то, что должно быть напечатано на второй.

О том, с какой степенью добросовестности отнесся рецензент к рецензируемой книге, говорит следующий факт. После оглавления я поместил в виде краткого предисловия следующие строки: «Настоящая статья представляет собою первую часть работы под названием «Меркантилисты и физиократы». Вторая часть—учение физиократов—совершенно готова к печати, но, за недостатком места, не могла быть напечатана в настоящем сборнике». Добросовестный рецензент не стал бы искать в первой части работы анализ всей физиократической системы в целом, а ограничился бы серьезной критикой первой части. Но Круссер, которому нечего сказать по существу, перечисляет основные моменты, составляющие сущность физиократической системы и с триумфом восклицает:

«Прочитав о физиократах, мы с недоумением спрашиваем:—где же целый ряд важнейших теоретических идей, которые впоследствии, через посредство классиков и Маркса, вошли в современную экономическую науку? Где, прежде всего, гениальная теория общественного «воспроизводства, изложенная в экономической таблице» Кенэ? Как видит читатель, Круссер мечет гром и молнию, открывая Америку... что «экономическая таблица» Кенэ содержит в себе первую попытку об'яснения процесса общественного воспроизводства. Но разрешите спросить вас: «Неужели, вы не понимаете, что анализ теории воспроизводства физиократов должен быть дан во второй части работы?!». И упоенный своей победой на «литературном фронте», Круссер продолжает: нет анализа учения физиократов о «чистом доходе», об общественных классах, не выяснена социальная сущность физиократической системы и т. д.

Подробнейший анализ перечисленных проблем я даю, как сказано выше во второй части работы. А рецензент не мог этого не знать, т. к. в предисловии об этом ясно сказано: «Вторая часть—учение физиократов—... не могла быть напечатана в настоящем сборнике». Круссер это великолепно знал, но... иногда выгодно критиковать еще ненапечатанное.

И цель, таким образом, достигнута: 2 страницы из 4 стр., которые занимает рецензия, заполнены пересказом одной из глав из краткого учебника по истории экономической мысли, и эрудиция в области истории экономической мысли продемонстрирована перед читателями «Сибирских Огней».

Круссер напоминает того ученика приготовительного класса, который, желая доказать свое умение читать, забегает вперед и читает на первой странице то, что напечатано на второй.

Последняя глава книжки под названием «социально-философская основа физиократической системы» имеет своей целью выяснить не классовую сущность физиократической системы, а лишь философско-методологические ее основы.

В этой главе я старался осветить философскую концепцию физиократов, без понимания которой не может быть речи о выяснении социальной сущности всей физиократической системы. Естественные законы являются для Кенэ основой социальных законов. Естественный порядок Кенэ требует такой организации производства в сельском хозяйстве, которая обеспечила бы максимальный хозяйственный эффект. Но для обеспечения этого максимального эффекта необходимо организовать сельское хозяйство на капиталистических началах. Главу XII—последнюю главу книжки—я кончаю следующими словами: «Словом, организовать земледелие, согласно естественных законов, означает переход к фермерско-капиталистическому способу производства по английскому образцу. Поэтому физиократы выступают ярыми защитниками капиталистического земледелия. Влияние физических законов на процесс производства является наиболее очевидной в земледелии и скотоводстве. Отсюда учение физиократов об исключительной производительности земледелия». Отсюда видно, что эта глава имела своей целью только подготовить почву для подробного анализа физиократической системы.

Поражает безапелляционность Круссера. Последний утверждает, что вместо анализа, я преподношу «сладенькую водицу перемешанных по обыкновению (?!) цитат из «Естественного права»—Кенэ, в роде сравнения государя с садовником, невозможности проникновения в замыслы верховного существа, о интересах потомков, предки которых захватили крупную собственность». Прежде всего, если цитаты перемешаны, то необходимо доказать, где именно и какие. Это—во-первых, а во-вторых, «уважаемый рецензент», разрешите, вместо «сладкой водицы», преподнести вам горькую правду: вы ничего не поняли в том, какая связь существует между философией Кенэ и его экономической системой, и очень мало вы поняли в тех цитатах, которые мною приводятся. Разберемся: 1. Сравнение Кенэ государя с садовником приводится мною для того, чтобы доказать, что государь не может, с точки зрения Кенэ, по своему произволу нарушать нормальный ход процесса производства;

2. Для буржуазии, первым идеологом которой был Кенэ, очень важно было вырвать с корнем представление о равенстве. Ибо необходимой предпосылкой развития капиталистического способа производства является именно экономическое неравенство, выражающееся в отрыве производителя от средств производства. Поэтому-то Кенэ старается доказать, что это неравенство—закон природы, установленный верховным существом. Это вам не сладкая водица пустой рецензии, Круссер, а серьезное обоснование того, что нельзя ставить преграды процессу дифференциации сельского населения, следовательно, процессу образования класса фермеров и класса наемных рабочих. Цитату, которая, между прочим, говорит о невозможности «проникнуть в замыслы верховного существа», установившего неравенство, я привел именно для того, чтобы перекинуть мост от философских взглядов Кенэ к его экономической системе, основой которой является частная собственность, неравенство, свободная конкуренция. И поэтому я из цитаты делал следующие выводы (стр. 76): «Итак, богатство и бедность—не социальные явления, а явления природы. Отсюда понятно, что бороться против неравенства, против дифференциации сельского населения и образования класса богатых фермеров-капиталистов, означает бороться против верховного существа». Я бы поблагодарил Круссера, если бы он сказал мне, верен или неверен этот мой вывод. Круссер же назвал эти рассуждения «сладкой водицей» и не высказался по существу.

3. Обоснование крупной земельной собственности необходимо было Кенэ, как основа компромисса с классом землевладельцев. А компромисс этот был бы невозможен, если бы физиократы не защищали крупную земельную собственность. И в этом вопросе, следовательно, философские взгляды Кенэ служат основой экономической системы. А глубокомысленный Круссер заявляет: «Может быть, все это имело значение в свое время, но вовсе не заслуживает тщательного воспроизведения». Конечно, вся физиократическая система имела значение только в свое время, но отсюда не надо делать вывод, что рецензент не должен понимать философской ее основы, если берется о ней судить в XX веке. Таким образом, мне, кажется, удалось показать читателю: 1) насколько добросовестно Круссер выполняет обязанности рецензента и 2) что Круссер очень слабо разбирается в проблеме, о которой он высказывает так «авторитетно» свои суждения. Считаю не лишним привести в этой связи две справки:

1. Курса по истории экономической мысли Жида и Госта нет в природе. Есть курс по истории экономич. учений Ш. Жида и Ш. Риста, первая глава которого посвящена физиократам. Некоторые сведения о меркантилистах имеются в статье другого автора, являющейся приложением к названному курсу. Но не только рецензент, но и ученик Совпартшколы мог бы установить, что в этой статье нет ничего марксистского. Круссер, как видно, принял это за марксистское освещение меркантилистической системы.

2. Точно так же нет в природе курса по ист. экономических учений Янжула, а есть лишь его исследование по вопросу о возникновении и развитии свободной торговли в Англии, под названием «Английская свободная торговля»—в двух частях, при чем о физиократической системе в этом исследовании ничего найти нельзя. А Круссер авторитетно заявляет: «Система меркантилистов и физиократов достаточно освещена в старых курсах по истории экономич. учений: Онкена, Янжула, Жида и Госта». Считаю не лишним отметить, что в работе Онкена «История политической экономии до А. Смита», в которой собран большой фактический материал о меркантилистах и физиократах, нет ни одного грана марксизма. Неужели Круссер считает работу Онкена марксистской?!

Диву даешься, какая диспропорция между... знаниями и... рецензентской прытью!

Перехожу к третьей особенности Круссеровского приема писать рецензии. Круссер не доказывает, он голословно декларирует, аргументировать -дело лишнее. Новая мораль!

Круссер пишет: «Главы, посвященные автором меркантилизму, представляют собою водоворот цитат и сумбурность мыслей. Марксистского анализа здесь, конечно, нет». И дальше: в работе нет общей идеи.

Таким образом, Круссер выдвигает следующие положения:

1. Нет в работе общей идеи.
2. В работе нет марксистского анализа.
3. Работа отличается сумбурностью мыслей.

Нет общей идеи! Обвинение тяжелое! А доказывает ли это Круссер? Ни единым словом. А между тем, мною на стр. 4 дается ясный, отчетливый социальный анализ меркантилизма.

«Меркантилизм соответствует раннему периоду детству, капиталистической системы, тому периоду, когда буржуазия могла выступать пионером нового хозяйственного строя только в союзе с сильной централизованной властью. Отсюда—опека государства над хозяйственной деятельностью, вмешательство путем регламентов, таможенных тарифов и торговых договоров в области торговли и промышленности». На стр. 8 мы читаем: «Что же является основным положением меркантилизма? Нам кажется, что характерным моментом для всего меркантилизма является утверждение, что богатство одной нации может увеличиться только за счет уменьшения его у другой посредством внешней торговли. Все остальные положения являются производными и вытекают из этого основного». Вот основная идея, являющаяся стержнем всей работы. На стр. 9—11 я даю социально-экономический анализ положения меркантилистов: «Profit upon alienotion», доказывая, что отождествление денег с богатством не является характерной чертой меркантилизма. Приведу цитату из первой главы. «Меркантилизм складывался в обстановке переходной, когда хозяйство Европы переходило с рельсов натурального хозяйства на новые—денежные. Расширились меновые отношения, но способ производства остался без изменения. Производственная основа осталась прежняя. Но пионеры капитализма торговые капиталисты должны были доказать, что переход к новой системе выгоднее. Они должны были доказать, что новый хозяйственный порядок, носителями которого они являлись, приведет к расширению хозяйственной базы, к возрастанию богатства страны. Но как этого добиться при сохранении старой производственной системы? Остается одна область—торговля это посредствующее звено между производством и потреблением... Отсюда— . . . . . , т.-е. прибыль от отчуждения. Отсюда положение меркантилистов, что прибавочная стоимость создается в сфере обращения» (стр. 9-10). Все остальные главы, до VII включительно, подтверждают это основное положение на основе анализа экономической истории Англии.

Круссер, заявляя, что в работе нет «общей идеи», обязан был бы дать оценку этого положения под углом зрения марксистской методологии. Если этот анализ сущности меркантилизма представляет из себя «сумбурность мысли и «хаотический набор цитат», то не лучше ли было бы не быть голословным, а привести хотя бы эту небольшую цитату и сказать: «вот где сумбур мыслей». Такого рецензента можно было бы уважать хотя бы за... гражданское мужество. Но как назвать тот метод писать рецензию, который избрал Круссер?... Бросил камень и

убежал. Уважающий себя рецензент должен был сказать, верно или неверно это положение. Ни слова вы об этом не найдете у Круссера, который изобрел новый способ писать рецензии. «Марксистского анализа здесь, конечно, нет». Конечно?! Допустимо ли это, отделаться словом «конечно», когда речь идет о таком важном вопросе методологического значения?! Надо было привести хотя бы один пример, одно положение и доказать, что оно не марксистское. Возьмем, например, 47 стр., где мы читаем: «Каковы причины такой умеренной критики меркантилистической системы в Англии? Почему английская реакция против меркантилизма не привела к созданию новой системы, диаметрально-противоположной меркантилизму? Почему английская критика меркантилизма не договорилась до положения об исключительной производительности земледелия и бесплодности остальных отраслей хозяйства? Нам кажется, что ключ к пониманию этого умеренного тона мы должны искать в особенностях хозяйственного развития Англии...» Я был бы очень благодарен Круссеру, если бы он об'яснил мне, что это положение не марксистское, и почему именно! Но Круссер—не рецензент, а... наездник, совершивший неудачный кавалерийский наскок на первую попавшуюся ему книжку.

Четвертая особенность Круссеровской рецензии это критика опечаток и придирка к мелочам. Круссер почему-то ненавидит слово «итак», а этого достаточно для того, чтобы считать употребление этого слова стилистическим дефектом. Кроме того, Круссер считает преступлением перед стилистической грамотностью мой прием «вставлять в цитату пояснения в скобках, часто совсем лишнее, и каждый раз расписываться С. Р.».

Но почему эти вставки не соответствуют стилистической грамотности, я так и не узнал от Круссера. Я по «наивности» своей считаю, что эти вставки необходимы, когда добросовестно относишься к чужим мыслям. Приведу пример. На стр.10 я привожу следующую цитату из предисловия Ф. Энгельса к 2 тому «Капитала» Маркса: «Первое понимание ее было пониманием, вытекавшим из непосредственной купеческой практики»... Очевидно, что читатель не может понять, о чем идет речь, так как цитата вырвана из контекста. Поэтому, я делаю вставку, раз'ясняющую, что речь идет о прибавочной стоимости, а именно: «т.-е. прибавочной стоимости. С. Р.». Но так как эти слова принадлежат не Энгельсу, а Розенбергу, я считал необходимым расписаться: «С. Р.», чтобы читатель мог отделить слова Энгельса от слов Розенберга. Это—азбучная истина, но только для людей, обладающих хотя бы минимумом литературной добросовестности. Круссер, как видно, считает, что можно бесцеремонно относиться к чужим мыслям. Тогда, конечно, не только вставки, но и кавычки не нужны... Круссер обвиняет меня в... тяжком преступлении, в том, что, по техническому недосмотру, вследствие опечатки, я заставил Маркса родиться и жить в 18 веке. Он приводит следующую цитату из рецензируемой книги: «Крах практической программы физиократов привел к полному забвению и их теории. И только в средине 18 века стали опять интересоваться их идеями. К. Маркс первый дал ясный анализ физиократического учения». Круссер тут же добавляет: Автор даже Маркса отправил в XVIII век». О чем свидетельствует эта сентенция? Об очевидной идейной скудости рецензента. Ведь краснеть приходится за рецензента, который ничего не может сказать и критикует... опечатки.

Очень характерно, что, говоря о мелочах, Круссер приводит цитаты из моей работы и не остается голословным, но там, где «великим критиком», хранителем чистоты марксистской экономической науки, сформулированы важнейшие пункты обвинения—нет и намека на аргументацию. Не странно ли, читатель, что рецензент, не поленившийся привести цитату для подтверждения обвинения в том, что я заставил Маркса жить в 18 веке, считал излишним привести хотя бы один пример, один факт, который подтвердил бы голословный «обвинительный акт», составленный рецензентом.

Некоторые выводы:

1. Рецензию писать надо уметь. Для этого человек должен быть прежде всего добросовестным. Круссер этим свойством не отличается. Это во-первых.

2. Для того, чтобы писать рецензии, необходимо серьезное знакомство с той проблемой, которая трактуется в рецензируемой книжке. Круссер этим похвалиться не может. Это—во-вторых.

3. Рецензент должен аргументировать свои положения, а не просто их декларировать. Круссер этой азбучной истины не признает. Это в третьих.

4. Рецензия—это вещь серьезная. Поэтому нельзя ее превратить в критику заключительного союза «итак», вставки в цитату, опечатки. Это -в четвертых.

5. Наконец, нельзя превратить рецензию в простой перечень основных вопросов второй части работы, не вышедшей еще в свет.

ХРОНИКА

ПЯТИЛЕТИЕ ЖУРНАЛА «ПРОСВЕЩЕНИЕ СИБИРИ».

Единственному в Сибири общественно-педагогическому журналу исполнилось пять лет. Юбилей журнала был отмечен 4 апреля на краевой однодневной конференции корреспондентов «Просвещения Сибири». Были представители из Томского, Омского, Бийского, Иркутского, Кузнецкого и др. округов.

С докладом о пятилетней работе журнала выступил ответственный редактор журнала, зав. Краевым отделом народного образования тов. Голышев.

— Первый этап журнала (1923—1925 г.г.), сказал т. Голышев, был этапом агитации за советское просвещение, за марксистскую педагогику. Журнал тогда строился почти исключительно силами краевых и окружных ответственных работников отделов народного образования. Второй этап ознаменовался поворотом в сторону широких масс просвещенцев: в журнале стали принимать активное участие практические работники с мест, этот ценнейший местный материал занимает теперь свыше 80 проц. всего об'ема журнала. Мнения советской прессы в крае о «Просвещении Сибири» единодушно положительны так же, как и мнения педагогической печати в центре, так же, как и мнения многих учителей. Но у журнала есть недочеты, которых замалчивать не приходится: недостаточно, далеко не систематически освещаются вопросы быта, критики и библиографии, методики отдельных предметов, обще-политической жизни. Недостаточен и тираж журнала—6.500 экз. на двадцатитысячную армию сибирских просвещенцев.

Об организации читателей говорил А. Ансон, об организации корреспондентов—секретарь редакции И. В. Сорокин. Намечено провести читательские конференции во всех округах Сибири и ряд корреспондентских совещаний. Сейчас число корреспондентов журнала значительно увеличилось, но в дальнейшем он должен поставить себе задачей—ни одного района без корреспондента.

Конференция постановила усилить слабые отделы «Просвещения Сибири», увеличить об'ем журнала и количество иллюстраций, принять меры к более широкому росту тиража.

НОВАЯ КРАЕВАЯ ГАЗЕТА.

В Новосибирске начал выходить «Молодой Рабочий»—новая краевая газета. Газета ориентируется на широкие слои рабочей молодежи Сибири. Основная целеустановка газеты—по определению тов. Сырцова (приветствие которого помещено в 1 номере)—«помочь партии и комсомолу успешно организовать рабочую молодежь, вовлечь ее в социалистическое строительство, обеспечивая поднятие культурного и политического уровня».

ПЛОВУЧАЯ КНИЖНАЯ ЯРМАРКА.

В Иркутске началась подготовка к весеннему сплаву на Лене. Товары из Иркутска забрасываются санным путем на ленские пристани. Местное отделение Сибкрайиздата предполагает, по примеру прошлого года, организовать плавучую книжную ярмарку на Лене. Паузок с книгами отправится из Качуга до Якутска, с остановками во всех населенных пунктах в конце мая.

В этой книжной экспедиции принимает участие корреспондент газ. «Совсибирь» А. Маленький.

НОВЫЕ РАБОТЫ ПО ИСТОРИИ СИБИРИ.

Историческая секция ВСОРГО подготовила к печати целый ряд работ по истории Сибири, в частности Иркутска. Среди них работы: Н. С. Романова—«Иркутск за время управления приказчиками», В. И. Сосновского—«Революционное движение в Иркутске в конце XVII века», А. М. Поповой—«Партизанское движение среди семейских Забайкалья», В. С. Манасеина—«Тельминская суконная фабрика в XVIII и первой половине XIX столетий», Н. А. Люковой—«Северный морской путь». Часть этих работ, вероятно, войдет в очередной том «Известий ВСОРГО», который сейчас тоже готовится к печати.

Исторические изучения ВСОРГО развернулись широко лишь в последние годы. В настоящее время историческая секция поставила перед советом ВСОРГО вопрос об

издании продолжения «Иркутской летописи»—Н. С. Романова, доведенной им до 90-х годов прошлого столетия. Первая часть работы Романова была опубликована в 1914 г.

СИБИРСКАЯ КНИЖНАЯ ПАЛАТА.

Сибирская книжная палата уже насчитывает до 6.200 томов по вопросам сибиреведения. С дальневосточной книжной палатой (в Хабаровске) Сибирская книжная палата обменивается книгами. В книжной палате произведена каталогизация изданий 1927 г. и всей литературы, поступившей в 1928 г., но литература за прежние годы еще не приведена в порядок.

До сих пор палата ютится в помещении музея произв. сил Сибкрая. Поэтому большая часть книг находится в подвальном помещении. Книжная палата является в то же время книжным распределителем: из 11 экз. получаемых книг (каждая книга получается палатой в этом числе экземпляров) 10 экземпляров рассылается по книжным хранилищам Сибкрая.

ПЕРВЫЙ МЕСЯЧНИК ПО ИЗУЧЕНИЮ ЧИТАТЕЛЯ

Иркутский окрполитпросвет проводит первый в Сибири месячник по изучению читателей. Усольская и Черемховская районные библиотеки изучают читателя-рабочего, остальные районные библиотеки—крестьянина-бедняка. Особенное внимание уделяется молодежи.

Эта новая работа должна выявить спрос читателя на книгу, учесть, что читается, и собрать отзывы о прочитанном. На основе полученных материалов будет налажено правильное комплектование библиотек новыми книгами.

КРАЕВОЕ СОВЕЩАНИЕ КНИЖНЫХ РАБОТНИКОВ.

Происходившее в конце марта краевое совещание работников Сибкрайиздата было особенно многолюдным и прошло исключительно деловито.

Руководитель Сибкрайиздата М. М. Басов отметил роль книги в культурной революции, особенно в Сибири, где пролетарская прослойка очень слаба, культурных учреждений и работников мало.

Распространение книги в Сибири неудовлетворительно. В наших деревнях одна книга приходится на 15 чел., в городах—одна книга на полуторых человек, иначе говоря, в несколько раз меньше, чем в европейской части СССР и за границей. Наши библиотеки убоги, особенно школьные.

Нехватает иногда учебников. Краеведческим учебником Сибирь удовлетворяет свои потребности на 60-70 процентов. Этот учебник имеет большой спрос: прежние издания разошлись без остатка, новые печатаются одновременно в типографиях Омска, Томска и Новосибирска в колоссальном, небывалом для Сибири тираже: тираж сибирского букваря намечен в 180 тысяч экземпляров.

Горячие прения вызвал вопрос: давать ли книги из магазинов на чтение. Старые книжники возражали: нельзя, это коммерчески невыгодно, не практично. Молодежь говорила наоборот:

— Книжный магазин, особенно в маленьком городе или в селе, должен всячески привлекать читателей и покупателей.

Совещание решило провести в рабочих районах и крупных селах в виде опыта отпуск книг на прочтение. Будет выдаваться беллетристика, научно-популярная литература и прикладная.

Постановлено также провести опыт торговли книгой в разнос—на улице и в общественных местах раскладывать на столах или просто на рогоже удешевленные книги.

И, наконец, самое важное: постановлено книжные магазины устроить однотипные, так, чтобы каждый округ, каждый промышленный или сельско-хозяйственный район нашел в подборе книг свое отражение. И коммерческий, и культурный результат такой типизации будет несомненно крупным и положительным.

КАК ИДЕТ РАБОТА ПО ИЗДАНИЮ «СИБ. СОВ. ЭНЦИКЛОПЕДИИ».

Работа по изданию «ССЭ» чрезвычайно сложна и неизбежно длительна. Прошлым летом и осенью составлялся и обрабатывался так называемый «словник»—собрание отдельных слов, об'яснение коих и является задачей Энциклопедии. Это сложное и кропотливое дело заняло полгода. В Энциклопедию намечено включить свыше семи тысяч слов (понятий), и каждое из них надо было тщательно обдумать, сопоставить с другими близкими смыслу словами, определить точно установленное для каждого место, дабы одно и то же понятие не пришлось повторять в разных разделах.

Ряд заседаний редакц. коллегии обсуждал отдельные слова, отклоняя одни, принимая другие. Затем принятые слова заносились каждое на отдельную карточку, тысячи карточек складывались в том порядке, в каком данные слова войдут в энциклопедию, и авторам-сотрудникам посылались заказы дать текст на такое-то слово (тему).

С ноября в редакцию начали поступать заказанные рукописи. До сих пор поступило 3000 рукописей. С каждым днем приток их быстро увеличивается, теперь они уже поступают ежедневно десятками, а через два месяца они должны быть в портфеле редакции все полностью, ибо в конце июня все три тома «ССЭ» необходимо сдать в печать.

Предварительная подписка на «ССЭ» идет удачно, она достигает уже восьми тысяч экземпляров. Заказы поступают из всех округов Сибири, Дальнего Востока, из других областей СССР и даже и из-за границы—из Китая, Японии, Америки.

В редакционную коллегию «ССЭ» входит 30 чел., над составлением словника работало около 100 человек, а общее количество сотрудников (авторов текста) свыше 400 человек.

К составлению статей и заметок привлечены не только все сибирские научные силы, но и крупнейшие ученые СССР; академик Ферсман, проф. Обручев, пр. Вейнберг и др. и даже некоторые иностранные ученые, например, известный финляндский археолог проф. Тальгрен, считающийся одним из лучших знатоков сибирской археологии.

Параллельно с подготовкой текста идет работа и технического характера.

В Омске и Москве печатаются десятки физико-географических карт: климата, почвы, растительности, животного мира, народонаселения и проч. Каждый округ Сибири будет иметь в энциклопедии подробнейшую карту всех своих районов. Каждый город будет иметь свой подробный план.

Чертежники и художники выполняют двести диаграмм, портретов и рисунков к тексту.

Первый том выйдет не позднее 1 октября, остальные два тома выйдут в ноябре и декабре.

ПЕРВЫЕ КНИГИ НА ХАКАССКОМ ЯЗЫКЕ.

Хакасской переводческой комиссией и окрОНО изданы, при посредстве Центрального Издательства народов СССР, 7 книг на хакасском языке. Напечатаны задачник, книга для чтения второго года обучения и брошюра о воспитании детей—«Мать, береги здоровье ребенка».

Для политико-просветительной работы изданы три пьесы: сельско-хозяйственная агитка (Топанов), агитирующая за борьбу с арьянокурением (Коков) и пьеса к Международному дню работницы (Топанов). Кроме того, напечатана брошюра «Долой неграмотность», куда вошли выдержки из речей, обращений М. И. Калинина.

Готовы к печати две брошюры о воспитании детей: «Почему нельзя ребенка наказывать» и «Почему дети становятся суеверными». Всего о воспитании детей будет издано 11 брошюр, из них три нынче. Готовы к печати 4 детских книжки: «Рассказы Неверова» и др. Готовятся к изданию научно-популярные книжки: «Происхождение мира», «Уход за животными» и «Будем сильны и здоровы».

Намечено также отпечатать хакасско-русский и русско-хакасский словари. Они подготовляются к сдаче в печать.

КНИГИ ДЛЯ МУЗЕЯ БУРЯТИИ.

На запрос бурправительства в центр о пополнении ценными историческими материалами музея республики Наркомпрос РСФСР отпускает для музея дубликаты ценных книг.

Кроме того, из государственного музейного фонда будут выделены необходимые коллекции и усилено будет снабжение Бурятии книгами через центральную книжную палату.

НОВЫЕ КНИГИ О ДАЛЬНЕ-ВОСТОЧНОМ КРАЕ.

Акционерное общество «Книжное Дело» подготовляет к печати научный труд инженера-геолога Аннерта — «Богатства недр Дальнего Востока». Книга охватывает месторождения всех ископаемых, как обследованных, так и необследованных. Об'ем книги около 1050 стр. и 60 карт. Редактирует книгу проф. И. А. Преображенский и П. И. Алексеевский.

ЧЕСТВОВАНИЕ ТОВ. ТРУБАЧЕЕВА.

В бурят-монгольском национальном клубе (Верхнеудинск) состоялось торжественное чествование народного комиссара здравоохранения т. Трубачеева, по случаю его 25-ти летней врачебной деятельности.

На торжественном заседании БурЦИК'а, посвященном юбиляру, выступили зам. пред. БурЦИК'а т. Убугунов, отметивший заслуги т. Трубачеева перед Бурятией, и ряд общественных деятелей и врачей, работавших в Бурятии вместе с т. Трубачеевым. Зачитана приветственная телеграмма из Москвы от народного комиссара здравоохранения СССР т. Семашко и ряда других организаций и работников с мест.

БурЦИК преподнес т. Трубачееву грамоту—бархатную папку с серебряными орнаментами и надписями. Кроме того, были поднесены подарки и адреса от ряда общественных организаций.

ПЕРВЫЙ ВЫПУСК ВОСТФАКА ГДУ.

6 марта состоялась первая защита дипломной работы на Восточном факультете Государств. Дальне-Восточн. Университета, студента Н. В. Пак, окончившего курс в июне 1927 года. Испытание производила квалификационная комиссия, под председательством проф. Гребенщикова, с участием представителей профсоюзов.

Новому советскому дипломату задавалось много вопросов с целью выявить его общую подготовку. Тов. Пак справился со

своей задачей. Его дипломная работа произвела благоприятное впечатление.

В ближайшую сессию квалификационной комиссией будет заслушан еще ряд дипломных работ студентов, окончивших востфак ГДУ. Этим открывается выход востфака на широкую общественную и советскую работу. В связи с новым учебным планом и реформами востфака, последний будет выпускать экономистов и востоковедов.

25-ТИЛЕТИЕ НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА.

Исполнилось 25-тилетие омского общества практических врачей.

В дореволюционное время общество практических врачей в Томске представляло собой профессиональную организацию медиков, и члены общества вели большую общественную работу. При активном участии профессоров Лобанова, Зимина и доктора Пирусского были организованы ночные бесплатные дежурства врачей, впоследствии перешедших окрздраву.

При советской власти общество направило свои силы к разработке врачебных и санитарных вопросов, изучению врачебного быта и постановки врачебно-санитарного дела.

За последние два-три года деятельность общества развернулась очень широко. Общество имеет целый ряд секций по специальностям врачей, которые ведут свою работу совместно с секцией врачей союза медсантруд.

За выдающуюся деятельность общество врачей наградило званием почетных членов профессоров Лобанова, Зимина и доктора Пирусского.

К ИЗУЧЕНИЮ ШАМАНИЗМА.

Исполнилось 10 лет со дня смерти Н. М. Хангалова—известного шаманиста. Н. М. Хангалов был одним из первых бурят, который сумел в 70-80 годах 19 столетия получить образование и посвятить свою деятельность просвещению родного народа и изучению его быта, в частности шаманизма.

Первые и лучшие труды свои о «шаманстве среди бурят» Н. М. Хангалов составил по записям у Кудинских шаманов Белехея, Тыгшея и др. (Булагатский хошун). В последний раз он приезжал сюда в 1910 году летом о описывал обряды бурятской свадьбы с натуры.

СКОНЧАЛСЯ НАРОДОВОЛЕЦ ДАВИДЕНКО.

В Иркутске скончался один из старейших ветеранов революции—бывший народоволец Филипп Яковлевич Давиденко. Покойный родился в 1860 году в Киеве. 17-тилетним гимназистом он примкнул к кружку революционной молодежи, подготовлявшей покушение на Александра II. В 1879 году царский суд приговорил Давиденко к смертной казни, которая была заменена 20 годами каторги. Давиденко провел 14 лет в ссылке в Нерчинском округе и 5 лет в Якутии.

20-ТИЛЕТИЕ ЛИТЕРАТУРНОЙ РАБОТЫ В. КАЛАШНИКОВА (КРУЧИНИНА).

Газета «Красноярский Рабочий» отметила 20-тилетие литературной деятельности «забытого поэта» В. С. Калашникова (псевдоним Вит. Кручинин).

В. С. Калашников начал свою работу с 1908 года в красноярских газетах стихами «Последний шаг», «Школа в деревне» и друг., потом перешел в сибирские журналы. Попутно в поисках заработка Калашников с 1912 года начал картонажное дело и достиг в этой области большой художественности. В 1918 году он выступил с этими работами на выставке местных художников и имел успех. В 1920 г. он занялся изображением сухими осенними листьями сибирского пейзажа. Аппликационные работы эти в высшей степени оригинальны и прекрасно выполнены.

Энергию Калашникова не утомила ни революционная борьба (он подпольщик 1905 года), ни материальная нужда, ни тяжкие недуги.

ОРНИТС В СИБИРИ.

Вскоре по опубликовании декларации инициативной группы ученых и специалистов об организации нового общества, поставившего своей целью активное содействие социалистическому строительству на основах, возвещенных Октябрьской революцией (ОРНИТС), в среде работников о-ва изучения Сибири и ее производительных сил возникла мысль об организации Сибирского отделения ОРНИТС.

В настоящее время, в связи с утверждением устава о-ва, как всесоюзной ассоциации (ВАРНИТСО), оформлена организация инициативной группы в Новосибирске, выделено временное бюро в составе т. т. Вегмана, Черемных и Скворцова и кандидатов—Краснова и Гайсина.

НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В БИЙСКЕ.

В Бийске, вместо прежнего «Общества изучения Алтая», организовалось «Общество изучения Бийского округа». Количество членов быстро прибывает.

Отличительной особенностью нового общества, по сравнению с прежним, является постановка им конкретных задач в области изучения естественных богатств, народонаселения, культуры, экономики. Общество разбилось на три отделения—естественно-историческое, экономическое и культурно-бытовое. Все отделения приступили к работе.

НОВОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО В ИРКУТСКЕ.

При Иркутском университете создано новое научное о-во изучения литературы, языка и искусства. Общество ставит себе более широкие цели, чем историко-литературная секция ВСОРГО, которая является краеведческой организацией и изучает, главным образом, сибирскую литературу и искусство. На открытии нового о-ва проф. М. Н. Алексеев прочел доклад «О. Уайльд и русские революционеры». В ближайшем будущем общество предполагает отметить исполнившийся в этом году юбилей Вольтера.

БАЙКАЛЬСКИЙ ПИТОМНИК РАСШИРЯЕТСЯ.

Сибирское земельное управление передало Сибкрайгосторгу «Первый государственный питомник пушных и копытных зверей на Байкале». На переоборудование питомника, его расширение, содержание обслуживающего персонала и кормление зверей Сибкрайгосторг решил затратить около 60.000 руб.

СИБИРСКИЙ СЕВЕР НА ПОЛОТНЕ.

Недавно состоявшейся в Иркутске выставке картин худ. Овчинникова писатель Ис. Гольдберг посвящает в газете «Власть Труда» следующие строки:

— Здесь мало шаблонного представления о крайнем Севере нашей Сибири. Вместо канонических холодных тонов, которые в представлении иных художников определяют страны, лежащие за полярным кругом, в царстве северного сияния, у Овчинникова смелое и яркое сверкание трепетных и согревающих красок. У него север расцвечивается многокрасочно и богато. Это волнует и заставляет вглядеться в его работы. Даже учитывая недостатки, нельзя отрицать крупного значения выставленных Овчинниковым работ. Художник по-своему показывает север и показывает не плохо.

Из выставленных работ безусловно хороши пейзажи Монголии, вещи, посвященные побережью Охотского моря. Выставка радует какой-то свежестью и бодростью.

В культурной жизни нашего края выставка картин художника Овчинникова—явление, мимо которого нельзя пройти молча.

ПЕДТЕХНИКУМ В ОЙРОТИИ.

Коллегия СибОНО признала необходимым создать в Ойротии в 1928-29 г. педагогический техникум. Новый педтехникум будет вторым в Сибири учебным заведением, подготовляющим педагогов нацмен. Сейчас в Томске работает татарский педтехникум. Вопрос о педтехникуме уже прорабатывался в Наркомпросе, который проектировал создание единого алтайского педтехникума. Коллегия СибОНО создание алтайского педтехникума признала нецелесообразным.

ПРОФ. ОГОРОДНИКОВ В НЬЮ-ИОРКЕ.

На международный конгресс американистов личное приглашение получил профессор В. И. Огородников. Конгресс соберется в сентябре в Нью-Йорке.

НОВАЯ КУЛЬТБАЗА ДЛЯ ТУНГУСОВ.

Иркутский Комитет Севера приступил к созданию в Верх-Тутурском стойбище второй тунгусской культбазы. Сейчас там уже производится заготовка леса для постройки школы. ОкрОНО отпустил на это дело 7.300 рублей.

Кроме школы, надо построить врачебный пункт, торговую базу и хлебозапасный магазин. Построить эти здания намечено в 1929-30 г. г. Комитет Севера возбуждает перед центром ходатайство об отпуске необходимых средств. Требуется всего 42.130 руб. Культбаза поможет тунгусам быстрее выполнить уже начатый переход к высшим формам хозяйствования—животноводству и земледелию.

1 ШКОЛА-ИНТЕРНАТ ДЛЯ УМСТВЕННО-ОТСТАЛЫХ ДЕТЕЙ.

В скором времени открывается краевая школа-интернат для умственно-отсталых детей на 60 чел. Для глубоко отсталых детей и эпилептиков Крайздрав в 28-29 бюджетном году организует особое детучреждение.

ЛИКВИДИРУЕМ НЕГРАМОТНОСТЬ.

Ликвидация неграмотности в Сибири проходит с большими затруднениями. У населения и сейчас еще преобладает требование на обучение детей, а не взрослых. В результате в ликпунктах до сей поры обучаются переростки. Целый ряд районов часто не использует кредитов, отпускаемых ликпунктам.

Работа по ликвидации неграмотности по плану должна быть закончена в 1934-35 году. В первые пять лет, начиная с нынешнего года, план ликвидации неграмотности в Сибири предполагается выполнить на 75 процентов, обучить около миллиона взрослых. Из них за счет бюджетных средств намечено обучить 647.000 чел., остальные должны быть обучены силами профсоюзов и общественных организаций и в первую очередь ОДН. К 1935 году еще останутся неграмотные среди культурно-отсталых народностей, особенно среди народностей севера Сибири.

КУЛЬТУРУ ТУНГУСАМ.

Нельзя не отметить значительных достижений в культурно-просветительном отношении тунгусского населения.

Три тунгуса учатся в Ленинградском институте живых языков и одна тунгуска—в В.-Удинской совпартшколе.

За последнее время заметно усилилась тяга тунгусов к просвещению. Так, летом 1927 г. один из горных тунгусов Шангин Никифор, 18 лет, в течение месяца у одного из членов РИК'а научился читать и писать. Взяв после этого книжку-букварь с собой в горы, он сумел привлечь к грамоте и других молодых тунгусов. По выходе из гор, в декабре п. года, все они, до 5 человек, пришли в РИК и стали просить книжки; РИК'ом просьба была удовлетворена.

Летом 1928 г. предположено открытие передвижного ликпункта для тунгусов.

Заметен массовый переход горных туземцев к оседлому образу жизни, о чем свидетельствуют постройки зимовий—домов: в текущую зиму сдано до 15 подрядов на постройку зимовий. До сего времени зимой тунгусы жили в юртах, крытых берестой, и не имели возможности строить дома. Теперь же они из своего промысла уделяют до 200 рублей на постройку, а неимущие субсидируются из своих родовых кресткомов.

Заметна тяга и к медпомощи: даже из дальних гор туземцы приходят лечиться в обследовательском врачебном отряде.

ВЫСТАВКА СИБИРСКОГО СЕВЕРА.

Сотрудники экспедиции, производившей в течение 1½ лет (1926-1927 год) статистическую перепись в Туруханском крае, привезли массу ценного материала, характеризующего хозяйство и быт туземных народов нашего севера. Такого полного и нового материала о нашем севере еще не давала ни одна из экспедиций в прошлом.

Работа по подготовке выставки ведется в Красноярском окрстатбюро. Здесь уже собрана масса очень интересных экспонатов, в виде предметов обихода, одежды, моделей построек и орудий промысла, зарисовок художника Лекаренко (участника экспедиции), диаграмм, карт, фотографий и т. д. Предполагается и Красноярску и другим городам Сибири дать возможность ознакомиться с этой ценнейшей выставкой о нашем севере.

В ТРОИЦКОСАВСКОМ КРАЕВОМ МУЗЕЕ И ГЕОГРАФИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ.

С 1926 года в музее возобновились плановые работы.

В 1926 году сделана поездка в район реки Джиды. Обследованием собран геологический материал—до 700 образцов, сведения по охотничьему промыслу, собирались материалы по доисторическому прошлому и истории края. В 1927 г. обследован район Гусиного озера. Собраны сведения о курганах, о прошлом и настоящем района и о быте бурятского населения. Обследован Гусиноозерский дацан.

Подготовляется работа по охотничьему промыслу в южной части Прибайкалья. Эта работа будет пополняться сведениями по охотничьему промыслу в предгорьях Малого Хамар-Дабана, в бассейне реки Темника.

Материалы некоторых обследований обработаны и подготовлены к печати.

Троицкосавско-Кяхтинское отделение географического о-ва имеет тесную связь с ученым миром не только нашей страны, но даже с заграничным.

Обществом было произведено обследование Агинской степи, ее фауна и флора, экскурсия дала массу естественно-исторических экспонатов и описаний. Теперь о-во и музей поставили своей задачей провести экскурсию в Баргойскую степь (Селенгинский аймак) с целью изучения ее и учета емкости этой степи в отношении эксплоатации.

Достижением в работе музея в революционные годы является то, что интерес к его работе среди населения растет с каждым годом.

За последнее полугодие (с октября) музей посетило 6 тысяч человек. Главным кадром посетителей являются крестьяне и буряты.

Коллегия Бурнаркомпроса, заслушав отчет председателя Троицкосавско-Кяхтинского отделения географического общества и директора музея—т. Михно, отметила в своей резолюции долговременную и многополезную деятельность самого т. Михно.

3 октября 1928 г. т. Михно будет справлять сорокалетний юбилей своей научной деятельности, а отделение Географического общества и музей—сорокалетие своего существования.

УДАЧНЫЕ РАСКОПКИ.

Сотрудник Иркутского музея Герасимов обнаружил в селе Мальте стоянку первобытного человека, которая по богатству найденных предметов может считаться единственной по Сибири. После раскопок найдены зубы мамонта, масса клыков и костей, рога северного оленя, кости белого медведя, древнейший очаг. Все это заставляет предполагать, что открытые предметы являются остатками стоянки первобытного человека древне-каменного века. Эта находка, может быть, внесет новую страницу в изучение наших первобытных предков.

Почти одновременно в Томский музей доставлены очень ценные 86 предметов по нарымской бронзе, найденные на горе Кулайка, по реке Чае, на территории Нарымского края. Материал этот датируется, примерно, I—VI веком.

Весной организуется экспедиция для археологических раскопок в этом районе. Наличие найденного материала под'емного происхождения в таком количестве без спе-

циальных сборов дает основание предполагать в районе реки Чаи богатые материалы по нарымской и среднеобской бронзе, что представляет собой чрезвычайно крупное научное значение.

Гора Кулайка расположена на самом берегу реки Чаи и сильно подмывается весенней водой, что грозит гибелью этих археологических ценностей.

ДОКУМЕНТЫ О БЕРИНГЕ.

В иркутском архиве найдены дела и документы о второй экспедиции Беринга, совершенной в 1736 году. Это вызвало большой интерес среди западных ученых. Ныне член датского географического общества Шенебек обратился в ВСОРГО (Вост. Сиб. Отд. Геогр. О-ва) с просьбой сообщить, какого рода эти документы, каково их содержание и т. д. Шенебек просит также выслать фотографические снимки с документов.

Документы экспедиции Беринга обрабатывает и подготовляет к печати профессор Иргосуна Лаптев.

В ЗАБАЙКАЛСКОМ ОТДЕЛЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОГО О-ВА.

Секция растительных культур при ЗОРГО намечает широкую практическую работу. В результате ряда докладов специалистов выясняются большие перспективы развития плодоводства в Забайкалье. Уже в нынешнем году секцией будет поставлен ряд опытов по культивированию плодовых деревьев. Широко также будет развернуто опытное дело на опытном поле ЗОРГО в целью привлечь внимание широких слоев городского и сельского населения, связанного с делом огородничества и садоводства.

НАШИ МУЗЕИ.

Всего в Сибирском крае 13 крупных основных музеев. Из них старейший—Иркутский, возникший в 1853 г., на втором месте—Минусинский, а самый молодой музей в Улале, открытый в 1927 году. Общий музейных фонд—чрезвычайно крупный и ценный. Уже на 1 января 1927 г. музеи Сибкрая имели до 500.000 предметов: на первом месте по количеству экспонатов стоит Красноярский музей—140.000 предметов, далее идут: Омский—108.000 предметов, Минусинский—86.000 предметов, Иркутский—46.000 предметов. Новосибирский музей имеет 12.000 предметов. Библиотечный фонд музеев достигает 168.000 томов: Минусинский—62.000 т., Красноярский—60.000 т. идут на первом месте. Быстро растет отдел экономики при всех музеях. Необходимо отметить крупное значение, которое приобрели сейчас Барнаульский и Енисейский музеи. Все музеи переведены на местный бюджет. За период с 20 по 26 год музеи организовали и провели в Сибири свыше 100 научных экспедиций.

КРАЕВЕДЧЕСКИЕ МУЗЕИ СИБИРСКОГО КРАЯ.

Небезынтересны данные о численном составе основных отделов краеведческих музеев Сибирского края. Число краеведческих музеев в крае (не считая школьных, педагогических и специальных)—13, общее число предметов в них к 1 января 1927 г. по предварительному подсчету—493.00.

По отделам коллекции распределяются таким образом: геологии, минералогии и палеонтологии—32.000, ботанике—130.000, зоологии—71.000. Общее число предметов в цикле естественно-исторических отделов—281.000.

В цикле производственно-экономических отделов—13.000 предметов.

По отделу археологии—74.000, этнологии—25.000, истории——37.000 (в том числе по нумизматике—22.000), искусству—4.300. Общее число предметов по культурно-историческому циклу—182.000.

СНОВА ЗА ТУНГУССКИМ МЕТЕОРИТОМ.

Через Новосибирск проехал на Нижнюю Тунгуску Л. А. Кулик—руководитель экспедиции по поискам тунгусского метеорита. Союзный Совнарком отпустил на эту экспедицию 8.000 рублей. Л. А. Кулик закупил весь необходимый инструментарий и едет на место падения метеорита с научным сотрудником Академии В. Сытиным. Из Тайшета Л. А. Кулик отправится на факторию Вановара, где будет организована база экспедиции. В Вановаре т. Кулик закупит оленей, наймет рабочих и санным путем отправится на Тунгуску. Л. А. Кулик предполагает пробыть на Тунгуске 8 месяцев для того, чтобы произвести всестороннее топографическое обследование места падения метеорита.

Академик Ферсман на заседании Союзной Академии сделал сообщение о важности метеоритной экспедиции и большой заинтересованности научных и административных кругов Сибири в продолжении ее работ.

Как известно, метеорит упал в 1908 году и только в 1927 году Л. А. Кулику удалось обнаружить место падения этого, исключительного по своему значению, метеорита.

ОРГАНИЗАЦИЯ ТУРИЗМА.

Общество изучения Сибири и ее производительных сил положило начало организации сибирского филиала о-ва туристов. 23 марта состоялось собрание членов этой инициативной группы.

В этом сезоне намечаются три основных группы маршрутов: Алтай, как основная экскурсионная база, Енисей и Байкал.

Экскурсии намечаются дальние, ближние и загородные.

Работая в тесном контакте с о-вом изучения Сибири, в целях экономии сил и средств, инициативная группа наметила общий план своей организационной деятельности. Своим работам группа придает краеведческо-исследовательский уклон. О-во подготовляет к печати сборник «Спутник туриста по Сибири» размером 5 печатных листов.

ОБСЛЕДОВАНИЕ БУРЯТИИ.

Через Иркутск проехала в Москву правительственная комиссия РСФСР, закончившая обследование пятилетней деятельности правительства автономной Бурятии.

Комиссия установила, что у БМАССР имеются значительные успехи на хозяйственном фронте, отсталые массы вовлечены в советское строительство. Животноводство перешагнуло довоенную норму на 20 проц., кооперировано до половины населения. По сравнению с 1923 годом число грамотных увеличилось вдвое.

Из недочетов отмечены—недостаточность медицинской помощи, большая смертность детей, слабая бурятизация аппарата. Плохо ведется борьба с ламаизмом—содержание лам обходится населению дороже, чем уплата налога.

Несмотря на большие трудности, Бурятия уверенно строит социализм—таков общий вывод комиссии. Она признала необходимым открыть в Верхнеудинске рабфак и два техникума.

ЭКОСО РСФСР признал необходимым произвести в этом году в Бурят-Монгольской АССР новые научно-исследовательские работы, необходимые для развития ее народного хозяйства.

Будет продолжено исследование месторождений железных руд в районе горы Балгабар, произведено детальное исследование рек Южно-Байкальского района—Снежной, Перемой, Мишихи, Мысовой и Мантурихи—для получения материалов о расположении будущих электростанций. Будут также продолжены геологические обследования месторождений железных руд в Мысовском районе и закончено исследование запасов бадана.

ГЕРМАНСКИЕ УЧЕНЫЕ В БУРЯТИИ.

В Бурятию в конце мая прибудет из Германии экспедиция германских ученых в составе двадцати человек, во главе с профессором Иесснером и серологом Клопштоком. К экспедиции, для совместных работ, будут прикомандированы врачи от Наркомздрава РСФСР и заслуженный профессор Броннер, заведывающий отделом социальных болезней НКЗ РСФСР. Целью экспедиции является изучение сифилиса и наблюдение по антропологии.

Вся научно-исследовательская работа экспедиции будет сосредоточена в Хоринском районе с центром в Кульской больнице. В больнице будет организован рентгеновский кабинет и устроен стационар на десять коек.

Экспедиция займется антропологическими наблюдениями и обследованием района вообще.

Все расходы по снабжению экспедиции лабораторной аппаратурой, микроскопами, рентгеном и пр., а также оплату труда немецкой части экспедиции принимает на себя Германское общество содействия научно-исследовательской работе.

ВОЗДУШНЫЕ ПУТИ СИБИРИ.

По Верхнеудинской воздушной линии «Добролета» перевезено уже до 500 пассажиров и 1.150 килограмм почты. Самолетами сделано 203 рейса общим протяжением 150 тысяч километров. Слабо развита воздушная почта, т. к. она идет только из Верхнеудинска в Монголию. Пересылка почтовой корреспонденции аэропланами из Монголии монгольским правительством не разрешена, несмотря на ряд попыток со стороны «Добролета» договориться с правительством. Нагрузка самолетов достигла 70 проц.

В марте Верхнеудинск посетил директор правления «Добролета» т. Погодин для инспектирования воздушной линии Верхнеудинск—Ургa и работ по предстоящей организации воздушной линии Иркутск—Якутск.

В апреле в Иркутск прибыла группа специалистов из общества «Добролет» для подготовки к открытию новой воздушной линии Иркутск—Якутск. От этой основной линии будет ответвляться другая, от села Саныяхтат (на Лене) до Алданских приисков. Полеты на обеих линиях начнутся с июля. Их будет обслуживать большой трехмоторный самолет «Лянд унд Вассер» (по-немецки—«земля и вода»). Он впервые применяется в СССР и способен садиться на воду и на сушу. В кабинке самолета имеется 8 мест для пассажиров.

Кроме того, «Добролет» окончательно решил перенести из Верхнеудинска в Иркутск конечную станцию монгольской линии (на Ургу) и свои авио-мастерские. Таким образом, здесь будет создан узловой пункт воздушных сообщений. Создание этого узла должно ускорить открытие постоянной воздушной линии Иркутск—Москва.

57 ТЫСЯЧ ФИЗКУЛЬТУРНИКОВ.

Весеннее краевое совещание по вопросам физической культуры подвело итоги работы в Сибири. Рост физкультурного движения в Сибири охарактеризуется следующими цифрами: на 1 октября

1927 года по краю насчитывалось 45.470 занимающихся. На 1 же апреля число кружков выросло до 509 с 57.671 чел. занимающихся. Процент рабочих в кружках—30,2, крестьян—32,7, служащих—44,1. Членов ВКП (б)—2,7 и членов ВЛКСМ—30-35 проц.

Инструкторов физкультуры нехватает. По норме на одного инструктора должно быть 60 занимающихся, а у нас в Сибири приходится 415. Нагрузка не по силам. С врачебным контролем плохо. Всего по краю 15 штатных врачей, которые с работой справиться не в состоянии.

ДОСТИЖЕНИЕ ИРКУТСКОЙ ОБСЕРВАТОРИИ.

Иркутская метеорологическая обсерватория обогатилась новым прибором—«Актинографом для рассеянной и отраженной радиации». Как достижение, следует отметить, что прибор сконструирован коллективным трудом научных сотрудников обсерватории (под руководством В. Я. Трутнева), при чем его изготовление обошлось на 400 рублей дешевле фабричной стоимости.

Новый «Актинограф» механически записывает приток тепла, отражаемого в каждый отдельный момент небом и облаками. Наблюдения подобного рода ведутся только в пяти метеорологических пунктах СССР.

4.000 РАДИО-УСТАНОВОК.

В январе 1928 г. радио-приемников в Сибирском крае насчитывалось приблизительно 3.000. Теперь эта цифра выросла до 4.000. На Новосибирск падает 1170 установок, на Новосибирский округ—около тысячи, а все остальные—в городах и деревнях края. Большинство—индивидуальные радио-установки. Наблюдается также коллективная установка за счет самообложения путем добровольных взносов, платных постановок и т. п. Пример показала деревня Вторая Троицкая, Каргатского района. Жители—все больше бедняки. Они наскребли нужную сумму—давал, кто сколько мог, и поставили антенну. За один месяц сделано 20 радиоустановок за счет самообложения.

Новосибирский окрисполком заключил договор с крайотделом ОДР о регулярном обслуживании радиофицированных районов. Специальные инструктора-техники не меньше раза в течение трех месяцев консультируют ячейки ОДР, инструктируют их, исправляют те или иные повреждения радио-аппаратов.

20 марта в Новосибирске открылись краевые курсы для подготовки специально сельских радиотехников. Эти курсы помогут развить радификацию деревни.

Значительны достижения по радиостроительству и в Бурят-Монголии. Бурятское общество друзей радио организовало радиотехническую и коротковолновую секции, организовало 14 ячеек с 500 членов ОДР, устроило за свой счет радиоораторную установку для передачи местных радиогазет и радиоконцертов, а также приемную опытную радиостанцию, Москву, Новосибирск, Иркутск, Харбин, Шанхай и много других станций.

Правительство Бурят-Монголии к двухлетию годовщины ОДР предложило обществу составить докладную записку на запроектированные по местному бюджету на 1928-29 г. 25.000 руб. на радиостроительство и разрешило провести большую вещевую лотерею, выпустить подписные листы и провести вызовы в печати на сумму 40.000 р.

НОВЫЕ СИБИРСКИЕ ФИЛЬМЫ.

Акционерным обществом «Кино-Сибирь» выпущена новая фильма «Золотое Дно». Фильма хороша, если не считать нескольких длиннот и мелких ошибок. Перед зрителем проходят живые картины роста сибирского маслоделия. Хорошо показан переход от «кринючного» маслоделия к крупному механизированному производству. Живо и интересно сделаны кадры об условиях, в которых зимует сибирская корова, выгода от массового производства и целый ряд других моментов. Остроумно и чисто сделаны мультипликационные части фильмы, особенно та часть, где сибирские коровы «громят» поезд с жмыхами, отправляющийся в Данию.

Недостаточно отображен в фильме быт деревни и влияние коллективизации на доходность от животноводства.

«Кино-Сибирь» получила от Сибмаслосоюза заказ на 40 экземпляров «Золотого Дна». Каждый округ края будет иметь один собственный экземпляр кино-фильмы. Несколько экземпляров фильмы заказано европейской частью Союза. Два экземпляра делаются с русско-казакскими надписями (для Семипалатинской губернии). Экземпляр фильмы для Ойротской области делается также с надписями на ойротском и русском языках.

— Режиссер К. Вецель и оператор Н. Досекин выехали в Тайшетский и Зиминский районы для зас'емок экспортных лесных заготовок. Эти зас'емки войдут в фильму о Карской экспедиции—«Великий Северный Путь». Летом с Карской экспедицией «Кино-Сибирь» командирует группу работников для зас'емок по сценарию фильмы «Великий Северный Путь». Попутно будут засняты жизнь и быт туземцев Севера.

— Организуется с'емка кино-фильмы «Бурреспублика». Вводную часть фильмы займут виды Бурятии. В районе «Приангария»—западные аймаки будут засняты:

обработка полей, покосы, пастбища, река Ангара. Далее намечено к заснятию оз. Байкал—в тихую погоду, в шторм, Баргузин остров, Ольхов, Байкальские горы и Кругобайкальская железная дорога.

Намечено также провести с'емки, отражающие жизнь и быт иркутских, тункинских и агинских бурят, их жилища, предметы обихода и труда, национальные танцы и игры, религиозные моменты—ламство, шаманство, земледелие, скотоводство, охота, рыбная ловля и ремесленничество.

Вторая часть картины посвящена истории: царское время, когда властвовали исправники и урядники, родовые старшины, старосты, кулаки и туземная аристократия. Отведено место эпизодам насильственного крещения бурят. Будет, кроме того, инсценирована первая депутация бурят к царю Петру I. Моменты из революционной жизни Бурятии будут засняты в эпизодах Февральской революции и первый приход советской власти. Включены моменты из времен интервенции и колчаковщины.

Большое место займут с'емки хозяйственного восстановления Бурятии: промышленность, омулевый и нерпичий промыслы, молочное хозяйство, пушные промыслы и разведение скота. Будут засняты и природные богатства: Шерловая гора (вольфрамит), Ципиканский прииск (золото) и Алиберовский рудник (графит).

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ЯН-ЦЗЫ-ЦЗЯНЬ.

Географическим обществом разработан план новой экспедиции известного путешественника П. К. Козлова. Экспедиция будет носить название Монголо-Тибетской и продлится три года. Она займется изучением Тибетского нагорья и истоков величайшей реки Китая—Ян-Цзы-Цзянь. Летом этого года участники экспедиции проедут через Иркутск в Верхнеудинск, а оттуда на автомобилях в Ургу. Выехав в Монгольский Алтай, экспедиция сформирует караван верблюдов и направится к югу, в урочище Шара-Холусун. В середине 1929 г. караван, придерживаясь маршрута третьего путешествия Пржевальского, перевалит через хребет Думбурэ и спустится к реке Ян-Цзы-Цзянь. Здесь экспедиция и пробудет до 1930 г.

Область истоков великой китайской реки до сих пор является белым местом на карте Азии. Экспедиция произведет там геологические, этнографические и географические работы, а также ряд метеорологических наблюдений.

ЭКСПЕДИЦИИ В СИБИРСКИЙ КРАЙ В 1928 Г.

Бюро по изучению производительных сил Сибирского края при Сибирской плановой комиссии и о-вом изучения Сибири (Новосибирск) была проведена в качестве первого опыта заслуживающая внимания работа по учету научных экспедиций и поездок отдельных исследователей в Сибирский край в 1927 г. Общее число учтенных работ—183, из которых экспедиций—88, поездок—95.

По темам они распределяются таким образом:

Недра	—	59 (50/9)
Поверхность	—	64 (26/38)
Связь	—	6 (5/1)
Человек	—	54 (7/47)

По территории полевые исследования распределяются таким образом: Западная Сибирь—91, Средняя Сибирь (Приенисейский край)—45, Восточная Сибирь—27. Особое внимание было уделено Алтаю, где было проведено 39 работ. Сибиряки работали, кроме своего края, в Бурят-Монголии, Казакстане, на Д.-Востоке и Тобольском севере (19 раб.).

По исполнителям работы распределяются так:

Сибирские организации —136 работ.
Не сибирские (преимущественно центр. научн. учрежден.).—44 »
Иностранные — 3 »

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНКУРС.

Сибполитпросвет об'явил конкурс на пьесы для деревенского театра. Основными требованиями конкурса является: пьеса не должна быть более 3 действий, с малым количеством действующих лиц, примитивом постановки, с наименьшей длительностью действия. Темой для пьесы должен быть новый быт крестьянина и рабочего Сибири во всех его проявлениях. Прошлое Сибири, колчаковщина, гражданская война и т. д. иметь места на конкурсе не должны.

За лучшие пьесы будет выдано 5 премий: одна в 250 рублей, две по 150 и две по 75 рублей, кроме обычного авторского гонорара. В состав жюри входят представители Сибполитпросвета, редакции газеты «Сельская Правда», АПО Крайкома ВКП (б), Сибкрайиздата и Сибирского Союза Писателей. Последний срок подачи пьес в Сибполитпросвет—1 июля т. г. Как обычное правило, фамилии авторов с названием пьесы должны быть запечатаны в конвертах, на которых пишется название пьесы и лозунг. Такой же лозунг помещается и на пьесе. Обратно непремированные пьесы не возвращаются.

НОВЫЕ СИБИРСКИЕ КНИГИ.

В Сибкрайиздате вышли в тек. году новые книги по краеведению под общим заголовком — «К изучению Сибири»: Н. С. Юрцовский—«Современная Сибирь»; А. Р. Шнейдер и Л. Н. Доброва-Ядринцева—«Население Сибири» (русские и туземцы);

М. А. Кравков—«Естественные богатства Сибири» и печатается проф. В. В. Реверматто и Хохлов—«Природа Сибири».

Все книги имеют общий внешний вид, формат и приблизительно размер (5-6 печ. листов) и цену 75 коп.

Вышел роман Вл. Зазубрина—«Два мира». Книга выпущена четвертым изданием. Обложка художника С. Липина.

Готовится к печати сборник рассказов Антона Сорокина.

К вопросу об организации историко-литературного музея в Сибири.

Сибирь, в силу своего исторического прошлого, в силу тех особенностей, которые свойственны ей, как стране изгнания и ссылки в прошлом, в течение многих десятилетий привыкла встречать и хоронить в своих просторах исключительный, в большинстве случаев высокосортный, человеческий материал. Мало изученные архивы старых сибирских городов хранят на своих полках пыльные фолианты с официальными документами, которые тяжелым языком старых приказов и чиновничьих канцелярий могут рассказать не одну волнующую повесть.

Наши Истпарты, собирающие материалы по истории революционного движения, ограничены сравнительно узкими рамками стоящей перед ними задачи—отразить влияние партии, ее роль и руководящую работу в развитии революционного процесса. Здесь мы встречаем основные, так сказать монументальные, документы нашей эпохи. Но это далеко не все. Детали, иногда интереснейшие, иногда необходимые для более точного уяснения смысла тех или иных исторических явлений, исчезают, пропадают бесследно. А между тем каждый общественный деятель, каждый писатель, каждый активный строитель жизни оставляет после себя материалы, которые могут быть предметом изучения и разработки в будущем. **В Сибири нужно создать краевой историко-литературный музей.** В этом музее можно будет собирать и концентрировать не только исторические и литературные документы эпохи, но и некоторые образцы материальной культуры. Сибирь, безусловно, имеет право и все необходимые данные для создания своего историко-литературного музея. **Создание историко-литературного музея поможет и значительно облегчит задачу зарисовки и описания нашей революционной эпохи.** Живые свидетели и участники Октябрьской революции в Сибири, пионеры социалистического строительства должны оставить будущему возможно более полный фактический материал, правдивая зарисовка сегодняшнего дня будет иметь колоссальное историческое значение. У многих из нас уже сейчас имеется на руках значительная доля документов исторического характера, представляющих музейную ценность. Разрозненные, разбросанные, почти всегда плохо охраняемые документы эти зачастую находятся под угрозой полного уничтожения. Для многих охрана имеющихся у них ценных рукописей, книг, зарисовок, фотографий и проч.—предмет постоянных забот и опасений.

С момента создания музея все эти ценности могут быть немедленно помещены в безопасное от огня и прочих случайностей помещение. На первое время для музея потребуется не более одной комнаты в каменном безопасном в пожарном отношении доме.

Круссер, Н. Феоктистов, П. Драверт.

21 мая 1928 г.

И. И. Пущин.—«Записки о Пушкине и письма». Редакция и биографический очерк С. Я. Штрайха. Гиз. М. 1927; стр. 224.

Новое издание записок и писем Пущина в сущности не является вполне новым. В редакции С. Я. Штрайха эти тексты уже были выпущены в свет в 1925 г. издательством полит.-каторжан, и настоящая работа является не чем иным, как 2 изданием этой редакции, с некоторыми изменениями и дополнениями. Непонятно, почему это обстоятельство не оговорено ни на обложке, ни на титульном листе.

О первом издании этой книги в свое время был уже отзыв на страницах «Сиб. Огней», по поводу нового издания приходится добавить немного. От предыдущего это издание отличается некоторым переключением материала в той части, которая посвящена письмам, некоторые из напечатанных ранее писем теперь выпущены, некоторые даны с сокращениями, взамен приведен ряд новых, преимущественно письма к Оболенскому и Якушкину. Из этих новых писем часть была уже опубликована Б. Л. Модзалевским в сборнике Академии Наук—«Памяти декабристов» (в. III); часть из собрания Е. Е. Якушкина приводится впервые.

Большая часть новых материалов относится ко второму периоду сибирской жизни. Как-то Пущин в письме к Завалишину сравнивал читинский и западно-сибирский периоды своей жизни или, правильнее сказать, период казематский и поселенческий. «То [Чита]»—было поэтическое время нашей драмы, которая теперь сделалась слишком прозаическою. И распорядитель, кажется, затрудняется развязкой. Она невольным образом делается неестественной с потерею единства времени. Вышел роман «Вечный Жид».—Вот этим-то прозаическим будням скитальческо-поселенческой жизни и посвящены по б. ч. эти письма. Но в этом-то их ценность и интерес. За разными мелочами: устройство квартиры, денежные дела, хозяйственные заботы, недуги и т. п. встает целостная картина сибирского бытия декабристов, и с этой стороны письма Пущина к Оболенскому являются, пожалуй, одними из наиболее ярких документов этого периода.

Попутно отметим одну небезынтересную деталь. Дважды в письмах к Оболенскому упоминается имя Иакинфа, которому Пущин оказал, как он сообщает, ряд услуг, ходатайствуя за него перед архиереем. Это имя почему-то осталось нерасшифрованным в примечаниях ни С. Я. Штрайхом, ни ранее Б. Л. Модзалевским. Между тем, совершенно ясно, что речь идет о знаменитом синологе, монахе Иакинфе (Бичурине). Это упоминание очень интересно, так как свидетельствует о более глубоких связях Бичурина с декабристами, чем это было известно до сих пор (сравн. воспоминания К. С. Моллер (С. Р. Ст. 1888, VIII).

Марк Азадовский.

А. Н. Турунов и В. Д. Вегман.—«Революция и гражданская война в Сибири». Указатель книг и журнальных статей. Новосибирск. Сибкрайиздат, стр. 136, цена 1 р. 25 коп.

Работа А. Н. Турунова и В. Д. Вегмана должна была выйти в свет еще к 10 годовщине Октябрьской революции, но составление и печатание ее несколько задержалось, и вышла она только в начале мая с. г.

При издании всякого рода биографических работ у нас обыкновенно идет много предварительных разговоров и споров, делаются ссылки на нерентабельность такого рода изданий, крайне ограниченный спрос на них и пр., и пр. Но как бы нерентабельны ни были библиографические работы, совершенно очевидно, что для добросовестного изучения вопроса всякий библиографический справочник является ценнейшим пособием. Такого рода справочники нужны не только для узких специалистов, но и для библиотечных работников, работников книжного прилавка, газетных работников, консультационных бюро, кабинетов агитпроп и политпросветработы и т. д.

Рецензируемую работу необходимо рассматривать, как значительный вклад в дело изучения эпохи революции и гражданской войны Сибири, тем более, что такая исчерпывающая работа появляется впер-

вые. В 1924-25 г.г. на Дальнем Востоке З. Н. Мельниковым и в Москве И. В. Владиславлевым были сделаны попытки дать библиографические указатели на указанную тему, но эти попытки были не совсем удачны: они не охватывали часть вопроса (у Мельникова только Дальний Восток и то неполно; у Владиславлева Сибирь была задета только вскользь). Небольшой указатель литературы, приведенный в книге «Хроника гражданской войны» (изд. Госиздата, 1926 г.), тоже крайне неполон.

В книге т. т. Турунова и Вегмана дается указатель всех отдельных изданий и журнальных статей, охватывающих период 1917—1922 г.г., при чем приводятся издания, вышедшие не только на территории СССР, но частично и за границей. Сибирь берется, как географическое понятие, и делаются вылазки на Урал и в Поволжье, что является совершенно необходимым, так как события 1918—19 г.г. там были тесно связаны с Сибирью.

Вся книга разделена на 10 глав по следующим разделам: 1) Сборники, монографии и статьи общего характера, 2) Февральская революция, 3) Октябрьская революция, 4) Выступление чехо-словаков и разгром сибирских советов, 5) Областные правительства и попытки их об'единений, 6) Колчаковский переворот и интервенция, 7) Падение правительства Колчака, 8) Восстановление советского строя, 9) Борьба за Дальний Восток, 10) Жертвы революции и гражданской войны. В каждой главе имеется ряд разделов.

К такому подразделению, хотя и носящему несколько искусственный характер можно сделать одно замечание. Глава 7—Падение правительства Колчака—выделена неудачно, ибо в содержание ее входят такие значительные явления (гораздо значительнее, чем «падение правительства»), как деятельность подпольных организаций и партизанское движение. Их следовало выделить в специальную главу, переведя «последние дни колчаковщины» в 6 главу.

Условия работы в Новосибирске не дают возможности проверки полностью материала, помещенного в библиографическом указателе, но приходится отметить в книге ряд пропусков и не из числа «редких» изданий.

Не попали в указатель: книга «На волю из царских тюрем» (изд. «Прибой», 1927), в которой имеется ряд воспоминаний о Февральской революции на каторге и в ссылке, не попала книжка Ф. К. Врублевского—«К биографии НКЗ В. Г. Яковенко» (изд. 1922 г. Наркомзема), в которой дана хорошая характеристика партизанского движения, не попало II издание книги П. Федорова—«Под Красной Звездой» (боевая история 27 Омской дивизии)—изд. Госиздата, 1928 г. (вышедшее фактически в 1927 г.). Это издание значительно дополнено и исправлено в сравнении с первым, помеченным в указателе под № 545. Приводя ряд «областных обозрений» из журнала «Сибирские Записки», авторы упустили такое «областное обозрение» В. К. из № 4—5 «Сиб. Зап.» за 1917 г. и ст. Г. Жерновкова в том же номере—«Сибирская областная федерация» (опыт схематического построения сибирской федерации). Забыта ст. т. А. Гендлина в «Извест. Енис. Губкома» (№ 10) о гибели красноярцев (она впоследствии вышла в сб. «Центросибирцы», который помечен под № 827).

Хотя в большинстве случаев авторы и указывают, в каком освещении дана книга или статья, но иногда об этом забывается (напр., № 439). Не всегда достаточны даже для искушенного читателя сокращения. Под № 436 дано такое сокращение «Свердл.» Что это? Журнал, газета, сборник? В условных сокращениях об этом не сказано. Кстати, в условных сокращениях надо было более подробно сказать об издании. Сказать только, что «Револ. Прошл.»—это «Революционное Прошлое», Уфа; или «Сиб.»—это «Сибирь», Новониколаевск—недостаточно. Ведь даны же в трех случаях указателя более подробные сведения. Перевод книги под № 233 сделан несколько вольно, что для библиографического указателя, требующего прежде всего точности, неудобно (книгоиздательство «Чехословацкий дневник» переведено, как «изд. «чехо-войск»).

Все эти мелкие пропуски и погрешности, конечно, ни в какой мере не могут повлиять на большую ценность работы. Они только доказывают необходимость продолжения работы, и мы совершенно согласны с авторами, что продолжением этой работы будет и указатель статей, напечатанных в газетах и....—прибавим от себя—указатель художественной литературы, отражающей революцию и гражданскую войну в Сибири.

А. Ансон.

Памяти М. А. Кастрена, к 75-ти летию со дня смерти. Изд. Академии Наук СССР. Ленинград. 1927 г.

Благородное лицо финского типа с мягким очертанием губ и умным вдумчивым взглядом, лицо мыслителя и смелого мужественного человека—таков портрет Кастрена. Статьи В. Богораза, Л. Штернберга, Н. Поппе, А. Самойловича, Б. Владимирцева и др., посвященные его памяти и составляющие этот сборник, только усиливают и подтверждают впечатление о неутомимо горевшем любовью к науке человеке и скромном труженике, ранней смертью заплатившем за это горенье.

Финляндия—Суоми—так зовут финны свою родину, не признавая официально навязанного имени Финляндия—страна су-

ровых каменных скал, холодного северного солнца, напряженной тяжелой борьбы человека за кусок хлеба. И чем тяжелее борьба, чем суровее условия жизни, тем горячее и упорнее привязанность финна к своей стране. При самых неблагоприятных условиях—экономических и политических, финн создавал культуру и благосостояние. Связанная насильственно с варварской и деспотической Россией, имея под боком всегда враждебного шведа, Финляндия—Суоми раньше их обоих создала свои народные университеты, музеи старины чуть не в каждой деревне, группы крестьянского студенчества, не порывавшие связи с семьей и возвращавшиеся к скромному труду крестьянина-земледельца. Раньше других культурных европейских стран Финляндия—Суоми признала равноправие женщин и дала им доступ и в университеты, и в парламент, в судебные и другие административные должности.

Уроженцем этой страны, сыном крестьянина, родившимся на 66° с. ш., был Кастрен, и свою недолгую, но славную жизнь он всю отдал на служение своему народу. В своей первой статье в 1838 г. Кастрен пишет: «С 15-ти летнего возраста я принял решение—труд моей жизни отдать изучению языка, религии, обычаев, образа жизни и всех других этнографических условий жизни финского племени и других родственных племен».

«Это обязательство юности для Кастрена,—говорит профессор Богораз,—сделалось долгом и культом».

Кастрен родился в 1813 г., а в 1852 г. умер от чахотки. Уже в 1844 г. он пишет: «сегодня врач произнес надо мной смертный приговор. Легочная чахотка—вот болезнь, которая с'ела мозг костей и продолжает уничтожать его с огромной жадностью. И вот я стал разбитым человеком на весне моей жизни. Отныне могила будет той целью, куда направляются мои шаги». Его детство и юность прошли в тяжелых материальных условиях, и только благодаря поддержке родственников он кончил университет в Гельсингфорсе, где усердно занимался изучением латинского и греческого языков, так как готовился в пасторы. Но раннее увлечение Калевалой (древнее произведение национального финского эпоса) и увлечение национальными вопросами среди его товарищей-студентов толкнуло его на изучение финского языка а отсюда—и истории финского народа, их происхождения и места в среде других народов. По окончании университета Кастрен предпринимает ряд экскурсий по Финляндии, изучая язык и его отдельные наречия, часто даже пешком, так как находился в стесненных материальных обстоятельствах. Академия Наук обратила внимание на его труды и пришла на помощь ежегодной небольшой субсидией, а потом приняла его на постоянную службу в качестве путешественника-этнографа по изучению северных стран. От изучения финнов он перешел к изучению соседних родственных им народов—зырян, самоедов и, установивши их родство с тюрками, перешел к изучению монголов, тунгусов, бурят и др., почему ему и пришлось провести несколько лет у нас в Сибири. И Сибирь не должна забывать его имени в числе других своих исследователей и пионеров науки. В каких тяжелых условиях ему приходилось работать, об этом только кратко упоминается в отдельных статьях этого сборника. Так, во время пути по Белому морю, он был выброшен на берег вместе с судном и 3 дня лежал без памяти и без всякой помощи. На Печоре он жил в самоедской избушке, где «меня мучила жара, сырость, комары, паразиты и целая куча крикливых детей»,—пишет он. Чтоб иметь возможность писать, он спускался в погреб под избой и составлял там свою зырянскую грамматику. В Сургуте, на Оби, он должен был жить в каюте на лодке, где сидеть приходилось на полу, писать на сундуке, печью служил самовар. В Дудинке, в Туруханском крае, он был так болен, что составил завещание, оставляя свое небольшое имущество тому, кто захочет продолжать его исследование самоедов и закончить его труд.

Только за год до смерти он был назначен профессором в Гельсингфоргский университет и получил возможность работать в более спокойной семейной обстановке, но смерть его караулила, и он не успел закончить своих громадных трудов.

После его смерти академик Шифнер занялся разбором и обработкой его сочинений, и, изданные в 1853 г., они составили 12 больших томов. Сюда вошли исследования по языкам и опыты грамматик по самоедскому, тунгусскому, бурятскому, карагасскому, остяцкому, коттскому и друг.,—всего до 20 языков и диалектов; путевые заметки, полные ценных этнографических наблюдений, археологические исследования, лекции по финской мифологии и т. д. Большая часть его трудов остается еще неразработанной и неизданной. «Научное наследство, оставленное Кастреном, настолько велико,—говорит проф. Богораз,—что одно описание его рукописей и изложение его основных идей потребовало бы долгого труда и многотомного издания». Особенно велико значение его работ по лингвистике. Изучение языков: финского, самоедского, бурят-монгольского и др. позволило ему окончательно установить теорию о родстве урало-алтайской группы народов с их прародиной на Алтае. Он первый составил бурят-монгольскую грамматику, бурят-монгольский словарь с переводом на немецкий и обратно, при чем им выделены особенности диалектов хоринских,

нижнеудинских, тункинских и селенгинских бурят. Его тунгусская грамматика до сих пор служит классическим руководством по тунгусскому языкознанию. Почти все эти языки изучены им впервые, и он нашел некоторые племена, считавшиеся давно исчезнувшими, как напр.: котты, карагассы и друг.

Его труды по этнографии, не составляя отдельных сочинений, представляют ценнейший материал, как говорит проф. Штернберг: «он чутко умел воспринимать чуждую жизнь и чуждую психологию, почему обычно столь скрытные туземцы охотно раскрывали перед ним самые интимные стороны своего быта». В самом диком невежественном туземце он видел человека, шел ему на помощь, чем мог; в его биографии приведено несколько таких фактов. Он первый обратил внимание на важность изучения песенного и вообще фольклорного материала с точки зрения этнографа.

Насколько самоотверженно отдавался Кастрен поставленным себе задачам, можно судить по следующему факту. Будучи в Минусинском уезде, он задумал познакомиться с сойотами, для чего должен был проникнуть в пределы Китая, несмотря на запрещение китайского пограничного регламента. В письме к академику Шегрену Кастрен пишет: «но самая мысль о том, что происхождение сойотов останется неисследованным, для меня нестерпимее, чем опасность китайской тюрьмы». И он совершил эту рискованную поездку—«вскарабкался по узкой дорожке из Сибири через Саянские горы в небесное царство его китайского величества, питаясь по дороге козьим и овечьим молоком и съедобными кореньями»,—пишет Кастрен.

И в настоящее время, когда в Сибири идет политическое и культурное возрождение «малых народностей», когда впервые тунгусы, сойоты, буряты самоеды и др. в условиях национальной политики совласти выходят на широкую дорогу культурной жизни, имя Кастрена должно стать всем им хорошо известным и дорогим, поэтому весь сборник, посвященный его памяти, является ценным подарком для них и оставляет только желать более подробного знакомства с жизнью и трудами замечательного подвижника науки.

К. Козьмина.

А. И. Менделеева.—«Менделеев в жизни». Записки прошлого, воспоминания и письма под редакцией С. В. Бахрушина и М. А. Цявловского. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1928 г. Цена 2 р. 60 коп. (Стр. 184).

Автор воспоминаний—вдова Д. И. Менделеева. Хотя о Д. И. Менделееве, этой гениальной личности, и много печаталось как в русской, так и иностранной прессе, но посвящались ему статьи, главным образом, как автору «Основ химии», как великому ученому. Содержание же рецензируемой книги представляет рассказ о том, как Анна Ивановна Попова, молодая художница, познакомилась в Петербурге в 70-х годах с Д. И. Менделеевым, стала спутницей этого всемирно-известного ученого, прожила с ним более 20 лет, как путешествовала с ним за границу—в Италию, Испанию, Францию, Англию и пр. Много в книге уделено внимания Академии Художеств, «передвижникам», художественному миру вообще и в частности художникам: Ярошенко, Крамскому, Куинджи, Репину и другим, поэту А. А. Блок, женатому на старшей дочери Менделеева, и др. лицам, но в центре книги полная своеобразная фигура гениального натуралиста, гордости русской науки—Дмитрия Ивановича Менделеева, сложный облик которого живо передан автором воспоминаний.

Вот описание его самоотверженного полета на аэростате из Клина (7 августа 1887 г.) для наблюдения солнечного затмения и затем благополучный спуск между деревнями Ольгино и Малиновец, Тверской губ. О полете этом по соседним деревням бабы любили рассказывать, как «Митрий Иваныч на пузыре летал и эту самую небу проломил, за это вот его химиком и сделали».

Запоминается далее описание ухода Д. И. Менделеева в 1890 г. из Петербургского университета, где он состоял профессором химии в течение многих лет, как протест на неудовлетворение министром народного просвещения студенческой петиции академического характера, в результате чего возобновились студенческие беспорядки. Настойчивая просьба товарищей не смогла его заставить изменить раз принятого решения.

По выходе из университета Д. И. Менделееев продолжал работать по разным вопросам химии, физики и техники, а также по вопросам экономическим и государственным. В 1893 г. по инициативе Д. И. Менделеева была учреждена Главная палата мер и весов, управляющим которой Д. И. состоял в течение 14 лет до самой смерти.

В 1884 году Эдинбургский университет присудил Менделееву степень почетного доктора прав, а в 1888 г. он получил из Лондона предложение прочесть в Великобританском институте лекцию (приглашение русского ученого было впервые). После лекции цвет ученого мира Англии устроил Д. И. Менделееву грандиозные овации.

Далее—вторичное приглашение Д. И. Менделеева из Англии в 1894 г., когда Кембриджский и Оксфордский университеты присудили ему также докторскую степень. Торжество посвящения в докторскую степень, продолжавшееся неделю,

интересно описано в книге А. И. Менделеевой, присутствовавшей в Англии вместе со своим мужем.

Последняя глава посвящена характеристике личности Д. И. Менделеева, его многогранной, богатой натуре и отзывчивости на всякие нужды.—«Дмитрий Иванович всегда был как-будто в состоянии душевного горения. Я не видела у него никогда ни одного момента апатии. Это был постоянный поток мыслей, чувств, побуждений, который крушил на своем пути все препятствия...».

Скончался Д. И. Менделеев в Петербурге от паралича сердца 20 января 1907 года.

Читатель найдет в этой книге прежде всего много интересного из художественной жизни России конца 70-х годов. Менделеевские «среды» собирали многих выдающихся деятелей искусства и давали возможность автору воспоминаний делать свои иногда весьма удачные наблюдения.

Полезно и нашей учащейся молодежи ознакомиться с жизнью замечательного сибиряка—Д. И. Менделеева. Родился он в г. Тобольске 27 февраля 1834 г., детство провел на стекольном заводе в с. Аремзянском (вблизи г. Тобольска), учился в Тобольской гимназии, в стенах которой его имя красовалось на мраморной доске. Уже будучи всемирно известным ученым, Д. И. Менделеев удосужился в 1899 г. посетить свой родной Тобольск. Об этом посещении, по сообщению автора воспоминаний, он не мог говорить без сильного волнения. «Он видел там несколько крестьян, своих ровесников, с которыми играл в детстве». Есть фотография Д. И. среди этих крестьян.

В тексте книги имеются рисунки, принадлежащие А. И. Менделеевой: Д. И. Менделеев за шахматами с художником А. И. Куинджи и он же в докторском (средневековом) костюме на торжествах в Англии.

П. П. Славнин

Н. Н. Поппе.—«Материалы для исследования тунгусского языка». Изд. Академии Наук СССР. 1927. 59 стр. Ц. 1 р.

С работами Н. Н. Поппе, повидимому, следует связывать возобновление широких научных изучений в области, т. н., урало-алтайской группы языков, к которой относятся языки финнов, угров, самоедов, тюрков, монголов и тунгусов (а возможно, что будет найден какой-либо мостик и между этой группой и языками тех или иных палеазиатов). Эти изучения приходилось считать оборвавшимися на работах безвременно погибшего Кастрена. После него, если не считать обработки его трудов Шифнером, работы шли по линии изучения отдельных языков. Тунгусы же оставались и совершенно почти вне изучений. Н. Н. Поппе работает одновременно в области финских, монгольских и тунгусских изучений. Мы еще не знаем, останутся ли эти изучения в линиях кастреновских, или мы стоим перед новыми постановками вопросов. Во всяком случае—ряд больших специалистов, включая и автора «Материалов», занялся углубленным прорабатыванием *урало-алтайской лингвистики*. Интересно отметить, какую большую роль, видимо, предстоит сыграть тут той многочисленной молодежи, которую советское нацстроительство выдвинуло в высшие учебные заведения из автономных республик и областей. Автор «Материалов» написал свою работу, использовав свои занятия с слушателем подгот. отделения ЛИЖВЯ, тунгусом по национальности, в течение 1925/6 уч. года. Автор дает запись текстов с грамматическим введением и словарем. Материалы дало наречие баргузинских тунгусов, близкое, по мнению проф. Поппе, к наречию урульгинскому, поскольку оно отразилось в работах Кастрена.

Мы имеем данные надеяться, что работы проф. Поппе явятся большим вкладом в лингвистическую научную литературу, но вместе с тем прольют новый свет и в области этнографических изучений, к сожалению, до сих пор ведущихся обычно лицами, совершенно невежественными в языке изучаемых народностей и вынужденных фантазировать на основании дурных переводов никем не контролируемых записей текстов.

Язык, конечно, еще не все, и народность, утратившая язык, не умерла, а только потеряла свой паспорт. Но, кроме лингвистов, никакой другой группе ученых еще не удалось создать прочной и ясной базы для научного изучения народностей. Только за последнее время работы в области изучения кровяных групп, мозга, строения волос, костяка и пр. являются как бы нащупыванием почвы для перевода на научные рельсы этнографии, все еще напоминающей «живописные путешествия» старого времени. Этнографам в методологическом отношении есть чему поучиться у лингвистов. Читая работы последних, чувствуешь, что стоишь на твердом материке.

Н. Козьмин.

«Труды общества изучения Манчжурского края». Зоология, вып. 1, Харбин, 1927 г.

Общество изучения Манчжурского края выпустило очередной том своих «Трудов», в котором помещены статьи исключительно русских зоологов по вопросам, в полной мере интересующим сибирскую зоологию.

Автор увлекательных охотничьих рассказов Н. А. Байков, широко известный сибирской охотничьей семье, дает интересные и поучительные наблюдения над жизнью рыси в неволе, показывающие, как при умелом подходе и разумной выучке из дикого зверя можно сделать миролюбивое животное.

Также интересна статья А. С. Лукашкина—«Манчжурская степная антилопа дзерен». Автор останавливается на вопросе систематики дзерена, дает подробную картину его распространения, биологии и способов охоты, распространенных во внутренней Монголии. Из статьи видно, что в Восточной Монголии дзерен постепенно исчезает. Б. П. Яковлев в статье—«Гнезда, яйца и пуховые птенцы желтоклювой утки»—(Polionetta zonorchuncha) публикует сведения о гнездовании и распространении этой малоизвестной сибирским охотникам птицы, при чем здесь следует добавить, что желтоклювая утка идет значительно севернее, чем полагает автор, именно в верховья р. Олекмы, принадлежащей уже бассейну Лены, а на пролете она известна из Забайкалья (р. Чикой). Тем же автором в коротенькой заметке приводится случай нахождения в районе К.-В. ж. д. белого фазана. Странно лишь, что заметка написана в тонах, заставляющих предполагать в этом случае особо выдающуюся редкость. Однако, это просто-напросто обычный случай неполного альбинизма, столь распространенного вообще у представителей Gallioformes (куриные).

В конце сборника помещена статья известного в прошлом русского зоолога А. Н. Карамзина—«О гнездовании Даурской ласточки» и Н. А. Байкова—некролог «А. Н. Карамзин».

Прекрасно изданные, с хорошим, четким шрифтом, богатыми иллюстрациями на слоновой бумаге, рецензируемые труды производят хорошее впечатление. Каждая статья снабжена весьма пространным резюме (почти в полном об'еме русского текста) на английском языке.

И. З.

«Природа». Популярный естественно-исторический журнал. 1928. № 1—3. Ленинград. Из-во Академии Наук СССР.

Журнал представляет собою один из лучших научно-популярных журналов Союза, но рассчитан он на подготовленного читателя. Не разбирая журнала в целом и отметив только, что в журнале сотрудничают наши крупнейшие ученые, дающие интереснейшие сводки новейших достижений науки (например, Кравец—«Физика в 1927 г.», Вернадский—«Эволюция видов и живое существо» и т. д.), остановимся на тех статьях и заметках, которые касаются Сибири.

Журнал уделяет Сибири достаточное внимание, помещая наряду с другими материалами ряд заметок, а иногда и целых статей, посвященных результатам новейших исследований Северной Азии. В № 2 напечатан реферат доклада Н. М. Кулагина — «О необходимости рационального ведения пушного промысла». Известный ученый в своем докладе говорит о **прямо катастрофической опасности, нависшей над пушным промыслом Союза** в виду того, что форсирование добычи пушнины, ставящее своей задачей увеличение экспорта, влечет за собой колоссальное истребление пушного зверя. По мнению докладчика, пушнина должна добываться в таком количестве, чтобы основной капитал не растрачивался бы, а использовался только естественный прирост. Для постановки такого хозяйства нужно привлечь науку, нужно произвести учет пушных зверей и выяснить условия их жизни. Весь Союз должен быть разбит на промысловые районы, и учет должен быть произведен планомерно по этим районам, на основе биологической с'емки районов. Трудность практического разрешения вопроса заключается в непроработанности методологии учета, поэтому желательна организация специального института по пушному промыслу. В виду громоздкости этой организации Н. М. Кулагин считает необходимым на первое время создать при КЕПС'е бюро по биологической с'емке промысловых животных в пушных районах.

В № 3 помещена статья акад. П. П. Сушкина—«Высокогорные области земного шара и вопрос о родине первобытного человека».

Автор высказывает оригинальную точку зрения на обстановку эволюции первобытного человека. Присоединяясь к принятой в науке теории о происхождении человека от древесных лазящих форм, П. П. Сушкин считает, что непосредственный предок человека был жителем скалистых мест открытого ландшафта. Среди скал и выработался у человека новый способ передвижения, сначала становиться на задние конечности, опираясь передними о скалу, потом, по мере упрочения этой привычки, шло выпрямление позвоночника. Местом, где происходило очеловечение, по мнению П. П. Сушкина, является, бесспорно, Центральная Азия—мировой центр высокогорной, чрезвычайно жизнеспособной фауны. Автором приводится ряд доказательств этого положения. Между прочим, подчеркивается тот факт, что человек появляется в Европе вполне определившимся.

Н. А.

«Метеорологические условия Сибирского края в 1926 году». Краевое метеорологическое бюро. Новосибирск. Изд. «В Помощь Земледельцу», 1927, стр. 1—64.

«Ежемесячный метеорологический бюллетень, издаваемый краевым метеорологическим бюро при СКЗУ». №№ 1, 2, 3—октябрь—декабрь 1927 г.

Следует с удовлетворением отметить появление первого годового метеорологического обзора, обслуживающего Сибирский край. Этим обзором метеорологическая служба НКЗ, доходившая со стороны Уральской области и Казакстана до границ Сибкрая, продвинута далеко на восток и примкнула через иркутскую сеть к областям, обслуживаемым амурским метбюро. Вместе с тем «Метеорологические Условия» принесли утешительные известия о постепенном восстановлении сибирской метеорологической сети и о результатах ее работы.

«Метеорологические Условия» дают результаты годовой работы 53 станций, в подавляющем (45 ст.) количестве принадлежащих НКЗ. Здесь мы находим краткое описание метеорологического режима по месяцам и по сезонам года, небольшой, но метеорологически выдержанный сел.-хоз. обзор года и цифровой материал для всех станций по декадам.

То, что дает книга, в пределах возможностей, определяемых недостаточной густотой сети и неполной уверенностью в точности ее работы, дает вполне достаточное общее представление о метеорологической обстановке Сибири в 1926 г. При условиях работы краевого методбюро СЗУ мы не в праве были бы требовать приведения ряда весьма важных в с.-х. отношении элементов. Например, влажность воздуха, влажность почвы, температура почвы и т. д.

Цифровые таблицы составлены довольно удачно. Обращает на себя внимание только колонна облачности, данная не в привычных средних суточных. Встречаются расхождения в средних температурах, вычисленных по срочным наблюдениям от данных по декадам, например, красноярская, за апрель.

Приветствуя появление в печати книги, все-таки хотелось бы высказать некоторые пожелания, осуществление которых стало бы полезным в дальнейших выпусках. Первое и, пожалуй, главное—это более быстрое печатание. Подобного рода издания не должны запаздывать на целый год. Может быть, следовало бы взять пример Уралметбюро, издающего свои обзоры по кварталам. Второе: следовало бы в первом годовом обзоре дать точное описание расположения отдельных станций, так как показания некоторых станций, может быть, нельзя распространять на район. Так, например, станция Омского оп. поля, расположенная в защитных лесных полосах, дала несомненно укороченный безморозный период, какого не имеем по данным близко лежащей, но в открытой местности, станции с.-х. института.

Ежемесячный метеорологический бюллетень представляет собой крайне полезное издание. В нем мы имеем вторую по счету попытку установить постоянную службу погоды в Сибири. Первый бюллетень издавался Омским ГЗУ под редакцией метеор. кабинета с.-х. института в 1925 году. Число станций, использованных в бюллетене, возросло сравнительно с обзором 1926 г. с 53 до 69. Для читателя неудобно, что для вновь-помещаемых в список станций не даны их координаты. Нужно отметить, что бюллетень СКЗУ частично накладывается на декадный бюллетень Свердловской обсерватории, обслуживающей область до Енисея.

Что касается содержания бюллетеня СЗУ, то авторы его, повидимому, сделали все, что они могли сделать в пределах имевшихся средств, но все-таки хотелось бы иметь более детальный сельско-хозяйственный анализ погоды. И еще раз придется подчеркнуть, что для периодических метеорологических изданий необходимо помнить латинскую пословицу: bis dat, qui cito dat.

В. Дудецкий.

ИСПРАВЛЕНИЯ.

Стихотворение В. Ворченко «Восточный фронт» посвящается N-ской Краснознаменной дивизии.

Третью строфу с конца автор просит исправить:

Пройдены вьюжные дали,
Сибирь наш боец отшагал.
Долго тебя ожидали,
Священное море Байкал.

К СВЕДЕНИЮ НАШИХ ПОДПИСЧИКОВ.

В отдел подписки Сибкрайиздата с мест поступают жалобы подписчиков на неаккуратную высылку номеров журнала. Все эти жалобы нами немедленно разбираются и удовлетворяются.

Однако, большинство жалоб происходят по вине местных почтовых предприятий, а частично и по вине самих подписчиков (неточный или неразборчивый адрес).

Чтобы в будущем не было никаких недоразумений с доставкой журнала, мы обращаем внимание наших подписчиков на следующее:

Отделом подписки Сибкрайиздата все количество экземпляров, требуемое для рассылки подписчикам, сдается полностью Сибирскому Газетному Бюро, которое от себя рассылает журнал по почтовым отделениям для раздачи подписчикам, согласно карточек, предварительно разосланных Сиб. Газетным Бюро по почтовым отделениям. **Таким образом, сам Сибкрайиздат высылку подписчику отдельных номеров журнала совершенно не производит.**

Если журнал все же получается с пропуском **отдельных номеров,** то для выяснения причины недоставки необходимо обращаться **исключительно в свое почтовое отделение,** где хранятся карточки всех подписчиков, и требовать от почты недоставленные экземпляры.

Непосредственно в отдел подписки Сибкрайиздата следует обращаться только лишь в том случае, если в своем почтовом отделении отсутствует карточка данного подписчика (при отсутствии на почте карточки того или другого подписчика, журнал для него вовсе не посылается).

При перемене адреса необходимо обращаться исключительно в свое почтовое отделение, а не в Сибкрайиздат.

Отдел подписки Сибкрайиздата.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. Басов.
В. Вегман.
В. Зазубрин.
Г. Круссер.
Г. Черемных.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Вячеслав Шишков.—Истоки (из романа „Угрюм-Река") 3

Сергей Марков.—Голубая ящерица 40

Николай Анов.—Ядовитое жало 48

Г. Доронин.—Земля подшефная 61

А. Югов.—Безумные затеи Ферапонта Ивановича (окончание) 67

СТИХИ: В. Ворченко, Л. Черноморцева, Н. Титова, П. Васильева, С. Маркова, Н. Жигульского . . . . 68—126

Улан-Оторчи.—Тулбо-Нур 127

В. Томский и В. Васильев.—За океаном у станков 152

Проф. Н. Конрад.—По японской литературе 177

В. Правдухин. Литературная шивера 200

Г. Круссер.—О революции, литературе и национализме в статье В. Правдухина. 216

Г. Вяткин.—Ромэн Роллан 220

В. И.—Приветствие Ромэна Роллана Сибирскому Съезду Писателей . . . 223

Вивиан Итин.—Критика «пронзительной» критики 225

Розенберг. Об одной «рецензии» 240

Н. Ауэрбах.—Археологические исследования в Сибкрае в 1927 г. . . .

ХРОНИКА 245

БИБЛИОГРАФИЯ: М. Азадовский, А. Ансон, В. Дудецкий, К. Козьмина, Н. Козьмин, П. Славнин. . 256—262

ПРИЛОЖЕНИЕ: Местная печать Сибирского края в 1927 г. (Библиографические материалы (Список второй)

Цена 2 р. 20 к.

ВЛАДИМИР ЗАЗУБРИН

ДВА МИРА

Роман.

Книга, получившая признание в среде низового читателя, пользующаяся колоссальным спросом в библиотеках, переиздана Сибкрайиздатом четвертым изданием.

Продается во всех книжных магазинах Сибкрайиздата. Для сельских библиотек и изб-читален скидка 10%.

Высылается наложенным платежом через главный магазин Сибкрайиздата (Новосибирск, Красный проспект, 25).

СИБИРЯКИ!
Выписывайте своим детям

СИБИРСКИЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

Орган Краевого Отдела Народного Образования и Краевого Комитета ВЛКСМ.

Предназначается для детей школьного возраста (от 9 до 15 лет).

Выходит в Новосибирске —ежемесячно, в художественной многокрасочной обложке, с многочисленными рисунками.

В вышедших четырех номерах помещено:

РАССКАЗЫ: «В горных хребтах» Глеба Пушкарева, «Рассказ о двух волках» Г. Вяткина, «Егоршина машина» К. Гайлит, «Миша» Е. Кочетковой, «Снежная ветка» Агнии Сеич, «Волчий брод» П. Стрижкова, «Дети тайги» М. Кравкова, «Необычайным путем» А. Коптелова, «Костер на реке Мегитун» Вл. Ощанина.

СТИХИ: Ив. Ерошина, Ал. Оленич-Гнененко, Н. Титова, Агнии Сеич и др.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЕ И КРАЕВЕДЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОЧЕРКИ: «Знаем ли мы наш край» И. Воробьева, «Что такое Тельбес» М. Кравкова, «Черное золото» Г. Андреевич, «В гостях у карагассов» М. Гольда, «Культуру тунгусам» Г. В., «Как прорастает семя» С. Москалева, «Как защищаются растения» его же.

ТРУД И ИГРЫ: Как сделать лыжи, скворечник, парник, флюгер. Как устроить самый дешевый и простой театр и др.

До 50 детских писем, стихов и рассказов.
25 ребусов, шарад и загадок.
Около 100 рисунков и фотоснимков.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА

(с доставкой и пересылкой): на год—2 руб. 50 коп., на полгода—1 руб. 30 коп., на 3 месяца—70 коп., на 1 месяц—25 коп.

ЦЕНА НОМЕРА В ОТДЕЛЬНОЙ ПРОДАЖЕ 30 коп.

ПЕРВЫЕ ЧЕТЫРЕ НОМЕРА МОЖНО ВЫПИСАТЬ ОТДЕЛЬНО НА 1 руб.

Подписка принимается: во всех почтовых конторах и во всех магазинах Сибкрайиздата.

Адрес редакции и издательства: Новосибирск, Красный проспект, 25.

МЕСТНАЯ ПЕЧАТЬ СИБИРСКОГО КРАЯ В 1927 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

СПИСОК ВТОРОЙ *)

*) *Первый список см. „Сиб. Огни", 1927, № 5.*

I. Общий отдел. Библиография и библиотековедение. Каталоги.

016 (57)

318. Манассеин, В. С.

Сибирь в Казанской периодической печати первой половины XIX столетия. (Библиографический указатель).

Иркутск. Изд. Иркут. университета. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 36, [1] стр. (Библиотека Иркутского университета. № 1). 40 коп. 250 экз.
[Приложение к т. XIII «Сборн. трудов Иркутск. госуд. ун-та»].

016:7 (57.2)

319. Народное искусство в изданиях Восточно-Сибирского Отдела Государственного Русского Географического Общества. 1922-1927. Составлено под руководством и наблюдением Марка Азадовского.

[Иркутск]. Издание Восточно Сибир. отдела гос. рус. географич. о-ва. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 32°. 31 стр. с рисун. 50 коп. 400 экз.
На обложке: Народное искусство в изданиях ВСОРГО.

059 (57)

320. Кучин, И. И.

Сибирский настольный сельско-хозяйственный и кооперативный календарь на 1928 год. Составил И. И. Кучин.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1928. 4°. 85, [1] стр. 35 коп. 40000 экз.
Обложка—в три краски: Н. Ф. На обложке: «Сибирская сельско-хозяйственная кооперация. Крестьянский календарь на 1928 год».

07 (085) (57)

321. Каталог периодических изданий, издающихся на территории Сибкрая, на которые производится прием подписки предприятиями связи на 1927 год.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927. 16°. 6 стр. [Б. ц.]. 600 экз.

070.1 (57.14)

322. Учись распространять газету. Опыт распространения «Молодой Деревни».

[Новосибирск]. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. [1927]. 16°. 27, [3] стр. рисунков. [Б. ц.]. 5000 экз.

07.012 (57.16)

323. Омское окружное совещание рабселькоров.

Материалы 1-го Омского окружного совещания рабселькоров (9-12 апреля 1927 г.).

Омск. Изд-во «Рабочий Путь» и тип. 1927. 16°. 14 стр. [Б. ц.]. 600 экз.

II. Антирелигиозная литература. Религия.

26

324. Послание Епископов-Староцерковников, признающих Временный Высший Церковный Совет, собравшихся в Донском монастыре г. Москвы 11-13 мая 1927 г., ко всем верным чадам Святой Православной Церкви.

Барнаул. Тип. изд-ва «Красный Алтай». [1927.]. 16°. 23, [1] стр. [Б. ц.]. 500 экз. Без титула и обложки.

291 (=94.23) (074)

325. Гос. **Иркутский областной музей.**

Шаманство. (Буряты и монголы).

[Иркутск]. Тип. изд-ва «Власть Труда». [1927]. 16°. 4 стр. (Государственный Иркутский областной музей. Серия кратких путеводителей. Под ред. проф. Б. Э. Петри. № 4). 3 коп. 1000 экз.

Без титула и обложки. В конце текста: хранитель монголо-бурятского отд. П. Полтораднев.

294.32 (=94.23) (074)

326. Гос. **Иркутский областной музей.**

Ламаизм.

[Иркутск]. Тип. изд-ва «Власть Труда». [1927]. 16°. 4 стр. (Государственный Иркутский областной музей. Серия кратких путеводителей. Под редакцией проф. Б. Э. Петри. № 8). 3 коп. 1000 экз.

Без титула и обложки. В конце текста: хранитель монголо-бурятского отдела П. Полтораднев.

III. Философия. Психология.

136.8 : 34

327. Беляев, М. Ф.

Социально-правовое поведение детей и взрослых. (Анкетный и экспериментальный материал к вопросу об учете развития социально правовой сферы).

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 78 стр. 1 руб. 150 экз.

(Отдельный оттиск из вып. XII «Сборника трудов. государ. Иркутского универ-та», стр. 141-216).

IV. Обществоведение. Социология.

308 (57.1-22)

328. Правда о нашей деревне. Книга составлена 28 крестьянами дер. Покровка, Ирбейского района, Канского округа. Обработана крестьянином-выдвиженцем той же деревни Г. Дорониным.

Новосибирск. Изд. Сибкрайиздата. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 47 стр. с иллюстр. 30 коп. 4000 экз.

Обложка в 2 краски, раб. А. Никулина. На обложке подзаголовок: «Книга крестьян дер. Покровки».

V. Статистика.

31 (57)

329. Сибирский край. Статистический отдел.

Календарь и записная книжка добровольного корреспондента и райстатистики на 1928 год.

[Новосибирск]. тип. «Совсибирь». [1927]. 16°. 143 стр. (СССР. ЦСУ. Сибирский краевой статистический отдел). [Б. ц.]. 5000 экз.

31 : 338.96 (57.2)

330. Соколов, М. П. и Самохин, А. Т.

Сельские кустари Восточно-Сибирских округов. (По обследованию 1925 года).

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 106, [1], 14 стр. приложений. (Иркутский окружной статистический отдел). 1 руб. 50 коп. 500 экз.

31 : 63 (57)

331. Сибирский край. Статистический отдел. Подотдел текущей с. х. статистики.

Всем райисполкомам и сельсоветам Сибирского Края. Инструкционные указания по ведению похозяйственных списков.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927. 8°. 6 стр. (РСФСР. Сибирский краевой статистический отдел. П/отдел текущей с. х. статистики). [Б. ц.). 16 000 экз.

31 : 68 (57)

332. Сибирский край. Статистический отдел.

Организационный план выборочного обследования мелкой (нецензовой) и кустарно-ремесленной промышленности Сибири в 1927 году.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927. 8°. 14 стр. (Сибирский Краевой статистический отдел). [Б. ц.]. 200 экз.

31.338.5 (57)

333. Сибирский край. Статистический отдел. Подотдел торговой статистики.

Краткое руководство районному статистику по собиранию и представлению сведений о ценах.

[Новосибирск]. Тип. «Совсибирь». 1927. 8°. 7 стр. (ЦСУ. Сибкрайстатотдел п/отд. Тор. Стат.). [Б. ц.]. 500 экз

312 (57.22)

334. Иркутский округ. Окружная плановая комиссия.

Список населенных мест Иркутского округа Сибирского края (по материалам переписи 1926 года).

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. [4], 139 стр. (Иркутская окружная плановая комиссия). 2 руб. 1200 экз.

312 (57.22)

335. Список населенных мест Киренского округа. По материалам переписи 1926 года.

Киренск. Изд. Киренск. Окрисполкома. Киренская тип. 1927. 4°. 24 стр. [Б. ц.]. 300 экз.

VI. Политика. Советское строительство. Партийная литература.

323 : 33

336. Вершинин, В. В.

Борьба за экономию в условиях капитализма.

Иркутск. Изд. Иркутского университета. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 42 стр. 50 коп. 150 экз.

[Отдельный оттиск из тома XIII Сборника трудов Иркут. госуд. университета. Стр. 517-556].

323.2 (51)

337. Бухарин, Н.

О китайской революции. Статья Н. Бухарина и постановление ИККИ.

Иркутск. Изд. АПО Ирк. окружкома ВКП(б). Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 16°. 29 стр., ц. 10 коп. 2000 экз.

324 (47)

338. РСФСР. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет.

Инструкция о выборах в городские и сельские советы и о составе с'ездов советов.

[Киренск]. Изд. Киренского окрисполкома. Киренская тип. 1927. 16°. 28 стр. [Б. ц.] 100 экз.

Без тит. листа. Описано с обложки.

В конце текста подписи: Председ. ВЦИК М. Калинин, секретарь ВЦИК А. Киселев.

329.14

339. К вопросам дня. Основные факты и цифры против оппозиции.

Красноярск. Изд. окружкома ВКП. 1927. 8°. 31 стр. [Б. ц.]. 2000 экз.

329.14 : 309 (—22)

340. Леший, Н.

Памятка едущему в деревню. Составил Н. Леший.

Новосибирск. Изд. АПО Новосиб. окружкома ВКП(б). Тип. «Просвещение». 1927. 16°. 64 стр., из них 6 «для заметок». 15 коп. 2000 экз.

329.14

341. Молотов, В.

О партийных задачах.

Иркутск. Изд. Агитпропа Окружкома ВКП(б). Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 16°. 16 стр. 10 коп. 2000 экз.

329.14

342. Сырцов, С. и Кентман, Н.

Партия, оппозиция и комсомол. Из докладов т.т. С. Сырцова и Кентмана на пленуме Сибкрайкома ВЛКСМ 13 октября 1927 г.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1928 г. 16°. 46, [1] стр. (Для комсомольского актива). 20 коп. 3000 экз.

329.13 (—22)

343. За Ленинскую линию в деревенской политике. (Сборник материалов предс'ездовской дискуссии).

Иркутск. Изд. Иркутского Окружкома ВКП(б). Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 192 стр. 1 руб. 10 коп. 1000 экз.

329.14 : 331.3 (57.22)

344. ВЛКСМ*). Иркутская окружная организация.

Резолюции и решения 1-го Иркутского окружного с'езда ВЛКСМ. 30 дек. 1926 г.—4 янв. 1927 г.

Иркутск. Изд. окркома. Тип. изд-ва «Власть Труда». 32°. 77 стр. 5 к. 1000 экз.

329.14 (57)

345. ВКП(б). Сибирский краевой комитет.

Всем деревенским райкомам и ячейкам ВКП(б). Информационное письмо Сибкрайкома ВКП(б) о задачах работы сельячеек на лето.

[Новосибирск]. Тип. «Совсибирь». 1927 г. 8°. 7 стр. [Б. ц.]. 2650 экз.

В конце подпись: секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Кисис.

*) Для экономии места допущено в указаниях коллективных авторов два сокращения: Всесоюзный Ленинский Коммунистический Союз Молодежи—ВЛКСМ и Всесоюзная Коммунистическая Партия—ВКП(б).

329.14 (57)

346. ВКП(б). Сибирский краевой комитет.

Резолюции пленума Сибкрайкома ВКП(б). (11-14 октября 1927 г.).

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927. 16°. 26 стр. (Всесоюзная коммунистическая партия). [Б. ц.]. 500 экз.

329.14 (57)

347. ВКП(б). Сибирская краевая организация. Краевая конференция 3-я.

Резолюции 3-й Сибирской Краевой Партийной Конференции ВКП(б).

Томск. Изд-во «Красное Знамя» и тип. 1927. 8°. 14 стр. 10 коп. 500 экз.

348. Гендон, А. 329.14 (57)

Регулирование роста партии и Сибирской Краевой Парторганизации. (Материалы для докладов, работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Тип. «Советская Сибирь». 1927. 8°. 16 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.

329.14 (57)

349. Гусев, М.

Положение и роль бедноты в сибирской деревне и работы Сибпарторганизации с беднотой. (Материалы для докладов, работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Тип. «Советская Сибирь». 1927. 8° 22, [2] стр. [Б. ц.]. 2500 экз.

329.14 (57)

350. Козьмин, И.

Оппозиция в Сибири. (Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП. Тип. «Советская Сибирь». 1927. 8° 20 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.

329.14 (57.12)

351. ВКП(б). Томский окружной комитет.

Всем райкомам и ячейкам ВКП(б) Томской организации.

Томск. Тип. изд-ва «Красное Знамя». [1927]. 16°. 15 стр. [Б. ц.]. 425 экз.

В конце предисловия: секретарь окружкома Тимофеев и зав. отделом по работе среди работниц и крестьянок Волкова.

329.14 (57.12)

352. ВКП(б). Томский окружной комитет.

Организационный отчет Томского окружного комитета ВКП(б) (Март 27 г.—ноябрь 27 г.). К III-й окружной партийной конференции.

[Томск]. Изд. Окружкома ВКП(б). Тип. «Красное Знамя». 1927. 8°. 24 стр. Бесплатно. 600 экз.

Без тит. листа, описано по обложке.

329.14 (57.12)

353. ВКП(б). Томская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции третьей Томской окружной партийной конференции.

Томск. Тип. изд-ва «Красное Знамя». 1927. 8°. 20 стр. [Б. ц.]. 800 экз.

329.14 (57.13)

354. Кузнецов, В. И.

Итоги работ Барнаульского Окружного Комитета ВКП(б). Доклад на 3-й Окружной Конференции ВКП(б).

Барнаул. Изд. Окружного Комит. ВКП(б). Тип. изд-ва «Красный Алтай». 1927. 16°. 39 стр. [Б. ц.]. 1000 экз.

329.14 (57.13)

355. ВКП(б). Бийский окружной комитет.

Резолюции III-го пленума Бийского окружкома ВКП(б). 19-23 сентября 1927 г.

Бийск. Гостип. ОМХ'а. 1927. 16°. 26 стр. (Всесоюзная коммунистическая партия (б-в). [Б. ц.]. 350 экз.

329.14. (57.13)

356. ВКП(б). Бийская окружная организация. Окружная конференция 3-я.

Резолюции 3-й окружной конференции Бийской организации ВКП(б). (20—24 ноября 1927 г.).

Бийск. Гостипография ОМХ'а. 1927. 16°. 46 стр. (Всесоюзная коммунистическая партия (больш.). [Б. ц.]. 500 экз.

329.14 (57.14)

357. ВКП(б). Новосибирская окружная организация.

Отчеты Новосибирского Окружкома и Новосиб. ОкрКК ВКП(б). (Октябрь 1926—ноябрь 1927 г.). К III Окрпартконференции.

[Новосибирск]. Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 8°. 136 стр., [2] «содержание», [6] «для заметок». Бесплатно. 3000 экз.

329.14 (57.14)

358. ВКП(б). Новосибирский окружной комитет.

Отчет окружкома ВКП(б). Доклад тов. Клокова на 3-й окружной Новосибирской партконференции. Заключительное слово и резолюция по докладу.

Новосибирск. Изд. Окружкома ВКП(б). Тип. «Совсибирь». 1927. 16°. 64 стр. [Б. ц.]. 8000 экз.

329.14 (57.14)

359. ВКП(б). Новосибирский окружной комитет.

Материалы к 3-й окружной партконференции. (Сборник статистических таблиц).

Новосибирск. Тип. ПП. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 1927. 8°. 31 стр (Новосибирский Окружком ВКП(б). [Б. ц.]. 750 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

329.14 (57.14)

360. ВКП(б). Новосибирская окружная организация. Окружная конференция 3-я.

3-я партийная конференция Новосибирского округа 20—26 ноября 1927 г. Резолюции и постановления.

Новосибирск. Изд. Окружкома ВКП(б). Тип. «Совсибирь». 1927. 16°. 48 стр. [Б. ц.]. 1500 экз.

329.14 (57.14)

361. ВКП(б). Каменская окружная организация. Окружная конференция 3-я.

Решения III Каменской окружной конференции ВКП(б). 18—22 ноября 1927 г.

Камень. Изд. Камен. Окружн, Комитета ВКП(б). Тип. газ. «Наша Деревня». 1927. 16°. 59, [1] стр. [Б. ц.). 1000 экз.

329.14 (57.15)

362. ВКП. Ойратская областная организация.

Резолюции V областной партийной конференции.

[Б. м.]. Изд. Ойратского обкома ВКП. Тип. издательско-типогр. об'единения «Ойратский Край». [Б. г.]. 8°. 55 стр. [Б. ц.]. 340 экз.

329.14 (57.21)

363. ВКП. Канская окружная организация. Конференция 3-я.

Резолюции 3-й Канской Окружной Конференции ВКП(б). 16—21 ноября 1927 г. г. Канск.

Канск. Изд. Канского Окружкома ВКП. 32°. 101 стр. [Б. ц.]. 500 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

329.14 (57.16)

364. ВКП(б). Омская окружная организация. Конференция 3-я.

Решения III Омской Окружной конференции ВКП(б).

Омск. Изд. Омокружкома ВКП(б). Тип.-лит. «Омгосполиграф». 1927. 8°. 18 стр. Бесплатно. 3000 экз.

329.14 (57.16)

365. ВКП. Тарский окружной комитет.

Резолюции 3-го пленума Тарского окружкома ВКП(б) 2-го созыва Окрпартконференции. 15/IX—17/IX—1927 год.

Тара. Тип. ОМХ'а. 1927. 16°. 8, [1] стр. (Всесоюзная коммунистическая партия (б).) [Б. ц.]. 180 экз.

VII. Труд и профессиональное движение.

331.1 : 63 (57.13)

366. Профессиональный союз сельско-хозяйственных и лесных рабочих С. С. С. Р. Барнаульский окружной отдел.

Коллективный договор Отдела Землеустройства Барнаульского Окружного Земельного Управления на 1927 г.

[Б. м. Б. г.]. 16°. 26 стр. (Профессиональный союз сельско-хозяйственных и лесных рабочих С. С. С. Р.).
Типография и тираж не указаны. Без тит. листа и обл.

331.1 : 63 (57.13)

367. Профессиональный союз сельско-хозяйственных и лесных рабочих. Бийское окружное отделение.

Коллективный договор сотрудников отдела землеустройства Бийского окружного земельного управления.

Бийск. Тип. изд-ва «Звезда Алтая». [1927]. 32°. 28 стр. [Б. ц.].

331.2:656.6 (57.22)

368. Профессиональный союз рабочих водного транспорта С. С. С. Р. Ленский районный комитет.

Тарифное соглашение Всесоюзного Профессионального Союза Рабочих Водного Транспорта и Пароходства Акционерного Общества «Лена Гольдфильдс Лимитед».

Киренск. Изд. Комиссии «Лена Гольдфильдс Лимитед», Киренская тип. 1927. 16°. 10 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

331.7:63 (57)

269. Комаров, В.

Наемный труд в Сибирской деревне. (Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Тип. «Советская Сибирь». 1927. 8°. 12 стр. 2500 экз. [Б. ц.]. Без тит. листа.
Библиография: «Литература» к каждому докладу.

331.88

370. Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов.

В помощь низовому профработнику. (Информационно-директивное письмо ВЦСПС № 8).

[Новосибирск]. Тип. «Просвещение». 1927. 16°. 88 стр. Бесплатно. 3500 экз.
«Профессиональное движение»—подписчикам.

331.88:35 (57)

371. Профессиональный союз советских и торговых служащих СССР. Сибирское краевое правление. 4-й пленум 2 созыва.

Решение 4-го пленума Сибирского Краевого Правления 2-го созыва. 28—30 октября 1927 года.

Новосибирск. Тип. ПП. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 1927. 16°. 17 стр. (Профессиональный союз советских и торговых служащих СССР). 1500 экз.
Без тит. листа.

331.88:622 (57) (09)

372. Шемелев, В. И.

Горняки Сибири до революции. Труд и борьба горнорабочих Сибири до 1917 г. Подготовка к печати Г. А. Кузбасов.

Новосибирск. Изд. Сибирского краевого комитета союза горнорабочих СССР. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 31, [1] стр. 15 коп. 3500 экз.
На обложке: Горняки Сибири до революции. Приложение к сборнику «Горняки Сибири в революции».

331.88 (47)

373. Всесоюзный с'езд профессиональных союзов, VII-й, 6—18 декабря 1926 года. Резолюции и доклад о работе с'езда Л. И. Гинзбурга.

Новосибирск. Изд. Сибирского Краевого Совета професс. союзов. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 16° XXXVII, 138 стр. 45 коп. 5000 экз.
Описано по обложке.

331.88 (57)

374. Сибирский Краевой Совет Профессиональных Союзов.

Отчет Сибирского Краевого Совета Профессиональных Союзов 2-му краевому с'езду.

Новосибирск. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 38 стр. Беспл. 1500 экз.
На обложке: «Основные показатели работы профсоюзов Сибири. (Ноябрь 1925 г.—май 1927 г.)».

331.88 (57.16)

375. Тарский окружной с'езд профсоюзов, 3-й.

Решения III-го Тарского окружного с'езда профсоюзов от 27—31 декабря 1927 года.

Тара. Тип. «Сов. Деревня». [Б. г.]. 8°. 20 стр. 15 коп. 250 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

331.88 (57.21)

376. Канский окружной совет профессиональных союзов. Пленум III-й.

Резолюции III пленума Канского окружного совета профессиональных союзов. 8—10 октября 1927 года.

Канск. Тип. ООМХ. [1927]. 16°. 14 стр. [Б. ц.]. 100 экз.
Без тит. листа. Описано с обложки.

VIII. Экономика. Финансы. Промышленность. Торговля. Кооперация.

332.2

377. Двухнедельник сбережений.

Новосибирск. Изд. Сибкрайсберкассы. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю имени Дзержинского. 1927. 16°. 16 стр. [Б. ц.]. 5000 экз.
В надзаголовке лозунг: «Двухнедельник сбережений—это призыв к разумной трате и бережливости трудовых копеек».

333.5 (57.21)

378. Ачинский округ. Земельное управление. Отдел землеустройства.

Руководящее указание по регистрации земельных об-ств.

Ачинск. Тип ОМК'а. 1927. 8°. 16 стр. (Ачинское окружное земельное управление. Отдел землеустройства). [Б. ц.]. 350 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

334.63 (57.16)

379. Омский союз сельско-хоз. и кредит. кооперативов. Собрание уполномоченных, 6-е.

Резолюции, принятые 6-м Собранием Уполномоченных Омского Селькредсоюза 15 – 20 января 1927 г. и 2-м С'ездом Колхозов Омского Округа, состоявшимся 23—26 декабря 1926 г.

[Омск]. Тип. Омпотребсоюза [1927]. 16°. 46 стр. [Б. ц.], 700 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

334.2:63 (57)

380. Сибирское общество сельско-хозяйственного кредита.

Сборник циркуляров, правил и инструкций по ссудным операциям.

Новосибирск. Изд. Сиб. о-ва с.-х. кредита. Тип. «Совсибирь». 1927. 8°. 92, III стр. (Сибирское общество сел.-хоз. кредита «Сибкрайсельбанк»). 50 к. 1000 экз.

334.5 : 657

381. Бушуев, В. И.

Пособие для сельских обществ потребителей по счетоводству. Под редакцией инструкторского отдела Сибкрайсоюза.

Новосибирск. Изд. и тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 34 стр. 25 коп. 3740 экз.

334.5 (57)

382. Сибирский краевой союз кооперативов.

Инструкция по калькуляции товаров и заготовок.

Новосибирск. Изд. «Сибкрайсоюза». Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 35. [1] стр. 20 коп. 4500 экз.

Без тит. листа, описано с оболжки

334.5 (57.16—22)

383. Омский союз потребительских обществ.

Положение о кооперировании бедноты и батрачества по системе Омпотребсоюза.

Омск. Изд. и тип. Омпотребсоюза. 1927. 16°. 32 стр. 1000 экз.

Предисловие подписано: председатель правления Бакиновский.

334.5 (57.21)

384. Чекменев, Д. А.

Канская потребкооперация к 10-й Октябрьской годовщине.

[Канск]. Издание окр. крестьянской газеты «Труд Пахаря». Тип. ООМХ. [1927]. 16°. 31 стр. (Библиотечка Канского крестьянина под общей редакцией окружной комиссии по проведению празднеств 10-ти летия Октябрьской революции. Приложение к газете «Труд Пахаря». Книжка шестая). [Б. ц.]. 4000 экз.

334.6 : 63 (57)

385. Сибирский союз союзов сельско-хоз. кооперативов. Краевая секция колхозов.

К перевыборной кампании сельско-хозяйственных коллективов Сибирского края.

Новосибирск. Книгосоюз. Тип. СибВО. 1927. 16° 40 стр. (Краевая секция колхозов при Сибирском союзе союзов сел.-хоз. кооперативов). [Б. ц.].

Тираж не указан.

334.6 : 637.1

386. Любимов, Н.

Как улучшить работу молочной кооперации.

Новосибирск. Изд. «В помощь земледельцу». Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 16°. 36 стр. с рис в тексте. (Что надо знать сибирскому крестьянину). 15 коп. 6000 экз.

334.6:637.1 (57.16)

387. Барабинский окружной союз кооперативов молочного хозяйства. Собрание уполномоченных организационное.

Материалы работ организационного собрания уполномоченных Барабинского окружного союза кооперативов молочного хозяйства. 15—18 ноября 1927 года.

Каинск. Тип. изд-ва «Совет крестьянину». 1927. 8°. 46 стр. [Б. ц.]. 600 экз.

334.6 : 637.2 (57.16)

388. Тарский союз молочных кооперативов. Совет, 2-я сессия.

Протокол заседания II сессии совета Тарского Маслосоюза 25—27 июля 1927 года.

[Тара]. Тип. ОМХ-а. [1927]. 8°. 10 стр. [Б. ц.]. 220 экз.

334.6:637.2 (57.16)

389. Петропавловский районный союз маслодельных артелей. Собрание уполномоченных, 3-е. 1927.

Протокол 3-го собрания Уполномоченных Петропавловского Районного Союза Маслодельных Артелей, 24—27 марта 1927 года.

Омск. Тип. Омсоюза. 1927. 8°. 73 стр. 200 экз.

Без тит. листа, описано по обложке.

334.6:639.1 (57)

390. Сибирский краевой союз охотников. Организац. отдел.

Инструкция товариществам системы Сибкрайохотсоюза по ведению отчетности и счетоводства.

Новосибирск. Изд. Сибкрайохотсоюза. Тип. „Совсибирь". 1927. 16 37 стр. [Б. ц.]. 300 экз.

Предисловие подписано: Орготдел Сибкрайохотсоюза.

334.6:68 (57.14)

391. „Кустарьсоюз".—Новосибирский союз промысловой кооперации.

Устав Новосибирского союза промысловой кооперации «Кустарьсоюз»., Новосибирск. Типо-литогр. „Просвещение". 1927. 16°. 24 стр. [Б. ц.]. 300 экз.

336.21 (57.22)

392. Щербаков, К. Ф.

Единый с. х. налог 1927/28 г. в Иркутском округе и наши задачи.

Иркутск. Изд. Иркут. окружного финансового отдела, тип. „Власть Труда". 1927. 16° 36 стр. 10 коп. 3000 экз.

На обл.: „Сельхозналог в Иркутском округе и наши задачи".

336.28 (57.21

393. Канский округ. Исполнительный комитет советов.

Местные налоги и сборы. Постановление Канского Окружного Исполнительного Комитета Совета Раб., Кр. и Красн. Депутатов.

[Канск]. Изд. окружной крестьянской газеты „Труд Пахаря". Тип. ОМХ. [1927]. 16°. (Библиотечка Канского крестьянина. Приложение к газете „Труд Пахаря". Книжка третья). [Б. ц.]. 4000 экз.

Без тит. листа.

336.28 (57.22)

394. Черных, А. В., доцент Иркутского Гос. Унив.

Местные низовые бюджеты (Иркутский округ).

Иркутск. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 74 стр. [Отд. оттиск из вып. XIII. «Сборник трудов Иркутского ун-та» стр. 3-74]. 1 руб. 50 коп. 150 экз.

338:639.1 (57.31)

395. Тимофеев-Терешкин, М. Н.

Очерки пушного дела в Якутии. Издано на средства Якутторга.

Иркутск. Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 8°. 51 стр. Цена 50 коп. 700 экз.

338 (57)

396. Ветров, В.

Состояние Сибирской промышленности и ее перспективы. (Материалы для докладов, работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Тип. „Советская Сибирь". 1927. 8°. 13, [2] стр. „для памяти". [Б. ц.]. 2500 экз.

338 (57.12)

397. Томский округ. Исполнительный комитет советов.

Контрольные цифры народного хозяйства Томского округа на 1927-28 год. Доклад 3-му пленуму Томского окрисполкома 24—27 сентября 1927 г.

Томск. Тип. изд-ва „Красное Знамя". 1927. 8°. 57 стр. (Томский окружной исполнительный комитет). 1 руб. 500 экз.

338 (57.16)

398. Барабинский округ. Плановая комиссия.

Народные цифры народного хозяйства Барабинского округа на 1927-28 г.

Каинск. Изд. Барабинского окрисполкома Сибкрая. Тип. изд-ва „Совет Крестьянину". 1927. 8°. 1 руб. 500 экз.

Предисловие подписано: председ. окрплана Г. Барышков.

338.63 (57.14)

399. Анфиловьев, А. С.

Опыт с. х. районирования Новосибирского округа (Основные выдержки).

[Новосибирск]. Изд. «В помощь земледельцу». Тип. Сибкрайсоюза. [1927]. 8°. 11 стр. Бесплатно. 50 экз.

[Отдельные оттиски из журнала „Земельный работник Сибири" № 11 за 1927 г.]. Без обложки и тит. листа.

338.92 : 63 (57)

400. Каврайский, В. и Нусинов, И.

Классовое расслоение сибирской деревни. Опыт анализа социально-экономических отношений в современной советской деревне. Предисловие С. Сырцова.

[Новосибирск]. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 98 стр., [1] вкл. лист. 70 коп. 3000 экз.

381 (57)

401. Злобин, А.

Государственный, кооперативный и частный капитал в товарообороте Сибирского Края. (Материалы для докладов, работа партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП(б). Тип. „Сов. Сибирь". 1927. 10°. 18 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.

386 (57.1)

402. Западно-Сибирское управление внутренних водных путей.

Брошюра с номенклатурными ценами на материалы и предметы инвентаря. На 1927-28 год.

Новосибирск. Тип. СибВО. 1927. 8°. 24 стр. (НКПС. Зап. Сибир. управл. внутренних водных путей). [Б. ц.]. 150 экз.

IX. Право. Администрация. Налоги. Местное управление. С'езды советов. Красная армия.

34

403. Тезисы к докладам об упрощении уголовного и гражданского процессов.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 1927. 8°. 15, [1] стр. (Материалы к 1-му сибирскому с'езду работников юстиции). [Б. ц.]. 300 экз.

340.63

404. Топорков, Н. Н., проф.

К распознаванию неясных случаев паталогического аффекта (Роль органов дознания и следствия).

Иркутск. Изд. Иркутского университета. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 14, [2] стр. 20 коп. 150 экз. [Отд. оттиск из тома XIII «Сборн. трудов Иркутск. госуд. университета». Стр. 405-418].

Резюме на франц. яз.

341.3 (57)

405. [Айзин, М. Л.]

Пять лет работы общества «Красного Креста» в Сибири. Под редакцией председателя Сибкомрокка М. И. Баранова. Составлено ответственным секретарем Сибкомрокка врачем М. Л. Айзин.

Новосибирск. Издание Сиб. ком. о-ва Красн. Креста РСФСР. Тип. „Советская Сибирь". 1927. 16°. 33 стр. [Б. ц.]. 3000 экз.

С 17 рис. в тексте.

342.8 : 329.14 (57.13)

406. ВКП (б). Ойротский областной комитет.

О перевыборах советов.

Улала. Изд. Ойротск. обл. ком-та ВКП (б). Тип. об'ед. „Ойратский Край". 1927. 8°. 14 стр.

Без обложки. Текст напечатан зеленой краской. В конце текста подпись: Секретарь Ойратского Обкома Папардэ.

345

407. Сперанский, Б. Д.

Закон и административное постановление, как источники судебных решений.

Иркутск. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 100 стр. 60 коп. 150 экз.

[Отдельный оттиск из вып. XIII. «Сборника трудов Иркутского гос. университета», стр. 157-254].

347.18

408. Народный комиссариат внутренних дел РСФСР. Административное управление.

Инструкция о введении и заполнении актовых книг и свидетельств по новым формам.

Томск. Тип.-лит. Томск. ж. д. 1927. 16°. 12 стр. 600 экз.

Без тит. листа. В конце текста подпись: НКВД Белобородов.

347.18

409. Сибирский край. Административный отдел.

Руководство по регистрации актов гражданского состояния. Разработано Сибкрайадмотделом.

Томск. Тип.-лит. Том. ж. д. 1927. 16°. 60 стр. (Н. К. В. Д. Окружной административный отдел Томского окрисполкома). [Б. ц.]. 600 экз.

347.921.3

410. Клейнман, А. Ф.

Участие третьих лиц в гражданском процессе.

Иркутск. Изд. Иркутского университета. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 43, [1] стр. 50 коп. 400 экз. (Отдельный оттиск из тома XIII. «Сборника трудов Иркутского госуд. университета». Стр. 293-334).

Резюме на немец. языке.

347.96 (57) (063)

411. Сибирский с'езд работников юстиции, 1-й.

Резолюции 1-го Сибирского С'езда Работников Юстиции по докладу Председателя Сибирского Краевого Суда об основных итогах работы Судорганов Сибирского Края и их очередных задач.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 1927. 8°. 31, [1] стр. [Б. ц.]. 300 экз.

Без тит. листа и обложки.

35 (09)

412. Карадже-Искров, Н. П.

Новейшая эволюция административного права.

Иркутск. Изд ское бюро Иркут. гос. ун-та. Тип. изд. „Власть Труда". 1927. 8°. 39 стр. 50 коп. 200 экз.

[Отдельный оттиск из вып. XIII «Сборника трудов Иркут. гос. университета». Стр. 255 291].

Резюме на франц. языке.

350.8 (57)

413. Сибирское краевое совещание административных работников, 1-е.

Резолюции 1-го краевого совещания административных работников Сибкрая (Совещание происходило 18—26 мая 1927 г.).

[Новосибирск]. Тип. „Совсибирь". [1927]. 8°. 26 стр. [Б. ц.]. 400 экз. Без тит. листа.

351.81

414. Народный комиссариат путей сообщения. Томская железная дорога.

Сборник действующих распоряжений о временных и сезонных рабочих и служащих.

Томск. Тип.-лит. Том. ж. д. 1927. 16°. 63. [1] стр. (Н. К. П. С. Томская железная дорога). 15 коп. 1560 экз.

351.82 : 334.5

415. Омский окружной союз сельско-хозяйственных и кредитных кооперативов. Организационно-инструкторский отдел.

Последние основные законы о сельско-хозяйственной кооперации. 1. Положение о кооперативном кредите. 2. О коллективных хозяйствах. 3. О мерах к укреплению и развитию сельско-хозяйственной кооперации.

Омск. Изд. «Омселькредсоюза». Тип. Омсоюза [1927]. 16°. 31 стр. 1000 экз. Без тит. листа. Предисловие является письмом орготдела.

351.82 : 67

416. Народный комиссариат внешней и внутренней торговли С.С.С.Р.

Постановление Народного Комиссариата Внешней и Внутренней Торговли СССР от 15 июля 1927 года о снижении цен на хлопчатобумажные изделия, тонко-суконные и камвольные ткани с приложением прейс-курантов ВТС и трестов тонко-суконной промышленности.

Иркутск. Изд. Ирсоюза. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 54 стр. В продажу не поступает (Только для потребительской кооперации). 200 экз.

351.85 (57.21)

417. Красноярский округ. Отдел народного образования.

Сборник распоряжений, сообщений и указаний Красноярского окротдела народного образования Февраль 1927.

Красноярск. Красн. гостиполит. 1927. 8°. 43 стр. [Б. ц.]. 610 экз. Без тит. листа. Описано по обложке.

352 (57)

418. Сибирское краевое совещание работников городских и поселковых советов Сибири, 1-е.

Решения 1-го Краевого Совещания работников городских и поселковых Советов Сибири (20—23 сентября 1927 года). Утверждены Президиумом Крайисполкома 19 октября 1927 года.

Новосибирск. Изд. Сибкрайисполкома. Тип. П. П. ОГПУ им. Дзержинского. 1972. 32°. 45, [1] стр. Бесплатно. 6000 экз.

352 (57)

419. Сибирское краевое совещание работников городских и поселковых советов, 1-ое.

Резолюция 1-го Сибирского Краевого Совещания работников городских и поселковых Советов.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю имени Дзержинского. [Б. г.]. 8°. 5 стр. [Б. ц.]. 700 экз.

Без тит. листа и обложки.

352 (57.12)

420. Томский городской совет рабочих и красноармейских депутатов.

Отчет о работе Томского городского совета рабочих и красноармейских депутатов. За время с 1-го января по 1 е июня 1927 года.

Томск. Тип. изд. «Красное Знамя». 1927. 8°. 60, IV стр. Бесп. 500 экз.

352 (57.12)

421. Томский городской совет рабочих и красноармейских депутатов.

Правила для занятий извозным промыслом в гор. Томске.

[Томск]. Тип. изд. «Красное Знамя». [1927]. 16°. 14 стр. [Б. ц.]. 200 экз.

352 (57.16)

422. Омский городской совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Отчет о работе Омского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов VIII созыва (февраль—июнь 1927 г.).

Омск. Изд. Омгорсовета. Тип.-лит. изд. «Рабочий Путь». 1927. 8°. 36 стр. 400 экз.

352—21

423. Рэщиков, И.

Оживление городских советов (Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

[Новосибирск]. Изд. Сибкрайкома ВКП б). Тип. «Совет. Сибирь». 1927. 8°. 19 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.

352—22:396 (57.16)

424. Тарский окружной с'езд работниц и крестьянок, 1-й.

Решения 1-го Тарского окружного с'езда работниц и крестьянок членов Сельсоветов и Райисполкомов.

Тара. Изд. Тарского Окрика. Тип. газ. «Советская Сибирь». 1927. 8°. 16, [1] стр. [Б. ц.]. 600 экз.

353 (57)

425. Сибирский край. Исполнительный комитет советов. Президиум.

Постановление Президиума Сибирского Краевого Исполнительного Комитета Советов 2 созыва. 27 октября 1927 г.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. [1927]. 8°. 24 стр. 1000 экз.

Без тит. листа и обложки.

353 (57)

426. Сибирский край. Исполнительный комитет советов. Президиум.

Постановление Президиума Сибирского Краевого Исполнительного Комитета Советов. 18 июня 1927 г.

Новосибирск. Тип. П. П. ОГПУ по Сибкраю им. Дзержинского. 1927. 8°. 8 стр. 700 экз.

Без тит. листа и обложки.

353 (57.21)

427. Ачинский округ. Исполнительный комитет советов.

Постановление III-го пленума Ачинского Окружного Исполнительного Комитета Советов 2-го созыва. 26—29 сентября 1927 года и Резолюции Ачинского Окружного С'езда работниц и крестьянок членов Советов 30 сентября—3 октября 1927 г.

Ачинск. Ачин. гостип. ОМХ'а. 1927. 8°. 24 стр. [Б. ц.]. 650 экз.

354.31

428. Центральный исполнительный комитет союза советских социалистических республик.

Манифест Центрального Исполнительного Комитета Союза Советских Социалистических Республик.

Барнаул. Гостипография изд. «Красный Алтай». 1927. 8°. 16 стр. [Б. ц.]. 1600 экз.

354.31 (47)

429. Всероссийский центральный исполнительный комитет и совет народных комиссаров.

Закон Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о расширении прав Риков и Сельсоветов. (Выписка из закона).

[Камень]. Тип. газ. «Наша Деревня». 1927. 16°. 32 стр. [Б. ц.] 400 экз.
Без тит. листа, опис. по обложке.

355

430. Общество друзей обороны и авиационно-химического строительства Р. С. Ф. С. Р.

Проект положения о[б] ячейке общества [«Осоавиахим»].

[Славгород]. Тип. Слависполкома. [Б. г.]. 16°. 12 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

355

431. Смоленский, Я., и Лебедев, И.

Красная армия и оборона страны (Материалы для докладов работы партактива и кружков текущей политики).

Новосибирск. Изд. Сибкрайкома ВКП (б). Тип. «Сов. Сибирь». 1927. 8°. 24 стр. [Б. ц.]. 2500 экз.
Без тит. листа.

355 (07)

432. Общество друзей обороны и авиационно-химического строительства РСФСР. Сибирский краевой комитет. Секция по военной подготовке трудящихся.

Программы и методический материал кружков военных знаний 1-й и 2-й ступени. Составлено секцией по военной подготовке трудящихся.

Новосибирск. Сибосоавиахим. Тип. СибВО. 1927. 16° 51 стр. (Сибирский краевой совет Осоавиахима). 10 коп. 10000 экз.

355 (57)

433. Сибирский краевой совет осоавиахим. Стрелковая секция.

Программы и методический материал для стрелковых кружков 1-й и 2-й ступени. Составлено стрелковой секцией Сибосоавиахима.

Новосибирск. Изд. Сибосоавиахима. Тип. СибВО. 1927. 32°. 155 стр. и вкл. лист (Сибирский краевой совет Осоавиахим). 15 коп. 10000 экз.

355.48 (57)

434. Войнов, Ник., и Лебедев, И.

Огненные годы. Красная армия в Сибири.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 63, [1] стр. «Что читать по гражданской войне в Сибири». 20 коп. 3000 экз.

358

435. [Гренцаль, инспектор артиллерии РККА].

Обязанности младшего командного состава артиллерии.

[Новосибирск]. Тип. СибВО. [1927]. 8°. 23 стр. 150 экз.
Без обложки и тит. листа.

368 (47)

436. Тезисы для докладов на собраниях и бесед в избах-читальнях о государственном страховании.

[Тара]. Изд. Тарской окрстрахконторы. Тип. ОМХ'а. 1927. 16°. 14 стр. (РСФСР росгосстрах). [Б. ц.]. 200 экз.

368.4 (57.12)

437. Народный комиссариат путей сообщения. Томская железная дорога.

Инструкция о порядке исчисления страховых взносов, учета таковых и производства расчетов Правления Томской ж. д. с Дорводстрахкассой. Сер. Б № 4/1.

Томск. Тип.-лит. Том. ж. д. 1927. 8°. 29 стр. (Н. К. П. С. Томская железная дорога). 20 коп. 700 экз.

X. Народное образование.

371 (57.12)

438. Томский округ. Отдел народного образования. Методическое бюро.

Руководящие материалы по работе в учреждениях народного образования. Выпуск десятый. Материалы по подготовке к работе в 1927-28 учебном году, принятые III Окр. Метод. Совещанием и вносимые для проработки на окружные курсы и осенние районные конференции работников просвещения.

Томск. Изд. Окроно. Тип. изд. «Красное Знамя». [1927] 8°. 203 стр. (Томский окружной отдел народного образования. Методическое бюро). 1 руб. 50 коп. 1200 экз.
Приложение: Библиограф. указатель методической литературы для учителя школ I и II ступени.

372.1

439. Сибирский край. Отдел народного образования. Методический совет.

Работа одного учителя с 3-мя группами. Допущено Краевым Методическим Советом для сельских школ 1 ступени Сибирского края. Составлен группой учителей Черепановского района, Новосибирского округа при участии представителей Новосибирского Окрметодбюро.

Новосибирск. Изд. Сибирск. краевого совета «Долой Неграмотность». Тип. «Просвещение». 1927 (22×35). (Сибирский краевой отдел народного образования). 70 к. 3000 экз.
Под ред. К. Никулина и А. Полякова.
На обложке после заглавия: «Примерный рабочий план. Схема организации занятий. Методическое письмо».

372.1 (57.13)

440. Барабинский округ. Отдел народного образования. Методическое бюро.

Сборник руководящих материалов для массовых школ округа на 1927-28 уч. год.

[Барнаул]. Изд. Барн. окружн. мет. бюро. Гостип. изд-ва «Красный Алтай». [1927]. 8°. 93,[1] стр. (Барнаульский окружной ОНО). 600 экз.

Предисловие подписано: Барнаульское окружное методическое бюро.

374 (57.16)

441. Тарский округ. Отдел народного образования. Политпросветительный комитет.

Материалы 2 окружного совещания райполитпросветорганизаторов и районных избачей с 27/IX по 1/X-1927 г.

[Тара]. Изд. Тарского Окроно, тип. ОМХ'а. 1927. 8°. 47 стр. (Тарский окружной политпросветительный комитет). [Б. ц.]. 450 экз.

374.6 (083)

442. Томская вечерняя школа взрослых повышенного типа.

Справочник для поступающих в школу в 1927-1928 учебном году.

[Томск]. Изд. Учкома школы. Тип.-лит. Томск. ж. д. 1927. 32°. 15 стр. (Томская вечерняя школа взрослых повышенного типа). 10 коп. 1000 экз.

378 (57.2)

443. Иркутский Государственный Университет.

Правила приема в Иркутский Государственный Университет.

[Иркутск]. Тип. изд-ва «Власть Труда». [1927]. 16°. 8 стр. [Б. ц.]. 1000 экз. Без обложки и тит. листа.

378 (57.22)

444. Иркутский Государственный Университет.

Сборник трудов Иркутского Государственного Университета. Том XIII. Факультет права и местного хозяйства.

Иркутск. Изд. Иркутск. университета. Тип. изд. «Власть Труда», 1927. 8° 556.36, [1] стр., [1] карта. 5 руб. 50 к. 490 экз.

Заглавие на русском, английском и немецком языках. Резюме статей на английском, французском и немецком языках.

Содержание: 1) Черных, А. В. Местные низовые бюджеты (Иркутск. окр.) (3-74). 2. Розенберг. С. Е. Меркантелизм и социально-философские основы физиократической системы (75-156). 3) Сперанский. Б. Д. Закон и административное постановление, как источники судебных решений (157-254). 4) Карадже-Искров, Н. П. Новейшая эволюция административного права (255-291). 5) Клейнман, М. Ф. Участие третьих лиц в гражданском процессе (293-334). 6) Петри. Б. Э., проф. Охотничьи угодья и расселение карагасс (335-364). 7. Ходукин, Я. Н. Тунгусы реки Коченги (365-391). 8 Гюнтер, Л. П. Краткий очерк состояния водоснабжения Черемховского угленосного участка (393-404). 9) Топорков. Н. Н., проф. К распознаванию неясных случаев патологического аффекта (405-418). 10) Маннс, Г. Ю. проф. Борьба с беспризорностью и преступностью несовершеннолетних и ее очередные задачи в Сибирском крае (419-450). 11. Черепахин, Б. Б., проф Ответственность грузополучателя по требованиям из договора железнодорожной перевозки (451-481) 12) Магульяно. Г. Г. Контрреволюционные преступления по действующему Уголовному Кодексу РСФСР (482-516 . 13) Вершинин, В. В. Борьба за экономию в условиях капитализма (517-556) Приложение. 14) Манассеин. В. С. Сибирь в Казанской периодической печати первой половины XIX столетия (Библиографический указатель). (1-36).

379 (57)

445. Сибирская краевая комиссия по введению всеобщего обучения.

К вопросу о всеобщем обучении в Сибирском Крае.

Новосибирск. Тип. «Просвещение». 1927. 8°. 80 стр. (Сибирская краевая комиссия по введ. всеобщего обучения). Бесплатно. 3000 экз.

На обложке: Второму Сибирскому Краевому с'езду Советов р., к. и к. депутатов.

XI. Языкознание. Изучение языка в школе.

43—8

446. Апсен, Ф. П., лектор.

Немецкий язык (Основной курс—пособие к лекциям). Лектора Ф. П. Апсен. Третье дополненное издание.

Томск. Изд. Студкооператива С. Т. И. Типо-лит. изд-ва «Красное Знамя». 1927. 8°. II, 99 стр. (Сибирский технологический институт им. Ф. Э. Дзержинского). 1 руб. 80 коп. 1500 экз.

491.71—81

447. Венгров, Н., и Осмоловский, Н.

Мы в школе. Букварь для школ Сибири. Научно-педагогической секцией ГУС'а и Главсоцвосом рекомендован для школ 1-й ступени. Издание седьмое переработанное.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 56 стр. 25 коп. 65000 экз. С рис. в тексте.

491.71—86 (57)

448. Жданов, В., Никулин, К., Поляков, А., Пушкарев, Г., Хохлов, Д.

Сибирская деревня. Рабочая книга для III группы школ I ступени Сибири. Одобрена Крайметодсоветом. Допущена научно-педагогической секцией Государственного Ученого Совета.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 272, с рисунк. в тексте, III стр., 1 вклад. карта. 1 руб. 60000 экз.

494.3:572 (57)

449. Иванов, П. Г., препод. Томского и Сиб. тюрко-татарск. педагогических техникумов.

Сибирские турки и их наречия. Из курса лекций, читанных в туземном краеведческом кружке при Томском Государственном Университете туземцам—студентам томских Вузов в 1925-26 акад. году.

Томск. Тип.-лит. Томской ж. д. 1927. 8°. 31,[1] стр. 75 коп. 300 экз.

XII. Медицина. Курорты.

61(07) (57.12)

450. Повторительные курсы для участковых врачей при медицинском факультете Томского государственного университета.

Учебный план на весенний семестр 1926-27 уч. год.

Томск. Тип. изд. «Красное Знамя». 1927. 16°. 10 стр. (Н. К. З. Повторительные курсы для участковых врачей при медицинском факультете Томского государственного университета). [Б. ц.]. 150 экз.

613 (02)

451. Лащенков, П. Н., проф. гос. Том. ун-та.

Руководство по экспериментальной гигиене. 4-ое (посмертное) исправленное и дополненное издание под редакцией д-ра В. И. Суздальского.

[Томск]. Изд. студенческой медицин. секции при Томском гос. ун-те. Тип.-лит. Томской ж. д. 1927. 80 [1], III, [1], VI, 245 стр. 3 руб. 2000 экз.

С портретом автора.

615.79 (57.21)

452. Курлов, М. Г., проф.

Курорт озеро Шира.

[Томск]. Тип. изд. «Красное Знамя». [1927]. 16°. 33 стр., [11] вкл. листов рис. (Народный комиссариат здравоохранения. Государственный физио-терапевтический институт в г. Томске). 50 коп. 2000 экз.

Библиография оз. Шира—203 названия.

616.89 : 575.1

453. Ципес, А., зав. нервно-психиатрической секцией Томского окрздрава.

Наследственность и возрождение при душевных заболеваниях.

Томск. Тип.-лит. Том. ж. д. 1927. 16°. 15 стр. 15 коп. 300 экз.

XIII. Точные науки. Естествознание.

5:61 (067) (57.12)

454. Общество естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете.

Протоколы заседаний Общества естествоиспытателей и врачей при Томском государственном университете. Отчет о деятельности О-ва за 1917-1926 годы.

Томск. Тип. изд „Красное знамя". 1927. 8°. 42 стр. Беспл. 500 экз.

51

455. [Аронтрихер, А.].

Метод Клифорда-Финстервальдера.

[Омск]. Тип.-лит. „Рабочий Путь". [1927]. 8°. 100 экз.

Без обложки и тит. листа, с 7 чертежами в тексте.

526

456. Кривцов, А. М.

Руководящие указания для определения элементов редукции и центрировки, вычисления поправок и введения этих последних в наблюденные направления.

Новосибирск. Изд. горного отдела Сибкрайсовнархоза. Тип. „Советская Сибирь". 1927. 8°. 10, [1] стр. чертежей. 80 коп. 300 экз.

526.99

457. Районное переселенческое управление Сибири.

Временная техническая инструкция по исполнению землемерных работ при заготовке колонизационного фонда переселенческими партиями Сибири.

Новосибирск. Изд. Районного переселенческого управления Сибири. Тип. „Просвещение". 1927. 16°. 45 стр. [Б. ц.]. 500 экз.

Издание является официальным и текст утвержден зав. РПУ Скороспешкиным.

621.317 (57.16)

472. Омская центральная электрическая станция.

Правила пользования электрической энергией, отпускаемой Омской центральной электрической станцией—Ц. Э. С.

[Омск]. Тип.-лит. изд. „Рабочий Путь". [1927]. 16°. 14 стр. [Б. ц.]. 10000 экз.
В конце текста подпись: Управление Омской центр электр. станцией.

625.13

473. Евдокимов-Рокотовский, М. И., проф.

Динамические явления в туннелях и в окружающих их грунтах.

Томск. Тип.-лит. из-ва „Красное Знамя". 1927. 8°. 32 стр. 1 р. 10 коп. 600 экз. 7 черт. в тексте.

628.1 (57.22)

474. Гюнтер Л.

Краткий очерк состояния водоснабжения Черемховского угленосного участка.

Иркутск. Изд. Иркут. унив-та. Тип. изд-ва „Власть Труда". 1927. 8°. 14 стр. [Отд. оттиск из т. XIII Сборника трудов Иркут. гос. универ-та, стр. 393—404]. 20 коп. 150 экз.

XV. Сельское хозяйство. Лесное хозяйство. Животноводство. Маслоделие. Садоводство.

63 (071) (57)

475. Кочергин, С. М.

Опытное исследование древесины сибирских лесных пород на пригодность тары под экспортное масло.

Омск. Изд. Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. Тип. «Рабочий Путь». 1927. 8°. ([145] 288) стр. (Труды Сибирского института сельского хозяйства и лесоводотва - Сиб. с.-х. академии—том VIII, вып. 5). [Б. ц.]. 1000 экз.
Без тит. листа, описано по обложке.

63 (57.1)

476. Федоровский, В. А.

Программа работ полеводственного отдела Западно-Сибирской областной с.-х. опытной станции.

Омск. Изд. Зап.-Сиб. обл. с.-х. Опытной Станции. Тип. Омпотребсоюза 1927. 8° 40 стр. (Н. К. З. Западно-Сибирская областная сельско-хозяйственная опытная станция). 40 коп. 500 экз.

631 (57)

477. Федоровский, В. А.

Обработка почвы и посев. 3-е издание.

Новосибирск. Изд. «В Помощь Земледельцу». Тип. И. Т. Д. 1927. 16°. (Что надо знать сибирскому крестьянину). 10 коп. 5000 экз.
Без тит. листа.

631.1 (072)

478. Винокуров, М. А.

Динамика поглощенных CA и MG в черноземе.

Омск. Изд. Зап.-Сиб. обл. с.-х. опытной станции. Тип. Омгосполиграф. 1927. 8°. 18 стр. (Зап. Сиб. областная сель.-хозяйств. опытная станция. Выпуск № 14). [Б. ц.]. 600 экз.
В конце текста список литературы—19 названий.

631.1 (072) (57.16)

479. Винокуров, М. А.

Морфологическое строение почв земельного участка семенного хозяйства «Элита».

Омск. Изд. Зап.-Сиб. обл. с.-х. опытн. станции. Тип. Омгосполиграф. 1927. 8°. 31 стр (Н.К.З. Западно-Сибирская областная сельско-хозяйственная опытная станция. Выпуск № 12). [Б. ц.]. 300 экз.

631.7

480. „Сибсельсклад" — Сибирское краевое акционерное общество торговли с.-х. инвентарем и товарами.

Инструкция по хранению товаров на складах.

Новосибирск. Тип. «Совсибирь». 1927. 16°. 6, [2] стр. «таблиц». (Сибирское краевое акц. о-во торговли с.-х. инвентарем и товарами «Сибсельсклад»). [Б. ц.] 300 экз.

Без тит. листа и обложки.

631.91 (57)

481. Осипов, И. И., сиб. краевой агроном.

Как ввести паротравополье. Пособие для земледельцев степных и лесостепных районов Сибири. Издание второе, дополненное.

Новосибирск. Изд. «В Помощь Земледельцу». 1927. 8°. 68 стр. 25 коп. 15000 экз. С рис. в тексте.

631.94 (57.1)

482. Терновский, М. Ф.

Яровая пшеница Западно-Сибирской области. Часть 1. Ботанико-географический очерк.

Омск. Изд. Зап.-Сибирской обл. сел.-хоз. опытной станции. Тип-лит. изд. «Рабочий Путь». 1927. 8°. 168 стр. [2] вкл. карты. (Н.К.З. Западно-Сибирская областная с.-х. опытная станция. Вып. № 13). [Б. ц.]. 625 экз.

Литература 106 назв. Заглавие на русском и англ. языках.

Резюме на английском языке.

632 (072) (57)

483. Сибирская краевая станция защиты растений от вредителей.

Известия Сибирской Краевой станции защиты растений от вредителей. № 2 (5). Июль 1927 г. Под редакцией Б. А. Пухова, Р. П. Бережкова и Н. М. Валова.

Томск. Тип. Томской ж. д. 1927. 8°. [1], 97 стр. (Сибкрайземуправление). Бесплатно. 1000 экз.

Содержание. Н. М. Валов. Итоги мероприятий по борьбе с массовыми вредителями в Сибири за 1924-26 г. г. и ближайшие перспективы. Г. М. Винокуров. Пять лет работы Иркутской станции защиты растений от вредителей (1922—1926 г.). Б. С. Виноградов и С. И. Оболенский. Материалы по фауне грызунов южной части Енисейской и Иркутской губерний и Забайкалья. Р. П. Бережков. Предварительный обзор вредных саранчевых (Acridodea) Западной Сибири. А. И. Масайтис. К изучению щелкунов в Сибири. А. И. Рейнов. К вопросу о степени повреждения яровых пшениц хлебной блохой (Phylotreta vittula Redtb). М. Д. Зверев. Заметки по биологии сибирских грызунов. Е. Г. Родд. Новый способ затравливания сусликовых нор—при помощи «помазков». Л. А. Луговиков. Опыт оценки противосусликовых работ в Кузнецком округе. Р. П. Бережков. Краткие указания по сбору саранчевых.

632.9 (072) (57.22)

484. Иркутская станция защиты растений от вредителей.

Известия Иркутской станции защиты растений от вредителей № 1.

Иркутск. Изд. Иркутского окружного земельного управления. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 92, [1] стр. Бесп. 600 экз.

Обложка на русском и английском языках.

Содержание: Винокуров, Г. М. Саранчевые и районы массового распространения их в Восточной Сибири. (3-52). Френкель, К. Л.—Подгрызающие гусеницы—вредители огородов в Иркутском округе (53-66). Винокуров, Г. М. Гусеница люцерновой или льняной совки (Chloridea Heliothis dipsacea L), вредитель зерна в колосьях. (67-80). Устьянцев, М. М. Опытно-исследовательские работы Иркутской Стазры в 1927 г. (81-83). Он же. Из итогов борьбы с вредителями с. х. в Иркутском округе (84 - 90). Герман, С. И. Борьба с вредителями с. х. в Тулуновском округе (91—92).

633 (57)

485. Мелешко, Н.

Донник. Предисловие Л. Сосновского. Редакция и вступительная статья директора Красноярской областной с.-х. станции В. Сабашникова.

Новосибирск. Изд. тип. «Сов. Сибирь». 1927. 10°. 63 стр. 40 к. 3000 экз.

Сод.: Сосновский Л. О сорной траве «донник» (5—15). Сабашников В. Донник для Сибири (16—25). Мелешко Н. Донник и его значение в с. х. (26—60). Приложение (61—63).

633.1 (57.21)

486. Сабашников, В. В. и Поволоцкая, Е. А.

Овсы Приенисейского края.

Красноярск. Изд. Приенисейской обл. с.-хоз. опытной станции. Гостипография. 1927. 8°. 39 стр., 20 вкл. таблиц. (Н. К. З. Приенисейская областная сел.-хоз. опытная станция. Выпуск 5). [Б. ц.]. 500 экз.

В работе имеется библиография — 55 названий—«Печатные труды опытных учреждений Приенисейского края».

633.3 (57.1)

487. Западно-Сибирская областная сельско-хозяйственная опытная станция. Отдел крестьян опытников.

Инструкция по закладке осенних опытов по полеводству.

Омск. Изд. Зап.-Сиб. с.-х. опытной станции. Типо-лит. «Рабочий Путь». 1927. 16°. 12 стр. (Западно-Сибирская областная с.-х. опытная станция. Отдел крестьян-опытников). [Б. ц.]. 1000 экз.

В конце текста подпись: Завотделом крестьян-опытников агроном Ребрин.

634.900.2 (57.21)

488. Ачинский округ. Земельное управление. Лесной отдел.

Инструкция о порядке отпуска леса беднейшему населению и на общественные надобности из государственных лесных дач Ачинского округа.

Ачинск. Ачгостипография. 1927. 16°. 27 стр. (Р. С. Ф. С. Р. Ачинское окружное земельное управление. Лесной отдел). [Б. ц.]. 500 экз.

636.04 : 636.2 (57)

489. Порываев,, А. М., агроном зоотехник.

Виновата ли сибирская корова в низких удоях.

Новосибирск. Изд. Сибмаслосоюза. Тип. СибВО. 1927. 10°. 56 стр. 32 коп. 4000 экз.

636.7

490. Белоусов, В.

Лайка и ее натаска. Предисловие Е. Н. Пермитина.

Новосибирск. Сибкрайохотсоюз. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 42 стр. 25 коп. 6000 экз.

На тит. листе—оглавление.

637.1 (072) (57.16)

491. Каинская испытательная лаборатория по молочному хозяйству.

Бюллетень Каинской Испытательной Лаборатории по молочному хозяйству. № 1.

Каинск. Тип. изд. «Сов. Кр-ну.». 1927. 8°. 17 стр. (Н. К. З. Сибирское краевое земельное управление). [Б. ц.]. 500 экз.

637.1

492. Маршев, П. М. Зав. Каинской испытательной лабораторией по молочному хозяйству.

О консервировании проб молока для определения жира.

[Каинск]. Изд. Барабинского окружного земельного управления. Тип. изд. «Сов. Кр-ну». 1927. 10°. 11, [3] стр. [Б. ц.]. 250 экз.

Заглавие на русском и немецком языках.

637.2

493. Муравьев, И. А.

Влияние поваренной соли на микроорганизмы, встречающиеся в маслоделии.

Омск. Изд. Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства. Тип. Омпотребсоюза. 1927 8°. [2], (104—143) стр. (Труды Сибирского института сельского хозяйства и лесоводства—Сиб. с.-х. академии. Том VIII. Вып. 4). [Б. ц.]. 800 экз.

637.2

494. Степаненко, И., агроном.

Плесневые грибки в масле и борьба с ними.

Новосибирск. Изд. «В Помощь Земледельцу». Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 16°. 15 стр. (Дешевая крестьянская книжка, выпуск 1-й). 3 коп. 600 экз. Без тит. листа.

XVI. Средства сношения. Счетоводство. Бухгалтерия.

656.22 (57.1)

495. Народный комиссариат путей сообщения. Томская железная дорога.

Расписание товарных и воинских поездов, введенное на зимний период 1927-1928 г. Приложение к книжке № 4. Часы обозначены по Московскому времени.

Томск. Типо-лит. Том. ж. д. 1927. 16°. 157 стр. (СССР. НКПС. Томская железная дорога). [Б. ц.]. 1600 экз.

656.22 (57.1)

496. Народный комиссариат путей сообщения. Томская железная дорога.

Правила содержания, ремонта и перехода вагонов с одной дороги на другую.

Томск. Типо-лит. Томской ж. д. 1927. 8°. III, 59 стр. (Народный Комиссариат путей сообщения. Центральное Управление железнодорожного транспорта. Томская железная дорога). [Б. ц.]. 200 экз.

656.237

497. Народный комиссариат путей сообщения. Центральный хозяйственно-материальный отдел.

Правила учета материалов и топлива и отчетности по ним на железных дорогах.

Томск. Типо-лит. Том. ж. д. 1927. 8°. 36 стр., [1] схема. (НКПС. Центральный хоз.-материальный отдел). [Б. ц.]. 560 экз.

657:634.9 (57)

498. Сибирский край. Земельное управление. Лесной отдел. Лесозаготовительный подотдел.

Инструкция по ведению счетоводства и отчетности в лесничествах на лесоскладах и лесозаводах. Часть 1-я.

Новосибирск. Изд. Сибкрайлесзага. Тип. «Просвещение». 1927. 8°. 48 стр. (Н. К. З. Лесозаготовительный подотделлесного отдела Сибирского краевого земельного управления «Сибкрайлесзаг»). Бесплатно. 350 экз.

657 (02):334.6

499. Ефимов, И. А. и Ивановский, Н. А.

Практическое руководство по счетоводству в маслодельных артелях.

Новосибирск. Изд. Сибмаслосоюза. 1927. 8°. 178, [2] стр. 1 руб. 3000 экз.

XVII. Искусство.

74:91 (07)

500. Требуховский, П. Ф.

Роль детского рисунка в школьном краеведении. 78 рис. в тексте.

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 82 стр. [1] вклад. рис. (Секция школьного краеведения Восточно-Сибирского отдела гос. русского географического Общества). 1 р. 25 к. 300 экз.

[Отд. оттиск из сборника «Иркутский край в школе». вып. 1, стр. 97—176].

Библиография: «Литература»—108 назв.

745 (=94.23)

501. Хороших, П. П.

Орнамент северных бурят. Вып. 2. Узоры на шитых работах.

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 9 стр. [22] стр. орнамент. (Бурят-Монгольская секция Восточно-Сибирского отдела госуд. русского географического Общества). 50 коп. 250 экз.

Отд. оттиск из «Бурятоведческого сборника» ВСОРГО, вып. 3—4. стр. 83—89.

792 (57.22) (09)

502. Тридцать лет Иркутского городского театра. 1897—1927.

Иркутск. Изд. юбилейной комиссии. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8° 96 стр., [12] листов фототипий. Цена 60 коп. 1500 экз.

С рис. в тексте и на отдельных листах.

Содержание.

От юбилейной комиссии. Вайнер, И. Вопросы искусства и революция (9—16). Субботовский, И. 30 лет Иркутского городского театра 1897—1927 г. Краткий очерк по архивным материалам (17—60). Шлуглейт, М. М. Актеру и рабочему сцены (61—74). Малаховский, В. К тридцатилетию Иркутского городского театра (75—89). Двойчацкий. Театр и массы (90—96).

XVIII. Литература художественная. История литературы.

891.7—1

503. Иркутские поэты. Сборник с вступительной статьей Б. И. Жеребцова.

Иркутск. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 16°. 62, [1] стр. (Историко-литературная секция Восточно-Сибирского Отдела гос. русского географического Общества). 40 коп. 500 экз.

На обложке: Иркутские поэты: А. Балин, В. Вихлянцев, Е. Жилкина, И. Молчанов, А. Мурыгин, В. Непомнящих. Л. Черноморцев.

891.7—1

504. Пиотровский, А.

Стихи.

Барнаул. Изд. В. М. Семенова. Гос. тип. «Кр. Алтай». 1927. 16°. 32 стр. 25 коп. 500 экз.

Предисловие—В. Трудового.

891.7—1

505. Супрунов, Александр. Пионер 1-го Троицкого отряда Б.-Реченского района.

Молодые размахи. Первые стихи.

[Бийск]. Изд. Бийского окружного совета ОДН. Гостип. ОМХ'а. 1927. 16°. 17, [1] стр. [Б. ц.]. 4000 экз.

С портретом автора и автобиографией.

891.709 (57)

506. Художественная литература в Сибири. Сборник статей и докладов.

Новосибирск. Сибирский союз писателей. Типография Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 133. [2] стр. Цена 1 р. 25 к. 2000 экз.

На обложке после заглавия—фамилии авторов: В. Вегман, Ис. Гольдберг. Вивиан Итин, А. Поспелов, Г. Пушкарев.

Содержание: Разрозненные страницы (7—8). Гольдберг, Ис. Сибирская литература дореволюционного времени (9—10). Зазубрин, В. Сибирская литература 1917—1926 г.г. (11—17). Платформа и устав Сибирского Союза писателей (18—24). Гольдберг, Ис. В иные дни (25—29). Зазубрин, В. Проза «Сибир. Огней» (30—57). Пушкарев, Гл. О литшубе и Л. Сейфуллиной (58—61). Итин, Вивиан. О поэтах (62—88). Пятилетие художественной литературы в Сибири (89—107). Вегман, В. «Сибирские Огни» (108—110). Поспелов, А. Наперекор стихиям (111—116). Указатели литературного материала: «Сибирские Огни», «Искусство», «Красные Зори», «Сибирь», по отдельным авторам. (117—135).

XIX. История. Археология.

9 (57) «17»

507. Бахрушин, С. В., проф.

Ясак в Сибири в XVIII веке.

Новосибирск. Сибкрайиздат. 8°. 35 стр. [Отдельный оттиск из журнала «Сибирские огни» № 3 за 1927 г.]. 20 к. 300 экз.

Без тит. листа. Описано по обложке.

9 : 323.2 (57)

508. Ансон, А., Гиршликович, А., Леший, Н., Пушкарев, Г.

Революционная Сибирь. Рассказы для чтения малограмотным. Составили: А. Ансон, А. Гиршликович, Н. Леший, Г. Пушкарев. Обложка и иллюстрации худ. Пакшина.

Новосибирск. Сиб. Совет ОДН. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 44. [1] с иллюстр. 20 к. 10.000 экз.

На обложке: «Что читать малограмотному».

9:323.2 (57)

509. Круссер, Г. В.

Колчаковщина.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 38, [1] стр. 20 коп. 3000 экз.

На обложке: 1928 (г.)

9:323.2 (57)

510. Пушкарев, Г. М.

Сибирская новь. Хрестоматия по истории революционного движения в Сибири за 10 лет. Составил Г. Пушкарев, под редакцией А. Ансон.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927. 8°. 253, II стр. с рисун. и картами. 1 р. 25 к. 10.000 экз.

902.6:571 (57)

511. Петри, Б. Э., проф.

Сибирский палеолит. Атлас. Рис. исполнены М. М. Герасимовым. (Вып. 1. Ангарский палеолит).

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. (22×15). 5 стр., XX отд. иллюстраций. (Студенческий научный кружок краеведения при Иркутск. гос. университете. Секция «Человек»). 2 р. 550 экз.

XX. География. Краеведение.

91 (062) (57.1)

512. Семенов, В. Ф.

Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сибирского отдела государственного русского географического общества. 1877 $\frac{12/VII}{30/VI}$ 1927.

Омск. Изд. Зап.-Сиб. отд. гос. рус. географ. о-ва. Типо-лит. «Омгосполиграф». 1927. 8°. 144 стр., [1] стр. «оглавление», [1] вклад. л. карт. [Б. ц.] 700 экз.

Обложка и табл. рис. напечатаны тип. Сиб. худож.-пром. техникума в Омске.

91 (=94.1)

513. Ходукин, Я. Н.

Тунгусы реки Коченги.

Иркутск. Изд. Ирк. гос. ун-та. Тип. «Власть Труда». 1927. 8°. 28, [1] стр. 40 к. 150 экз.

[Отд. оттиск из тома XIII Сборника трудов Иркут. гос. университета. Стр. 365—391].

Резюме на французском языке.

91 (=94.3):308

514. Петри, Б. Э., проф.

Охотничьи угодья и расселение карагасс.

Иркутск. Изд. Иркут. унив. Тип. изд. «Власть Труда». 1927. 8°. 32 стр. и карта. 65 коп. 400 экз.

[Отдельный оттиск из тома XIII Сборника трудов Иркут. гос. университета. Стр. 335—364].

Резюме на немецком языке.

91 (57)

515. Омское общество краеведения. Культурно-историческая секция. Из прошлого Сибири.

Омск. Изд. Омского об-ва краеведения. Типолит. «Омгосполиграф». 1927 г. 8°. 95, III. стр. (Омское общество краеведения. Культурно-историческая секция). [Б. ц.]. 1000 экз.

Содержание: Ф. Г. Виноградов Рабочая печать в Сибири. Исторический очерк.—С. А. Козлова. Труд и охрана труда в Сибири при Колчаке (по неизданным материалам Омского архивного бюро)

91 (57.1)

516. Гос. русское географическое общество. Западно-Сибирский отдел.

Записки Западно-Сибирского Отдела Государственного русского географического общества. Т. XXXIX юбилейный. 1877—1927 г.

Омск. Изд. Зап.-Сиб. отдела р. географ. о-ва. Типо-лит. Омгосполиграф. 1927. 8° 144, [1], 359, [1], 160 [1] стр., [3] карты, 12 таблиц на отдельных листах. [Б. ц.]. 300 экз.

Содержание: В. Ф. Семенов. Очерк пятидесятилетней деятельности Западно-Сиб. Отдела Госуд. Русского Геогр. О-ва.—К. П. Горшенин. Почвы черноземной полосы Западной Сибири.—В. И. Баранов. Растительность черноземной полосы Западной Сибири.

91 (57.12) (06)

517. Общество изучения Томского края.

Труды Общества изучения Томского края. Вып. 1—1927 г. С 2-мя картами и 1 табл. чертежей. Под редакцией проф. В. В. Ревердатто, М. А. Слободского и Б. П. Юхневич.

Томск. Тип. изд-ва «Красное Знамя». 1927. 8°. 104 стр. [3] вкл. листа. (Общество изучения Томского края). 1 р. 50 к. 300 экз.

Содержание: Проф. В. В. Ревердатто. Краткий очерк почв и растительности Томского округа и прилегающих районов.—Проф. М. К. Коровин. Очерк геологического строения и полезных ископаемых Томского округа.—Проф. Г. Э. Иоганзен. Из жизни Томской природы.—Отчет Общества изучения Томского края за время с 17 февраля 1925 г. по 1 июня 1927 г. П. Г. Иванов. Томские татары.

91 (57.13) (04)

518. Верещагин, В. И.

Очерки Алтая.

Новосибирск. Сибкрайиздат. Тип. Сибкрайсоюза. 1927 г. 8°. 84 стр., [6] вкл. листов, фотогр. и карт. 1 р. 50 к. 2000 экз.
Приложен список «Главнейшей литературы по Алтаю».

91 (57.21)

519. [Яворский, А.].

К столбам. № 2.

Красноярск. Изд. отдела охраны природы Главнауки Наркомпроса. Красноярск. гостипография. 1927. 32°. 12, [1] стр. [15 коп.]. 1000 экз.

91 (57.22) (07)

520. Дягилев, В. Ф.

Краеведческий материал в преподавании географии и географические экскурсии в окрестностях Иркутска.

Иркутск. Изд. Секции школьного краеведения Вост.-Сиб. отдела рус. географического об-ва. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 80, [3] стр. с чертеж. и график 40 коп. 300 экз.

[Отд. оттиск из сборника «Иркутский край в школе», вып. 1, стр. 3—80]. Библиография: список литературы, рекомендуемой при проведении экскурсий—13 назв. и использованной литературы—25 назв.

91 (57.22) (07)

521. Гос. русское географическое общество. Восточно-Сибирский отдел. Секция школьного краеведения.

Иркутский край в школе. Сборник. Вып. 1. Под редакцией П. П. Багрянцева, В. А. Малаховского, С. Д. Осьмушина.

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 176, [1] стр. с рисунк. (Секция школьного краеведения Восточно-Сиб. Отдела гос. русского географического общества). 2 р. 50 к. 3000 экз.

На обложке перед заглавием: X-ой годовщине Октябрьской революции.

Библиография: в конце каждой статьи указана литература.

Содержание. Дягилев, В. Ф. Краеведческий материал в преподавании географии и географические экскурсии в окрестностях г. Иркутска.—Багрянцева-Курсанова, О. И. Школьная экскурсия на Иркутский Солеваренный завод. (Опыт методической проработки).—Требуховский, П. Ф. Роль детского рисунка в школьном краеведении.

398 (=94.23)

522. Требуховский, П. Ф.

Сур-харбан Балаганских бурят в прошлом и настоящем.

Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. 8°. 8 стр., [6] лист. рис. и фотогр (Бурято-Монгольская секция Восточно-Сибирского отдела гос. русского географического об-ва). 40 коп. 200 экз.

Отд. оттиск из «Бурятоведческого сборника» ВСОРГО, вып. 3—4, стр. 74—78.

398 (=94.23)

523. Флоренсов, В. Н.

Монголо-бурятская сказка о Мэргэн-Зорикто.

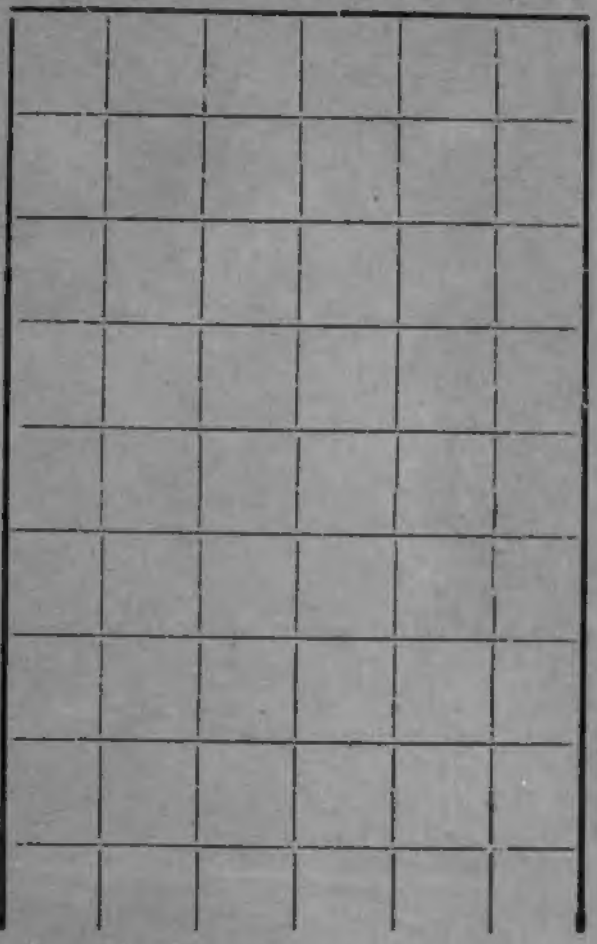
Иркутск. Тип. изд-ва «Власть Труда». 1927. [Отд. оттиск из вып. XII Сборника трудов Иркутского гос. унив-та. стр. 237—250]. 8°. 16 стр. 20 коп. 450 экз.

Текст на русском и бурятск. языках.

Зап.-Сибирская Краевая
Инв. № 39149
Научная библиотека

e.u.e.

Книгу вернуть в библиотеку не позже указанного здесь срока



Зак. № 1042*

Цена 1 руб. 50 к...